

Российская академия наук
Институт лингвистических исследований

С . А . МЫЗНИКОВ

ЛЕКСИКА
ФИННО-УГОРСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В РУССКИХ ГОВОРАХ
СЕВЕРО-ЗАПАДА

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И
ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Электронная версия

Бумажная версия вышла в Санкт-Петербурге в издательстве «Наука» в
2004 году тиражом 500 экз.

Пагинация версий совпадает. Шифры печатной версии:
УДК 811.161.1; ББК 81.2Рос-3;М-94;
ISBN 5-02-027142-X

© Сергей Алексеевич Мызников

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Стр. 8)

§ 1. Ареал исследования	9
§ 2. Материалы и источники. Полевые данные	11
§ 3. Словари и картотеки	13
§ 4. Цели и задачи работы	13
§ 5. Методы этимологического анализа	14
§ 6. Субстрат и заимствование	19
§ 7. Взаимодействие и взаимовлияние в области семантики	35

ГЛАВА 1. Лексика финно-угорского происхождения в русском языке (Стр. 40)

§ 1. История изучения. Основные этапы	40
§ 2. Лексика финно-угорского происхождения в памятниках письменности и русском литературном языке	50
§ 3. Лексика прибалтийско-финского происхождения в различных жанрах фольклора	58
§ 4. Прибалтийско-финская лексика в севернорусских сказках	60
§ 5. Лексика прибалтийско-финского происхождения в былинах	64

ГЛАВА 2. Тематические группы лексики
финно-угорского происхождения и их
лингвогеографическое обследование
(Стр. 76)

§ 1. Лингвогеографические исследования и репрезентация в них неисконной лексики - - - - -	76
§ 2. Наименования растений - - - - -	79
§ 3. Животный мир. Наименования птиц - - - - -	98
§ 4. Наименования рыб - - - - -	103
§ 5. Наименования земноводных, пресмыкающихся - - - -	113
§ 6. Наименования насекомых - - - - -	115
§ 7. Метеорологические явления - - - - -	116
§ 8. Человек. Анатомические названия - - - - -	134
§ 9. Наименования болезней - - - - -	139
§ 10. Традиционная народная духовная культура - - - - -	140
§ 11. Трудовая деятельность. Сельское хозяйство - - - -	147
§ 12. Полеводство, огородничество - - - - -	148
§ 13. Лексика подсечно-огневого земледелия - - - - -	163
§ 14. Лексика сенокосения - - - - -	174
§ 15. Лексика прядения, ткачества - - - - -	191
§ 16. Рыболовецкая лексика - - - - -	200
§ 17. Лексика охотничьего промысла - - - - -	225
§ 18. Материальная культура. Крестьянское жилище - - -	228
§ 19. Лексика питания - - - - -	235
§ 20. Водный транспорт - - - - -	241

ГЛАВА 3 .Неисконная лексика и дифференциация
русских говоров Северо-Запада
(Стр. 249)

§ 1. Ареал субстратного слова и проблема диалектного членения - - - - -	254
§ 2. Дифференциация субстратных ареалов - - - - -	256
§ 3. Говоры Новгородской области - - - - -	257
§ 4. Белозерские и бежецкие говоры - - - - -	264
§ 5. Говоры Обонежья - - - - -	269
§ 6. Говоры Беломорья - - - - -	279

§ 7. Говоры Каргополья	283
§ 8. Онежские говоры	287
§ 9. Гдовские говоры	290
§ 10. Говоры ярославско-костромского Поволжья	296
§ 11. Проблема соотношения субстратных апеллятивных и топонимических ареалов	301

ГЛАВА 4 .Субстратный языковой ландшафт
русских говоров Северо-Запада
(Стр. 304)

§ 1. Дифференциация и идентификация типов субстрата	304
§ 2. Общеприбалтийско-финский тип	305
§ 3. Вепсский тип	306
§ 4. Общекарельский тип	311
§ 5. Дифференцированные карельские типы	313
§ 6. Ливвиковский тип	313
§ 7. Карельский тверской тип	314
§ 8. Людиковский тип	314
§ 9. Водско-эстонский тип	315
§ 10. Саамские типы	316
§ 11. Коми тип	320
§ 12. Другие смешанные или инкорпорированные ареалы. Лексика скандинавского происхождения	324
§ 13. Балтизмы	327
§ 14. Трансформированные балтизмы	328
§ 15. Инкорпорированные тюркизмы. Разграничение тюрских и финно-угорских данных	333

ГЛАВА 5. Особенности фонетической субституции
и адаптации апеллятивной лексики
(Стр. 345)

§ 1. Рефлексы прибалтийско-финского консонантизма и их фонетическое освоение русскими говорами Северо-Запада	347
§ 2. Рефлексы прибалтийско-финского вокализма и их фонетическое освоение русскими говорами Северо-Запада	366
§ 3. Соответствие гласных конца слова	370

Заключение	- - - - -	372
Библиография	- - - - -	376
Обследованные населенные пункты	- - - - -	453
Список обследуемых районов в алфавитном порядке	- - -	459
Сокращения	- - - - -	463
Алфавитный индекс материалов	- - - - -	468

ОТ АВТОРА

В монографии получает развитие и продолжение концепция этимологических исследований лексики финно-угорского происхождения, основанная на лингвогеографических методах работы и ареальной верификации. Эта книга в той или иной мере суммирует сведения по анализируемой проблеме. В ряде случаев для анализа используются данные «Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» (СПб.: Наука, 2003), которые были значительно дополнены.

Автор сердечно благодарит А. Е. Аникина, А. П. Володина, Я. В. Калинову, О. Д. Кузнецову, И. И. Муллонен, С. Л. Чарекова, О. А. Черепанову, прочитавших работу в рукописи и давших ценные замечания.

Отдельная благодарность рецензентам Н. В. Поповой и Н. Л. Сухачёву.

Автор выражает благодарность и признательность коллегам по Словарному отделу ИЛИ РАН, которые конструктивной критикой, дружеским советом способствовали осмыслению некоторых узловых моментов в данной работе.

Книгу сверстал в ЛДГЕХ'е и составил карты И. Магин, дизайн таблицы на стр. 35 разработан В. Пономарёвой.

Отдельные слова признательности О. А. Черепановой, отправившей меня на поле финно-угорских и славянских языковых контактов, А. С. Герду, который предложил мне выяснить возможность использования ареальных методов в этимологических исследованиях субстратной лексики.

17. 03. 2004

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование имеет в своей основе две базисных работы: «Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» (АСЗЛ)¹ и «Тематический этимологический словарь русских говоров Северо-Запада. Финно-угорские, балтийские, скандинавские и тюркские заимствования»². Однако данные этих работ используются не в полной мере, упор делается на исследование финно-угорского (*resp.* прибалтийско-финского) пласта в русских диалектах Северо-Запада. Была предпринята попытка сочетать традиционные методы этимологического анализа (детальный анализ фонетических, семантических соответствий взаимодействующих единиц, включение историко-культурного компонента, адаптационные изменения в системе языка-реципиента) с комплексным лингвогеографическим обследованием региона по оригинальной программе, нацеленной на выделение неисконных лексических данных. Такое длительное по времени и трудоемкое исследование родилось в результате полевой работы и анализа полученных материалов по говорам западной части Северо-Запада: Обонежья, Беломорья, Приладожья, новгородских, гдовских говоров, а именно, в результате кажущейся незавершенности работы над этимологией лексем, ареал которых был шире какой-то отдельной микрзоны. Весьма насущным предстал такой вопрос: являются ли фонетические варианты, зафиксированные в дистантных³ ареалах, единицами тождественной этимологической природы или возможна их дифференциация. Например, лексема **кúтька** 'лодка из двух скрепленных выдолбленных бревен', фиксируемая в говорах Новгородской области, возводится к источникам из смежных карельских тверских диалектов, ср. кар. твер. *kuwt't'i* 'долбленка, челн'. Вариант **кúйта**, отмечаемый в сходных значениях в Обонежье, имеет в основе другие карельские этимоны: кар. *kuit't'i*, ливв. *kuitti* 'лодка'. И, несмотря на близость формы вариантов **кúтька** и **кúйта**, исходя из дистантности ареалов, они разводятся в этимологическом плане.

¹С. А. Мызников «Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада». СПб., 2003. 360 с.

²Данная работа готовится к печати.

³В работе термины дистантный и дистактный используются как полные синонимы.

Имеется уже целое комплексное научное направление, превращающееся в солидную этнолингвистическую исследовательскую школу, в основе которой лежат труды А. С. Герда. Именно ему принадлежит идея выявления сопоставимых, относительно однородных лексических ареалов, определение локальных микрзон на базе анализа географии и этимологии слова в пределах Северо-Запада России с выходом на историко-диалектологические и этногенетические заключения (см. Герд, 1975, 188–194; Герд, 1979, 206–213; Герд, 1984, 174–180; Герд, 1987, 94–103; Герд, 1989, 147–172).

На наш взгляд, при ареально-этимологических исследованиях крайне важен комплексный подход, при котором выявление формы слова, его семантики и территории бытования является базисной, но незавершенной частью исследовательской работы, когда упор делается на полный ареальный анализ концепта в пределах исследуемого региона с выяснением полного регистра лексической манифестации (в первую очередь неисконных данных), а также на сопоставительное изучение реалий, предметов материальной культуры, абстрактных понятий, для обозначения которых в современных русских говорах применяется исконное слово. При однородном лексическом ареале учет вероятной дифференциации реалий при сопоставлении с финно-угорскими этнографическими данными может дать более полное представление о взаимных языковых и этнокультурных контактах. Таковы основные критерии подхода к материалу как во время сбора лексических данных, так и в ходе их анализа.

Также в качестве одного из надежных методов этимологического анализа нам представляется весьма продуктивным выявление конечного источника в том случае, когда финно-угорские этимоны не являются исконными на финно-угорской почве, а заимствованы из балтийских или скандинавских языков; в работе рассматривается их взаимодействие и выделяются зоны доминирующего влияния того или иного языкового типа.

§ 1. Ареал исследования

Проблема выбора ареала для лингвогеографического исследования, а также для этимологического и этнолингвистического анализа, — весьма сложная задача, поскольку достаточность выбран-

ного ареала для решения поставленных целей нередко вступает в противоречие с обширностью работ и длительностью их исполнения. То есть, если выбранный ареал слишком узок, то многие анализируемые явления выходят за его пределы, что резко снижает точность исследований, их научную достоверность и верификационные возможности полученных результатов; в то же время избыточно большой ареал, предназначенный для сбора данных и их изучения, может затянуть исследования настолько, что синхронность материалов (что важно для лингвогеографических трудов) будет вызывать сомнение. Кроме того, при таком ареале труднее вычленять важные и нужные для анализа языковые черты, поскольку на большей территории всегда присутствует больше явлений сходных типологически, но измененных в ходе функционирования в микроговоре или явившихся результатом влияния сходной, но не тождественной языковой природы. Поскольку финно-угорское влияние, в первую очередь, представлено воздействием прибалтийско-финских языков, а территория их контактного бытования со славяно-русским континуумом — это Северо-Запад России, то для этимолого-лингвогеографического обследования был выбран регион, где существовали или существуют в настоящее время носители этих языков. Общеизвестна пограничная роль крупных рек, поэтому на востоке обследуемый ареал ограничен бассейном реки Северная Двина, на юге таких естественных преград нет, здесь граница ареала, предназначенного для изучения, идет по окающим севернорусским и среднерусским говорам. По административному членению в сферу наших интересов вошли территории Республики Карелия, Вологодской, Ленинградской, Новгородской, Архангельской областей (полностью), а также частично Псковская, Тверская, Костромская, Ярославская, Мурманская области. Сетка обследования не была статичной, а менялась в зависимости от конкретных условий. В ядерных зонах контактов она выбиралась наиболее частой, так, например, в Зонежье было изучено около 20 населенных пунктов, что позволило выделить карельскую и вепскую зоны влияния, более древний саамский пласт, а также зафиксировать инновационные очаги, сформировавшиеся по вторичным, сравнительно недавним иммиграционным потоком русского населения в эти районы. В полосе ранних контактов (Новгородская область) выяснялся общий остаточный прибалтийско-финский языковой ландшафт (2–3 населен-

ных пункта на административный район), при этом учитывалось более позднее влияние языка валдайских карел. В Каргополье обследовались населенные пункты по периметру оз. Лаче и расположенные в отдалении от него, в Гдовском районе — на побережье Псковского озера, в Приладожье — на побережье Ладожского озера, по течению реки Волхов и в отдалении от больших водных объектов. Такой выбор мест полевой диалектологической работы был связан с тем, что эмпирически было установлено, что в населенных пунктах, лежащих в непосредственной близости от крупных водоемов, субстратное влияние всегда значительно сильнее, чем в населенных пунктах, вблизи которых водоемы отсутствуют, что, вероятно, связано с особенностями поселений финно-угоров (рыбаков и охотников) и славян (землепашцев). «Лишь в очень немногих районах рыбная ловля является у восточных славян основным способом добывания пищи» (Зеленин, 1991, 100). В Белозерье, при необходимости детального лингвогеографического обследования с наиболее частой сеткой, проводить его было довольно затруднительно, поскольку в результате затопления ряда территорий во время строительства Волго-Балтийского канала массы населения переселялись на новые места жительства или в уже существующие населенные пункты, что смазывало общую картину ареальных субстратных границ. В Беломорье по ряду причин обследование не было полным, удалось провести полевую работу в Беломорском, Онежском, Холмогорском р-нах. В прибрежных населенных пунктах Беломорья хозяйственная деятельность, в основном, ориентируется на морской промысел, при наличии сельскохозяйственного производства (более характерно для Онежского р-на), что серьезно влияло на сбор диалектных данных.

§ 2. Материалы и источники. Полевые данные

Основной материал собирался полевым методом с 1990 по 2003 гг. Были изучены в ходе диалектологических экспедиций районы Псковской (4 н. п.), Новгородской (56 н. п.), Вологодской (59 н. п.), Архангельской (22 н. п.), Тверской (12 н. п.), Костромской (13 н. п.), Ленинградской (40 н. п.), Ярославской (3 н. п.) областей, Республики Карелия (43 н. п.), всего 252 населенных пункта (к настоящему моменту — июль 2003 г.). В начале полевой работы (1989 г.) в каждом населенном пункте опрашивалось не менее двух информантов,

но с течением времени найти местного жителя, который является квалифицированным диалектоносителем, стало довольно затруднительно, поэтому всякие ограничения, связанные с числом информантов, были сняты. Как видно из приведенной статистики изучения ареала, не все его части удалось обследовать в равной мере. Наибольшее внимание, совершенно естественно, было уделено самой западной части Северо-Запада, где сильнее представлено прибалтийско-финское воздействие, чем на других территориях, расположенных восточнее. При сборе материала использовались две программы. Одна из них представляла вопросник по лингвогеографическому обследованию региона и была нацелена на выявление конкретных манифестаций по заявленным концептам. Кроме того, при этом попутно шел сбор любого материала, имеющего неисконную природу. Главной целью, которая стояла в ходе проведения полевого сбора материала, было выявление лексической манифестации анализируемых концептов, а также обеспечение проверки ареала лексем (или известных уже давно и обсуждавшихся в литературе, или впервые зафиксированных и представляющих интерес для автора), поскольку основной перечень лексем неисконного происхождения вряд ли можно было серьезно пополнить. В то же время преследовались две основные задачи: 1) выявление и фиксация любого иноязычного лексического материала в ходе тематически направленных бесед; 2) сбор данных по программно-вопроснику, которые должны составить корпус материалов лингвогеографического обследования, включая и исконную лексику, даже если она представляла собой русские синонимы к иноязычным лексемам, так как для нас была крайне важна полная картина лексического ландшафта.

Полевое исследование проводилось с использованием программы-вопросника, полученной эмпирическим путем. Она не повторяет Программу ЛАРНГ, а нацелена на выявление реалий, концептов, в основе которых доминирует неисконная лексическая манифестация. Хотя в редких случаях наблюдается формальное тождество вопросов. Так, например, в нашей программе имеется вопрос 'кустистая ива; заросли ивы' (в Программе ЛАРНГ — Л 55 Ива).

§ 3. Словари и картотеки

Кроме полевых данных, ряд материалов был получен из диалектных лексикографических изданий. Основными словарями, которые использовались как источники и справочники по обследуемому региону, были «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК, вып. 1–5) и «Словарь русских народных говоров» (СРНГ, вып. 1–36). Кроме того, для нас важными источниками были словари, в которых описываются говоры Северо-Запада: «Новгородский областной словарь» (НОС, вып. 1–12); «Словарь вологодских говоров» (СВГ, вып. 1–8); «Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС, вып. 1–12); «Архангельский областной словарь» (АОС, вып. 1–11); «Ярославский областной словарь» (ЯОС, вып. 1–10); «Опыт словаря говоров Калининской области» (ОСГКО).

Серьезным и основательным справочником по лексике русского Севера становится «Словарь говоров русского Севера» (к настоящему времени вышло только два выпуска), создаваемый на базе фундаментальной лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета⁴.

Кроме лексикографических источников, использовались также картотеки СРНГ, СРГК. Последняя подвергалась сплошному просмотру с целью выявления нужной лексики. Следует отметить, что маршруты полевого обследования планировались исходя из наличия собранных лексических данных в картотеках. Так в картотеке Симиной, которая является частью картотеки СРНГ, представлены богатейшие материалы по пинежским говорам Архангельской области, что позволило сделать выборки по интересующим нас вопросам.

§ 4. Цели и задачи работы

Основные цели работы — выявление и анализ дифференцированного субстратного ландшафта русских говоров Северо-Запада, которые строятся, в первую очередь, на полевом диалектологическом обследовании региона, в основе которого лежит вычленение различных субстратных типов.

⁴Прочие, менее значимые источники см.: «Библиография».

Исследование включает в себя следующие задачи: 1) анализ ареальной дистрибуции отдельной лексемы, включающий в себя, в том числе, рассмотрение следующих ареалов: деривационных, фонетических, семантических; и далее в этимологическом плане — ареальную верификацию имеющихся и выдвигаемых впервые этимологий; 2) лингвогеографическое обследование региона, на базе анализа которого можно судить об интенсивности иноязычного влияния в разных частях региона; 3) уточнение всего реестра анализируемой лексики; 4) определение географии каждого анализируемого слова и его вариантов; 5) выделение типов лексических ареалов; 6) определение типов лексического субстрата в различных ареалах; 7) уточнение этимологии анализируемых слов; 8) определение места лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада, в том числе, и с точки зрения диалектного членения; 9) выявление субстратной или заимствованной доминанты говоров, а также границ субстратных ареалов.

§ 5. Методы этимологического анализа

Ранее уже предлагалось учитывать при этимологическом анализе субдиалектные фонетические особенности, использовать анализ семантических и словообразовательных ареалов слова (АСЗЛ, 5–8). Причем более продуктивным кажется этимологический анализ лексики, когда каждое слово рассматривается не отдельно, а в комплексе, вместе с другими фонетическими, деривационными и т. п. вариантами, в том числе, с лексикой сходной семантической природы и представляющей лексическую манифестацию этого же понятия или этой же реалии. Т. е. речь идет о том, чтобы не анализировать материал в алфавитном порядке, когда однотипные вещи скрываются в общей массе этимологий и вариантов, и возможность разночтений в решении одних и тех же проблем резко повышается, а представить весь перечень анализируемых данных в тематическом этимологическом словаре неисконной лексики региона⁵. Так, например, лексема **кя́рега** ‘приспособление для прикрепления косы на рукоятке’, фиксируемая в Посвирье в Подпорожском районе (Пидьма, Корба, Усланка, Курпово, Шустручей), при варианте **тя́рега** — в Вытегорском районе (Казаково, Мегра),

⁵Идея регионального этимологического словаря, основанного на исконных данных, была выдвинута А. С. Гердом (Герд, 1995, 1999).

рассматривались Калимой, а вслед за ним и Фасмером, отдельно. Вариант **тярега** ошибочно сопоставлялся с фин. *tere, teri, terä* ‘кожаный ремень, рант обуви’ (Kalima, 1915, 230; Фасмер, 4, 141). Такое этимологическое прочтение было связано с тем, что в словаре Куликовского, на который опирался Калима, отсутствовала основная опорная лексема **кярега**, имеющая прочные семантические и фонетические основания для сравнения с вепс. *käreg* ‘завязка, завертка’ (СВЯ, 253). Вепсский этимон мотивирован глаголом вепс. *kärauta, kärouta, käranta* ‘завернуть’ (СВЯ, 262), при фин. *kääriä* ‘завертывать, обертывать’ (SKES, 265)⁶.

Конечно, связывать напрямую тематические и идеографические методы построения анализируемого словника вряд ли возможно, но в ряде конкретных случаев, когда этимологические принципы анализа и идеографическая модель его построения не противоречат друг другу, вполне вероятно и понятийно-предметная организация словарного материала. Конечно, идеографическая подача материала в таком словаре не может доминировать, однако, в ряде случаев способна играть роль организатора этимологического анализа. О. В. Востриков рассматривал, например, диалектный идеографический словарь как подготовительный этап в создании диалектного этимологического словаря (Востриков, 1991, 11).

Таким образом, ввиду сложностей анализа неисконных лексических данных в русских говорах Северо-Запада, наиболее действенным инструментом верификации этимологических версий может быть ареальный анализ, совмещённый с анализом тематических групп лексики, поскольку в целом лексический субстрат представляет собой адаптированные реликты, обычно связанные с определенным субстратным типом со статичной и стабильной зоной распространения.

Однако, при анализе ареалов ряда лексем, широко представленных в севернорусских говорах, в ряде районов эти единицы не проявлялись, или имели более широкую территорию бытования, чем первоначально выбранный регион обследования. Поэтому только исследование лексического ареала (по данным лексикографических источников, картотек и ПЛГО) не давало ответа на некоторые существенные вопросы: 1) По какой причине отсутствует слово (например, прибалтийско-финского происхождения)

⁶Впервые на это обратила внимание М. Э. Рут (Рут, 1981, 66–67).

в зоне, где оно должно было, вне всякого сомнения, проявляться?
2) Существует ли в этом районе еще какое-либо иноязычное влияние, проявляющееся на лексическом уровне? 3) Если такое влияние существует, какого типа ареалы (коррелирующие или смешанные) будет оно репрезентировать?

На такого рода вопросы может дать ответ только работа, в основу которой положены лингвогеографические методы исследования выявленных эмпирическим путем концептов с доминирующей неисконной лексической манифестацией. Естественно, что в таком исследовании должна быть дана полная картина лексического субстрата в русских говорах контактного региона, каким является Северо-Запад России в его широком понимании, но также должны выделяться и ареалы с доминированием исконных лексических данных.

Таким образом, выявление совокупности разных видов и типов субстратных ареалов, наряду с ареалами исконной и заимствованной лексики, с использованием лингвогеографических методов исследования представляется нам весьма насущной задачей.

Цель этимологического исследования неисконной лексики в русских говорах Северо-Запада сводится к разрешению ряда вполне самостоятельных задач:

Ареальный анализ отдельной лексемы, включающий в себя, в том числе, рассмотрение следующих ареалов: деривационных, фонетических, семантических; что следует трактовать как ареальную верификацию имеющихся и выдвигаемых впервые этимологий.

Лингвогеографическое исследование региона, на базе которого можно судить об интенсивности иноязычного влияния в разных частях региона.

Этимологические исследования исконной и заимствованной лексики, на наш взгляд, имеют кардинальные различия. Для исконных данных будут первоочередными следующие параметры анализа:

- а) включение слова в корневое гнездо;
- б) нахождение мотивации;

- в) словообразование;
- г) включение найденного гнезда в контекст родственных языков.

Нередко исследователи, занимаясь анализом исконных данных, совершенно упускают из виду возможность иноязычного влияния. И, наоборот, при рассматривании лексических материалов, как результата какого-либо иноязычного влияния, сходство формы анализируемых данных разных языков принимают за неперемное доказательство их взаимовлияния. Так, например, дистрибуция слова в непосредственной близости или внутри иноязычного ареала, заставляет исследователей все внимание уделять возможности заимствования, не рассматривая исконную этимологическую версию. Например, слово **мотуга** 'стая птиц' – *Гусь летит большими мотугами*. Терск. (Тетрино) (Меркурьев), предполагается связывать с фин. *motti* 'котел, мешок', однако вряд ли эта единица, широко распространенная в западных финских диалектах в значении 'шишка, наплыв, нарост, кап', а после 2-й мировой войны — как военный термин — 'территория, где окружены вражеские войска', 'окруженные вражеские войска' (SSAP, 2, 172), может каким-то образом соотноситься с русскими данными, при имеющемся славянском гнезде, ср. русск. **мотуха** 'связка чего-л.' (Агренева-Славянская, СРНГ, 18, 305) с прозрачной внутренней формой, ср. **мот**, **мотать** (Фасмер, 2, 663).

Еще одна лексема **св́ара** 'кол с развилкой на конце для проталкивания подо льдом жерди, с привязанной к нему тетивой рыболовной снасти (сети, невода) для ее установки подо льдом', отмечаемая преимущественно в каргопольских говорах (КСРНГ), сопоставляется Гусевой с карельскими данными, люд. *suar*, *šoare* 'ветвь дерева, дороги, промежуток между рекой и ее притоком', ливв. *šuari* 'ветвь, развилка' (Гусева, 1971, 130). Однако карельские формы представляют собой явление достаточно позднее, по крайней мере, такого рода собственно карельские фонетические дифференциальные черты (дифтонгоидность) практически не находят отражения в русских диалектных данных прибалтийско-финского происхождения⁷. В данном случае гнездо фин. *saara* 'ветвь, ответвление дороги', вепс. *sar* 'ветвь, ответвление дороги, приток

⁷Только в Заонежье Ардентов зафиксировал подобное явление в русских говорах (см. Ардентов, 1955).

ручья и т. п.’, водск. *saara* ‘лемех, сошник’ (SKES, 937) не оказало влияние на лексическую систему каргопольских говоров. А лексема **свара** входит в исконное глагольное гнездо, ср. **св́аривать** ‘образовывать свир, сшивать сетную ткань’ (Псковское оз., Кузнецов, 1912), **свёрывать** ‘сшивать сети’ (Петрозав, Олон., Куликовский), **сверя́живать** ‘свивать сплетать нитки’ (Сиб., Ильин, 1916, КСРНГ), **сошв́аривать** ‘связывать между собою рыболовные сети, продевая через крайние ячеи веревочку’ (Пск., КСРНГ).

Также не стоит связывать лексему **вёрка** ‘ряд поставленных подо льдом сетей’ (Чудское оз., Кузнецов, 1912; ПОС, 4, 24; СРНГ, 4, 293) с фин. *verkko* ‘сеть’, кар., ливв., люд. *verkko*, вепс. *verk* ‘сеть’ (SKES, 1708), поскольку русская диалектная лексема представляет собой отглагольный субстантив от **вирáть** ‘сшивать, соединять полотнища сетей’ (Пск., Новолодож. Петерб., СРНГ, 4, 292).

Еще один пример ложной иноязычной направленности в версии этимологии. В говорах Беломорья фиксируется лексема **отега** ‘средняя свая в козлах — главной составной части рыболовного закола’: — *Козлы состоят из трех свай: отеги, и двух ног, из которых отега направлена по течению реки, ноги против течения*. Онеж. Арх. (Подвысоцкий, 46, 113; СРНГ, 24, 173), Калима возводит ее к кар. *ahtońe*, мн. *ahtožet* ‘помост для развешивания невода’ (Kalima, 1915, 176). См. также Фасмер (Фасмер, 3, 170). Можно уточнить карельские материалы, используя новые данные: кар. *ahtońe*, мн. *ahtozet* ‘подпорки, используемые для развешивания невода для просушки’: — *Luad’ikkua ahtoizet da ahtakkua nuotta, ved muuten märgämä happanuu* (Наладь подпорки да развесь невод, иначе мокрый так сгниет) (KKS, 1, 8). В прибалтийско-финских языках этот материал входит в обширное гнездо, ср. фин. *ahtaa*, *ahdata* ‘развешивать или класть на просушку (хлеб в ригу, сети на вешала, одежду, веники и т. п.)’, кар. *ahtoa* ‘класть на просушку снопы на колосники в ригу’, водск. *ahtā* ‘класть на просушку невод, одежду’ (SKES, 7), вепс. *ahtta* ‘сажать снопы в ригу, на вешала, развешивать что-либо для просушки’ (СВЯ, 22), ливв. *ahtaittua* ‘просить кого-л. насадить снопы в ригу на колосники’ (СКЯМ, 16). Таким образом, несмотря на то, что сопоставимые русские и прибалтийско-финские данные относятся к одной тематической группе, отражая сферу рыболовства, семантика их совершенно различна, и поэтому лексема **отега** не может быть связана с карельским гнездом. Кроме того, весьма существенны и фо-

нетические расхождения, которые нельзя объяснить процессами адаптации на русской почве. И. В. Сало, анализируя это русское слово, предлагает возвести его к вепс. *odeg* ‘палка (как орудие)’ (СВЯ, 375; Сало, 1966а, 94). Однако изолированное существование вепсского слова на почве прибалтийско-финских языков говорит, вероятно, об обратном направлении заимствования — из русского языка. Скорее всего, лексема **отега**, наряду с этимологически первичным вариантом — **отяга** ‘вбитая наклонно в дно жердь в рыболовном заколе’ (Онеж. Карел., 1931, СРНГ, 25, 19), представляют собой глагольные дериваты, результат следующего развития: **оттягивать** → **оттяга** → **отяга** → **отега**⁸. Вряд ли стоит относить сюда глаголы **отечь**, **отекасть**, ср.: **отэчь** ‘погрузиться в воду — о корабле’ (Север, СРНГ, 24, 180).

§ 6. Субстрат⁹ и заимствование¹⁰

Впервые термин субстрат в языкознании нового времени был введен в XIX веке итальянским лингвистом Г. Асколи, который говорил, что одной из причин языковых изменений может быть смешение языков, объяснив в 1881 году переход латинского [f] в испанское [h] влиянием иберийского субстрата (Ascoli, 1881). Как хорошо показала В. Н. Ярцева в работе «Теория субстрата в истории языкознания», идеи Асколи получили огромную популярность среди лингвистов: субстрат — влияние языков местного населения на язык пришельцев, стал считаться основной причиной, «скрытно действующей силой, определяющей пути изменения языка» (Ярцева, 1956, 8–32).

В дальнейшем выясняется, что субстрат — всего лишь результат одной из форм языкового взаимодействия. Был предложен термин суперстрат — как элемент языка-пришельца, растворившегося в языке коренного населения (W. Wartburg, 1936). В 1930-х годах Бартоли предложил называть элементы чужого языка, вошедшие в какой-либо язык, при частичном смешивании в пограничных районах, адстратом. В дальнейшем появляется тер-

⁸Переход [’a] → [e] является обычным для севернорусских говоров.

⁹Для нас чужд умозрительный формальный подход к данной проблеме безотносительно специфики материала. Обзор работ такого рода см. Сухачев, 2002, 317–330.

¹⁰Более кратко эта проблема уже рассматривалась нами (см. АСЗЛ, 21–27).

мин перстрат — результат культурного, опосредованного письменностью взаимодействия языков в верхних коммуникативных сферах: религиозной, государственной, научной, литературной и т. д. (Bartoli, 1935; Veenker, 1967, 16–17). Традиционно в настоящее время общее понятие субстрата используется в отношении языка, который не имеет носителей, т. е. является мертвым языком, а субстрат, следовательно, определяется как язык, который был утерян в результате перехода на другой язык¹¹, но сохранившийся в виде каких-либо остатков, которые имеют употребление в победившем языке моновычного коллектива (Veenker, 1967, 13–14; Hakulinen, Ojanen, 1976, 136; Lehiste, 1988, 60; Thomason, Kaufman, 1988, 37–38; Sarhimaа, 1991, 64; Filppula, 1991, 11). В качестве случаев суперстарта приводятся следующие примеры: волжско-булгарский в болгарском, франкский во французском, латышский в ливском, тюркский в русском (Veenker, 1967, 15–16), английский в ирландском (Filppula, 1991, 11), русский в восточных прибалтийско-финских языках (Sarhimaа, 1991, 61). Как видно из приведенных примеров, термин суперстрат применяется также и к доминирующему языку в каком-либо ареале.

Адстрат традиционно рассматривается как живое взаимовлияние языков в равновесной системе. При нарушении равновесия один из языков может дать материалы для субстрата, другой — для суперстрата. Как адстратное рассматривается славянское влияние на румынский язык, тюркское на балканские языки, шведское — на финский (Veenker, 1967, 16).

Нашей задачей осмысления данного языкового феномена предположительно должны быть не рассуждения о субстрате вообще, более применимые к общенародному стандартному языку, имеющему письменные фиксации на протяжении длительного времени, а конкретные положения, объясняющие классификацию анализируемого материала.

Изучение иноязычной лексики в русских говорах Северо-Запада на деле сводилось к исследованию слов прибалтийско-финского происхождения, однако в отношении терминологического обозначения данного материала преобладал термин «заимствованная лексика», *Lehnwörter*. Действительно, нередко отрицалось поня-

¹¹Такая смена языка в мировой лингвистике обозначается термином *language shift*.

тие субстрата как таковое, т. е. совокупность черт языковой системы, невыводимых из внутренних законов развития данного языка; следы побежденного языка в составе языка-победителя (Десницкая, 1956, 72). Кроме того, высказывалась идея, что «субстрат, ... касается прежде всего фонетики и регулярно парадигматической морфологии и... не имеет ничего общего с лексикой как таковой» (Реформатский, 1956, 112). Отрицалась также возможность нахождения чисто лингвистических критериев, позволяющих классифицировать языковой материал как субстрат или как заимствование (Террачини, 1971, 29–31). Однако в ходе дискуссии по теории субстрата, проведенной в 1955 году в Институте языкознания, в ряде докладов были выдвинуты критерии по разграничению субстратного влияния и заимствования. В. И. Абаев выдвинул следующие положения по их дифференциации:

- а) «И субстрат и заимствование представляют проникновение элементов одной системы в другую. Но при субстрате проникновение несравненно глубже, интимнее, значительнее. Оно может пронизать все структурные стороны языка, тогда как заимствование, как правило, распространяется на некоторые разряды лексики... И субстрат, и родство предполагают этногенетические связи. В отличие от них заимствование ни в коей мере не связано с этногенезом».
- б) «Субстрат связан с переходом с одного языка на другой... А длительное двуязычие создает предпосылки для весьма далеко идущего смешения и взаимопроникновения двух языковых систем. Лингвистическую специфику субстрата можно объяснить только на почве двуязычия. При заимствовании, ... двуязычия не требуется» (Абаев, 1956, 59).
- в) «Если в основном лексическом фонде языка широко представлены слова, не восходящие к исходной системе, чуждые ей, то первое, что должно прийти в голову, — это мысль о субстрате» (Абаев, 1956, 111).

Б. А. Серебренников связывает различие субстрата и заимствования с принципиальной разницей в типах ареалов контактирующих языков; заимствование характеризуется маргинальным контактированием, т. е. «наличием контакта двух языков, располо-

женных на смежных территориях. Никакого глубокого проникновения масс населения, носителей одного языка, в область распространения другого языка при этом не происходит». Для субстратного влияния свойственно глубокое проникновение больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка, что квалифицируется как внутрирегиональное контактирование (Серебренников, 1956, 36).

Позднее М. Э. Рут, отдавая должное приведенным выше методам выделения субстрата, призывает к разработке «новых дополнительных критериев вычленения субстратной лексики». Она предлагает следующую методику:

1. На исследуемой территории выявляется корпус лексем, этимологизируемых из финно-угорских источников или допускающих предположительное сближение с ними.
2. Выявленная лексика подвергается картографированию.
3. В выявленных зонах подвергается анализу вся заимствованная лексика, а также вся русская лексика, тематически близкая к заимствованной.

В результате выявляются субстратные зоны, а слова, обнаруживающие неоднородность с основным корпусом иноязычных лексем, признаются заимствованиями для данной зоны (Рут, 1984, 39, 40).

Точно так же полагает О. В. Востриков, для которого «главным приемом выявления субстратных включений следует считать географию слова, однако не саму по себе, а в сопоставлении с географией других слов» (Востриков, 1990, 77).

Резюмируя, остановимся на следующих аспектах субстрата и его дифференциации с заимствованием: 1) сущность субстрата; 2) методы его изучения; 3) проблемы разграничения субстрата и заимствования.

В отношении прибалтийско-финского языкового субстрата нам представляется следующее: субстратным является такое включение, которое вошло в язык в результате перехода прибалтийско-финского населения на русскую речь, т. е. его ассимиляции. Такой переход, естественно, осуществлялся через фазу билингвизма, далее через его постепенное отмирание и бытование только речи

восточнославянского (русского) типа (см. также: Герд, 1979, 213). На обширной территории Северо-Запада России ассимиляционные процессы протекали в разное время. Например, в Белозерье фазу билингвизма застал С. Герберштейн в отношении белозерских вепсов в первой половине XVI века: «Туземцы имеют свой собственный язык, хотя ныне почти все говорят по-русски» (Герберштейн, 1866, 118). Н. М. Каринский фиксировал завершение фазы билингвизма в значительной части ижорских поселений: «Еще севернее указанных деревень в 20 верстах от них по Оредежу, где Оредеж снова течет по Петербургской губернии, есть 10 селений корельских. Мне пришлось видеться с крестьянами одной из них... Он сообщил, что еще недавно во всех был исключительно корельский, теперь уже русский язык в 6 деревнях из 10, что, хотя язык у них был корельский, но они всегда были русскими (православными!), и что дед его говорил только по-корельски, а он уже не знает по-корельски почти ни одного слова» (Каринский, 1898, 2). Об аналогичной ассимиляции води свидетельствует работа Я. Я. Ленсуу (Ленсуу, 1930). В наше время завершилось обрусение валдайских карел, П. Ю. Пальмеос в 1961 году нашла только 50 человек, которые могли говорить на этом карельском диалекте (Пальмеос, 1961, 4). Проведенные уже в 90-х годах автором экспедиции в Валдайский район Новгородской области позволили констатировать полную ассимиляцию этой диалектной группировки (Мызников, 1998, 41–43). Точно так же мы можем наблюдать завершение ассимиляции вепсов Вытегорского района Вологодской области (Рут, 1984, 39). Давно уже завершилась ассимиляция вепсов Исаевской волости, ныне это северная часть Вытегорского района, еще в 1890 г. H. j. Basilier характеризовал их как обрусевших и предпочитающих говорить на русском языке, хотя и не утративших свой родной язык (Basilier, 1890, 71). В Южном Приладожье жителей деревни Лигово называли кайванами, что свидетельствует об их прибалтийско-финском происхождении (Егоров, 1998, 219). Территория северо-западного Прионежья, ныне совершенно заселенная русскими, в ряде сел — полностью, а в некоторых — частично, еще по данным переписи 1873 года представляла собой карельский языковой континуум. Причем полная ассимиляция, вероятно, произошла в первой половине 20-го века, поскольку некоторые из нынешних жителей деревень севернее г. Петрозаводска 65–70-летнего возраста рассказывают, что их бабушки и дедушки были карелами

(Муллонен, Мамонтова, 1997, 11). Приводимые А. П. Баранцевым случаи мены языка в речи карел-людиков также свидетельствуют о доминировании русского языка у носителей малочисленных языков и диалектов, в настоящее время пока еще билингов (Баранцев, 1971, 38–41).

Оставляя в стороне археологические аргументы присутствия прибалтийско-финских племен практически на всей территории Северо-Запада (см.: Макаров, 1997; Рябинин, 1997), мы можем констатировать тот факт, что ассимиляция потомков этих племен привела к вхождению в севернорусские говоры значительного объема языковых явлений прибалтийско-финского происхождения. Их можно найти во всех ярусах языка; в фонетике — [r] протетическое (Суханова, Муллонен, 1986, 43), трактуемое как результат вепсского влияния; в словообразовании — глагольные форманты *-анда-*, *-айда-* (Азарх, 1973, 203–204; Дубровина, Герд, 1974, 75–78; Они же, 1979, 343–347); в синтаксисе — обороты типа: *у него уйдено* (Veenker, 1967, 139; Маркова, 1997, 217–220; Калинова, 2000).

В случае нахождения носителей прибалтийско-финского языка на территории с неславянским окружением, такой язык ассимилировался, воздействуя в той или иной мере на смежный языковой континуум. Так, например, ливский язык, будучи активным средством общения в Курляндии в первой половине XIX века, начиная с времён первой мировой войны неуклонно сокращал свое воспроизводство, а обусловленный экономическими причинами переход к латышско-ливскому билингвизму, в конце концов привел к переходу на латышский язык (Вяяри, 1967, 76–79; Vääri, 1959, 192–197).

Однако в ряде работ по финно-угорскому субстрату рассмотрение материала идет с сугубо умозрительных позиций, причем оно основано на данных XIX века. На наш взгляд, даже такая формулировка (финно-угорский субстрат) слишком обща. Так Фенкер, анализируя общую ситуацию в отношении языковых контактов, справедливо отмечает, что первоначально следует ответить на ряд вопросов: Кто взаимодействовал? Где происходили контакты? Когда было взаимодействие? Как долго оно продолжалось? Каким образом контакты происходили? На каком уровне происходило какое-либо языковое взаимодействие? Т. е. предлагается выяснить следующие параметры: 1) место, 2) время, 3) продолжительность, 4) интенсивность контактов, при том, что их сферой будут все ярусы языка: фонетика, морфология, синтаксис, лексика, то-

понимания (Veenker, 1992, 177–178). Однако, на наш взгляд, трактовка решения справедливо поставленных вопросов грешит общностью формулировок и отсутствием реальных материалов, которые могли бы составить их эмпирическую базу. Вероятно, бесперспективно говорить в целом о контактах между многочисленными финно-угорскими и славянскими языками («die Kontakte zwischen Vielzahl finnougri scher und slavischer Sprachen»), это все равно, что говорить о германском влиянии на славянские языки, — в отношении каждого языка это воздействие будет иметь свою специфику. Совершенно резонно выделяя сферу лексики в отдельное направление для изучения финноугро-славянского взаимовлияния, Фенкер (Veenker, 1992, 179) предлагает рассматривать ее в ключе, более подходящем для анализа данных, вошедших в язык письменным, перстратным путем, выделяя лексические заимствования, кальки и иностранные слова («Bei Einflüssen im lexikalischen Bereich können u.a. Lehnwörter, Lehnprägungen und Fremdwörter unterschieden werden»), что вряд ли подходит для лексических диалектных материалов. Фенкеру принадлежит единственная, уникальная в своем роде работа по финно-угорскому субстрату в русском языке, где он исследует совокупность языковых черт, которые являются следствием такого воздействия (Veenker, 1967), но, вероятно, не всегда такой общий характер может иметь верифицированную аргументацию. Так, вряд ли правомерно рассматривать все прибалтийско-финские языки в качестве источника влияния на русский, вряд ли существует в действительности и может подтвердиться материалами воздействие ливского языка (Veenker, 1992, 182)¹².

Еще одна работа, где даже в бóльшей обобщающей степени рассматриваются возможные субстратные черты уральских языков в славянских — это книга Кюннапа «Breakthrough in present-day uralitics» (Künnap, 1998). Автор суммирует работы в этой сфере и выделяет 15 субстратных черт в фонетике и 24 в области морфосинтаксиса, которые, по его мнению, являются результатом влияния уральских языков, игнорируя лексические данные (Künnap, 1998, 108–110). Однако, на наш взгляд, наиболее сильный след прибалтийско-финского влияния отразился в севернорус-

¹² Автор дает таблицу, в которой приведены все финно-угорские языки, как возможные генераторы языкового влияния на русский континуум.

ской лексике. Естественно, что на обширной территории Северо-Запада субстратные включения имеют свою специфику, так, например, в Обонежье, Приладожье, в Посвирье и в прилегающих к ним районах присутствие живых прибалтийско-финских языков подразумевает их адстратное языковое влияние, в результате которого лексический субстрат, адаптированный языковой системой русских говоров, более всего соответствует этимологически тождественной лексике карельских и вепсских диалектов по форме и семантике. В ареалах, где субстрат существует в чистом виде, без адстратного воздействия, он постепенно затухает.

В диахронии нам кажется весьма убедительной схема, предложенная О. Б. Ткаченко, и основанная на социолингвистической оценке формирования субстрата: 1) сужение функций аборигенного языка; 2) увеличение числа двуязычных лиц; 3) сужение круга двуязычных лиц при параллельном увеличении числа знающих новый пришлый язык; 4) сужение круга знающих местный отмирающий язык (Ткаченко, 1989, 33). Кроме того, следует отметить, что четвертая стадия характеризует состояние диалекта тихвинских карел, частично бабаевских вепсов; проведенные в эти районы экспедиции показали следующее: неплохое знание языка демонстрируют только женщины старшего поколения, лица среднего поколения чаще всего пассивно владеют языком, дети языком владеют крайне редко. Чаще всего лица старшего поколения разговаривают со своими внуками по-русски. Однако, проводимая в настоящее время политика, направленная на сохранение и возрождение языков малочисленных народов, затормозила процесс угасания языков (карельского, вепсского).

Таким образом, априори возможно построить следующую схему воздействия на пришлый язык субстратного (что можно рассматривать и как сохранение субстратных языковых реликтов):

- 1) ономастика (прежде всего топонимия);
- 2) местный диалект;
- 3) тайный язык (см. также Ткаченко, 1989, 34).

Хотя в штудиях, посвящённых языковому субстрату, довольно часто приоритет отдавался топонимии и фонетико-грамматическим данным, несомненно, наиболее значительные материалы

фиксируются на уровне апеллятивной лексики. Под лексическим субстратом нами понимается весь корпус неисконных лексем, представляющих собой результат прямых межъязыковых взаимодействий, следствие билингвизма и перехода с одного языка на другой (Абаев, 1956, 65–69). Субстратная лексика обладает рядом характеристик, присущих только ей, — она статична и стабильна в пространстве, всегда отражая субстратный тип языка-донора, не выходит за границы его распространения в прошлом. Лексический субстрат не однороден и является комплексом с разными характеристиками в диахронии. Нами выделяются следующие **виды** субстрата:

1. Действительный или полный субстрат; проявляющийся в различных частях территории Северо-Запада, он может соотноситься с тем или иным языковым типом, но никогда не возводится напрямую к определенным лексическим данным. Причем нередко, анализируя такого рода данные, весьма сложно возвести их к определенному языковому типу. Так, например, мерянский субстрат можно трактовать как явление с финно-угорскими чертами, однако весьма дискуссионен вопрос о более точной соотнесенности с прибалтийско-финским типом или с исчезнувшим языком, который был близок по своим характеристикам к марийскому (Ткаченко, 1985; Матвеев, 1996, 3–21; Ahlqvist, 1998). Такой вид субстрата является наиболее ранним по времени его возникновения.
2. Неполный субстрат; представляет собой более позднее явление, его ареал не находится в зоне живых межъязыковых взаимодействий, но представляет таковую в прошлом. Сведения об этнической и языковой ассимиляции в этих зонах обычно базируются на целом комплексе данных (см.: Герд, Лебедев, 1999). Такой вид субстрата напрямую сопоставляется с материалами живых языков, хотя фиксируется вне зоны контактов, репрезентирует бывшее языковое взаимодействие и последовавшую за этим этническую и языковую ассимиляцию. Этот вид субстрата, по нашим данным, является доминирующим в русских говорах Северо-Запада.
3. Адстратный субстрат; фиксируется в контактных зонах и представляет собой результат недавней ассимиляции; обычно, он обладает большой интенсивностью и узкой локализацией.

Исходя из возможности соотнесения неисконных лексических данных с тем или иным языком-источником (или группой языков), следует говорить о т и п е языкового субстрата. На территории Северо-Запада по русским диалектным данным выделяются следующие типы субстрата: финно-угорский (общий тип не выделяется), включающий в себя — общеприбалтийско-финский, карельский (может подразделяться на севернокарельский, ливвиковский, людиковский), вепсский, водско-эстонский, коми, саамский (с возможностью более дробного членения), а также балтийский и скандинавский (см.: Лаучюте, 1982, Törnqvist, 1948).

При сопоставлении видов и типов субстрата намечается следующая картина. Для полного субстрата обычно невозможно привести языковые данные, которые определяли бы конкретный языковой тип таких материалов. Данные неполного субстрата чаще всего можно сопоставить с обобщенными характеристиками языковых типов, а для адстратного субстрата возможна даже конкретизация диалектного (неисконного) типа источника.

Тюркские по происхождению материалы, которые имеют фиксацию в русских говорах Северо-Запада, по своим ареальным характеристикам — они фиксируются в различных частях региона без образования территориально-сгруппированных данных, — а также, ввиду невозможности опоры на какой-либо автохтонный субстратный тип исследуемого региона, трактуются нами как заимствования.

Лексические материалы в зависимости от места и времени фиксации могут иметь либо субстратную, либо заимствованную природу. Так, например, слово **солomia** ‘пролив’, отмечаемое под 1391 и 1505 гг. у Срезневского, представляет собой заимствованное на древнерусской почве и адаптированное по полногласному типу прибалтийско-финское *salma* ‘пролив’ (Мызников, 2002, 102–104). Тогда как на территории Карелии бытует более поздний и достаточно частотный вариант **сáлма** ‘пролив’ (Прионежский, Кондопожский, Медвежьегорский, Беломорский, Пудожский районы), что следует трактовать как единицу адстратного субстрата карельского типа, а фиксация этой же лексемы в Каргопольском районе, вне зоны живых контактов, дает возможность рассматривать ее как явление неполного субстрата общеприбалтийско-финского типа.

Кроме того, неисконная лексическая единица, бытующая в неавтохтонном ареале, априори трактуется нами как заимствова-

ние. Так, например, лексика прибалтийско-финского происхождения, зафиксированная в русских говорах Сибири не может рассматриваться как субстратная.

Кроме субстратной и заимствованной лексики, бытующей в русских говорах Северо-Запада, отмечаются также лексические единицы, отличающиеся по своим характеристикам от этих двух разрядов. Они имеют следующие особенности: 1) бытование в зоне этноязыковых контактов; 2) нечастотность фиксаций; 3) отсутствие ареала (нередко единственная фиксация у одного информанта); 4) отсутствие базы для существования в русских говорах (эти единицы, не представляя нового денотата, являются полными синонимами к словам исконного происхождения либо к заимствованиям, уже утвердившимся в русском языке). Такие единицы предлагается трактовать как адстратные проникновения (см.: Лотте, 1982) — результат живого, адстратного влияния смежных языков. Они обычно индивидуализированы и отражают специфику личностного проявления иноязычного влияния в контактной зоне, не представляя диалектные лексические особенности какого-либо диалектного континуума в целом. Адстратное проникновение всегда можно не только связать с каким-либо определенным языковым типом, но и возвести к конкретному языку или диалекту-источнику. Несмотря на то, что период существования таких единиц достаточно короток, в современной региональной лексикографии они достаточно стабильно фиксируются, хотя их подача в словарях как обычных лексических материалов, без комментариев, на наш взгляд, не совсем корректна, поскольку, репрезентируя такого рода данные, информанты обычно делают ремарку: — *Так карелы, вепсы и т.п. говорят*. Примеры адстратных проникновений в различных контактных зонах, естественно, не будут однотипными, однако непременно соблюдается их семантическое тождество и фонетическая близость к лексической единице языка/диалекта, послужившей источником. Но если такая контактная зона представляет собой островной ареал (как русские старожильческие говоры в Литве) в иноязычном окружении, то число таких данных увеличивается, а их статус не меняется, ср. **аматóкас** ‘учащийся ремесленной школы’ при литов. *amatōkas* ‘то же’, **гáндрас** ‘аист’ при литов. *gañdras* ‘то же’, **лию́ндра** ‘снег с дождем, гололедица’ при литов. *lijūndra* ‘то же’ (Лаучюте, 1982, 86–88).

Чрезвычайно разнообразна тематически отмечаемая картина проникновений в русско-прибалтийско-финской контактной зоне.

Фиксируются наименования растений: **ка́рбола** ‘клюква’, представленная в Бологовском районе (Сеглино) по данным ПЛГО, явно восходит к кар. твер. *karbalo* ‘клюква’ (СКЯП, 88); **педáй** ‘сосна’ (Прионеж., СРГК, 4, 419) — из вепс. *pedai* ‘сосна’ (СВЯ, 405).

Отмечаются наименования предметов домашнего обихода: **вейч** ‘нож’ (Лодейноп., КСРГК), восходящее к вепс. *veič* ‘нож’ (СВЯ, 633) и **вэйчи** ‘нож’ (Кандалакш., КСРГК) — из кар. *veičši* ‘нож’ (СКЯП, 329), т. е. ареальная дистактность и незначительные, но характерные различия в форме свидетельствуют в пользу разных типов языкового воздействия.

В словаре Куликовского отмечается слово **кóмбушки** ‘четвереньки’ в Петрозаводском уезде (см. также СРНГ, 14, 228), восходящее к вепс. *kombuižed* ‘коленки’ (С. М.), ср. также вепс. *kombuižil* ‘на коленях’ (СВЯ, 222), но не фиксируемое больше нигде, только данные ПЛГО в русской речи вепсов представляют слово **кóмбушки** ‘колени’ в Вытегорском районе (Ошта). Однако хронологическая и ареальная дистактность не позволяет их рассматривать как одну и ту же единицу в диахроническом развитии.

Зафиксированное в СРНГ под 1895 годом в Крестецком уезде Новгородской губернии слово **кёрда** ‘случай’ (СРНГ, 13, 84), восходящее к кар. твер. *kerda* ‘раз’ (СКЯП, 94), позволяет указать адстратное влияние валдайских карел, ср. также кар. валд., тихв. *k'erda* ‘раз’ (ККС, 2, 138).

Лексема **ка́рья** ‘скот’, фиксируемая в Лодейнопольском районе Ереминым в 30-е годы 20 века (СРНГ, 13, 113), является проникновением из карельских диалектов, ср. кар. твер., тихв., валд. *karja* ‘скот’ (ККС, 2, 71).

В словаре Подвысоцкого имеется довольно много лексем, к которым автор приводит ремарку об их иноязычной основе: **яю́кла** «(по всему вероятно слово лопарское или корельское) — воображаемое суеверами пугало в роде лешего (по поверью между лопарями и корелами); этим же словом, в виде ругательства, обзывают русские крестьяне лопарей и корелов, которых особенно последних подозревают в сношениях с нечистой силой» (Кем., Кольск., Подвысоцкий, 2). Оленеводческая лексика практически вся подается с примечанием «слова лопарские, слова самоедские»: **гй́гна**, **й́гна**, **хй́гна** «привязываемая к голове оленя вожжа с прикрепленной на переднем конце острою костью, могущею по произволу правящего

давить оленя в лоб, чтобы заставить его повиноваться; сверх того, на гигне привязываются пасущиеся в тундре одиночные олени» Кольск., Подвысоцкий, 30); **ёна́дна**, **ёндíна**, **та́сма** «(слова самоедские) — поперечный, обвязываемый через хребет и под брюхо оленя в упряжи, в виде подпруги ремень, к которому привязывается повод (сян) другого, рядом запряженного с левой стороны оленя» (Мезен., Подвысоцкий, 42). Кроме того, Подвысоцкий указывает на лексику карельского, ненецкого, коми языков. Например, **емáндать** «(слово корельское и преимущественно корелами употребляемое) — быть в неведении, не знать» (Кем., Подвысоцкий, 42). Следует отметить, что по таким указаниям автора возможно разграничивать неисконные лексические данные на заимствования и проникновения. В том случае, если слово представляет уже адаптированное заимствование, на это тоже указывается, например: **кортóмá** «(от зырянского слова: *кортэм* — залог, прокат) — аренда, арендное содержание» (Онеж., Кем., Кольск., Мезен., Подвысоцкий, 72); **мáлкать**, **мáйтать**, **мáлтовать**, **мáлтать** «(слова корельского происхождения) — говорить, толковать, понимать, разуметь» (Помор., Подвысоцкий, 87); ср. также: **емáлтать** «не понимать» (Арх., Шешенин, СРНГ).

Фиксация проникновений в источниках характерна для современной лексикографии, хотя их подача в словарях без комментариев, как обычных лексических единиц, вряд ли может дать реальное представление о лексической системе говора, поскольку, предъявляя такую лексему, информанты осознают ее нерусское происхождение. При фиксации проникновений, относящихся к названиям животных, в иллюстрациях обычно следует ремарка об их иноязычности. Так, в Подпорожском районе отмечается слово **кóндий** ‘медведь’ (СРГК, 2, 411), восходящее к вепс. *kondii* ‘медведь’ (СВЯ, 223), причем ремарка информанта, зафиксированная в словаре, заставляет задуматься о его национальной принадлежности: — *У нас по-вепски кондий — медведь*. Подпорож. (СРГК, 2, 411). На востоке обследуемого региона в середине XIX-го века была отмечена лексема **шíра** ‘мышь’ (Ярен. Волог., Протопопов, 1847, Опыт), — результат влияния коми языка, ср. коми *шыр* ‘мышь’ (ССКЗД, 441).

Наименования пищи в качестве проникновений фиксируются нечасто, можно привести лишь слово **ли́бет** ‘хлеб’ (Кадуйск., КСРГК), которое имеет источником вепсское *liibad(t)* в партитиве

(СВЯ, 289), ср. вепс. *l'ii'b* 'хлеб' (СВЯ, 289). По КСРГК отмечается лексема **ма́йда** 'молоко' в Кондопожском р-не; по данным КСРНГ фиксируется дериват **майдóха** в этом же значении (Кашин. Твер.), не совсем корректно возводимый Калимой и Фасмером к фин. *maito* 'молоко' (Kalima, 1938, 142; Фасмер, 2, 559), более вероятно, в силу географии слов, карельское воздействие, ср. кар. *maido* 'молоко' (KKS, 3, 254), кар. твер. *maido* 'то же' (СКЯП, 154), люд. *maid* 'то же' (SKES, 328). Авторы СРНГ не включили последнюю единицу в свой словарь. Лексема **ло́хкы** 'вареная или пареная репа', зафиксированная в Кондопожском р-не (СРГК, 3, 152), представляет собой людиковское проникновение, ср. люд. *lohkoi* 'кушанье из репы', вепс. *lohkëi* 'то же' (SKES, 300).

Естественно, что проникновения представляют номинативную лексику, в подавляющем большинстве имена существительные, но иногда фиксируются единицы других частей речи. Например, можно отметить наречия: **ма́хты** 'очень' (Подпорож., СРГК, 3, 207), соотносимое с вепс. *mahtte* 'очень' (СВЯ, 316); **ва́гом** 'насильно' (Тихв., КСРГК), сопоставляемое с вепс. *vägüü, vägoi, vägõ* 'насильно, поневоле' (СВЯ, 644), при ливв. *vägow* 'сильный, крепкий' (СКЯМ, 444), люд. *vägeu* 'сильный' (SKES, 1834). Лексема **о́миш** представлена в СРГК в значении 'хорошо, ладно': – *Дом престарелых в сосняге, сориночки не найдешь, все говорят омиш, хорошо. Омиш, обычно хорошо, это по-вепски.* (Лодейноп., СРГК, 4, 199). Иллюстрации подтверждают трактовку ее как проникновение; правомерно, на наш взгляд ее сопоставление с вепс. *voitiiž* 'готовый' (СВЯ, 620), *voitiks* 'наготово' (С. М.).

Вероятно, междометие **пáйба** 'приветствие при встрече' (Подпорож., ПЛГО; Беломор., КСРГК) следует трактовать как проникновение, ср. люд. *räiv*, ливв. *räivü*, кар., фин. *räivä* 'день, солнце, приветствие' (SKES, 680–681).

Глаголы в некоторых случаях также возможно трактовать как проникновения при сходстве формы, тождестве семантики с сопоставляемым этимологом, единичности фиксации диалектной единицы, например, **му́рондать** 'ломать' Подпорож. (КСРГК), ср. вепс. *murondan* 'ломаю' (С. М.), *mereta* 'разбивать, ломать' (СВЯ, 338). Следует отметить, что данное слово не вошло в СРГК. Однако глагольная лексика даже при единичном употреблении адаптируется русской языковой системой, и поэтому с формальной точки зрения ее следует трактовать как заимствованную.

Фиксация проникновений коллектором нередко связана с опасностью записи материала не у носителей русских говоров, а у окружающих носителей финно-угорских языков. Фиксация таких слов как: **йгенет** ‘десна’ и **вётчон** ‘поясница’ (Прионеж., Алекина, 64), вероятно, является результатом записи их у вепсов, ср. вепс. *igened* ‘десны’ (С.М.), вепс. *veččot* ‘талиа, поясница’ (СВЯ, 620). Запись вариантов лексем, по форме довольно близких или практически тождественных формам в смежных прибалтийско-финских языках, также заставляет предположить сбор такого материала у нерусских информантов, ср. **хáла** ‘иней’, при субстратной единице **галога** (см. раздел «Природа») — вепс. *hala* ‘иней’; **кбйвуд** ‘березовый лес’, при вепс. *koivud* ‘березы’ (С.М.), **рáвас** ‘старый лес’, при вепс. *ravaz* ‘старый’ (СВЯ, 465), **хáпану** ‘гнилой лес’, при вепс. *haranu* ‘сгнивший’ (С.М.), **нёна** ‘носок сапога’, при вепс. *nepa* ‘нос’, **мáймикаш** ‘суп из сухой мелкой рыбы’, при вепс. *maimkaš* ‘суп из сушеной рыбы’ (СВЯ, 318). Подтверждают предположения о записи лексического материала Алекиной у нерусского населения сведения о полевой работе в населенных пунктах Шокша (Прионежского района Карелии) и Гимрека (Подпорожский район Ленинградской области), где и в настоящее время проживают вепсы (см. Алекина, 60).

Таким образом, как видно из приведенных примеров, проникновения всегда близки по форме и семантике к данным языков-источников. И хотя они фиксируются у носителей русских говоров, фонетическая, морфологическая, семантическая адаптация такого рода материала всегда минимальна, и если имеет место какое-либо несоответствие, то оно чаще всего является следствием индивидуального искажения, связанного с особенностями восприятия и попытками использовать этот новый для носителя неисконный материал в речи. Следует различать проникновение как процесс и проникновения как лексические данные. Проникновение как процесс имеет свою динамику; начало, протекание процесса, завершение, причем он непрерывен, но интенсивность его меняется в зависимости от обширности контактных ареалов и количества контактирующих индивидуумов. При интенсификации процесса ассимиляции это явление, вероятно, кратковременно может усиливаться, с тем, чтобы в дальнейшем снизиться до обычных размеров.

Проникновение как процесс протекает как через языковые контакты разноязычных индивидуумов, так и через билингвов, встав-

ляющих в свою речь единицы, присущие их родному языку, которые в дальнейшем, при наличии понятийной, реальной основы могут перейти в разряд субстратных единиц¹³. Так, например, в источниках XIX века фиксируется лексема **ра́га** ‘деньги’ в Тверской (сопоставляется с кар. твер. *rahat* ‘деньги’ — СКЯП, 229), в Олонецкой губерниях (ср. ливв. *raha* ‘деньги’ — Kalima, 1915, 193–194), в Лужском уезде Петербургской (ср. ижор. *raha* ‘деньги’ — IMS, 461), что следует рассматривать как результаты процесса проникновения в контактных ареалах. Позднее, в 1915 году в Пудожском уезде Олонецкой губернии фиксируется дериват **ра́гушка** ‘деньги’ (СРНГ, 33, 245), что свидетельствует о переходе проникновения в разряд единицы адстратного субстрата, подвергшейся словообразовательной адаптации¹⁴, ср. также **рога́то** ‘изобильно, богато’ (Пинеж., Холмог., Подвысоцкий, 147). Однако, при отсутствии условий дальнейшего вхождения этих единиц в язык и укоренения на русской почве, они, вероятно, выходят из употребления. Хотя известно на материалах различных языков, что общее наименование денег может быть неисконным, ср. др.-русск. **деньга** и татар. *täŋkä* ‘серебряная монета’, казах. *teŋgä*, монг. *teŋge* ‘мелкая серебряная монета’ (Фасмер, 1, 499); литов. *pėnigas* (pini(n)gas) ‘деньги’, польск. *pieniądze* ‘деньги’, венг. *pénz* ‘деньги’ из герм. *pending* (EONDS, 592; Fraenkel, 1, 594). В прибалтийско-финских языках гнездо *raha*, первоначально имевшее значение ‘шкурка белки’¹⁵, ср. саам. швед. *raha* ‘очень дорогая шкурка’, ‘все, что стоит очень дорого’, также восходит к германским корням, ср. др.-норв. *skrá* ‘высушенная часть шкурки’, ‘книга, на которой что-л. отмечают для памяти’ (SKES, 711–712), причем германское слово послужило источником для др.-русск. **скра** «судебник немецкого двора св. Петра в Новгороде» XIII в. (Фасмер, 3, 656)¹⁶.

Еще одно слово из этой сферы **кúккора** ‘копилка, мешок с деньгами’, зафиксированное в Пудожском уезде в начале XX в. (СРНГ, 16, 35), ср. ливв., кар. *kukkaro* ‘кошелек’ (СКЯМ, 162; KKS, 2, 416), отмечается и в настоящее время в Медвежьегорском

¹³Проблемы code switching и языковой интерференции в данной работе не рассматриваются.

¹⁴Калима, на наш взгляд, не совсем корректно возводит эту единицу к фин. *rahuska* (Kalima, 1915, 193).

¹⁵Шкурка белки была средством платежа.

¹⁶Ср. др.-русск. **скра** ‘ком, слиток, груда’ (СлРЯ XI–XVII вв., 25, 15).

р-не: **кúккора** ‘денежные накопления’ (СРГК, 3, 54), что, вероятно, следует трактовать как переход из разряда проникновений в пласт адстратного субстрата.

На наш взгляд, следует также различать языковую интерференцию, которая всегда является результатом билингвизма и фиксирует иноязычное влияние на родной язык индивидуума и живое адстратное влияние одного языкового континуума на другой. Хотя, например, на материалах английского языка в Ирландии предлагается следующее: «субстратными считаются только те заимствования, которые из качественных переходят в количественные в результате длительной ситуации двуязычия» (Крюкова, 2002, 341). Поскольку и адстратное воздействие, и языковая интерференция рассматриваются применительно к синхронии¹⁷, то возможна такая схема их дифференциации:

Вид языкового взаимодействия	адстратное воздействие	интерференция
Время протекания	синхрония	синхрония
Генератор воздействия	языковой коллектив	языковой коллектив
Реципиент, адресат воздействия	языковой коллектив	индивидуум
Сфера проявления результатов	языковой коллектив	индивидуумы

§ 7. Взаимодействие и взаимовлияние в области семантики

Прибалтийско-финские данные в ряде случаев имеют сопоставимые семантические соответствия в русских говорах Северо-Запада, что, на наш взгляд, довольно часто следует рассматривать как результат воздействия прибалтийско-финского континуума, либо как итог взаимодействия. Не исключается также и обратное влияние на русские говоры. Большая часть фиксаций лексем, которые репрезентируют семантическое калькирование, приходится на русские говоры ареалов, смежных с иноязычными. Обычно такого рода данные первоначально связаны с билингвизмом диалек-

¹⁷См. Вайнрайх, 1979, 22.

тоносителей, а их бытование в говорах обусловлено адстратным языковым влиянием. Следует отметить, что все суждения, приводимые ниже, лишь свидетельствуют о семантическом сходстве сопоставляемых единиц, которое носит индивидуальный, разовый характер, и, на наш взгляд, разработка моделей репрезентации семантически сходных, но принадлежащих различным языковым средам единиц, может быть оправдана только в отношении тщательно изученного ареала. Поэтому не во всех случаях одинаковой мотивации следует говорить о калькировании, вполне возможна и такая ситуация, когда семантически сходный материал представляет результаты независимого развития.

Например, в балто-славянском и прибалтийско-финском ареалах известно параллельное семантическое развитие концептов 'деревня' → 'пребывание в гостях', трактуемое как семантическая универсалия, отмечаемая также во французском и словенском языках (Непокупный, 1976, 82–84; Аникин, 2003а, 106). Так, лексему **пожарник** 'кипрей', вряд ли следует сопоставлять с фин. *palokukka* 'иван-чай', *palo* 'огонь', *kukka* 'цветок', ср. также нем. *Feuerkraut* 'кипрей', дословный перевод «пожар-трава»; или фин. *juotikas* 'пиявка', *juoda* 'пить' и русск. **пиявка** с той же мотивацией. Также, вероятно, лексемы вепс. *kulo* 'засохшая прошлогодняя трава', *kulu* 'старый изношенный', совпадающие семантически с русск. диал. **стáрица**, **старн́як** и т. п. 'некошенная прошлогодняя трава' вряд ли можно уверенно трактовать как семантическое взаимодействие (см. Теуш, 2003, 105–106). Кроме того, при анализе семантического взаимодействия материалы прибалтийско-финского гнезда следует подвергать отдельному рассмотрению, поскольку одни и те же дифференцирующие особенности реалии или параметры, определяющие ее сущность, могут воплощаться в сходных семантических моделях. Например, ягода голубика с опьяняющим свойством в русских говорах имеет наименование, мотивированное этим качеством: **пьяни́ка** – *А пьянику-то у нас не берут, других ягод много. А ее как поешь, так опьянеешь – чего ж ее брать?* (Кондоп., СРГК, 5, 372); **пьяни́ка** (Калин., Моск., Ряз., Калуж., Брян., Том., Амур., СРНГ, 33, 208), **пьяни́га** (Свердл., СРНГ, 33, 207). И хотя соответствующие данные прибалтийско-финских языков семантически довольно монолитны и базируются на мотивационной основе 'что-л. опьяняющее', ср. фин. *juoria* 'пьянеть': *juorikka*, *juorikka* 'голубика', кар. *juotoi*, *juotikka* 'го-

лубика' (KKS, 1, 530–531), ливв. *juotoi* 'голубика' (СКЯМ, 108), кар. твер. *juotukka* 'голубика' (СКЯП, 76), вепс. *g'õnikäine* 'голубика' (СВЯ, 99), люд. *d'juotoi*, эст. *joovikas*, водск. *jõtukas* 'голубика' (SKES, 125); однако вряд ли русские данные с аналогичной мотивационной основой следует трактовать как результат иноязычного семантического воздействия¹⁸.

Особую осторожность нужно проявлять при анализе однотипных семантически (на первый взгляд), но не всегда обязательно взаимодействующих топонимических материалов, функционирующих в различных языковых континуумах.

Семантические кальки фиксируются во многих тематических группах. Отмечаются они в лексике природы, например, в наименованиях растений: вепс. *kikoi* 'петух' ср. кар. твер. *kikoimtarja* 'плод шиповника' (СКЯП, 120), кар. *kikonmarja*, ливв. *kikinmarja* 'шиповник' (KKS, 2, 419), при дословном переводе 'ягоды петуха'; кар. *kikonvarra*, *kikonvarba* 'шиповник' (KKS, 2, 419), дословно: 'лоза, прут петуха', ливв. *kikoi-roagu* 'шиповник', при значении частей композита: *kikoi*- 'петух' и *roagu* 'жердь, прут, палка', 'деревина' (KKS, 5, 133); и русск. диал. — **петушкй, петушнйк, петушник, петушнник, петушина, петушник, петушнйк, петушья, петушня ягоды, петушня дерево**; вепс. *ahven hijn* 'рдест' (СВЯ, 23), 'вид водорослей' (ПЛГО), *ahven* 'окунь', *hijn* 'трава', фин. *ahvenheinä*, *ahvenruoho* 'водяная капуста' и русск. диал. **окунёвая трава** 'вид водорослей'; вепс. *bol* 'брусника', 'ягода' и русск. диал. **ягода** 'брусника' с фиксацией в Беломорском р-не (Сум. Посад); вепс. *tuiktad* 'щавель', *tuiged* 'кислый' (СВЯ, 333, 334) и русск. диал. **кйслица** 'щавель'; вепс. *heboçaiine* 'поленика', при *hebo* 'лошадь' (СВЯ, 111) и русск. диал. **команйка, куманйка** 'княженика арктическая или поленика'¹⁹. Присутствуют семантические соответствия и в наименованиях фауны, которые трудно однозначно трактовать как воздействие какого-л. одного языкового континуума: вепс. *kizjaine* 'муравей', *kizi* 'моча' (СВЯ, 250),

¹⁸Меркулова полагает, что лексема **гонобóль** 'голубика' связана с вепским воздействием (Меркулова, 1967, 224).

¹⁹Классификация в СРГК лексемы **куманйка** как ягоды ежевики с фиксациями в Вытегорском, Прионежском и Пудожском р-нах, на наш взгляд, не является корректной. Исходя из иллюстраций можно понять, что речь идет о поленике: — *Куманйка красна ягода, по листику, как морошка* (Прионеж., СРГК, 3, 57).

фин. *kusiainen* ‘муравей’ и русск. диал. **сикляки** ‘муравьи’; вепс. *korondič* ‘стрекоза’, при *korond* ‘коромысло’ (СВЯ, 227) и русск. диал. **коромысло** ‘стрекоза’; вепс. *jumalanboranane* ‘бекас’ (СВЯ, 158), при вепс. *jumal* ‘бог’ и русск. диал. **боговой барашек** ‘бекас, кулик’ — в Медвежьегорском р-не (Великая Нива).

Некоторые наименования пищи также можно трактовать как результат прибалтийско-финского семантического воздействия: вепс. *lohkoi* ‘репник’, *lohkaita* ‘отломить, расколоть’ и русск. диал. **ломóтник** ‘репник’ (лексема **лóхкы** ‘вареная или пареная репа’, вероятно, является людиновским проникновением — см. выше).

Лексика сенокосения также репрезентирует такого рода данные. Нижняя с развилкой подпора стога имеет наименования, в которых отразились как процессы собственно заимствования, так и семантического воздействия, ср. вепс. *korv* ‘торцовая с развилкой подпора для зарода’ (СВЯ, 228), при *korv* ‘ухо’ и русск. диал. **кóрва** с фиксацией в Прионежском р-не (Вороново, Суйсарь), а также **уши** — в Подпорожском р-не (Яндеба), **ушница** — в Подпорожском р-не (Согиницы), Тихвинском (Новинка), Пудожском (Алексеево); вепс. *kegon sija* ‘место на лугу, подготовленное для стога’ и русск. диал. **стожнёе место** ‘то же’; **кя́рега** ‘прут для прикрепления железной части косы к рукоятке’ (Подпорожский район: Усланка, Курпово, Шустручей) вепс. *käreg* ‘завязка’, *kärouta* ‘завернуть’ и русск. диал. **завёртка**, отмеченное в этом и сходных значениях (см. СРГК, 2, 94).

В рыболовецкой лексике также можно выявить материалы, которые репрезентируют воздействие семантики единиц прибалтийско-финского происхождения. Например, лексема **тю́рбень** ‘рыболовная снасть в виде сетки, натянутой на обручи’ с фиксацией в Терском р-не (Варзуга, КСРГК), вероятно, является семантической калькой; ср. **мо́рда** ‘верша’,²⁰ восходящее к фин. *merta*, но переосмысленное на русской почве; притом что **тю́рбень** имеет в своей основе русск. диал. **тю́рба**, **ту́рба** ‘морда животного’, восходящее к кар. *turpa* ‘морда животного’.

Еще одно слово **курь** ‘длинный шест у колодца, служащий рычагом для подъёма воды, журавль’, отмеченное в Волховском р-не (НОС, 4, 184), является результатом довольно сложного взаимодействия: ср. русск. **журавль** ‘большая болотная птица’, ‘приспо-

²⁰См. раздел «Рыболовецкая и охотничья лексика».

собление для подъёма воды из колодца — длинный шест, служащий рычагом’ (Ожегов) и прибалтийско-финское гнездо со значением ‘птица журавль’: фин. *kurki*, ливв. *kurgi*, люд. *kuŕg*, вепс. *kuŕg*, эст. *kurg*, ген. *kure*, ливск. *kurrig* (SKES, 245). Отсутствующее в прибалтийско-финских языках значение ‘приспособление для подъёма воды’ для гнезда *kurki*, вероятно, было инкорпорировано русскими говорами в прибалтийско-финскую форму.

Вероятно, вепсский глагол *roida* ‘бросать, раскидывать’ (СВЯ, 479) можно рассматривать в качестве источника семантического воздействия на русск. диал. **рыть** ‘бросать, кидать что-л.’ (Олон., Волог., Новг., Ленингр., СРНГ, 35, 321)²¹.

²¹Идея о возможности иноязычного воздействия на этот лексико-семантический вариант была высказана О. Д. Кузнецовой при редактировании 35 выпуска СРНГ.

Глава 1. ЛЕКСИКА ФИННО-УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. История изучения. Основные этапы²²

Проблема финно-угорского наследия в русском языке весьма обширна и многоаспектна. Довольно различна степень изученности лексических данных, вошедших в русский языковой континуум из различных финно-угорских языков. Наиболее изученными являются результаты воздействия прибалтийско-финских языков. Первые работы появились еще до выхода в свет «Опыта областного великорусского словаря» (1852 г.) и их эмпирическая база была довольно слабой. Одной из них была обширная статья П. О. Буткова «О финских словах в русском языке и о словах русских и финских, имеющих одинаковое знаменование» (Бутков, 1842). И хотя эта работа уже не отвечает современным требованиям научного анализа, некоторые этимологические версии впервые вводили русскую лексику в прибалтийско-финский контекст, например: р. **Мста** ← фин. *musta*, **мянда**, **юнда**, **ропочаг**, **тагас**. Более значимыми были труды А. М. Шегрена «Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных» (Шегрен, 1854) и Я. К. Грота «Областные великорусские слова финского происхождения» (Грот, 1854). Обе эти работы были основаны на данных, извлеченных из Опыта.

В 1890 году выходит в свет книга М. П. Веске «Славяно-финские культурные отношения по данным языка» (Веске, 1890), написанная на лексических материалах, извлеченных из словарей В. И. Даля (Даль, 1-е изд.) и Г. Подвысоцкого (Подвысоцкий, 1885). Ее можно классифицировать, как первый труд, в котором неисконные апеллятивные данные подверглись комплексному анализу. Это следует из следующих фактов.

Во-первых, довольно широка эмпирическая база исследования как русских, так и финно-угорских материалов. Анализируя заимствованные единицы, М. П. Веске довольно часто сопоставляет данные словарей Даля и Подвысоцкого. Например, он критически сравнивает толкование слова **вальчаг** у Даля: «Арх., нар. За-

²²См. подробное изложение истории изучения лексики прибалтийско-финского происхождения в работе «Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья» (Мызников, 2003а).

стойная в реке, не вышедшая в море семга» (Даль, 1-е изд.; Веске, 1890, 18), и обширное толкование Подвысоцкого: «**ва́льчаг**, **ва́льчак** — название семги в одном из ее периодических видоизменений. Ежегодно, к концу лета, рыба эта направляется из моря в реки, где с половины сентября, самка мечет икру, а самец оплодотворяет ее молоками, и в это время происходит первое видоизменение семги, в котором она называется: лох, лоховина, пан. Действие это называется **облоша́нье**, **облоховле́нье**, т. е. рыба, по выражению промышленников, успевает в это время **облоша́ть**, **обло́хвиться**: вследствие сильного утомления и отощания, красноватое мясо ее делается белесоватым и дряблым, на поверхности кожи вступают красные пятна, на нижней оконечности челюсти вырастает костяной крюк, цвет клёска переходит из черного в серебристый, хвост тончает и тело теряет бо́льшую половину веса. Так изменившаяся семга, пробыв, или как говорят промышленники, пролоншав зиму в реке, идет (говорят: лонша́ет) обратно в море, и с той поры, получая название: **ва́льчаг**, **ва́льчак** (собр. **вальча́ковина**), подвергается второму видоизменению: теряет костяной крюк, прибывает весом в мясе, которое снова краснеет, и вообще переходит в нормальный вид; но эта перемена совершается лишь постепенно, так, что еще некоторое время и в море **ва́льчаг** сохраняет роговой крюк и красные пятна на поверхности кожи, и, пока окончательно не придет в обычный вид семги, называется **кирьяк**. Помор.» (Подвысоцкий, 14). Веске упрекает Даля в лаконичности: «Из такого описания без всяких подробностей, нельзя было бы узнать значения этого слова, как финского; для этого нужны специальные словари» (Веске, 1890, 18). Однако, упреки эти не совсем справедливы, поскольку системность словаря Даля проявляется не только в организации деривационных гнезд, но и лексико-семантических, и основная информация, где представлено описание изменений внешнего вида семги в ходе икротетания, дана на слово **лох**: «сев. рыба семга, лосось, облоховившийся по выметке икры: лосось для этого поднимается с моря по речкам, а выметав икру идет еще выше и становится в омуты, чтобы переболеть; мясо белеет, плеск из черни переходит в серебристость, подо ртом вырастает хрящеватый крюк, вся рыба теряет весу иногда на половину и называется лохом. В море уходит она осенью, и пролоншав (перезимовав) там, отгуливается и опять обращается в лосося. **Лóха** зовут еще: пан, **вальчаг**, **вальчу́г**» (Даль, 2,

274). Ср. также подачу анализируемой лексемы во 2-м издании: «**вальча́г**, лох, воротившийся (свалившийся) в море из реки, а затем переходящий снова в семгу» (Даль, 1, 165). В отношении этого слова имеется прибалтийско-финская этимология, которая пошла от Веске, ср. фин. *valkea* ‘белый’ (Веске, 1890, 18). Калима думает о карельском воздействии, при этом приводит фин. *valkkolohi* ‘белый лосось’ (Kalima, 1915, 82). Итконен предлагает саамскую этимологию, ср. саам. терск. *vāld’žē²g*, кильд. *vāld’žē²r* ‘пресноводный лосось’ (Itkonen, 1932, 50). Несмотря на то, что у кольских саамов промысел семги, наряду с оленеводством, имел большое значение, вследствие чего саамы отчасти перешли на оседлый образ жизни (см. Чарнолуский, 1930, 89), все-таки нельзя исключать и возможность поиска этимона на русской почве. Речь идет о наименовании осеннего лосося, который **сваливается** из рек обратно в море, и на наш взгляд, вполне возможно рассматривать лексему **вальчаг** как отглагольный дериват на русской почве. Исторические данные свидетельствуют, что «промысел семги. . . был распространен главным среди русских и карел» (Юрченко, 2002, 188), ср. также фиксацию слова **вальчюг** ‘лосось’ – *Галичанин Махаило Алексеев с товарищи продали рыбу палтусу, троски сырой, вальчюгу*. 1676 г. (СлРЯ XI–XVII, 2, 15). Однако совершенно отказываться от саамской версии, вероятно, не стоит; не исключен и тот факт, что в русских говорах лексема **вальчаг** представляет собой обратное саамское заимствование, ср. саам. *vāitse²k* ‘осенний лосось, темный, худой, после икрометания’ (KOLTKS, 711), *vājtšio²k* ‘осенний лосось, остающийся в реке’ (KOLTKS, 774), *vailčer* ‘озерный лосось; большой лосось 16–20 кг, поднимающийся в реку в мае’ (KOLTKS, 714).

Кроме того, М. П. Веске, ввиду недостатка словарей по финно-угорским языкам и их неполноты, приводит собственные данные, которых «не найдется ни в одном словаре» (Веске, 1890, III).

Во-вторых, он включил апеллятивную лексику в широкий топонимический контекст, например, при анализе апеллятивов **кули́га**, **ку́рья**.

В-третьих, анализируя русскую диалектную лексику, М. П. Веске оперирует данными не только финно-угорских языков, но балтийских и тюркских.

В-четвертых, именно в этой работе многие русские диалектные слова впервые представлены как единицы прибалтийско-финского происхождения.

В деле изучения прибалтийско-финского лексического наследия в русском языке принимали участие многие известные ученые, оставившие заметный след и в других сферах лингвистических исследований.

Опубликованная в 1904 году книга А. П. Погодина «Севернорусские словарные заимствования из финского языка» (Погодин, 1904) стала важным этапом в деле изучения прибалтийско-финских лексических заимствований в севернорусских говорах. В ней анализируется значительный материал — 281 слово. Автор впервые отдельно разработал заимствованную глагольную лексику, посвятив их анализу отдельные главы: «Глаголы на *-айдать*», «Глаголы на *-андать*».

Наиболее весомый вклад в изучение данной проблемы внес Яло Калима, классические труды которого востребованы и в настоящее время, а его работа «Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen» с подзаголовком «Akademische Abhandlung» (Академическое исследование), представленная к публичной защите в качестве магистерской диссертации философским факультетом Гельсингфорского университета и защищенная 28 мая 1915 года, является образцом этимологических исследований неисконной лексики. Она была напечатана в типографии Финского литературного общества в 1915 году (Kalima, 1915), а затем перепечатана в «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne» в 1919 году (Kalima, 1919). Этот фундаментальный труд и по сей день входит в число наиболее полных работ по прибалтийско-финским лексическим заимствованиям. В нем представлены разработки 520 этимологических гнезд. Я. Калима использовал все источники (преимущественно диалектные), имевшиеся к тому времени, основные среди них — словари В. Даля (причем 1-е издание и 3-е издание под редакцией Бодуэна-де-Куртене), А. Подвысоцкого и Г. Куликовского. Данные словаря В. Даля использовались при выработке 196 этимологий, при том что ссылки на словарь Г. Куликовского насчитывают 195 единиц, на словарь А. Подвысоцкого — 45. Прибалтийско-финские лексические данные, которые можно было бы использовать для сравнительно-сопоставительного анализа при выработке этимологических версий, не все были изданы. Я. Калима довольно часто обращался к рукописным собраниям лексики. Таковы вепские и водские собрания Е. Н. Сетяля, чухарские Н. Ф. Лескова, людиковские И. Куйола, карельские К. Ф. Карьялайнена (см. Kalima, 1915,

s. IX–XV). В настоящее время сложилась уникальная ситуация — в распоряжении исследователей имеются материалы как по русским говорам, так и по прибалтийско-финским языкам и диалектам, что позволяет проводить более тщательное сопоставление лексических данных и выдвигать верифицированные этимологические версии. Однако появилась и возможность критически рассмотреть некоторые этимологии Я. Калимы, основываясь на включении новых данных, как по русским говорам, так и по прибалтийско-финским языкам, при применении метода ареальной верификации этимологических версий. Обратимся к анализу некоторых материалов, представленных в работе Я. Калимы.

Кўлгача. Данное слово фиксируется у Даля в значении «заворы, окóличные ворота, с тягою разного устройства, чтобы сами затворялись» (Даль, 2, 219), а также в Тр. МДК — «ворота в поле» в Тихвинском уезде Новгородской губернии (Тр. МДК, 3, 130). Я. Калима, вероятно, имея в распоряжении только эстонско-финские параллели русского слова, предлагает в качестве этимона эст. *kol'k* (ген. *kol'gi*), *kolk* (ген. *kolgu*) 'палка, палочка для закрывания дверей; цеп; коромысло, доска для выбивания; рулевое весло' при фин. *kolikka* 'планка, жердь, столб; задвижка, засов, пест' (Калима, 1915, 140). Однако слово **кўлгача** имеет длительную историю фиксации в различных источниках начиная с середины XIX века по сегодняшний день: **кўлгача** «решетчатые ворота в деревне с блоком для запора» (Тихв. Новг., Медников, 1848, КСРНГ), «ворота между изгородей на проселочной дороге; полевые ворота» (Тихв. Новг., Доп. Опыт), «ворота в конце деревни» (Волх. Ленингр., Луппова, 1954, КСРНГ), «дверной засов» (Тихв. Новг., Тр. МДК, 2, 120); в современных диалектных словарях, кроме основной лексемы **кўлгача** «ворота в изгороди на окраине в деревнях» (Тихв., Бокситогор., СРГК, 3, 55), отмечаются и фиксируются различные варианты: **кўлгач**, **кўлгачи** «ворота в изгороди, отделяющие деревню от полей» (Дрегельск., НОС, 4, 176), **кўгача** «большие ворота» (Лодейноп., СРГК, 3, 54), «ворота у выгона на поле, пастбище» (Тихв. Новг., Лодейноп., СРНГ, 15, 394); **кўгач** «изгородь» (Подпорож., СРГК, 3, 54), «закрывающийся проход, калитка, ворота в изгороди» (Тихв., СРГК, 3, 54). Фиксируется сходный материал и по ПЛГО: — *Кўлгач была, наподобие калитка, на 4–5 поперечин и на петельку делают закрывать; на петлях 2,5 метра в высоту, 4 метра в ширину* (дер. Верховье Тихвинского района, запись 2002 года).

Исходя из ареала приведенных выше примеров (восток, юго-восток Ленинградской области и север Новгородской), можно говорить о вепсской основе лексемы **кўлгач**, **кўлгача**, ср. вепс. *kuiḡač* ‘большие ворота на проезжей дороге’ (СВЯ, 251), а эстонско-финские данные, приводимые Я. Калимой, можно рассматривать лишь в качестве соответствий на прибалтийско-финской почве (см. карту). Вариант **кўгач** / **кўгача** отмечается только по лексикографическим источникам, его можно рассматривать в качестве результата живого адстартного влияния (ср. приводимое выше вепс. *kuiḡač*), однако нельзя исключать и то, что [ў] (у неслоговое), проясняющееся в современных русских говорах в [л], не всегда фиксировалось собирателями; в диалектной речи лексема **кўлгач** звучит как *kuiḡač*. Сходная неточность записи отмечается также у Озерецковского в его «Путешествии по озерам Ладожскому и Онежскому», для деревни Кулмукса (в произношении Куўмукса): «До Кижского погоста от деревни Кумуксы (пропущена [л], в речи [ў]), что при губе Кондопаге, расстояние водою близ 50 верст считать можно» (Озерецковский, 149). Сходный пример употребления [ў] отмечается в говорах юго-восточной части Вологодской области, где слово **гўлбец** ‘ящик вдоль боковой стенки печи, имеющий лаз в подполье’ произносившееся ранее как **гўўбец**, ныне лексикализовалось в **гўбец** (по данным ПЛГО).

Суффикс *-ач*, в лексеме **кўлгач** не следует рассматривать как морфему, присоединение которой произошло на русской почве. В Словаре вепсского языка (СВЯ) представлено свыше 40 слов с суффиксом *-аč*, в основном, в словах с прибалтийско-финской корневой морфемой.

На финно-угорской почве, кроме финского *kolkka* ‘короткий шест, стожар, засов, запор, задвижка, короткое весло’ (SKES, 211), сюда же относится коми *калич* ‘запор, задвижка, щеколда, крючок’, при удм. *кулич* ‘крючок на двери’ (КЭСКЯ, 115). Тогда как русск. диалект. **кўлгача** «дверной засов» (Тихв. Новг.) семантически, вероятно, восходит к вепс. *kuiḡk* ‘дверной крючок’ (ПЛГО), *kūkiite* ‘дверной или оконный крючок, засов’ (SSAP, 1, 414).

В некоторых случаях против этимологии, предлагаемой Калимой выступает ареал диалектного слова. Так, например, он относит слово **кан** ‘индюк’ к словам прибалтийско-финского происхождения, ср. фин. *kana* ‘курица’, хотя данная единица бытует в южнорусских говорах: Борисоглеб. Ворон., Касим. Ряз., Тул.

(Слов. Акад. 1908, 382); **кáнка** ‘индейка’ Астрах., Тамб., Ряз., Тул., Ворон., Моск., Смол. (Слов. Акад. 1908, 359); естественно, что Фасмера не удовлетворяет такая версия (Фасмер, 2, 176; Kalima, 1915, 104). Вероятно, здесь напрашивается сравнение со славянским материалом, ср. укр. *канюк*, *каня*, белор. *кана*, болг. *каняк* ‘коршун’, при русск. диал. **каню́к** для различных наименований птиц, в основе которых лежит своеобразие их крика. Кроме того, по форме и семантике имеются сходные данные в германских языках, ср. также гот. *hana*, др.-верх.-нем. *han(e)*, др.-нижн.-нем. *hāne*, однако, сопоставлять можно только с совр. нем. *Hahn* ‘мужская особь куриц и других птиц’ (EWD, 630), поскольку индейка была завезена из Америки в Европу в XVI веке и получила широкое распространение первоначально в Турции, а затем под наименованием *turkey* ‘индейка’ вновь вернулась в Америку. Таким образом, версия происхождения слова **кан** Калимы не кажется нам достоверной; следует отметить, однако, что в прибалтийско-финских языках гнездо *kana* ‘курица’ также не является исконным, и восходит к германскому влиянию (SSAP, 1, 297).

Некоторые данные, рассматриваемые Я. Калимой на прибалтийско-финской почве, возможно включить в балтийский контекст (хотя сам автор занимался исследованиями в сфере балто-прибалтийскофинских языковых контактов и до настоящего времени имеет большое значение его работа, вышедшая в 1936 году «*Itämerensuomalaisen kielten balttilaiset lainasanat*»).

Рáтка. Данное слово у Я. Калимы представлено только в одном значении ‘двухколесная повозка’ в Петербургской губернии (Kalima 1915, 196), хотя у Даля для этой лексемы приводится обширное описание «чухонская одноколка», «опрокидный кузов на дрогах, ящик на чебурах для возки и сыпки земли, удобрения и нечистот» (Даль, 3, 86; 2-е изд.). В настоящее время слово **рáтка** регулярно фиксируется в ярославских говорах в значении ‘телега с деревянными решетками спереди и сзади для перевозки сена, соломы, снопов’ (Аньков. Иван., Борисоглеб., Петров., Пошехон., Ростов. Яросл.) (см. ЯОС, 1989, 128); отмечается в говорах Новгородской области: **рáтка** ‘повозка на двух колесах’ (Старорус., Новг.) (см. НОС, 9, 116). СРНГ добавляет к приведенным материалам только данные словаря Элиасова: **рáтка** ‘тачка с откидывавшимися бортами’, но, поскольку достоверность этого источника вызывает сомнение (см. Аникин, 2000, 17–26), то забайкальские материалы можно не учитывать (см. СРНГ, 34, 338).

Я. Калима для лексемы **ра́тка** предлагает финские этимоны, ср. фин. *ratas* ‘колесо’, pl. *rattaat* ‘повозка, телега’, при кар. *rataš*, ливв. *ratas* ‘колесо’, эст. *ratas* ‘колесо’, pl. *rattad* ‘телега’ (Kalima, 1915, 196). Однако это прибалтийско-финское гнездо неисконно, оно восходит к балтийским данным, ср. литов. *rātas* ‘колесо, круг’, pl. *rātai* ‘телега’, латыш. *rats* ‘колесо’, pl. *rati* ‘телега’ (Fraenkel, 703), при нем. *Rad* ‘колесо’, латин. *rota* ‘колесо’, др.-инд. *rāthah* ‘телега, боевая колесница’ (EWD, 1359). Поэтому Ю. Лаучюте говорит о заимствовании из балтийского источника «через посредство финских языков» (Лаучюте, 129). Новые данные по прибалтийско-финским языкам, ср.: ливв. *ratas* ‘колесо’, *ratoi* ‘колесо’, ‘круг, отпиленный из цельной березы или сделанный из капа’ (СКЯМ, 300), кар. твер. *rataš* ‘колесико, векошка, небольшой блок в ткацком станке’ (СКЯП, 231), ижор. *rattahaD* ‘повозка’, при *raDaz* ‘колесо повозки’ (IMS, 467, 461), люд. *ratas* ‘колесо’, водск. *rataz* ‘колесо’, *rattād* ‘телега, повозка’, ливск. *rattēd* ‘телега, повозка’, расширяя круг соответствий, позволяют включить в сферу внимания ижорские и водские диалекты, которые можно сопоставить с материалами русских говоров Петербургской губернии (Петергофский уезд) и побережья озера Ильмень, хотя это никоим образом не исключает возможность балтийского воздействия. Так, например, авторы SKES полагают, что русск. **ра́тка** является результатом балтийского влияния (SKES, 743). Таким образом, западный ареал русской лексемы не позволяет достаточно обоснованно остановиться на одной из двух этимологических версий. Кроме того, дистантный ареал в ярославских говорах заставляет предположить гетерогенность этих данных по сравнению с западными (в Новгородской области и Петербургской губернии), хотя вряд ли ярославские данные следует сопоставлять с русск. **рядки** ‘двуколка для езды (двоих) с высокими бортами, на рессорах’ (Свердл., 1952, СРНГ, 35, 342). В данном случае попытка проанализировать этимологию Калимы на более широком материале ввела узко западно-севернорусские данные в более широкий севернорусский (частично общерусский) контекст, что и породило круг новых проблем, которые необходимо решать. Среди них, вероятно, главной будет следующая: при сходстве прибалтийско-финских и балтийских данных, которые могут являться источником для русского диалектного слова, можно ли определить язык-донор? И если да, то возможно ли выделение критериев этимологизирования, или в

каждом случае этот вывод о направлении заимствования будет зависеть от конкретных материалов? Кроме того, до каких пределов возможно расширение круга русских диалектных данных, подлежащих анализу? Например, **радánка** «одрец, одрина, сноповозка, долгая, большая телега» (Даль, 4, 3), **ра́дыли** ‘высокая повозка для перевозки сена, снопов’ (Смол., СРНГ, 33, 251), несмотря на сходство формы с рассматриваемыми лексемами, представляют в этимологическом плане гнездо иного происхождения, сопоставляемое с польск. *rydvan*, укр. *ридван*, из немецкого источника, ср. нем. *Reitwagen* ‘повозка’ (Фасмер, 3, 527). Причем в ряде близких материалов даже выделение дистантных ареалов (новгородские говоры — ярославские говоры) не проясняет до конца происхождения русских диалектных данных. Таким образом, расширение круга русских диалектных источников и сравнительный анализ данных смежных языков не дает достоверной этимологической версии для слова **ратка**. Вероятно, в данном случае речь может идти о множественности источников для русских диалектных материалов и их позднейшей контаминации, что делает затруднительным (или даже невозможным) конкретное указание не только на предположительный этимон, но даже и на тип языка-источника.

Еще одно слово с не совсем ясной этимологией: **кúкры** ‘плечи’ (Каргоп., Заонеж., Куликовский), **кúкры**, **кúкорки** ‘плечи, спина’ (Север, Даль, 2-е изд.). Калима с сомнением, но все же предлагает в качестве сходных, возможно этимологически первичных материалов эст. *kukru* ‘затылок’, не будучи уверенным в правильности подобных сопоставлений. (Kalima, 1915, 138). Ранее Лесков лексему **кукры**, трактуемую им как ‘плечи’, возводит к кар. *kukkuri* ‘верхняя часть плеч’ (Лесков, 1892, 100). Фасмер, на наш взгляд, весьма справедливо говорит об обособленности слов **кúкры** и **кúкорач**, **кúкарач** ‘на четвереньках’ (Фасмер, 2, 406, 407).

Семантически довольно близко к русским данным прибалтийско-финское гнездо: ср. фин. *кууру*, *кууrä*, *кууrö*, *кукrä* ‘горб’ кар. *kügrä* ‘горб’, эст. *küür* ‘горб, шишка’, ливск. *kīr*, *küür* ‘горб’, саам. норв. *guvre* ‘человек со сгорбленной спиной’, которое авторы SKES рассматривают как дескриптивную единицу (SKES, 258). Причем в финском языке имеется лексема *kuuru: olla kuurussa* ‘горбиться’, рассматриваемое как скандинавское заимствование, ср. швед. *kura* ‘горбиться’, а вопрос сопоставления фин. *кууру* и *kuuru* не поднимался (SSAP, 1, 459).

Предлагаемый Лесковым карельский источник входит в гнездо, где доминирует иная семантика, ср. фин. *kukku* ‘коническая вершина’, *kukkura* ‘холм, гора’, эст. *kikal* (ген. *kukla*) ‘затылок’, эст. южн. *kukru* ‘затылок’ (SKES, 233), ливв. *kukkuri* ‘верх, вывешивающийся из кошеля, мешка с ягодами, грибами и т.д.; ворох; горюшка’ (СКЯМ, 162), кар. твер. *kukkura* ‘гребень кровли’ (СКЯП, 120), кар. сев. *kukkura* ‘крутая гора’ (KKS, 2, 418). На прибалтийско-финской почве данное гнездо предлагается рассматривать в связи с балтийским влиянием, ср. латыш. *kukurs* ‘горб’, литов. *kukuràì* (pl.), *kukùre* ‘верхняя часть спины; горб’ (SKES, 233; SSAP, 1, 429). Френкель сводит в одно балтийское гнездо литов. *kaũkaras*, *kaukuras* ‘возвышенность, пригорок’, ‘вершина горы’ литов. *kaũkas* ‘шишка, желвак’, ‘приспособление, при помощи которого рыболовная сеть протягивается подо льдом’, *kaũkos* ‘железы’, *kukãrai* ‘верхняя часть спины около плеч’, *kùkštara* ‘верхняя часть спины’, латыш. *kukurs* ‘горб’, *kùkums* ‘горб, нарост’, сопоставляемое с *kukt* ‘изгибаться’, ‘отвесить глубокий поклон’, литов. *kùkti* ‘нагибаться’, относя сюда же русск. **кукры** ‘плечи’, **кука** ‘кулак’ и далее германские данные, ср. готск. *hauhs* ‘возвышенность’ (Fraenkel, 1, 230), обходя, однако, стороной сопоставления с прибалтийско-финскими данными.

Скандинавское гнездо, в числе единиц которого швед. *kura* ‘горбиться’ (см. выше), послужившее источником для финского слова, вряд ли связано с анализируемыми русскими данными (**кукры**), ср. также норв. диал. *kura* ‘лежать спокойно’ (EONDS, 424).

Исходя из приведенных выше материалов, можно резюмировать следующее: лексема **кúкры**, фиксируемая спорадически на обширной территории Северо-Запада, не может рассматриваться как результат прибалтийско-финского воздействия, поскольку обычно следствием такого влияния является устойчивый западный ареал подобной лексемы, отсутствующий в данном случае. Слово **кúкры** отмечается в семи районах обследуемого региона (Медвежьегорском Карелии, Любытинском Новгородской, Вашкинском, Кирилловском, Шекснинском Вологодской, Каргопольском, Пинежском Архангельской областей), однако доминирующий дериват **закúкры** значительно расширяет ареал безаффиксальной лексемы, делая его довольно устойчивым и практически сплошным в говорах по течению р. Мологи, Белозерья и Пошехонья и на смежных территориях. При чем фиксация сходных ка-

рельских данных, ср., кар. сев. *kykrä* ‘горб’, ливв. *kygrä* ‘то же’ (KKS, 2, 509), не проясняет направление заимствования. Всего лишь можно говорить о том, что карельские и русские сопоставляемые лексемы близки по форме и семантике (лексема вепс. *kukrad* ‘заплечье, закорки’, отмеченная по ПЛГО, но не представленная в СВЯ, скорее всего, является обратным русским заимствованием).

Большое значение для выработки методов исследования финно-угорского наследия в русском языке имеют работы А. И. Попова. Именно ему принадлежит идея подхода к такого рода данным как к субстрату: «Это в сущности даже не заимствованная лексика в собственном смысле слова, а лексика субстратного происхождения, сохранившаяся пережиточно в . . . русских говорах» (Попов, 1952, 13–14). Видя сложность и неоднозначность адаптационных моделей при освоении заимствованной лексики и возможность дифференцированного к ним подхода, А. И. Попов отмечал «сложное переплетение карело-финских и вепсских данных с местными русскими лексическими материалами при широком действии элементов народной этимологии» (Попов, 1972, 11).

§ 2. Лексика финно-угорского происхождения в памятниках письменности и русском литературном языке

Контакты прибалтийских финнов и восточных славян насчитывают примерно 1 тыс.–1,5 тыс. лет²³. Вероятно, что лексические вхождения, как результат первых контактов, не могли представить большой набор заимствованных лексических единиц. В данной работе мы ограничиваемся только двумя лексикографическими источниками по древнерусскому периоду — это «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского и «Словарь русского языка XI–XVII вв.». У Срезневского отмечается примерно 40 лексем прибалтийско-финского и саамского происхождения, относящихся к разным сферам жизни человека. Большинство из них в настоящее время фиксируется в русских народных говорах (по данным лексикографических источников). Только одно слово **пърь, пръ** ‘парус’, отмечаемое у Срезневского под 907, 922, 1204 гг., не встречается позднее в диалектных источниках. Его можно сопоставить с эстонско-финским

²³ Анализ проблемы первых контактов не входит в задачи данной работы.

purje ‘парус’, при вепс. сев. *puřeh*, ливв. *purjeh*, саам инар. *puurjas*, кильд. *porjas* ‘парус’, при том что на прибалтийско-финско-саамской почве это слово рассматривается как исконное, дескриптивной природы (SKES, 652).

Имеются данные, относящиеся к сфере духовной культуры, и хотя иногда при их фиксации подчеркивается, что речь идет не о славянской народной жизни, тем не менее, такие лексические единицы, вероятно, уже являлись заимствованиями на древнерусской почве в датируемый период. Например, **арбуи** ‘жрец, идолослужитель (в Чуди)’: – *Скверные молбища разорити, а арбуевъ и ихъ учениковъ, идолопоклонниковъ, просвьтити*. Вотск. Пят. 1548 г. (Срезневский, Доп., 6), ср. также **арбуи** ‘знахарь, колдун’ под 1534 и 1551 гг. (СлРЯ XI–XVII вв., 1, 45). Фиксируется также глагол **арбовати** ‘приносить языческие жертвы, совершать идолослужение’: – *Арбуи надъ кануны ихъ арбуютъ сквернымъ бѣсомъ*. Вотск. Пят., 1548 г. (Срезневский, Доп., 6); ‘колдовать (о действиях арбуев)’ (1534 г., СлРЯ XI–XVII вв., 1, 45). Лексемы **арбуи** и **арбовати** отмечаются в Стоглаве, О. А. Черепанова полагает, что появление их в тексте связано с митрополитом Макарием, который был архиепископом новгородским, и фиксации слова **арбуи** под 1534 г. связаны с его именем (Черепанова, 1983, 21–22). Следует отметить, что субстантив **арбуи** ‘колдун’ отмечается в псковских говорах (Гдовский район, Ивановщина, ПОС, 1, 68), причем данное слово входит в тот круг материалов, которые фиксируются и по псковским памятникам письменности.

Калима с сомнением возводит лексему **арбуи** (имея в распоряжении только данные Срезневского) к водск., фин. *arpoja* ‘прорицатель, предсказатель’ (Kalima, 1915, 79). Фасмер, соглашаясь с версией Калимы, отмечает меньшую вероятность заимствования из мар. *arbuji* ‘жрец, колдун’ (Фасмер, 1, 84). На прибалтийско-финской почве русское слово не возводится к конкретному языку, ср. ижор. *arpoja*, *arpija* ‘колдун’, вепс. *arboi* ‘колдун, предсказатель, гадалка’, водск. *arpoja* ‘колдун’, ливск. *arbi* ‘колдун’, отмечается распространение сходных финно-угорских данных: удм. *urveš*, *urbet’š* ‘дух, вызывающий болезнь’, ‘обряд жертвоприношения, изгоняющий злой дух’, венг. *orvos* ‘врач’, венг. диал. *urus* ‘колдун, волшебник’ (SKES, 24–25; SSAP, 1, 84). Более поздние данные значительно расширяют это гнездо, ср. ижор. *arpuli* ‘колдун, толкователь снов’ (IMS, 19–20), ливв. *arbaila* ‘гадать, строить

догадки', *arbaitus* 'загадывание, загадка' (СКЯМ, 21), кар. твер. *arvawtuš* 'загадка', *arvuaja* 'отгадчик' (СКЯП, 16), вепс. *arboi* 'гадалка, ворожея', *arboita* 'гадать, ворожить' (СВЯ, 32–33). Следует отметить, что авторы SKES гнездо *arpoja* считают частью более обширного объединения: фин. *arpa*, кар. *arba*, ливв. *arbu*, вепс. *arb*, эст. *arb*, водск. *arp*, 'жребий', при саам. норв. *vuor'be* 'жребий' (SKES, 24–25), при возможности его германского происхождения: др.-норв. *arfr* 'наследство', швед., норв. *arv* 'наследство', при нем. *Erbe* 'наследство' (SSAP, 1, 83). Таким образом, прибалтийско-финские данные вряд ли могут быть связаны со сходными тюркскими, ср. тюрк. *arba* 'колдовать, предсказывать, заговаривать, давать советы, советовать; бранить, выразить неудовольствие на кого-л., порицать', *arbau* 'хитрый ответ, колдовство' (Радлов, 1983, 1, 335–336)²⁴, *orba* 'звуки колдовского барабана', уйгур. *arvış* 'волшебство' (SKES, 25). Следует отметить, что венгерские и удмуртские данные, вероятно, тюркского происхождения, а мар. *arbuĵ* 'жрец, колдун' заимствовано из древнерусского языка.

Два слова, связанные с наименованиями погребений — **коломище** 'могила, место могил' (Вотск. пят., 1534 г.) и **кёрста** 'гроб', с вариантами **кърста**, **корста**, **коръста**, **кръста** 'гроб', а также дериватами: **керстица**, **кърстица**, **кръстица**, **корстица**, **кърстьца** 'ящик' (Срезневский, 2, 1206, 1411), **керста** 'ящик; гроб, рака' и **керстица**, **коръстица**, **користица** 'ящик, ящичек; ларец' (Сл. РЯ XI–XVII вв., 7, 116, 345) — фиксируются и по диалектным источникам нового времени (см. «Наименования погребений»).

Значительная часть лексики прибалтийско-финского происхождения представляет собой терминологию ландшафта: **кошька** 'отмель, коса' (Двин. уезд, 1551): — *На Ширвшемской кошки полъ тони*. Прав. гр. Корел. мон., 1571 (Срезневский, 3, 145); при кар. *koški*, саам. кильд. *kūšk* 'порог' (SKES, 222). **Корга** 'каменистый отлогий берег' Купч. Кирил. мон., 1568 (Срезневский, 3, 144), при кар. *korgo* 'скала, песчаная мель, небольшой остров' (Kalima, 1915, 129). Естественно, что иноязычные лексические единицы, входя в древнерусский язык, осваивались по его законам. Так, например, прибалтийско-финское *salma* 'пролив' на древнерусской почве видоизменяется по полногласному типу: **соломья** 'пролив' — *Поидетъ мизжа. . . в большое соломья въ прямъ на трубу, а съ Куко озера съ*

²⁴См. также Иллич-Свитыч, 1967, 344.

болшаго соломяни на тетеревиньи мохъ. Обв. меж. зап. 1391 г. Причем в такой огласовке данная единица фиксируется и в современных русских говорах в Медвежьегорском, Кондопожском районах Карелии, однако более частотен поздний вариант **сáлма** ‘пролив’, отмечаемый на обширной территории от Кольского полуострова до Каргополья. **Солóмя** в значении ‘проток’ фиксируется также в Торопецком уезде Псковской губернии (по данным Копаневича — 1902–1904, КСРНГ), кроме того, отмечается прилагательное **солóменный** ‘проточный’ на этой же территории.

Около половины лексем тематической группы ландшафта в некоторых случаях у Срезневского не получают толкования, однако, опираясь на данные севернорусских говоров, возможно определение их семантики. Например: **селга** ? под 1391 г. можно сопоставить с совр. диал. **сéльга** ‘продолговатая возвышенность, поросшая лесом’ (Заонежье, Беломорье), при кар. *selka*; **корба**: – *Ялгондой рикюю вь верхъх до сухои чернои корбы.* Обв. меж. зап. 1391 г. (Срезневский, 1, 1285), ср. русск. диал. **кóрба** ‘густой еловый лес’ (Обонежье), при вепс. *korb* ‘частый дремучий лес’; **ламба**: – *Поидет мижса черезъ селгу межъ щелъи на ламбу.* Обв. Меж. Зап. 1391 г. (Срезневский, 2, 7), при русск. диал. **лáмба** ‘небольшое лесное зеро’ (Обонежье), при кар. *lambi* ‘небольшое лесное озеро’. Также не имеет толкования слово **кугмакъ**: – *На Риндозирской сторонъ стоитъ еловои кугмакъ.* Обв. Меж зап. 1391 г. (Срезневский, 1, 1356). Оно имеет дефиницию со знаком вопроса ‘место, заросшее еловым лесом’ (СлРЯ XI–XVII вв., 8, 103). Однако, опираясь на данные прибалтийско-финских языков и русских говоров, можно уточнить значение этого слова. Так, у Куликовского отмечается лексема **кугмáч** ‘верхняя часть головы, макушка’ (Повен. Олон., Куликовский; СРНГ, 15, 395), сопоставляемая с кар. *kuhta* ‘возвышенность, выпуклость, бугорок’, ливв. *kuhti* ‘шишка, круглый холм’ (KKS, 2, 402). Таким образом, сочетание **еловой кугмак** следует толковать как ‘холм, поросший елью’. Также не имеет толкования лексема **ропочагъ**: – *Съ ямы на... елки, да съ елок на ропочагъ.* Разъезж. На земли Кириллова монастыря, 1555 г. (Срезневский, 3, 165), при широком бытовании в вологодских говорах сходных данных: **ропотча́**, **ропочь** ‘густой молодой лесок; лесная чаща’ (Тотем. Волог.), **ропочáжник** ‘густые непроходимые заросли мелкого кустарника — обычно ольхи’ (Кадн. Волог., СРНГ, 35, 180), которые сопоставляются Калимой с

эст. *garakas* ‘густой кустарник’ (Kalima, 1915, 205). Еще одно слово, не имеющее характеристики его семантики, — **мянда**: — *На Кондратовъ мохъ да на высокую мянду*. Отводн. кн. Кемск. п. 1462 г. (Срезневский, 2, 255) — широко распространено в севернорусских говорах, ср. **мянда** ‘редкослойная сосна’ (СРГК, 3, 284), при кар. *mäntü*, ливв. *mändö* ‘редкослойная сосна’ (SKES, 359).

Значителен также лексический пласт, связанный с рыболовством: наименованиями лодок, рыболовных ловушек, рыб. Кроме единиц, обозначающих орудия лова, которые вынесены в качестве заголовочных слов: **керевод** ‘рыболовная снасть особого устройства’ (1453 г.), **юнда** ‘мережа’ (1551 г.), **гарьва** ‘снасть для ловли рыбы’ (1577 г.), можно выделить еще одно слово, которое сопоставляется с последним, но имеет другой консонантизм — **харва**: — *А брати имъ та десятая рыба семга со всякого улову. . . со всякихъ ловцовъ, съ неводчиковъ, и съ харовъ, и съ рьчныхъ заборов*. И. И. Срезневский восстанавливает заголовочную единицу **харъ** с вопросом к слову, ср., однако, иллюстрацию для слова **гарьва**: — *И с харовъ четвертая рыба* (1577 г.), т. е. перед нами различие консонантизма в лексемах **гарьва**, **харва**, которое связано с его дифференциацией еще на прибалтийско-финской почве. Вепское воздействие отражается через начальный [г], карельское — через [х].

Слово **ушкóйка** фиксируется и в современных русских говорах и определяется как ‘долбленая из осины лодка-однодревка с двумя прибивными досками-балансирами по бокам; с наращением бортов дощатым набоем’ (Логинов, 1993, 70). По Срезневскому отмечаются следующие данные: **ушкуи** — 1320 г., **ускуи** — 1418, **оскуи** — 1473, **скуи** — 1463, **ушкуль** — 1553. Кроме того, фиксируются варианты: **ушкaл**, **ушкoл**. По КСРГК и КСРНГ для значения ‘челн, небольшая лодка’ представлены лексемы **ушкуйка** (Медвежьегор.), **ушкóй** (Вытегор., Амосов), **ушкúй** (Вельский р-н). В словаре Куликовского со значением ‘маленький челн, душегубка, лодка’ даются слова **úшкой** (Вытегор., Повен., Заонеж.), **úшкой** (Заонеж.). Миккола обосновывает древневепское происхождение анализируемого слова. Зафиксированное в древнешведской хронике под 1320–1321 гг. в рассказе о событиях на Ладожском озере, слово *usko* вместе с его синонимом *hapa*, ср. совр. фин. *haarjo* ‘челн из осины’, свидетельствует о древности своего бытования в исследуемом регионе. Миккола полагает, что вепс-

ская форма **uškoï* восходит к более древней **wiskoï*, поскольку в вепском языке после дифтонга с конечным [j], [s] переходит в [š] с утратой второго компонента дифтонга (Mikkola, 1913, 163–166). Я. Калима в основном соглашается с этимологией Микколы (Kalima, 1915, 235).

Значительный пласт лексики фиксируется только в другом весьма важном источнике — Словаре русского языка XI–XVII вв. Не было ранее фиксаций для таких слов как **репуга** ‘кошель, куль’ (Кн. Пер. Водск. Пят., 1500 г.) с авторскими примечаниями: ср. фин. *reppi, repukka* ‘кошель, куль, котомка’ (Сл. РЯ, XI–XVII вв., 22, 146).

Согра, согрь ‘болотистая местность, поросшая мелколесьем и кустарником’ с первой фиксацией в 1497 г.: – *А понятия то мокрое место называют сахтою, а лыва и согра тож.* Гр. Дв., 1648 г. (СлРЯ XI–XVII вв., 26, 78) Таким образом, лексика прибалтийско-финского происхождения, зафиксированная в памятниках письменности древнерусского периода (в основном, местного значения), не повышая свой статус до общенародного, сохранилась в севернорусских говорах. Кроме того, около 60 слов прибалтийско-финского²⁵ происхождения вошли в словари русского литературного языка²⁶. Довольно много наименований рыб: **кámбала** ‘плоская морская рыба с глазами на одной стороне’ (БАС, МАС, Ожегов, СИС, Слов. Акад. 1792), ср. фин. *kampela, kampelo* ‘то же’ (Kalima, 1915, 102; Фасмер, 2, 173), саам. *kāmbel* (Itkonen, 1932, 63); **кíлька** ‘небольшая рыбка сем. сельдевых’ (БАС, МАС, Ожегов, Слов. Акад. 1914), ср. эст. *kilu* ‘то же’ (Kalima, 1915, 117; Фасмер, 2, 233); **кóрюшка** ‘небольшая промысловая рыба’, ср. кар., ливв. *kuoreh*, фин. *kuore* ‘корюшка’ (Kalima, 1915, 130; Фасмер, 2, 344); **лох** ‘лосось, самец семги в период икрометания’ (БАС), ‘название самца семги в период нереста’ (МАС; Слов. Акад. 1792), ср. кар., ливв. *lohi* ‘лосось’ (Kalima, 1915, 155; Фасмер, 2, 524); **мóйва** ‘маленькая рыбка из сем. корюшковых, с удлинённым, сжатым с боков телом; употребляется обычно как наживка; всякая мелкая рыба’ (БАС, Слов. Акад. 1847), ср. фин. *maiva* ‘мелкая рыба’ (Kalima, 1915, 166); **пáлья, пáлия** ‘крупная озерная рыба

²⁵О саамских и коми заимствованиях см. раздел «Субстратный языковой ландшафт русских говоров Северо-Запада».

²⁶О русских заимствованиях в финском литературном языке см.: Plöger, 1973.

сем. лососевых' (БАС, Слов. Акад. 1793, Ушаков, 1939), ср. вепс. *pal'* 'вид лосося' (Kalima, 1915, 180; Фасмер, 3, 194); **рйпус** 'рыба сем. лососевых' (БАС), ср. люд. *riäpüs* (Kalima, 1915, 211; Фасмер, 3, 485); **рйпушка** 'небольшая рыба сем. лососевых' (БАС, МАС, Ожегов, Росс. Целлариус, 1771), ср. фин. *rääpys*, вепс. *räpus* (Kalima, 1915, 211); **сáйда** 'северная морская промысловая рыба сем. тресковых' (БАС, МАС, Даль, 3-е изд.), ср. саам. *sajte*, фин. *saita* (Kalima, 1915, 212; Itkonen, 1932, 64; Фасмер, 3, 546); **салáка** 'мелкая морская промысловая рыба, разновидность сельди' (БАС, МАС, Ожегов, Ушаков), ср. фин. *salakka* (Kalima, 1915, 212); **сиг** 'северная пресноводная промысловая рыба сем. лососевых' (БАС, МАС, Ожегов, Нордстет), ранее отмечалось **сиговина** 'мясо сига' (1563, Срезневский, 2, 344), ср. вепс. *sīg*, фин. *siika* 'то же' (Kalima, 1915, 217). Однако, при наличии в русских говорах значительного числа рыболовецкой лексики, она не получила отражения в общенародном лексиконе. Отметим лишь, что БТС представляет в качестве второго омонима лексему **мóрда** 'рыболовная снасть в виде корзины конической формы с узким входом' — от фин. *merta* (народно-разг.).

Фиксируются в словарях два наименования морских млекопитающих: **нерпа** 'ластоное млекопитающее сем. тюленей' (БАС, МАС, Ожегов), при ранних фиксациях более близких к этимону — **нёрпа** (Слов. Акад, 1847), ср. фин. *norppa* 'то же' (Kalima, 1915, 172). Вариант с [e] возник, вероятно, ввиду упрощенного написания слова (без ё) с неясной внутренней формой. Слово **моржъ** отмечается по памятникам письменности с 1526 г. (СлРЯ XI–XVII вв., 9, 264), в современных источниках — **морж** 'крупное ластвоное млекопитающее из сем. моржовых, с короткой усатой мордой и большими клыками в виде бивней' (БАС, МАС, Вейсманнов Лекс., Ожегов). С 1556 года лексема *mors* 'морж' фиксируется во французском языке (совр. франц. *morse*), где трактуется как заимствование из фин. *mursu* или саам. *morsk* (DELF, 486), хотя авторы SSAP, предполагая саамскую или карельскую этимологию, указывают на то, что в международную терминологию слово вошло через посредство русского языка, ср. также англ. *morse* (SSAP, 2, 181–182).

Ряд лексем прибалтийско-финского происхождения представляет собой единицы различных терминологических систем: географической, метеорологической, сельскохозяйственной, но все они

немногочисленны и не составляют значительного пласта: **ла́йда** ‘заболоченный луг на низменном побережье северных морей’ (БАС, Слов. Акад. 1847), **ла́йды** ‘низменные побережья северных морей, заливаемые во время высоких приливов; покрыты лугами’ (СИС), ср. фин. *laito* ‘мелкий, неглубокий’ (Kalima, 1915, Фасмер, 2, 451); **ту́ндра** ‘природная географическая зона, занимающая южную часть арктического пояса Земли, характеризующаяся суровым климатом, безлесьем, развитием мхов, лишайников’ (БАС, МАС, Ожегов, Слов. Акад. 1794), ср. саам. *tūndar, tunder* ‘высокая безлесная гора’, фин. *tunturi* ‘то же’ (Kalima, 1915, 227; Itkonen, 1932, 65; Фасмер, 4, 120); **па́хта** ‘отвесная скала над водой’ (БАС — обл., Слов. Акад. 1847), ср. саам. *pahte* ‘скала, утес’ (Itkonen, 1932, 64), фин. *pahta* ‘каменная плита’ (Kalima, 1915, 182). Слово **кошька** ‘коса, отмель’ (1551 г.) — *На Ширгшемкоу кошьки полз тони* (1571 г. Срезневский, 3, 144), несмотря на его фиксации с XVI века, сохранило свой областной статус: **ко́шка** ‘песчаная или каменистая отмель, коса’ (БАС — обл., Слов. Акад. 1847), ср. саам. терск. *koške* ‘сухой’ (Itkonen, 1932, 53; Фасмер, 2, 360). Ряд слов получил более широкое распространение и отражение в словарях: **мы́за** ‘отдельно стоящая загородная усадьба с сельскохозяйственными постройками (преимущественно в Прибалтике)’ (БАС, МАС, Ожегов, Вейсманн, 1731, Слов. Акад. 1793), ср. эст. *mõiz* ‘двор, имение’ (Kalima, 1915, 169); **ри́га** ‘большой крытый сарай для сушки снопов и обмолота’ (БАС, МАС, Ожегов, Слов. Акад. 1794), ранее фиксировалось **ригачь** ‘место под ригую и ее принадлежностями’ (1568 г., Срезневский, 3, 120), ср. кар., фин. *riihi* ‘гумно, овин’ (Kalima, 1915, 199; Фасмер, 3, 482); **пурга́** ‘сильная метель, вьюга’ (БАС, МАС, Ожегов, Слов. Акад. 1847), ср. кар. *purgu*, фин. *purku*, вепс. *pu'g* ‘метель’, при коми *purga* ‘метель’ (Kalima, 1915, 190).

В лексикографических источниках отмечается несколько наименований средств передвижения по воде, которые следует рассценивать как историзмы или регионализмы: **ка́рбас** ‘большая поморская высокобортная лодка для перевозки грузов’ (БАС — обл.), ‘грузовое гребное или небольшое парусное судно на Белом море и реках, в него впадающих’ (МАС), ‘на Севере: большая лодка для рыбного промысла, перевозки грузов’ (Ожегов), ср. вепс. *karbaz* (Kalima, 1915, 105; Фасмер, 2, 195); **ла́йба** ‘большая двухмачтовая лодка с косыми парусами на Балтийском и Белом море, Дне-

пре, Днестре' (БАС, МАС, Яновский, Слов. Акад. 1847, СИС), ср. ливв., фин. *laiva* 'лодка, судно' (Kalima, 1915, 147; Фасмер, 2, 513); **сбйма** 'старинное русское парусное грузовое судно' (БАС, Слов. Акад. 1794), ср. фин. *soima*, ливв. *saĩtu* 'парусное судно' (Kalima, 1915, 219; Фасмер, 3, 707). [O1]

Резюмируя можно отметить, что бо́льшая часть лексики прибалтийско-финского происхождения, входящей в словари русского литературного языка, представляет, в основном, периферию лексической системы с невысокой степенью узуса, исключение в этой связи представляют наименования рыб.

§ 3. Лексика прибалтийско-финского происхождения в различных жанрах фольклора

В данной работе была предпринята попытка проследить наличие лексики финно-угорского происхождения в сказках и былинах. Для этой цели были выбраны сказки братьев Соколовых и А. Н. Афанасьева (в той части, где имеется их географическая севернорусская привязка), а также былины в записях П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга в связи с тем, что все они были собраны в Обонежье. Весьма интересным, на наш взгляд, может быть сравнение числа лексем, вошедших в различные жанры фольклора, в сказки и былины.

Вопросы специфики языка фольклора давно разрабатываются в контексте различных проблем. Причем взаимоотношения диалектной речи, языка фольклора и литературного языка анализировались с разных позиций, нередко приводящих к противоположным выводам (Богословская, 1985; Евгеньева, 1963; Оссоветский, 1975; Хроленко, 1991; Филин, 1981). Хотя понимание того, что «речь сказочников, сказочниц, певцов, певиц и областной говор — не одно и то же» (Соколов, 1908) пришло уже давно, лексика фольклора, не функционирующая в русском языке вне его произведений, включается в диалектные словари (Сороколетов, 1974) даже несмотря на то, что ее лексикографическая разработка нередко связана с серьезными трудностями, среди которых такие, как: выделение заголовочной формы слова, осознание семантической сущности фольклорного слова для практической реализации ее в виде толкования и др. Так, например, в СРНГ именно фольклорный материал вызывал и вызывает критические замечания по

поводу его лексикографической репрезентации. Представленная в этом словаре лексема **велѐи** с пометой фольк. имеет толкование 'шашки': – *Играют (богатыри) в шашки-шахматы, Во тыи велѐи золоченые*. Пудож. Олон. (Рыбников). *Да играли мы с тобою в шашки в шахматы Да во славны во велѐи во немецкие*. Олон. (Соболевский, СРНГ, 4, 106). Л. Г. Гусева рассматривает лексему в ее связи с древнерусским **велии** 'большой, великий, благородный' (Гусева, 1996), однако в данном случае фольклорная единица **велѐи** возникает в результате трансформационного переразложения слова **тавляя** 'шашечница, игра в шашки' (Даль, 4, 384). Причем в текстах Рыбникова (см. выше) этот процесс еще прослеживается, тогда как в записях Соболевского он уже завершен, что и позволяет выделять в качестве заголовочной форму **велѐи**. Свод Рыбниковым лексем, для которых требовалось объяснение, в небольшой словарь, опубликованный в 3-м томе (Рыбников, 3, 1864), позволил включить лексические данные его записей с зафиксированной автором семантикой не только в областные словари, но и рассматривать их в работах этимологического плана. Напротив, лексика текстов Гильфердинга, как самодостаточный материал для анализа, только начинает разрабатываться в лексикографическом аспекте (Хроленко, Бобунова, 1997). И только внимательное прочтение позволяет усомниться в толковании в СРНГ лексемы **кисóвый** 'сделанный из тиса, тисовый' (СРНГ, 13, 238); безусловно, здесь речь идет о тесовой кровати, что должно быть отражено в толковании 'сделанный из теса, тесовый', исходящего из логики текста Гильфердинга²⁷.

Изучение заимствованной лексики фольклора имеет основательную исследовательскую традицию, однако анализу подвергалась преимущественно лексика общенародного фонда. Так, в диссертации Козловой «Заимствованная лексика в языке русского фольклора» (Козлова, 1974) отмечается, что в былинах фиксируется 33 единицы восточной лексики, 19 единиц типа **идол**, **карниз**, и 98 единиц является принадлежностью всех фольклорных жанров (**генерал**, **балкон**). Существенным недостатком (или главной особенностью) такого рода работ является их ограничен-

²⁷О чередовании к/т см.: Мызников С. А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах (лингвогеографический аспект)// XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 430.

ность лексическими данными текстов, без углубленности в этимолого-историческую сторону исследуемых слов, что нередко приводит к выводам дескриптивного характера.

§ 4. Прибалтийско-финская лексика в севернорусских сказках

В сборнике Афанасьева нами анализировались сказки, которые имели отметку, что они были записаны на территории северных российских губерний. Весьма интересным стал факт, зафиксированный в ходе анализа, что отмеченная заимствованная лексика в этом жанре численно не превосходит таковую в былинах. Вероятно, это связано с рядом обстоятельств: 1) сказки, в отличие от былин, имеют широкую географию записей, в том числе и далекую от ядерных контактных ареалов; 2) сказки, как более демократический жанр фольклора, вероятно, более подвержены изменению их лексической составляющей; 3) былины, как наиболее архаический жанр фольклора, более устойчивы в своем лексическом составе.

Наибольшее число заимствованных единиц было зафиксировано в сказках о животных. Например, в «Сказке об Ерше Ершовиче» фиксируется 8 слов финно-угорского происхождения. Среди них представлены наименования рыб: **сорога** 'плотва': – *Рыба сорога на пожаре была, глаза запалила и понынче у нее красны* (Афанасьев, 124), ср. ливв. *sārgi* 'плотва' (Kalima, 1915, 221); **гарьюс** 'хариус'²⁸: – *Придумала рыба-сом с большим усом: послать или нет за ершом гарьюса. У гарьюса губки тоненьки, Платъецо беленько, речь московска, походка господска* (Афанасьев, 130–131); **вандыш** 'маленькая рыбка, снеток'²⁹: – *У судного дела сидели люди добрые: дьяк был Сом с большим усом, а доводчик Карась, а список с судного дела писал Вьюн, а печатал Рак своей заднею клешнею, а у печати сидел Вандыш переславский* (Афанасьев, 139); **сиг** (ср. фин. *siiki*), **лодуга**: – *Живет в немецкой области под Иваном-городом в реке Нарве, по имени рыба Сиг, да другой, господа, человек доброй, живет в новгородской области в реке Волхове, по имени рыба Лодуга* (Афанасьев, 136). По лексикографическим источникам отмечается лексема **лудога** 'рыба сиг' на Ладожском озере (Даль). В словаре Куликовского отмечено три варианта: **лудога** (р. Свирь, Петрозаводский уезд), «зобатый сиг,

²⁸Этимологию см. в разделе «Наименования рыб».

²⁹Этимология дана в параграфе «Рыболовецкая и охотничья лексика».

ловящийся в Онежском озере»; **лудега** или **лудера** (Заонежье) «разновидность рыбы палы; самец имеет красноватый оттенок, самка черные бока; мясо желтого (у самки почти белого) цвета». У Сабанеева отмечено наименование **палья лудожная** или **лудная**; **лудожский сиг** дается Шамаховым (СРНГ, 17, 180). Вероятно, сюда же относится **лудыга** 'период осеннего лова рыбы'. Волх., Ладож. Петерб., 1888 (СРНГ, 17, 180). Отмечены варианты с [o] в первом слове **лодог** «порода северной рыбы, обитающей в реке Сосьве» у Даля, у него же — **лодожина** 'мясо рыбы лодог' (см. также СРНГ, 17, 106). В исследуемом регионе удалось зафиксировать слова, имеющие, возможно, отношение к анализируемому гнезду: **лугач** 'мелкая рыба' в Пудожском р-не (здесь может быть вариант лексемы **мугач** 'мелкая рыба, мелкий окунь') и **ёлдыга** 'небольшой сиг' в н.п. Пога Пудожского р-на. Калима в качестве финского этимона приводит фин. *luotosiika* (Kalima, 1915, 156), Фасмер повторяет его материалы. Однако не вполне ясно, как из финского композита могла получиться русская форма **лудога**. Более аргументированная версия у Герда, который считает, что «можно предположить, что слово **лудога** довольно широко употреблялось в прибалтийско-финских диалектах для обозначения определенного вида рыб, несколько отличного от других сигов, ср. фин. *luutokka*, *luutokka-siika*, *luoto*». По мнению Герда, из прибалтийско-финских диалектов южного Приладожья слово **лудога** проникает в соседние русские говоры (Герд, 1969, 169). На наш взгляд, приведенные выше прибалтийско-финские формы — это заимствования из русских говоров, что подтверждается вокализмом этих слов — *luutokka*, где долгое [uu] — явно из русского; к тому же, в финских словах уже утрачена мотивация, так как *luu*, *lu* имеет значение 'кость' в прибалтийско-финских языках. По-видимому, прав Озерецковский, который писал: «На Ладожском озере ловят сигов около луд, потому сиги оные лудогою или превратно лудошкою называются» (Озерецковский, 1792, 112). Т. е. заимствованное слово **луда** в качестве одной производной получило наименование сига, которое было заимствовано обратно в прибалтийско-финские диалекты. Приводимые Пушкаревым (Пушкарев, 1902, 162–166) различные названия сига, в которых прилагательные служат указанием на места, где водится эта рыба, или на качество мяса, или строение тела, на наш взгляд, подтверждают версию о русском происхождении слова **лудога**: **сиг сиголо-**

вый, сиг низовой, сиг проходной, сиг зобатый, ямный сиг, сиг песчаная, сиг песочный, сиг паровой, челмужский сиг, меженный сиг, сиг шальский, сиг верхосвирка, сиг свирский, сиг-килец. Пушкарев замечает, что ялгубцы (Петрозаводский уезд) говорят **кильця**, что, по-видимому, связано с вепс. *kil'č* (ср. вепс. *kil'č-n'ena* 'курносый нос'. А наименование **лудожский сиг**, наряду с **лудожная палья**, ведёт к форме **сиг-лудога**. Таким образом, вот как проходил процесс: кар. *luodo, lod* 'подводная каменистая мель' → русск. **луда, лода** 'то же' → русск. **лудога** 'сиг, который водится на лудах' → фин. *luutokka, luutokka-siika*.

Еще одно наименование рыбы — **палтос** — также отмечается в этой сказке: — *Сбиралися леци в земскую избу И думали думу заедино, И написали просьбу И подавали Белозер-Палтос-рыбе: «Матушка Белозер-Палтос-рыба! Почему ершишко-плутишко, Худая головишко, разжился, распоселился в нашем Ростовском озере»* (Афанасьев, 130); вариант **палтус** фиксируется в словарях литературного языка и сопоставляется с саам. *pāldes* 'вид камбалы' (Itkonen, 1932, 64).

Кроме наименований рыб, здесь же фиксируется лексема **морда**: — *Вчера рыба-сёмга На ерша злым голосом кричала, А сегодня мужику в сеть попала. Ерш семге подивовал, И сам на утренней зоре вздремал, Мужику в морду попал* (Афанасьев, 133). Отмечается слово **кóргá** 'гряда камней в воде', 'камень или пень, лежащий на дне реки; плотное песчаное или каменистое дно озера и реки': — *Щука в озеро нырнула, хвостом плеснула, ерша в коргах нашла* (Афанасьев, 126), ср. кар. *korgo* 'скала, песчаная отмель, небольшой остров' (Kalima, 1915, 129).

В «Сказке о Ершишке-плутишке», которая является пудожским вариантом «Сказки об Ерше Ершовиче», фиксируются три слова прибалтийско-финского происхождения: **гарьюс, палтус** и **рупачи** 'спинной плавник ерша, окуня' (Аванесов, 1949, 254): — *Трешчина приплыла к ёршу и говорит ершу: Ершишко-плутишко, вас палтус-рыба звала в суд. Ерш растопырил свои рупачи, повернулся к трешчины. Последняя лексема отмечается в Пудожском р-не (Авдеево, Алексеево, Песчаное) по ПЛГО, в словаре Куликовского приводится только лексема **рúпа** 'колючка растения, иглы ерша, ежа, колючки и т.п.' на Выгозере. Калима возводит заимствование к кар. *гира* 'колючки спинного плавника рыбы' (Kalima, 1915, 207).*

Два слова отмечаются по другим сказкам, но также тематически связанным с животным миром: **кичига** ‘инструмент для обмолота зерновых, головок льна’: – *Пришли поповы дочки да волка кичигой зашибли да из шкуры себе шубу сшили* (Лиса-повитуха. Арх. Губ., Афанасьев, 1, 21)³⁰; **шаньга** ‘ватрушка или хлеб из пшеничной муки, обмазанный сметаной и маслом’ (Лиса-лекарка. Шенк. Арх., Афанасьев, 1, 33)³¹.

Несколько слов отмечается в волшебных сказках: **сима** ‘крепостная стена’ – *Ударь палицей, чтобы он перескочил за симу* (Арх., Афанасьев). Вероятно, слово связано с влиянием вепсского типа, ср. вепс. *sijn* ‘стена здания’ (СВЯ, 509), при кар. *seinä*, люд. *sein* ‘стена’; прибалтийско-финское гнездо – балтийского происхождения, ср. литов. *siena*, латыш. *siēna* (SKES, 990). Хотя, поскольку слово не анализировалось в этимологической литературе, в дальнейшем может появиться и другое прочтение этого материала. Единственную фиксацию имеет слово **рямки** ‘лохмотья’: – *Экой ты! Весь в рямках, где тебе деньги взять? – говорит ему маркитант, – у меня рюмка водки рублем пахнет* (Арх., Афанасьев, 2, 141). Хотя в архангельских говорах представлены значительные данные: **рямкí**, **рямóк**, **ремóк** ‘лохмотья, отрепье’ (Арх., Холмог., Шенк., Подвысоцкий, 151); вероятно, эти данные являются результатом прибалтийско-финского влияния, ср. ливв. *rätü*, кар., фин. *rätä* ‘разбитая или плохая вещь’, *rätü* ‘хлам, старье’ (SKES, 912). В сказке «Иван-Дурак», записанной в Шадринском округе Пермской губернии, фиксируется лексема **тюрик** ‘деревянный цилиндр, на который сматывают пряжу’: – *Те посмеялись над ним и дали на смех какой-то расколотый тюрик на место седла; парень наш приделал к нему подпруги и надел на худую кобыленку* (Афанасьев, 3, 425–426)³², а также **дубас** ‘род одежды, вид сарафана’: – *Вместо пологу мать дала какой-то старый дубас*³³ (Афанасьев, 3, 426). Лексема **кучко** ‘собака’ из сказки, запи-

³⁰Имеется версия о финно-угорском происхождении этого слова, ср. фин. *käsi*.

³¹Об этимологии слова **шаньга** см. раздел «Питание».

³²Имеются версии прибалтийско-финского, ср. вепс. *torvik*, и тюркского происхождения, ср. тюрк. *türük*, турец. *dürük* ‘сверток, свиток’.

³³Сопоставляется с финно-угорскими данными, см. Фасмер, 1, 548. А. И. Попов рассматривает это слово как севернорусское исконное (Попов, 1955, 9).

санной в Архангельской губернии, имеет соответствия в пермских языках: – *Батюшко, говорит сын, — я обернусь кобелем и схвачу лисицу, как наедут охотники и станут отбивать зверя, молви им: господа охотники, у меня свой кучко есть, я тем голову свою кормлю; охотники скажут: продай нам кучка; ты и продай* (Арх., Афанасьев, 2, 471). Авторы КЭСКЯ, на основании наличия в коми лексем *кути, кутян, кутю* ‘щенок’, при венг. *kutya* ‘собака’, манс. *kūtjiw* ‘собака’, предполагают ее финно-угорское происхождение (КЭСКЯ, 147); ср. также удм. *кучани* ‘щенок’ (УРС, 162), при хант. казым. *кõžй* ‘собака’ из коми (Toivonen, 1956, 35–36). Авторы SYRW предполагают, что в коми язык слово пришло из русского, что подкрепляется славянскими данными, ср. укр. *котюга* ‘собака’, словац. *kot’uha* ‘то же’, болг. *куче* ‘то же’, при латыш. *kucis* ‘собака’ (SYRW, 131; Фасмер, 2, 434).

§ 5. Лексика прибалтийско-финского происхождения в былинах

Выбор былин в записях П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга обусловлен тем, что имеется возможность сопоставления их данных с нашими полевыми диалектными материалами, собранными в Обонежье по достаточно плотной сетке (44 населенных пункта)³⁴ с целью выявления в русских говорах этого региона лексики прибалтийско-финского происхождения. Следует отметить, что первичный этап изучения этого материала, связанный с именем Я. Калимы и характеризовавшийся накоплением лексических данных и их первичным этимологизированием, ушел в прошлое. В настоящее время анализ лексики прибалтийско-финского происхождения должен быть основан, прежде всего, на верификации имеющихся в нашем распоряжении этимологических версий. Причем крайне важно использовать ареальный метод в поисках источника слова, заключающийся как в описании ареала слова, так и в лингвогеографическом изучении избранных концептов, дающих преимущественно прибалтийско-финскую лексическую манифестацию. Данный метод дает неплохие результаты в зонах первичных ядерных контактов прибалтийских финнов и славян и малопродуктивен в зонах вторичных перемежающихся миграций разной направленности. Известно, что в Обонежье анализируемые данные представля-

³⁴Мызников С. А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья. АҚД. СПб., 1994.

ют собой лексический субстрат, который обычно статичен и стабилен в пространстве языкового диалектного континуума и всегда, отражая субстратный языковой тип, не выходит за границы его распространения.

Кроме того, выход в свет «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК) предоставил новые лексические данные на широком севернорусском фоне, что крайне важно для их сопоставления с материалом былин. Весьма важным обстоятельством является и то, что имеются синхронные сведения по словарному составу русских говоров Обонежья, записанные ненамного позднее текстов былин Гильфердинга, — это «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. Куликовского. Хотя следует сразу отметить, что этот труд подвергался не совсем обоснованной критике со стороны А. И. Соболевского в связи с его выдвижением в 1901 г. на соискание Ломоносовской премии (Соболевский, 1903).

Нами не ставилась цель анализа соотношения текстов П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Основные задачи сводились к разработке лексико-этимологической проблематики, включающей в себя: 1) выявление в настоящих текстах всего корпуса лексем прибалтийско-финского происхождения; 2) рассмотрение предметно-понятийной соотнесенности выявленных слов; 3) сопоставление данных, полученных из текстов былин с соответствующей лексикой русских говоров Обонежья; 4) выявление типа языка-донора (по возможности — диалекта).

Оставляя в стороне дискуссию о сущности языка фольклора, отметим только то, что в исследуемых текстах былин фиксируется местная диалектная лексика, в том числе, и с узкой локализацией, исконного происхождения, что априори позволяет предположить о проникновении слов прибалтийско-финского происхождения через русские говоры в анализируемые тексты. Хотя весьма примечателен и тот факт, что ряд былин был записан П. Н. Рыбниковым «от кореляка Василия Лазарева» (Рыбников, 3, 242), однако возможность языковой интерференции в данном случае отвергается, поскольку в текстах, записанных от этого сказителя, искомая лексика так же единична, как и в других.

Общее количество слов прибалтийско-финского происхождения, выявленное в текстах былин, ненамного превышает два десятка. Из них только 6 слов встречаются у обоих авторов, 8 лек-

сем, зафиксированных у Рыбникова, не отмечаются у Гильфердинга; 9 единиц, обнаруженных в записях Гильфердинга, отсутствуют у Рыбникова. Распределение выявленных слов по тематическим группам дает следующую картину: доминирует лексика природы (наименования ландшафта, птиц, рыб), имеется сельскохозяйственная лексика, присутствует также ряд слов, обозначающих реалии домашнего обихода. По частеречной классификации отмечается преобладание существительных (около 20-ти единиц), несколько глаголов и одно прилагательное. Почти все слова, зафиксированные в текстах былин, широко употребительны в севернорусских говорах, как по источникам XIX века, так и по современным данным (включая региональные лексикографические источники и данные ПЛГО). Однако имеется ряд слов, отмечающихся только в былинах, — это дериваты, образованные от заимствованных корней. Так, например, глагол **мáлтать** ‘понимать, смыслить, разуметь’ бытует в русских говорах почти на всей территории Северо-Запада (СРНГ, 17, 339; СРГК, 3, 194, 195), присутствуя и в былинах: — *Так она (молодая Путьятична) не малтала Господу Богу молитися* (Рыбников, 2, 192, Кижская волость, запись у Лысанова); а префиксальные дериваты этого глагола отмечаются только в исследуемых текстах. Фиксируется глагол **порозмалтаться**: — *Как все они да порозмалтались, Все по стульям, по скамейкам покарабкались (богатыри)* (Рыбников, 2, 344, Пудож. уезд, Филимоновская волость, Сумозеро, запись у Андрея Сорокина). Глагол **приомалтаться** ‘прийти в себя, справиться’, представленный в списке непонятных и областных слов (Рыбников, 3), с объяснением Рыбникова — от карельского корня *малтада* с иллюстрацией: — *Тут Илья приомалтался*, отсутствует в тексте былины, вероятно, в результате опечатки: — *Тутто Илья приотшатался, Приотшатался приомотшался* (Рыбников, 1, 49, Пудож. уезд, Купецкая волость, дер. Буракова, запись у Никифора Прохорова). Точно так же отмеченное у Куликовского в Петрозаводском уезде слово **гóрмоветь** ‘плесневеть’, ср. кар. *harmoа* ‘серый’, *harmata* ‘посесть, посереть’ (KKS, 1, 176–177), лежит в основе деривата — **призагормоветь** ‘призаплесневеть’: — *Белоярово пшено призагормовело* (Рыбников, 3, 137, Пудож. уезд, Шальский погост, дер. Гагарская, зап. у Потапа Потахина). Одно прилагательное **рипсоватый**, отмеченное у Рыбникова, имеет в основе заимствованный субстантив; сам автор объясняет его

следующим образом — «От рибуша, испорченного из карельского рипак, которое из русского тряпка»: — *Рипсоватые подолы Почезерочки; Рядные сарафаны Кенозерочки* (Рыбников, 2, 44, Каргопол. уезд, дер. Красные Ляги). Слово **ластинья**, встречающееся у обоих авторов, по текстам былин употребляется только в форме множественного числа, т. е. является *pluralia tantum*, тогда как в говорах Обонежья доминирует деривационный вариант **ластега** ‘длинная тонкая пластина, отколота от дерева; щепка’ (СРГК, 3, 99). У Рыбникова лексема **ластинья** представлена с семантическим пояснением ‘дрань’: — *Да расшиб (Добрыня) весь сырой дуб да по ластиньям* (Рыбников, 3, 67, Пудожгорский погост, зап. у крестьянина Бутылки; см. также Рыбников, 1, 128). Запись Гильфердинга и сюжетно и ареально повторяет текст Рыбникова: — *Как ударит тут Добрынюшка во сырой дуб, Он расшиб же дуб да весь по ластиньям* (Гильфердинг, 1, 141. Повен. уезд. Пудожгорский погост дер. Горка, зап. у Петра Калинина). Ср. вепс. *last* ‘расколотое полено для лучины’, ‘лучина для изготовления корзин’ (СВЯ, 278).

Сопоставление тематических групп слов прибалтийско-финского происхождения, выявленных в текстах былин и зафиксированных в русских говорах Обонежья, дает следующие результаты. В говорах группа птиц насчитывает 24 лексемы, тогда как в текстах былин фигурирует два наименования. Одно из них — **кóппала** ‘глухарка’: — *А мошник-от на море крестьянин, Коппола крестьянская женка* (Гильфердинг, 1, 563, Пудож. уезд, Купец. волость, дер. Мелентьевская, запись у Ивана Фепопова); — *Мошник-от на мори крестьянин, Коппала крестьянская женка* (Гильфердинг, 3, 516, Кенозеро, дер. Немеятовская, запись у Андрея Максимова). Слово **кóппала** широко распространено в русских говорах Карелии, Мурманской, Архангельской областей (СРГК, 2, 419). Этимология его достаточно изучена и, вне всякого сомнения, связана с карельским влиянием, ср. кар., ливв. *korrala* ‘глухарка’ (см. также: Kalima, 1915, 128; Фасмер, 2, 317; Аникин, 1997, 314). Наименование кулика зафиксировано у обоих авторов в разных вариантах, у Рыбникова отмечаются **ветлик**: — *Колзан на море поддеверье, ветлик-ключник-язычник* (Рыбников, 3, 339, зап. в Петрозаводске) и **ветлюк**: — *Ветлюк на море травник, сам ябедник* (Кижская волость, дер. Боярщина, запись у Щеголенкова). У Гильфердинга фигурирует вариант **вытлюк**: — *Вытлюк на море*

травник, сам ябедник, Кулик на море долгоногий, Сам-то тонконосы́й (Гильфердинг, 2, 379, Кижская волость, дер. Боярщина, запись у Василия Щеголенка). Как видно из приведенных иллюстраций, записи, в которых фиксируется лексика прибалтийско-финского происхождения, были сделаны у одного человека. Однако представлено три варианта. В Словаре Куликовского даны варианты **виклю́к** (Петрозаводский уезд) и **витлю́к** (Заонежье) с общим значением ‘вальдшнеп’, кроме того, имеется еще вариант **ветлик** без акцентуации и географической пометы, что позволяет предположить заимствование данной единицы у Рыбникова. Первая этимологическая версия появляется у Рыбникова, который пишет что «ветлюк по объяснению зоолога С. А. Усова по эпитету травник — ближайший к зую, который по-зырянски *wjetal*» (Рыбников, 2, LXXIV). Однако вряд ли это предположение может быть принято, как по соображениям фонетического, так и ареального характера. Более приемлемо искать источник в прибалтийско-финских языках: люд. *vikl'I*, кар. *vikli*, ливв. *vigli*, фин. *vikla*, вепс. *vitli, vitlik* ‘кулик’ (SKES, 1761), а лексема из коми языка, вероятно, заимствована из русского. Различие в вокализме [e] — [и] может быть связано с ослабленной артикуляцией, вызванной редукцией гласного в заударном слого. Фиксация различных консонантов в данных Куликовского: **виклю́к** — **витлю́к** объясняется на этимологической почве. Вариант с [т] довольно частотен и бытует на более широкой территории, включающей практически все Обонежье, чем вариант с [к], распространенный в части Подпорожского района и в Кондопожском районе. Эта ареальная дифференциация позволяет возводить вариант с [т] к вепсскому влиянию, ср. вепс. *vitlik*, а вариант с [к] — к людико-ливвиковскому, хотя нельзя исключать возможность расхождения вариантов на основе внутридиалектных фонетических процессов в русских говорах Обонежья.

Лексика ландшафта в говорах насчитывает около двухсот слов, в былинах же фиксируется 5 лексем. Слово **корба**, по толкованию Рыбникова, «чаща мелкого леса» (Рыбников, 3), отмечается в записях обоих авторов: — *Первая застава — болота зыбучие, Болота зыбучие, корбы дремучие* (Рыбников, 2, 329, Пудож. уезд, Филимонов. волость, дер. Сумозеро, зап. у Андрея Сорокина); — *А ты ведь еще, Михайлушка, ко тыи ко корбы ко темный, Ко тыи ко грязи ко черный* (Гильфердинг, 1, 461, Пудож. уезд, Купец. волость, дер.

Буракова, запись у Никифора Прохорова). В словаре Куликовского **кóрба** ‘ложбина, поросшая большим дремучим лесом, чаща, трущоба’ фиксируется в Петрозаводском, Вытегорском, Лодейнопольском уездах. По письменным источникам это слово отмечается с 1391 г. (Kalima, 1915, 128). Дериват **корбушки** ‘зыбучие болота’ представлен у Барсова. Соответствующий материал в карельских и вепсских диалектах, являющийся источником русских данных, сходен по форме и семантике, ср. кар. *korbi* ‘глухой темный лес, обычно еловый’ (KKS, 2, 331), вепс. *kor'b* ‘глухой лес’ (СВЯ, 225), что, на первый взгляд, затрудняет вывод о конкретном языке-источнике. Однако, по данным ПЛГО, **кóрба** ‘густой еловый лес’ фиксируется в Подпорожском р-не (Заозерье, Усланка, Курпово, Шеменичи, Шустручей, Яндеба, Юксовичи, Важины, Пидьма, Ульино, Гоморовичи), в Прионежском р-не (Суйсарь, Ладва, Педасельга), в Пудожском р-не (Колово, Пяльма, Авдеёво), в Кондопожском р-не (Колгостров, Гангозеро, Чоболакша, Лижма), в Медвежьегорском р-не (Сенная губа, Челмужи), при том, что слово **кóрба** почти не встречается в заонежских говорах, т. е. оно в основном распространено в зоне субстратно-адстратного влияния вепсских диалектов, что делает наиболее вероятной вепсскую этимологию.

Одна лексема из группы ландшафта, имеющая фиксацию только у Рыбникова, вызывает до сих пор большой интерес по поводу ее этимологической интерпретации. В списке непонятных и областных слов лексема **ольга** имеет толкование ‘топкое болото’ (Рыбников, 3): – *Первая застава — ольги топучие; А другая застава великая, у матушки Пачей реки* (Рыбников, 3, 19, 22, Пудож. уезд, Колодозер. волость, дер. Пирзаковская, зап. у Трофима Романова). Это слово в списке Рыбникова было замечено В. И. Далем и помещено во 2-е издание (в 1-м издании оно отсутствует), но с совершенно невозможным для Обонежья ударением на конце слова (у Рыбникова знак акцентуации отсутствовал). Г. Куликовский, как и его предшественник в деле севернорусской региональной лексикографии А. Подвысоцкий, использовал словарь Даля иногда в качестве источника, иногда как справочное пособие для поисков и более широкого представления своих авторских данных. Вероятно, именно под влиянием словаря Даля появляется у Куликовского лексема **ольга** ‘болото’ с ударением на первом слоге и дается географическая помета — Петрозавод-

ский уезд. Таким образом, можно утверждать, что только фиксация слова **ольга** Рыбниковым является оригинальной, а материалы Даля и Куликовского вторичны. Кроме того, следует отметить, что в более поздних источниках данная лексема не отмечалась. Существует несколько версий в отношении ее происхождения. Рыбников высказался за связь слова **ольга** с корнем влага (Рыбников, 3). Калима сравнивает данный материал с фин. *alho* 'низина, болото, топь', замечая, что источник заимствования нужно искать в карельских или вепсских диалектах (Kalima, 1915, 175). Однако принять версию Калимы не позволяет различие в типах вокализма — прибалтийско-финское [a] — русское [o], тогда как такое соотношение в субстратной лексике имеет место только в вологодских говорах, причем смена вокализма происходит уже на русской диалектной почве. Например, в вепсском произношении ойконим в Бабаевском районе произносится как *Voilaht*, при официальном русском названии Войлохта³⁵. В русских говорах Обонежья прибалтийско-финскому [a] соответствует русский [a], ср. **сáлма** 'пролив' при ливв. *salmi* 'пролив' (СКЯМ, 324); хотя в отношении некоторых заимствований можно отметить такую особенность, когда прибалтийско-финскому двухсложному слову соответствует русское трехсложное с трансформациями по типу древнерусск. **градъ** — **город**, ср. **салма** — **соломя**: — *Пойдет мижя... в большое соломя въ прямъ на трубу, а съ Куко озера съ большого соломяни на тетеравиньи мохъ* (Книга межевая обводная, под 1391 г., Срезневский; Kalima, 1915, 213). Фасмер, отвергая версии о родстве слова **ольга** с латин. *alga* 'водоросль', норв. *ulka* 'плесень, слизь', а также с литовским гидронимом *Alga*, не выдвигает, однако, собственной этимологии (Фасмер, 3, 137). На наш взгляд, этимологическому анализу должна подвергаться лексема **ольга** не как ареально-фонетическая уникалия, а как произносительный вариант, не подлежащий обособленной интерпретации. Имея в виду широкое распространение в русских говорах Северо-Запада мены [p] — [л] и [л] — [p]³⁶, вероятно, следует отнести дан-

³⁵О чередовании гласных а/о см.: Матвеев А. К. Некоторые вопросы адаптации ударных гласных в финно-угорских субстратных топонимах Русского Севера // Советское финно-угроведение. VIII. 1972, 1, с. 1–6.

³⁶О чередовании р/л см.: Ahlqvist A. Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // *Studia slavica finlandensia*. Т. XV. Helsinki, 1998. S. 176.

ную единицу в качестве фонетического варианта к основной опорной лексеме **орга**, которая частотна и устойчива в русских говорах Обонежья и фиксируется в разных значениях: 'глухой, непроходимый участок леса, чащоба', 'густой ельник, еловая чаща', 'поросшая лесом низина', 'поросшая травой низина, используемая для покоса', 'лужа' (СРГК, 4, 234). Слово **орга** представлено также и у Гильфердинга: – *Тогда зарождалась Вольга богатырь. От его славы богатырю Орги-ты вси приумолкнули, Птица улетела вся под оболочку* (Гильфердинг, 1, 247, Пудож. уезд, дер. Рим, запись у Аксины Фоминой). Однако в записях Рыбникова эта лексема отсутствует, но фиксируется в сказках Ончукова: «*Теперь на орги большой стоит тридеветь розбойников*», с толкованием автора – **орга** 'овраг или топкое место, поросшее лесом' (Ончуков, 1908, 326). В русских говорах Обонежья, Каргополья также доминирует лексема **орга** 'болотистое место', 'густой темный еловый лес' (Гусева, 1971, 130; Михайлова, 1986, 831), отмечается она и в лексикографических источниках. У Куликовского она зафиксирована в двух значениях: 'овраг, поросший лесом' в Вытегорском уезде и 'топкое место, поросшее дурным лесом' в Пудожском уезде; в словаре Подвысоцкого **орга** толкуется как 'покрытое плесенью озерцо'. Данное слово имеет давно утвердившуюся этимологию, которая связана с карельским влиянием, ср. кар. *orgo* 'водянистая ложбина, поросшая ельником', 'овраг' (KKS, 4, 59), люд. *org* 'лощина, низина' (SSAP, 2, 271; Kalima, 1915, 176).

Слово **лүда** 'подводный камень, каменистая мель' бытует на всей территории Карелии, а также в Архангельской, Мурманской, Ленинградской областях (СРГК, 3, 154, 155), части Новгородской области (НОС, 5, 49). В текстах былин представлено у обоих авторов, у Рыбникова фиксируется **луда**: – *Берите-ко щупы железенные, Щупайте во синем море: Нет ли луды или камня* (Рыбников, 3, 242, Повен. уезд, дер. Кименецы, зап. у Василия Лазарева); у Гильфердинга – **лудья**: – *А взымайте-ко шестики мерные вы, А миряйте-ко лудья морски-то эти, А чтоб ним молодцам туда поехать* (Гильфердинг, 1, 494, Пудож уезд. Купецкая волость, дер. Буркова, зап. у Никифора Прозорова). Данный материал традиционно связывают с карельским влиянием, ср. кар. *luodo*, ливв. *luodo* 'каменистая мель, подводный камень' (Kalima, 1915, 155; Фасмер, 2, 528; Аникин, 1997, 374).

Лексема **щельга** ‘каменистая возвышенность, холм, скала’ широко представлена в говорах Обонежья: в Пудожском, Медвежьегорском, Прионежском районах, а также в говорах Беломорья. В анализируемых текстах слово **щельга** фиксируется только у Гильфердинга: – *Он (Святогор) поднялся на щельгу великую, Каменьев кидать своими руками богатырскими: – Если поедет Самсон-то ведь Самойлович, я убью камнями и великими Со щельги со крутою* (Гильфердинг, 2, 310, Кижская волость, дер. Боярщина, зап. у Василия Щеголенка). Вероятно, данное слово связано с кар. *šelkä*, люд. *šel'g* ‘скала, горный кряж’ (SKES, 995) с безусловной контаминацией с русск. **щелье** ‘каменный гладкий, пологий приморский берег’, отмечаемым в архангельских говорах.

При наличии в говорах Обонежья значительного количества слов прибалтийско-финского происхождения сельскохозяйственной сферы, в текстах былин их употребление единично. У Гильфердинга фиксируется лишь одно слово – **кубоча** ‘сноп’: – *Как бывала тут корова обжорица, По кубоче соломы да на раз ела. По лохани да питья е да на раз пила, Ела, ела, пила, пила сама лопнула* (Гильфердинг, 1, 122, Повен. уезд, Пудожский погост, дер. Горка, запись у Петра Калинина). В русских говорах преобладает вариант **кубáч**, который имеет широкую дистрибуцию в Беломорье, Обонежье, на территории Новгородской и Ленинградской областей (СРГК, 3, 44, 45; НОС, 4, 167). У Куликовского представлен вариант **кубáча**, зафиксированный в Петрозаводском, Вытегорском, Пудожском, Каргопольском, Повенецком уездах. Данная лексема восходит к кар. *kubo* ‘сноп, связка’ (KKS, 2, 461).

Одно слово прибалтийско-финского происхождения, отмеченное у Гильфердинга, – **но́дья**: – *Они шли разбойники день до вечера, Да тут разбойники ночью сделали, Да все разбойники спать легли* (Гильфердинг, 3, 317, Кенозеро, дер. Кузминская, запись у Александра Костина) – через русские говоры вошло в охотничью терминологию и широко распространилось в восточном направлении вплоть до говоров Урала и Сибири. Например: **но́дья** ‘костер таежного типа из двух сухостойных бревен, расположенных одно над другим, а также место у костра для временной ночевки в лесу’ (Словарь охотника-природолюбца, 83), **но́дья** ‘большой костер, разводимый охотниками’ (СРГНО, 335), **на́дья** ‘лесной охотничий костер, устроенный из двух бревен, положенных одно на другое’ (СРГСП, 321). Данное слово восходит к вепс. *nod'j*, *nod'g* ‘охотни-

чий костер' (СВЯ, 362)³⁷.

Одно слово, отмеченное по текстам Рыбникова, не анализировалось с точки зрения его происхождения, однако, возможно предположить для него прибалтийско-финскую этимологию, это лексема **лач**: – *Отмыкайте кованы лачи, Насыпайте-тко первую мису красна золота* (Рыбников, 2, 18, зап. Лысановым). Кроме фиксации у Рыбникова, слово **лач** в фольклорном тексте представлено в Макарьевском уезде Нижегородской губернии: – *Отпирай закованнны лачи* (Зимин, 1920). В СРНГ, где данное слово оформляется во множественном числе **лачи**, оно с сомнением сопоставляется с лексемой ларцы (СРНГ, 16, 298), однако здесь же фиксируется сходный материал **ла́ча** ‘плетеный заплечный кузов для переноски различной поклажи’: – *В лаче носил еду в поле*. Вост. Мар. АССР, 1952 (СРНГ, 16, 297), что позволяет соотнести фольклорную единицу у Рыбникова и диалектное слово в Поволжье с вепс. *lač* ‘кадка, деревянная бочка’ (СВЯ, 296). В удорском диалекте коми языка также бытует подобная лексема – *latš* ‘вид бочки с крышкой для кваса, пива, воды’ (SYRW, 134), вероятно, заимствованная из вепсского языка³⁸. Однако, поскольку вепсское слово не этимологизируется на финно-угорской почве, направление заимствования остается под вопросом.

Тематическая группа наименований рыб прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья насчитывает примерно 100 единиц, тогда как в рассматриваемых текстах зафиксировано только одно слово **сорога** ‘плотва’ по записям обоих авторов (Гильфердинг, 3, 174; Рыбников, 3, 119; запись у Ивана Сивцева-Поромского, Кенозеро). Данное слово традиционно считается финно-угорским заимствованием, ср. фин. *särki*, хант., манс. *soroh* ‘название рыбы’ (Фасмер, 3, 721), следует отметить, что в говорах Обонежья фиксируется более поздний вариант **сярга**. Иногда материал, помещенный Рыбниковым в список непонятных и областных слов, толкуется им не совсем корректно, при том что семантика, наряду с формой слова и его ареалом, являются основными компонентами анализа при выявлении возможного иноязычного этимона. Так, например, он толкует слово **зенька** как ‘колы-

³⁷См. параграф «Лексика скандинавского происхождения».

³⁸О такого рода заимствованиях см.: Лыткин В.И. Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей. М., 1956. С. 179–189.

бель': – *Красны девицы спят по ошесткам, Малые ребята спят по зенькам* (Рыбников, 2, 59, 25, Петрозав. уезд), что позволяет его сравнить фин. *sänky*, кар. *sängü* 'постель, кровать', при конечном этимоне из швед. *säng*, норв. *seng* (SKES, 1168). Однако, с разъяснениями Рыбникова категорически не согласен Куликовский, который пишет: «Для Петрозав. объяснено не правильно: «малые ребята спят по зенькам» не значит, что ребята спят по колыбелям, люлькам, а просто — спят на полу, как это делают и взрослые. Иметь в избе несколько кроватей, а тем более колыбелей не в обычае в Олонецкой губернии. **Зэнька** в данном случае уменьшительное от слова **зень**» (Куликовский). Последнее слово имеет значение 'пол' и представляет собой вариант от лексемы **земь** в том же значении с прозрачной внутренней формой.

Весь рассмотренный лексический материал, зафиксированный в былинах, представляет собой диалектные проникновения из русских смежных говоров, и сфера его распространения определяется, в основном, диалектным континуумом. Но два слова, наряду с их бытованием в говорах, являются единицами общенародного фонда русского языка. Одно из них — **сайка** — фиксируется у обоих авторов: – *Ты мне позволъ-ко еще А поставить, построить мне-ка три терема, А три терема златоверхих, Середь города, да середь Киева, А гди маленькие ребятка да сайки продают, А гди сайки продают да гди барышничают* (Гильфердинг, 1, 496, Пудож. уезд, дер. Буракова, зап. у Никифора Прозорова); – *Середь рыночка, Где маленьки ребята сайки продают* (Рыбников, 1, 329, Пудож. уезд, дер. Буракова). Традиционно слово **сайка** рассматривается как эстонское заимствование, ср. эст. *sai* 'белый хлеб'. На русской почве эта лексема фиксируется с первой половины XVIII века (Черных, 2, 136). Еще одно слово **мыза** 'усадебная постройка, хутор', входя в лексикон общенародного языка, широко известно в русских говорах Северо-Запада и фиксируется у Гильфердинга: – *Воеводы живут у нас по мызам* (Гильфердинг, 1, 562, Пудож. уезд, Купец. волость, дер. Мелентьевская, зап. у Ивана Фепопова); – *И случилось Ильи Муромцу ехать мимо мызы Соловья Рахманова, Зятевья и смотрят с мызы этой Соловья Рахманова* (Гильфердинг, 2, 238, Сенногуб. волость, зап. у Андрея Сарафанова). Первая фиксация этой лексемы относится к самому началу XVIII века, возводится она к эст. *tdiz* 'двор, имение' (Фасмер, 3, 23).

Таким образом, рассмотренный лексический материал позволяет говорить о доминировании слов карельского происхождения: **малтать, призагормоветь, ластинья, кошала, виклюк, Ольга, орга, луда, щельга, кубоча, шейма**³⁹, **варайдать**, а также вепсского: **витлюк, ветлик, корба, корбушки, нодья, лач**; два слова восходят к эстонским источникам: **сайка, мыза**, одно — к саамским: **чеврой** ‘речной песок’ (Фасмер, 4, 39).

³⁹Фасмер не считает карельскую этимологию слова **шейма** убедительной, см.: Фасмер, 4, 422.

Глава 2. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛЕКСИКИ ФИННО-УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ИХ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ⁴⁰

§ 1. Лингвогеографические исследования и репрезентация в них неисконной лексики⁴¹

Ареальный анализ отдельных слов субстратного происхождения, как было показано выше, может служить неплохим инструментом верификации выдвинутых этимологических версий. Одним из методов исследования лексического субстрата может быть полное лингвогеографическое обследование контактного региона. Неоднократно заявлялось о важности проведения такой работы на материале субстратной и заимствованной финно-угорской лексики в севернорусских говорах (Sebeok, 1950, 99–106; Рут, 1984, 31–41; Востриков, 1990, 76–94), планировалось также ее осуществить на материале унгаризмов в украинских говорах Карпатского ареала (Лизанец, 1975, 177–186). Так, например, П. Н. Лизанец для сбора материала к «Атласу венгерских заимствований в украинских говорах Закарпатья» предлагает программу-вопросник, включающий в себя около 4000 вопросов, организованных в 29 тематических групп, причем автор на начальном этапе работы предполагал исследовать как украинские, так и венгерские говоры с тем, чтобы более дифференцированно выявлять заимствования (Лизанец, 1975, 638). Осуществленный им «Атлас венгерских говоров Закарпатья» на узкой территории (сетка обследования насчитывает всего 36 населенных пунктов) имеет значительное число вопросов и карт. На наш взгляд, чем меньше территория обследования, тем большим числом вопросов должен оперировать коллектор, и наоборот — при значительной территории следует выявлять ареалообразующие вопросы с тем, чтобы интерпретация полученных материалов не была словарем на карте. Таким образом, 206 вопросов при 131 н. п. сетки обследования в АСЗЛ представляют собой более трудоемкую задачу, нежели 36 н. п. при 407 вопросах, представленных в 1-м томе атласа (Лизанец, 1992): $206 \times 131 = 26986 > 407 \times 36 = 14652$.

⁴⁰Материалы данной главы в некоторой своей части повторяют комментарии к картам в «Атласе субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» (АСЗЛ).

⁴¹См. об этом также АСЗЛ, 10–12.

Такой же подход, но на более широком ареале удмуртских диалектов демонстрирует Насибуллин, предлагая в русле общеевропейской работы — *Atlas Linguarum Europae* — исследовать методами лингвистической географии, как наиболее продуктивными, взаимовлияние русского, коми, татарского и болгарского языков (Nasibullin, 1996, 119–120).

Следует сразу отметить, что такого рода лингвогеографическое исследование во многом должно отличаться от атласов, которые ориентированы на показ ареалов, образуемых исконной лексикой, и нередко игнорируют иноязычный материал, не включая его в перечень картографируемых лексем, поскольку он характеризуется единичными фиксациями. И заимствованный материал традиционно не представляется для разработки его графического обозначения и фигурирует только в общем индексе. (См. ОЛА, 1986.) В утвержденном к печати Пробном томе Лексического атласа русских народных говоров, реализация которого осуществляется в Институте лингвистических исследований РАН, в силу огромной территории и обширности лексических данных, иноязычная лексика не столь часто разрабатывается, как ареально значимая. Понятно, что тщательный показ субстратных и заимствованных лексических данных возможен в атласах, ограничивающих территорию обследования по каким-либо критериям (оптимальным был бы выбор лингвистической базы такого ограничения, а не территориально-административной).

Первым подходом к разработке проблемы анализа ареальной дистрибуции заимствованной лексики и с историческим срезом с дальнейшим выходом на лингвогеографические методы исследования является статья В. Я. Дерягина, Л. П. Комягиной «Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах» (Дерягин, Комягина, 1972, 32–49), где авторы представили образцы историко-географического анализа отдельных слов в диалектах на территории современной Архангельской области по материалам современных говоров и данным памятников XV–XVII вв. Они придают большое значение данной проблеме, полагая, что «данные о географическом распространении заимствованной и субстратной лексики могут указывать на районы контактов русского и иноязычного населения и тем самым служить источником для воссоздания старой языковой и этнической географии Севера. География заимствований служит также и дополнительным

материалом при определении общих границ современных диалектов» (Дерягин, Комягина, 1972, 32, 33). В статье представлены в основном слова, бытующие в архангельских говорах: **каренга** 'кривое низкорослое дерево', **курья** 'залив или рукав реки'. Однако часть лексики, рассмотренная в статье, встречается и в других регионах Северо-Запада, в том числе в Обонежье: **лахта** 'залив, луг, болото', **луда** 'отмель, каменистое дно', **пакула** 'губчатый нарост на стволе дерева, главным образом березы'. Проанализировав распространение заимствованной лексики, авторы делают вывод о том, что восточно-финские заимствования представлены на запад не далее Двинского бассейна, а «часть заимствований из прибалтийско-финских языков в пределах рассматриваемой территории распространена только в собственно поморских районах, причем эти изоглоссы оказываются достаточно старыми» (Дерягин, Комягина, 1972, 49). В дальнейшем идеи детального лингвогеографического обследования архангельских говоров были реализованы в своего рода уникальном труде Л. П. Комягиной, единственном атласе по исследуемому региону — в «Лексическом атласе Архангельской области» (Комягина, 1994). В этом труде представлено 198 карт, которые можно подразделить на 4 типа:

- 1) Номинационные, в которых дана лексическая манифестация исследуемых концептов или реалий, где фигурирует и финно-угорская лексика.
- 2) Ареально-семантические, где представляется распространение и значения слов, в том числе и финно-угорского происхождения.
- 3) Ареальные карты, где отмечается наличие / отсутствие анализируемой лексемы в обследованных населенных пунктах.
- 4) Имеются в атласе и лексико-словообразовательные карты, анализирующие словообразовательные инновации лексики с корневыми морфемами прибалтийско-финского происхождения.

Семантический тип карт в атласе не нашел отражения.

Из всего представленного материала по данным 30-ти карт анализируются концепты, в основе которых лежит прибалтийско-

финская лексическая манифестация, или описывается ареал прибалтийско-финского по происхождению слова.

Однако территория Архангельской области является всего лишь частью обширного региона, где возможно проявление на лексическом уровне иноязычного влияния в русских говорах. Кроме того, в данном атласе отражение результатов взаимодействия севернорусских говоров с другими языками и диалектами не было заявлено, и вообще не ставилась задача более или менее полного лингвогеографического обследования неисконных данных русских говоров.

§ 2. Наименования растений

Разбивка всего реестра финно-угорских заимствований на тематические группы связана с тем, что этимологический анализ идет гораздо продуктивнее, когда известна вся совокупность материала со сходной или тождественной семантикой, а также деривационные и фонетические варианты рассматриваются не каждый отдельно, а как единицы деривационных гнезд или вариативных рядов.

Лексика природы на территории Северо-Запада была проанализирована в АСЗЛ, район Обонежья был рассмотрен в отдельном монографическом исследовании (см. Мызников, 1994; Мызников 2003а). В настоящей работе этот регион представляет важную, но незначительную в территориальном плане часть в русских говорах Северо-Запада, а также в аспекте общерегионального анализа.

Растительный мир довольно подробно представлен в Программе ЛАРНГ — 176 вопросов (Программа ЛАРНГ, 18–26). Практически все стороны флоры были охвачены, за исключением водной растительности. В данной работе в лингвогеографическом ключе была рассмотрена лексическая манифестация следующих концептов: кустистая ива, заросли ивы, красная смородина, багульник, кипрей, таволга, шиповник, чага, молодой, менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой, водоросли (общее наименование).

Ива

Произрастание на всей территории Северо-Запада России различных видов ивы — *Salix*, без их дифференцированной номинации в говорах, позволяет нам проследить названия этого растения, представленного в обыденном сознании: ива ‘кустарник с гибкими ветвями и узкими листьями’. Только в печорских говорах намечается, вероятно, видовая дифференциация номинации различных пород ивы: **пáча** ‘белая ива’ — **ерá** ‘красная ива’ (Усть-Цилем. Коми АССР, Печор. Арх., СРНГ, 25, 299), при общем названии разных видов ивы — **ерá**: — *Ерóй зовем ивовый лес* (Ивашко, 1958, КСРНГ). Кроме того, отмечаются вне основного ареала обследования следующие единицы: **ерá** ‘ивовый кустарник с засохшими верхними ветвями’ (Перм., Вереха), **яра** ‘ивняк’ (Печора, Вереха), **красноёрник** ‘ивовый кустарник’ (Усть-Цилем. Арх., 1953. Печор., СРНГ, 15, 182).

Калима возводит слова **ёрник**, **ёрка** ‘мелкий, малорослый, уродливый лес, особенно по тундрам и по безлесью; заморенный кустовый лес’, **ера**, **ёрка** «общее название разных пород ивы в Запечорском крае» (Даль, Подвысоцкий) к коми *jêra* ‘карликовая береза’ (Калима, 1927, 23). Ивашко представляется возможным ненецкий этимон, ср. ненец. *нерка* ‘ива’, *неро* ‘ивняк’ (Ивашко, 1958, КСРНГ). Однако неясно, в какой связи находится материал мансийского языка, ср. манс. *нир*, *нирсайт* ‘прут, хворостина’, *нирсяхыл* ‘куст’ (МРС, 63) со сходными данными ненецкого. Русская лексика по форме более соответствует материалу коми языка, а по семантике — ненецкого (см. выше).

Слово **пáча** ‘белая ива’, отмеченное на Печоре (Усть-Цилем. Коми АССР, СРНГ, 25, 299), вероятно, также связано с финно-угорскими данными, ср. фин. *раји* ‘ива’, саам. инар. *роаји* ‘ива’, коми *бадь* ‘ива’, удмурт. *бадь* ‘ива’ (SSAP, 2, 293; КЭСКЯ, 35), однако источник заимствования пока остается невыясненным.

Ряд данных представляет собой прибалтийско-финский субстрат: **пайняк** (Каргопольский район), ср. кар. *раји*, ливв. ген. *раји*, вепс. *раји* ‘ива’ (Калима, 1915, 178; Погодин, 1904, 48), причем суффикс *-няк* является приращением уже на русской почве. Лексемы **вигняк**, **вигняжник**, которые отмечаются еще у Герасимова (Череповецкий уезд), Калима возводит к прибалтийско-финскому гнезду, сравнивая с фин. *viita* ‘кустарник, чаща, моло-

дой лесок' (Калима, 1915, 85), причем *-няк* является суффиксальным наращением на русской почве, а мена [д] / [г] обусловлена ассимиляцией. Этимон же, по его мнению, следует искать в вепсских или ливвиковских диалектах. Новые лексикографические источники представляют такие данные: ливв. *viidu* 'мелкий, но густой ельник', *viidakko* 'ельник' (СКЯМ), вепс. *vid'a* 'еловая чаща, молодой ельник' (СВЯ, 630), кар. твер. *viida* 'густой островной еловый лес' (СКЯП), семантика которых не соотносится со значениями русских диалектных слов. Однако в финских диалектах имеется следующий материал: фин. диал. *viita* 'густой молодой лиственный или смешанный лес, растущий на открытой местности (ольшаник, ивняк, березняк)', 'лиственный лес, выросший на бывшей подсеке', *viitikko*, *viitikisto* 'молодой густо выросший лиственный или смешанный лес', наряду с эстонским: ср. эст. диал. *viderik*, *vidervik* 'молодой лес из тонких деревьев' (SKES, 1754, 1755). Причем эстонские данные авторы SKES предположительно возводят к швед. *vide* 'ива', а финские со значениями, относящимися к подсеке, — к древнескандинавскому, ср. др.-швед. *svidh* 'место в лесу, где валят и сжигают деревья' (SKES, 1755). На наш взгляд, в силу узкой локализации слов **вигня́к**, **вигня́жник**, **виня́к** в белозерских и череповецких говорах, данные лексемы представляют собой продукт влияния языка вепсов Белозерья, тем более, что в финских и эстонских диалектах, расположенных дистантно от этих русских говоров, отмечается материал, который можно рассматривать как соответствующий, но не исходный для русского диалектного. Форма **виня́к** является результатом ассимиляции [гн] → [нн] → [н], широко распространенной в регионе. Маловероятно, что данные лексемы являются следствием метатезы [в] / [и]. Однако в Сокольском районе уже фиксируются две формы **вигня́жник** и **ивня́жник**, что, вероятно, связано с влиянием общенародного слова.

Еще одно гнездо: **ра́йда**, **райдíна**, **райдóвник** 'ива, заросли ивы' с локализацией в Каргополье, Обонежье, Белозерье также является прибалтийско-финским по происхождению. Погодин и Калима возводят данный материал к кар. *raida* 'ива' (Погодин, 1904, 54; Калима, 1915, 195), SKES соглашается с их выводами (SKES, 719). На наш взгляд, бытование анализируемых лексем в зонах карельского и вепсского влияния не дает возможности разделить эти страты, логичней говорить об их смешанной карельско-вепс-

ской природе. Слово **ра́йда** отмечалось Колосовым в прошлом веке в Валдайском уезде, в данном случае — результат влияния языка валдайских карел.

Лексемы с корнем **бред-**: **бредá**, **бредíна**, **бредня́к**, с широкой фиксацией в псковских, новгородских, ярославских говорах, Фасмер трактовал как восходящие к **бреду**, **брести**, «потому что ива растет на сырых местах» (Фасмер, 1, 210), однако А. И. Попов отвергает всякую возможность прямой связи между словами **бред**, **бредина** и **брести**. Весьма достоверным кажется его предположение об «отношении данного элемента лексики к литовск. *briedis* ‘лось’, латышск. *briedis* ‘олень’, др.-прусск. *braydis* ‘лось’, так как бредина есть один из основных видов пищи этих животных... Охотоведческая практика полностью подтверждает возможность и даже высокую вероятность подобной этимологии» (Попов, 1971, 213). Ю. А. Лаучюте, однако, не включила данный материал в перечень балтизмов в славянских языках (Лаучюте, 1982). В этом же ряду стоят, на наш взгляд, слова **овéчник** с единственной фиксацией в Онежском районе, и **кóзья ива**, хотя и являющееся научным названием одного из наиболее распространенных видов ивы *Salix capraea*, но включенное в свод анализируемых лексем в силу возможного диалектного происхождения, вне зависимости от общенародных данных.

Лексемы **ерá**, **ёрка** образуют ареал влияния коми языка, вероятно, они восходят к источникам, сопоставимым с коми ижем. *ǰěra* ‘карликовая береза’ (SYRW, 77); еще Подвысоцкий относил слово **ерá** ‘общее название разных пород ивы в Запечорском крае’ к зырянским данным (Подвысоцкий, 42; см. также Kalima, 1927, 23; Кабинина, Матвеев, Теуш, 1999, 254, 255). Неясно, однако, место коми слова на финно-угорской почве, вряд ли следует сопоставлять с ним коми *ńêr* ‘прут, хлыст, молодая сосна’, *vêr* ‘лес’, *bad'-vêr* ‘заросли ивы’, *kíd'ž-vêr* ‘березовая роща’ (SYRW, 176, 330). Хотя ср. коми *ýбра* ‘лось’ (ССКЗД, 142) и версию об этимологии лексемы **бредá**.

Тюркские заимствования в наименованиях ивы фиксируются только в костромских говорах (Чухломский, Парфеньевский, Межевский районы), единичное употребление отмечено в Ленском районе, это лексемы **та́ли́на**, **та́льник**. Е. Н. Шипова приводит в качестве источника татар., казах., кирг., алт. *тал* ‘ива, верба’ (Шипова, 1976, 303).

Таким образом, представленный материал дает следующую картину: балтийское влияние проявляется в псковских, новгородских, тверских, ярославских, костромских говорах (лексемы с корнем **бред-**); прибалтийско-финский субстрат не однороден, карельско-вепсский — в Обонежье, Каргополье, Белозерье (лексема **ра́йда** с дериватами), вепсский — в Белозерье (лексемы **вигня́к**, **вигня́жник**), общеприбалтийско-финский — в Пудожском районе (лексема **пайняк**). Влияние коми языка отмечается в Пинежском, Мезенском районах (**ера́**, **ёра**), затруднительно однозначно трактовать слово **ера́** 'ива' (Павинский район) из-за его довольно южной локализации.

Красная смородина

Включение данной реалии в свод картографируемых единиц было определено тем, что красная смородина *Ribes rubrum* L. произрастает в дикой природе в лесах по опушкам и по долинам рек на всей территории Северо-Запада, причем в западной части русских говоров (Смоленщина, Брянщина, Прибалтика) ее название мотивировано наличием зарослей по берегам рек — **порéчка** (СРНГ, 30, 57, 58), хотя и соответствует семантически балтийскому материалу при сходной словообразовательной модели, ср. латыш. *urpes* 'черная смородина' при *ure* 'река' (ЛТРС, 205). Обращение к данному материалу было вызвано тем, что значительная часть выявленной лексической манифестации этой реалии представлена словами финно-угорского происхождения.

В исследуемом регионе выделяется ареал с вепсским влиянием, он определяется лексемами **сестрени́ка**, **сестрени́ца**, **сестрени́цы**, **сестрени́нь**, **сестря́нка**, ср. вепс. *sestricaine*, *sestricad* 'красная смородина' (СВЯ, 506), — это западное Прионежье, Посвирье, восточное Поволховье, запад Вологодской области.

Довольно узкий ареал дают лексемы **тю́хтя**, **тю́ктя** — Боровичский, Окуловский, Мошенской районы Новгородской области, они, возможно, связаны с кар. твер. *tuhjo* 'куст' (СКЯП, 305).

Слова **ледуни́ка**, **ледуни́ца**, **ледуни́ц** фиксируются, в основном, в говорах северо-востока Новгородской области и в смежных говорах Тверской и Вологодской области. Данный материал не рассматривался в этимологической литературе. Возможно его исконное происхождение, ср. **лед**, **леденец**, **ледвенец** (Фасмер, 2,

475, 549), однако в прибалтийско-финских языках имеются сходные данные, ср. вепс. *lunžik*, *lunžikäine* ‘костянка’ (СВЯ, 303), кар. *lintšoi*, *lindžoi* ‘костянка’ (KKS, 3, 113), кар. твер. *linčikkä* (СКЯП, 139), кар. *lindoi* ‘полянника’ (KKS, 3, 113), которые позволяют выдвинуть версию об их связи с русским диалектным материалом. Но затруднительно говорить об определенном языковом типе прибалтийско-финского воздействия.

Одна лексема **жэстель**, зафиксированная в ярославских, тверских, владимирских говорах, по мнению А. Альквист, относится к мерянскому субстрату (Альквист, 1998, 12).

Восток обследуемого региона занимает лексема исконного происхождения. Слова **кисли́ца**, **кисли́ка** и подобные варианты занимают обширный ареал: восточное побережье Онежского озера, Беломорье, Кенозерье, Каргополье, говоры востока Архангельской и Вологодской областей. Это единица с прозрачной исконной мотивацией.

Гнездо с корнем **княж-**: **княже́ника**, **княже́ница**, **княжи́ка**, **княжи́ца**, **княжа́нка**, **княжи́шник** образует ареал от Белозерья, распространяясь на юг и восток региона до Великоустюгского района Вологодской области. Меркулова полагает, что это слова прозрачной этимологической структуры, однако ей непонятно, почему красная смородина получила название княжьей ягоды (Меркулова, 1967, 221, 222). Действительно, на первый взгляд кажется, что корень данного гнезда связан со словом **князь**, но не понятна мотивация, поскольку красная смородина по сути своей вряд ли является ягодой с выдающимися вкусовыми качествами — княжьей ягодой. Неясно также, обширный и устойчивый ареал представляет собой недавнее образование или реликт более древнего языкового ландшафта, возможно и субстратного типа, ср. латыш. *knēze* ‘петушинный гребень’ (см.: Фасмер, 2, 265) при наименовании шиповника — **петушкí**, **пету́нье дерево**.

Слово **княжи́шник**, отмеченное в Солецком районе Новгородской области, дает единственную фиксацию, продвинутую далеко на запад, которую также затруднительно интерпретировать.

Багульник

Вопрос по данному растению отсутствует в Программе ЛАРНГ, хотя багульник распространен по всей лесной зоне региона и, об-

ладая резким, дурманящим запахом, не может не обратить на себя внимание, а следовательно, практически всегда находится в поле зрения народной номинации. Кроме того, багульник используется в народной медицине и в домашнем быту в борьбе против грызунов, моли.

Наиболее представительный ареал имеет лексема **канáбра** и дериват **канáбреник**. Впервые этимологию слова **канáбра** установил Шегрен, возводя его к фин. *kanerva* ‘вереск’ (Шегрен, 1852, 152), Погодин сравнивает его с ливв. *kanabra* (Погодин, 1904, 99). Калима, имея в своем распоряжении значительное число вариантов: **канáбра** ‘вереск’ (Новолод. Петерб., Тихв. Новг., Повен., Петрозав. Олон.); боровая или сухая **канáбра** ‘вереск’ (Петерб.), ‘багульник’ (Кем. Арх., Повен., Петрозав. Олон.), ‘мох на камнях’ (Петрозав., Повен., Каргоп. Олон.); **канабра́** ‘багульник’ (Арх., Онеж. Арх.); **калабра** ‘вереск’ (Олон., Петерб.); **кани́бра** ‘вереск’ (Петерб.); **канáврик** ‘вереск’ (Новолод. Петерб.); **канобра** ‘багульник’ (Арх.); боровой **канарник** ‘вереск’ (Петерб.); **канáбóрник** ‘багульник’; **канáбреник** ‘заросли багульника’ (Каргоп. Олон.), ‘вереск’ (Петерб.), **канáбреник** ‘вереск’ (Олон.), ‘насаждение какой-либо лесной породы, до того густое, что трудно пролезть’ (Шенк. Арх.); **канáбрик** ‘заросли вереска’ (Арх.), почерпнутых им из Словаря Грота-Шахматова (Слов. Акад. 1908, 334, 335), предполагает, что они соотносятся с разными этимонами, но отдает предпочтение ливвиковским данным, ср. ливв. *kanabro* ‘вереск’ (Калима, 1915, 103, 104). См. также: Meckelein, 1913, 37; Фасмер, 2, 177). Лесков, имея в распоряжении **канáбра** ‘багульник’, говорит о том, что у карел так называется то же самое растение (Лесков, 1892, 99).

Действительно, различные варианты на русской почве можно связать с разными прибалтийско-финскими этимонами, так, например, лексемы **канáбра**, **канáбрик** соотносятся с ливви́ко-люди́ковскими данными, а **канáвра**, **канáврик** — с собственно карельскими источниками. Однако в ареальном аспекте различные варианты не представляют собой зон с однородным распределением тех или иных лексем, что, в свою очередь, предполагает смешанное взаимодействие, когда неисконная лексема, адаптированная на русской почве, может быть заимствована обратно в прибалтийско-финский континуум и т. д. Новые данные по прибалтийско-финским языкам показывают разнообразие этого гнезда,

что может подтверждать предложенную версию, ср. ливв. *kanabro* ‘вереск’ (СКЯМ, 123), кар. *kanarvikko* ‘вересковые заросли’ (Ругозеро, Паданы), кар. твер. *kanarvikko* ‘то же’, ливв. *kanabrikko* ‘то же’ (Сямозеро), кар. *kanarvo* ‘вереск’, ‘багульник’ (Кестеньга, Ухта, Паданы, Валдай), кар. тихв. *kanarvo* ‘вереск’, ‘багульник’, кар. *kanparvo* ‘подбел многолистный’ (KKS, 2, 46), люд. *kanabr*, вепс. *kanambr*, водск. *kanebro*, эст. *kanarik*, *kamarik*, *kambarik*, *kanerma*, фин. *kanerva* ‘вереск’, саам. терск. *kanabor* ‘вереск’ (SKES, 155). Авторы SKES также указывают на общий прибалтийско-финский источник слов **калабра**, **канáбра**, **кани́бра** (SKES, 155). В SSAP выделяется значение ‘багульник’ как основное на русской почве, при том что вариант **кани́бра** ими ошибочно прочитан как *kanubra* (смещение русск. [и] и латин. [u]) (SSAP, 1, 298).

Однако в районах с адстратным влиянием возможно свести тот или иной русский вариант к определенному прибалтийско-финскому типу. Лексема **канáбра**, отмеченная в Прионежском, Вытегорском, Бабаевском, Лодейнопольском, Тихвинском, Чудовском районах явно соотносится с вепс. *kanabr* ‘вереск’ (СВЯ, 176).

Лексема **канáрник**, зафиксированная в Белозерье, возникла, скорее всего, из **канарвник**.

Единицы **канáвник**, **канáвленник** представляют собой результат народной этимологии: **канáва** → **канáвник** и **канáбреник** → **канáвленник**.

Таким образом, лексическая манифестация концепта ‘багульник’ представила обширный субстратный ареал (Поволховье, Приладожье, Посвирье, Обонежье, Беломорье, Каргополье, Белозерье) — гнездо **канáбра**; часть общеславянского ареала (псковские, новгородские говоры) — для гнезда **бáга**; а также ареал собственно русских образований (Поволховье, новгородские говоры) — лексемы **свинáрник**, **свинúшник**.

Кипрей; таволга

Лексическая манифестация двух реалий: кипрей — *Epilobium angustifolium* L., сем. ангровых и таволга — *Spirea ulmaria*, сем. розанных, анализируется связано, так как выявленная лексика прибалтийско-финского происхождения функционирует в этих двух значениях, хотя они и дифференцируются ареально. Поскольку главной задачей работы является выявление и показ различных

субстратных типов, а также в силу незначительности, но важности материала, было принято решение об объединении этих фактических данных.

Наиболее обширный материал имеет слово **горма**, фиксируемое в значении ‘кипрей’ на большей части обследуемой территории, только в новгородских говорах оно представлено семантикой ‘таволга’, что, вероятно, связано с полисемией на карельской почве, ср. кар. *horma* ‘таволга’, ‘кипрей’ (KKS, 1, 311). Значение ‘кипрей’ для возможного этимона употребляется значительно шире в прибалтийско-финских языках, ср. кар. тихв., сев. *horšma* ‘кипрей’ (KKS, 1, 311), кар. твер. *horma* ‘кипрей, иван-чай’ (СКЯП, 56), ливв. *hormi* ‘кипрей, иван-чай’ (СКЯМ, 72), вепс. *hõrmhiin*, *hormehiin* ‘кипрей, иван-чай’ (СВЯ, 143), люд. *horm* ‘иван-чай’ (SKES, 81). Исходя из ареала можно говорить о вепско-карельской природе значения ‘иван-чай’. В новгородских говорах по данным ПЛГО фиксируется в первом слоге [г] фрикативное, вследствие чего возможно появление варианта **йорма**, орфографическая форма **ёрма**. Вариант **форма** Калима возводит к фин. *formuruoho* ‘кипрей’, не связывая ее саам. *foarbma* ‘*rumex domestikus*’ (Kalima, 1915, 93), на наш взгляд, появление такой формы возможно трактовать как развитие на русской почве, ср. русск. диал. **хонга** / **фонга** ‘дерево, высохшее на корню’, отмеченное в Красноборском районе Архангельской области (Комягина, ЛААО, 61).

Дериват **горма́га**, зафиксированный в Посвирье, восходит к вепс. *hormahed* ‘кипрей’ (СВЯ, 143).

Лексема **ро́мжа**, с основным ареалом в Пудожье и Каргополье, не имела этимологической трактовки (Фасмер, 3, 500). На наш взгляд, эту единицу можно сопоставить с кар. *rožmihein* (Сямозеро), *rožtoheinä* ‘лабазник, таволга’ (KKS, 5, 159), кар. твер. *rožmaheinä*, *ruožmiheinä* ‘таволга’ (СКЯП, 241, 245). И хотя карельское гнездо на прибалтийско-финской почве не совсем ясного происхождения, вряд ли можно говорить об обратном направлении заимствования. Весьма интересны семантические ареалы слова **ро́мжа**, оба значения фиксируются в Пудожском районе, ‘кипрей’ — в Вытегорском (при том что дериват **роможня́к** здесь имеет значение ‘таволга’), ‘таволга’ — в Плесецком и Каргопольском районах. И только дериват **роможня́к** в значении ‘кипрей’ отмечен в удалении от восточного берега Онежского озера в Подпорожском районе.

Лексема **гóбега** ‘иван-чай’, представленная в Лодейнопольском районе, вероятно, может быть связана со словом **гóрма**, однако не совсем понятно появление [б] в середине слова, хотя можно предположить следующий процесс: **гóрма** → *горба → *горбега → **гóбега**.

Шиповник

Лексическая манифестация данной реалии растительного мира довольно обширна. Однако результаты прямого неисконного воздействия проявляются преимущественно в Обонежье, Посвирье, Приладожье, Поволховье.

Основные неисконные материалы представлены следующими фонетическими вариантами: **кúкошкара́ндыш**, **кúкышкара́ндыш**, **кúкишкара́ндыш**. Все они восходят к вепсскому источнику, ср. вепс. *kikoinkarang* ‘шиповник’ (СВЯ, 243). Вепсское слово представляет собой композит, первая часть которого — *kikoi* ‘петух’ (СВЯ, 242), а вторая часть — *karang* — не сохранилась в вепсском языке как значимая лексема, но рефлексy ее фиксируются в других прибалтийско-финских языках: фин. *karanka* ‘жердь, шест’, ‘засохший толстый сук ели’, ‘прут в изгороди’, кар. *karango* ‘свесившаяся в реку ветвь дерева’, ливв. *karango* ‘сухое дерево’, *karangahañe* ‘высохшее на корню дерево’, люд. *karangahañe*, *kūzen karangahañe* ‘засохшая ель’ (SKES, 161), ливв. *karango* ‘сухостойное дерево’ (СКЯМ, 125), кар. твер. *karango* ‘сухая, костлявая ко́рова или лошадь’ (СКЯП, 88), кар. *karanko* ‘о ком-либо длинном и худом’, *karanneh* ‘кривое изогнутое дерево, растущее на болоте’ (KKS, 2, 67).

Таким образом, вепсское слово целиком послужило источником для лексем: **кúкошкара́ндыш**, **кúкакара́ндыш**, **кукара́ндыш**. А первая часть вепсского слова *kikoi*- стала основой для слов **кúка**, **кúкоши** (Лодейнопольский район), вторая часть *-karang* — для лексемы **кара́ндыш** (Лодейнопольский район).

Согласная [ш] в анализируемых словах, вероятно, возникла на русской почве в качестве суффиксального оформления второй части лексемы, а затем по аналогии распространилась и на первую часть — **кукош**-. Вряд ли здесь следует искать влияние вепс. *kikič* ‘голубика’ (СВЯ, 242).

Данное гнездо уже рассматривалось в этимологической литературе. Лесков возводит вариант **куккыш-карангыш** к ливв. *kikoin-karangaine* ‘шиповник’ (Лесков, 1892, 100). Калима на первое место ставит вепсские данные, анализируя материалы Куликовского: **кўкиш**, **кукиш-кара́нды** (р. Свирь), **кўкиш-карандыш** (р. Свирь, Петрозав.) ‘плоды шиповника’ (Куликовский); ср. вепс. *kukiiñ-karandîš*, *kukeiñ-karang* ‘шиповник’, при ливв. *kikoimarju* ‘плод шиповника’ (Kalima, 1915, 137). См. также Фасмер, 2, 405.

Кроме того, значение первой части прибалтийско-финского композита стало основой для семантического калькирования, ср. вепс. *kikoï* ‘петух’ и **петушкí**, **петушнйáк**, **пету́шник**, **петушй́нник**, **петушй́на**, **пету́нник**, **петуннйáк**. А номинации, представленные словосочетаниями **пету́шьи ягоды**, **пету́ньи ягоды** и **пету́нье дерево**, являются семантическими кальками, ср. кар. твер. *kikoimarja* ‘плод шиповника’ (СКЯП, 120), кар. *kikonmarja*, ливв. *kikintuarju* ‘шиповник’ (ККС, 2, 419), при дословном переводе ‘ягоды петуха’; кар. *kikonvarpa*, *kikonvarba* ‘шиповник’ (ККС, 2, 419), дословно: ‘лоза, прут петуха’, ливв. *kikoï-roagu* ‘шиповник’, при значении частей композита: *kikoï*- ‘петух’ и *roagu* ‘жердь, прут, палка’, ‘деревина’ (ККС, 5, 133).

Лексемы **чипарй́с**, **чипарй́га** фиксируются преимущественно в Белозерье. Даль, отмечая варианты **чипорáс**, **чипорй́га** ‘шиповник’ в Новгородской губернии, связывает их с глаголом **чи(е)пать** (Даль, 4, 624). Вероятно, сюда не относится **чипарй́жник** ‘непроходимые заросли кустарника’ (Шекс., КСРГК), а также **чепу́рник** ‘мелкий, густой кустарник, чаща’ (Вят., Васнецов, 342). Фасмер возводит данный материал вслед за Далем к глаголам **чепать**, **чипáть** ‘зацеплять, задевать’ (Южн., Зап., Даль, 4, 607), при укр. *čipати* ‘зацеплять, хватать, задевать’, польск. *czepić* ‘хватать’ (Фасмер, 4, 333). Однако отсутствие данного наименования шиповника в других регионах позволяет сопоставить его также с вепсскими данными, ср. вепс. *čipoita* ‘щипать шерсть и т. п.’, ‘щипать — вызывать ощущение боли’ (СВЯ, 59) русского происхождения, как возможный источник обратного влияния с мотивацией, тождественной для наименования **щипй́чник** — растение, которое щиплет (шиповник).

Черный гриб в виде нароста на стволе березы, чага

Наиболее обширный ареал, репрезентирующий лексическую манифестацию данной реалии, имеет лексема **пáккула**, а также фонетические и деривационные варианты: **пáкула**, **пáккулина**, **пáкулина**, **пáкулка**. Прекрасное описание этого слова дано Подвысоцким: **паккúла** «губчатый нарост на березе; по его медленному, с обильным дымом горению, лесовщики жгут его на кострах для охранения от комаров; из золы паккулы делают щелок, которым самоедки после родов, а также помогающие им при родах самоучки-повивальные бабки, обмывают себе тело, — без чего не могут выходить из отводимого собственно для родов чума, так считаются нечистыми, оскверненными» (Мезен., Подвысоцкий, 116)⁴². Веске для данных Подвысоцкого приводит в качестве возможных источников коми *пакула* ‘березовый гриб’ и фин. *rakkula* ‘трут, березовый пористый гриб’ (Веске, 1890, 84). Погодин также видит этимон в финском слове (Погодин, 1904, 48). Калима на первое место ставит карельские данные, ср. кар. *rakkuli* ‘гриб на березе, чага’, при вепс. *rakkal* ‘нарост на березе’ (Kalima, 1915, 179). См. также Meskeleín, 1913, 54; Фасмер, 3, 189. Ср. новые материалы: ливв. *rakkuli* ‘гриб на березе, чага’ (СКЯМ, 253), кар. твер. *rakkuli* ‘чага’, ‘гриб-трутовик на гнилом дереве’ (СКЯП, 197), ливв. *rakkul'i* ‘образовавшийся из сока березы древесный трут, губка’, люд. *rakkul'* ‘нарост на березе, мягкое грибковое образование на стволе березы’ (SKES, 470). Авторы SSAP рассматривают лексему фин. *rakkula* как исконное дескриптивное слово (SSAP, 2, 297).

Лексемы **пáкла**, **пáкля** и дериваты **пáкколка**, **пáколка**, **пáклина** также прибалтийско-финского происхождения, но, если слово **пáккула** сводится к карельским источникам, то по сокращенной основе **пакл-** и исходя из ареала можно говорить об их вепсском источнике, ср. вепс. *ракл* ‘трут; гриб-трутовик’ (СВЯ, 395). Калима объясняет форму **пáкля**, отмеченную у Даля (Арх., Вolog., Даль, 3, б) влиянием гетерогенного омонима **пáкля** ‘грубое волокно, отход от переработки льна, конопли и других лубяных культур’ (Kalima, 1915, 179). На наш взгляд, форма **пáкла** (более частотная), бытующая в сфере влияния вепсского адстрата и субстрата в Вытегорском, Подпорожском, Прионежском, Лодейно-

⁴²Толкование дано в том виде, в каком оно представлено в словаре Подвысоцкого.

польском районах, является результатом непосредственного вепсского воздействия, а вариант **пáкля** возник уже на русской почве в ходе процесса омонимического притяжения.

Из русских говоров слово вошло в коми язык, ср. коми *пакула* ‘березовый трутник (древесный гриб)’ (КЭСКЯ, 215).

Дериват **пáклина** фиксируется в Киришском, Лодейнопольском, Подпорожском, Сланцевском, Чудовском районах, что примерно соответствует ареалу слов **пáкла**, **пáкля**. В НОС для лексемы **пáклина** ошибочно дается толкование «гнилое разлагающееся дерево»: – *Гриб нарастает на гнилом дереве, паклиной зовут* (Чудов., НОС, 7, 94).

Вариант **пáткула**, отмеченный в Медвежьегорской районе (Косозеро, Черкасы), и **пáхкула** — в Онежском (Кянда), вероятно, следует рассматривать как результат диссимилиации геминаты [кк], однако последний вариант можно также сопоставить с фин. *rahkula, rahkura, rahka* ‘небольшой наплыв, нарост на стволе дерева’, при люд. *rahk* ‘нарост на березе’, ливв. *rahki* ‘шишка, нарост на стволе’, вепс. *rahk* ‘нарост на дереве’, водск. *rahk* ‘нарост на дереве’, саам. норв. *bakke*, инар. *pähki*, терск. *rahke* ‘наплыв, нарост на дереве’ (SKES, 455). В ареальном аспекте эти варианты отмечаются как единичные в пределах функционирования лексемы **пáккула**. Лексема **пáпкула** также, вероятно, представляет собой вариант **пáккула**, а **пáпка**, зафиксированное в достаточном отдалении от **пáпкула** (Тихвинский район и Кольский полуостров), вероятно, связана с вепс. *rahk* ‘кап (наплыв на стволе дерева)’ (СВЯ, 390) и является результатом омонимического притяжения.

Лексема **бáклина**, отмеченная в Тихвинском районе, рассматривается нами как результат озвончения [п] — [б], вряд ли сюда относится саамский материал (см. выше) или **бáка** ‘древесная губка, трут’ (Перм., Даль, 1, 40), которое Калима возводит к коми *baka* ‘гриб на березе’ (Калима, 1927, 15).

Лексема **чáга** фиксируется по всему региону от территории Псковской области до востока Костромской, Вологодской областей, что говорит об интердиалектном ее характере, обусловленном тем, что она является общенародной единицей. Калима возводит ее к коми *tšak* ‘гриб губка’ (Kalima, 1927). См. также: Веске, 1890, 84; Погодин, 1904, 65; Meckelein, 1913, 68; Фасмер, 4, 310. Мищенко, по материалам Лексической картотеки Топонимической экспедиции УрГУ, предъявляет ряд вариантов, отсутствующих в

наших данных: **шáга**, **чáка** (Пинежский, Виноградовский, Няндомский, Шенкурский, Коношский, Вожегодский районы), **чáча** (Мезенский, Приморский, Лешуконский, Холмогорский, Няндомский, Каргопольский, Вытегорский, Кирилловский, Устюженский районы), **чава**, **чаба**, **чада**, **чагла**, **чагна** (Мищенко, 2000, 122).

Вариант **тýга** (Каргопольский район), а также **чáдо** (Гдовский район) и **чéга** (Рыбинский район) имеют единичные фиксации. Дериват **чáжега**, отмеченный в Вытегорском районе (Андома) свидетельствует о продуктивности модели $R + -ga$.

Лексемы **чáмха**, **чáмка**, фиксируемые в Белозерье и смежных районах, фонетически и семантически восходят к саамским источникам, ср. саам. швед. *tjadna*, *tjana* ‘гриб’, лул. *tjanā* ‘древесный гриб’, саам. норв. *čadna* ‘гриб на березе, трутовик’, инар. *čaana*, кильд. *t’šāna*, терск. *t’šānna* ‘кап, гриб-трутовик’, при мар. *šin*, *šen* ‘гриб-трутовик на березе’, удм. *šenki* ‘гриб-трутовик’, манс. тавд. *šīniw* ‘гриб-трутовик’, при фин. *sieni* ‘гриб’ (SKES, 1008), по версии, впервые выдвинутой Субботиной (Субботина, 1978, 77). См. также Мищенко, 2000, 125.

Лексема **лáмбуга**, зафиксированная в Онежском районе, по другим источникам имеет варианты **ламба**, **ламбушка**, **лампуга**, **лампуха** с несколько расширенной географией (добавляется Плесецкий район), но не разрабатывалась этимологически (Мищенко, 2000, 121). Трудно сказать, на какой почве следует выдвигать этимологические версии, при исключении предположения об исконном происхождении анализируемого слова, хотя, исходя из ареала, возможны прибалтийско-финские и саамская предварительные гипотезы. Однако прямых соответствий по лексикографическим источникам в этих языках к настоящему времени не обнаружено, что заставляет предположить преобразование формы и семантики на русской почве. Трудно сказать, можно ли сопоставлять с ними следующие данные, ср.: фин. *loimukoivu* ‘свилеватая карельская береза’ (ФРС, 333), кар. *lämpä*, *lämby* ‘о чем-либо, изогнутом, кривом, горбатом’ (KKS, 3, 225), фин. *lumpio* ‘круглая приплюснутая головка, набалдашник’ (SKES, 309); фин. *lunki* ‘копа березы’, саам. норв. *logge*: *logge-tuorrâ* ‘дерево, которое трескается вдоль годовых колец’, при морд. эрз. *lejge* ‘молодая кора липы’ (возможный балтийский источник — латыш. *lūks* ‘лыко’, литов. *lunkas* ‘лыко’), саам. кильд. *loŋge* ‘драть бересту’ (SKES, 309, SSAP, 2, 103). Но приведенные лексические соответствия еще ну-

ждаются в дальнейшем осмыслении, и их нельзя рассматривать в качестве этимонов.

Лексема **тютя́к**, отмечаемая только в Вытегорском районе (Андома), восходит к вепс. *čustäk* ‘нарыв, прыщ’ (СВЯ, 66).

Молодой, менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой, заболонь

В наименованиях, зафиксированных на территории Северо-Запада, заболонь фигурирует как общее название, относящееся ко всем видам деревьев, но в большинстве случаев удавалось получить лексическую манифестацию, если речь шла о заболони сосны. Это связано с тем, что сосна была одним из важных элементов в хозяйственной деятельности человека на территории Северо-Запада. Она использовалась в строительстве, информанты сообщают, что раньше предпочитали рубить избы из сосны, поскольку ель в сильные морозы могла изгибаться и выходить из пазов сруба; только из внешнего слоя древесины сосны изготавливалась дранка, из которой делали корзины, рыболовные ловушки, фильтры для процеживания сусла при варке пива, крыли крыши домов. Кроме того, заболонь молодых сосен весной использовалась в пищу, ее сдирали с деревьев острым ножом или тонкой прочной проволокой длинными полосами — лёндами (Борович., ПЛГО). Широко известный у карел способ приготовления сосновой муки из заболони происходил следующим образом: «Выбирается в лесу сосна, причем пробуют, легко ли сходит с нее кора. Дерево подрубается с одной стороны настолько, чтобы оно не упало. Сучья аккуратно обрубаются, и осторожно стесывается верхний слой коры, так, чтобы на дереве остался внутренний слой ее, прилегающий непосредственно к древесине. Затем ножом вокруг ствола делаются два кольцеобразных надреза, один от другого на расстоянии около метра. Между ними делается несколько продольных надрезов. На образовавшихся таким образом участках специальным скребком снимают кору. . . Снятые при помощи скребка пласты приносятся домой и сушатся на печке до тех пор, пока не станут совершенно хрупкими. Тогда они ломаются на более мелкие куски, толкутся в большой деревянной ступе и после этого уже мелются на ручных жерновах» (Капица, 1930, 29).

При сборе материала была выявлена следующая тенденция: при неисконной (прибалтийско-финской) лексической манифестации информанты, давая сведения о наименованиях заболони, имели в виду заболонь сосны, при фиксации исконных материалов обычно речь шла о заболони вообще.

Неисконные данные представляют собой материалы прибалтийско-финского происхождения: **пінда**, **мянда**.

Лексема **пінда** отмечается в Обонежье, Посвирье, Поволховье, Белозерье, Каргополье, в западной части Беломорья. Первая ее трактовка дана в Словаре Куликовского: **пінда** «нежный слой древесины преимущественно сосновых деревьев, лежащий непосредственно под корой» (Петрозав., Пудож., Вытегор., Каргоп., Заонежье, Куликовский).

Впервые слово **пінда** погрузил в прибалтийско-финский контекст Лесков: «Пинда — верхний слой соснового дерева; в карельск. *pinda* — спина, потом верхний слой жиру на спине, напр. у свињи, и верхний слой дерева» (Лесков, 1892, 101). См. также Погодин, 1904, 50; Meckelein, 1913, 56. Калима предлагает карельско-ливвиковскую этимологию, ср. кар. *pinda*, ливв. *pinda* — ‘поверхность’, при фин. *pinta* ‘поверхность, наружная оболочка’ (Kalima, 1915, 185). См. также Фасмер, 3, 263. Можно, однако, привести новые данные по прибалтийско-финским языкам, которые более точно соответствуют русским диалектным данным, ср. ливв. *pindu* ‘верхний слой дерева, заболонь’ (СКЯМ, 268), вепс. *pind* ‘заболонь’, ‘сосновый брусок, из которого делают лучины для корзин’ (СВЯ, 419), люд. *pind* ‘поверхность дерева, воды’, ‘кожа животного’, при эст. *pind* ‘поверхность, оболочка’, удм. *ped pal* ‘внешняя сторона’, саам. инар. *pidde* ‘заболонь’ (SKES, 570). Таким образом, карельские материалы, ср. также кар. твер. *pinda* ‘заболонь, подкорковый слой дерева’ (СКЯП, 209), кар. сев. *pinta* ‘верхний слой, поверхность’ (KKS, 4, 296), наряду с вепскими, можно квалифицировать как источники для анализируемых русских данных. Вариант **піндра**, зафиксированный в Вашкинском районе (Новец, Пиксимова) по ПЛГО относится сюда же.

Лексемы **мянда**, **мяндáч** имеют ареал, который более продвинут на восток, нежели ареал лексемы **пінда**. В Обонежье, Посвирье, Каргополье они образуют зону совместной дистрибуции. Однако, если для слова **пінда** основным является значение ‘заболонь’, то для слов **мянда**, **мяндáч** таковое не относится к

доминирующему семантическому типу; широко распространенной для них является семантика ‘сосна с толстым слоем заболони’. Так, например, Чайкина отмечает фиксации лексемы **мянда** в значениях: ‘болотная сосна’, ‘темноватые и водянистые слои ствола дерева’, ‘мелкий сосновый лес, растущий на болоте’, ‘болото, покрытое редким хвойным лесом’, начиная с XV века (Чайкина, 1975, 32–33). У Срезневского отмечается самая ранняя датировка: – *На Кондратов мох да на высокую мянду*. 1462 г. (Срезневский, 2, 255); позднее по другим источникам — в 1490 г. (СлРЯ XI–XVII вв., 9, 343). Этимологические разработки слова **мянда** основывались на прямых соответствиях номинации сосны в прибалтийско-финских языках, ср. фин. *mänty*, кар. *mändü* ‘сосна’ (Шегрен, 1852, 162; Грот, 1876, 446; Веске, 1890, 83; Погодин, 1904, 156; Фасмер, 3, 30; Аникин, 2000, 384). Калима полагает, что коми *mandač-pu* ‘засохшее дерево’ заимствовано из русского (Калима, 1915, 171). Присутствие в вепсском языке, ср. вепс. *mänd* ‘рыхлая заболонь’ (СВЯ, 344), значения, которое совпадает с русским диалектным, рассматриваемым нами, не позволяет с большой долей уверенности считать его возможным источником, при наличии в других прибалтийско-финских языках для этого гнезда семантики ‘сосна’, поскольку вепсский лексико-семантический вариант может являться обратным заимствованием. Однако, распространение лексемы **мянда** в указанном ареале, являющемся зоной адстратного и субстратного вепсского влияния может свидетельствовать в пользу этой версии (см. Мызников, 2001, 110), а фиксации в северо-восточных районах Вологодской области представляют результат субстрата вепсского типа.

Водоросли (общее наименование)

Лексическая манифестация анализируемого концепта представлена только неисконными материалами. При сборе данных в полевых условиях не делался упор на выявление видовых наименований, выяснялось общее название водорослей, хотя мы отдавали себе отчет в том, что в реальных условиях обширного региона Северо-Запада могут иметься в виду различные виды водорослей. Но такая дифференциация по виду водорослей не касается нашего материала вследствие его направленности на интегральность наименования.

Вполне вероятно, что лексемы, образующие ареалы, привязанные к определенным водоемам: море, большое озеро, небольшое озеро, река, ручей, при тождественном сигнификате относятся не к тождественным реалиям.

В Беломорье общим наименованием для водорослей (как морских, так и пресноводных) является лексема **тўра**. Она фиксировалась уже в лексикографических источниках: **тўра** 'всякий морской порост' (Арх., Опыт.), **тўра** 'всякая морская поросль' (Помор., Подвысоцкий, 176), **турá** 'гниющие морские растения, выброшенные сильною погодою на берег' (Арх., Доп. Опыт.), **тўра** 'различные морские водоросли, выброшенные на берег прибоем морских волн' (Южн. Беломорье, Дуров), **тўра** 'бурые морские водоросли с водянистыми пузырьками' (Ловозер., Меркурьев, 1978).

Погодин, анализируя материалы Подвысоцкого, предлагает для слова **тўра** карельскую этимологию, ср. кар. *tuura* 'водное растение, растущее по берегам Онежского озера' (Погодин, 1904, 63). Калима, обосновывая прибалтийско-финское происхождение лексемы, приводит для сопоставления фин. *turo* 'камыш, тростник' (Калима, 1915, 228). Авторы SKES, идя вслед за Калимой, возводят этот материал к финскому или карельскому влиянию, сравнивая с фин. диал. *tura* 'пучок травы в воде', 'трава, растущая на сыром, заболоченном месте', 'вид водорослей', кар. сев. *tura* 'хлам, мусор' (SKES, 1418). Ср. также ижор. *turo* 'выброшенные на берег слизь, мусор, которые собирают для удобрений' (SSAP, 3, 335). См. также Meskelein, 1913, 66; Фасмер, 4, 123. Ареал лексемы **тўра** свидетельствует в пользу севернокарельской этимологии.

Довольно обширный и, на наш взгляд, более значимый для анализа ареал образует гнездо **шóльгá**, **шóльник** с дериватами. Лексема **шóльгá** фиксируется в Обонежье, Каргополье, Белозерье, бассейне р. Онеги, окрестностях оз. Воже, (Каргопольский, Онежский, Плесецкий, Кирилловский, Пудожский, Вожегодский районы), а также на территории Костромской области (Пыщугский район); **шóльник** — в Череповецком районе; **шóленик** — в Вашкинском районе; **шóльдига** — в Подпорожском районе. Впервые она была зафиксирована Рыбниковым: **шольга** 'род травы с мелкими листьями' (Каргоп., Рыбников, 1864); Куликовский предлагает два варианта: **шóльга** на Кенозере и в Прионежье (Каргоп., Петрозав.) и **шéльга** в Каргопольском уезде с общим значением 'растение водный полигон' (Куликовский). Фасмер говорит о

неясном происхождении данных Куликовского (Фасмер, 4, 466). На наш взгляд, анализируемый материал возможно сопоставить с вепс. *šol'l'od* 'рл. водоросли', при *šol'l'paik* 'место, где растут водоросли' (СВЯ, 546). Отсутствие анализа места вепсской лексемы на прибалтийско-финской почве и вследствие этого неясность ее происхождения, при явно вторичном начальном [š], оставляют под вопросом направление заимствования (см. ниже). Вероятно, сюда же относится лексема **шultzá** 'водоросли', зафиксированная по ПЛГО в Каргопольском (Архангело, Лёкшмозеро, Сорочинская) и Вожегодском районе (Углы), смущает, однако, другой тип вокализма и ударение на последнем слоге, ср. мар. *vūdšudo* 'водоросль' (РМС, 34). Не относится сюда ливв. *šulkuheinü* 'вид водорослей, шелковая трава' (СКЯМ, 367). Нельзя пройти мимо других славянских данных со сходной формой и семантикой, ср. белорус. *шалыгі* 'трава, которая растет на поверхности стоячей воды', сопоставляемое с литов. *žālesos, žaliaūkės* 'то же' (Орешенкова, 1972, 125); Лаучюте предлагает другой этимон: литов. *žlūgė* (Лаучюте, 1982, 135). Трудно сказать, относится ли к белорусским данным укр. *ошілега, шéлега, шéмога, шілега* 'ракетник, ивняк' (Лысенко, 1974).

Лексема **нява**, зафиксированная в Вашкинском районе, при прибалтийско-финском характере происхождения, сопоставляется с фин. *nälva*, эст. *nälv* 'слизь', вепс. *näle* 'слизь' (SKES, 412), причем более вероятен ее вепсский источник, ср. также вепс. *näut* 'слизь, тина' (СВЯ, 372), *näl'ud, näl'od* 'водоросли' (СВЯ, 373). Лексема **нялега** восходит также к вепс. *näleg* 'слизь, тина' (СВЯ, 372). Вариант **нярега**, возможно, относится к предыдущей лексеме, поскольку мена сонорных — нередкое явление в говорах Северо-Запада, хотя нельзя совсем и исключать связь с вепс. *närehiin* 'мокрица' (СВЯ, 373).

Лексема **шайма** имеет единственную фиксацию в Вашкинском районе, ее возможно сопоставить с вепс. *šahm* 'сухой мох, растущий на камнях, деревьях и т. п.' (СВЯ, 542).

Лексемы **кунджа**, **кунжа** фиксируются в Вытегорском и Белозерском районах, при отсутствии возможных версий происхождения на русской и прибалтийско-финской почве, не исключена их саамская этимология, ср. саам. кильд. *kūdt's^a* 'гнилой, трухлявый', 'гнилушка', саам. кильд. *kuënd^a* 'растение плыун' (KOLTKS, 179, 166).

§ 3. Животный мир. Наименования птиц

В программе ЛАРНГ данный раздел занимает большое место — 210 вопросов: со 177-го по 387-й. Однако он не разбит на отдельные подразделы, включающие в себя вопросы по наименованиям российской фауны.

По программе ОЛА вышел 1-й выпуск «Животный мир» (ОЛА, Вып. 1, 1988), в котором представлено 48 карт, в большинстве случаев нацеленных на репрезентацию материала, не являющегося диалектным, показывающего общеславянский лексикон либо его специфику в различных славянских языках. Кроме того, в этом атласе исключен еще на стадии разработки карты-бланковки Северо-Запад России, что делает невозможным целостный анализ лексических ареалов.

В Программе ЛАРНГ вопросам, которые посвящены птицам, уделено значительное место: с № 249 по № 348, однако многие из них являются словообразовательными, нацеленными на определение лексических манифестаций самок птиц и птенцов (Программа ЛАРНГ, 28–32).

В нашей работе представлен анализ следующих концептов: сойка, ястреб, самка глухаря.

Наименования сойки

Среди лексем-этимонов для слов прибалтийско-финского происхождения преобладает оноματοпоэтическая лексика: русск. **кúкша** с производными **кукшáк**, **кúкшеньга** (Беломорье, архангельские говоры) — кар. *kuiukšo*, ливв. *kuiukša*, люд. *kukšoi*; русск. **нérгач** (Прионежский район) — кар. *närhi*, ливв.; русск. **кáчага** (Пудожье) и вариант с метатезой слогов *ча/га* — вепс. *kačatada* ‘стреко-тать — о сороке’ (СВЯ, 164); русск. **кя́ча** (Лодейнопольский район) — вепс. *käčkta* ‘скрипеть’ (СВЯ, 260), причем, на наш взгляд, звукоподражательный характер этих слов мог сохраняться и на русской почве.

Два опорных этимона представляют собой наименования, основанные на характеристике поведения этой птицы: русск. **паска-ра́га** (Обонежье, Посвирье) — вепс. *paskharag*, представляющее из себя композит — *pask* ‘жидкий кал’, *harag* ‘сорока’; русск. **пáскач**

(Обонежье) — вепс. *paskač* ‘воробей’ (СВЯ, 402) и синонимичная вепсская калька — *hereč* ‘воробей’, где *here* ‘навоз’ (СВЯ, 116); на русской почве эти лексемы ощущаются по-разному, **паскара́га** имеет тенденцию к оноματοпоэтической обусловленности, тогда как **пáскач**, в значениях ‘воробей’, ‘сойка’ явно получил мотивацию через переосмысление форманта — **скач**. В то же время варианты **пáскрач** (Кондопожский район), **панкράч** (Подпорожский район) стремятся обрести внутреннюю форму, основанную на оноματοпоэтической базе.

Лексема **чиранду́шка** (Белозерье) является отглагольным субстантивом, образованным уже на русской почве, ср. **чíрандаты** ‘чирикать, болтать’, при вепс. *čiraita* ‘говорить без умолку, тараторить’ (СВЯ, 59). См. также Лысова, 2001, 83. Таким образом, и данное слово входит в ряд оноματοпоэтической лексики, однако с мотивацией как на прибалтийско-финской, так и на исконной почве.

Еще одно слово **ря́ченга** (Подпорожский район) — также явно звукоподражательного характера как на прибалтийско-финской, так и на русской почве имеет конечный источник в балтийских языках, ср. литов. *strāzdas*, латыш. *strads*, но на русской диалектной почве его следует рассматривать как единицу прибалтийско-финского субстрата, ср. фин. *rästäs* ‘дрозд’, кар. твер. *ratsakka* ‘сорока’, вепс. *räč*, люд. *rä(tšni)*, которая вошла в говоры Посвирья (SKES, 742).

Наименования ястреба

Лексические манифестации проявляют только один ареал субстратного влияния в Обонежье и Белозерье, в основе которого лежит вепское воздействие. Лексема **га́бу́к** устойчиво фиксируется в большинстве населенных пунктов указанных районов, причем следует отметить, что и в словаре Куликовского обозначен этот же ареал: Вытегорский, Пудожский, Петрозаводский, Олонецкий уезды и Заонежье. Консонант [б] русского слова соотносится с вепским, ср. вепс. *habuk* ‘ястреб’ (СВЯ, 101), а для северного Обонежья нельзя исключать и людиковские источники, ср. люд. *habuk* ‘ястреб’ (Калима, 1915, 88), фин., кар. *haukka*, эст. южн. *haugas*, *havvas* ‘ястреб’, при германском источнике прибалтийско-финского гнезда, ср. др.-верх.-нем. *habuh* (SKES, 62). При этом в русском

языке существует также исконная единица **кобчик** ‘птица сем. соколиных’, при др.-русск. **кобец** (СлРЯ XI–XVII вв., 7, 208), традиционно рассматриваемая как германо-славянское соответствие (ЭССЯ, 10, 92; Непокупный, 1989, 111): **harika* — **kovьсь*. Стабильность ареала слова **габу́к** лишь подчеркивает его субстратное происхождение.

Вариант **гау́к** представлен Николаевой по данным лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета в Устьянском районе (Николаева, 1998, 120). Вряд ли его следует сопоставлять с кар. *haikka* (см. выше), скорее всего, данная форма связывает говоры бассейна р. Устье с говорами Белозерья, где зафиксировано выпадение [v] в интервокальной позиции: *кратки* — *кرواتки*, *остроина* — *островина*, *дроа* — *дрова*, *быали* — *бывали*, *короа* — *корова* (Мызников, 1999, 40). Следует отметить, что такая форма могла возникнуть в случае заимствования русскими говорами этого ареала более ранних вепсских данных (до перехода [v] в [b]). Кроме того, в пользу некарельской этимологии свидетельствует и то, что только в вепсском языке усекается основа с выпадением конечного гласного.

Вне региона обследования в вятских говорах фиксируются данные влияния коми языка: **варáш** ‘ястреб’ (Уржум. Вят., 1882, СРНГ, 4, 45), **ворáш** ‘ястреб’ (Вят., Васнецов. СРНГ, 5, 98), при коми *варыш* ‘ястреб’, удм. *варыш*, мар. *вараш*, *в́раш* ‘ястреб’, манс. *võrés* ‘хищная птица’ (КЭСКЯ, 47). См. также: Kalima, 1927, 20; Фасмер, 1, 351.

Представленные на юге Новгородской области материалы **ко-нёк**, **кони́х** ‘вид ястреба’, вероятно, сближаются со славянскими данными, ср. **ка́нюк**, **ка́ня** ‘полевой коршун с неприятным криком’ (Даль), укр. *каню́к*, *ка́ня*, белорусск. *ка́на*, болг. *ка́няк* ‘коршун’, словен. *káńja*, чеш. *káňě*, польск. *kania* ‘коршун’ (Фасмер, 2, 183); однако ср. водск. *kana-haik* ‘ястреб’, фиксируемое в смежном иноязычном ареале (VKMS, 86).

Наименования самки глухаря

Основным объектом анализа представляемого материала является лексема **ко́пчала** с вариантами. По данным лексикографических источников, ее ареальная дистрибуция чрезвычайно широка — от русских говоров Беломорья до Приамурья (см. СРНГ, 14, 214,

282). Еще В. И. Даль, давая варианты **кóпала**, **копалу́ха** ‘самка глухаря’, отмечает их неисконный характер — корел.(ское) (Даль, 2, 159). Поскольку дериват **копалу́ха** вошел в охотничью терминологию, где трактуется как общеупотребительное название самки глухаря (Словарь охотника-природолюбца, 61), довольно часто вне субстратной зоны влияния (Беломорье, Обонежье, Каргополье), данный материал имеет иррадиации, связанные с воздействием терминосистемы на говоры. Однако в отмеченных выше регионах доминирующая лексема **кóпала** устойчиво и стабильно фиксируется, что, несомненно, связано с воздействием карельских диалектов, ср. кар. *korrala*, ливв. *korrala*, люд. *korral* ‘глухарка’ (Kalima, 1915, 128). Фиксации, имеющиеся в новгородских говорах (Валдайский и Окуловский районы), также связаны с влиянием карельского языка — это ареал субстратно-адстратного карельского воздействия (диалекта валдайских карел), ср. кар. твер. *korralo* ‘глухарка’ (СКЯП, 113), кар. валд. *korral* (ККС, 2, 318). Материал, отмеченный в Чагодощенском районе, территориально довольно близок к тихвинским карелам.

Отсутствие лексемы **кóпала** и её вариантов в Южном Прионежье (вепсская зона влияния) связано с тем, что в вепском языке для обозначения глухарки употребляется слово вепс. *etätesoi* (СВЯ, 79), хотя и карельская по происхождению единица (людиковская) фиксируется в прионежском диалекте вепского языка — вепс. *korral* ‘глухарка’ (СВЯ, 224). Имеющиеся к настоящему времени этимологии повторяют общекарельскую версию Калимы: Матвеев, 1959, 14; Сало, 1996, 92; Фасмер, 2, 317; Аникин, 1997, 314. Итконен все же допускает возможность саамского влияния, ср. саам. кильд. *kiõorēl* (Итконен, 1932, 63), что вполне возможно в отношении варианта **кóппель** ‘самка глухаря’ (Арх., 1849, СРНГ, 14, 288). Следует отметить, что на финно-угорской почве данное гнездо представлено широко, ср. саам. швед. *kårpel*, саам. лул. *kåhrpēl*, манс. *kàlâ·m* (SKES, 217; ССАП, 1, 401), мар. *кувылчо* ‘самка глухаря’ (СМЯ, 3, 71).

Лексема **марью́ха** и дериват **марью́шка** представляют собой результат поиска внутренней формы на русской почве ранее неисконного материала. Хотя еще Преображенский, не сомневаясь в ее исконном характере, сопоставляет с именем Марья (Преображенский, 1, 512), но Фасмер уже не считает этимологию слова **марью́ха** ясной (Фасмер, 2, 577). Весьма интересны версии, пред-

ложенные в статье Лысовой (Лысова, 2001, 78–88). Она предлагает в качестве источника кар. твер. *marjanšüöjä* ‘тетерев’ с пометой поэт. (СКЯП, 156) и прозрачной внутренней формой ‘едок ягод’. Далее она восстанавливает промежуточную форму, которая должна быть непосредственным источником для русского слова — **marja/e/š-v*, где [v] конечный гласный. Однако, известно, что карельский консонантизм шипящих, [š] в данном случае, описывается как явление довольно позднее, редко переносимое на русскую почву. Чаще всего на территории Архангельской области по течению р. Онега и восточнее фиксируется лексика с более ранним [s], ср. **сяньга** ‘стерня, жнивье’ в Онежском районе по ПЛГО, при ливв. *sängi* ‘жнивье, остатки стеблей на сжатом поле’ (СКЯМ, 359), вепс. *säng* ‘жнивье’ (SKES, 1168), но кар. сев. *šänki*, кар. твер. *šänki* ‘жнивье’ (KKS, 5, 628). На наш взгляд, поиск нужной семантики в сходных звукотипах не должен основываться на значениях, репрезентирующих источники питания птиц; в этом случае мы получим не номинацию, основанную на дихотомии самец — самка, а видовые наименования. Самка глухаря, отличаясь от самца окраской оперения и размерами, естественно должна была иметь дифференцирующую ее номинацию, на наш взгляд, связанную с ее полом. Кроме того, ареал лексемы **марьюха** — это северо-восток Архангельской области, где в топонимии доминирует основа **чухч** — ‘глухарь’ саамского происхождения (Матвеев, 2001, 85), исходя из этого, возможно предположить, что наименование самки глухаря имеет сходную природу, ср. саам. лул. *mår'sē*, саам. норв. *moar'se*, саам. инар. *måersse* ‘невеста, зазноба, молодая жена’, при кар. *moršien*, *moržein*, фин. *morsian*, вепс. *muřžäin*, *muřžeï*, *muřžä* ‘молодая жена (до рождения первого ребенка)’; причем прибалтийско-финское гнездо — балтийского происхождения, ср. литов. *martì* ‘молодая жена (до рождения первого ребенка)’, латыш. *mārša* ‘золовка’ (SKES, 348; Fraenkel, 1, 412).

Следует отметить, что наименования глухарки по предложенному типу отмечаются в финно-угорских языках, ср. хант. *neŋlök* ‘глухарка’, дословно — жена глухаря (OSTW, 1, 474), мар. *ава сузо* ‘глухарка’, дословно — мать глухаря (РМС, 1999, 64), коми *энь дозмор* ‘глухарка’, при *энь* ‘самка’ (ССКЗД, 109); коми *дозмөр* ‘глухарка’ не имеет этимологической версии на почве коми языка (КЭСКЯ, 94); ср. также ливв. *emäriw* ‘самка рябчика’, *emätedr* ‘самка тетерева’, при ливв. *emä* ‘мать’ (СКЯМ, 48).

Однако нельзя исключать и того, что первичными являются данные **ма́режа**, **ма́режь**, не отмеченные по ПЛГО, но зафиксированные ЛК ТЭ в Холмогорском районе (Лысова, 2001, 87). Но их можно трактовать как варианты к **марьяжка** ‘милая, дорогая’ (Шадр. Перм., СРНГ, 17, 380), в свою очередь, являющееся производным от **марьяж** ‘брак, свадьба’, ср. фр. *mariage* (СРЯ XVIII в., 12, 76).

Лексему **марандáха** Лысова предлагает рассматривать как единицу ономатопоэтического происхождения, отглагольный субстантив, образованный от восстановленного глагола **марандать* (Лысова, 2001, 84), однако вряд ли глухарка могла получить номинацию, в основе которой лежит глагол звучания, издавания каких-л. звуков в силу ее скрытного образа жизни; ср. манс. *мансин* ‘глухарь’ (МРС, 81).

Довольно затруднительно представить этимологическую версию для лексемы **мордáха**, хотя очевиден ее неисконный характер.

§ 4. Наименования рыб

В Программу ЛАРНГ вопросы, касающиеся наименований рыб, вошли в довольно небольшом количестве, исходя из достаточно обоснованного опасения в невозможности лингвогеографического изучения этой лексической группы на обширной территории Европейской части России. Действительно, территориальная дистрибуция единиц лексической манифестации по вопросам наименований рыб часто связана с определенным водным бассейном, а не с выделенной для обследования сетью населенных пунктов. Причем, если лексика прочих тематических групп распространяется по миграционным / колонизационным потокам, то для названий рыб нередко можно зафиксировать распространение по течению рек. В качестве примера движения неисконной лексики данной группы в южном направлении можно привести лексемы **турбáк** ‘рыба голавль’ (Луж. Петерб., КСРНГ), **турбéнь** ‘вид рыбы’ (НОС, 11, 72), рассматриваемые нами как деривационные варианты, образованные на русской почве, ср. фин. *turpa*, *turvas*, *turpas*, *turpakka*, эст. *turb* ‘голавль’ (SKES, 1426). Вариант **турбáк** фиксируется в русских говорах Дельты Дуная, куда оно пришло с Северо-Запада России через посредство донских говоров (Гриценко, 1964; Мыз-

ников, 1999, 37; Он же, 2001, 105). Вряд ли сюда относится слово **турйк** ‘рыба тунец’, отмеченное у казаков-некрасовцев и возводимое к тур. *torik* (Сердюкова, 1969), а также **турбўк**, **турá** ‘рыболовная сеть’, с фиксациями в Словаре русских говоров Одесщины (СРГО, 2, 231).

Исходя из вышеизложенного, вопросы Программы ЛАРНГ были нацелены на общую номинацию широко распространенных названий рыб: карпа, налима, окуня, пескаря, плотвы, щуки (Программа ЛАРНГ, 1, 34), и только два вопроса имеют ориентацию на наименование незрелых особей: щуренок, мелкая рыба (общее название). Однако, как показывает опыт полевых исследований, наиболее разнообразна и интересна лексическая манифестация, представляющая ответы на вопросы, которые относятся к видовым наименованиям рыб начального периода их жизни. Именно поэтому таким вопросам в нашей программе отведено значительное место. Однако в ряде случаев, ввиду трудностей по сбору диалектных данных, не всегда удавалось получить ответы на такие вопросы, как, например, ‘небольшой сиг’, имеющий разнообразные, но спорадические фиксации в регионе: **перляк** (Кемский район Карелии), **полўшка** (Онежский район), **салáга** (Духнова Гора Гдовского района), **салáк** (Островцы Гдовского района), **салачóк** (Мда Гдовского района). Кроме того, в нашу программу были включены вопросы по именованию частей тела рыб. Ввиду того, что наши изыскания ориентированы на народные знания, использование латинской ихтиологической номенклатуры представляется нам излишним.

Печень рыбы

В наименованиях печени рыбы доминирует лексема **ма́кса** с деривационными вариантами: **ма́ксица**, **мако́ска**, **максó**, однако распространение этого слова в различных лексико-семантических вариантах гораздо шире, нежели при номинации печени рыбы. Слово известно начиная с XVIII века: **ма́кса** ‘рыбья печень (преимущественно налимя), молоки, потрохи’ (1667 г., СлРЯ XI—XVII вв., 9, 12). Калима возводит эту лексему к ливв. *maksu*, вепс. *maks*, при кар. *takša*, фин. *maks*, эст. *maks* ‘печень’ (Kalima, 1915, 160). См. также: Castren, 1844, 9; Шегрен, 1852, 159; Веске, 1890, 23; Лесков, 1892, 101; Погодин, 1904, 42; Meckelein, 1913, 49; Матве-

ев, 1959, 15; Аникин, 197, 383, 384. Исследователи, однако, указывая на прибалтийско-финский характер слова **ма́кса**, не говорят ничего о семантической дифференциации и вариантности, ни тем более о конкретных языках-источниках. Следует отметить, что на Севере России чаще всего употребляется в пищу печень налима, а в поморских районах — также печень трески и белуги. Поэтому при опросах информантов требовалось уточнение вопроса: «Как называется печень налима? печень трески? и т. п.» Тем не менее, при анализе учитывалась возможность обобщения до гиперонимического наименования печени рыбы, как факта, уже отраженного в словарях (см. СРГК, 3, 188).

Делая попытку более детального этимологического анализа, следует отметить, что широкая территория распространения лексемы **ма́кса** с вариантами делает практически невозможным выделение конкретного языка-источника, однако совершенно очевиден ее докарельский характер: в современных карельских диалектах, исключая ливвиковский и людиковский, фиксируется форма *makša* (KKS, 3, 260, 261). Весьма знаменателен тот факт, что в прибалтийско-финских языках соответствующие слова имеют общее гиперонимическое значение ‘печень, печенка’ по данным лексикографических источников, тогда как цитатный материал нередко фиксирует контекстуальные значения: ‘печень налима’, ‘печень коровы’ и т. п. В русских говорах имеется тенденция семантической дифференциации, основанной на сужении значения, нередко терминологического характера. Исходя из вышеизложенного, можно трактовать русскую диалектную семантическую дифференциацию как материал с двойственными характеристиками, являющийся результатом прибалтийско-финского влияния с исконными поздними инновациями, причем лингвогеографический анализ реалии ‘печень рыбы’ и ареальный анализ семантики слова **ма́кса** позволяет выявить и определить тип тех и других. Так, распространение лексемы **ма́кса** показывает ее достаточно широкий ареал, причем этот ареал не совпадает с лексической манифестацией по реалии ‘печень рыбы’, последний гораздо уже и отмечается в говорах Обонежья, Поволховья, Каргополья, карельского Беломорья, со спорадическими фиксациями в Приильменье, Подвинье, восточном Белозерье. Для гдовских говоров характерна лексема **максó** ‘печень рыбы’. Выявление ареально привязанной семантики позволяет выделить зоны с более сильным влиянием

субстрата, где наблюдается тенденция сохранения общего прибалтийско-финского значения слова **ма́кса** ‘печень, печенка’, — южное Прионежье и Посвирье (Вытегорский, Пудожский, Подпорожский, Кондопожский районы), что без сомнения связано с вепским влиянием (субстратного и адстратного типа), которое свидетельствует о сравнительно недавнем обрусении населения этого региона. В зонах с более сильной долей славянского воздействия происходит терминологизированное сужение значения — ‘печень рыбы’, распространившееся с русскими миграционными потоками по Сибири, Якутии и Дальнему Востоку. В новгородских говорах наблюдается фиксация значения для лексемы **макса́** — ‘молоки рыбы’, что, вероятно, следует рассматривать как инновацию, поскольку отсутствует соответствующий лексико-семантический вариант в прибалтийско-финских языках, хотя возможно в данном случае трактовать его как особенность приильменского субстрата, ср. ижор. *taksa* ‘внутренности животных’ (IMS, 294). Ударение в слове **макса́** ‘молоки рыбы’ на втором слоге, зафиксированное в Батецком, Шимском, Солецком, Волотовском, Парфинском, Окуловском, Маловишерском, Боровичском районах, по-видимому, связано с водским типом, ср. водск *tahs*, инес. *tahzà tahsà* ‘печень’ (VKMS, 164); знаком [à] автором словаря обозначались долгие гласные, а долгота гласного в речи могла послужить на почве русских говоров основой для переноса ударения.

Значение ‘сгустки крови’ для лексемы **ма́кса** находит соответствия в карельских диалектах, ср. кар.: *Veri maksoilleh on* (Кровь свернулась), не выводимое, однако, авторами KKS в качестве значения (KKS, 3, 261). Сюда же, вероятно, примыкает значение ‘молозиво’, зафиксированное по ПЛГО только в Прионежском районе.

Значение ‘рыбий жир’ для слова **ма́кса** вызвано особенностями употребления реалии, ср.: «Макса печенка тресковая, из которой вытапливается сало или тот благодетельный жир, который известен едва ли не каждому под именем трескового. Арх.» (Шейн, 1873).

Наименования печени рыбы представляют суженную заданной семантикой картину финно-угорского ландшафта, давая четыре различных гнезда, корень **макс-**, конечно, доминирует. Слово **ма́йка**, хотя и входит в эту лексико-семантическую группу, этимологически восходит к вепс. *maik* ‘молоки рыб’, при вепс. *maid*

‘молоко’ (СВЯ, 318, 316), а сдвиг значения уже произошел на русской почве.

Лексема **бáлка** ‘печень рыбы’, отмечаемая на Кольском полуострове и в карельском Беломорье, не рассматривалась в этимологической литературе. Для данного слова можно предложить две версии его происхождения. Первая основана на цвете здоровой рыбьей печени: – *В рыбе всякая бывает балка, бывает красная, черная, бывает белая, у рыбы тоже расстройства бывают, белая она лучше всего* (Севмор., СРГК, 1, 36). Ср. фин. *valkea* ‘белый’, саам. питим. *væl'gâd* (SKES, 1621). Вторая версия базируется на том, что с печени трески, семги часто вытапливали жир, ср. саам. инар. *vålkka*, фин. *valkka* ‘жир на лопатке у оленя, жир’ (SKES, 1621).

Еще одна лексема саамского происхождения **вóюкса** имеет значительно больше фиксаций в лексикографических источниках, ср. саам. *vuivas* ‘печень’, *vuoija*, *vuij* ‘жир, растопленный или расплавленный’ (Itkonen, 1931, 50). Ср. также саам. швед. *vuoija* ‘жир’ (WWLM, 153), саам. норв. *vuoggjâ*, при фин., ливв., люд., вепс. *voi*, эст. *või* ‘масло’ (SKES, 1803).

Таким образом, резюмируя, можно говорить об ареалах общеприбалтийско-финского влияния — **ма́кса**; вепсского — **ма́йка**; и саамского — **бáлка** и **вóюкса**.

Косяк, стая рыб

Предметом анализа в данном случае являются сугубо диалектные единицы. Среди неисконных данных доминируют лексемы **пáрва**, **пáрба** прибалтийско-финского происхождения с довольно широким ареалом от Беломорья до Посвирья. Совершенно бесспорна их карельская этимология, причем вариант с [б], скорее всего, возник на русской почве, ср. ливв. *parvi* ‘стая’ (СКЯМ, 257), кар. твер. *parvi* ‘стая птиц’ (СКЯП, 200), кар. *parvi* ‘косяк, толпа, стая, ватага’ (KKS, 4, 170), люд. *parvi* ‘то же’, при саам. кольск. *parva* ‘косяк, стая рыбы’, швед. диал. *parv* ‘косяк, стая рыбы’ из фин. *parvi*, либо эст. *parv* ‘косяк, стая рыб’ (SKES, 498), при соответствии в обско-угорских языках, ср. хант. *parë*, *põr* ‘стая рыб, птиц’ (SSAP, 2. 319), Следует отметить, что обширная дистрибуция русского диалектного материала не позволяет выделить этимологическую доминанту, хотя можно совершенно исключить вепсское воз-

действие, ср. вепс. *parveh* ‘стая, косяк (рыб)’ (СВЯ, 402). Первую этимологию, основываясь на материалах Куликовского: «**парва, парвочка** говорят о рыбе, когда она стадно идет в реку или залив» (Петрозав., Заонежье, Куликовский), предложил Погодин, возведя к фин. *parvi* ‘стая, косяк’ (Погодин, 1904, 49). Калима совершенно справедливо предпочитает кар. *parvi* ‘то же’ (Калима, 1915, 181). См. также: Meskelein, 1913, 55; Фасмер, 3, 205.

Лексема **мырь**, отмеченная в Лоухском районе, вероятно, связана с саамским влиянием, ср. саам. *vierra* ‘клубок, узел’ (KOLTKS, 747), мена [в] — [б] — [м] известна в данных говорах.

Лексема **юрó** фиксируется только в русских говорах Беломорья. Этимология этого слова имеет несколько версий. На наш взгляд, Преображенский справедливо разделяет **юр**, на **юрú** ‘на высоком, одиноком, не защищенном от ветров месте’ и **юрок, юркий** ‘проворный, живой’; **юрба́** ‘толпа, гурьба’ он связывает с гнездом **гурьба** (Преображенский, 129, 130). Фасмер, рассматривая данный материал в одном этимологическом контексте, сомневается в его исконности, так как, по его мнению, «если считать это слово исконным, тогда следовало бы ожидать вост.-слав. [у]». Поэтому он предлагает для сопоставления тюркские данные: чагат. *üjür* ‘стадо’, казах., тел., алт. *ür* ‘толпа, стадо’, татар. *öjör* ‘толпа, куча, отряд’ (Фасмер, 4, 531). См. также Шипова, 429, 430. Аникин, на наш взгляд, не совсем оправданно рассматривает в одной связи **юрóк** ‘мелкая сушеная рыба’ и **юрóк** ‘купа, кипа, куча, связка’, полагая, что **юро** ‘стая рыб’ праславянского происхождения (см. также: ЭССЯ, 8, 198, 199; Топоров ПЯ 3, 94, 95), сюда же он относит **юровая яма** ‘глубокое место с сильным течением, обычно на повороте реки, предназначенное для рыбной ловли’ в говорах Иркутской области (Аникин, 2000, 719).

Даль предполагает, что **юрóк** ‘кипа, куча; пук, связка, беремя; стая, стадо, косяк’ связано с зырян. *юр* ‘голова’ (Даль, 4, 689), при том что сходная лексика фиксируется в уральских языках, ср. коми ижем. *юрок* ‘косяк, стая рыб’ (ССКЗД, 453), саам. терск. *jurra, jura*, ‘косяк, стая рыб или птиц’ (Itkonen, 1958, 76), ненец. *юра* ‘косяк рыбы’ (РНС, 119). Ненецкие данные, как и коми языка, Аникин считает заимствованиями из русского языка.

Таким образом, лексема **юрó** ‘стая рыб’, вероятно, имея исконную основу, сопоставляется со сходными тюркскими, саамскими, ненецкими данными и материалами коми языка. Маргинальность

ареала русского слова и его сравнительная изолированность (ср. **юры́** ‘большие комья земли на пахотном поле’, НОС, 12, 120) основывается на архаичности лексикона беломорских говоров. Таким образом, лексическая манифестация исследуемого концепта имеет субстратную природу только в Обонежье, Посвирье, отчасти в Беломорье (варианты **па́рва**, **па́рба**), саамское влияние, возможное ввиду северной географии слова, остается в качестве этимологической версии, для которой нужны дополнительные исследования (лексема **мырь**).

Рыба хариус

Несмотря на то, что характер вопроса — видовое наименование рыбы — подразумевает этимологический анализ лексико-словообразовательных вариантов, в пределах данного материала была предпринята попытка его рассмотрения преимущественно с фонетической точки зрения. Абсолютно все манифестирующие лексемы представляют собой единицы финно-угорского происхождения, причем даже в русский литературный язык вошло слово прибалтийско-финской природы — **хариус** ‘пресноводная рыба сем. лососевых’ (БАС; МАС; Ожегов; Росс. Целлариус 1771), а также вариант **ха́рюз** (устар. БАС). Первая фиксация в памятниках письменности варианта **харьюс** относится к концу XVI века (1588 г., см. Шмелев, 1961, 191). В говорах представлены основные варианты **га́йрус**, **га́рьус**, **у́айрус**, **хайрус**, **харьюс**, **харус**, **харес**, **харез**, имеющие широкое распространение на Северо-Западе.

Поскольку начальные звуки [г], [х], [x] представляют собой на почве севернорусских говоров результаты влияния различных финно-угорских типов, именно этот дифференцирующий признак был положен в основу нашего анализа.

Варианты с начальным [г], на наш взгляд, восходят к данным вепсского типа, ср. вепс. *ha'g'os*, *ha'g'uz* ‘хариус’ (СВЯ, 107), причем они являются источником как для диалектных русских лексем, так и для современных вепсских материалов, т. е. являются отражением вепсского субстратного влияния. О характере произношения вепсского звука, который послужил основой для русского диалектного [г], свидетельствовал еще П. Успенский, указывавший, что звук, обозначенный им [г'], «произносится средне меж-

ду [г] и [х]» (Успенский, 1913, 4). М. Зайцева характеризует звук [h] как щелевой звонкий, ларингальный твердый в составе фонем вепсского языка (Зайцева, 1981, 24). В настоящее время под влиянием русского языка звонкий фрикативный характер вепсской фонемы [h] постепенно утрачивается.

Вариант с начальным [г] фрикативным — [γ], зафиксированный в Тихвинском районе — **у́айрус**, скорее всего, является результатом живого адстратного влияния смежных вепсских диалектов.

Варианты с начальным звуком [х], вероятно, восходят к влиянию карельского типа. Обычно карельский [h] описывается как щелевой согласный с артикуляцией менее напряженной, чем русский [х] (см. Рягоев, 1977, 30). Причем к субстратному карельскому влиянию (как, например, в Каргополье) добавляется адстратное влияние валдайских, тихвинских, тверских карел, ср. кар. сев. *harjuš* ‘хариус’ (, 1, 176), люд. *hard’uz* ‘хариус’ ливв. *harjus* ‘то же’, при фин. *harjus* ‘то же’ (SKES, 58). В этимологической литературе исследователи идут вслед за Калимой, который сопоставляет варианты с начальными [г] и [х] с вепскими данными (Калима, 1915, 237). См. также: Погодин, 1904, 64; Meckelein, 1913, 67; Фасмер, 4, 222; Матвеев, 1959, 18; Аникин, 2000, 614. Только Герд предположил, что у форм с начальным [г] был иной субстратный источник (Герд, 1988, 11).

Если рассмотренные выше варианты представляли различные субстратные типы прибалтийско-финской природы, то вариант с начальным [с] — **со́рьез** — репрезентирует субстратное влияние иного финно-угорского типа. Востриков возводит лексему **со́рьез**, зафиксированную на реке Унже, к мерянским субстратным данным (Востриков, 1990, 84), имеются также сходные материалы в Словаре Даля: **со́риус**, **со́рьез** ‘рыбка из рода форелей (хариус?)’, отмеченные в Костромской губ. (Даль, 3, 281). Однако авторы SKES высказывают предположение о скандинавской основе прибалтийско-финского гнезда, ср. общегерм. **harzus*, прасканд. **harriuz*, при норв. совр. *harr* (SKES, 58), скандинавские данные сопоставляются с балтийским, ср. литов. *kirszlỹs* (EONDS, 273). Но в прибалтийско-финском языке-основе звук [h] еще отсутствовал, и когда в него вошли наиболее древние, германские заимствования, он заменялся на [k]: фин. *kana* ‘курица’ из герм. **hana*, фин. *kakra* ‘овес’ из герм. **hagr* (Хакулинен, 1, 45), по времени заимствования речь обычно идет о рубеже новой эры. В балтийских

заимствованиях, которые хронологически являются более ранними, чем германские, звук [h] — позднего происхождения из *š прибалтийско-финского языка-основы (Хакулинен, 1, 45). Таким образом, если предположить, что герм. **harzus* послужило источником прибалтийско-финского гнезда, то его можно трактовать как достаточно позднее заимствование, относящееся к первым столетиям новой эры. Но в таком случае лексема **сёрвез** не относится к прибалтийско-финскому гнезду, если оно германского происхождения, поскольку распад финно-волжского языка-основы произошел значительно раньше (примерно 1 тыс. до новой эры). Исходя из вышеизложенного, также спорна и версия происхождения прибалтийско-финских данных из фин. *harja*, кар. *harja*, вепс. *harj* ‘грива, гребень, щетина (лошади, петуха, свиньи)’, как полагают авторы SSAP, ввиду того, что у хариуса большой спинной плавник (SSAP, 1, 141, 142). Но и это прибалтийско-финское гнездо неисконно — оно балтийского происхождения, ср. литов. *šerỹs* ‘свиная щетина’, латыш. *sars, saris* ‘свиная щетина’, ‘грива лошади’ (SSAP, 1, 142), причем балтийские данные сопоставляются со славянскими, ср. русск. **шерсть** (Fraenkel, 975). И в этом случае лексема **сёрвез** остается изолированной, поскольку балтийское влияние было позже распада финно-волжской языковой общности. Приведенные выше аргументы действенны, если прибалтийско-финское гнездо *harjus* неисконного происхождения (германского), тогда начальное [с] слова **сёрвез** довольно трудно объяснить исходя из традиционных фонетических соответствий финно-угорских языков. Начальный [h] в прибалтийско-финских языках в лексемах более позднего германского происхождения сохраняется без изменений, в том числе и в саамских диалектах, хотя в словах исконного лексикона рефлексом финно-угорского *š являются: фин. [h], саам. [s], мар. [š], при более раннем мар. *s, ср. фин. *haara* ‘осина’, саам. норв. *suppe*, мар. *шопке* ‘осина’ (SKES, 46; Грузов, 1969, 154; Sebestyen, 1943, 60). И только при исконности гнезда *harjus* возможны для слова **сёрвез** фонетические сопоставления с ранними данными марийского либо мордовского типа. Поэтому кажется не очень обоснованным мерянская версия происхождения слова **сёрвез**, поскольку, по утверждению Ткаченко, процесс перехода [*š] в [h] был единым для прибалтийско-финских языков и мерянского языка (Ткаченко, 1985, 76).

Небольшой лещ

Выбранный для обследования концепт является весьма актуальным и имеет повсеместно лексические манифестации. Наиболее значительную территорию распространения имеет гнездо **лепáк**, **ляпóк**, **липáк** и др., которое можно сопоставить с данными финно-угорских языков. Вариант **липáк** имеет соответствие в вепсском языке, ср. вепс. *l'ipak* 'подлещик' (СВЯ, 292), сюда же, вероятно, относятся варианты **липáга**, **липáк**, тем более, что их ареальная дистрибуция (Вытегорский, Бабаевский, Вожегодский районы) представляет собой зону вепсского адстратного и субстратного влияния. Вариант **ляпóк** по типу вокализма сближается с коми-зыр. *ляпа* 'подлещик' (ССКЗД, 213), которое авторы КЭСЯ сопоставляют с удм. *ляпа* 'сом', далее общеперм. **l'apa* 'вид какой-то рыбы' (КЭСЯ, 166), Шебештьен сравнивает с мар. *ловал*, *лавал* 'лещ', эст. *labakas*, саам. норв. *laepadak* (Sebestyen, NyK, XLIX, 54). Востриков, отмечая варианты **ляпóк**, **лепáк** в Белозерье, утверждает, что в Костромской области эти слова знают только галичские рыболовы (по нашим более поздним данным — гораздо шире) и связывает их с коми-зырянским влиянием (Востриков, 1982, 30). Однако неясна этимология этого гнезда на финно-угорской почве, приводимые сопоставления требуют уточнения и дальнейшего исследования.

Гнездо, состоящее из вариантов **пáрик**, **пáрага**, **пáруга** сопоставляется преимущественно с карельскими данными, ср. ливв. *parikka* 'небольшой лещ', кар. *parikka* 'вид рыбы, похожий на язя' (Суоярви), фин. диал. вост. *parkki* 'небольшой или худой лещ; небольшая рыба, похожая на леща', ливв. *parkoi* 'малек леща', *parikku* 'вид рыбы', при фин. диал. *partti* 'небольшой лещ', 'небольшая рыбка, похожая на леща' (SKES, 497). Ср. также кар. *parikka* 'Влісса бjoerkна' (Суоярви, Сямозеро) (KKS, 4, 162), кар. *paroli* 'рыба, напоминающая леща' (KKS, 4, 164), ливв. *paruli* 'подлещик' (СКЯМ, 257). Авторы SSAP, рассматривая гнездо фин. *partti*, к которому относят и приведенные выше варианты, говоря о неясной этимологии, предлагают сравнение с фин. *pasuri* 'небольшой лещ', которое бытует в восточных финских диалектах (SSAP, 2, 318, 322). Следует отметить, что в русских говорах фиксируется значительное число лексем со сходной формой: **пáрáк** 'рыба подкаменщик' (Вельск. Волог., Иваницкий, 1883); **пáрака** 'ры-

ба, не пригодная для пищи' (Свердл., 1965, СРНГ, 25, 215); **парчо́к** 'небольшой окунь' (Беломор. КАССР, 1968, СРНГ, 25, 218); **пару́н** 'мелкий лещ' (Онеж., СРГК, 4, 40); **пару́шка** 'лещ' (Кирил., СРГК, 4, 401) Однако возможно их этимологизирование и на русской почве, ср. русск. **парить**.

Лексема **ло́пырь**, имея основной вариант **ло́парь** 'бычок, подкаменщик' с фиксациями в Медвежьегорском районе (Кефтеницы, Шуньга, Сенная Губа, Падмозеро, Шильтя, Великая Нива), ПЛГО; 'малек налима' — в том же районе (Кажма, Шуньга), КСРГК, восходит к прибалтийско-финским источникам, ср. фин. *lopperi, loppero* 'густера' (SKES, 303). См. также Kalima, 1915, 155; Фасмер, 2, 518. Авторы SSAP не уверены в направлении заимствования (SSAP, 2, 93). Вряд ли имеет отношение к северным данным слово **лупи́рка** 'мелкая рыба, густера' (Южн., Даль, 2, 278), сопоставляемое с тюркскими источниками (Фасмер, 2, 534).

Лексема **сала́г** отмечается в Гдовском районе, имея в качестве основного варианта **сала́к** с семантикой 'небольшой сиг', связанной, вероятно, с эст. *salakas*, ген. *salaka* 'молодой язь' (Веске, 1890, 21). В н. п. Ветвенник Гдовского района зафиксировано слово **ла́тик**, имеющее в качестве источника эстонский тип, ср. эст. *latikas* 'лещ' (ЭРС, 249). Калима возводит также к эст. *latikas, latik* 'лещ' и лексему **ла́тик** 'густера', отмеченную Пушкаревым на Онежском озере (Калима, 1915, 150).

§ 5. Наименования земноводных, пресмыкающихся

Ящерица

Лексические данные, представляющие данный концепт, в своем большинстве отражают довольно сложное переплетение прибалтийско-финских материалов с местными русскими, что отмечал еще А. И. Попов (Попов, 1972, 10, 11). Это относится к лексемам **жи́желик**, **жи́галка**, **ши́жлик**. Калима оперирует данными, представленными в словарях Куликовского и Подвысоцкого, ср. **ши́жлик**, **жи́желик** 'ящерица' (Олон., Пудож., Вытегор.), **жи́жлик** (Лодейноп., Вытегор., Пудож., Каргоп.), **жижле́ц**, **жижелю́ха**, **жежелю́ха**, **жигалю́ха**, **жиглу́ха** (Петрозав.), **жижлу́ха** (Пудож.), **жиглу́ха** (Каргоп.), **жигáлка** (Повен., Куликовский), **жега́льница** 'ящерица' (Шенк., Подвысоцкий, 43).

При этом он предлагает вепско-карельскую этимологию, ср. вепс. *šizlik*, ливв. ген. *šiziliusku*, *čiziliusku*, кар. ген. *čiziliušku*, *čiziliuhku*, *čičeliuhku*, люд. *tšidželiŭsk* ‘ящерица’, причем формы с корнем **жиг-**, по его мнению, возникли на русской почве как результат народной этимологии, ср. **жигать** ‘жалить’, хотя фин. *sikalisko* соотносится с этим типом консонантизма при фин. литер. *sisilisko* (Калима, 1915, 247). См. также Шегрен, 1852, 146; Meckelein, 1913, 35; Фасмер, 4, 437. Лесков для лексемы **шйжлик** приводит карельский этимон, ср. кар. *šizlihkö* ‘ящерица’ (Лесков, 1892, 102). На наш взгляд, только лексема **шйжлик** имеет прямые соответствия в вепско-карельских диалектах, ср. вепс. *šihlik*, *šizlik* ‘ящерица’ (СВЯ, 543), ливв. *šizliuhku* ‘ящерица’ (СКЯМ, 362), люд. *šizelikko*, *šizlik* ‘ящерица’ (SKES, 1043). Трудно сказать, является ли ливв. *žizlivško* ‘ящерица’ источником русских форм **жижл-**, **жижел-**, исходя из того, что озвончение на ливвиковской почве [š] — [ž] не носит регулярного характера и возможно озвончение на русской почве с обратным заимствованием в дальнейшем.

Лексема **чигалѣха**, отмеченная в Окуловском районе, скорее всего, представляет собой результат влияния языка валдайских карел, ср. кар. твер. *čidžlüška* ‘ящерица’ (СКЯП, 27).

Анализируемое гнездо имеет широкое распространение в финно-угорских языках, ср. водск. *sūsälikko*, эст. *sisalik*, ливск. *sižälikku*, саам. инар. *tažaleggi*, мар. *šəyčälê*, коми *džodžul*, хант. *sōšêl* ‘ящерица’ (SKES, 1043, 1044).

В ОЛА (ОЛА, 1, 1988) на карте № 30 (Ящерица) представлены данные, которые не совпадают с нашими. Лексема **жйжлик** зафиксирована в Прионежском районе (№ 552 Ладва), Подпорожском (№ 550 Усланка, № 551 Плотишно), в Вытегорском (№ 568 Замошье), в Каргопольском (№ 569 Гаврилово); по нашим данным — в Прионежском районе (Ладва, Педасельга), в Подпорожском (Заозерье, Курпово, Пидьма, Согиницы, Ульино, Усланка, Шеменичи, Юксовичи, Яндеба), в Вытегорском (Андома, Ерино, Иванчево, Казаково, Мегра, Ошта, Ундозеро) отмечается вариант **шйжлик**, явно восходящий к вепскому этимону. Наши более обширные данные подтверждают бытование лексемы **жйжлик** в Каргопольском районе (Архангело, Сорокинская, Лекшмозеро), а также в Пудожском (Авдеево, Гакукса, Каршево, Пелусозеро, Куганаволок, Песчаное, Римское), в Медвежьегорском (Челмужи), Плесецком районе (Майлахта). По ОЛА в Онежском районе (№ 534 Тамица) фиксируется лексема **жйжлика**, по ПЛГО — **жйжлуха**.

Гнездо **мѣщерка** отмечается в ареале от гдовских говоров до Поволховья. Это указывает, скорее всего, на его новгородский автотонный характер.

§ 6. Наименования насекомых

Данная подгруппа имеет не столь многочисленные неисконные лексические манифестации, как некоторые другие, тем не менее, лингвогеографический и этимологический анализ этой тематической группы крайне важен при выделении субстратных ареалов.

Овод

Объектом при сборе материала были наименования видов крупных слепней, которых в народе называют оводами, при этом диалектоносители полагают, что это правильное научное название, к которому они предлагают диалектные синонимы. Мелкие виды слепней, имея такое же наименование — слепень — отличаются размерами и окраской, и поэтому для них фиксируются также и диалектные синонимы, которые не были включены в сферу нашего внимания. Таким образом, материалы, полученные по этому концепту, представляют собой наименования крупных настоящих слепней (рода *Tabanus* и *Nubomitra*) (Насекомые, 208).

Неисконная лексическая манифестация отмечается в Обонежье. Наиболее близка к карельским этимонам лексема **пáрма**; Калима предлагает ряд соответствий: кар. *poarma*, люд. *piärtad*, вепс. *part*, при фин. *parma*, *paarma* 'слепень, овод', водск. *pärtas*, эст. *part* 'то же' (Калима, 1915, 181). Ср. также: Погодин, 1904, 183; Meckelein, 193, 55; Фасмер, 1, 127. Причем для деривата **парма́к** Фасмер предлагает финскую этимологию (Фасмер, 3, 208). Даль, фиксируя вариант **пáрман** 'овод' (*Коровы от пармана дрочатся*) в Олонецкой губернии, делает помету — корелс.(кое) (Даль, 3, 15).

Слово широко представлено на финно-угорской почве, ср. ливск. *pārtaz*, саам. норв. *poartto*, морд. эрз. *piroto*, мокш. *piŕêt*, мар. *partêt* 'овод, слепень' (SKES, 449).

Лексемы с начальным [б]: **бáрм**, **бáрма**, **барма́к** не имеют сопоставимых данных на прибалтийско-финской почве, ср. также кар. *poarma* 'овод, слепень' (KKS, 4, 358), ливв. *piartu* 'слепень'

(СКЯМ, 284), кар. твер. *puarta* ‘слепень’ (СКЯП, 220), вепс. *part* ‘овод, слепень’ (СВЯ, 401), ижор. *pārta* ‘слепень, овод’ (IMS, 391). Однако трудно сказать, произошло ли озвончение уже на русской почве или связано с влиянием саамских данных, ср. саам. норв. *boar'to* (SSAP, 2, 281).

Вариант **пáрман**, отмеченный Далем, Куликовскому кажется сомнительным, при слове **парма́к** он пишет, что «у Даля, вероятно, ошибочно, **пáрман**» (Куликовский; СРНГ, 25, 229).

Наиболее обширный ареал образует лексема **паўт** — от Приладожья, Посвирья, южного Прионежья через Белозерье, Пошехонье до р. Северная Двина; ее происхождение возможно объяснить на исконной почве (Фасмер, 3, 219; Преображенский, 2, 27, 28).

Таким образом, неисконный ареал прибалтийско-финского происхождения отмечается только в Обонежье, за исключением его южной части, при доминировании исконных, ареально дифференцированных данных.

§ 7. Метеорологическая терминология

В Программе ЛАРНГ довольно много места посвящено метеорологическим явлениям: № № 530–648 (Программа ЛАРНГ, 42–48), 118 лексических, лексико-словообразовательных и семантических вопросов. Практическая работа по анализу уже собранных данных показывает совпадение некоторых ответов на вопросы, имеющие в основе, вероятно, одно понятие, ср.: Л 570 Дождь со снегом и Л 588 Мокрый снег с дождем. Был проделан анализ материалов по этим вопросам, квалифицированным как дублетные, с рекомендациями их нераздельного картографирования (Глебова, 2001, 178–185).

Наша задача при исследовании метеорологической сферы разделилась на две: первая — эмпирическое выявление концептов с неисконными лексическими манифестациями; вторая — поиск концептов, представляющих специфику языкового сознания носителей русских говоров Северо-Запада. Программа ЛАРНГ по охвату лексической репрезентации метеорологических явлений практически безупречна, однако и в ней выявляются некоторые лакуны. В работе Комягиной ЛААО среди девяти карт метеорологической тематики две представляют вопросы, отсутствующие в Программе ЛАРНГ: № 73 Распространение слова ярой и № 74 Мелкий лед в воде при ледоставе (Комягина, ЛААО, 12).

Таким образом, в данной работе подвергается анализу лишь незначительная часть вопросов, вошедших в нашу программу по сбору данных: мерзлый слой земли под оттаявшей сверху почвой, снег с дождем, иней, покрыться инеем.

Мерзлый слой земли под оттаявшей сверху почвой

При выделении ареалов материала по заданному концепту, который представляет специфику языкового сознания носителей русских говоров Северо-Запада, было установлено, что, например, псковские говоры и каргопольско-лачские на уровне понятий, репрезентирующих субстратную лексику, имеют гораздо больше сходства, чем говоры бассейна р. Онеги и р. Северной Двины. Поскольку на обозначенных территориях (как результат влияния ростовской, более поздней русской колонизации) отсутствует не только лексическая манифестация, но и сам заявленный концепт (по нашим данным и данным лексикографических источников). Все это свидетельствует о различном происхождении говоров Архангельской области, а также о различной степени субстратного языкового воздействия.

Значительная часть зафиксированной лексики является единицами прибалтийско-финского происхождения.

Наиболее обширна манифестация гнезда **рѡвга**, **рѡйда**, **рѡнда**, **рѡгда**⁴³. Ареальная дифференциация этих вариантов довольно сложна, и в лексикографических источниках замечены неточности при географических пометах. Так, например, в Словаре Даля фиксируются варианты **рѡвга**, **рѡвка**, **рѡвда** «поддина, лед в земле под почвой, в глубине; вечный мерзлый пласт, который никогда не оттаивает (Арх.)» и далее: «ровда земляная вода, мокредь, выступающая весною в ростополь из земли (Орл.). Уж ровда из земли пошла, оттого и сыро» (Даль, 4, 99). Мурзаев, компилируя данные всех известных лексикографических источников, представляет эти же варианты: **ровга**, **ровда**, **ровка** «почвенный лед; земля, охваченная вечной мерзлотой; береговой лед, покрытый первой весенней водой (северные обл.); в Карелии — испарение снега и вообще влаги в первые весенние солнечные дни; в Орл. обл. — грунтовая

⁴³Вариант **рѡвга** фиксируется также в значении 'твердая часть дороги весной' в Приморском районе (Березович, 2003, 275).

вода, весенняя лужа» (Мурзаев, 1984, 482). Но помета Орл. у Даля, превратившаяся в Орл. обл. у Мурзаева, скорее всего, в первоисточнике является опечаткой — должно быть Олон., на что обратил внимание еще Калима (Калима, 1915, 292).

По полевым записям для лексемы **рѳвда** можно отметить, что еще довольно частотны фонетические варианты **рѳўда** и **рѳўга** (с ѳ неслоговым), которые бытуют в речи старшего поколения. Этимологические изыскания по этому материалу имеют давнюю традицию. Грот впервые связал его с прибалтийско-финским влиянием, сравнив с фин. *routa* ‘мерзлая земля’ (Грот, 1876). Погдин необоснованно относит вариант **рѳвга** к фин. *rouhkea* ‘ломкий, хрупкий’ (Погодин, 1904, 55). Калима указывает на карельский источник, ср. кар. *rouda* ‘мерзлота, мерзлый слой почвы’, однако для него не ясно взаимоотношение вариантов **рѳвга** и **рѳвда** (Калима, 1915, 203). Сало впервые разграничила указанные выше варианты как следствие различного языкового влияния, **рѳвда** она связывает с кар. *rouda*, а **рѳвга** — с вепс. *royg* ‘мерзлота, мерзлая почва’ (Сало, 1966, 236).

На наш взгляд, в этом материале тесно переплетены более раннее общеприбалтийско-финское влияние с поздним воздействием уже обособленных языков этой группы. Так, варианты **рѳвда**, **рѳўда**, вероятно, являются рефлексамии общеприбалтийско-финского ландшафта; они фиксируются как в зонах сегодняшнего карельского, так и вепсского влияния, при естественном наложении современного кар. *rouda* ‘мерзлота’ (Ругозеро, Паданы, Суоярви, Тихв., KKS, 5, 172), хотя, конечно, нельзя исключать и того, что вариант **рѳвда**, как более ранний, получил широкое распространение на русской почве в результате миграционных процессов. Однако фиксация варианта **рѳвда** в зоне вепсского влияния, ср. вепс. *royg*, *ruyg* ‘мерзлота, мерзлая почва’ (СВЯ, 481), все-таки говорит о двуслойности прибалтийско-финского воздействия. Обобщая данные современных прибалтийско-финских языков, ср. кар. твер. *rouda* ‘мерзлота, мерзлый слой земли’ (СКЯП, 241), ливв. *roudu* ‘мерзлота, мерзлая почва — обычно весной’, вепс. сев. *royd*, *ruyg* ‘мерзлота’ (SKES, 850), можно говорить о том, что вепсские материалы (исключая северный диалект) стоят особняком. Поэтому совершенно очевидно, что вариант **рѳвга** связан с вепским влиянием более позднего времени (см. выше), причем в Беломорье дистрибуция вариантов **рѳвга**, **рѳвда** наиболее пестра: – *Дождь*

пройдет — скорее *ровга выйдет* (Колежма); *Роўга выхадит, можна пахатць землю* (Нюхча). При зафиксированном варианте **рбвда** в Сумском Посаде и в Вирме (ПЛГО; Сало, 166, 235), вариант **рбгда**, не отмечавшийся ранее, бытует преимущественно в Белозерье и связан, вероятно, с особенностями языка белозерских вепсов либо с довепским субстратом. Вариант **рбйда** вторичен, он связан с **роўда**, так же как, скорее всего, и **рбнда**.

Следует отметить, что прибалтийско-финское гнездо *routa* не исконного происхождения, а является результатом балтийского влияния, ср. литов. *grúodas* ‘смерзшаяся грязь’ (Фасмер, 3, 488; Thomsen, 1890, 173). Попов связывает финский материал со славянским: чеш. *hrouda* ‘глыба, ком’, польск. *gruda* ‘глыба’ (Попов, ЗНП, 850). Авторы SKES указывают на возможное контаминационное воздействие балтийских и прибалтийско-финских данных на русские говоры, что, на наш взгляд, вряд ли возможно ввиду имеющихся результатов прямого балтийского влияния (см. анализ лексемы **грўда**) (SKES, 850).

Лексема **кїрза** широко представлена в говорах Приладожья, Посвирья, Западного Прионежья и Заонежья: бытует в Медвежьегорском районе (Космозеро, Шильтя, Сенная Губа, Лонгасы, Кижы, Кузаранда, Великая Нива, Шуньга, Ламбасручей, Великая Губа, Толвуя, Палтега, Черкасы), в Подпорожском районе (Яндеба, Заозерье, Ульино, Юксовичи, Вознесенье, Шеменичи, Усланка, Курпово), в Пудожском (Авдеево, Песчаное, Гакукса, Римское), в Прионежском (Педасельга, Ладва, Суйсарь, Лехनावолок), в Кондопожском районе (Тулгуба, Лижма, Колгостров, Новинка, Кулумкса, Гангозеро), в Вытегорском районе (Андома, Мегра, Бабино) по ПЛГО. Кроме того, приводится довольно частотная фиксация в говорах Вытегорского района (Андома, Анхимово, Девятины, Казаково, Макачево, Самоино, Тудозеро) (Суспицына, 1993, 160). Данное слово имеет прямые соответствия в ливвиковском диалекте карельского языка, ср. ливв. *kirzi* ‘слой промерзлой почвы под оттаевающей землей; мерзлота’ (СКЯМ, 143). Смушает, однако, широкое распространение этого слова на территории с субстратным и адстратным вепским воздействием, при отсутствии сопоставляемой лексемы в вепском языке, вероятно, утраченной вепскими диалектами, поскольку в людиковском (родственном) диалекте соответствующее слово имеется (см. ниже). Однако этническое прошлое южного Прионежья могло быть не только веп-

ским, ср. например, упоминание о корелянах, которых Витов считает выходцами из города Корелы в Приладожье, но не исключено их карельское происхождение: «некоторые кореляне живут в Оштинском стану, в Заонежских погостех, и государевы подати платят, и тех корелян из Заонежских погостов и из Оштинского стану в Корелу выслати государь не велел» (Материалы, 1941, 379; Витов, 1962, 63). Так что распространение слова **кирза** и в этом ареале может иметь карельскую основу. Калима приводит ливв. *kirzi* ‘заморозок на почве, замерзшая земля’ (Калима, 1915, 118). Данные этого гнезда прибалтийско-финских языков, ср. фин. *kirsi* ‘мерзлота’, эст. *kirs* ‘мерзлота’, ливск. *kirt*, *kirk* ‘тонкий слой льда’, люд. *kirz* ‘мерзлота’, при саам. норв. *gir’si* ‘мерзлота’ из фин. (SKES, 200), также являются результатом балтийского влияния, ср. литов. *skirsti* ‘покрываться снегом’, *apskirsti* ‘замерзнуть, покрываться льдом’ (SSAP, 1, 372).

Еще одно слово прибалтийско-финского происхождения — **тёрда** — зафиксировано в Волховском районе (Шахново) и представляет собой субстратную единицу карельско-финского типа, ср. фин. *kerte* ‘тонкая корка на снежной поверхности’, при вепс. *kerteh* ‘кожа, пленка’ (SKES, 185), кар. *kerteh* ‘отколовшаяся или обломившаяся часть от большой части чего-л., обломок, кусок чего-л.’, ‘тонкий слой или пленка’, ‘тонкая пленка льда’ (KKS, 2, 138), ср. также вепс. *kerteh* ‘поверхностный слой кожи, эпидермис’, ‘пленка, налет’, ‘пенка на молоке’ (СВЯ, 196), фин. *kerte* ‘крепко замерзший снежный наст’, сопоставляемое с хант. вост. *kärtëy*, хант южн. *kärtëm* ‘тонкий снежный наст’ (SSAP, 1, 348). Чередование [к] — [т] в севернорусских говорах перед гласными переднего ряда имеет и другие примеры, ср. **ти́рза** ‘осенняя или весенняя грязь на улице’ (Заонеж., Куликовский).

Лексема **гру́да**, бытующая в Волховском, Киришском, Тихвинском, Чудовском районах, представляет результат прямого балтийского влияния, ср. литов. *grúodas* ‘мороз, мороз без снега’, ‘замерзшая грязь на дороге’, литов. жем. *grūts*, *grouts*, при литов. *grúodis* ‘декабрь’ с соответствиями в славянских языках: др.-рус. *грудень* ‘ноябрь’, польск. *grudzień* ‘декабрь’ (Fraenkel, 1, 173).

Таким образом, основные субстратные типы представлены прибалтийско-финскими и балтийскими языками, причем прибалтийско-финские данные репрезентируют более древнее балтийское влияние.

Лексема **скёрда**, зафиксированная на Водлозере (Пудожский район) и в Вытегорском районе (Анхимово) (см. Суспицина, 1993, 160), возможно, представляет субстрат саамского типа; вряд ли следует ее сопоставлять со скандинавскими данными, ср. швед. *skare* 'снежный наст' (EONDS, 710).

Исконная лексическая манифестация представлена в псковских говорах (**днйце**, **дбнник**), в ярославских, вологодских говорах (**подбшва**), в новгородских говорах восточнее р. Волхов (**стёржень**).

В большей части говоров Новгородской области, при наличии сходных климатических условий для всего региона, не удавалось не только зафиксировать лексику, но в ряде случаев и анализируемое понятие, например: – *Земля еще не отошла сиять*. Хвойнин. (Василево) Новг. Преимущественно прибалтийско-финский тип отражается в говорах Беломорья, Каргополья, Обонежья, Посьвирья. В Волховском районе в Приладожье фиксируется прибалтийско-финский тип наряду с исконным: **тёрда**, **мерзляк** (Шахново), в н. п., расположенных не вблизи от водных акваторий, представлен балтийский тип: **груда** (Верховина), который также отмечается в говорах Поволховья; в бассейне р. Паши зафиксирован прибалтийско-финский (карельский) тип: **кёрза** (Рыбежно). Также смешанный тип бытует в Череповецком районе: **зяблина**, **рбвда**, **рбнда**. По данным ПЛГО зафиксированы варианты слов, не отмеченные ранее в источниках: **рбйда** (Харовский район), **рбгда** (Белозерье).

Снег с дождем

Анализируемые материалы представляют собой лексику, которая, по данным лексикографических источников, является многозначной. Однако при полевых исследованиях они фигурировали в качестве единиц лексической манифестации на заявленный концепт. Поэтому значение рассматриваемого концепта субстратных лексем будет включаться в более широкий анализ зафиксированных лексико-семантических вариантов.

Наиболее значительный субстратный ареал представляет гнездо **рянда**, **ряндега**, **ряньга**, **рянжа**, **шрянда** прибалтийско-финского происхождения, которое, в свою очередь, можно дифференцировать по отдельным субстратным типам.

Лексема **рянда** довольно часто представляет собой полисемант с семантической доминантой 'снег с дождем' и периферийными значениями 'мокрый снег', 'сырая холодная погода', 'дождливая погода', 'ливень' с нечастотными фиксациями. На наш взгляд, вариативность форм и значительное развитие полисемии свидетельствует о влиянии из различных прибалтийско-финских источников. Например, совокупность практически не разделяемых на отдельные значения семантических компонентов 'снег с дождем; мокрый снег; сырая холодная погода' находит соответствие в вепс. *ränd* 'сырая холодная погода, слякоть, мокрый снег', так же как и значение 'ливень' сопоставимо с вепс. *ränd* 'проливной дождь' (СВЯ, 489). Дериват **ряндега** также тяготеет к вепсскому типу, хотя возможно его развитие и на русской почве, а лексема **рянда**, кроме приведенных вепских соответствий, сопоставляется с общекарельским типом, ср. кар. *rändä*, кар. сев. *räntä* 'мокрый снег, снег с дождем, сырая погода' (KKS, 5, 234).

Это гнездо имеет значительные фиксации на обследуемой территории по ПЛГО и лексикографическим источникам: **рянда** 'снег с дождем; мокрый снег; сырая холодная погода' Подпорож. (Корба, Юксовичи, Курпово, Пидьма, Ульино, Шеменичи, Шустручей), Прионеж. (Заозерье, Ладва, Машезеро), Кондоп. (Гангозеро, Лижма, Кулмукса, Новинка, Чёболакша), Медвежьегор. (Тихвин Бор), Сегеж. (Вожма Гора, Валдай), Кем. (ПЛГО); «мокрая погода, слякоть, дождь со снегом» Вытегор., Лодейноп., Повен., Заонеж. (Куликовский); «снег с дождем, мокрый снег, крупный дождь; то снег, то дождь осенью и весной; ветер с мелким дождем и туманом; сырая погода» Помор. (Сало, 1966, 228); «густой снег, валящий хлопьями в теплую погоду, более осенью» Арх. (Опыт); «мокрый снег хлопьями, лепень, дребня, хижя; снег с дождем, слякоть, мокропогодье со снегом» Арх., Олон. (Даль); «густой, падающий густыми хлопьями при теплой погоде снег» Арх., Онеж., Мезен. (Подвысоцкий, 151); «слякоть, осенняя непогодь». Вытегор. (Филимонов); «погода со снегом и дождем». Петрозав. (Георгиевский). Довольно частотен вариант **ряндега** 'снег с дождем; ненастная погода осенью' Пудож. (Песчаное, Авдеево, Римское), Медвежьегор. (Шуньга), Подпорож. (Юксовичи), ПЛГО. Преимущественно в Заонежье отмечается лексема **ряньга** 'снег с дождем; ненастная погода осенью' Медвежьегор. (Ламбасручей, Шильтя, Толвуя), Пудож. (Каршево), Кондоп. (Диановы Горы), ПЛГО.

Не имеет частотных фиксаций слово **ря́нжа** «мокрая погода, слякоть, дождь со снегом» Каргоп. (Куликовский).

У этимологов, разрабатывавших данное гнездо, имелись в распоряжении только лексемы **ря́нда** и **ря́нжа**. Калима вариант **ря́нда** возводил к кар. *rändä*, при фин. *räntä* ‘снегопад’ (Калима, 1912, 90), тогда как Погодин реконструирует вепс. **ränža* в качестве источника этой формы (Погодин, 1904, 57). См. также: Грот, 1876, 472; Meskelein, 1913, 62; Фасмер, 3, 58. Сало предполагает заимствование **ря́нда** из ливв. или люд. (Сало, 1966, 228).

Вариант **ря́ннга**, вероятно, восходит к более позднему карельскому типу, ср. ливв. *ränne* ‘слякоть’ (СКЯМ, 322), при фин. *ränne* ‘мокрый снег, слякоть’, люд. *ränne* ‘сырая погода осенью’ (SKES, 913), *rännä* ‘мокрый снег’ (KKS, 5, 234).

Вариант **ря́нжа** можно трактовать как результат влияния ливвиковского типа, ср. ливв. *ränžu* ‘грязный, слякотный (о погоде)’ (СКЯМ, 322), *rändžu* ‘то же’ (SKES, 913), ср. также кар. сев. *räntsä* ‘мокрый снег’ после утраты затвора смычного карельского звука.

Следует отметить, что прибалтийско-финское гнездо *räntä* также имеет неисконные корни, ср. литов. *dreñgti* ‘моросить, идти, падать (о снеге с дождем, мокрым снегом)’ (SSAP, 3, 126).

Лексема **пּря́нда**, зафиксированная на Кольском полуострове, вероятно, является результатом развития на русской почве.

Слово **рѣ́ча** в ином значении — ‘человек, промокший насквозь под дождем’ — фиксируется в Беломорском районе. Однако, несмотря на то, что этот факт расширяет географию данной формы, мы можем рассматривать его как вторичное явление. Первая фиксация лексемы **рѣ́ча** ‘мокрый снег, выпадающий нередко осенью или весной’ отмечается в Петрозаводском уезде Куликовским. Калима возводит данные Куликовского к кар. *rötsä* ‘мокрый снег, слякоть’ (Калима, 1915, 198). Погодин необоснованно сопоставляет с фин. *riettä* ‘грязь’, конструируя ливв., вепс. *rieča* (Погодин, 1904), Сало видит источник в кар. *röččä* ‘дождь со снегом, слякоть, ненастная погода’ (Сало, 1966, 241). Фасмер повторяет версию Калимы (Фасмер, 3, 478).

На наш взгляд, для данной лексемы довольно трудно определить тип прибалтийско-финского источника, предпочтительней говорить о вепско-карельском воздействии, ср. вепс. *röč* ‘грязь, слякоть’ (СВЯ, 491), ливв. *röčč* ‘мокрый снег, снег с дождем’ (СКЯМ, 322), *röttša* ‘то же’ (KKS, 5, 254), люд. *rötš* ‘снег с до-

ждем', фин. диал. *rötsä* 'мокрый снег, слякоть', 'развезшаяся дорога' (SKES, 929).

Лексема **шáкша**, зафиксированная в Пыщугском районе, представляет собой семантическую периферию, основной лексико-семантический вариант **шакшá**, отмечаемый в Межевском, Пыщугском, Никольском районах, имеет значение 'снег, смешанный с водой, месиво из мокрого снега на весенней дороге, грязный сырой снег' (Востриков, 1981, 42). Он, вероятно, соотносится с **шáкша** 'слякоть, грязь на дороге', бытующем в Кондопожском районе. Однако сопоставимость этих данных на финно-угорской почве не означает их происхождение от общего источника. Вариант **шакшá** можно рассматривать как сравнительно поздний результат влияния марийского типа, ср. мар. *шакше* 'мерзкий' (РМС, 279), удм. *шакшы* 'неряшливый, грязный, дурной, нехороший, поганый' (УРС, 339). Но непонятно место предполагаемых этимонов на марийско-удмуртской почве, так же как и отношение к рассматриваемым данным материала из другой предметно-понятийной сферы: **шáкша** 'жидкость, остающаяся при сбивании масла' (см. раздел «Питание»), который относится к карельскому влиянию.

Лексема **кíша**, отмеченная в Бабушкинском районе, имеет более частотный вариант **кíжа**, зафиксированный также и в иных значениях: 'снег, выпавший на оттаявшую землю', 'первый снег', 'осеннее ненастье с дождем и снегом' в Нюксенском, Тарногском, Бабаевском районах (СВГ, 1987, 55), по СРНГ — в сходных значениях, в основном, в вологодских говорах (СРНГ, 13, 202). Фасмер слово **кíжа** производит от **кидáть** (Фасмер, 2, 230), ср. также варианты **кíдега**, **кидь**, **кíта**, **кить**, **кíтча**, **кíча** в сходных значениях с севернорусской и сибирской географией (СРНГ, 13, 243). Варианты **кидь**, **кить** действительно объясняются с помощью внутриславянских ресурсов (ЭССЯ, 13, 252, 254; Аникин, 2000, 287). Ср., однако, прибалтийско-финское гнездо, фин. *kide* 'снежинка', *kiteet*, *kidut* 'мелкие снежинки, образующиеся во время сильного мороза', ливв. *kidei* 'морозная погода', люд. *kide* 'лед, замерзающий на земле осенью после дождя', вепс. *kidegi*, *kidä* 'сильный мороз, в который сани плохо скользят по дороге', 'дорога по льду', эст. *kidu* 'маленькая снежинка', *kiduhang* 'наст, выдерживающий человека' (SKES, 187), вепс. *kid'e*, *kid'egi* 'состояние санного пути в сильный мороз (когда плохое скольжение)' (СВЯ, 203). Ни у авторов SKES, ни SSAP нет сомнений в неисконности при-

балтийско-финских данных (SSAP, 1, 352), но имеющиеся обширные славянские данные, ср. польск. *okiść*, чеш. *okyd*, словац. *okyd'*, укр. *окидь*, белорусск. *кид* 'снег на ветвях деревьев', 'иней', 'весенние заморозки' (ОКДА, 99), позволяют подтвердить славянскую основу вариантов **кит-**, **кид-**. Варианты **китча**, **кйча** вполне возможно сопоставить с мар. зап. *kětsä* 'дующий навстречу ветер со снегом в холодную погоду' (SSAP, 2, 352). Вариант **кйжа** имеет соответствие в коми языке, ср. коми-зыр. *кйжа* 'изморозь', 'иней', 'мелкий сухой снег, падающий в морозы' и возводится к русским данным (КЭСКЯ, 123), но в отношении варианта **кйша** вероятно также и версия марийского влияния. Ср., однако, уйгур. *қижа* 'иней' (ЭСТЯ, 2000, 230).

Лексема **облой** имеет фиксации в западных новгородских и псковских говорах и сопоставляется со славянскими материалами, ср. белорусск. **аблой** 'изморозь', укр. *облі́й* 'протаявший, покрытый водою снег', чеш. *obloj* 'помой' (ЭССЯ, 28, 19).

Лексема **бчичь**, имеющая единичную фиксацию, вероятно, связана с коми-зыр. *чита*, *читас* 'изморозь' (КЭСКЯ, 308), префиксация, видимо, произошла уже на русской почве. Нельзя исключать и того, что это слово восходит к **кить** (см. выше).

В псковских, новгородских говорах отмечаются лексемы **халепа** 'снег с дождем; дождь со снегом' в Солецком, Старорусском районах (НОС, 12, 6), Порховском, Пушкиногорском, на территории вне региона обследования — в Смоленской (Рудн.), Калужской, Орловской областях (КСРНГ); **халипа** 'дождь со снегом' — в Пушкиногорском, Опочецком, Дновском, Порховском, Славском районах (КСРНГ)⁴⁴. Кроме того, встречаются менее частотные варианты: **халиба**, **халибень**, **хальба** 'дождь со снегом' в орловских говорах (КСРНГ), **хальпа** 'то же' — в калужских говорах (Второе Доп.). Сюда же относятся варианты с другим консонантизмом: **шалепа**, **шалипа** 'снег с дождем' с фиксацией в новгородских говорах — Солецкий, Маревский, Старорусский районы (НОС, 11, 76). Ареал **халепа** 'зимняя непогода, мокрый снег, лепень, дребня' (Южн., Зап., Калуж.), показанный Далем (Даль, 4, 557), в нашем регионе, вероятно, представляет северо-восточную периферию (юго-западные районы Новгородской области и смеж-

⁴⁴Отмечаемая в Опыте единица **халина** 'дурная погода' (Смол.), на наш взгляд, является опечаткой.

ные с ними районы Псковской). На первоначальном этапе исследования для этого гнезда было довольно затруднительно представить какую-либо этимологическую версию, отсутствуют таковые и в Словаре Фасмера (Фасмер, 4, 217, 218).

Также трудно судить о происхождении слова **ка́лега**, зафиксированного в Вилегодском районе. Если предположить, что формант *-ga* появился на русской почве, то эту лексему возможно сопоставить с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *kalea, kalhe* ‘прохладный, холодный’, при саам. лул. *kállō*, саам. норв. *gallo* ‘холодная погода’, саам. вефс. *gāal’uo* ‘дождливая погода летом’ (SKES, 147). Нельзя исключать и другие сходные материалы, ср. фин. *kaljakka* ‘холодный’, ‘скользкий, ледяной (о земле)’ (SSAP, 1, 285), однако, фиксация лексемы **ка́лега** на востоке региона делает аргументацию этих версий весьма сомнительной.

Следует отметить, что исконные данные, ср. **сля́ка**, **шля́ча** с дериватами имеет практически повсеместное распространение в регионе, эти данные сопоставляются с польск. *ślqkwa* ‘дождливая погода, снег вперемешку с дождем’ (Фасмер, 3, 682).

Иней

Материалы лексической манифестации данного концепта в некоторых случаях для ряда корневых морфем имеют значительное число деривационных вариантов, ареальное распределение которых разрозненно и нерегулярно. Так, корневая морфема **курж-**, безаффиксальный вариант **кúржа**, представлена следующими дериватами: **куржа́к**, **кúржеве́нь**, **кúржевица**, **кúржеви́на**, **куржобвина**, **куржеве́тина**, **кúржева**, **куржема́**; также корневая морфема **харм-**, (безаффиксальная **ха́рма**) представлена дериватами **хармоха́**, **ха́рмовина**, **хармови́на**; и **хараве́й** и варианты **ха́равесь**, **ха́раветь**. Кроме того, имеются регулярные фонетические варианты: **ермега́** (при основном **я́рмега**), **харове́й**, **хорове́й** (основной вариант — **хараве́й**). Имеются также данные с единичными фиксациями: **харм**, **харбови́на**.

Гнездо **кúржа** с дериватами занимает наиболее значительное место в обследуемом регионе, но, в основном, в восточной его части (Архангельская, Вологодская области). В макроструктуре русских говоров ареальная дистрибуция имеет только севернорусский характер, включая русские говоры Сибири (см. СРНГ, 16, 123–125).

Погодин предположил финское происхождение данного гнезда, ср. фин. *kuura* ‘иней’, что оспаривал Калима, ввиду отсутствия в финском этимоне фонемы, сопоставимой с русск. [ж] (Калима, 1913, 77, 78). Фасмер предпочел трактовать этот материал как приставку **ку-** и корень **ржа** ‘ржавчина’ (Фасмер, 2, 425). Такое членение, по мнению Вахроса, выглядит искусственно (Вахрос, 1965, 333). Аникин предлагает отделять слова типа **кúржа** ‘иней’ от диалектизмов типа **коржавина** ‘ржа, ржавчина’, **коржава** ‘ржавое болото’ (Аникин, 2000, 329; ЭССЯ, 11, 120). Вахрос возвращается к идее Погодина о прибалтийско-финском источнике, вероятно, карельского типа, кар. **kuurža* (Вахрос, 1965, 333). На наш взгляд, возведение гнезда **кúржа** к этимону карельского типа вряд ли может иметь серьезную аргументацию, поскольку преимущественное распространение этого слова охватывает районы восточнее реки Онеги, т.е. между прибалтийско-финским континуумом и ареалом русского диалектного гнезда отсутствует зона контактов, что возможно только в том случае, когда русские данные восходят к иному, причем чаще всего, субстратному источнику неясного типа. А прибалтийско-финские источники могут рассматриваться как соответствия этого субстрата. Таким образом, гнездо **кúржа** можно рассматривать как субстрат прибалтийско-финского типа, приводя для сопоставления следующие данные: фин. *huuri, huura, huure* ‘иней, туман’, ижор. *huurre* ‘иней’, кар. *huuri* ‘пар, туман’, *huura* ‘туман, мгла’, *huurre* ‘иней’ (SSAP, 1, 195), при основе кар. ген. *huurt-* (KKS, 1, 353). Имеются также и единицы на прибалтийско-финской почве с начальным консонантизмом, довольно близким к русскому диалектному гнезду, ср.: фин. *kuura*, ливв. *kuuru* ‘иней’ (SKES, 251), ливв. *huure, huureh* ‘иней’ (СКЯМ, 80), при коми-зыр. *куржöвина* из русск. (КЭСКЯ, 147).

Гнездо **хáрма** восходит к карельско-финскому типу, ср.: фин. *härmä*, эст. *härm*, люд. *härm* ‘иней’ (SKES, 99), ижор. *härme* ‘иней’ (IMS, 82), кар. *härmy* (KKS, 1, 392), кар. твер. *härme, härmä* ‘иней’ (СКЯП, 65), ливв. *härmi* ‘иней’ (СКЯМ, 86), при водск. *ärmä* ‘о желтеющей склизкой воде’, ливск. *ärmä* ‘иней, гололед’ (SKES, 99), водск. *härm* ‘иней, изморозь’, ‘тонкий слой чего-л.’ заимствовано из ижор. (Цветков, 1995, 59). Матвеев, имея в своем распоряжении только варианты с начальным [х], полагает, что их богатство возникло на русской почве, справедливо не исключая в

качестве первоисточника восстанавливаемое по модели **härmäh* (Матвеев, 1995, 32).

Лексема **ярмега** соотносится с гнездом **хárма** на прибалтийско-финской почве, ее фиксация на территории Обонежья и Поневья позволяет предположить, что данная единица может являться результатом вепско-саамского влияния, ср. саам. норв. *ærbte* ‘мелкие снежинки’, *ærto* ‘туман со снегом’, при саам. лул. *häremu* ‘дождь, перемежающийся с выпадением измороси’, которые восходят к источникам финского типа (SKES, 99), при исторически первичном саамском варианте *sîna* ‘иней на земле’ (KOLTKS, 498), финскому [h] довольно регулярно соответствует саамское [s], ср. фин. *hirvas* и саам. *sârves* (SKES, 77). Бытование лексемы **ярмега** преимущественно в зоне вепского воздействия позволяет возводить ее к вепскому источнику, а начальный [j] объясняется следующим образом: на территории с вепским субстратно-адстратным воздействием начальное прибалтийско-финское [h] субституируется русским [г] (см. хариус), с карельским — фонемой [x]. Но в случае, если вепская реконструкция будет репрезентирована диалектной формой **уярмега*, то возможна утрата начального [y] с заменой на [j] (См.: Аванесов, 1949, 163; Кузнецова, 1975, 92).

Следует отметить, что прибалтийско-финское гнездо является результатом балтийского влияния, ср. латыш. *sarma*, литов. *sarma* ‘иней, замерзшая роса’ (SKES, 99).

Лексема **гáлага**, зафиксированная в западном Прионежье, неплохо разрабатывалась в этимологической литературе. Погодин соотносит ее с фин. *halla* ‘заморозки’, предполагая, что русская форма на *-га* восходит к вепс. **hallaga* (Погодин, 1904, 21, 22), против чего возражал Калима, отдавая предпочтение карельско-вепской этимологии: кар. *halla*, вепс. южн. *hal*, вепс. сев. *hala* ‘иней’, при водск. *алла*, эст. *hall*, ливск. *ala* ‘иней’ (Kalima, 1915, 90). Ср. также: люд. *халли*, *халле*, ливв. *халли* ‘иней’, вепс. сред. *халл*, при саам. лул. *suolne* ‘роса’, саам. норв. *suol'dne* ‘роса; туман над водой или землей в холодные летние ночи или осенние вечера’ (SKES, 51). Ареальная дистрибуция свидетельствует в пользу этимологии Калимы, ср. также: вепс. *халла*, *халл* ‘заморозки’ (СВЯ, 103), кар. тихв. *halla* ‘заморозки’ (KKS, 1, 157), кар. твер. *halla* ‘заморозок, утренник’ (СКЯП, 45), ливв. *hallu* ‘заморозки’ (СКЯМ, 57). Прибалтийско-финские данные неисконны, они также восходят к балтийским источникам, ср. латыш. *sal'na* ‘мороз,

иней', литов. *šalnà* 'иней, слабый мороз' (SKES, 51), хотя наличие манс. *солжукве* 'покрываться инеем' (МАНРС, 106), может изменить мнение о направлении заимствования.

Лексема **гол**, отмеченная в Череповецком районе, возможно, связана с вепсским влиянием. ср. вепс. *hall* 'иней, заморозок' (СВЯ, 103), а огубление могло произойти уже на русской почве, ср. **лáхта** 'залив' в Обонежье и **лóхта** в Белозерье (см. о чередовании [a] — [o] Матвеев, 1968, 121–126). Однако не исключена вероятность того, что слово **гол** связано с исконными русскими данными, ср. **гололёд**.

Лексема **юдега** имеет вариант **гудега**, зафиксированный в диалектных источниках в сходных значениях: 'густой в виде снега иней на деревьях' (Арх., Подвысоцкий, 35), 'замерзшие испарения над дверями жилого помещения или от дыхания человека, или животного' (Арх., Второе Доп.). Куликовский отмечал слово **юдега** 'иней' на р. Свири (Куликовский). Калима варианты Подвысоцкого и Куликовского возводил к кар. *huueh*, ген. *huuehen*; *huuveh* 'иней', при фин. *huude*, эст. *üde* 'иней' (Kalima, 1915, 93, 94), причем он указывал на возможную ошибку Погодина, который выводит их из вепс. **hundege*, правильно **huudege* (Погодин, 1904, 23). Фасмер повторяет этимологию Калимы (Фасмер, 1, 470). На наш взгляд, в данном случае возможно разграничение вариантов **юдега**, **гудега** с точки зрения их происхождения. Вариант **юдега** бытует в сфере вепсского влияния, ср. вепс. *hüüd* 'иней', *hüde* 'иней' (СВЯ, 132, 137). Вариант **гудева**, отмечаемый в Беломорском районе, и соотносящийся с ним **гудега** (см. выше), сопоставляются с кар. сев. *huuveh* 'иней': *Mettšä on huudehessa* (лес в инее) (KKS, 1, 354), однако начальное [г] на русской почве, при источнике прибалтийско-финского типа с [x], чаще всего свидетельствует о вепсском воздействии.

Лексемы **рямига** и **рындяга**, зафиксированные в Вытегорском районе, вероятно, представляют саамское влияние, ср. саам. *rèppe*, лат. *rèppa* 'иней на окне' (KOLTKS, 431), хотя для первой единицы возможна связь со словом **ярмега** (метатеза фонем первого слога).

Еще одна лексема **румбега**, отмеченная в смежном Вытегорскому Пудожском районе, также, вероятно, имеет в качестве этимона саамский источник, ср. саам. кильд. *rumts*, ген. *rumtas* 'туман, пар' (KOLTKS, 454), но непонятно место этой единицы в са-

амских диалектах и в финно-угорских языках. Вряд ли связаны с русским диалектным словом фин. *rotpre* ‘прибрежный лед’ (записи Лённрота), ‘глыба льда’, ливв. *rotpeh* ‘глыба льда’ (SKES, 832), так же ливв. *huwrte* ‘иней’ (СКЯМ, 80).

Лексема **пíхта**, бытующая в Заонежье, имеет вариант **пихкá**, зафиксированный на Кольском полуострове, хотя и в несколько ином значении ‘подмытый волною и вследствие этого затвердевший снег на проложенной по берегу моря дороге’ (Подвысоцкий, 122; СРНГ, 27, 57), что позволяет сопоставить их с саамскими данными, ср. саам. *péotse* ‘иней’ (KOLTKS, 361).

Также через саамское воздействие можно объяснить лексему **кўнжа**, отмеченную в Белозерье, ср. саам. *kinpa* ‘пепел, зола’, *kīnisišt* ‘в пещле, в золе’ (KOLTKS, 165).

Слово **коржўха** с фиксацией в Терском районе представляет собой результат обратного заимствования, ср. саам. *kōržev* ‘иней, морозные узоры на оконном стекле’ (KOLTKS, 149) из русск. **кўржа**, **кўржевень** (об их происхождении см. выше).

Лексема **кўхта**, отмеченная на востоке региона, репрезентирует влияние другого финно-угорского типа, ср. коми-зыр. верхневычегод., вымск., нижневычегод., присыктывкар. *тукта*, лузсколет. *кукта*, верхневычегод. *купта*, верхнесысол. *пукта* ‘густой косматый иней, косматая изморозь, слежавшийся снег (на сучьях деревьев)’ (ССКЗД, 380); см. также: Матвеев, 1959, 27; Аникин, 2000, 314, 315. Возможно, что коми-зырянские данные являются производными от глагола, ср. коми-зыр. *туктыны* ‘набухать, набухнуть, разбухнуть’, при удм. *туктаны* ‘застрячь наверху’ (КЭСКЯ, 285).

Лексема **хáравей** фиксируется также Востриковым в значении ‘иней на деревьях, появляющийся после оттепели в сильный мороз; иней от дыхания человека, животного’ в Антроповском, Парфеньевском, Галичском районах (Востриков, 1981, 39). На финно-угорской почве эти данные сопоставляются с гнездом **хáрма** (см. прибалтийско-финские соответствия), однако довольно трудно определить их субстратный языковой тип. Если предположить вторичное расширение основы по полногласному типу **xarv* — **xarav-*, а для фонемы [v] чередование [m]/[v], то вероятно сведение гнезда **хáравей** к прибалтийско-финскому субстратному типу. Отсутствие звука [h] в марийском языке даже не ставит вопроса о возможности субстрата подобного типа в качестве источника

анализируемого гнезда, ср. фин. *harava*, мар. *шорвондо* ‘грабли’ (Грузов, 1969, 158). См. также Востриков, 1981, 39, 40.

Весьма примечательна лексема **у́жбега**, зафиксированная автором в 2001-м году в Сегежском районе (первоначально в нашем распоряжении имелся только глагол **обу́жить** ‘покрыться инеем’, что вызвало предположение о существовании субстантива, который и был обнаружен). Данная единица восходит к карельским источникам, ср. кар. сев. *usva*, *ušva*, *užva* ‘иней’, ‘очень легкий сухой снег’, ‘туман’ (SKES, 1555), ливв. *udžu*, *udžve* ‘иней, изморозь’, ‘инистая мгла’ (СКЯМ, 402), кар. твер. *užva* ‘иней’ (СКЯП, 320), люд. *udžve* ‘иней’, при саам. норв. *osve* ‘мокрый, липкий снег’, фин. *usva* ‘туман, густой туман’, ‘толстый слой инея’ (SKES, 1554, 1555). Переход [в] — [б] произошел уже на русской почве.

Лексемы **тю́ка** и **кургá** имеют единичные фиксации. Первая рассматривается как единица прибалтийско-финского происхождения, сопоставляемая с фин. *tykkä* ‘снег, висящий на верхушке и ветвях дерева’, *tykku* ‘хлопья снега, собравшиеся на верхушке дерева’, *tykki* ‘снег на ветвях деревьев’ (SKES, 1447). Калима приводит материалы с другой семантикой, которая вряд ли может соответствовать русским диалектным: фин. *tykkä*, *tykkö* ‘большой кусок, колода’ (Kalima, 1915, 229). Фасмер повторяет версию Калимы (Фасмер, 4, 134).

Лексему **кургá**, ввиду акцентуации на последнем слоге и фиксации на юго-востоке региона, на наш взгляд, следует отделять от гнезда **кү́ржа**; вполне возможно ее сопоставление с тюркскими источниками, ср. пратюрк. **quraγu*, тур. *кураγу*, тувин. *хура* ‘иней’ (СГТЯЛ, 36), тур. *күршä* ‘твердо замерзший снег, который с трудом тает’, татар. *кырау* ‘заморозки, утренник’ (Радлов, 2, 1436). Исходя из сходства тюркских данных с гнездом **кү́ржа**, основываясь на материалах Даля: **кү́ржа**, **куржáк**, **кү́ржевина**, **кү́ржевень** ‘осадок мерзлых испарений на бороде, одежде, на дверях и пр., изморозь, иней, опока’ (Сев., Вост.), ‘кит, мерзлые блестки в воздухе’ (Сиб.) (Даль, 2. 166), Шипова делает предположение о его тюркской основе (Шипова, 1976, 212), что можно поставить под сомнение. Однако не исключена вероятность того, что тюркское гнездо *кырав*, *кырагу* ‘иней’, ср. гагауз. *кырч* ‘изморозь, наледь, иней’ (ЭСТЯ, 2000, 230, 231), послужило источником для единицы **кургá**, основа которой в косвенных падежах **курж-** позднее стала таковой и в номинативе. Но ареальная дистрибуция

гнезда **кúржа** — севернорусские говоры и говоры Сибири, севернорусские в своей основе, — делают эту версию малодостоверной.

В новгородских говорах и на смежных территориях доминируют исконные данные: **йвень, йндей, облóй**; отмечаются также лексемы, имеющие единичные фиксации: **зéбель, кужлевíна**.

Таким образом, лексические манифестации анализируемого концепта репрезентируют следующие типы субстратного влияния:

1. саамский — **рямига, рýндяга, пíхта, кúnжа, коржúха** (Вытегорский, Пудожский районы, Заонежье, Белозерье, Кольский полуостров);
2. коми-зырянский — **кúхта** (восток Вологодской и Архангельской областей);
3. вепсский — **юдега, ярмега, гáлага, гол** (западное Прионежье, Посвирье, Белозерье);
4. карельский — **хáрма, ўжбега** (Поонежье, Беломорье, Каргополье);
5. тюркский — **кургá** (юг Костромской области).

Гнездо **хáравей**, вероятно, представляет субстрат прибалтийско-финского типа.

Покрыться инеем

Данные материалы совершенно естественно связаны с проанализированными выше, где рассматривались наименования инея.

Одной из главных задач репрезентации материала по обоим концептам было выявление соотношения ареалов неисконных субстантивов и глаголов. Общее число неисконных этимологических гнезд наименований инея — 17, глагольных лексических манифестаций — 9 гнезд. Только один глагол **огáвреть** не имеет зафиксированного производящего субстантива, а напрямую связывается с соответствующими прибалтийско-финскими существительными, ср. кар. *hauru* 'холодный туман' (KKS, 1, 189), ливв. *hauru, hõwru* 'водяной пар' (СКЯМ, 89), люд. *hauru* 'иней, туман в сильный мороз', кар. твер. *hõwrü* 'водяной пар' (СКЯП, 66), при эст. *aar* 'пар', саам. норв. *hewru* 'пар; густой поток снежной массы, поднимаемый (ветром) с земли' (SKES, 62, 101). При чем фиксация глагола в Валдайском и Демянском районах предполагает в данном

случае воздействие диалекта валдайских карел. Фиксация глагола **огáвриться** в значении ‘замерзнуть, окоченеть’ в Онежском районе (КСРГК) свидетельствует о полицентричности карельского влияния. В Беломорье оно сходного карельского типа, но происхождение этих двух глаголов не является взаимосвязанным.

Все отмечаемые глаголы имеют префиксы, поэтому уже изначально затруднительно говорить об их неисконном происхождении. Однако некоторые из них имеют неисконные глагольные соответствия.

Лексема **огúдеветь**, при сущ. **гудевá**, сопоставляется с кар. *huuvehtuo* ‘покрываться инеем’ (KKS, 1, 354), при вепс. *hüudeta* ‘покрываться инеем’ (СВЯ, 137).

Также имеет прибалтийско-финское глагольное соответствие лексема **обúжбить**, при сущ. **úжбега**, ср. кар. *udžvoituo*, кар. твер. *užvaudio* (SKES, 1555), *užvewduo* ‘покрыться инеем, заиндеветь’ (СКЯП, 320).

Глаголы **охáрмоветь**, **захéрмихать**, при сущ. **хáрма** и **хермиха** (этот субстантив отмечается Матвеевым по р. Онеге) (Матвеев, 1995, 32), представляют не только различные производящие основы на русской почве, но и, опосредованно, разные способы адаптации прибалтийско-финского источника, ср. кар. *härmä* — русск. **харма** — **охáрмоветь**, а также русск. **херма** и далее **хермеха**, **хермиха** (Матвеев, 1995, 32). Эти глаголы имеют неисконные соответствия, ср. кар. *härmätä*, *härmäytyö* ‘покрываться инеем’ (KKS, 1, 392), кар. твер. *härmäwdüö* ‘покрываться инеем, индеветь’ (СКЯП, 65), ливв. *härmävüö* ‘покрываться инеем’ (СКЯМ, 86), однако вряд ли они могут рассматриваться в качестве этимонов.

Глаголы **объя́рметь**, **объя́рмовать** (а также **объя́лмовать**, который трактуется нами как сомнительный вариант по данным КСРГК) имеют, вероятно, в качестве производящей основу **ярм-**, при зафиксированной лексеме **ярмега**; скорее всего, их следует рассматривать как образования на русской почве.

Глагол **оку́фтиться** имеет в качестве корневой морфемы фонетический вариант **куфт-**, который преимущественно распространен в русских говорах Урала и Сибири (см. СРНГ, 16, 181) и также, вероятно, образован на русской почве.

Глаголы **оку́ржать**, **оку́ржеветь**, **оку́ржа́веть**, **оку́нжеветь**, **захаравéть** не имеют соответствий на иноязычной почве и являются исконными образованиями.

О соотношении ареалов субстантивов и глаголов с одним и тем же неисконным корнем можно сказать следующее: для слов с узкой локализацией характерно совпадение ареалов (**у́жбега** — **обу́жбить**, **кунжа** — **окунжеветь**, **харавей** — **захараветь**); для лексем с фиксациями на обширной территории доминирует тенденция сужения ареала глагола по сравнению с субстантивом (**куржевина**, **куржак** отмечаются в Гдовских говорах, а глагольная лексика с этим корнем отсутствует; **ярмега** фиксируется в четырех районах Обонежья и Беломорья, глаголы **объярметь**, **объярмовать** — только в одном Пудожском; сходное соотношение наблюдается для пары **кухта** — **окуфтиться**). Только в паре **харма** — **охармоветь** наблюдается преобладание глагола как ареалообразующей единицы.

Глаголы с исконными корнями, так же как и субстантивы, доминируют в новгородских и псковских говорах.

§ 8. Человек. Анатомические названия

Наличие неисконных слов в тематической группе лексики, обозначающей части тела, принимается рядом исследователей за доказательство их субстратного происхождения (см. Рут, 1984, 31–41). Естественно, что закрепление таких слов в русских говорах возможно только в случае их специализации, выражающейся часто в негативной экспрессивности, ср. **кярза** ‘бранно о лице человека’ (Прионежье, ПЛГО), при вепс. *kärz* ‘морда животного’, ‘некрасивое, безобразное лицо’ (СВЯ, 264). Если слово неисконного происхождения в говорах является дублетом к исконной лексеме, то уход его на периферию языкового сознания неизбежен, так, лексема **кóмбушки** ‘четвереньки’, ‘колени’, зафиксированная в Петрозаводском уезде Куликовским (Куликовский), уже не фиксируется в СРГК, хотя, по данным ПЛГО, еще имеет точечный ареал в южном Прионежье. Это слово восходит к вепс. *kombuižed* ‘коленки’ (С. М.), *komb* ‘колени’ (СВЯ, 222). Кроме того, ряд неисконных наименований частей тела человека можно рассматривать как проникновения (см. Введение), ср. **лэгушка** ‘подбородок’ (Прионеж., Кондоп., Алекина, 1975, 64), при вепс. *l'eüg, l'oiüg* ‘подбородок’ (СВЯ, 305), фин. *leuka*, люд. *leug*, кар. *leuga* ‘подбородок’ (SKES, 288); **вэтчон** ‘поясница’ (Прионеж., Кондоп., Алекина, 1975, 64), при вепс. *veččot* ‘талия, поясница’ (СВЯ, 620), ливв. *vüöč'in* ‘пояс,

талия' (СКЯМ, 443); **йгенет** 'десна' (Прионеж., Кондоп., Алекина, 1975, 64), при вепс. *igened*, ливв. *igened*, люд. *igened* 'десны' (SKES, 101). Тот факт, что все эти лексемы отсутствуют в СРГК, а значит, и не представлены в КСРГК, дает возможность предположить о записи этих слов у носителей прибалтийско-финских языков, либо у недавно ассимилированных прибалто-финнов, сохранивших еще какую-то часть лексикона.

Наименования рук

Наиболее значительный материал неисконного происхождения был получен в отношении названий рук, где неотъемлемой частью наименований такого рода была их отрицательная экспрессивность. Наиболее значительное место среди полученных данных занимает гнездо **кббры** 'грязные, неопрятные руки или большие неуклюжие руки; ручищи' с широким бытованием в западной части обследуемого региона. Калима возводит этот материал к кар. ген. *kobra*, вепс. *kobr*, при фин. *koura* 'рука, пригоршня' (Kalima, 1915, 120). См. также: Веске, 1890, 111; Лесков, 1892, 100; Погодин, 1904, 24; Meckelein, 1913, 41; Фасмер, 2, 268. Сюда же относится вариант **хббры**, отмеченный в Медвежьегорском районе (Космозеро, Загубье), а также **кобáрки**. Весьма серьезные затруднения вызывает трактовка варианта **кабры**, вокализм которого — [a] на месте прибалтийско-финского [o] — уже рассматривался как результат воздействия финно-угорского субстрата неприбалтийско-финского типа, ср. коми *кабыр* 'кулак' (Мызников, 1999, 38), так как на тот период времени основным ареалом для формы **кабры** считались новгородские говоры. Позднейшие, более детальные полевые исследования показали наличие такого типа вокализма в Поволховье, Обонежье, Беломорье, в бассейне р. Онеги, что заставляет скептически относиться к ранее выдвинутой версии. Но и на русской почве объяснение формы с [a] вызывает затруднения, известен переход [a] прибалтийско-финского в [o] на русской почве: *lahta* — **лахта** — **лохта** (см. Матвеев, 1968, 123), но не в обратном направлении.

Материалы современных прибалтийско-финских языков представляют форму с [o], ср. вепс. *kobr* 'горсть, пригоршня', 'ручища, лапа' (СВЯ, 212), ливв. *kobru* 'горсть, пригоршня, пясть', 'рука, пятерня' (СКЯМ, 147), кар. твер. *kobra* 'кисть руки, рука',

‘горсть, пригоршня, пясть’ (СКЯП, 107), кар. сев. *kopra* ‘пригоршня, ладонь’ (KKS, 2, 318), люд. *kobr* ‘рука, горсть’, водск. *kobra* ‘то же’, при хант. *kúwr* ‘рука, пригоршня’ (SKES, 226). Однако в диахронии возможно чередование [a] / [o] на прибалтийско-финской почве, ср. фин. *palaa*, *polttaa*, эст. *põlema* ‘гореть’, фин. *sana*, эст. *sõna* ‘слово’ (Steinitz, 1944, 123), что позволяет трактовать вариант **ка́бры** как единицу прибалтийско-финского субстратного типа.

Лексема **ке́бля** представляет собой синоним к слову **ка́бры**, она фиксируется по данным ПЛГО в Кондопожском, Прионежском, Подпорожском, Лодейнопольском районах, кроме того, отмечается в СРГК в значении ‘руки’ (СРГК, 2, 338). Такое толкование вряд ли отражает суть этого слова, поскольку, по нашим данным, оно фигурирует в речи с негативной экспрессивной окраской. В СРГК зафиксированы также варианты **киб́яли** (Лодейноп.) и **ке́бали** (Прионеж., СРГК, 2, 338). Исходя из ареала и формы материала можно говорить о вепско-ливвиковской этимологии: вепс. *käbäl* ‘нога, лапа (некоторых животных)’ (СВЯ, 259), ливв. *käbäl* ‘лапа’, ‘неодобрительно о руке, ноге человека’ (СКЯМ, 172), люд. *käbäl*, при фин. *käpäälä*, водск. *čäbälä*, саам. кильд., терск. *kieppele* ‘лапа’ (SKES, 261).

Две лексемы **ка́мзы** и **ка́мбы** имеют незначительные фиксации, первая — в Кирилловском районе (СРГК, 2, 234), вторая — только в Вытегорском районе (Казаково). Несмотря на дистрибуцию в Белозерье, вряд ли слово **ка́мзы** связано с вепс. *kahmä* ‘пригоршня’, *kamahl*, *kahmal* ‘то же’ (СВЯ, 175), при фин. *kahmalo*, саам. кольск. *koamter* ‘пригоршня’, морд. эрз. *кото*, коми *катур* ‘то же’ (SKES, 140). Более вероятно сопоставление с саам. кольск. *keäta*, ген. *keäbttaŋ* ‘рука у запястья’, при кар. *kätten* ‘ладонь, рука, пятерня’ (KKS, 550). ливв. *kätten* ‘ладонь’ (СКЯМ, 173), кар. твер. *kätten* ‘ладонь’ (СКЯП, 127), люд. *kätteŋ*, вепс. *kätteŋ*, водск. *čättäl*, эст. *kätmal* ‘ладонь’, хант. *котен* ‘пригоршня’ (SKES, 260). Слово **ка́мбы** не рассматривалось в этимологической литературе, вероятно, оно связано с прибалтийско-финским материалом, ср. фин. *kampri* ‘кривая ручка серпа, ручка, за которую вращают точило, дверная ручка’. Однако авторы SKES полагают, что в финском языке это слово не исконно, сравнивая его с литов. *kampas* ‘угол внутренний и наружный’, латыш. *kampis* ‘кривое дерево’, сербохорв. *kamba* ‘часть ярма, помещаемая на шею быка’, нем. австр. *Kampre*, *Kamp* ‘вид хомута, который на-

девают на шею свиньи для ее провода через ограду', предполагая первоисточник на германской почве (SKES, 154). Карельский материал однотипен с финским, ср. кар. *katppi* 'скоба, на которую навешивается всякий замок', 'связывающая скоба', 'деревянный крючок, которым опускают засов двери', 'о худом человеке или животном' (KKS, 2, 43). Вероятно, что русское диалектное слово **кámбы** можно возводить к прибалтийско-финским источникам.

Спутанные всклокоченные волосы

В новгородских, псковских говорах наиболее значительный ареал образует лексема **хíмы** 'спутанные всклокоченные волосы'. У Фасмера слово **хíмы** не анализируется. Строгова, опираясь на оригинальные полевые данные, рассматривает его как единицу, происхождение которой основано на метонимическом переносе по следующей схеме: **хíма**, **хíмка** 'простак, глуповатый', откуда **хíмы** 'волосы' с возможным обратным воздействием, с другой стороны — **хим** 'загорбок, шея' и **хíмы** 'волосы' с вероятной взаимобусловленностью. Причем совершенно справедливо делается вывод об автохтонности лексемы **хíмы** в новгородских говорах (Строгова, 1966, 33–43). Отсутствие прямых лексических сопоставлений в смежных языках, на первый взгляд, делает обоснованной исконную версию происхождения анализируемого слова. Однако, рассматривая предположение Строговой о возможной взаимосвязи **хíма** 'простак' и **хíмы** 'волосы', следует отметить, что первый апеллатив связан с антропонимом Хима, Фима, уменьш. к Ефим, Серафим, Анфим (см. Справочник личных имен народов РСФСР, 534, 537), а фиксация его в орловских говорах (в дистантном ареале, к тому же там, где фонема [ф] позднего происхождения) только подтверждает наше предположение, что лексемы **хíма** 'простак' и **хíмы** 'волосы' являются гетерогенными омонимами. Вторая версия Строговой о метонимическом переносе: **хим** 'загорбок, шея' — **хíмы** 'волосы' также вызывает у нас сомнение ввиду отсутствия прямой смежности, кроме того, первая лексема фиксируется только у Даля в Курской губернии без подтверждения другими источниками (Даль, 4, 564). Таким образом, этимологические версии, направленные на исконность данного материала, не обладают достаточно убедительными аргументами.

На наш взгляд, лексемы **х́ймы**, **ш́ймы** являются взаимосвязанными вариантами на финно-угорской почве, т. е. сопоставление начальных согласных невозможно на исконной базе. Напротив, прибалтийско-финскому [h] позднего происхождения соответствует *|ś| языка-основы, саамское [s], мар. [š], например, фин. *honka* ‘сосна’, саам. *sagget*, мар. *šenge* (Sebestyen, 1943, 5–7), фин. *haara* ‘осина’, саам. *suppe*, мар. *шонке* (Грузов, 1969, 154). См. Хакулинен, 1953, 45. При рассмотрении саам. *seäta* ‘борода’ (KOLTKS, 481) в качестве опорного этимона и включении сюда русских данных, получаем закономерные фонетические соответствия: [s] саам. *seäta*, [h] прибалтийско-финское: **hima* — русск. **х́ймы**; и [š], которое для русск. **ш́ймы** может иметь двоякую гетерогенную основу. Распространение гнезда **ш́ймы** ‘длинные растрепанные волосы’ преимущественно в Обонежье, при фиксации в других значениях на более широком ареале, ср.: **ш́йма** «верхний сноп на копне, на бабке, крестце, суслоне; крыша, покрывка» (Костром., Даль, 4, 652), **шимáх** ‘пучок конских волос’ (р. Индигирка, Чикачев, 1990, 166), **Ш́йма** «прозвище» (Черепов., Герасимов, 1910), **расшимóтить** ‘растрепать (волосы)’ (Курбск., ЯОС, 1989, 128), **на шимáк** ‘к черту’ (Онеж., КСРГК), возможно трактовать как субстрат мерянского (мари) типа, а вепс. *šimakad* ‘растрепанные волосы’ (ПЛГО) как вторичные данные.

Кроме того, фиксация лексемы **ш́ймы** в Обонежье может свидетельствовать и о прибалтийско-финском влиянии, ср. кар. *šīma* ‘леска на удочке’, кар. твер. *siima* ‘конский волос’ (KKS, 5, 364), люд. *šīt* ‘леска на удочке’; первоначально леску плели из конского волоса, что и могло послужить основой русской единицы **ш́ймы** ‘волосы’. При этом это прибалтийско-финское гнездо — скандинавского происхождения, ср. швед. диал. *sīma* ‘веревка’ (SKES, 1015).

Лексема **кáтынь** фиксируется в Обонежье, Беломорье, Каргополье. Ввиду отсутствия мотивации на русской почве возможно предположить ее неисконное происхождение, ср. люд. *tukaine*, вепс. *tukaine* ‘волос’, при фин., кар. *tukka* ‘волосы’, саам. кольск. *toëkke* ‘грива лошади’ (SKES, 1386). Русская форма могла возникнуть в результате метатезы первых слогов, формант *-ынь*, первоначально, вероятно, соответствовал прибалтийско-финскому суффиксу *-ine*. Однако, данная версия носит предварительный характер, требуются дополнительные исследования.

Лексема **кЫЗЫ** отмечается в Кирилловском районе. Несмотря на единственную фиксацию, ее можно сопоставить с тюркскими данными, ср. алт., казах., тур. *кыл* ‘конский волос’ (ЭСЧЯ, 297), исходя из того, что на тюркской почве возможно чередование [p] — [з], ср. чуваш. *хыр*, хак. *хазы* ‘сосна’ (ЭСЧЯ, 315), при заимствованном удм. *кыз* ‘ель’ (УРС, 164). Хотя, безусловно, в данной версии слабым местом является то, что на тюркской почве доминирует *qyl, gyl* (СГТЯЛ, 196) при вторичности [з] из [p] (Рясянен, 1955, 153; Щербак, 1970, 55, 86); т.е. русское **кЫЗЫ** должно было пройти следующие ступени: **кыры* — **кылы*, что требует дальнейших разысканий.

Лексема **лУПЫСЫ**, отмеченная в костромских говорах, сопоставляется с коми *лӧвгӧн* ‘волоски, ворсинки на теле человека’ (ССКЗД, 200), хотя и эта версия также носит предварительный характер.

§ 9. Наименования болезней

Наименования болезней не подвергались лингвогеографическому обследованию, поскольку предварительно было установлено, что число лекических манифестантов в этой сфере незначительно. По данным ПЛГО устойчиво фиксируется лексема **тЮСТЯК**, **чУСТЯК** ‘прыщ, фурункул’ в Медвежьегорском, Вытегорском районах («болячка, прыщ на теле» у Куликовского), восходящие к вепс. *čust, čust'äk* ‘прыщ, нарыв’ (СВЯ, 66), при ливв. *čuwstakko* ‘прыщ, болячка’ (СКЯМ, 40), кар. твер. *čuwst'i* ‘болячка, прыщ на лице’ (СКЯП, 32). Еще одна лексема со сходной семантикой фиксируется в Заонежье по КСРГК: **рАВГА** ‘нарыв, чирей, фурункул’ — в Медвежьегорском, Кондопожском районах, также в Плесецком районе. По типу консонантизма она более соответствует вепским данным, ср. вепс. *raug, rouh* ‘распухшая железа’ (СВЯ, 481), при кар. твер. *rauha, rahna* ‘железа’ (СКЯП, 231, 323), кар. *rauha* ‘железа’ (ККС, 5, 40). Можно привести также **пАЖА**, **пАЖЕГА** (Куликовский, СРНГ, 25, 140), при вепс. *paža* ‘гной’ (СВЯ, 403), ливв. *raiže* ‘нарыв, чирей, фурункул’ (СКЯМ, 251). Однако материалы по данной тематической группе немногочисленны и фиксируются, в основном, в русских говорах Обонежья.

§ 10. Традиционная народная духовная культура

Наименования погребений

На территории Северо-Запада следует разделять собственно кладбища и древние захоронения курганного типа, хотя в некоторых случаях на лексическом уровне возможна их контаминация, и лексема с первоначальным значением ‘курган, древнее захоронение’ начинает употребляться, когда речь идет об обычном деревенском кладбище. Следует отметить, что довольно часто зафиксированные наименования кладбищ имеют узус, ставящий их практически в разряд микропонимов, поскольку большинство таких единиц относится к захоронениям, расположенным непосредственно в данном населенном пункте.

Мы ведем речь лишь о лексических единицах, которые представляют в русских говорах неисконный пласт прибалтийско-финского происхождения. Таких данных не очень много, но они представляют собой лексику с фиксациями древнерусского периода.

Одна из таких лексем — **коломище** ‘могила, место могил’ отмечается в памятниках письменности XVI века: — *Мертвыхъ деи, своихъ они кладутъ въ селехъ по курганомъ и по коломищемъ. . . а къ церквамъ, деи, на погосты. . . не возятъ*. Грам. Макария арх. Новг. Вотск. Пят. 1534 г., для которой Срезневский предлагает финскую этимологию, ср. фин. *kalmisto* (Срезневский, 1, 1258). Причем эта фиксация остается единственной и просто повторяется и в СлРЯ XI–XVII вв., хотя данный словарь оперирует достаточно большим перечнем источников (СлРЯ XI–XVII вв., 7, 250). В. П. Строгова дает для лексемы **коломище** еще три значения: 1) холмистое, гористое место; 2) глубокое место в реке; 3) центральная часть села.

Причем, рассматривая ее как полисемантическую единицу, также возводит к фин. *kalma* ‘могила’, *kalmisto* ‘гробнице’ (Строгова, 1975, 197). Далее в НОС⁴⁵ слово **колóмище** также представлено как многозначное:

1. Глубокое место в реке. *Меня чуть не затянуло в коломище*. Поддорский район.

⁴⁵В. П. Строгова является автором-составителем и ответственным редактором словаря.

2. Центральная часть села. *Гулянье всегда на коломище было. Правление колхоза всегда на коломище находится.* Мошенской район.
3. О большом росте человека, животного. Маревский район. //Большая укладка снопов. Демянский район.

Отмечается данная единица по материалам НОС и в микро-топонимии: **колбмище** ‘холмистые, гористые места’ (Валдайский район), ‘урочище’ (Новгородский район) (НОС, 4, 89). Однако, на наш взгляд, материалы, представленные в НОС, являются гетерогенными омонимами. 1-е значение ‘глубокое место’, вероятно, связано с древнерусск. *коло* ‘круг, дуга, колесо’ (Срезневский, 1, 1253); 3-е значение восходит к фразеологизму **верста колбменская**, который появился в 60-е — начале 70-х гг. XVII в. — результат установки по указанию царя Алексея Михайловича высоких верстовых столбов по дороге от Москвы до села Коломенского (Фасмер, 2, 295; СРФ, 76). И только 2-е значение ‘центральная часть села’ связано с рассматриваемым словом. Довольно часто в центре села находилась церковь с кладбищем, что и могло служить основой для метонимического переноса, ср. **погбст** ‘церковь с кладбищем, землей и домами причта’ с широкой ареальной дистрибуцией и ‘центр села, где обычно стояла церковь, находился магазин и т. п.’ (Пск., Арх., Волог, КАССР, Вят., СРНГ, 27, 309). Таким образом, к древнерусской фиксации слова **коломище** можно еще добавить данные новгородских говоров, кроме того, эта единица с несколько иным вокализмом отмечается в историко-этнографических работах, посвященных описанию быта сельских жителей Санкт-Петербургской губернии: «**Каломище** — среди местных названий курганов особенно употребительны сопка, **каломище**, старая куча (Новое время, 1899, № 8367); а также в СРНГ — **колбмки** ‘деревенское кладбище без церкви’ (Ямб. Петерб., СРНГ, 14).

Калима, имея в распоряжении только данные Срезневского, предполагает водское происхождение слова **коломище**, не приводя, однако, водских материалов (Калима, 1915, 125, 126). Ср. новые данные по прибалтийско-финским языкам: фин. *kalma* ‘смерть; могила; загробный мир’, *kalmisto* ‘кладбище’, кар. *kalma* ‘могила’, *kalmažikko* ‘кладбище’, ливв. *kalmu* ‘могила’, *kalmisto, kalmožemu*

‘кладбище’, люд. *калтиžет, калмиžет* ‘кладбище’, эст. *kalm* ‘несвящённое кладбище, могильный холм’, саам. лул. *kal'mē* ‘могила’, морд. эрз. *kalmo*, мокш. *калмă* ‘могила’ (SKES, 150, 151), вепс. *kaum, koim, kām* ‘могила’, *kaumišt', kāmīšt'* ‘кладбище’ (СВЯ, 189), водск. *kalmo* ‘кладбище’ (VKMS, 85), хотя вряд ли речь может идти только о водском источнике для русского слова, фонетическая адаптация которого по полногласному типу подтверждает давность его вхождения в русский язык, а в этом случае возможно говорить лишь о прибалтийско-финском типе источника.

Еще одно слово отмечается только по лексикографическим источникам: **кёрста** ‘могила’ – *Ходили на керсту*. Онеж. Арх. (Даль, 2, 106); – *Ходили даве на керсту, родителей поминать*. Онеж. Арх. (Подвысоцкий, 65); **кёрста** ‘могила’ Каргоп. Олон. (Куликовский), Шенкур. Арх. (СРНГ, 13, 189). Толкование ‘могила’ большей частью связано с лексикографической традицией. Данный материал имеет значительные фиксации в памятниках письменности, ср. древнерусск.: **кёрста** ‘гроб’, с вариантами **кърста, корста, корьста, крьста** ‘гроб’, а также дериваты: **керстица, кърстица, крьстица, корстица, кърьстьца** ‘ящик’ (Срезневский, 2, 1206, 1411), **керста** ‘ящик; гроб, рака’ и **керстица, корьстица, користица** ‘ящик, ящичек; ларец’ (Сл. РЯ XI–XVII вв., 7, 116, 345) с фиксациями XIV–XVI вв.

Калима, имея в распоряжении только материал Подвысоцкого и Даля, предлагает для него прибалтийско-финский источник, приводя для сравнения фин. *kirstu*, ливв. *kirsto* ‘сундук, гроб’, эст. *kirst, kõrst* ‘ящик, сундук, гроб’. Однако этимология прибалтийско-финского гнезда для него не совсем понятна, он отвергает как сопоставление со словом фин. *kirstu* ‘ящик, сундук’, рассматривая его как недавнее скандинавское заимствование, так и возведение его к балтийским источникам, типа литов. *karstas, karštas* ‘гроб’ (Kalima, 1915, 113, 114). SKES, повторяя версию Калимы, приводит латыш. *šķirst* ‘сундук, гроб’ как результат прибалтийско-финского влияния — из ливск. *kiršt* ‘обитый железом сундук’ (SKES, 200). Авторы SSAP также предполагают, что древнерусск. **кёрста** связано с прибалтийско-финскими источниками, а далее через русское посредство слово вошло в балтийские языки, ср. литов. *kařstas* ‘гроб’ (SSAP, 1, 372). На балтийской почве лексема литов. *kařstas* и вариант *keřstas* ‘гроб’ рассматривается как заимствование из белорусского языка, ср. белорусск. *корста*, которое, в

свою очередь, является финно-угризмом (Fraenkel, 1, 223). На наш взгляд, вокализм русского диалектного слова **керста** не позволяет напрямую связать его с прибалтийско-финскими данными. Калима приводит соответствия при заимствовании на русскую почву только как [i] — [и], причем лишь в лексеме **керста** вокализм не соответствует прибалтийско-финским источникам, что остается неясным для него (Kalima, 1915, 51). Этот факт, а также обилие вариантов в русских памятниках письменности дают возможность предположить обратное направление заимствования.

Ряд лексем, обозначающих кладбище, являются единицами, в основе номинации которых лежит метонимический перенос по названию места, на котором находилось кладбище, причем эти наименования могут являться данными как исконного, так и прибалтийско-финского происхождения, ранее вошедшими в русские говоры. Среди неисконных лексем фиксируются наименования, первоначально обозначавшие возвышенные места.

Сэльга ‘кладбище’ (н. п. Надпорожье Лодейнопольского района) при более частотном и широко распространенном — **сэльга** ‘возвышенное сухое место, поросшее лесом’, заимствованное из прибалтийско-финских языков, ср. кар. *selgä* ‘кряж, возвышенность, холм, гора’ (ПФГЛК, 86). Трудно сказать, связана ли с этим словом лексема **селюги** ‘кладбище’, отмеченная в Пудожском районе (КСРГК).

Саймига ‘кладбище’: — *Хоронили на саймиге*. Пудож. (Усть-река), ПЛГО. Данное слово не рассматривалось в этимологической литературе; если перед нами основной вариант, то возможно его квалифицировать как субстратную единицу прибалтийско-финского происхождения. В. А. Агапитов приводит наименование с тождественной первой частью топонима: **Сайпелда**, где **Сай-** восходит к кар. *savi* ‘глина’ (Агапитов, 2001, 187). Таким образом, лексеме **саймига**, вероятно, можно трактовать как единицу, состоящую из двух основ: кар. *savi*, кар. *tägi* ‘гора’.

Линдашка ‘кладбище’: — *Стара уж я, пора мне на линдашку*. Вытегор. (Ошта), ПЛГО. Данная лексема имеет первую фиксацию по данным ПЛГО. Трудно сказать, что лежит в основе этой единицы, является ли она микротопонимом, отражающим специфику данной местности, ср. вепс. *l'edma* ‘песчаная земля’ (SKES, 291; ПФГЛК, 55) с более поздним преобразованием уже на русской почве, либо вепс. *l'idn* ‘город’ (СВЯ, 288), при кар. *linna*, ливв. *linnu*,

люд. *linn*, *lidn*, водск. *lidna*, ливск. *nīn* (sic), эст. *linn* ‘город’ (SKES, 296). На русской почве отмечается словосочетание **могилёвский город** ‘кладбище’ — в Кондопожском районе (СРГК, 1, 373), что делает возможным предположение о семантическом контаминационном вепско-русском взаимодействии, а лексему **линдашка** рассматривать как результат такого взаимовлияния.

Наименования нечистой силы⁴⁶

Нами собирались материалы, имеющие какое-либо отношение к мифологической лексике. Большая часть фиксаций относится к западной части исследуемого ареала, и их прибалтийско-финская (финно-угорская) природа имеет более или менее надежное подтверждение. Наиболее представительна лексико-семантическая группа, в которую входят лексемы с семантикой ‘черт, нечистая сила’. Нами не проводилась их дифференциация, поскольку в настоящее время большая часть таких наименований подвергается семантической диффузии, и проводить идентификацию этой лексики довольно затруднительно. Кроме того, для этимологизирования в данном случае особенности узуса слов этой группы не имеют большого значения. Хотя следует отметить, что еще в начале XX века А. Георгиевским описывалась специфика демонологической лексики в русских говорах Олонецкой губернии, причем *бес*, *леший*, *лесовик*, *водяной*, *домовой*, *гнедке* (sic), *банник*, *святке* (sic), *ригачник* имели свои сферы их возможного воздействия, дифференцирующие их внешние приметы и т. п. (Георгиевский, 1902, 53–61).

Наиболее широкий ареал слов с этим значением имеет гнездо **лёмба**, **лёмбой**, **лёмбуй**, **лёмбос** с фиксациями в Беломорье, Обонежье, Посвирье. Некоторые из них используются в составе бранных выражений: **на лёмбой след** (Вытегор., ПЛГО). Калима, имея в распоряжении только материалы Подвысоцкого и Куликовского, справедливо говорит об их прибалтийско-финском характере, ср. ливв. *letboi*, люд. *l'etboi*, кар. *letbo*, *letpro* ‘злой дух, дьявол’ (Калима, 1915, 152). См. также: Грот, 1876, 471; Шегрен, 1852, 157; Лесков, 1892, 100; Погодин, 1904, 40; Meckelein, 1913,

⁴⁶Заемствования из финно-угорских и тюркских языков рассмотрены в книге О. А. Черепановой «Мифологическая лексика Русского Севера» (Черепанова, 1983).

48; Фасмер, 2, 480. Ср. также ливв. *l'emboi* 'черт' (СКЯМ, 182), вепс. *lemboi* 'черт' (СВЯ, 283); эти данные, вероятно, послужили источником для варианта **лёмбой**, а для варианта **лёмба** более близок этимон кар. *lembo* 'черт, дьявол', 'ругательство — черт, дьявол' (KKS, 3, 60). Лексему **лёмбос**, вероятно, можно сопоставить с фин. *lemmas*, имея в виду, что это слово не является этимоном, а только репрезентирует сходную форму (SKES, 286).

Более узкий ареал имеет лексема **вёргой** 'черт', отмечаемая в Заонежье и Пудожском районе. Она фиксируется также и в лексикографических источниках, встречаясь обычно в бранных выражениях: — Пой в **вёргой** (Заонежье, Куликовский, СРНГ, 4, 125); — **Вёргой** тя носит (Медвежьегор., СРГК, 1, 173); — Неси тя **вёргой** (Пудож., СРГК, 1, 173); — Пой к **вёргою** (Медвежьегор., СРГК, 1, 173).

Калима сопоставляет слово **вёрга** с фин. *verkanen* 'черт' (Kalima, 1915, 85). См. также Фасмер, 1, 293. Авторы SKES предполагают в качестве источника кар. **verka*, **verga*, хотя и делают оговорку, что в восточной Карелии не отмечается карельское соответствие финского слова (SKES, 1706). Причем последнее не исконно на прибалтийско-финской почве, а восходит, в свою очередь, к скандинавским источникам, ср. др.-сканд. **dverga*, швед. *dvärg* 'карлик, гном' (SKES, 1706), норв. *dverg* 'карлик' (EONDS, 122).

Лексемы **кэгря**, **тэгря** 'черт, нечистая сила' фиксируются на территории Новгородской области (Валдайский, Окуловский районы), а **кэгря** 'старый мужчина, старик' — в Боровичском районе (НОС, 4, 38). Причем вариант **тэгря** 'страшилище, которым пугают детей', зафиксированный в Валдайском районе, по иллюстративным данным имеет форму, близкую к карельской, и вполне возможна его запись у валдайских карел (см. ниже): — *Тегри — кегри, да поди знай, что такое тегри* (НОС, 11, 28). И в целом этот материал связан с влиянием диалекта валдайских (тверских) карел, ср. кар. твер. *kegri* 'ряженный в древний осенний праздник, связанный с завершением аграрного цикла' (СКЯП, 93), 'страшилище, которым пугают детей' (SKES, 178), кар. *kekri* 'старый осенний праздник, «кекри», окончание полугодия в прошлом', 'человек, наряженный пугалом', 'изображение старика, помещенное в углу избы на празднование «кекри»' (KKS, 2, 119, 120). Отмечается также фин. *kekri*, *keyri*, *köyri*, *köyry* 'бог у карел', однако не ясно, имеют ли эти данные какое-либо отношение к анализируемо-

му материалу (SKES, 178). Вариативность [к] / [т] перед гласными переднего ряда достаточно распространена в русских говорах Северо-Запада.

Лексема **хóка** ‘нечистый дух’, отмечаемая в Мошенском и Хвойнинском районах (НОС, 12, 20), вероятно, связана с кар. *hökki* ‘дурак, болван, простофиля’ (KKS, 1, 403), ранее она не входила в сферу внимания этимологов.

Лексема **цю́нда** ‘черт’, фиксируемая также у Куликовского в значении ‘домовой’ (Куликовский), сопоставляется с фин. *synti*, *syndi*, кар. *sündi*, водск. *sünti* ‘грех’ (SKES, 1146), которые восходят к скандинавским источникам, ср. швед. *synd* ‘грех’, при саам. инар. *suddo* (SKES, 1146).

Лексемы **цёмор**, **чóмор**, фиксируемые в Каргопольском и Холмогорском районах, не имеют достоверных версий. Так, вряд ли удовлетворительна версия Абаева, сопоставляющего слово **чóмор** ‘леший’ с осет. *s’ammar* ‘гнусный, мерзкий’, тюрк. *čatur*, курд. *čatur* ‘грязь’ (Абаев, 1, 329), так же как и предположение Погодина о связи с коми *t’šum* ‘чум, палатка’, против чего выступал Калима (Kalima, 1912, 93). Бытующее в удорском диалекте коми языка слово *чóмер* ‘черт, дьявол’ (ССКЗД, 417) ничего не проясняет с точки зрения направления заимствования.

Лексема **шиш** ‘черт, нечистая сила’ с дериватами имеет широкий ареал в новгородских говорах, а также в смоленских (Добровольский) и донских (Миртов). Прибалтийско-финская версия ее происхождения, ср. эст. *sisś* ‘разбойник, грабитель’ (Марков, РФВ, 73, 102), не подтверждается, поскольку фин. *sissi*, эст. *siss* ‘партизан, разбойник’, по мнению авторов SKES, восходят к русск. **шиш** (SKES, 1045). Причем латыш. *sisis* ‘убийца, разбойник’ — из эстонского, а польск. *szysz* ‘партизан, разбойник’, коми *šiš* ‘бродяга’ — из русских источников (SKES, 1045). Е. А. Хелимскому кажется естественным и привлекательным прибалтийско-финский источник (Хелимский, 1997, 359), ср. фин. *hiisi* ‘место, где приносят жертвы язычники’, ‘лесок, возвышенность’, ‘плохое место’, ‘дух леса, леший’ (SKES, 74). Однако, на наш взгляд, вряд ли следует думать о переходе др.-новг. [хи]- из [hi]-, поскольку реконструируемая прафинская (саамско-финская) форма **siit-*, должна быть реализована и реализуется на русской почве в топонимии как **шид-**, ср. **Шидозеро**, **Шиднема**, **Шидбой** (см. Муллонен, 1994, 120). А результат более поздних контактов фиксируется уже в топо-

основе **хиж-** или **гиж-**, ср.: **Хижезеро, Гижезеро** (ПФГДК, 30). Кроме того, авторы SSAP возводят прибалтийско-финские данные к результатам скандинавского влияния, ср. др.-сканд. **hīdī*, *hīpi* > норв. *hide* ‘нора, логово дикого животного’, ‘заросли, лесок’ (SSAP, 1, 162). Приведенные аргументы против прибалтийско-финской этимологии лексемы **шиш** оставляют, однако, неразрешенным вопрос ее происхождения.

Трудно сказать, относится ли к гнезду **шиш** лексема **чэчка** ‘нечистая сила, черт’, зафиксированная в новгородских говорах (НОС, 12, 57). Опосредована ли она фонетическим воздействием вепского типа? Ср. русск. **шиш** — прибалтийско-финское **sis*; или **шйшко** и кар. тивх. валд. *šiško* ‘нечистый, черт’ (KKS, 5, 399), при соответствиях консонантов: фин. [s] — кар. [š] — вепс. [č]. Однако наличие иного типа вокализма в слове **чэчка** не свидетельствует в пользу неисконной версии, оставляя ее под вопросом.

Таким образом, лексическая манифестация концепта ‘черт, нечистая сила’ репрезентирует неисконные данные, в основном, прибалтийско-финского типа (**лёмбой, вёргой, кэгря, хόка**). Выделяются новгородские говоры, где доминирует гнездо **шиш**.

§ 11. Трудовая деятельность. Сельское хозяйство

Сельское хозяйство наряду с рыболовством и охотой представляли собой основные формы трудовой деятельности. Хотя в зависимости от природных условий могло, например, доминировать только рыболовство, а продукция сельского хозяйства закупалась на деньги, полученные от продажи рыбы. Болотистые берега озера Ильмень не способствовали культивированию каких-либо сельскохозяйственных культур, и, по свидетельству информантов-рыбаков н. п. Взвяд Старорусского района Новгородской области, абсолютно вся сельскохозяйственная продукция закупалась. И в то же время в соседней д. Корпово, которая расположена несколько в стороне от озера Ильмень, основой жизни было сельское хозяйство. Аналогичные примеры можно привести в отношении н. п. Жабенец на южном берегу Онежского озера (Вытегорский район Вологодской области), н. п. Кянда на побережье Белого моря (Онежский район Архангельской области). Однако, при наличии достаточно приемлемых природных условий, населению удавалось сочетать занятия рыболовством и сельским хозяйством. Нередко

особенности в формах хозяйствования, которые были распространены у прибалтийско-финского населения, заимствовались русским населением и обуславливали такого рода взаимодействие и на лексическом уровне. Так, например, для дополнительного корма скота заготавливались веники: **камицá** ‘два березовых веника, связанных вместе’ (Тихв. Ленингр., СРГК, 2, 324), **керпáч** ‘вязанка веток лиственных деревьев, предназначенных для корма скоту’ (Кандалакш. [Княжая Губа], КСРГК; СРГК, 2, 341). Ранее эти единицы не рассматривались в этимологической литературе. Первое слово, вероятно, восходит к карельскому влиянию, ср. ливв. *kammičč*, *kamričč* ‘два веника, связанные вместе за комли’ (СКЯМ, 122), кар твер. *kammičča* ‘пара банных веников, связанных вместе за комли’ (СКЯП, 86), кар. сев. *kammittša* ‘связанные вместе пара веников или два снопа’ (KKS, 2, 42). Формант *-ица* также находит истоки на карельской почве: кар. *-ičč*. Карельские данные являются частью прибалтийско-финского гнезда, ср. фин. *kammitsa* ‘веревка, стреноживающая передние ноги лошади’, ‘веревка колокола’, ‘пара веников’, водск. *kammittsa*, *kammits* ‘то же’; хотя следует отметить, что на прибалтийско-финской почве этимология данного материала не имеет достаточно убедительных версий. Лексема **керпáч** также восходит к карельским источникам, ср. кар. сев. *kerppi* ‘веник для корма скоту’ (KKS, 2, 135–136), при фин. *kerpo*, *kerpi* ‘то же’, восходящее к скандинавскому влиянию, ср. др.-швед. *karve*, др.-норв. *kerf*, *kerfi* (SKES, 185).

§ 12. Полеводство, огородничество

В данной сфере отмечается сильное влияние русского (восточнославянского) языкового континуума на финно-угорские языки (Калима, 1952; Теуш, 2002, 192–193), как цивилизации преимущественно земледельческой в отличие от рыболовецкой и охотничьей финно-угров. Однако и в этой сфере имеется немалое число неисконной лексики, на базе которой можно выделить реалии с субстратной и заимствованной лексической манифестацией. Естественно, что таковых не должно быть много, поскольку заданные специфические цели исследования предполагают значительно меньший объем программы-вопросника, нежели при полной разработке данного раздела. В Программе ЛАРНГ тема Полеводство насчитывает 359 вопросов, Огородничество — 155 (Програм-

ма ЛАРНГ, 122–151). Для лингвогеографического обследования региона при сборе данных использовались следующие вопросы: остатки стеблей на корню на сжатом поле, шелуха, мякина от головок льна, связка, вязанка соломы, льна, сена и т. п., брюква, картофельная ботва.

Наименования стерни, жнивья

Для наименований стерни, жнивья, где доминируют исконные данные, было выявлено несколько единиц прибалтийско-финского происхождения, а ареалы с фиксациями таких материалов, скорее всего, представляют территории, на которых русификация прибалтийско-финского населения была завершена в сравнительно недавний период времени. Лексема **сяньга** была также зафиксирована и с другим типом вокализма, **сэньга**, который представляет собой более позднее по времени регулярное фонетическое преобразование по севернорусской фонетической модели.

Вариант **сяньга** зафиксирован в Онежском районе (Анциферов Бор), **сэньга** — в этом же районе (Кянда), а также в Мезенском (Азополье) и Беломорском (по ПЛГО и КСРНГ). Отмеченный Калимой вариант **сэньга** возводится автором к ливв. *sän̄gi* ‘жнивье’, при кар. *šän̄gi*, люд. *šän̄g*’, фин. *sänki*, водск. *sän̄ci* ‘жнивье’ (Kalima, 1915, 216). Авторы SKES указывают на общеприбалтийско-финский источник русского слова, сравнивая финский материал с мари *šan̄ge* ‘сухой сук на кусте или сухом дереве’, оказавшим влияние на чуваш. *šangê* : *tip-šangê* ‘хворост’ (SKES, 1168). Действительно, гнездо **сяньга** восходит к источникам раннего общеприбалтийско-финского, либо ливвиковского (если речь идет о более позднем заимствовании) типа, где сохраняется фонема [s] без перехода в [š], ср. ливв. *sän̄gi* ‘жнивье, остатки стеблей на сжатом поле’, *sän̄geh* ‘в жатву, во время жатвы’ (СКЯМ, 359), кар. *sän̄g* ‘жнивье, стерня’ (KKS, 5, 628), вепс. *sän̄g* ‘жнивье’ (СВЯ, 537). В Медвежьегорском районе (Сенная Губа) фиксируется микротопоним **Виилисiньга**, в котором вторая часть **-синьга**, вероятно, также относится к анализируемому материалу. Часть **Вили-** восходит к вепс. *vil’l* ‘хлеб в зерне или на корню’ (СВЯ, 634), при фин. *vilja* (SKES, 1764), причем прибалтийско-финские данные — славянского происхождения, ср. др.-русс. **обилие** ‘хлеб, продовольствие, урожай на корню’ из **объ-вилъ* (Попов, 1972, 6, 7)⁴⁷.

⁴⁷В. А. Агапитов фиксирует вариант **Вильсеньга** (Агапитов, 1994, 25).

Еще одна лексема в этом же значении ‘стерня, жнивье’ — **ра́гно́** — отмечается в Усть-Кубенском районе, она восходит к вепсским источникам, ср. вепс. *rahnotez* ‘жнивье’, *rahnda* ‘жать’, *rahnik*, *rahnoi* ‘жнец’, *rahnmiiine* ‘жатва’ (СВЯ, 461). Авторы SKES соотносят вепс. *rahnda*, люд. *rahnoda* ‘жать’ с фин. *rahnoa* ‘раскалывать чурбан на лучины’ и эст. *rahnata*, *rahnada* ‘ударить кулаком, толкнуть’, характеризуя все прибалтийско-финское гнездо как дескриптивное (SKES, 714). Вероятно, основа лимнонима **Ра́гнозеро**, зафиксированного в Пудожском районе (ПЛГО), связана с анализируемым материалом.

Наименования шелухи, мякины от головок льна

Лен был такой культурой, которая выращивалась в обследуемом регионе практически повсеместно; реже культивировалась конопля. Хотя для западной части обследуемого региона по некоторым уездам Олонецкой губернии имеются сведения о недостаточном развитии льноводства: «Разведение льна в Пудожском уезде стало усиливаться лет 50 назад. Во всех волостях Пудожского уезда сеется лен, но преимущественно более разводится лен в волостях: Филимоновской, Авдеевской и частью Пирзаковской, составляющих юго-западную часть уезда. Льняные семена приобретаются от местных же крестьян, обыкновенно более состоятельных, которые ездят в Псковскую губернию и оттуда привозят их для продажи крестьянам» 1869 г. (История Карелии, 169). До сих пор информанты помнят весь трудовой процесс, связанный с обработкой льна ручным кустарным способом, и предъявляют лексику, обозначающую его этапы и тем или иным образом манифестирующую специфику его реалий. Для того, чтобы получить семена льна, требовалось обмолотить его головки; остатки семенной коробочки льна в силу того, что их часто употребляли в пищу, и получали различного рода номинации. Причем у прибалтийско-финских народов и севернорусского населения приемы, способы культивирования и обработки льна были схожими. Однако совершенно очевидно, что в данной тематической группе доминируют исконные данные, а фиксация в ней субстратных единиц указывает на высокий уровень субстрата. Для обозначения концепта ‘шелуха, мякина от головок льна’ нам удалось зафиксировать значительное число лексем прибалтийско-финского происхождения:

кумúши, кúмушка, кóкша, кóкошь, кóгла, кúглина. Лексема **кумúши**, кроме того, отмечается в значении ‘отходы, шелуха после обмолота подсолнуха’ (Тихв., СРГК, 3, 58), дериват **кúмушка** и вторичный вариант **кúлушка**, отмеченные как ‘головки льна, клевера’ в Грязовецком, Междуреченском, Вологодском, Нюксенском, Шекснинском районах, вероятно, представляют не совсем точную лексикографическую интерпретацию анализируемого концепта. Исходя из ареала, формы и семантики лексемы **кумúши**, ее следует трактовать как единицу вепсского происхождения, ср. вепс. *kituid* ‘обмолоченные головки конопли или льна, шелуха’ (СВЯ, 245), включенное авторами SKES в прибалтийско-финский пласт, ср. фин. *kultud* ‘мусор, сенные остатки’, *kolmut* ‘остатки сена, листьев’, кар. *kulmi*, *kulmuš* ‘защитные листья, окружающие семя конопли’, при латыш. *kuļmāji* ‘кострика конопли’ (SKES, 234). В СРНГ лексема **кúмушка** представлена в иерархии значений:

1. Последний сноп сжатого хлеба. Волог., 1846.
2. Стебель гороха. Тотем., Кадн. Волог., Арх.
3. Стебель огурцов. Вельск. Арх., 1957.
4. Цветки клевера. Яросл., 1896.
5. Трава (какая?) Сольвыч. Волог., Зеленин (СРНГ, 16, 87).

Вероятно, 1-е значение не связано с последующими четырьмя и должно быть представлено в качестве гетерогенного омонима. Следует отметить, что имеется балтийский материал, семантически соотносящийся с данными СРНГ: ср. латыш. *kuļmāji* ‘стебель льна без головок’, ‘оборванные головки льна’, ‘стебель льна, гречихи, гороха’, хотя на балтийской почве эта единица изолирована и рассматривается как заимствование из прибалтийско-финских языков (SKES, 234). Ареал русского диалектного слова довольно широк — от Тихвинского района до Нюксенского (северо-восток Вологодской области). Следует отметить, что формант *-ш-* в этих лексемах может быть связан с вепским влиянием, ср. р1. вепс. **kitužed*, но нельзя отвергать и деривацию на русской почве. Трудно сказать, относится ли сюда же лексема **кúмки** «стручки», зафиксированная в Вытегорском районе (СРГК, 3, 58).

Лексема **кóкша** в значении ‘шелуха, мякина от головок льна’ фиксируется в Никольском, Сокольском, Харовском, Сямженском

районах (см. также: СВГ, 1987, 81), в Кадниковском (Иваницкий, 1883–1889), Яренском (Дилакторский, 1902) уездах Вологодской губернии (КСРНГ); значение ‘мука из высушенных головок клевера’ отмечается в Тотемском, Бабаевском районах (СВГ, 1987, 81). Фиксируется также вариант pl. tantum: **кóкши** в Вожегодском районе (Женатов, 1972, КСРНГ). Вариант **кóкошь** в первом значении бытует только в Сямженском районе. С другим вокализмом слово **кúкша** ‘шелуха конопляного семени’ отмечалось в Шенкурском уезде Архангельской губернии (Опыт). Таким образом, ареал приведенных единиц, фиксируемых в вологодских говорах, явно связан с прибалтийско-финскими данными, при том что мотивация русских диалектных данных, маловероятно на исконной почве; однако прибалтийско-финские данные, сходные, как будто, фонетически, имеют разное происхождение. Так, ср. следующие карельские гетерогенные данные: кар. твер. *kokšata* ‘разбить, раскокать’, ‘сделать что-либо с шумом, грохотом’, ‘резать (о скоте, птице)’, *kokšuttaa* ‘бить, разбивать (обычно о посуде)’ (СКЯП, 110), кар. (Суоярви) *kokšata* ‘сделать что-либо быстро или неожиданно’, ‘ударить’ (KKS, 2, 289). Эти глаголы прибалтийско-финского происхождения проявились также на русской диалектной почве, но данные материалы относятся к другому гнезду и не связаны друг с другом, что не позволяет говорить о субстрате карельско-вепсского типа, ср. также вепс. *kokštä* ‘долбить, выдалбливать’, *kokt’ä* ‘долбить, выдалбливать’, (СВЯ, 220), при фин. *kuokka* ‘кирка’ (SKES, 239). Однако взаимоотношение гнезда **кокша** ‘шелуха, мякина’ и приведенных выше прибалтийско-финских глаголов требуют дополнительных изысканий.

Лексемы с корнем **колокол-** уже обсуждались в литературе. Имеются значительные их фиксации в лексикографических источниках со сходными толкованиями: **колокóлка** ‘семенные головки льна, конопля; шелуха от головок льна, конопля’ отмечается в Медвежьегорском, Подпорожском, Плесецком, Каргопольском, Вытегорском, Кондопожском, Лодейнопольском, Онежском, Пестовском, Прионежском, Пудожском районах (КСРГК, СРГК, 2, 402); «коробочка льна с семенами» — в Грязовецком районе (СВГ, 1987, 88); «семенные головки, коробочки льна» представлено в СРНГ: Олон., КАССР, Ленингр., Арх., Волог., Ладож. Петерб. (СРНГ, 14, 165). Лексема **колокóлина** ‘шелуха от головок льна, льняная мякина’ фиксируется в Сокольском, Вологодском, Грязо-

вещком, Междуреченском (СВГ, 1987, 87), Первомайском, Пошехонском, Буйском, Любимовском, Некрасовском, Пречистенском, Рыбинском, Солигаличском, Тутаевском районах (ЯОС, 1986, 52); **колоколéц** ‘шелуха от головок льна’ фиксируется в Галичском, Даниловском, Красносельском, Судиславском, Солигаличском, Ярославском, Костромском, Пошехонском, Буйском районах (ЯОС, 1986, 52). Калима для деривата **колокóлка** (имевшегося у него в распоряжении) предлагал вепсскую этимологию, ср. вепс. *kaiikal* с тем же значением, при русской основе вепсской единицы (Калима, 1915, 125). Ср. также вепс. *kaiokol*, *kouokol* ‘головка льна или конопли с семенами’ (СВЯ, 188). Сюда же семантически относятся ливв. *čülkü* ‘головка льна с семенами’ (СКЯМ, 40), кар. *kaukelo* ‘раковина жемчужницы’ (KKS, 2, 106). Хотя имеется ливв. *kalkkalo* ‘колокольчик’ (SKES, 149), кар. *kalkkalo* ‘бубенчик, колокольчик’ (KKS, 2, 32). Причем взаимосвязь и вариативность значений ‘колокол, колокольчик’ и ‘головка льна’ наблюдается на ливвиковской почве, ср. ливв. *čülkü* ‘головка льна’ из ливв. *t’iugu* ‘колокольчик, бубенчик’, фин. *sykkky*, *syltti* ‘семенная коробочка льна или конопли’, люд. *t’šülk* ‘головка льна’ (SKES, 1145). Ср. также водск. *kalkkalê* ‘головка льна’ (SKES, 149). Фасмер идет вслед за Калимой (Фасмер, 2, 294). Следует отметить, что деривационные варианты данного материала образуют разные ареалы, восходящие, вероятно, к различным субстратным и русским диалектным основам. Так, например, фиксируемое в западной части ареала слово **колокóлка** (говоры Обонежья, Каргополья, Посвирья, южного Приладожья) явно соотносится с вепс. *kaiikal*. Тогда как варианты **колоколéц**, **колокóлина** фиксируются в ярославских, костромских, вологодских говорах восточнее р.Шексны, что может свидетельствовать либо об исконной природе данного материала в этом ареале, либо о его более интенсивном русском освоении.

Еще один ряд лексических манифестаций прибалтийско-финской основы варьируется в корнях **кугл-**, **когл-**: **кóгла** ‘льняная мякина, остающаяся после обмолота головок льна’, отмечается в Вожегодском, Тарногском, Тотемском (СВГ, 1987, 74), Кирилловском районах (КСРГК), а также **кóгли** — в Кадниковском уезде (Дилакторский; СРНГ, 14, 43), **кóглы** — в Вологодском районе (СВГ, 1987, 74), **кóгло** — в Кирилловском (КСРГК). Дериват **кúглина** имеет значительную территорию распространения по данным ПЛГО; информанты всячески подчеркивали использо-

вание данной реалии как пищевого (в годы войны) или фуражного (в послевоенные колхозные годы) продукта: – *Куглину поросьятам заваривали. Куглину отнесет (ветром) – симё чистое.* Нюксенский район (Мальчевская), Тарногский район (Гусиха). Сходные данные представлены в картотеке Симиной по Пинежскому району (Кобелево, Мелетино, Оксовица, Похурово). **Кўглина** с толкованием «обмолоченные головки льна» отмечается в Сямженском, Великоустюгском, Кичменско-Городецком, Тотемском, Верховажском, Вельском районах (СВГ, 1989, 11), в СРГК представлено как «обмолоченная льняная головка» (СРГК, 3, 49) в Лодейнопольском районе; «колос конопли» — в Каргопольском, Пудожском уездах в словаре Куликовского; «обломки семенных коробочек льна» отмечает Романов (Романов, 1928). Даже в иллюстративном материале на другие слова можно найти анализируемую лексику: – *Брунь у овса, у льна куглина* (Бабушкин. пос. Льнозавода) (СГРС, 1, 190). Фиксируется сходный материал и по данным XIX века: **кўглина** «семенные головки льна, измельченные вальками при выбивании семени» (Перм., Луканин, 1856), «головки на стеблях конопли» (Онеж., Ефименко, 1878), «остатки льняного или конопляного семени» — в Сольвычегодском уезде (Иваницкий, 1883–1889), **кўглины** «колос конопли без семени» (Олон., Доп. Опыт). Широкое распространение рассматриваемых данных показывает их фиксация в русских говорах Урала: **кўглина** «отходы при обработке льна, конопли» (СРГСУ; СРНГ, 15, 394–395), **куглина** «шелуха от головок льняного и конопляного семени» (СРГСУ). Совсем небольшой объем занимают материалы, где репрезентируется еще одно значение, возникшее в результате метонимического переноса: **кўглина** «головки льна, клевера» — в Нюксенском, Бабаевском, Сямженском, Великоустюгском, Верховажском, Никольском, Тарногском, Тотемском (СВГ, 1989, 11), в Вашкинском (СРГК, 3, 49), Пинежском (Симиная) районах. Оно было взято за основу для лингвогеографического обследования говоров Архангельской области Комягиной в ЛААО — **кўглина** «семенная коробочка льна» и зафиксировано в значительном числе районов: Вельском, Верхнетоемском, Вилегодском, Виноградовском, Коношском, Котласском, Лешуконском, Мезенском, Плесецком, Устьянском, Шенкурском, Холмогорском (ЛААО, 148). Однако, по нашим данным, этот материал при выяснении всех деталей в полевых условиях имеет семантическую доминанту, представлен-

ную нами в основном значении — ‘шелуха, остающаяся после обмо- лота головок льна’. Ср.: **кúгли́тать** ‘очищать льняное или коно- пляное семя от шелухи’ (Онеж., Холмог., Пинеж., Подвысоцкий, 77; СРНГ, 15, 395); **кúгли́чать** ‘очищать льняное семя от шелу- хи’ (Пинеж., Сими́на; Арх. Ар., СРНГ, 15, 395). Романов, види- мо, не совсем обоснованно возводил слово **кúгли́на** к швед. *kugge* ‘зубец’ и *lin* ‘лен’ (Романов, КСРНГ, рукопись). Калима, присо- единяя к этим корням еще и **кукл-**, говорит о карельско-вепсском влиянии, приводя, однако, финское соответствие, ср. фин. *kouhlo*, *kouhlot* (pl.) ‘головки льна’ (Kalima, 1915, 138). См. также: Фас- мер, 2, 405. Семантически неточное соответствие предлагает По- годин: фин. *kuhilas* ‘суслон, байка’ (Погодин, 1904, 35). См. также Meckelein, 1913, 44. На наш взгляд, лексемы **куколь**, **куколка**, **куколи́на**, **куколечек** представляет собой гнездо, славянское по происхождению, ср. русск. **кúколь** «сорная трава, плевел», укр. *кукі́ль*, болг. *кѣкѣль*, белорусск. *кúколь* сербохорв. *кúколь* (Фасмер, 2, 406). Вариант **кúкли́на** «семенные головки льна, или одна ше- луха, лузга их, остающаяся по околотке льна вальком, кичигой» явно контаминационного характера, но фиксация его только у Да- ля без географической пометы делает возможным включение это- го слова в систему этимологического анализа, так как отмеченная ниже в гнезде **куколь** лексема **кукли́на** «льняная лузга» (Вят., Даль, 2, 217) подтверждает данные без арельной привязки.

Приведенные Калимой финские материалы, как возможный источник, не даются уже в более поздних прибалтийско-финских источниках. Вряд ли кар. *keuhnä*, *köuhnä*, *köönä* ‘шелуха’, ‘перхоть’ (KKS, 2, 157) может сопоставляться с корнем **когл-** по фонетиче- ским соображениям. Однако, при наличии прибалтийско-финских субстратных **kuhlo* и **kohlo*, как соответственно преобразованных вариантов карельского и вепсского типов из фин. *kuohlo*, для кор- ня **кугл-** вероятен первый тип в качестве источника, для корня **когл-** — второй. Ареалы лексем с этими корневыми морфемами не совпадают, **кугл-** занимает северо-восточную часть обследованно- го региона, а **когл-** более локален, он фиксируется в Белозерье, Прикубенье, бассейне р. Шексны, что подтверждает его вепсский тип.

В новгородских говорах, а также в тверских и ярославских для номинации данной реалии используется гнездо лексем с кор- нем **голов-**. Таким образом, лексическая манифестация представ-

ляет субстратный карельский тип широкого распространения — **куглина**; локальные вепсские типы: **куму́ши**, **ко́гла**, **ко́глина**; локальный тип обратного влияния — **колоко́лка**. На юге региона фиксируются номинанты только славянского происхождения.

Лексема **па́лы** имеет единичные фиксации в Батецком районе, определение ее этимологической природы в настоящее время вызывает затруднение.

Наименования связки, вязанки соломы, льна, сена и т. п.

Материалы лексической манифестации этой реалии имеют давнюю традицию возведения их к прибалтийско-финским источникам, т. е. лексемы **ку́бач** и **ту́кач** с другими дериватами представляют прибалтийско-финские данные. Следует отметить, что только в зонах прибалтийско-финского влияния материал опирался на понятийную закрепленность и непосредственную связь с хозяйственной реальией, а в районах с доминированием исконных данных отмечалось значительное разнообразие сходных хозяйственных реалий с многочисленными дробными, разномотивированными наименованиями.

Лексема **ту́кач** ‘сноп, связка, охапка соломы или льна’ впервые фиксируется Куликовским в Петрозаводском, Олонецком, Лодейнопольском, Каргопольском уездах (Куликовский). Калима приводит для сопоставления карельско-вепсские материалы, ср. кар., ливв. *tukku* ‘куча, груда’, люд. *tuk*, вепс. *tukk* ‘связка соломы’ (Калима, 1915, 227). Фасмер повторяет версию Калимы (Фасмер, 4, 116). Новые данные по прибалтийско-финским языкам позволяют уточнить этимологию Калимы, но весьма незначительно, — на первый план выходят вепсские данные, ср. вепс. *tuk*, *tukk* ‘вязанка, охапка (сена, соломы, веников)’, ‘ком, кусок’ (СВЯ, 582), при ливв. *tukku* ‘куча’, ‘большое количество, множество’ (СКЯМ, 388), кар. твер. *tukku* ‘куча, груда’, ‘скопление людей, животных, насекомых’ (СКЯП, 307), фин. *tukko*, *tukku* ‘куча, груда’, ‘связка, пучок’; причем прибалтийско-финское гнездо, по мнению авторов SKES, мотивировано исконным глаголом, фин. *tukkia* ‘затыкать, закрывать, набивать’ (SKES, 1387–1388). Однако не следует обходить и другие сходные русские данные: **тюк**, **тючо́к**, **тючитка**, **тючи́ща** «связка, вязанка, кипа; увязанный, закупоренный сверток товара» (Даль, 4, 462), которые возводятся к тюрк. **tük* ‘связ-

ка, кипа' (Фасмер, 4, 134; Шипова, 340), но являются источником для контаминационных образований, ср.: **тюкачóк** 'охалка соломы' (Каргоп., КСРГК), **тючóк** «кучка, скошенная в один мах» (Арх., Даль, 4, 462). Трудно судить о сопоставляемости прибалтийско-финского и тюркского гнезд, ср. однако фин. *tukka* 'волосы' и фин. *tukko* 'куча, груда, связка, пучок' (SKES, 1386, 1387), и тюрк., чаг. *tük*, тур. *tüj* 'волосы' (СГТЯЛ, 197, 198) и тюрк. **tük* 'связка, кипа'.

Лексема **кубáч** имеет значительно больше фиксаций, чем **тү-кáч**, доминируя в новгородских говорах, отмечается в Обонежье и Беломорье, **кубáч** в значении 'связка, вязанка соломы, сена, льна' имеет многочисленные фиксации по данным ПЛГО в Бологовском, Удомельском, Лужском, Окуловском, Демянском, Парфинском, Шимском, Любытинском, Боровичском, Валдайском, Крестецком, Поддорском, Холмском, Хвойнинском, Маревском, Чудовском, Солецком, Батецком, Маловишерском, Мошенском, Старорусском районах; сходные данные представлены в лексикографических источниках: **кубáч** «большая вязка соломы зерновых культур после молочения» (НОС, 4, 167); «связка, вязанка соломы» — в Медвежьегорском, Кондопожском, Новгородском, Бокситогорском, Киришском, Любытинском, Прионежском, Пудожском, Чудовском районах (СРГК, 3, 45); в СРНГ значение «большая вязанка соломы (из нескольких обмолоченных снопов)» отмечается несколько шире — в Онежском, Тосненском районах (СРНГ, 15, 380). Анализируемый материал имеет фиксации в памятниках письменности: **кубача**, **кубачь** «сноп; большая связка соломы из нескольких обмолоченных снопов» в архиве Онежского Крестного монастыря под 1669 г. (СлРЯ XI–XVII вв., 8, 102). Фиксируется в произведениях фольклора: — *Как бывала тут корова обжорица, По кубоче соломы на раз едала* (Повен. Гильфердинг, 1, 122). Калима возводит диалектные данные к кар. *kubo* 'сноп', 'связка', 'ноша' (Kalima, 1915, 134). См. также Фасмер, 2, 395, 396; Погодин, 1904, 34; Meskeleín, 1913, 44. Ср. современные данные по прибалтийско-финским языкам: кар. сев. *kuro* 'пучок, связка', 'пучок, связка соломы', кар. твер., тихв. *kubo* 'то же' (KKS, 2, 461), кар. твер. *kuboõçi* 'связка обмолоченной соломы' (СКЯП, 118), ливв. *kubo* 'сноп, связка (льна, соломы и т. п.)' (СКЯП, 150), ижор. *kuro* 'вязка соломы, вязанка прутьев, лучины' (IMS, 210), водск. *kuro* 'связка соломы, сена', 'пук сучьев, цветов' (VKMS, 128), эст. *kubi*,

эст. южн. *kubo, kovu* 'связка соломы, лучины, хвороста', ливск. *ku've* 'пучок, связка, вязанка лыка', фин. *kuro* 'связка соломы, льна' (SKES, 243). Авторы SKES трактуют прибалтийско-финский материал как балтийский по происхождению, сравнивая с литов. *gubà* 'стог сена', 'укладка из снопов', латыш. *guba* 'куча, ворох', при саамских данных из финского, ср. саам. норв. *guppa* 'куча, стог', 'большая куча ягеля', 'стог со стожаром' (SKES, 243). На балтийской почве субстантивы являются производными от глаголов, ср. литов. *gaũbti* 'покрывать, укутывать, закутывать, выводить свод', латыш. *gubât* 'сгребать сено в копны, зерно в гурты' (Fraenkel, 1, 140).

Варианты и дериваты при доминанте **кубáч** представляют собой единицы нечастотного употребления, причем даже для лексемы **кубáк** можно предположить развитие от **кубáч**, а не непосредственно от прибалтийско-финских этимонов: **кубáч** → **куб** + **ач** → **куб** + **ак**.

Наименования брюквы

Данный вопрос традиционно включается в исследования по русской диалектной лингвогеографии. Имеется подобный вопрос в Программе ДАРЯ: 172 Брюква, **ка́лика**, **ка́лига**, **тебе́ка**, **бу́ква**, **не́мка**, **бу́шма**... Если известны особые названия разных сортов брюквы, то приведите их с объяснениями (Программа ДАРЯ, 134). В Программе ЛАРНГ по теме «Огородничество» при вопросе 7076 Брюква (указать, если возможно, сорт) представлено в качестве примеров свыше ста наименований брюквы, которые почерпнуты из лексикографических источников (Программа ЛАРНГ, 1, 147). Одна из этих единиц **ка́ли**, отмеченная только в СРНГ (СРНГ, 12, 352), при указанном источнике — «Краткий ярославский областной словарь» (КЯОС), является результатом опечатки, ср. в КЯОС: **ка́лига** 'брюква' (КЯОС, 83), что и представлено в КСРНГ. Таким образом, не следует сопоставлять фин. *kaali* 'капуста' (ФРС, 181) и единицу, появившуюся в результате недоразумения.

Кроме того, имеются карты по этому концепту в изданных лингвогеографических источниках: в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (АРНГЦВ) — карта № 212 «Диалектные названия брюквы», где в материалах

есть лексемы, совпадающие с нашими данными: **бўхва, бўшма**. В 3-м выпуске ДАРЯ (ДАРЯ, вып. 3. Лексика, 1997) представлена карта № 58 «Названия брюквы», в легенде которой имеется 53 лексемы, однако схематично-ареальная подача материала затрудняет его включение в наши разработки, хотя и дает понимание географического распространения представленных лексем. В «Лексическом атласе Архангельской области» также имеется карта № 116 «Брюква», на которой даны ареалы 6-ти лексем (ЛААО, 150): **брюква, голанка, галанка, слаца, капуста, землянуха**.

Наиболее распространенными среди наших данных являются лексемы, образующие в этимологическом плане гнездо **ка́ля, ка́ликка**. Предваряя анализ его происхождения, следует отметить, что в финно-угорских языках наименования брюквы довольно часто являются заимствованными единицами, ср. кар. твер. *bukva, tugli, n'etka* 'брюква' (СКЯП, 22, 164, 176), ливв. *br'ukvu* (СКЯМ, 29), кар. *r'ukva*, кар. твер. *br'uk'va* 'брюква' (KKS, 4, 465), коми *калига* 'брюква', *галанка, бруква* 'брюква' (ССКЗД, 75), причем большей частью из русского языка или из скандинавских языков, ср. фин. *lanttu* 'брюква' из др.-швед. *planta* 'росток, растение' (SKES, 275). Калима, анализируя варианты **ка́ликка** (Петерб.), **ка́лика** (Пск., Петерб., Новг., Смол.), **ка́личина** (Пск., Твер.), **ка́лица** (Волог.), **ка́лига** (Перм., Пск., Твер., Вят.), **ка́лига** (Том.), **ка́лива** (Новг., Пск., Твер.), **ка́ливка** (Пск., Влад., Твер.), **ка́лижка** (Пск., Твер.), **ка́лега** (Уфим., Волог., Костром., Новг., Перм., Вят., Тобол.), **ка́легá** (Волог.), **ка́лека** (Новг., Петерб.), **ка́левка** (Петерб., Твер.), **ка́лигва** (Пск., Твер.), **ка́ляга** (Вят.), **ка́ляга** (Перм.), **ка́литка** (Новг., Твер.), **ка́лия** (Новг.), **ка́ля** (Петерб., Новг.) с общим значением 'брюква', делает предположение об их эстонском источнике, ср. эст. *kālik* 'брюква', при том что эстонское слово, так же как и фин. *kaali* 'капуста', представляет собой германское заимствование (Kalima, 1915, 100). Фасмер просто повторяет материалы Калимы (Фасмер, 2, 167). В прибалтийско-финских языках это гнездо представлено только в эстонском и финском языках, ср. фин. *kaali* 'капуста', 'о ботве брюквы, репы, картофеля', эст. *kaal, kaalikas*, эст. южн. *kaalik, kaalits* 'брюква', при скандинавских источниках, ср. др.-швед. *kal, kaal* 'капуста', др.-норв. *kál* 'капуста', 'о больших овощах', которые, в свою очередь, восходят к латин. *caulis* 'стебель, стебель капусты', греч. *kaulós* 'то же' (SKES, 134; SSAP, 1, 263). Хотя на скандинав-

ской почве это гнездо возводится и к др.-англосакс. *câl, câwel*, при англ. *cole*, и далее уже латинско-греческие источники (EONDS, 342). Сходное наименование брюквы, капусты присутствует в балтийских языках, ср. литов. *kõlis*, латыш. *kàlis*, рассматриваемые как заимствования из нижненем. *kāl* ‘капуста’ (Fraenkel, 1, 281). На немецкой почве слово *Kohl* ‘капуста’ трактуется как романское заимствование, сопоставляемое с итал. *cavolo rapa*, восходящее, в свою очередь, к поздн. латин. *caulus* и латин. *rapa*, в разговорной форме *cavolo rapone*, преобразованной позднее в *calarabi, colrabi* (EWD, 873).

Таким образом, возвращаясь к предмету нашего анализа, можем констатировать, что только эстонские данные, эст. *kaal, kaalik-as* ‘брюква’, имеют сходную форму и семантику с данными русских говоров. Однако широкое распространение лексем **кáля**, **кá-ликка** и других вариантов в русских говорах, в том числе и курских, нижегородских, калужских, смоленских (см. СРНГ, 12, 352–355; ДАРЯ, вып. 3, карта № 58), ставит под сомнение прибалтийско-финское направление заимствования. Вполне возможно, что первичным является вариант **кáлива**, который можно рассматривать как отглагольный субстантив от **калiть**, ср. например, **калiть** ‘сушить в жаркой печи’ (СРЯ XVIII в., 9, 214). Это наименование может являться результатом актуализации способа приготовления брюквы, который нередко заключался в подсушивании брюквы, нарезанной тонкими ломтиками, т. е. намечается такая модель: **калiть** — ***кáливо** — **кáлива** (ср. мочiть — мочиво ‘лен, конопля, холст и т. п., вымачиваемые при обработке в воде’ (Пск., Твер., СРНГ, 18, 319)). Сходная модель реализуется в способе номинации слова **кúрник** ‘пирог с любой начинкой’ от глагола **курiти** (Лутовинова, 1997, 151–157)⁴⁸. Такого же рода модель существует и в прибалтийско-финских языках, ср. ливв. *hawdu* ‘выпаренная в печке репа или брюква’ при *hawduo* ‘парить в печке’ (СКЯМ, 61), вепс. *haudad, houdad* ‘выпаренная в печке репа или брюква’ при *hautta, houtt* ‘парить в печке’ (СВЯ, 111). И кар. *haudnikka* ‘репа, испеченная в земле при помощи горячих камней’ мотивировано глаголом *hautuo* ‘парить молоко, репу и т. п. в печи’ (ККС, 1,

⁴⁸Мотивирующий данную лексему глагол слав. **kuriti* семантически и формально также близок балт. **kurti* ‘топить, разводить огонь’ (Каралюнас, 1997, 259–275).

190, 191), а не субстантивом *hauda* ‘яма’, как полагает Пальмеос (Пальмеос, 1982, 4). Таким образом, вполне возможно, что эстонский язык сконтаминировал результаты германского влияния, реализуемого в лексемах с семантикой ‘капуста’, и русского — с семантикой ‘брюква’. Хотя, конечно, нельзя исключать и того, что данное гнездо представляет результат германского заимствования.

Однако единицы **ка́лика**, **ка́ликка**, как русские диалектные данные, все-таки испытали воздействие прибалтийско-финского континуума и в русских говорах (преимущественно новгородских) являются обратными заимствованиями. Причем лексема **ка́литка** могла возникнуть на карельско-валдайской почве, где нами было зафиксировано изменение геминаты [kk] в сочетание [tk], например: *rakkula* — **паткула**, *luzikka* — **лузитка**, **ка́ликка** — **ка́литка** (материал записывался у информантов, которые являются этническими валдайскими карелами, обрусевшими и практически утратившими родной язык); кроме того, возможно и влияние омонимического притяжения, ср. **калитка** ‘открытый пирог с начинкой’. Для слова **бу́шва**, по нашим данным — **бу́хва** и **бу́шма**, Фасмер предлагает исконную этимологию — **бу́хнуть** (Фасмер, 1, 256). Однако ср. коми *кушман*, удм. *Кушман* ‘редька’ (КЭСКЯ, 148), мар. *ушман* ‘брюква’, чуваш. *кашман* ‘общее название корнеплодов’ (ЭСЧЯ, 103).

Наименования картофельной ботвы⁴⁹

Несмотря на то, что огородничество как у русского, так и у финно-угорского населения получило развитие довольно поздно, все же отмечаются языковые контакты и в этой сфере.

В Беломорье фиксируются лексемы **та́ймйна**, **та́ймень**, **та́йбина**, восходящие к карельским источникам, ср. кар. *taimen* ‘росток, саженец’ (ILKS, 143), люд. *taimen*, вепс. *taimen* ‘то же’ (SKES, 1197, 1198), кар. твер. *taimen* ‘рассада’ (СКЯП, 291), ливв. *taimen* ‘рассада’ (СКЯМ, 373), при фин. *taimi*, эст. *taim*, водск. *taimi* ‘то же’ (SKES, 1198). Следует отметить, что основное значение на прибалтийско-финской почве ‘росток, саженец’, вероятно, ранее доминировало и на русской почве, ср. **та́йбина** ‘молодая ботва карто-

⁴⁹ Данный вопрос в виде «листва картофеля, свеклы» представлен в Программе ДАРЯ (№ 178), но отсутствует в 3-м выпуске (ДАРЯ, вып. 3. Лексика. 1997).

феля' (Лапино Беломорского района); **та́ймина** 'всходы, ростки картофеля, репы' (Ковда, Княжая Губа Кандалакшского района). Однако в настоящее время большая часть фиксаций данного материала имеет значение 'картофельная ботва'.

Единственная фиксация лексемы **вильва́** (Вороново Кадуйского района) делает недостоверной любую этимологическую версию, но все-таки возможно сопоставить с этим словом прибалтийско-финские данные, близкие к нему по форме, ср. ливв. *vil'l'a*, люд. *vil'l'*, вепс. *vil'l'*, фин. *vilja* 'хлеб на корню' (SKES, 1763, 1764).

Значительный ареал имеет лексема **лыч** с дериватами — это вологодские, ярославские, костромские говоры, что позволяет предположить влияние коми языка, ср. коми *лыч* 'ботва (редьки, репы и т. п.)', 'жилка листа, черешок листа' (ССКЗД, 209), при том что авторы КРОЧК трактуют слово *лыч* 'ботва (картофеля, репы, брюквы)' как диалектное (КРОЧК, 291). Смущает также то обстоятельство, что картофель получил распространение у коми только с середины XIX века, а по данным конца XIX века наивысший удельный вес посадок картофеля в Коми крае был в Вологодской губернии (Народы Поволжья и Приуралья, 61). Кривошекова-Гантман говорит о неясности направления заимствования, отмечая слово **лыч** 'стебли корнеплодов' в Соликамском районе Пермской области, при коми-перм. *лыч* 'ботва картофеля, репы, брюквы' (Кривошекова-Гантман, 1981, 54). Аникин, напротив, говорит о заимствовании из севернорусских говоров, ссылаясь на праслав. **lyčь* (Аникин, 1990, 90). Вероятно, прав А. Б. Страхов, критикуя СРНГ за помещение в словарь слова **лычи** с толкованием 'обувь из лык' с вопросом к значению, поскольку в данном случае лексема **лычи** явно соотносится с нашими данными — ботва картофеля. Выше также ошибочно дано **лыги** с той же цитатой — результат ошибочного чтения рукописного 'ч' как 'г' (Страхов, 1999, 284–285).

Лексема **на́тина** и вариант **ня́тина** традиционно рассматриваются на общеславянской почве, ср. укр. *натъ*, *натиня* 'то же', белорусск. *націна*, словен. *nât*, чеш., словац. *nat'*, польск. *nać* (Фасмер, 3, 48). Имеющиеся прибалтийско-финские данные трактуются как славянско-русское заимствование, ср. фин. *naatti*, кар. *noatti*, ливв. *noat't'i*, люд. *nuat't'*, вепс. *nat'*, водск. *nätt* 'ботва' (SKES, 363). См. также: Веске, 189, 188; Mikkola, 1894, 145; Фасмер, 3, 48; Kalima, 1952, 28; SSAP, 2, 201.

Лексемы **ведельё**, **вядеріна**, **вяденіна**, рассматриваемые нами как варианты, образуют ареал на территории псковских говоров и на р. Ояти (Тихвинский район). Данное гнездо не исследовалось в этимологическом плане. На наш взгляд, вряд ли возможно его этимологизировать на исконной почве. Исходя из ареала вполне вероятно балтийская версия, ср. литов. *vītis* ‘картофельная ботва’, ‘усы хмеля’, *vytinė* ‘хлыст, прут, розга’, ‘ус ползучего растения’ (Fraenkel, 2, 1268).

Лексема **тетіва**, отмеченная в костромских говорах, вряд ли может сопоставляться с русск. **тетивá** ‘бечева, струна, стягивающая концы лука’, ‘туго натянутая веревка, бечева, трос в некоторых снастях, орудиях’, ‘боковая наклонная балка лестницы, в которую вделываются концы ступеней’ (БТС, 1321), праслав. **tetiva* сравнивают с литов. *tin̄klas* ‘сеть’ (Фасмер, 4, 53). Ареал этого русского слова дает возможность предположить его субстратный финно-угорский характер, ср. фин. *tyvi* ‘нижняя часть дерева, пень’, эст. *tüvi* ‘нижняя часть дерева, растения, соломины’, эст. диал. *tüi, tüü, tive* ‘обрубок чего-либо’, ‘жнивье’, мар. *tün* ‘комель дерева, основание носа’, при венг. *tő, tőve-* ‘комель дерева, ствол’, ‘нижняя часть чего-либо’ (SKES, 1464, 1465). Однако форма и семантика сопоставляемых финно-угорских данных достаточно трудно накладывается на русские материалы, что делает эту версию весьма сомнительной; т. е. этимология лексемы **тетіва** еще требует дальнейших исследований.

Таким образом, лексическая манифестация по заявленному концепту позволила выделить карельскую зону влияния (**та́йміна**), коми ареал (**лыч**), территорию с доминированием балтийского влияния (**ведельё**), а также русский ареал общеславянского происхождения (**на́тина**), к последнему относится и лексема **во́лоть**, ср. укр. *волот* ‘метелка’, словен. *lât* ‘метелка, колос’ (Фасмер, 1, 344).

§ 13. Лексика подсечно-огневого земледелия

Древние формы земледелия, отразившиеся в практиковании подсеки, сохранились на территории Северо-Запада России до 30-х годов XX века, несмотря на многочисленные запреты как у русского, так и у финно-угорского населения. Имеется значительное число работ, посвященных историко-этимологическому изучению данной

тематической группы (Куркина, 1996, 1998; Житников, 1962; Петров, 1968), однако лингвогеографическое изучение, основанное на анализе материала, собранного по определенным вопросам на выбранной территории, не проводилось. В «Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» совершенно оправданно для общерусской территории имеется два вопроса по подсечно-огневому земледелию: «пашня на месте сведенного леса» и «расчищать пашню из-под леса» (СПб., 1994, 127). В Программе сведений для составления Диалектологического атласа русского языка концептуальные вопросы отсутствуют, приведены только два семантических вопроса, относящихся к подсечно-огневому земледелию: № 261 Нива — поле? огород? расчистить?; № 267 Ляда, лядина — низкое болотистое место, заросшее лесом? неудобная земля, пустошь (М.-Л., 1947, 142). Ориентация на выявление неисконной лексики не могла привести к значительному числу вопросов по данной тематической группе. В основном лексическая манифестация с ареальным эффектом удавалась для 3 вопросов.

1. Общее название подсеки.
2. Заброшенная подсека, поросшая травой, мелколесьем или кустарником.
3. Куча сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания.

Сбор материала на столь обширной территории имел свою специфику. На территории с наибольшим субстратным влиянием понятийно-реальная сфера этой системы земледелия прекрасно репрезентируется на уровне языка, имея детализированную терминологическую систему. Это, в первую очередь, относится к Обо-нежью, где, наряду с апеллятивной лексикой, фиксируется значительный пласт микропонимов прибалтийско-финского происхождения, восходящий к лексемам с семантикой, относящейся к подсечно-огневому земледелию. Так, например: **áгма** 'угодьё' Онеж. (Кянда), КСРГК, при кар. беломор. южн. *aho* 'десятилетний, смешанный лес, выросший на подсеке', 'подсека', 'лиственный лес, выросший на заброшенной подсеке', кар. твер. *aho* 'безлесое место, сенокос в лесу', кар. тихв. *aho* 'участок под подсекой, впоследствии заброшенный', кар. *aho* 'разработанная и выжженная подсека' (KKS, 1, 7); **гүмежи** 'поле' Петрозав., Куликовский, СРНГ, ср. вепс. *hauteh, houteh* 'подсека', 'подсечное поле' (СВЯ, 111), кар.

halmeh, *halme* ‘подсека, заброшенная подсека’ (KKS, 1, 158), люд. *halmeh* ‘подсека’ балтийского происхождения, ср. литов. *želmuiš*, *žalmuo* ‘побег, отросток, саженец’ (SKES, 52).

В ряде случаев микропонимы представлены композитами с первой неисконной частью, второй опорный топоформант указывает на соотнесенность с лексикой подсечного земледелия — **ни́ва**: **Сю́рница**. Медвежьегор. ПЛГО, ср. вепс. *sur* ‘большой’ (СВЯ, 527); **Ка́нзанива**. Пудож. (Каршево), ПЛГО, ср. вепс. *kanz* ‘семья’ (СВЯ, 178); **Ша́рханива**. Маловишер. (Сосницы), ПЛГО, ср. кар. (Сямозеро, Суоярви) *šarhata* ‘чистить, резать, обрубать’ (KKS, 5, 291); ср. также: **Ша́хтиполе** ‘пахотный участок’ Лодейноп. (Кяргино), ПЛГО.

Па́рсканье ‘поле в лесу’ (Прионеж., КСРГК), вероятно, связано с вепс. *parz* ‘бревно’ (СВЯ, 402), ливв. *parzi* ‘бревно’ (СКЯМ, 257), при фин. *parsi* ‘матица’, ‘половая доска’ (SKES, 406); сюда же, скорее всего, относится **па́рсельга**, хотя в КСРГК оно представлено как апеллятивная единица ‘место, очищенное от леса и предназначенное для вспашки’ (Кондоп., СРГК, 4, 399). Следует отметить, что топонимы неисконного происхождения (в нашем случае преимущественно прибалтийско-финского) имеют более широкие и достаточно устойчивые ареалы, нежели апеллятивная лексика. В прошлом практика расчистки леса под пашню имела более широкие границы, выходя за пределы собственно лесной зоны, с распространением у разных народов. Об этом свидетельствует разнообразная топонимия, ср.: **Лиды** — деревня (Каширский район Московской области) — возводимое к литов. *lyda* «обрабатываемое поле на месте вырубленного леса» (Поспелов, 2000); **Тылай** — правый приток р. Луза (Прилузский район Коми) — из коми *тылаю* «река с подсекой, рощистью» (Афанасьев, 1996, 147), ср. **поты́лить** ‘сжечь’ (Ветл. Костр., СРНГ, 30, 321); **Ошняк** — деревня (Спасский уезд Казанской губернии) — от татар. *ышна* ‘подсека’ (Халиков, 1995, 29).

На территории Северо-Запада устройство подсеки активно практиковалось как у русского, так и у прибалтийско-финского населения, причем способы ее устройства во многом были сходны. Для выбора участка находили смешанный или лиственный лес (предпочтительнее) на возвышенном месте, помечали его, делали зарубки на деревьях: **верги** (Петрозав. Олон., Куликовский), вепс. *virg* ‘затеска или другой знак на дереве, указывающий доро-

гу, место' (СВЯ, 635), ливв. *virgu* 'подтеска, затес' (СКЯМ, 436). Осенью, реже весной или летом, деревья и кустарники вырубали, складывали в кучи: кар. твер. *robivo* 'куча сухих сучьев' (СКЯП, 239), ливв. *rohjo* 'костер из хвороста, сучьев' (СКЯМ, 310), на следующий год сжигали в больших кострах: ливв. *robl'o*, *rojjo* (СКЯМ, 310, 311), вепс. *verand*, *verang* 'костер при сжигании подсеки' (СВЯ, 624), кар. *roivo* (KKS, 5, 149), кар. сев. *ropivo* (KKS, 5, 155), фин. *rovio*, *ropio*, *rovi*. Участок вспахивали сохой, вокруг него выкапывали канаву, чтобы огонь не перекинулся на окружающий лес. Горящие стволы деревьев перекачивали шестами так, чтобы зола равномерно ложилась на землю. Участок огораживали изгородью: русск. диал. **рўжега** (Пудож., Шайжин, КСРНГ), при ливв. *ružeikko* 'кустарник, валежник', ливв. *huwhtaidu*, *lamaidu* 'изгородь из сваленных деревьев' (СКЯМ, 80, 177), *umbiaidu* 'замкнутая изгородь вокруг подсеки' (СКЯМ, 404). Расчищали от камней, которые складывали в кучи: русск. диал. **рїжи** 'вал из камней' (Медвежьегор. [Челмужи], ПЛГО), ср. кар. твер. *rižu* 'хлам, мусор' (KKS, 5, 125, 126), **рóвница** 'груда, куча камней, собранных с пашни' Медвежьегор. (Палтега, Кажма, Толвуя, Шуньга, Великая Нива, Лисицино, Тязвия, Падма, Скурнино, Космозеро, Фомино, Падмозеро, Черкасы, Белохино, Ламбасручей), Пудож. (Бураково, Песчаное, Колгостров, Римское, Авдеево), Сегеж. (Валдай, Вожма Гора); Кондоп. (Лодмозеро), ПЛГО; «куча камней на поле» Заонежье, Рыбников, при вепс. *kiviroŋg* 'груда камней на поле' (СВЯ, 211), кар. сев. *raunivo* (KKS, 5, 42), фин. *raunio* 'большая куча камней на поле', фин. диал. *raunnio*, *rounio*, *roumio*, водск. *raunio*, причем прибалтийско-финское гнездо — скандинавского происхождения, ср. др.-норв. *hraun* 'куча камней, каменистая почва' (SKES, 749). Другие исконные прибалтийско-финские синонимы: ливв. *kobareh* (СКЯМ, 147), *kiviruopas* 'груда камней' (СКЯМ, 145), кар. твер. *kiviruopas* (СКЯП, 105), ижор. *müttö* (IMS, 324), *röökkü* (IMS, 498) не повлияли на русскую лексическую систему подсечно-огневого земледелия.

Кроме того, в Заонежье при сжигании подсеки использовали специально вырытые ямы с водой, в которых тушили загоревшуюся одежду, — **лámбины**, ср. ливв. *lambi* 'глухое лесное озеро' (СКЯМ, 177), люд. *lamb*, *lambik*, *lamben* 'речной плес', при саам. кильд. *lāmp* 'болото' (SKES, 274); несгоревшие остатки — **чїлики** — выжигали повторно собранными головешками (Логги-

нов, 1993, 20). Последняя лексема представляет собой, вероятно, саамский субстрат, ср. саам. швед. *šila*, при фин. *hiili* 'уголь' (SKES, 73).

Сеяли, в зависимости от местных условий и традиций, рожь, овес, ячмень, лен, репу, брюкву. Приведенные сопоставления русских диалектных и прибалтийско-финских данных в большинстве своем не носят общерегионального характера, номинации их узко ареальны и не репрезентируют ни понятий, ни реалий, которые бы подлежали лингвогеографическому обследованию.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Для общего названия подсеки в русских говорах Северо-Запада доминирует слово **нйва** общеславянского характера, ср. укр. *нива*, болг. *нива*, сербохорват. *њива*, словен. *njiva*, чеш. *niva*, словац. *niva*, польск. *niwa* (Фасмер, 3, 72), ЭССЯ, 25, 134–137. Данная лексема образует устойчивый ареал на территории новгородских говоров и смежных с ними псковских говоров Приладожья, Поволховья, Обонежья (частично), Белозерья (частично), западной части Беломорья (Карельский берег), что, вероятно, отражает в регионе места первичной славянской колонизации и дальнейших ранних миграций. Следует отметить, что в Кондопожском районе преобладает фиксация деривата **нйвище**.

В вологодских говорах занимает значительный ареал лексема **новина́**. Даль разграничивает бытование этого слова в южнорусских и севернорусских говорах: **новина́** «земля, никогда еще не паханая или снова задерневшая; **новна́я** земля, **новь** непашь, залог, целина; она в южных и юго-восточных губерниях идет под пшеницу; в прочих, ее почти и нет, кроме из-под лесу, но она тогда зовется чищобой, подсекой, починком, кулигой и пр.» (Даль, 2, 566; см также: ЭССЯ, 25, 227–232).

Гнездо **пал**, **паль**, **пáля** представляет в регионе один из самых значительных ареалов: Поволховье, Посвирье, Обонежье, Белозерье, районы озер Лаче, Кубенского, бассейны рр. Мологи, Сухоны, Вычегды, верховьев Северной Двины. Данный материал возможно рассматривать как на исконной, так и на прибалтийско-финской почве. В прибалтийско-финских языках сходное субстантивное гнездо мотивировано глаголами, ср. кар. сев. *palo* 'сожженная или приготовленная для сжигания подсека' (KKS, 4, 140), ливв. *palo* 'пал, пожар, сожженная подсека' (СКЯМ, 254), кар. твер., тихв. *palo*: – *Ozrua kyl'vet'tih paloih* (Ячмень сеют на подсеке)

(KKS, 4, 140), вепс. *пало* ‘огнище, сожженная подсека’ (СВЯ, 398), люд. *пало* ‘пожог, подсека’, эст. южн. *palò* ‘сухое песчаное, поросшее вереском место’, фин. *palo* ‘выжженное место в лесу, пожар’, при морд. мокш. *palêms* ‘гореть’, эрз. *paloms* ‘гореть’ (SKES, 472). По версии SKES, соответствующее гнездо в обско-угорских языках развивалось по принципу энантиосемии, ср. манс. *pāl’*, *pōl’* – ‘остывать, замерзать, покрываться льдом’, *pōi* ‘наст, бельмо на глазу’, хант. енис. *pōi* ‘наст’, при венг. *fagy* ‘мороз, холод, иней’ (SKES, 472). Однако авторы SSA уже такого сопоставления не проводят (SSA, 2, 298).

Следует отметить, что слово **пал** фиксируется преимущественно в севернорусских говорах, даже по памятникам письменности оно не выходит за пределы севернорусского региона, в СлРЯ XI–XVII вв. представлено в материалах Свирского монастыря (ныне 20 км от г. Лодейное поле Ленинградской области) и Антониево-Сийского монастыря (ныне 90 км. от г. Холмогоры Архангельской области) (СлРЯ XI–XVII вв., 14, 131), поэтому, несмотря на то, что мотивирующей основой, особенно для таких слов как **паліще**, **паленіна**, может быть русск. **паліть**, вполне вероятно говорить о консервирующем влиянии прибалтийско-финских языков, либо рассматривать представленную безаффиксальную лексику как результат контаминационного прибалтийско-финско-русского взаимодействия.

Лексема **пáлтега**, в качестве наименования подсеки, фиксируется в Прионежском и Подпорожском районах, кроме того, как ойконим отмечается в Медвежьегорском и Вытегорском районах. Ввиду отсутствия фиксаций в СВЯ возможного в вепсском языке **палонтего* ‘устройство подсеки’, ср. сходную модель: вепс. *hiñnant’ego* ‘сенокос’ (СВЯ, 120), данная лексема, как название подсеки, вероятно, является результатом метонимического переноса от микротопонима, ср. кар. *palte* ‘склон горы’: – *Palttiez on huuhta meil, paltties heityt toizeh palttieh nossah* (На склоне у нас подсека, один склон заброшен, другой поднимаем) (KKS, 4, 143). Ср. также вепс. *paute, poude, paude* ‘склон, косогор’ (СВЯ, 404), ливв. *paltt’e* ‘безлесный склон горы’, ‘край поля или леса’, формант *-ga*, скорее всего, можно сопоставить с люд. *палттеged* ‘склон’ (SKES, 476), см. также ПФГЛК, 70.

В Онежском районе отмечается лексема **пóччека**, которая имеет сходные фиксации в вятских говорах: **пóдчек**, **пóдчека** (СРНГ,

28, 247). Они сопоставляются с материалами коми языка, ср. коми удар. *потчек* ‘подсека, рощисть’ (ССКЗД, 389), и могут трактоваться как обратное заимствование.

Таким образом, общеславянские данные преобладают на территории говоров первичной новгородской колонизации (**нива**, **новина́**), неисконные материалы не представляют собой в макроструктуре русских говоров Северо-Запада значительного пласта, однако образуют устойчивые ареалы со стабильными границами.

Наименования заброшенных подсек, поросших травой, мелколесьем или кустарником

Общие наименования подсеки представляют, в основном, данные исконного происхождения, тогда как в отношении заброшенных подсек наблюдается совершенно другая картина. Это связано с тем, что подсечные участки после использования в основной полеводческой функции не выпадали из сферы хозяйственной деятельности крестьянина, а уже служили для каких-либо других целей. Заросшие мелколесьем и кустарником подсеки нередко использовались как место выпаса скота. Таким образом, опосредованные уже другой функциональной принадлежностью, наименования подсек сохранились в ряде говоров Северо-Запада до настоящего времени. Причем по ранним диалектным материалам для большинства данных со значением ‘заброшенная подсека’ прослеживается этимологически первичное значение ‘подсека — общее наименование’, восходящее к тому или иному субстратному типу. Например: **ка́ска** «срубленный для подсеки лес, подсека» (Лесков, 1892, 99), **ка́шка**, ‘расчищенный под посев лесной участок, который после снятия нескольких урожаев вновь запускается под лес’ — в Выборгской губернии (Слов. Акад. 1909); а более поздние данные уже представляют анализируемое значение ср.: *Каска — поскотина, пасут скот там, болото, трава, травы много. Каска — поле, лес, пойду в каску наломаю прутьев*. Пинеж., Сими́на. Исходя из консонантизма вариантов **ка́ска** и **ка́шка**, можно сделать вывод об их различных источниках: первая единица представляет субстрат вепско-ливвиковского типа (довольно условно, в силу невозможности прямых сопоставлений), ср. вепс. *kašk* ‘подсека’ (СВЯ, 183), ливв. *kaski* ‘подсека, пожар’ (СКЯМ, 127), при

фин. *kaski* ‘участок обычно лиственного леса, срубленный и сожженный для пашни’, ‘подсека’; вторая — результат более позднего карельского влияния, ср. кар. *kaški*, люд. *kašk* ‘подсека’ (SKES, 168). В эстонском и водском языках сохранилось более старое значение ‘береза’ — эст. *kask*, водск. *kahtši*, при удм. *kišpu*, коми *kidž* ‘береза’ (SKES, 168).

Лексемы **ча́бега**, **ра́заги**, **у́йга** представляют результат вепсского воздействия, ср. вепс. *čapatez* ‘вырубка’ (СВЯ, 55), вепс. *razagat* ‘подсека, оставленная на второй год не спаленной и не очищенной’ (СВЯ, 464), вепс. *uig* ‘заболоченный луг, вдающийся в лес’ (Kalima, 1915, 231), *uig* ‘закоулок пожни’ (СВЯ, 598); причем их ареальная дистрибуция — Обонежье и Посвирье — также свидетельствует в пользу вепсского происхождения.

Несколько больший ареал занимает лексема **кедóвина** с вариантами, репрезентирующая карельское влияние, ср. кар. *keto* ‘пар, поле под паром’ (KKS, 2, 152), *kytö* ‘выжженный болотистый участок, пожар’ (KKS, 2, 539), ливв. *kedo* ‘подсека со стерней’, люд. *kedo* ‘пожог, подсека после первого урожая зерна’ (SKES, 186), хотя Калима квалифицирует этот материал как результат финского воздействия, ср. фин. *kytö* ‘подсека’ (Kalima, 1915, 119).

В данной лексико-семантической группе значительная часть русского диалектного материала наследует специализированное значение прибалтийско-финских этимонов, но это не касается единичных фиксаций: **тjóдега** (Кулмукса Кондопожского района), ср. кар. сев. *tüveus* ‘край пожоги’, вепс. южн. *tüveduz* ‘край ложбины, подсеки’ (SKES, 1465); **хйжи** (Псковское озеро), ср. эст. *hiiz* ‘роща, кустарник’ (Kalima, 1915, 237).

Лексема **ра́ега** представляет один из ряда вариантов: **ра́ека**, **ра́ек**, **ра́яка**, **ра́йка**, которые фиксируются в основном значении ‘мелкий смешанный, чаще лиственный лес’, и только в Вытегорском районе отмечается для варианта **ра́ега** семантика ‘заброшенная подсека’. Однако на прибалтийско-финской почве карельские данные представляют значение ‘заброшенная подсека’, ср. ливв., люд. *rajakko* ‘заброшенная подсека’, при вепс. *rajak* ‘плохой, смешанный лес на подсеке’ (СВЯ, 462; SKES, 722).

Лексема **пáлма**, фиксируемая по р. Онеге и оз. Воже, может быть рассмотрена как на прибалтийско-финской, так и на исконной почве (см. **пал**).

Как видно из представленных материалов, наиболее частая фиксация данных отмечается в Обонежье, что говорит об их концептуальной значимости для этих говоров и сильном прибалтийско-финском субстрате. Русские по происхождению материалы не образуют коррелирующих ареалов, а фиксируются от базисного новгородско-псковского ареала в восточном направлении: лексема **вѣтошь** и варианты.

Куча сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания

Как уже отмечалось выше, способы и приемы устройства подсеки у прибалтийско-финского и славянского населения были схожи (особенно в зонах интенсивных контактов в прошлом или настоящем). Таким образом, после выбора участка и помечания его зарубками (**вергами**), осенью, реже весной или летом, деревья и кустарники вырубали и складывали в кучи, которые затем сжигали в больших кострах на следующий год. Естественно, что анализируемая реалья, как необходимая часть хозяйственного процесса, имеет номинации на почве прибалтийско-финских языков, а затем и русских говоров. Но поскольку на обширной территории Северо-Запада методы устройства подсек не могли быть едиными у русского населения, данная реалья не имеет повсеместных лексических манифестаций. Ее репрезентация в основном относится к Обонежью, Посвирью, Беломорью, Каргополью, бассейну р. Онеги.

Наиболее устойчивые и частотные фиксации имеет лексема **верáнда** в Медвежьегорском районе (в 12 н. п.), Пудожском, Кондопожском, Прионежском, Подпорожском районах по данным ПЛГО. Кроме того, по материалам АОС она отмечается в Онежском, Плесецком, Приморском районах (АОС, 3). Вариант **вирáнда**, имеющий сходный ареал — Онежский, Приморский, Плесецкий районы, дается Подвысоцким в значениях «нарубленный сухой хворост» в Онежском уезде и «распаханное на месте, где был лес, поле» в Кемском уезде (Подвысоцкий, 18; СРНГ, 4, 292). Вариант **вырáнда** фиксируется только по данным лексикографических источников (Куликовский, СРНГ, 5, 339), но только в АОС с точной географической пометой и абсолютно адекватным толкованием: **вырáнда** 'большая куча веток, сучьев и т. п., предназначенная для сжигания на месте, очищенном от леса под пашню' в Няндом-

ском районе (Ступино) (АОС, 8, 133); сюда же относятся варианты **воранда**, **боранда** (Няндомский район), **вираш** (Плесецкий район).

Калима возводит данные Подвысоцкого и Куликовского к люд. *verand* ‘куча хвороста в поле’, но дает не совсем точный эквивалент, фин. *rovio* ‘костер’ с иллюстрацией из люд.: – *Rižut keratoj verandõ, nurmel poltetai* (Хворост собирают в кучи на поле, на лужайке сжигают) (Калима, 1915, 87). На наш взгляд, вепс. *verand* ‘костер при сжигания подсеки’, входящее в гнездо вепс. *viritada* ‘зажигать, разжигать’, *vir’itez* ‘растопка’ (СВЯ, 635, 636), также может являться источником русского диалектного слова. Ср. также ливв. *viritä* ‘разгореться, загораться, зажигаться’, *virites* ‘растопка’ (СКЯМ, 436), фин. *virittä* ‘разжигать’ (SKES, 1783). Фасмер повторяет версию Калимы (Фасмер, 1, 318). Лексема **вира́ха**, согласно Калиме, также связана с предыдущим материалом (Калима, 1915, 87). Следует отметить, что ранее лексема **вира́нда** / **верáнда**, вероятно, имела более широкий ареал, об этом свидетельствуют данные гидронимии, ср. **Веранда** — река в Подпорожском районе (ПЛГО, СГБРС, 2), **Верандозеро**, **Верандручей** в бассейне р. Свири (СГБРС, 2), **Вирандозеро** — в Беломорском районе (ПЛГО), **Веронда** — река в Новгородской области (Агеева, 1989, 213).

Лексема **ку́гровина** в этом же значении — ‘куча сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания’ — фиксируется в Медвежьегорском районе (Кефтеницы, Никонова Губа, Падмозеро, Фомино, Черкасы, Шуньга), но в населенных пунктах, которые не фигурируют как место бытования слова **верáнда**, а кроме того, в Кондопожском и Прионежском районах. С иной семантикой — ‘яма в лесу, в поле или на болоте’ — сходная по форме единица **кугра**, **кугровина** (вероятно, гетерогенный омоним) уже рассматривалась с точки зрения ее происхождения. Так, Л. П. Михайлова соотносит ее с вепс. *kuhr* ‘небольшая ямка в лесу, на болоте’ (Михайлова, 1986, 84). Вероятно, в анализируемом значении слово **ку́гровина** является результатом прибалтийско-финского влияния, ср. фин. *kuhja, kuhjo* ‘стог сена’, водск. *kuhja* ‘стог, скирда’, эст. *kuhi* ‘ворох, куча, груда, кипа, стог’, связанное с фин. *kuhilas, kyhläs*, кар. *kuilaš*, ливв. *kuhl’as* ‘суслон, бабка’, вепс. *kuh’ilaz* ‘то же’; возможно, это гнездо восходит к герм. **skūilaz*, швед. *skyl* ‘суслон, бабка’ (SKES, 231; SSAP, 1, 425). Деривация произошла на русской поч-

ве, вряд ли элемент **-ровин(а)** восходит к ливв. *rohjo* ‘костер из хвороста, сучьев’, *robl’o* ‘большой костер’ (СКЯМ, 310). Ср. также фин. *kyäs* ‘суслон’, *kyky* ‘то же’, *kykö*, *kykkö* ‘то же’ — из балтийских источников, ср. литов. *kūgis* ‘большой стог, скирда’ (SKES, 258).

В СРГК слово **күгровина** дано с неверным толкованием: «веранда» в значении ‘терраса вдоль стены дома’, тогда как информанты, приводя в качестве синонима лексему **верáнда**, имели в виду ее диалектное значение ‘куча сучьев на подсеке’: — *Кугровина и веранда одно и то же* (Медвежьегор., СРГК, 3, 49).

Еще одна лексема, полученная в ответ на вопрос по реалиям подсеки, — **калúга** — фиксируется в значении ‘куча сучьев на подсеке’ в Плесецком, Бабаевском, Устюженском районах, первый расположен на удалении от двух последних. Кроме того, с другой семантикой это слово отмечается в Пудожском, Плесецком районах: ‘сухие сучья, ветки, несгоревшие остатки на подсеке’; в Бабаевском районе: ‘ветви на деревьях’; в Каргопольском районе: ‘выращенная на подсеке репа, собранная в кучу’. В тематически близком значении однокоренное слово **калúжье** отмечается уже в источниках XIX века — ‘выкорчеванные пеньки, мелкие и обгоревшие сучья и т. п. в лесу (на лесных подсеках, на лесосеках)’ (Бурнашев, СРНГ, 12, 368).

Калима, оперируя материалами Куликовского — **калúжина** «большой кусок, обломок дерева» (Олон., Куликовский; Вытегор., СРНГ, 12, 368), предлагает вепсскую этимологию, ср. вепс. *kalvine*, мн. *kaluižed* ‘дубинка’ и *kalu* ‘сожженное дерево на поле’, при ливв. *kalu* ‘дубинка’, с возможной связью с русск. диал. **калúжина** ‘болото’ (на наш взгляд — невероятной) (Калима, 1915, 101, 102). Фасмер совершенно справедливо разделяет гетерогенные омонимы **калúга**, **калúжа** ‘болото, топь, лужа’ общеславянского происхождения и представленное выше прибалтийско-финское гнездо. К материалам Калимы добавляются новые данные, подтверждающая вепско-карельскую этимологию, ср. ливв. *kalu* ‘щепка, щепка, чурка’ (СКЯМ, 122), кар. *kalut* ‘высохшая часть дерева, хворост, палка, сук, щепка’, ‘несгоревшие остатки ветвей на подсеке’ (KKS, 2, 39), люд. *kalu* ‘наполовину сгоревшие остатки деревьев на подсеке’. Авторы SKES полагают, что прибалтийско-финское *kalu*, праформа **kalvu* ‘сухая палка, часть дерева’, соотносится с саам. швед. *kalwo* ‘предмет, вещь’, хотя и не исключают того, что ливв.-люд.-вепс.

kalu может быть единицей, не входящей в это гнездо. Действительно, карельско-вепсское значение данного слова отличается от финского, ср. вепс. *kalu* ‘палка’ (СВЯ, 175), и фин. *kalu* ‘вещь, предмет, инструмент’, при том что вепс. *kaluižed* ‘палки, палочки’ (С.М.), ливв. *kalu* ‘щепка’ явно соотносятся с русскими данными.

Не вполне ясно, однако, в какой связи с вепс. *kalu* ‘палка’ находится русск. **КОЛ**, стар.-слав. *колѣ*, а также ливв. *kalu* ‘щепка’ с литов. *skalà* ‘щепка’ (Фасмер, 2, 285), этот вопрос обходят как авторы SKES, так и Фасмер.

Лексема **тютѣжй** в значении ‘кучи хвороста, сжигаемые на подсеке’, несмотря на сходство формы и семантики со словом **тюдѣга** ‘место в лесу, вероятно, заросшая подсека’, представляет собой в этимологическом плане самостоятельную единицу (см. ‘заброшенная подсека, поросшая травой, мелкоколесьем или кустарником’). Ранее фиксировалась лексема **тютѣжи** с толкованием «способ удобрения земли посредством сжигания хвороста, покрытого дерном» (Пск., Живая старина, 1890, 60). Калима возводит эти данные к эст. *kütis*, ген. *kütise* ‘сжигание, пожога’, при эст. *kütma* ‘топить, жечь’, фин. *kyteä* ‘быть раскаленным, гореть, тлеть’ (Калима, 1915, 229). См. также Фасмер, 4, 138. Далее на прибалтийско-финской почве сюда входят следующие данные: люд. *küdöda*, вепс. *küidoda* ‘тлеть’, водск. *tšutta* ‘выжигать лес под пашню’, затем швед. *kytta* ‘выжигать под пашню’ из финского; балт. нем. *kütten* ‘расчищать, выжигать землю под пашню’ из эстонского; латыш. *kutēt* ‘выжигать подсеку’ также из эстонского (SKES, 256).

Лексема **пáлеги**, имеющая единственную фиксацию в Устюженском районе, соотносится с гнездом **пал** (см. выше).

§ 14. Лексика сенокошения

Заявленный для анализа раздел отсутствует в Программе ЛАРНГ, хотя этот вид трудовой деятельности крайне важен для сельских жителей Северо-Запада и до сих пор практикуется в довольно архаичных формах. К тому же сбор материала по данной теме не вызывает никаких трудностей, поскольку не существует информанта, для которого не были бы актуальны понятия данного раздела. Первоначальное полевое исследование носило этнолингвистический характер, т. е. сначала устанавливалась и анализировалась реалья, а затем лексика, ее обозначающая. В дальнейшем

был выработан вопросник по этой теме для лингвогеографического обследования региона. Он включил в себя следующие вопросы:

1. Большая округлая кладка сена с одной жердью для устойчивости посередине.
2. Большая продолговатая кладка сена с несколькими жердями, устанавливаемыми в ряд.
3. Жердь с развилкой на конце, подпирающая большую кладку сена.
4. Приспособление, которое кладется на верхнюю часть большой кладки сена для защиты от ветра и дождя в виде связанных или сплетенных ветвей (березы, ивы, ольхи).
5. Жердь, которая кладется на верхнюю часть большой продолговатой кладки сена для защиты от ветра.
6. Жердь с сучьями для сушки сена.
7. Вал скошенной травы.
8. Прошлогодня некошенная трава, высохшая на корню.
9. Приспособление, используемое для закрепления лезвия косы на рукоятке.
10. Заболоченный сенокосный луг.
11. Часть сенокосного луга, окруженная кустами, мелколесьем.
12. Вешала в виде остова шалаша для сушки сена.
13. Подготовленное место для большой кладки сена: жердь, забитая в землю, вокруг нее колышки, ветки на земле.
14. Небольшая кладка сена.
15. Сенокосный луг (общее название).
16. Вновь выросшая трава на месте скошенной.

В ходе полевого обследования удалось установить, что для большинства концептов их лексическая манифестация носит исконный характер, что является фактором, исключающим такого рода данные из сферы нашего обследования. Для одной реалии были выявлены неисконные материалы, недавно вошедшие в лексическую систему русских говоров. Это 'вешала в виде остова шалаша для сушки сена' со следующими фиксациями: **регеля́** (Лодейноп., Кондоп., Прионеж., ПЛГО), **ригеля́** (Каргоп., Подпорож., Медвежьегор., ПЛГО. Волх., СНРГ, 35, 101), **ределя́** (Бокситогор.),

риделя́ (Волх., ПЛГО). Рихтер отмечает, что «название редель и реалья широко распространено в северных районах Псковской области и в Ленинградской области и является сравнительно поздним эстонским заимствованием» (Рихтер, 1968, 177), однако она не приводит эстонское соответствие, ср. эст. *rehala* ‘гумно, молотильня, крытый ток’ (ЭРС, 453)⁵⁰. Кроме того, удалось зафиксировать ряд материалов, которые не отмечались ранее вообще либо не анализировались с этимологической точки зрения. Например, **ка́тач** ‘жердь, которую ставят наклонно к стогу для придавливания сена’ Мезежьегор. (Кузаранда, ПЛГО), возводимое нами к прибалтийско-финскому влиянию, ср. вепс. *katta* ‘крыть, накрывать, покрывать’ (СВЯ, 188), ливв. *kate* ‘предмет, которым покрывают что-л.; крышка, покрывка’ (СКЯМ, 129), кар. твер. *kate* ‘то же’ (СКЯП, 91), кар. сев. *kate* ‘то же’ (KKS, 2, 94), люд. *kate* ‘то же’, фин. *kattaa* ‘крыть, покрывать’ (SKES, 171); **пи́тник** ‘зуб у граблей’ Терск. (СРГК, 4, 521) — восходит к карельскому влиянию, ср. кар. *pii* ‘зуб остроги, граблей, гребня’, кар. твер. *piit* ‘зубья граблей’ (KKS, 4, 272), ливв. *pii* ‘зуб, зубец’ (СКЯМ, 266), кар. твер. *pii* ‘зубец в граблях, бороне и т. п.’ (СКЯП, 207), люд. *pī* ‘зуб в граблях, зубец остроги’, при фин. диал. *piite* ‘зубец серпа или пилы’, морд. мокш., эрз. *p’ej* ‘зубец пилы, бороны’, мар. *pū, pūi* ‘зуб, зубец пилы, гребня’, ‘копыл саней’, коми *piin* ‘зуб, зубец бороны’, венг. *fog* ‘зуб, зубец пилы и т. п.’ (SKES, 544); фонема [т] может быть отражением множественного числа на карельской почве, а формант *-ник* является результатом русского освоения.

Ряд данных относится к наименованиям различных видов подпор. Одно из них — слово **ну́тья** ‘подпоры стога (иногда с развилкой на конце)’ — фиксируется в Пудожском районе (ПЛГО): — *Раньше заколья металы, два кола ставили и нутья ставили, подпоры-то, сучья с вилкой на конце раздвоенные, а потом сено металы.* Пудож. (КСРГК). Ранее фиксировался вариант **ню́тяги** «жерди вокруг стога, перевязанные веревкой» Петрозав. Олон. (СРНГ, 21, 329). Данный материал не рассматривался ранее в литературе. Вероятно, его можно соотнести с вепс. **nūteh*, при вепс. совр. *nūt* ‘подпора к стогу’ (СВЯ, 370), кар. *nyte* ‘подпора в заборе’ (KKS, 3, 564), фин. *nyde, nyte* ‘подпора в заборе, в скирде, в стогу’,

⁵⁰ А. Петерсон, описывая такой тип вешала, приводит только эст. *sard* (Петерсон, 1975, 403).

ливв. *nüte* ‘подпора в заборе’; прибалтийско-финский материал соотносится с саам. норв. *nittâ* ‘подпора’, морд. эрз. *neže* ‘подпора’ (SKES, 406). В СРГК, в результате специфического подхода к подаче вариантов слова, оказались смешанными в одной словарной статье гетерогенные омонимы **нудья** ‘охотничий костер’ и анализируемое слово **нутья** (см. СРГК, 4, 52).

Лексема **кóрва** ‘нижняя подпора с развилкой на конце’, отмеченная в Прионежском районе (Суйсарь, ПЛГО), «подпорка стога» Прионеж. (СРГК, 2, 421), восходит к вепсским источникам, ср. вепс. *korv* ‘торцовая (с развилкой) подпора для зарода’ (СВЯ, 228), при люд. *korv* ‘подпора в стоге сена’ (SKES, 221). У Куликовского фиксируется два варианта, относящиеся к этому гнезду, — **корв́ач**, **корб́ач** «приспособление для развешивания невода» (Куликовский), которые могут быть сопоставлены с ливв. *korvačči* ‘проушина’ (СКЯМ, 154), люд. *korvatš* ‘одна из подпор вокруг стога или скирды’, при саам. кольск. *koarv* ‘кол с развилкой для опоры’ (SKES, 221), ср. также кар. *korvakko* ‘подпора с развилкой на конце, подпирающая кладку сена или костер дров’ (KKS, 2, 336). Имеющиеся значительные данные сибирских русских говоров: **кóрбас** ‘длинная жердь для развешивания вяленой рыбы’ Колым., Камч. (СРНГ, 14), **карб́асина** ‘жердь толщиной в руку’ Сиб., Камч. (СРНГ, 13. 81), вероятно, получили распространение в результате русской колонизации⁵¹. Предшествующие этимологии смешивали гнездо **корва** и **кярбуз**⁵² в силу недостатка данных, против чего свидетельствует различие в типе вокализма (см.: Kalima, 1915, 145; Фасмер, 2, 322, 441; Аникин, 2000, 302).

Лексема **шáхи** ‘подпоры стога’ Прионеж. (Вороново, ПЛГО), вероятно, является обратным заимствованием, ср. русск. **сóхи** ‘подпоры центральной жерди стога’ Пудож. (ПЛГО) → ливв. *šohki* ‘подпора с развилкой’ (СКЯМ, 365) → **шахи**. Вряд ли следует сходные сибирские данные объяснять через тюркское воздействие (Фасмер, 4, 415; Абаев, 3, 12–13; Аникин, 2000, 694) или влияние хантыйского языка (Матвеев, 1959, 78). Еще одно слово **чúньга** ‘укрепляющая стожар подпора с развилкой’ Пудож. (Песчаное), Медвежьегор. (Петры) по ПЛГО не фиксировалось ранее. Вероятно, оно связано с карельским влиянием, ср. кар. *tüngä* ‘короткая,

⁵¹При отсутствии влияния схожих данных аборигенных языков Сибири.

⁵²См. ниже.

часто обломанная часть ветви, крыла', ливв. *tüngü* 'обрубок', при водск. *tüpkä*, эст. *tünk* 'обрубок', фин. диал. *tynkä* 'место на косе, где лезвие прикрепляется к рукоятке'; причем финские материалы XVII века семантически соответствуют русским диалектным, ср.: *tyngēt ia padzatt* 'подпоры и столбы (изгороди)' (SKES, 1453), что позволяет предположить наличие сходных данных и в карельских диалектах⁵³.

Приспособление, которое кладется на верхнюю часть стога, зарода и т. п. для защиты сена от ветра и дождя в виде связанных или сплетенных ветвей (березы, ивы, ольхи и т. п.)

Материал прибалтийско-финского происхождения фиксируется, главным образом, в Обонежье, Посвирье, Беломорье, это лексема **кагачи́**, имеющая длительную историю отражения в различного рода источниках. Данное слово, в силу того что оно обозначает реалии сельскохозяйственного производства, часто не совсем адекватно понималось собирателями и толкователями диалектной лексики. На наш взгляд, в словаре Подвысоцкого автор допустил ошибку, поместив следующее толкование слова **кагач**: «Устраиваемый над стогом сена естественный навес: стог складывается между двумя деревьями (преимущественно березами, как более гибкими), а потом стягивают над стогом верхи деревьев и привязывают их к воткнутому в середину стога колу» (Онеж., Подвысоцкий, 61). СРНГ, в силу своей специфики и толерантности к источникам, организует материалы прекрасно изложенного и понятного описания Куликовского («Две ветки, связанные вершинами и положенные на стог сена; ряд таких попарно связанных ветвей кладут поперек вершины стога с той целью, чтобы ветер не разносил сено») и ошибочного конструкта Подвысоцкого как двухступенчатую иерархию значений, что, на самом деле, является по-разному понятым изложением представления об одной и той же реалии. Причем если из первоисточника (словаря Подвысоцкого), домысливая, еще можно уловить суть реалии, то опосредованное переложение СРНГ нас такой возможности уже лишает, ср.: **Кагач**. Естественный навес над стогом сена, устраиваемый

⁵³К сожалению, опубликованные тома ККС заканчиваются материалами на букву *S*.

из ветвей деревьев, под которыми расположен стог» (СРНГ, 12, 297). Крестьяне обследуемого региона заготавливали 5, 6 стогов сена или 7, 8 заколин (продолговатая укладка сена), при этом шла нещадная борьба против зарастания сенокосных лугов (пожень); любая древесная растительность ежегодно вырубалась и сжигалась. Для того, чтобы устраивать стога по методу Поввысоцкого, крестьянин должен был терпеть на своих сенокосных угодьях 10 — 12 попарно растущих деревьев, причем довольно высоких (высота стога 5—6 метров), и следовательно, дающих значительную тень и снижающих высоту травостоя. На наш взгляд, это не соответствует реалиям севернорусской крестьянской жизни.

В СРГК 1-е значение слова **ка́гач** также не совсем правильно отражает реалию: «Два ствола, шеста, связанные верхушками или концами для укрепления стога сена»; ср. иллюстрации: *Кагачи, две березки срубят, вершиночками завяжут и на стог сверху, чтоб сено не увивало, это кагач и будет. Подпорож. Это вот когда стог мы мечем, две вицы вместо свяжем, да через стог перекинем, чтобы сено ветер не разбрасывал, это кагачи.* Медвежьегор. Ср. 2-е значение: «Покрытие из веток на стог сена как защита от дождей» (СРГК, 2, 310). В данном случае одна и та же реалия, по словам информантов, отражает полифункциональность и разноплановость производственной жизни. Лексикографы, незнакомые с реалией, дают в словаре контекстуально выводимые различные значения, исходя из высказываний информантов, которые в объяснениях подчеркивают разные стороны, характеризующие реалию.

Таким же образом можно представить значение, данное в Слов. Акад. 1907 и отраженное в СРНГ: «**Ка́гача**. Палка, дубина, кол. *Я как взял ка́гачу да начал ей лупить*». Вытегор. Олон. (СРНГ, 12, 297). Кроме того, сомнения в достоверности ряда толкований подтверждают также данные языков-источников. Семантическое тождество соотносимых слов из языков-доноров и слов в языках-реципиентах — это основная черта, характеризующая языковую ситуацию в Обонежье, где и встречается преимущественно слово **ка́гачи** в значении ‘связанные или сплетенные ветви, прутья (ивы, березы и т. п.), которые кладутся на верхнюю часть кладки сена для защиты от ветра и дождя’ в Межвежьегорском районе (Вырозеро, Загубье, Космозеро, Палтега, Таммичозеро, Толвуя), Пудожском районе (Авдеево, Гакукса), Вытегорском районе (Ка-

заково, Мегра, Ошта), Подпорожском районе (Шустручей), при спорадических фиксациях на этой же территории вариантов: **кб-гочи, когачи́, ка́гочи, кагачи́на**.

Калима возводит данное слово к кар. *kahats̄u* ‘тонкие, в два пальца толщиной березовые ветки, которые надевают на стожар, чтобы ветер не уносил сено’ (Калима, 1915, 98). Ср. также: ливв. *kaħač̄si* ‘связанные прутья, которые кладут на сметанный стог сена, ветреница’ (СКЯМ, 116), вепс. *kaħač* ‘связанные прутья, которые кладут на сметанный стог сена’ (СВЯ, 166), кар. сев. *kahatt̄su* ‘сплетенные верхушки ветвей, которые кладут на стог, надевая их на стожар и прижимая сено’ (ККС, 2, 3). На наш взгляд, вряд ли стоит возводить слово **ка́гачи́** к одному источнику, нельзя исключать и вепско-ливвиковское влияние (см. также: Мызников, 1995, 22). Вариант **га́гачи** в основном значении, зафиксированный в Терском районе Мурманской области (КСРГК), вероятно, можно трактовать как недавнее новообразование, определенное современными фонетическими процессами, вследствие неясности внутренней формы. В СРГК толкование этой единицы не дает понятия о реалии, ср.: **га́гачи** «срубленные тонкие березки, связанные или сплетенные вместе, которыми закрепляется сено в стогу» (Терск., Онеж., СРГК, 1, 321).

Лексема **лепун** в анализируемом значении, зафиксированная в пинежских говорах, а также на Среднем Урале (см. СРНГ, 16, 366), имеет соответствия в коми-зырянских диалектах, ср. коми удор. *ляпӧй*, *ляпей*, ижем. *ляпыш* ‘ветви, длинные хворостины, связанные вершинами и положенные на стог сена в качестве гнета (для защиты от бури, ветра)’ (ССКЗД, 131), однако непонятно место этого гнезда на почве коми языка.

Лексема **ке́гач**, имеющая единственную фиксацию в Кузранде Медвежьегорского района (ПЛГО), вероятно, является вариантом к **ка́гач**, но нельзя исключать и того, что она отражает результат влияния другого прибалтийско-финского гнезда, ср. вепс. *kego* ‘стог, скирда’, ‘гроздь рябины, нанизанные на прут для хранения зимой’ (СВЯ, 190), кар. сев., тихв. *kego* ‘стог, скирда’ (ККС, 2, 119), кар. твер. *kego* ‘стог’ (СКЯП, 93), ливв., люд. *kego* ‘стог’, при фин. *keko* ‘стог, скирда, муравейник’ (SKES, 178).

В Белозерье преобладают исконные лексемы с корнем **висл-**, которые имеют спорадические фиксации в западных новгородских и ярославских говорах по р. Сить. Наиболее частотны слова с кор-

нем **мет-**/**мёт-**, отмечаемые в Поволховье, Приладожье, Приильменье, в ловатских, гдовских говорах. Вероятно, первоначально данный материал был связан со словом **омёт** 'стог сена', в дальнейшем потерял связь с мотивирующей лексемой и стал непосредственно связываться с первообразующим глаголом **метать**.

Жердь с сучьями для сушки сена, снопов

Представленная для анализа реалия является типичным отражением специфики жизни сельского населения на территории Северо-Запада. Ближайшие земельные угодья обычно использовались под пашню, несколько отдаленные разрабатывались под подсеки, а под сенокосы брались удаленные, нередко заболоченные участки, окруженные лесом. Сушение сена в таких условиях было нелегкой задачей, поэтому получила распространение на территории Северо-Запада кладка сена с несколькими стожарами, часто суковатыми, и с большим количеством подпор удлиненной формы — **заколье**, **заколина**. Сено в **заколье** можно было складывать не полностью просушенным, поскольку в такой кладке оно продувалось ветром и не портилось. Однако в дождливое лето необходимо было ускорить процесс сушения сена, для этой цели использовались суковатые жерди (обычно из хвойных деревьев), которые втыкали в землю, и на них накладывали не полностью просохшее сено. Такого рода жерди с сучьями могли использоваться в **заколье** в качестве стожара, не меняя при этом своего наименования. Таким образом, описанная реалия, в силу хозяйственной необходимости, широко бытовала среди населения Северо-Запада.

Иногда жердь с сучьями ставилась в центр **заколья** как центральный стожар, приобретая функциональную специфику наряду с особенностями наименования. Устройство **заколья** с суковатым центральным стожаром, в основном, характерно для Обонежья, где эта реалия имеет следующие лексические манифестации: **рогáтка** — в Медвежьегорском районе (Великая Губа, Великая Нива, Космозеро, Кузаранда, Палтега, Петры, Сенная Губа, Челмужи, Шуньга), в Вытегорском районе (Мегра), в Подпорожском (Шустрочей), в Лодейнопольском (Имоченицы), а также **рогáч** — в Медвежьегорском районе (Ламбасручей), **рогáтина** — в Пудожском районе (Пяльма) по данным ПЛГО.

Лексическая манифестация анализируемой реалии довольно многообразна. Однако практически на всей обследованной территории, исключая Белозерье, Обонежье, доминирует гнездо **острѡвь** с вариантами **острѡв**, **островье**, **острѡвина**, **остроїна**, **острѡвка** исконного происхождения.

Прочие лексемы, представляющие номинацию анализируемой реалии, имеют соответствия в прибалтийско-финских языках, что позволяет рассматривать их как данные иноязычного воздействия.

Лексемы **шѡрпа**, **шорпáк**, отмеченные в Медвежьегорском, Кондопожском, Подпорожском, Вашкинском районах, фиксируются также и в других значениях: ‘один из зубьев вил’, ‘острие рыболовного крючка’. В Словаре Куликовского имеются следующие материалы: **шѡрпы**, **шорпакї** (Вытегор., Лодейноп.), **шурпакї**, **шурпачї** (Повен.) в значениях ‘колючки’, ‘сучки’, ‘зубья вил’ (Куликовский).

Калима возводит данные Куликовского к кар. *šorppa*, при люд. *t'šorpad*, кар. *tšorppa* ‘зубец, зубцы вил’ (Калима, 1915, 248). Лесков, представляя слово **шорпаки** (без удар.) ‘сучки, неровности на какой-либо поверхности’, говорит о его тождестве с кар. *šorpakko* или *šorpu* (Лесков, 1892, 102). Фасмер идет вслед за Калимой (Фасмер, 4, 468). Однако география данного гнезда, в особенности фиксация лексемы **шорпáк** в северном Белозерье, позволяет предположить доминирование влияния вепсского типа, ср. вепс. *šorp* ‘острый выступ на чем-л. (зуб, зубец, сучок и т. п.)’, ‘раздвоение копыта’, *šorpad* ‘сучки мутовки’ (СВЯ, 546), при ливв. *šorppi* ‘зуб, зубец вил, бороны’ (СКЯМ, 366), кар. *šorppa* ‘развилина, развилка, раздвоенный сук’, ‘ножка скамейки’, ‘зуб, зубец’ (KKS, 5, 488), фин. *sorppa* ‘зубец вил, мутовки, остроги’, ‘наименование орудия труда с развилкой’ (SKES, 1081). На прибалтийско-финской почве гнездо фин. *sorppa* рассматривается как исконное (SSAP, 3, 202). Не относятся сюда кар. сев. *soapra* ‘стог сена’ (KKS, 5, 454).

Лексема **шарáга**, отмечаемая в Пудожском районе (Пяльма, Песчаное), в Медвежьегорском (Загубье, Челмужи), и **шаряк**, бытующая в Подпорожском районе (Согиницы), могут сопоставляться с кар. *šoara* ‘развилка, развилина, раздвоенный сук’ (KKS, 5, 454), кар. твер. *šuara* ‘развилина, раздвоенный ствол или сук; разветвление’, *šuarakkañ* ‘развилем, в виде развилки клином’ (СКЯП, 279), ливв. *šuari* ‘развилина, раздвоенный сук’ (СКЯМ,

366), кар. тихв. *šuara* ‘развилина, раздвоенный сук’; т. е. на русской почве выделяется корневая морфема *шар[a]*-, а формант *-га* является поздним наращением либо отражением кар. *šoarakko* ‘о сучковатом дереве’, ‘о дереве с многочисленными развилинами’ (KKS, 5, 455). Лексема **шаря́к**, вероятно, также как и **шарáга**, репрезентирует ранний карельский вокализм без дифтонгоидности: **šara*, ср. фин. вост. диал. *saara* ‘развилина, раздвоенный сук’, ‘дорожная развилка’, люд. *suar*, *šoare* ‘развилка (на дереве, у дороги)’, вепс *sara*, *sarak* ‘развилина (раздвоенный ствол или сук)’, ‘развилье сохи’, ‘один из отростков рогов лося’ (СВЯ, 497).

Лексема **сóрка** распространена в Белозерье, т. е. на территории, где в апеллятивной лексике доминирует вепсское влияние, однако сходный материал не зафиксирован в вепсских источниках, при весьма вероятном его прибалтийско-финском характере, ср. фин. *sorkka* ‘развилка’, ‘зубцы мутовки, вил, мотовила, остроги’, ‘сошник сохи’, ‘зубец мотыги’, ‘ручка на рукоятке косы’ (SKES, 1079), при фин. *sorkka* ‘двупалое копыто’ (РФС, 581), кар. твер. *šorkka* ‘нога животного’, ‘пренебрежительно о ноге человека’, ‘ножка мебели, некоторых предметов утвари’ (СКЯП, 277), ливв. *šorkku* ‘нога (обычно о ноге животного)’ (СКЯМ, 341), кар. сев. *šorkka* ‘голень’, ‘о ноге человека’ (KKS, 5, 485), люд. *sork*, *sorkke* ‘часть ноги ниже колена у человека и животных’, водск. *sorged* ‘копыта, ноги животного’, эст. *sõrg* ‘то же’, ливск. *sērga* ‘расщеп копыта’ (SKES, 1079). Не исключена и возможность того, что лексема **сóрка** представляет саамский субстрат, ср. саам. кильд. *sūrre*, терск. *sīrre* ‘развилка, развилина, щель’ (KOLTKS, 535), саам. лул. *suōrrē* ‘место какой-л. развилки, развилка дорог’, саам. норв. *suorre* ‘зубцы вил’ (SKES, 47). Семантически довольно близка к русскому слову вепсская лексема *sarak* ‘развилина (раздвоенный ствол или сук)’ (СВЯ, 497), не является проблемным и различие в типе вокализма [a] — [o], поскольку в этом ареале довольно часто прибалтийско-финскому [a] соответствует русское диалектное [o], ср. вепс. *laht*, русск. **лóхта** ‘залив’. Матвеев, выделяя в топонимах топоосновы **сара**, **сора**, настаивает на их саамском происхождении (Матвеев, 1968, 123).

Лексема **ёрпа** и ее варианты **ёрпа**, **ерпя́к**, **ярпя́к**, **гёрпы** фиксируются в Посвирье и в южной части Обонежья. Фонематический вариант **терпя́к** отмечается на той же территории в Подпорожском районе (Курпово) по данным ПЛГО. Возможно сопоставить

данный материал с ливв. *häräkeh* ‘кол с недорубленными сучьями (приспособление для сушки сена)’ (СКЯМ, 86), кар. твер. *häräkeh* ‘кол с недорубленными сучьями (для устройства вешал при сушке гороха, сена); подпорка к изгороди’ (СКЯП, 65), кар. *häräkeh* ‘кол с сучьями, на который кладется сено для сушки’ (KKS, 1, 394). Однако, при сходстве семантики прибалтийско-финских лексем с русскими диалектными, смущает не полное фонетическое соответствие: кар. [к] и русск. [п], тогда как такого рода варьирование отмечается только в гдовских говорах.

Лексема **кярбус** фиксируется в Прионежском районе (Ладва) по данным ПЛГО (см. также СРНГ, 16, 210). Она имеет прямое соответствие в вепском языке, ср. вепс. *kärbuz* ‘жердь с сучками для сушки сена, снопов’ (СВЯ, 262), ср. также фин. *kärväs* ‘высохшее сучковатое дерево, используемое как подставка для просушки сетей’, эст. *kärbis, kärväs* ‘сучковатое дерево, используемое в качестве приспособления для сушки сена, гороха’ (SKES, 262). Из эстонского языка слово вошло в латышский язык, ср. латыш. *kērpas* ‘сучковатое дерево, на котором сушат горох, хлеб’, ‘вешала’ (SKES, 263). Калима, имея в распоряжение только материалы Куликовского: **кярба** «ствол срубленного нетолстого деревца с обрубками сучьев, служащий примитивной лестницей, по которой поднимаются на верх скирды (преимущественно на лесных сенокосах)» Вытегор., Лодейноп. Олон. (Куликовский; СРНГ, 16, 210), неправоммерно, на наш взгляд, относит сюда же лексемы **корбáч**, **корвáч** (Kalima, 1915, 145).

Лексемы **барáбы**, **барáбка** отмечаются в среднем течении р. Волхов, в Чудовском районе (Серебряницы) и Киришском (Клинково) по материалам ПЛГО. Кроме того, в НОС дается слово **барáбки** ‘приспособление для сушки сена, составленное из четырех палок, связанных вместе сверху’ (Чудов., НОС, 1, 32). В СРГК представлено слово **барáбка** в значении «небольшой стог сена» при иллюстрации: – *Я одна тридцать барабок (! М. С.) могла сделать. Барабку наметала, да вот плохо сохнет* (Чудов., СРГК, 1, 39). Этот факт, вероятно, можно принять за неточность в толковании. Исходя из ареала данный материал можно сопоставить с вепс. *barb* ‘ветка, сучок дерева или куста’ (СВЯ, 41), ср. также кар. твер. *barba* ‘ветка, прут, стебелек кустистого растения’ (СКЯП, 326), ливв. *barbu* ‘ветвь, прут’ (СКЯМ, 24), люд. *barb* ‘прут, ветвь’, фин. *varpa* ‘прут, ветвь’ (SKES, 1656).

Лексема **ёрча** также имеет небольшой ареал — Кондопожский район (см. СРГК, 2, 28), восходит она к карельским источникам, ср. кар. *härtša* ‘находящийся внутри бабки суковатый кол, который не позволяет снопам развалиться’ (KKS, 1, 393). Вокализм, однако, более соответствует вепс. *höč* ‘жердь с сучками для сушки сена, снопов’ (СВЯ, 142). Вероятно, сюда же относятся слова **ёрши**, **ёрши**, где [ш] появилась в результате контаминации с русск. **ёрш**, хотя нельзя исключать и процесс обратного заимствования.

Лексема **кóргáча** (вероятно мн.) имеет фиксации в Лодейнопольском районе (Тененичи): — *На коргача вешали, ветром выдувало сено*. Там же. (ПЛГО). Возможно, она представляет субстрат вепсского типа, но в настоящее время затруднительно привести сопоставимые данные.

Гнездо **рогóза** можно соотнести с материалами прибалтийско-финского происхождения, ср. вепс. *rag* ‘шест’, ‘хворостина, большой прут’ (СВЯ, 460), ливв. *ruagahaine* ‘небольшое деревце с редкими листьями или сучьями, хворостина’, *ruagi* ‘тонкая палка, прут, удилице’, ‘длинная палка, вбитая во дно озера, верхний конец которой торчит над водой’ (СКЯМ, 314), фин. диал. *raaki* ‘колодезный шест’, эст. *raag* ‘хворостина, прут; голая без листьев ветка’, ‘жердь’, ливск. *rōgēz* ‘хворостина, прут, срубленный кустарник’, водск. *raka* (pl. *ragad*) ‘хворостина’, ‘ветка хвойного дерева’, люд. *ruag* ‘удилице’, ‘тонкая ветка’, ‘заостренный кол’. Причем прибалтийско-финское гнездо — скандинавского происхождения, ср. др.-швед. *raa* ‘жердь, на которую прикрепляют ловчую сеть’, ‘рея парусного судна’, совр. швед. *rage, raga*, ‘сухое или чахлое дерево’ (SKES, 701). Если предположить метатезу первых слогов лексемы **рогóза**, то можно его также сопоставить с фин. *karahka* ‘молодая ель’, ‘ветвь молодой ели’, ‘ветка ели или вообще хвойного дерева’, ‘полузасохшая ель’, при саам. швед. *karek* ‘сук, ветка’, ‘побег, отросток’ (SKES, 161). Несмотря на неубедительную прибалтийско-финскую версию, весьма сомнительна также связь этого материала с русск. **рогóз** ‘болотное растение’ (Фасмер, 3, 490).

Лексема **шорóмы** зафиксирована в Павинском районе (Мундор Заболотный) по ПЛГО. В словаре Даля **шорóмы** трактуются как «составленные в козлы жерди для просушки в поле гороха в китинах; шиши» (Перм., Сиб., Даль, 4, 662). Калима рассматривает это слово как заимствование из коми *šoret, šorot* ‘копна

хлеба, скирда' (Калима, 1927, 50), ср. также коми луз., печор., присыктывкар., среднесысол. *сёрём*, верхневыхегод. *сёрем*, лет. *сёрром*, верхнесысол. *шёрром* 'скирд, скирда, долгая кладь сена' (ССКЗД, 334). Авторы КЭСКЯ производят коми слово из *сёр* 'перекладина' или из *сёрйыны* 'складывать', что, по их мнению, означало 'кладь, кладуха', далее сопоставляя с удм. *сюрны* 'скирдовать' (КЭСКЯ, 254). Коми-перм. *šorom* 'скирда' рассматривается как обратное русское заимствование (SYRW, 265). Слово **шоробы** и другие сходные его варианты широко представлены в говорах Урала и Сибири, ср. **шаром** 'шест с сучьями, на который мечут сырое сено, горох' (Ср. Прииртышье, ССПР, 3, 331). См. также Фасмер, 4, 467; Матвеев, 1964, 309, Аникин, 2000, 706.

Таким образом, лексическая манифестация данной реалии может быть дифференцирована на три пласта: исконный (**островь** с вариантами); прибалтийско-финского происхождения (большая часть лексем) и результат влияния коми языка (**шоробы**).

Прошлогодня некошенная трава, высохшая на корню

Неисконные материалы, которые представляют номинацию данного концепта, являются прибалтийско-финскими по происхождению. На русской почве они сводятся в гнездо **кúла** с дериватами **кúлага**, **кúлаха** и словосочетанием **старая кúла**. В словаре Куликовского зафиксированы следующие варианты: **кúла**, **кúлага**, **кúлача**, **кúлоха**, **кúлога** «прошлогодня трава, лежащая под снегом» (Куликовский, СРНГ, 16, 51, СРГК, 3, 54).

Данный материал имеет давнюю традицию этимологической интерпретации. Погодин возводит его к фин. *kulo*, ливв. *kulo* 'прошлогднее сено' (Погодин, 1904, 37). Калима предлагает карельско-ливвиковскую этимологию: кар. *kulo*, ливв. *kulo* 'прошлогдняя трава' (Kalima, 1915, 140), полагая, что дериваты возникли уже на русской почве. Новые данные по прибалтийско-финским языкам более точно передают их реальную семантику, ср. ливв. *kulo* 'прошлогдняя трава на корню' (СКЯМ, 163), вепс. *kulo* 'прошлогдняя трава' (СВЯ, 244), кар. твер. *kulu* 'сухая прошлогдняя трава' (СКЯП, 121), ижор. *kulo* 'старое сено' (IMS, 217), кар. сев. *kulo* 'о сожженной солнцем, оставшейся некошенной или слишком поздно скошенной траве' (KKS, 2, 426, 427). Авторы SKES, анализируют данный материал в контексте межъязыковых контак-

тов, принимая во внимание латыш. *kūla* ‘засохшая прошлогодняя трава’, ‘старая шерсть животного’, ‘старая шкура змеи’. Таким образом, не исключая возможности балтийского влияния, предпочтительнее следующее направления заимствования: латыш. → ливск. *kūl*, *kūl-àina*; при саам. норв. *gullo* ‘прошлогодняя трава’ из фин. (SKES, 234, 235). Авторы SSAP уже более определенно говорят о балтийской основе прибалтийско-финского гнезда, приводя в качестве соответствия латыш. *kūla* ‘высохшая прошлогодняя трава’, литов. *kūlé* ‘пожар, горение зерновых’, *kūléti* ‘пахнуть горелым’, ‘чадить’ (SKES, 1, 432). Френкель также склоняется к балтийской основе прибалтийско-финского гнезда (Fraenkel, 1, 306). Вряд ли следует сопоставлять кар. сев., ливв. *kulmoa*, *kulutua*, *kulutaa* ‘подсека, разработанная в прошлом году, а иногда несколько лет назад’, ‘пустошь, залежь, старопашенная подсека’, вепс. *kuluta* ‘поле’, где *kulu-* ‘старый, изношенный’, *tua*, *toa*, *taa* ‘земля’ (ПФГЛК, 46), и русск. диал. **кулига** ‘участок леса, расчищенный под пашню’ (СРНГ, 16, 60–61) ввиду того, что анализ такого рода данных — изолированных семантических ареалов, восходящих к иноязычным этимонам и являющихся в совокупности значений лексикографического конструкта выделяемыми гетерогенными омонимами, — возможен только на базе сплошного лингвогеографического обследования, которое позволит показать истоки русского диалектного лексико-семантического варианта, как отдельного слова, в смежных иноязычных ареалах. В противном случае возможна другая логика анализа, когда слово **кулига**, как интердиалектная единица с большим семантическим объемом, может репрезентироваться в тех или иных лексико-семантических вариантах без учета какого-либо иноязычного влияния (см. иначе: Теуш, 2003, 105).

Бессуфиксальный вариант **ку́ла** фиксируется на восточном побережье Онежского озера, в Каргополье, северном Белозерье, в окрестностях озер Воже, Кубенского, что можно рассматривать как результат влияния общеприбалтийско-финского типа. Деривационные варианты **ку́лаха**, **ку́лага** отмечаются в Посвирье, на западном побережье Онежского озера, в одном из населенных пунктов Заонежья; вероятно, форманты *-га*, *-ха* представляют специфику адаптации неисконной корневой морфемы на почве русских говоров этого ареала.

Лексема **кúлача**, бытующая в южном Прионежье (Вытегорский район), а также в Пудожском районе (Шала, Водлозеро), имеет соответствие в средневепсском диалекте, ср. вепс. шимозер. *kulačud* ‘высохшая болотная трава’ (ПЛГО).

Исконная лексика представлена большим объемом данных. Слово **нэкошь** широко распространено в новгородских говорах и далее на восток по рр. Молога, Шексна, в бассейне озер Кубенского, Воже, по р. Сухона.

Лексема **вэтошь/вётошь** фиксируется в Заонежье, Беломорье, в бассейне р. Онега, южном Белозерье, по рр. Шексна, Пинега, Сев. Двина, а также на крайнем западе обследуемого региона — в псковских говорах, при широком распространении в говорах Сибири, Урала (см. СРНГ, 4, 198, 199). Герд относит лексему **вэтошь** к словам, которые связывают говоры к югу от Пскова и прионежско-заонежские говоры (Герд, 1972, 189). Однако на макроструктуре русских говоров северно-западного региона видно, что ареал данного слова в Заонежье составляет часть маргинального севернорусского ареала, а распространение лексемы **вэтошь** в псковских говорах достаточно изолированно и малочастотно (по ПОС фиксируется только в двух районах). Таким образом, присутствие слова **вэтошь** на крайнем западе и северо-востоке обследуемого региона представляет собой тенденцию сохранения архаизмов в маргинальных ареалах и вряд ли может быть связано с миграционными перемещениями населения на северо-западе, ср. латыш. *veçs* ‘старый, престарелый, ветхий’, латин. *vetus* (Фасмер, 1, 307). Другие варианты этой лексемы не расширяют территорию ее распространения. Гнездо с конем **стар-** (**старьё, старйца, старняк**) отмечается в говорах Поволховья и Приильменья.

Приспособление, используемое для закрепления лезвия косы на рукоятке

Данная реалья бытует в регионе в двух разновидностях: в виде кольца или двух колец (**бáнка, бáнька, бáянка, шйнка**) и в виде завертки из тонкого прута черемухи, ивы, рябины и т. п. или полоски жести, листового железа, проволоки. Следует отметить, что в настоящее время преобладают металлические материалы. Однако, поскольку обе эти разновидности в функциональном плане

представляют одно и то же приспособление, было решено для лингвогеографического обследования объединить их в один концепт.

Выделяется Обонежье как ареал с несколькими синонимами, восходящими к вепсскому влиянию, однако на уровне микроговоров синонимы территориально разводятся. **Кя́рега** фиксируется в Посвирье (Подпорожский район: Усланка, Курпово, Шустручей); **тя́рега** отмечается в Вытегорском районе (Казаково, Мегра); **ни́дега** бытует также в Вытегорском районе, но севернее (Анхимово); **и́нега** — там же (Тудозеро, Макачево, Андома, Самино). **Ня́рега** фиксируется вблизи Онежского озера — Подпорожский район (Шустручей); **лу́дега** представлено в словаре Куликовского в Петрозаводском уезде (ныне Прионежский район). Варианты **кя́рега** и **тя́рега** восходят к вепс. *käreg* ‘завязка, завертка’ (СВЯ, 253). Лексемы **ни́дега** и **и́нега** имеют в качестве соответствий люд. *nīteh* ‘завязка, которой привязывают косу к ручке’, ливв. *nīve* (ген. *nīdien*) ‘завязка’, при фин. *nide* ‘завязка, перевязь’, эст. *nīdu*, *nīde* ‘завязка, прут’ (SKES, 386), ижор. *nīte* ‘завязка, которой лезвие косы прикрепляют к ручке’ (IMS, 342; SSAP, 2, 225). Рут фиксирует также вариант **ми́дега** в н. п. Анхимово Вытегорского района (Рут, 1981). Судя по ареалу, все они восходят к вепским источникам. Однако вряд ли правы авторы SKES, помещая вепсский глагол *vicioida* ‘закреплять косу на рукоятке в прибалтийско-финское гнездо *nītoa*, *nīkoa* (SKES, 383), поскольку вепсский материал в данном случае восходит к русск. **вить**. Вероятно, можно возвести слово **ни́дега** к вепс. **nīdeh*, хотя такая форма и не зафиксирована словарями, но легко реконструируется.

Слово **ня́рега** также отмечается на территории, где доминирует вепсское влияние и восстанавливается этимон вепс. **näreh*, при фин. *näre* ‘молодая небольшая ель’, фин. диал. ‘ель вообще’, ‘росток, побег ели или сосны’, ‘маленькая чахлая ель или сосна’, ливв. *näre* ‘маленькая растущая ель’, люд. *näre* ‘молодая ель’ (SKES, 414), кар. сев. *näre*, кар. твер. *näre* ‘молодая ель’ (KKS, 3, 579). Сохранившееся в ливв. *nāreh* ‘молодая сосна’ является, скорее всего, результатом вепсского влияния в прошлом (SKES, 414). Точно так же лексема **лу́дега**, исходя из ареала — Петрозаводский уезд (Куликовский), может быть возведена к вепс. **lūdeh*, при люд. *lūda*, *lūde* ‘завязка косы, полоска бересты’, кар. *lūda* ‘завязка из гибкого прута для прикрепления лезвия косы, связывания веника’ (SKES, 315; KKS, 3, 190).

Лексема **са́рга**, распространенная на обширной территории от говоров Новгородской области (Батецкий район) до печорских говоров, в обследуемом регионе представляет собой прибалтийско-финский субстрат общего типа, ср. фин. *sarja* ‘ряд’, *sarka* ‘полоска бересты’, вепс. *sarg* ‘полоска, продолговатый кусок чего-л.’, люд. *sard*’ (см. также Kalima, 1915, 214). Причем коми *sargi* ‘завязка, которой лезвие косы прикрепляют к ручке’, по мнению авторов SKES, заимствовано из русского языка (SKES, 976).

Лексема **па́йка**, зафиксированная в Тихвинском районе, вероятно, отражает влияние языка тихвинских карел, ср. кар. твер. *raju* ‘вязка, нахлестка, скрепляющая концы грядок в телеге’ (СКЯП, 197), хотя на общеприбалтийско-финской почве эта единица имеет семантику ‘ива’, ср. фин., кар. *raju* (SKES, 465). Однако нельзя исключать и исконность происхождения этого слова.

Лексема **ши́нка**, по-видимому, связана с общеприбалтийско-финским **шина** ‘резиновый или железный обод колеса’, первоначально ‘железный обруч на ободу колеса’, которое было заимствовано из нем. *schiene* ‘шина, рельс, лубок’ (Черных, 2, 411, 412; Фасмер, 4, 438). Старое значение сохранилось в кар. твер. *šina* ‘обод колеса телеги, подрез санного полоза’ (СКЯП, 271).

Варианты **ба́нка**, **ба́нька** локализируются преимущественно в западной части обследованного региона — в псковских говорах, спорадически — в говорах Вологодской области (Устюженский, Вологодский районы). По данным СРНГ, **ба́нька** ‘железное кольцо, которым коса прикрепляется к рукоятке’ отмечается в смоленских, брянских, курских, орловских говорах (СРНГ, 2, 97), **банка** в том же значении — в Осташковском уезде Тверской губернии и в русских старожильческих говорах Прибалтики (СРНГ, 2, 94). Кроме того, фиксируется на белорусской почве **ба́нька** «кольцо железное или медное у збури, калитки и на других местах или надеваемое на что-л. для прикрепления»: — *Банька от косы* (Носович, 1878, 15). Первая фиксация лексемы **банька** ‘кольцо, которым прикрепляют косу к рукоятке’ относится к XVII веку: — *Куплено в Торошку пятнадцать кос... дватцать банек косных*. Кн. Иверск. монаст. 1665 (СлРЯ XI–XVII вв., 1, 70). Данное слово в ЭССЯ рассматривается в статье **банька* / *банька* в сопоставлении с **банка** ‘сосуд’ (ЭССЯ, 1, 152). П. Я. Черных сводит лексемы **банка** ‘стеклянный, металлический или из иного материала сосуд, чаще цилиндрической формы, с широким входным отверстием’ и **банька** ‘железное

кольцо, которым коса прикрепляется к косовищу' в одно гнездо (Черных, 1, 70). И хотя по СРГК лексема **банка** фиксируется в Подпорожском районе (вероятно, результат поздних миграций в этот регион), вряд ли в данном случае следует говорить о финно-угорском воздействии, хотя ср. кар. *panka* 'ручка, дужка из лозы, веревки', ливв. *paņģi* 'обруч мерды или рюжи' (SKES, 481, 482).

§ 15. Лексика прядения, ткачества

Лексика ткачества занимает важное место в народной промысловой терминологии. В русских говорах Северо-Запада доминируют наименования славянской природы (см.: Лебедева, 1956; Зеленин, 1991). Исследование данной тематической группы по лингвогеографической программе было затруднено тем, что практическое использование ткацкого стана ушло в прошлое, нечасто при полевой работе можно было его увидеть в собранном виде. Поэтому сбор лексических данных не всегда был успешен — для получения каких-либо сведений требовался информант, который занимался бы ткачеством сам либо наблюдал за этим процессом в молодом возрасте.

В Программе ЛАРНГ имеется раздел «Обработка льна, конопля. Прядение. Ткачество» (Программа ЛАРНГ. Часть первая. СПб., 1994, 173–189). Данная программа нацелена на получение данных, представляющих лингвогеографический интерес и в ней имеется 73 вопроса. Вопросы, нацеленные на получение неисконного материала, не могли быть многочисленными. Говоря о языковом взаимодействии в рамках данной тематической группы, следует отметить русское влияние на прибалтийско-финские языки, ср. вепс. *stavad*, *stounicad* 'ткацкий станок' (СВЯ, 522), *värtin* 'веретено' (СВЯ, 647), люд. *bird*, ливв. *pirdu* 'бердо' (Тароева, 1965, 56; СКЯМ, 269), при тождестве или сходстве процесса ткачества и реалий, в нем задействованных. Исходя из изложенного выше, совершенно естественно предположить минимальное участие неисконного лексического материала в терминологии ткачества в русских говорах Северо-Запада. В качестве сопутствующих сведений, не привлекаемых к лингвогеографическому анализу ввиду единичности фиксаций неисконных данных и доминирования исконных, можно привести только одну единицу — **пйзанка** 'тонкая палочка, вставляемая с закрепленной на ней нитью в вал ткацкого станка,

на который навиваются нити основы' Вытегор. (КСРГК; СРГК, 4, 506) — восходящую, вероятно, к вепс. *pizait* 'щепка' (СВЯ, 421).

Таким образом, для выявления неисконных данных по анализируемой тематической группе, было оставлено только два вопроса (в Программе ЛАРНГ они отсутствуют), лексическая манифестация которых позволяет проследить различные типы субстрата. Один из этих вопросов относится к наименованиям частей ткацкого стана: Как называются две дощечки в ткацком стане, с помощью которых образуется зев продольных нитей основы? Другой — к наименованиям приспособлений, используемых при перематывании пряжи в ходе подготовки стана к ткани: Как называется приспособление для перематывания пряжи в виде полого цилиндра, насаживаемого на ось?

Обработка шерсти в Программе ЛАРНГ представлена в разделе «Валяльное дело» (23 вопроса). Для наших целей был эмпирически выявлен один вопрос: чесать, пушить шерсть.

Две дощечки в ткацком стане, с помощью которых образуется зев продольных нитей основы

Лексическая манифестация для узко специальной реалии не слишком разнообразна, ограничивается тремя этимологическими рядами. В настоящее время уже довольно редко ткуют в домашних условиях, поэтому не во всех обследованных населенных пунктах удавалось получать необходимые сведения. Ткачество русских, карел и вепсов, как по нашим данным, так и по выводам этнографических источников, не имело серьезных различий (Логинов, 1993, 61; Тароева, 1965, 145). И хотя наименования частей ткацкого стана в основном имеют славянские корни, анализируемая реалия представлена лексемами, в том числе, и неисконного происхождения.

Наиболее важен для нас ряд **ла́сты**, **ла́стеги**, **ла́стежки**, **ла́стень** (имеет только единственную фиксацию в Медвежьегорском районе). Все слова по данным ПЛГО чаще всего фиксировались в pl. tantum, исключая лексему **лостѣйна**, однако в других значениях они могут иметь форму ед. числа. Одно из основных значений единиц **ла́ста**, **ла́стега** — 'дранка', реализуемое далее в производной семантике 'материал для обивки лодок', 'сосновая дранка, используемая для плетения корзин'. Данные материалы уже рас-

смаатривались в этимологической литературе, но на основе данных XIX века. Ср. у Даля: «**Лост**, **лость** или **лос**, сарга, треска, лучина, тонкая дранка, пришиваемая лошильными скобами по конопати, снаружи, к пазам речных судов. **Лóстить** лодку, **ластить**, **лощить**, подшивать **лось**» (Даль, 2, 273). «**Ластить** лодку, вост. **лостить**, **лощить**, **залащивать**, покрывать конопачение и смоленые пазы дранкой, лучиной, рейками, **лосью**, прибывая ее **ластильными**, **лошильными** скобами, железными скобами, железными скобочками, с расплющенной серединою и гвоздеватыми кончиками. **Ластиться**, быть залащиваему. **Заластить** пазы. **Выластить** лодку. **Ласт**, припас для **лащенья** судов, **лост**, рейки, лучина и скобки» (Даль, 2, 243). Материалы Даля в своей основе восходя к данным Опыта, ср.: «**Ласт** — материал для лащения судов. Астрах. **Ластить**. Покрывать обшивки судна тонкими дранками и приколачивать сверху небольшими скобками, чтобы не вываливалась пеньковая конопать. Астрах. **Ластильный**. Употребляется при лащении. **Ластильная** скоба. Астрах.»

Калима, основываясь на данных словарей Даля и Куликовского, предлагает ливвиковскую этимологию, ср. ливв. *lasta* 'дранка, планка', при фин. *lasta* 'то же' (Калима, 1915, 150). Сюда же относит люд. *laštikot* 'планки в ткацком станке', вепс. *laštikod* 'лучины, из которых изготовляют корзины' (Калима, 1915, там же). Впервые дал этимологию анализируемого материала в рассматриваемом нами значении Лесков, отнесший зафиксированную им лексему **ластежка** «дранки, полагаемые между нитками в ткацком станке» к кар. *lasta*, *lašte* 'широкая тонкая лучина, из которой делают корзины и сиденья в дровнях', кар. *lastu* 'щепка' (Лесков, 1892, 100). Фасмер разводит **ласт** «материал для обивки лодок» и **ластега** «деталь ткацкого станка», последнее возводя к люд. (см. выше) (Фасмер, 2, 463). Исходя из более обширных данных прибалтийско-финских языков, возможно говорить о вепско-обшекарельском источнике слова **ласта** со сходным объемом семантики, ср. вепс. *last* 'расколотое полено для лучины', 'лучина для изготовления корзин', 'лучины при тканье, чтобы нити основы не перекрещивались' (СВЯ, 278), кар. твер. *lašta* 'одна из двух планок в ткацком станке' (СКЯП. 132), ливв. *lastu* 'щепа, щепка', 'лучина для узорного тканья' (СКЯМ, 179), см. также KKS, 3, 31; ср., кроме того, эст. диал. *last* 'деревянный стержень, соединяющий ось телеги', ливск. *laštá* 'отвал плуга', водск. *lassa* 'бердо'

(SKES, 278), водск. *lassu* ‘щепка’ (VKMS, 142), ижор. *lastu* ‘щепка, лучина’ (IMS, 251). Таким образом, лексемы **ла́сты**, **ла́стеги** с дериватами, зафиксированные в Обонежье, Поонежье, Подвинье, образуют ареал вепско-карельского субстратного типа. Варианты **ло́сты**, **ло́стина** этимологически представляют тот же субстратный тип, опосредованный фонетической адаптацией смежных русских говоров с огублением [a] > [o] (см. об этом Матвеев, 1968, 121–126), причем их основной ареал расположен в Белозерье и примыкающих к нему районах.

Русское **лучи́нки** фиксируется в новгородских говорах, а также в Вельском районе. См. также СРНГ: **лучи́нки** «деталь ткацкого станка; две поперечные планки, вплетенные в основу для того, чтобы нитяницы не поднимали и не опускали нитей основы по всей длине ткацкого стана, а только на небольшой длине» (Вельск. Арх., Зимин, 1957, СРНГ, 17, 211).

Ряд данных **це́ны** с дериватами и фонетическими вариантами образует ареал, являющийся частью общеславянского, ср. белорус. **цыны́** ‘дощечки, разделяющие нити основы на верхнюю и нижнюю части’ (Зеленин, 1991, 195); чешские, словацкие, польские, украинские данные приводятся Чумаковой (Чумакова, 1959, КСРНГ). Даль, представляя лексемы **цен**, **це́на́**, полагает, что «коренное значение этого слова утрачено, оно, должно быть, означало: ряд, ряска, порядок, слой, пучек; ныне: каждый из двух рядов основы, образующих на ткацком стану зев» (Даль, 4, 596). Следует подчеркнуть, что рассматриваемые данные широко представлены на русской территории, ср.: **це́на́** ‘одна из двух связанных друг с другом деревянных планок, разделяющих два ряда основы в ткацком стане’ (Моск., Иванова, 1969); **це́нка** ‘тонкая дощечка в кроснах, которой разделены нити основы, образуя зев’ (Новосиб., СРНГО); **це́нки** ‘две дощечки в ткацком станке, разделяющие основу пополам’ (Кемер., Том., ССО); **це́нка**: – *Ценки как палочки, подвид лучинок; не одна ценка, их много. Если их не будет, не будет и зева.* Соликам. Перм. (Беляева, 1973). По сведениям Михайловой, **це́новки** ‘две щепки, обвязанные ниткой’ отмечаются в псковских говорах (Михайлова, 1969, КСРНГ), так же как и **це́новá** ‘две дощечки, связанные в одном месте друг с другом, употребляются для разделения нитей основы’ (Большакова, КСРНГ). Махек, рассматривая чеш., словац. и польск. соответствия, считает их заимствованиями из средневерхненем. *schin* (Machek, 1968).

Чумакова сводит свою версию к идее Даля о первичном значении слова (см. выше), а укр. *шинки* ‘дощечки, делящие основу’ — к немецкому, но более позднему источнику (Чумакова, 1959). На наших данных была предпринята попытка проследить ареальную дистрибуцию начальных [ц] и [ч] в указанных лексемх. В новгородских говорах представлен их смешанный ареал, с доминированием «цокающего» варианта на всей обследованной территории.

На востоке исследуемого региона фиксируются данные, отражающие влияние коми языка: **зелі́нка** ‘одна из параллельных планок для разделения ниток основы в ткацком станке’ (Перм., Урал, Ср. Урал, СРНГ, 11, 252), ср. также **зелі́нка** ‘тонкая узкая деревянная пластинка’ (Ярен. Волог., СРНГ, 11, 252), **жели́нки** ‘части домашнего ткацкого станка’ (Матвеев, 1959, 57), **зелы́** ‘прутья’, ‘дощечки, из которых собираются кадки’ (Урал, Удм. АССР, СРНГ, 11, 253), **зэ́лье** ‘прутья, тонкие палки, рейки и т. п. (употребляются для плетения заповров, ловушек для рыбы, для разделения нитей основы при тканье)’ (Том., 1863, СРНГ, 11, 254). Следует отметить, что лексемы **зелі́нка** и **зело́к**, зафиксированные в основном на Урале, являются полисемантическими единицами (см. СРНГ, 11, 252, 253). В Ленском районе проявляется их номинация, являющаяся основной на Урале для дранки, прута и т. п., входящая в это гнездо и представляющая результат влияния коми языка: коми *дзал*, *дзев* ‘парные деревянные пластинки для регулирования зева при тканье’ (ССКЗД, 102), ср. также коми *дзав* ‘дранка, дрань, планка, линейка, продеваемая между парными нитями основы’, коми-язв. *ž’al* ‘узкая деревянная пластина (ткацкая принадлежность)’, коми вым., удор. *дзав*, коми луз. *дзал* ‘шпулька для наматывания пряжи’, при первоначальном значении в коми языке ‘планка, дрань’ (КЭСКЯ, 89). Матвеев рассматривает эти материалы как старое заимствование, восходящее к эловому коми-язв. диалекту, с переходом [a] в [э] в процессе фонетической адаптации (Матвеев, 1959, 24). Лексема **жели́нки** относится к обско-угорским заимствованиям, ср. манс *saylä*, хант. *sagël* ‘планка, прут’ (КЭСКЯ, 89; Матвеев, 1959, 58; Аникин, 2000, 211).

Таким образом, лексическая манифестация анализируемой реалии представлена данными прибалтийско-финского происхождения вепско-карельского типа с устойчивым, достаточно широким ареалом (**ла́сты** с вариантами); зоной специфической адаптации вепских источников (**ло́сты**, **лості́на**); точечным ареалом с

влиянием коми языка, представляющим западную маргинальную часть обширного ареала, расположенного восточнее, вне обследуемого региона (**зелінки**); славянские манифестации дистрибуированы в новгородских, ярославских, костромских говорах (**цѣнки** с вариантами); собственно русские данные имеют основной ареал также в новгородских говорах.

Приспособление для перематывания пряжи, ниток в виде полого цилиндра, насаживаемого на ось

Лингвогеографическому обследованию подлежали лексемы, обозначающие сходные реалии — приспособление для перематывания пряжи, ниток с вороб. Доминируют в регионе материалы **тјорік** / **тјурік**, преимущественно занимающие его северно-восточную часть. Бурнашев для варианта **турик** дает следующее описание: «пустой деревянный цилиндр, длиною вершков 8, выгнутый из осинового дерева и имеющий в диаметре вершков 7, с укрепленными внутри его крестообразно, с обоих краев двумя брусочками, в середине которых просверлены дырочки, чтобы турик мог быть надет на ось и вертелся бы на ней как колесо». В словаре Даля представлено несколько вариантов: «**тјорік**, вост. и сиб. **тюрјак**, **тюрјачёк**, **турјачка** и арх. **турачек**, мотушка, кубышка (лубочная, гнутая или душлянка) на оси, которую быстро вертят, погоняя ладонью, и наматывая на нее пряжу с воробьев» (Даль, 4, 463). Фасмер рассматривает лексему **тюрік** как единицу неясного происхождения (Фасмер, 4, 137). Имеется, однако, сходный прибалтийско-финский материал, ср. вепс. *torvik*, *turik* 'вьюшка, на которую наматывается пряжа с воробов' (СВЯ, 578, 585), вепс. южн. *tord* 'приспособление для наматывания ниток, выдолбленное из осинового обрезка бревна'. Причем прибалтийско-финский материал дифференцирован на два лексико-семантических ряда, ср. фин. *torvi* 'труба, трубка, горн' (ФРС, 651), фин. диал. *torvikko* 'деревянная посуда', 'кулек, трубообразный сверток (полотна, бересты и т. п.)' (SKES, 1537), ливв. *torvi* 'рожок', 'рулон полотна' (СКЯМ, 385), кар. твер. *torvi* 'постав, рулон полотна', 'пастушья труба, рожок' (СКЯП, 301), ижор. *torvi* 'рожок, горн (во флотском оркестре)' (IMS, 593), водск. *toro* 'труба' (VKMS, 343), эст. диал. *tõri*, *tõrv* 'деревянный пастуший рожок' (SKES, 1358), — где

в основе лежит ‘труба, трубка, рожок’ — значения, вероятно, являющиеся вторичными. И ряд, в котором доминирует семантика — ‘приспособление для наматывания пряжи’, отмеченная в вепсских (см. выше), в финских диалектах, ср. фин. диал. *tuurikka* ‘рама, на которую перематывают нити основы’ (SKES, 1442), кар. твер. *tuurikka* ‘тюрик, катушка для наматывания пряжи с воробов’ (СКЯП, 311), кар. сев. *tuurikka* ‘катушка ниток’ (SKES, 1442), при сходных данных коми языка, ср. коми верхнесысол., вым., нижневычегод. *тюрик* ‘катушка для ниток’, удор. *турак* ‘вьюшка, приспособление для разматывания пряжи’, ижем. *тюречка* ‘катушка для ниток’, при том что в коми языке для лексемы *тюрук* зафиксировано значение ‘тюк’: *дõра тюрук* ‘тюк холста’ (КЭСКЯ, 294). В коми языке это гнездо рассматривается как производное от глагола, ср. коми *тюрны* ‘катиться’ (КЭСКЯ, 294), при сходных вепсских данных, ср. вепс. *turuda* ‘катиться’ (СВЯ, 585). Авторы SKES прибалтийско-финское гнездо: фин. *tuurikka*, карелофин. *tuuritella* ‘мотать, наматывать’ и другие карельско-вепсские материалы с корневым вокализмом [u] (см. выше), возводят к русскому диалектному влиянию, а данные русских говоров, в свою очередь, — к влиянию коми языка (SKES, 1442). Аникин, анализируя в основном сибирские русские материалы, предполагает, что источник коми слов *тюрик*, *тюрюк* — в русском языке, а русские данные восходят, по его мнению, к источникам тюркского типа, ср. алт. *tür-*, татар. *tör-* ‘скручивать, сворачивать’ (ЭСТЯ, 1980, 319–320; Аникин, 2000, 578). Однако фиксация русских диалектных данных преимущественно в севернорусском регионе ставит под сомнение источник тюркского типа, как единственно возможный. Хотя, безусловно, ряд диалектных данных севернорусского ареала и смежных территорий представляют первичный источник тюркского типа: **тю́рик** ‘кулек, пакет’ (Волог., 1896. Киров., Коми АССР, Яросл., Костром., Холмог. Арх., КСРНГ), **ту́рик** ‘кулек, пакет’ (Мещов. Калуж., Борович. Новг., КСРНГ), **тю́рик** ‘головная повязка крестьянских девок, имеющая вид колпака’ (Волог., Доп. Опыт), **тю́рик**, **тю́ричók** ‘женская прическа в виде собранных на затылке и заколотых волос’ (Онеж. Арх., КСРГК), **тю́рик** ‘редька’, ‘репа’ (Онеж. Арх., КСРГК), ср. тюрк. *türük*, турец. *dürük* ‘сверток, свиток’ (Фасмер, 4, 137; Шипова, 340). В русских говорах имеются также материалы более соответствующие источникам тюркского типа: **тю́рюк** ‘сумка из писчей бумаги, какие дела-

ют школьники' (Костром.), 'мешок или вообще сума' (Нижегор.), 'колпак мешком, надеваемый на преступника при смертной казни' (Даль). Однако семантически они представляют материалы, которые не относятся к рассматриваемым данным. Действительно, значение 'кулек, пакет' и лексика с подобной семантической реализацией представляет тюркский этимологический тип, тогда как сходные значения можно трактовать по-разному. Так, например, **тюрик** 'женская прическа и т. д.' можно трактовать как метафорический перенос, но более вероятно то, что эта единица является гетерогенным омонимом прибалтийско-финского типа, ср. фин. *tuuru, tuurika, tuurake* 'взломаченные волосы', причем на финской почве это гнездо рассматривается как исконное (SKES, 1443). Сюда же относится ливв. *tuwrupiä* 'растрепанная голова' (СКЯМ, 395).

Рассматривая ареальную дистрибуцию лексем с корнем **тур-** / **тур-**, следует отметить, что единицы с различным типом вокализма не образуют ареалов с четкими границами, причем в говорах Архангельской области они сосуществуют на равных, без выделения доминирующего типа, более всего это относится к лексемам **тюрик/турик**. Вероятно, принимая финно-угорскую версию их происхождения, можно говорить о вторичности данных с корнем **тур-**, бытование которых в русских говорах связано с позднейшим прибалтийско-финским влиянием. Прибалтийско-финское *torvik* вполне могло быть первоисточником, исходя из следующих соображений. Согласный [v] после [r] мог выпасть, ср. фин. *tarvis* 'нужда, потребность' (ФРС, 631) и вепс. *tariž* 'нужно, необходимо' (СВЯ, 561), т. е. *torvik* — **torik*. Несоответствие в типе вокализма, прибалтийско-финское [o] и русское [y], вполне преодолимо, ср. вепс. *lodo* 'мель в озере, реке' (СВЯ, 295) и русск. **лúда** с тем же значением.

Поэтому коми *турак* вряд ли следует относить к исконным единицам на почве коми языка, хотя варианты **турачка**, **турашка**, судя по ареалу, являются результатом влияния данного языка. Саамские же материалы, ср. саам. *turaškA* 'катушка ниток', скорее всего, — русского происхождения.

Таким образом, для рассмотренных данных с корнем **тур-** / **тур-** более предпочтительна финно-угорская этимологическая версия.

В новгородских, тверских, ярославских говорах доминирует лексема **порочка**, вероятно, исконного происхождения, см. также СРНГ, 30, 84, 85.

Лексемы **тру́бица**, **тру́бка** преимущественно фиксируются в вологодских, костромских говорах. Удмуртское *турбича* ‘приспособление для разматывания пряжи’ (УРС, 296) является русским заимствованием.

Чесать, пушить шерсть

Актуальность данного концепта в трудовой жизни русского сельского населения не подлежит сомнению. Обычно шерсть сначала отмывали, просушивали, а затем вычесывали между двух щеток с железными шпильками, которые назывались: **щети**, **щетки**, **чесалки**, **карды**, **карзы**, **карзалки**, **каржины**. Для наименования действия по такой обработке шерсти использовался ряд глаголов. Наиболее употребительный среди них — **чесать**, который в силу общенародного характера и высокой частотности из перечня анализируемого материала исключается. Представленный материал дифференцируется на три субстратных пласта; первый — лексемы **ка́ртать**, **ка́ртить**, **ко́ртить**, **ка́рдать** — карельского происхождения, ср. кар. *kartata* ‘чесать шерсть’, ливв. *kartata* ‘чесать на щетках шерсть’; второй — слова **ка́рза́ть**, **ка́рзить**, **карзика́ть**, **ка́ржить** — результат балтийского влияния, ср. латыш. *kārst* ‘чесать шерсть’, литов. *karšti* ‘чесать шерсть, лен, чистить скребницей лошадь’ (SKES, 166); третий — глаголы **шй́нгать**, **шй́ньгать**, **шинговáть**, **шинковать**, **расшингивать** — относится к вепско-карельскому воздействию, ср. вепс. *šingotada* ‘щипать, пушить шерсть’, кар. твер. *šinguttua* ‘бить, пушить шерсть’. Глаголы с корнем **карт-** (**корт-**, **кард-**) нередко фиксируются в одном районе. Этимология глаголов группы **кардать** и **карзать** сближается на общеиндоевропейском уровне, в карельско-финских диалектах слово *kartata* — скандинавского происхождения, ср. швед. *karda*. В Валдайском районе отмечается вариант **ка́ржать**, что, вероятно, связано с влиянием языка тверских карел, где фиксируется переход [z] > [ž]. В ареале, где сосуществуют два гетерогенных глаголомонима **ка́рзать** ‘обрубить сучья’ и **ка́рзать** ‘чесать шерсть’, — в Солецком районе — концепт ‘чесать шерсть’ представлен лексемой **тарза́ть**. Глагол **шй́нгать**, **шй́ньгать** полисемантичен и в разных значениях представлен практически на всей территории северо-западной диалектной зоны, а также в русских говорах Урала и Сибири. Однако в заданном концептом значении его ареал гораз-

до уже, это, в основном, Белозерье, Прионежье, Каргополье, говоры севера Новгородской области, по р. Северная Двина. Таким образом, балтийский субстрат представлен в Приильменье, Поволховье, Причудье, несколько южнее Приладожья, а прибалтийско-финский субстрат имеет более широкий ареал.

§ 16. Рыболовецкая лексика

Общеизвестно, что в рыболовецкой лексике неисконные материалы имеют довольно большой удельный вес. В Беломорье Воронова отмечает следующие прибалтийско-финские единицы: **гáрва** ‘ставная крупноячейная сеть для лова семги’, **кáлега** ‘небольшой невод’, **рiнда** ‘первая от мотни часть крыльев тяглогового невода с частой ячейей’, **чúпа**, **чúппа** ‘узкий конец мотни невода’, **кот-колúкса** ‘часть крыльев озерного невода с крупной ячейей’, **юнда** ‘сеть для ловли белух’, ‘ряд сетей’, **си́ма** ‘тонкая веревочка, леска в горле мережи’, **éмега** ‘шов в рыболовных снастях’. Для различных видов поплавков употребляются следующие наименования: **лóвда**, **кiбрик**, **кúбас**; для наименования грузел используются **кiбас**, **пúнда** (Воронова, 1968, 142–156). В Белозерье также фиксируется немало лексики, сходной с беломорской, и автохтонной белозерской (Андреева, 1984, 84–94). Исследования материалов ПЛГО и данные новых лексикографических источников предоставляют сведения, которые расширяют наши знания о данной тематической группе, особенно это относится к богатейшей картотеке СРГК и самому словарю, существующему уже в 5-ти томах и вводящему в широкий научный обиход ценные сведения. К уже известным материалам в 1-м томе СРГК добавляется лексема **вэйга** «время дня, наиболее удачное для лова рыбы»: – *Примечают, что рыба лучше всего по вейгам идет, это в семь утра, значит, в два часа и в пять вечера, вейга — так время называется* (Медвежьегорский район). Данное слово явно соотносится с вепс. *eig* ‘время’ (шимозерский диалект), при *aig* в других диалектах (СВЯ, 23); материалы других языков не соотносятся по типу вокализма, ср. фин. *aika*, кар. *aiga*, люд. *aig*, ливск. *àiga*, саам. норв. *ai'ge* ‘время’ (SKES, 8). Исходя из семантики прибалтийско-финского слова и иллюстрации, вероятно, можно уточнить толкование, представленное в словаре, которое, скорее всего, сходно с семантикой вепсского этимона, но узко по сфере употребления — речь рыбаков⁵⁴.

⁵⁴Если только данная единица не является проникновением.

Данная тема наиболее сложна для полевого лингвогеографического обследования. Не всякий информант, являющийся носителем того или иного говора, может квалифицированно дать нужную информацию. Кроме того, наличие тех или иных рыболовных снастей, а следовательно, и лексических манифестаций, их репрезентирующих, зависит от величины водоема или его типа: ручей, река, небольшое лесное озеро, большое озеро, море. Понимая, что специфика рыболовецкой лексики, в первую очередь, будет сориентирована на определенный водоем, сетка сбора полевых данных этой группы была построена таким образом, чтобы охватить населенные пункты, находящиеся в прибрежной зоне и в которых рыболовство было основной сферой хозяйственной жизни. Нами были обследованы населенные пункты на Белом море, Онежском озере, Выгозере, Водлозере, Кенозере, озере Ильмень, Белом озере, озере Лаче, Кубенском озере, а также на всех крупных реках региона: на Волхове, Мсте, Шексне, Сухоне, Пинеге, Свири. Не попало в сферу нашего внимания озеро Селигер, хотя там и присутствует прибалтийско-финский элемент в рыболовецкой лексике, ср.: **макса** 'рыбьи молоки' (Озерцовский, 1817, 181), **луда** 'место лова рыбы' (Меркулов, 2001, 176–185). В Программе ЛАРНГ имеется 94 вопроса, большей частью сориентированных на севернорусские способы и приемы рыболовства (Программа ЛАРНГ, 1994, 195–206).

Для выявления неисконной лексики были выбраны следующие вопросы:

1. Рыболовная снасть, сплетенная из прутьев, дранки и т. п. в виде вытянутой круглой корзины с воронкообразным отверстием.
2. Мотня невода.
3. Сеть с крупной ячеей.
4. Колотушка для глушения рыбы подо льдом.
5. Приспособление в виде решетки, подставки для огня, прикрепляемое к носу лодки при ночном лове рыбы острогой.

Наименования рыболовной снасти из ивовых прутьев

Рыболовные снасти в виде плетеных из прутьев ловушек с одним горлом распространены повсеместно на территории Северо-Запада, что делало довольно легкой задачу сбора лексических данных, репрезентирующих манифестацию данной реалии. Традиционно такого рода ловушки изготавливались из ивовых прутьев, но могли делаться (реже) из тонкой дранки, а в последнее время — из алюминиевой проволоки. В первой половине XX века, когда еще сохранялся традиционный вид ловли с помощью рыболовных заколов, верши устанавливались в их проемы. В последнее время, ввиду отсутствия такого способа рыбной ловли, верши устанавливаются вне всякого рода сооружений. Следует отметить, что обычно верши используются на небольших водоемах. Кроме того, довольно близкая по устройству, но более совершенная мережа — рыболовная снасть, изготовленная из деревянных обручей, обтянутых сетевым полотном с крыльями и несколькими горлами — может иметь сходную лексическую манифестацию; такие данные не являются предметом нашего анализа. В некоторых случаях, при сохранении формы и внутреннего устройства, верши изготавливались из ниток на деревянных каркасных кольцах. Поскольку обычно в этих населенных пунктах сохранялась традиционная верша из прутьев, такая вариативность реалии нами рассматривалась как несущественная, а отсутствие ареально значимых дифференциаций по материалу изготовления не позволило представить данный ареал на этнолингвистической карте. Безусловно, на столь обширной территории форма верши и ее некоторые детали имеют различия, которые, однако, не влияют на лингвистические характеристики описания концепта и поэтому не учитываются.

Один из важных ареалов прибалтийско-финского воздействия образует лексема **мёрда**, фиксируемая в Обонежье, Посвирье, Каргополье, устье р. Онеги. В Словаре Куликовского представлено детальное описание реалии: «Делаются мерды из ивовых прутьев, переплетенных между собою и укрепленных на поперечных еловых обручах. Лов производится весной и зимой, причем снаряд ставится близ берега реки или озера» (Пудож., Куликовский). Первые фиксации слова **мерда** относятся к 15 веку: «... *рыбные ловли на рѣке Водль, въ порогъ на Мневць 25 мердъ, а ловятъ... крестьяне на себя*» (Писцовые книги, 1496 — Акты историч., 3, 71);

мерда ‘рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев’ (Кн. п. Обон. пят. 1563, СлРЯ XI–XVII вв., 9, 95). Исторические данные также относятся к территории Обонежья. Исходя из материалов прибалтийско-финских языков, можно говорить об их непосредственном влиянии, ср. ливв. *merdu* ‘мережа, мерда, верша из прутьев или сети’ (СКЯМ, 205), кар. твер. *merda* ‘мережа, верша из сетки или прутьев’ (СКЯП, 158), кар. тихв. *merda*, кар. валд. *merda*, кар. сев. *merta* ‘верша (обычно из прутьев)’ (KKS, 3, 293), люд. *merd*, водск. *mêrta*, эст. *mõrd*, ливск. *müürda*, *mīrda* (SKES, 341), вепс. *merd* ‘мережа’ (СВЯ, 327). Несмотря на то, что в лексикографических источниках по прибалтийско-финским языкам не всегда отчетливо представлена семантика единиц, составляющих это гнездо, можно сделать вывод о соответствии реалий на русской и неисконной почве, ср.: «мережа (сев. кар. *rüša*, люд. *merež*, ливв. *merežu*) и морда (сев. кар. *merta*, люд. *merd*, ливв. *merdu*) по форме похожи, но морда делалась целиком из прутьев, а у мережи из прутьев был только каркас, обтянутый сетью» (Тароева, 1965, 38). Хотя у русских Заонежья и, можно сказать, в целом Обонежья **мёрда** представляет собой рыболовную снасть в виде жесткого каркаса из ивовых прутьев цилиндрической формы, который обтягивался мелкоячейной сетью, в отличие от верш, сплетенных полностью из прутьев (Логинов, 1993, 44).

Авторы SKES возводят прибалтийско-финские данные к скандинавским источникам, ср. норв. *merd*, швед. *mjärde*, при саам. лул. *miertē*, *märtē* (SKES, 341), однако неясно происхождение этого гнезда на скандинавской почве. Веске, напротив, полагает, что финские данные, фин. *merta* ‘небольшая рыбная верша’, являются источником для скандинавских (Веске, 1890, 24). Авторы SSAP уже без всяких сомнений говорят о скандинавской основе прибалтийско-финского гнезда (SSAP, 2, 161). Для русских диалектных данных источником являются, вероятно, этимоны прибалтийско-финского типа.

Слово **мёрда** следует рассматривать как вариант, развившийся на русской почве в результате перехода [e] в [ö]. Причем, на наш взгляд, следует различать процесс такого перехода как исторически законченное фонологическое явление «в общерусском праязыке» (Шахматов, 1941, 114) и живой фонетический процесс в ряде говоров севернорусского наречия, когда один и тот же человек может произносить в одном и том же слове любой звук из сле-

дующей цепочки [e] — [eo] — [eô] — [êo] — [eo] — [o] (Касаткин, 1999, 374). Таким образом, вариант **мёрда**, имея в своей основе лексему **мерда**, представляет собой результат живого фонетического процесса в севернорусских говорах. Фиксируется **мёрда** спорадически практически по всему региону, не образуя коррелирующих ареалов в Медвежьегорском районе (ПЛГО), в Онежском, Пудожском (СРГК, 3, 223), а также в вологодских, белозерских, ярославских говорах (СРГН, 18, 113; ЯОС, 1987, 58)

Лексему **мёрда** можно трактовать как вариант, исторически более поздний и связанный с вариантом **мёрда**, т. е. после того, как [e] перешло в [ö] в положении перед следующими твердыми согласными... в великорусском наречии, [ö] с течением времени изменилось в [o] (Шахматов, 1941, 114). Кроме того, нельзя исключать и омонимической аттракции на возникновении формы **морда**. Данное слово в значении 'рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев или толстых ниток' имеет первую фиксацию под 1589 г. (СлРЯ XI–XVII вв., 9, 261), оно широко распространилось в севернорусских говорах и представляет собой доминанту лексической манифестации анализируемого концепта, ср. **мёрда** «ловушка для ловли рыбы в реках и озерах, сплетенная из ивовых прутьев, а за неимением их, из лучин в виде сахарной головы или колпака с вогнутым дном» (Ярен. Волог., Протопопов, 1853, КСРНГ). Следует отметить, что лексема **морда** уже явилась агентом процесса обратного заимствования в финно-угорские языки: коми *morda*, удм. *morda*, *murdo* 'верша', а далее мар. *мурда* 'рыболовная снасть' (СМЯ, 4, 99) — уже из удмурдского; а латыш. *murda*, *murds* — из ливского *mērda* (SKES, 341), тогда как ливск. *murd* 'верша' — обратное заимствование из латышского (SSAP, 2, 161). Данный русский диалектный материал в разных его частях уже анализировался в этимологической литературе, однако не был рассмотрен достаточно полно. Начальные этапы анализа отражены в работах Шегрена (Шегрен, 1852, 161), Веске (Веске, 1890, 24), Погодина (Погодин, 1904, 43), Меккелейна (Meckelein, 1913, 50), Грота (Грот, 1876, 1, 461), Преображенского (Преображенский, 1, 525, 526), Шайжина (Шайжин, 1892, 101). На более обширном материале представлен анализ этих лексем у Калимы (Kalima, 1915, 164, 165), Матвеева (Матвеев, 1959, 15), Вострикова (Востриков, 1981, 10). Аникин отмечает дальнейшее заимствование уже русск. **мёрда** языками Сибири, ср. якут. диал. *möördö* 'верша, которую

ставят на ельца' (ДСЯЯ, 163), юкаг. *morte* 'морда', манс. *mortå* 'морда' (Kálmán, 1961, 193), при его досибирском первичном происхождении (Аникин, 2000, 391).

Лексему **ма́рда** с иным типом вокализма, на наш взгляд, следует рассматривать как результат саамского влияния, ср. саам. норв. *mærde*, саам. *märtē* (SKES, 341), фиксация его в Беломорье, Кенозерье (Плесецкий район), Белозерье (СРГК, 3, 223; СРНГ, 17, 370) свидетельствует в пользу этой версии. Вряд ли имели место варианты **мърда*, **мьрда* на славянской почве, как предполагает А. А. Зализняк, в противном случае, в говорах отмечались бы формы **мурда*, **мирда*; ср. др.-русс. *лѣжсѣка* — фин. *lusikka* (Зализняк, 1997, 254).

Лексема **ме́ндры**, зафиксированная в Тихвинском и Кадуйском районах, также, вероятно, связана с прибалтийско-финскими данными, ср. кар. *merda* 'верша, мережа', вепс. *merd* 'то же' (SKES, 341). Однако, скорее всего, такую форму данная единица получила уже на русской почве, ср. прил. **мердяно́й** 'предназначенный для плетения мерды — о гибких ветвях' (ПЛГО) с широкой дистрибуцией. Предположение о расширении формантом [-р-] лексемы **мя́нда**, **ме́нда** 'сосна с толстым слоем заболони' в данном случае вряд ли возможно.

Лексема **ва́да** отмечается по нашим данным в Котласском и Никольском районах, ее более частотная семантика — 'брედень', кроме того, в псковских говорах фиксируется вариант **ва́та** 'малая сетка для ловли рыбы' (Опоч. Пск., СРНГ, 4, 67). Вполне вероятна их связь с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *vata* 'небольшой прибрежный невод без мотни', люд. *vada* 'небольшой донный невод', 'небольшая сеть, которой ловят лосося с двух небольших лодок', вепс. *vada* 'небольшой невод, который тащат двумя лодками', ливск. *vadà* 'невод, у которого длинные тягловые веревки и короткие крылья', эст. диал. *vada* 'невод'; указанные единицы не являются исконными, а восходят к скандинавским источникам, ср. швед. *vad*, дат. *vod* 'невод', при нем. *Wate* 'невод' (SKES, 1671; SSAP, 3, 417). Однако, скорее всего, сюда не относятся саам. норв. *vaddō* 'рыболовная леска', 'сеть паука', мар. *wat*, *wot* 'то же' и фин. *vato* 'леска на удочке' при др.-норв. *vaðr* 'леска на удочке' (SKES, 1676; SSAP, 3, 417).

Лексема **ва́нда** и, вероятно, ее вариант **ва́йда** ареально сконцентрированы на востоке обследуемого региона, в основном, по те-

чению р. Сухоны, ср. **вáнда** ‘верша’ Никол. Волог. (ПЛГО), «верша, из талевого прутья сплетенная; употребляется на Волге в половодье для лову стерлядей и другой рыбы» (Бурнашев), при отсутствии более западных фиксаций, что ставит под сомнение версию Фасмера о германском происхождении, ср. нов.-верх.-нем. *Want*, голл., ср.-ниж.-нем., флам. *Want* ‘сеть для ловли сельди, трески, пикши’ (Фасмер, 1, 271). Германские источники обозначают наименования сетевых рыболовных снастей, а русские диалектные материалы — вид архаической рыболовной ловушки — верши, что также свидетельствует не в пользу этимологии Фасмера. По диалектным источникам для лексемы **вáнда** прослеживается, в основном, значение ‘верша’: «рыболовная снасть, связанная из ниток или ивовых виц. . . и имеющая конусообразную форму» (Кадн., Волог., Никол., Великоуст., Дилакторский); «плетеная из прутьев ловушка для рыб, имеет большой размер, чем морда и ставится не в езу, а где-либо около водорослей и под зарослями кустов» (Сев.-Двин., Романов); кроме того, слово фиксируется в пермских, вятских говорах (СРНГ, 4, 36), а также в источниках XVIII века: «ванды делаются на подобие мереж из прутья, но только полы у них не так далекое имеют расстояние» (СРЯ, XVIII в., 2, 212). Сюда же относится, вероятно, лексема **вáндыш** ‘сухой снеток’ (Кологр., Буйск., Галич., СРНГ, 4, 37), ‘снеток’ (Печор., ПОС, 3, 32), ‘уклейка’ (р. Кама), ‘бычок-подкаменщик’ (Перм., СРНГ, 4, 37); такой тип номинации по виду ловушки, которой добывается рыба, имеет распространение в русских говорах, ср. **сак** — **саковѣк** ‘мелкий окунь’ (ПЛГО). Однако, считая версию Фасмера неубедительной, довольно трудно предложить достоверную этимологию. Так, например, широкий ареал распространения гнезда **ванд-** уже по памятникам письменности затрудняет использование метода ареальной верификации, ср.: **ванделый** ‘относящийся к ловле рыбы снастью из прутьев (вандой)’ (Кн. прих.-расх. Синб., 1667 г.), **вандыш** ‘снеток’ (Кн. расх. Бол. м., 1589 г.), **вандышник** ‘рыбак, торговец вандышем’ (Кн. пер. Рост., 1629 г., СлРЯ XI–XVIII вв., 2, 16). Хотя, на наш взгляд, вполне возможно выдвинуть предположение о субстратном источнике финно-угорского типа, ср. люд. *vandeh* ‘обруч бочки, мережи’, ливв. *vanneh* ‘обруч верши, мережи’, вепс. *vandeh* ‘обруч, каркас’, при удм. *vudž*, *viž* ‘кривое дерево’, ‘дуга, дужка’, коми *vudž* ‘лук, самострел’ (SKES, 1640), коми *вудж* ‘лук для стрельбы’, при общеперм. **viž* ‘лук, смычок’

(КЭСЛЯ, 69). Койвулехто предлагает для прибалтийско-финских данных германскую этимологию: герм. **wandu-z*, готск. *wandus* ‘прут’ (Koivulehto, 1994, 17; SSAP, 3, 407), что вносит неопределенность в положение прибалтийско-финского гнезда на финно-угорской почве. Таким образом, в отношении происхождения слова **ва́нда** требуются дополнительные исследования. Сопоставление его с **ва́да** через расширение **ва́йда** и затем мену [j] на [н] затрудняется отсутствием аналогичных примеров на других лексических данных, ср., однако, **ва́нна** ‘верша’ (Кадн. Волог., Дилакторский, СРНГ, 4, 38).

Лексема **су́рпа** с вариантом **су́рьяпа** отмечается по рекам Сухоне, Вычегде, Северной Двине, Мезени, имея также репрезентацию в лексикографических источниках: **су́рпа** «длинный мешок из ивовых прутьев с отверстием (творилом) ставится против течения реки; рыбу заносит в сурпу течением и выйти обратно она не может вследствие напора воды» (Кадн. Волог., Иваницкий, 1890); **сурьяпа** «сплетенная из ивовых прутьев конусообразная корзина, в горло которой вставляется прутьяной же рукав, такой узкий в нижней части, что вошедшая в сурьяпу рыба не может обратно выйти» (Шенк., Подвысоцкий, 168). В Словаре Даля представлены обобщенные данные: **су́рпа** «нерша, нерето, морда, верша плетеная», «плетеная корзинка из прутьев» (Арх., Сиб., Даль, 4, 372). Позднейшие исследователи расширяют ареал до костромских говоров: **су́рпа** ‘ловушка на рыбу’: – *Сурпа она длинная, узкая, ставят их только на быстрине* (Пыщуг., Востриков, 1981, 24). Кроме того, лексема **су́рпа** в значении ‘верша’ имеет фиксации в печорских, пермских, уральских говорах, а также на территории северного Казахстана и Сибири (КСРНГ). Фасмер разделяет на два омонима единицы **су́рпа** ‘рыболовная снасть’ и **су́рпа** ‘приспособление для процеживания браги’ (Фасмер, 3, 808). Аникин, справедливо корректируя Фасмера, считает их связанными друг с другом (2000, 514). Впервые наиболее аргументированную версию выдвинул А. И. Попов, полагая, что слово **су́рпа** в русском говоре села Качем около Нижней Тоймы представляет собой «пережиток лексики древних тоймичей», аргументируя это тем, что слово **сырп**, заимствованное из манс. *sirp* ‘вид рыболовной сети’, позволяет говорить об источниках из языка финно-угорского народа, «язык которого до нас в живом состоянии не дошел» (Попов, 1955, 7, 8). Востриков, Аникин следуют этой гипотезе (Востриков, 1981, 24;

Аникин, 2000, 513, 514). Манс. *sirp* через русское посредство вошло в коми язык, ср. коми *сырп* ‘плавная сеть для ловли крупной рыбы (весной во время половодья)’ (ССКЗД, 354), причем мансийские данные сопоставляются с фин. *suria*, *suurja* ‘мешкообразный невод’ (КЭСКЯ, 269). Однако на финской почве этот материал также не имеет этимологического обоснования: фин. *suuria*, *suurja*, *suurio* ‘мешкообразная плавная сеть, которую используют при ловле лосося и сига’, *surja* ‘небольшой невод на лосося’ (SKES, 1137; SSAP, 3, 225), как не зафиксированный в других прибалтийско-финских языках. Несмотря на то, что финно-угорская природа слова **сърпа** не вызывает сомнений, вряд ли имеется возможность говорить о каком-либо определенном языковом типе, тем более прибалтийско-финского характера, как это делает Матвеев (Матвеев, 1962, 137); Хакулинен относит фин. *suria* ‘рыболовная снасть наподобие мешка’ к лексическим единицам, восходящим к финно-угорскому языку-основе (Хакулинен, 2, 30), а русск. **сърпа**, таким образом, следует рассматривать как лексему субстратного финно-угорского происхождения неясного типа.

При более широких сопоставлениях, вероятно, возможно сравнить финские данные с тюркскими, ср. чуваш. *сёр* ‘ловить рыбу бреднем’, др.-тюрк. *сюр*, татар. *сөр* ‘ловить рыбу бреднем, неводом’ (ЭСЧЯ, 189).

Лексема **кйньга**, также представляемая как ‘рыболовная снасть из ивовых прутьев в виде пирамиды, вид верши’ Сольвыч. Волог. (Баженов), фиксируется на р. Вычегде и в бассейне Северной Двины. Скорее всего, это слово связано с коми *гымга* ‘морда, верша, мережа’ (ССКЗД, 96), к которому напрямую восходит русск. диал. **гимга́** ‘рыболовный снаряд (типа верши или морды) из тонких корней или лучинок хвойных деревьев’, ‘конусообразная морда из тонких щепок, наколотых из лиственницы или из кедровых и сосновых корней’ (Тобол., СРНГ, 6, 172), **гымга** ‘верша, сплетаемая из виц’ (Арх., СРНГ, 7, 252). Калима, хотя и с сомнением, помещает коми *гутга* ‘верша, ставная сеть’ в перечень русских заимствований в коми языке (Калима, 1910, 54), так же как и авторы SYRW, трактующие слово коми *гутга* ‘морда, верша’ как результат русского воздействия без приведения соответствующего этимона (SYRW, 56). Более достоверна, на наш взгляд, версия авторов КЭСКЯ, полагающих, что «скорее всего коми-зыряне заимствовали название этого рыболовного снаряда у

мансийцев в тот период, когда в коми языке еще функционировало озвончение взрывных согласных. . . Из коми языка слово перешло в сибирские диалекты русского языка» (КЭСЯ, 84), ср. манс. *kěmka*, коми **kîmka*. См. также: Матвеев, 1964, 291; Ивашко, 1958, 90; Rédei, 1970, 106, Фасмер, 1, 406; Аникин, 2000, 165. Не исключена и следующая версия: первичная единица в коми языке *кым* 'угол', сохранившаяся в слове *синкым* 'бровь', послужила источником русского **кíньга** с расширением на русской почве формантом *-га*, далее была обратно заимствована в коми язык, получив более распространенную форму **гíмга**, и по путям совместных коми-русских миграций распространилась в русских говорах Сибири.

Лексема **кúрма** 'рыболовная ловушка из ивовых прутьев' фиксируется в Каргопольском, Вашкинском, Вытегорском, Пудожском районах (ПЛГО), кроме того, в других значениях слово представлено гораздо шире, ср. **кúрма** 'мешкообразная сеть, вставляемая в отверстие забора' (Онеж.), «рыболовный снаряд, устраиваемый на быстрых водах, снаряд из вбитых в дно реки толстых кольев, к которым прикрепляют спускаемую до дна реки сеть с мешком» (Холмог., Онеж., Шенкур., Подвысоцкий, 79; СРНГ, 16, 132); **кúрма** 'рыболовный снаряд, конусообразной формы' (Сямж., Вожегод., Сокол., СВГ, 1989, 22); **кúрма** 'рыболовный снаряд, представляющий собой конусообразную сеть, натянутую на обручи' (Плесец., Пудож., Каргол., Вытегор., СРГК, 3, 68). Е. П. Андреева сопоставляет это слово с **кúрмыш** 'круглая конусообразная яма ледникового происхождения, на дне которой лежат камни' (Петергоф. Петерб., СРНГ, 16, 133) и предлагает этимологию этой единицы: фин. *kuurta* 'надрез, разрыв', эст. *kurt* 'залив, угол', которая введена еще Калимой и повторяется Фасмером (Kalima, 1915, 143; Фасмер, 2, 427; Андреева, 1991, 116). Однако прибалтийско-финские данные имеют другую семантическую доминанту, ср. фин. *kurta*, *kuurta* 'зарубка, отметина (например, на бревнах постройки при переезде' (SKES, 246), а эст. *kurt*, вероятно, представляет собой вариант от *kult*, южн. эст. *kolm* 'угол, бровь', хотя в SKES это и не отмечается (SKES, 234).

В смежных языках, по нашим данным, отсутствует сходное наименование подобной рыболовецкой снасти, однако ареальная дистрибуция слова в контактной зоне дает возможность предположить неисконное происхождение, при том что источник русского диалектного слова может и не быть элементом прибалтийско-

финской рыболовецкой терминологии. Поскольку на быстром течении отверстия в рыболовном заколе вместе со снастью, которая устанавливается в них, представляют собой вид жёлоба, канавки, то вполне возможно сопоставление анализируемого слова с прибалтийско-финским гнездом, где доминирует это значение, ср. фин. *kuurna*, *kurna* ‘желоб водяной мельницы’, ‘желоб’, кар. *kuurna* ‘желоб’, ливв. *kūrni* ‘желоб’ (SKES, 251), вепс. *kurn* ‘желоб, лоток для стока воды’ (СВЯ, 248), кар. *kuura* ‘желоб’, ‘предмет, в котором имеется желоб’, *kuurne* ‘то же’ (KKS, 2, 495, 496). Фиксация варианта **кўрна** ‘мережа’ (Вытегор., СРГК, 3, 68), форма которого довольно близка к прибалтийско-финским источникам, свидетельствует в пользу выдвинутой версии. Замена сонорных [н] — [м], вероятно, произошла уже на русской почве. Вряд ли лексеме **кўрма** следует сопоставлять со словом **кульма́** ‘средняя или задняя часть бредня’, ‘мотня невода’ с фиксацией в ярославских говорах и на юге Новгородской области (Холмский, Поддорский районы по ПЛГО) (см. о последней Мызников, 1999, 35, 36).

Лексемы **кўжа**, **кўша** отмечаются в Пошехонье и в смежных районах Тверской, Ярославской, Вологодской областей по данным ПЛГО и лексикографических источников, ср. **кўжа** ‘рыболовный снаряд из прутьев в виде конусообразной корзины’ Брейтов., Весегон. (ПЛГО), «конусообразная корзина из прутьев, вставляемая в ез» Черепов. Новг. (Герасимов, 1910), «род плетеного кувшина для ловли рыбы» Молог. Яросл. (Второе Доп.), ‘устройство, приспособление для ловли рыбы’ (ОСГКО). Погодин сопоставляет материалы Куликовского **кўжа** ‘рыбная ловушка из ветвей, без горла внутри’, представленные без географии со ссылкой на Барсова, с кар. *kuuže*, фин. *kuusi* ‘елка’, полагая, что «на ловушку, очевидно, идут еловые ветви» (Погодин, 1904). Действительно, еловые ветви клали на дно водоема у рыболовного закола у рыболовных ловушек, которые устанавливали в проемах закола для привлечения рыбы. Так что версия Погодина вполне имеет право на существование. Калима, отвергая ее, неоправданно, на наш взгляд, сводит в одно гнездо **кўжа** ‘верша’ и русск. **кудрявый**, польск. *kędzierzawy* ‘кудрявый’, чеш. *kužel*, русск. **кужель**, имея в виду, что в основе слова **кужа** лежит значение ‘вить’ (Калима, 1913, 77). Фасмер идет вслед за Калимой (Фасмер, 2, 401).

Вероятно, более правы авторы SKES, освещая русские диалектные данные как результат финно-угорского влияния, при анали-

зе этимологии лексемы фин. *kaħa* ‘корзина, корзина из прутьев’, ‘рыбная корзина, корзина из лучины’, ‘сооружение из ветвей ели на дне озера, по краям которого ставят верши’, сопоставляя его с мар. малмыж. *kuža* ‘берестяной сосуд в аршин высотой’, коми *kuža* ‘верша горшкообразной формы’, удм. *kož*: *kenož-kož* ‘отделение в амбаре, куда ссыпают зерно’ (*kenos* ‘амбар’), хотя и сомневаются в направлении заимствования (SKES, 138). См. также SSAP, 1, 270. На почве коми языка слово *кужа* ‘разновидность верши’ рассматривается как финно-угорская единица, сопоставляясь с эст. *kaħa* ‘маленький невод, бредень’, хант. *хиз’а* (ДКЭСКЯ, 411). Таким образом, прибалтийско-финские данные нельзя трактовать как источник ввиду различий в типе вокализма, учитывая то, что прибалтийско-финскому [a] в некоторых случаях соответствует марийское [u], фин. *tammi* — мар. *тумо* ‘дуб’, фин. *savi* — мар. *шун* ‘глина’, фин. *parma* — мар. *пурмо* ‘слепень’ (см. Грузов, 1969, 106). Итак, лексему **кúжа**, исходя из типа вокализма, можно рассматривать как субстратную единицу марийского типа.

Лексемы **кátиска**, **кáтышка**, **кáдиска**, фиксируемые в Обо-нежье и Посвирье, представляют собой результат обратного прибалтийско-финского влияния; фин. *katiska*, *katsi* ‘рыболовная снасть’, ливв. *katisku* ‘ловушка для рыбы, сделанная из провололочной сетки’ (СКЯМ, 129), кар. сев. *katiška* ‘рыболовный закол’, кар. салм. *kadišku* ‘то же’ (KKS, 2, 95) являются заимствованиями из русск., ср. **котéц** ‘кошель, запруда для ловли рыбы’, при укр. *котéць* ‘закол для ловли рыбы’ (Фасмер, 2, 351), а затем, вероятно, не так давно, рыболовецкий термин пришел уже обратно из карельских диалектов в русские говоры (SKES, 170).

Значительные ареалы имеют также данные балтийского происхождения. Так, лексема **вятерь** отмечается в псковских, новгородских говорах и далее с незначительными иррадиациями в вологодских и костромских говорах. Слово представляет собой довольно старое балтийское заимствование, ср. **вятерь**, **вятерь** ‘рыболовная снасть, вентерь’ (1571 г., СлРЯ XI–XVII вв., 3, 287), и широко распространено в русских говорах. Литературная форма, более поздняя — **вэ́нтерь** — имеет другую семантику ‘рыболовная снасть в виде суживающейся мешкообразной сети, натянутой на обручи; мережа’ (БАС, 1991, 2, 102). Обе русские лексемы восходят к литов. *vénteris*, *véntaris* ‘сеть в форме мешка’ (Fraenkel, 1223; Фасмер, 1, 376; Лаучюте, 10), причем в более ранней русской форме носовой преобразовался в [’a].

Лексемы **нѣрет**, **нерѡта**, **нарѡт**, бытующие в Приильменье, на Валдае, спорадически в ярославский говорах и довольно устойчиво на востоке Костромской области, также имеют в качестве источника балтийские данные. Топоров видит в лексеме **норот** и других вариантах результат влияния языка голяди (Топоров, 1984, 250), при современных балтийских данных: латыш. вост. *norts* ‘вид сети’, литов. *nartas* ‘угол’, *nérti* ‘вязать, плести’ (Fraenkel, 485, 495, 496; Фасмер, 3, 65). Вряд ли данный материал следует связывать с **мѣрда** и **мѡрда**, однако нельзя исключать контаминационных процессов (см. Матвеев, 1962, 135; Аникин, 2000, 404). Авторы ЭССЯ включают ст.-русс. **нерета** ‘рыболовный снаряд, ловушка для рыбы (верша, морда)’ (1674 г., СлРЯ XI–XVII вв., 11, 275), как рефлекс **nerta*, и другие варианты в состав праславянского фонда, однако из славянских соответствий могут привести только белорусские и украинские данные, ср. белор. *нѣрат* ‘мережа, верша’, укр. *нѣрет* ‘вид рыболовной сети’ (ЭССЯ, 25, 12), что не усиливает версию исконного происхождения. См. также Попов, 1957, 18–19.

Таким образом, рассмотренные данные по анализируемому концепту репрезентируют преимущественно результаты финно-угорского влияния различных языковых типов, при менее значительном балтийском пласте.

Наименования мотни невода

Рыбная ловля неводом представляла для населения Северо-Запада способ наиболее верной добычи рыбы, обычно в крупных размерах. Ловля неводом производилась и в зимнее время. Исходя из важности этой реалии в жизни человека, естественно предполагать наличие устойчивых лексических манифестаций по данному концепту. Мотня невода представляет собой мешок с мелкой ячейей в центральной части невода, куда попадает рыба.

Наиболее распространенными манифестантами, по нашим данным, являются лексемы **чуп**, **чупá**, **чуппа**, отмечаемые в Беломорье, Обонежье, Белозерье, Посвирье, Приладожье. Нередко для слова **чупá** фиксируются и специализированные значения: ‘узкий конец мотни, кнеи невода’ (р. Онега, Заонеж., Пудож., Куликовский), ‘узкий конец мережи, куда идет рыба; конец рыболовной сети, завязанный веревкой’ (Беломор., Сало, 1966, 267); ‘узкий ко-

нец мотни невода и рыболовецких орудий типа мережи' (Беломор., Воронова, 1968, 117). Вполне возможно, что ранее для этого гнезда доминировала семантика, в основе которой не было интегрированного обозначения рыбного мешка, мотни невода, а присутствовала номинация её узкой части. Но в настоящее время, по данным ПЛГО, для этого гнезда превалирует репрезентация анализируемой реалии.

Калима возводит эти данные к кар. *t'supp* 'угол', ливв. *t'supp* 'то же', люд. *tšupp* 'конец верши' (Kalima, 1915, 242). См. также: Сало (Сало, 1966, 268), Воронову (Воронова, 1968, 117), Фасмера (Фасмер, 4, 384), Мурзаева (Мурзаев, 1984, 621). Более обширные русские диалектные данные с их точной локализацией позволяют теперь исходить не из обобщения языковых типов-источников, а приводить для различных фонетико-морфологических вариантов дифференцирующие их этимоны. Так, например, лексеме **чуп**, бытующей в Посвирье и Белозерье, более соответствует вепсский источник, ср. вепс. *čur* 'мотня, матица невода, бредня и т. п.' (СВЯ, 65). Сюда же относится, вероятно, дериват **чүпник** с фиксацией в Волховском районе.

Далее, исходя из фин. *suppi* 'задняя часть верши, вентеря', 'раструб мережи' (SKES, 1125), должна выстраиваться следующая фонетическая закономерность: фин. [s] — кар. [š] — вепс. [č], например, фин. *soma*, кар. *šoma*, вепс. *čoma* 'красивый, милостивый', причем в ливвиковском диалекте, где присутствует вепсский субстрат, отмечаются как [š], так и [č], ср. ливв. *šamani*, *t'samani* (SKES, 1068), и только [č] — в людиковском диалекте, где доминирует вепсская основа, ср. люд. *t'soma* 'красивый'. Таким образом, карельские источники, которые приводил Калима для гнезда **чүпá**, не исконны на карельской почве (см. также Кеттунен, 1960, 3, 4; Rikkonen, 1935, 241–249), и чаще всего восходят к вепсскому субстрату (ливвики) либо суперстрату (людики), нельзя исключать в ряде случаев и саамское воздействие (северные карелы). А для лексем гнезда *suppa*, *suppi*, *soppi*, фин. диал. *soppi* 'угол у печки', 'угол между печкой и стеной, угол между печкой и дверью', 'внутренний угол', 'узкое окончание в мереже', эст. *sopp*, эст. диал. *sopa* 'угол', *sopik* 'залив' (SKES, 1075) будет сопоставимым кар. *šoppi* 'угол за печкой в избе; женская половина в избе между передней стеной и печкой', 'угол' (SKES, 1075), кар. *šoppi*, *suppi* 'угол за печкой' (KKS, 5, 482), кар. твер. *soppi* 'часть помещения

в избе у печи' (СКЯП, 276); в ливв. *šupri* 'угол — внешний и внутренний' (СКЯМ, 39) по типу консонантизма начальной согласной имеет вепскую основу. Кроме того, вепский начальный [š] довольно близок к саамским источникам, ср. саам. инар. *šupra*, саам. кольск. *tšuppra* 'конец мешка, мотня невода' (SKES, 1124), саам. *t'šuppra* 'внутренняя часть носа или кормы лодки', 'угол в избе', *t'šupprəok* 'конец залива' (KOLTKS, 696, 692). Авторы SKES, рассматривая фин. *supri* 'задняя часть верши, вентеря' ошибочно включают, как сопоставимый с ним, разнородный материал, ср. кар. *t'šubukka* 'мундштук курительной трубки, головка трубки' из русск. чубук, так же как и водск. *šupikka* 'чубук трубки' (см. Фасмер, 4, 376); а ливв. *t'šupikka*, *t'šupoi* 'треугольный или круглый пирог, пирог из овсяной или ячневой муки' соотносится с вепс. *šipoita* 'щипать' (СВЯ, 59), восходящее к русск. **щипать**, **защипывать**.

Таким образом, лексема **чүппа** в русских говорах может трактоваться как единица, имеющая вепско-саамские соответствия и источники, а карельские данные, вероятно, имеют двойственную природу — для кар. *šupra*, кроме вепско-саамской основы, не исключено и обратное русское воздействие.

Лексема **щүпа**, отмеченная в Лодейнопольском районе, вероятно, передает карельский тип консонантизма — [š] (русс. [ш], [ш']).

Лексема **чóлма**, бытующая в Вашкинском районе, на более широком ареале фиксируется в других значениях: 'пролив', 'залив', 'верша', 'задняя суживающаяся часть мережи' (Плесецкий, Каргопольский, Вашкинский районы). Впервые предположение о саамском источнике данного слова высказал Калима (Kalima, 1912, 93), а Итконен уже приводит конкретный саамский материал, который можно рассматривать в качестве этимонов, ср. саам. патс. *tšoalme*, саам. кильд. *t'šučlme* 'пролив' (Itkonen, 1932, 60). Фасмер подтверждает выводы Калимы и Итконена (Фасмер, 4, 371). Хотя саамские данные семантически расходятся с русскими диалектными, вполне можно допускать расхождения такого рода, поскольку речь идет о саамском субстрате белозерского типа. Данные прибалтийско-финских языков подтверждают фонетическую принадлежность русских диалектных данных к саамскому типу, ср. вепс. *saum*, *soum*, *sām*, 'угол дома (внутренний и внешний)' (СВЯ, 500), вепс. *soum'*, *sal'm* 'пролив, мелководная часть между двумя мысами' (СВЯ, 520). Причем, вероятно, семантически ближе к русским

диалектным данным вепс. *saum* ‘угол’, что при саамской передаче принимало бы форму **čalma*, а затем уже на русской почве могло преобразовываться в лексему русск. **чóлма**. Анализ места вепсских данных в прибалтийско-финском континууме разводит их по различным этимологическим гнездам: вепс. *sal'm* ‘пролив’ сопоставляется с фин. *salmi*, ливв. *šalmi*, люд. *sal'm*, *салт*, эст. *salm* ‘пролив’ (SKES, 956), при саам. *čoalbme* ‘пролив’ (KOLTKS, 671); тогда как вепс. *saum* ‘угол’ авторы SKES включают в гнездо фин. *salvain* ‘угол’, кар. *šalmo*, кар. твер. *satalo* ‘внешний угол здания’, ‘угол’, ‘сруб’, люд. *салте*, *салато*, *салтаг*, *салтаго* ‘внешний угол строения’, эст. диал. *sal'm* ‘стойло для скота’ при саам. лул. *salvõ* ‘дерево с двумя развилками’, саам. норв. *salvo* ‘зарубка в верхней части бревна’ (SKES, 958, 959). Как видно из приведенных данных, вепсские материалы представляют собой гетерогенные омонимы, но дифференцирующая их семантика позволяет развести и русские диалектные данные. Анализируемое значение ‘мотня невода’ и связанные с ним ‘залив’, ‘верша’, ‘задняя суживающаяся часть мережи’ сопоставляются с вепс. *saum* ‘угол’, но трактуются как результаты саамского субстратного влияния (исходя из типа консонантизма начальной согласной русского **чóлма**); **чóлма** ‘залив’ обстоятельно анализируется на топонимическом материале (см. Керт, 1960, 91; Матвеев, 1979, 8; Муллонен, 1988, 80). А. К. Матвеев локализует топонимы с основой **чёлм-** на территории Белозерского края, а также между Карелией с Северной Двиной (Матвеев, 2003, 38).

Вепс. *сойт* ‘верша’ предпочтительнее рассматривать как обратное русское заимствование (СВЯ, 63).

Лексема **перш**, зафиксированная на Псковском озере, вероятно, представляет собой результат субстратного влияния прибалтийско-финского типа, ср. водск. *perze*, эст. *perse* ‘задняя часть, нижняя часть, дно’, ливв. *perse*, *perše*, *perze* ‘задняя часть, дно мешка, посуды’ (SKES, 525). Более поздние русские данные: **пёрзя** ‘прозвище брюхан’ (Черепов. Новг., 1898, СРНГ, 26, 281), **перзák** ‘толстяк’ (Подпорож., СРГК, 4, 478) являются уже результатом адстратного влияния и восходят напрямую к вепским источникам, ср. вепс. *perze* ‘зад (часть тела человека)’ (СВЯ, 409).

Лексема **пóрнас** фиксируется также у Подвысоцкого: «Задние углы язового частика называются **порнасами**, ед. ч. **пóрнас**» (Подвысоцкий, 186). На наш взгляд, она представляет результат

влияния коми языка, ср. коми *bör* ‘зад, задняя часть’ (ССКЗД, 25), *-ac* можно трактовать как коми показатель множественного числа; возможно также сопоставить с русскими данными коми *nörm* ‘котел’ (ССКЗД, 300), при удм. *пурты* ‘котел’, саам. норв. *boarte* ‘корзина, короб из бересты’ (КЭСЛЯ, 229). Однако нечастотность фиксаций не дает возможность говорить о достоверности выдвинутых версий.

Лексема **кульма́**, отмечаемая в Пошехонье и на юге Новгородской области (Поддорский, Холмский районы), фиксируется также и в брянских говорах: **кульма́** ‘средняя или задняя часть бредня’ (Новозыбковский район, СРНГ, 16, 74), хотя отсутствует в картотеке Словаря брянских говоров. Ранее предпринималась попытка развести данные, отмечаемые в ярославских и новгородских говорах, связав их соответственно с коми *кулём* ‘ставная сеть’, ‘мережа’ (ССКЗД, 179) и с прибалтийско-финским гнездом, ср. фин. *kulma* ‘угол’ (SKES, 234), ливв. *kulmi* ‘наружный угол’ (СКЯМ, 163), кар. твер. *kulma* ‘внешний угол’, ‘край леса’ (СКЯП, 121) (см. Мызников, 1999, 35–37). Однако схожие славянские и балтийские материалы, к которым, вероятно, можно причислить русск. диал. **куль** (Харовский район), **куль** ‘центральная часть невода’ (Свердл., СРНГ, 16, 72), польск. *kul* ‘мешок рыболовной сети’ (Brückner, 1877, 99), укр., белорусск. *куль*, литов. *kulis*, латыш. *kule* ‘мешок’ (Фасмер, 2, 412; Faenkel, 306), а также нехарактерное для финно-угризов ударение на последнем слоге, поставили на передний план предположение о славянской этимологии лексемы **кульма́**, состоящей, в таком случае, из корневой морфемы **куль-** и форманта **-ма**. Балтийские данные традиционно рассматриваются как славянские заимствования, при латин. *culleus* ‘кожаный мешок, бурдюк’ (Фасмер, 2, 412).

Лексема **кйчка** фиксируется в Гдовском и Вытегорском районах; трудно сказать, находятся ли в прямой связи **кйчка** ‘заплетенные в косы или собранные в пучок и закрученные на макушке или затылке волосы’ (Твер., Дон., Моск., СРНГ, 13, 247) и **кйчка** ‘нос, передняя часть речного судна, баржи’ (Перм., р. Волга, Кама, СРНГ, 13, 147). Последнее значение может быть связано с **кйчка** ‘мотня невода’, которое Фасмер не анализирует (Фасмер, 2, 241, 242). Однако вряд ли этот материал следует сопоставлять с финно-угорскими данными, ср. фин. *kiita* ‘щит из дранки в рыболовном заколе’, восходящее, в свою очередь, к скандинавскому влиянию, ср. др.-норв. *skiða* ‘расколотое дерево, полено’ (SKES, 192).

В Беломорье, кроме прибалтийско-финских данных, отмечается лексема **кут**, раннее значение которой ‘угол’ фиксируется в памятниках письменности: **куть** ‘угол (в каком-либо помещении)’ (XV в., СлРЯ XI–XVII вв., 8, 146). См. Фасмер, 2, 432.

Таким образом, наиболее значительным пластом лексических материалов неисконного происхождения являются прибалтийско-финские данные, менее существенны саамские и коми данные.

Наименования сети с крупной ячейей

Материалы, манифестирующие эту реалию не слишком разнообразны, и фиксация их обычно связана с говорами, территория бытования которых расположена в непосредственной близости от крупного водоема, поскольку рыболовная сеть с крупной ячейей предназначена для ловли рыбы больших размеров. Наиболее обширный ареал имеют лексемы **гáрва**, **гáрба**. Вариант **гáрва** представлен в Опыте: «сеть для ловли семги, окрашенная обыкновенно ольховою корою и имеющая длины около десяти, а ширины от двух до трех сажень» (Кем., Кольск., Опыт); в Словаре Подвысоцкого: «ставная, для ловли семги, сеть на кольях, длиною 10–15, шириною в 1–5, а вышиною в 1 сажень, отороченная сверху и снизу тетивою, и прикрепляемая к верхней тетиве веревочкою. . . , на которую нанизывают верхний ряд ячеей сети, привязывая.. (эту веревочку) к тетиве узлом через каждые три ячеей. **Гарвы** окрашивают красною из ольховой коры краскою и ставят их по несколько рядом, в небольшое между собой расстояние, ребром к берегу. Ячеей в **гарвах** крупные, в $2\frac{1}{2}$ –4 вершка. . . **Гарва** образует сетяную в воде стену, на которую устремляющаяся вверх по реке семга натывается и завязает в ячеех. **Гарвы** бывают морские, в несколько верст длины. . . и речные» (Онеж., Кем., Кольск., Мезен., Подвысоцкий, 30). Лексема **гарьва** ‘снасть для ловли рыбы’ фиксируется у Срезневского: – *Рыбная ловля ловити. . . осмью луки, четыремя неводы и поездами и гарвами. Давати съ тои со всея речные ловли съ четырехъ неводовъ и съ поездов и съ гаровъ четвертая рыба* (Порядин. Фед. Мал., 1577, Срезневский, 3, 71), ср. также **гарва** ‘ставная сеть для ловли крупной рыбы’ (Кн. писц. Обонеж. пятины, 1563, СлРЯ XI–XVII вв., 4, 11), **гаровная** сеть, **гаровные** места (1671, 1478–1480, СРЯ XI–XVII вв., 4, 11). Е. П. Андреева, отмечая слово **гарва** в документах Кириллово-Белозерского мона-

стыря, говорит о заимствовании этой единицы «белозерскими говорами XVI века из соседних беломорских диалектов» (Андреева, 1984, 87). Однако источники, где фиксируется лексема **гáрва**, относятся к документам по Кольскому полуострову: «Рыбная ловля ловить на усть Унбы реки (Порядн. Фед. Мал. и его товарищей с Кир. мон., 1577), что лишь свидетельствует о ее употреблении в кольских русских говорах.

В современных русских говорах вариант **гáрва** фиксируется в Беломорье, а **гáрба** — преимущественно в Обонежье и Приладожье.

Кроме того, у И. И. Срезневского не совсем корректно восстанавливается заголовочная единица **харъ** при иллюстрации: — *А брати имъ та десятая рыба семга со всяково улову... со всякихъ ловцовъ, съ неводчиковъ, и съ харовъ, и съ речныхъ заборовъ* (Срезневский, 3, 1363 под 1582 г.). Ср., однако, иллюстрацию для слова **гаръва**: «*и с гаровъ четвертая рыба*» (см. выше), где генетив множественного числа такой же, как и у рассматриваемой единицы. Исходя из этого, возможно восстановить форму номинатива **хáрва** с другим типом консонантизма в первом слоге. **Хáрва** «сеть, невод на семгу» фиксируется в Архангельской губернии Далем (Даль, 4, 558), а также на Кольском полуострове: **хáрва** «крупноячейная сеть для ловля семги, натягиваемая... на колья, вбитые в дно водоема» (Ловозер., Терек., Меркурьев).

Данный материал имеет давнюю традицию изучения. Грот и Подвысоцкий предпочитают скандинавскую версию его происхождения, ср. сканд. *garn* ‘рыболовная сеть’ (Грот, 1876, 471; Подвысоцкий, 30). Калима считает эту версию ошибочной и относит материал к карельско-вепсскому влиянию, ср. ливв. ген. *harva-*, вепс. *harv* ‘сеть с крупной ячейей’ (Калима, 1915, 91). См. также Фасмер, 1, 392, 393; 4, 224. В прибалтийско-финских языках лексика этого гнезда имеет значение ‘редкий, несчастый’: кар., фин. *harva*, ливв. *harvu*, люд. *harv*, вепс. *harv*; ср. также саам. терск. *xairv* ‘сеть с крупной ячейей на семгу’, морд. эрз. *tšuro*, мокш. *šurǎ* ‘редко, редкий’, удм. *šer* ‘редкий’, хант. *turëp* ‘редкий (лес, сеть)’ (SKES, 60, 61). Вероятно, в прибалтийско-финских языках слово *harva* было атрибутивом, либо частью композита, ср. ливв. *harvu verko* ‘сеть с крупной ячейей’ (СКЯМ, 60), вепс. *harvosil'leine verk* ‘сеть с редкой ячейей’ (СВЯ, 108), при заимствовании эта единица в русском языке получила субстантивное значение и форму —

вид рыболовной сети. Русские диалектные и исторические данные фиксируются с начальными [г] и [х], что объясняется различным произношением фонемы [h] на прибалтийско-финской почве и, следовательно, не тождественной адаптацией ее в русских говорах; вариант **гáрва** — более частотный, **гáрба** — более близок к вепским образцам, **хáрва** — к карельским. Вариант **áрба**, отмеченный в Медвежьегорском районе (см. также СРГК, 1, 21), несмотря на соответствие в водск. *arvâ* ‘редкий, нечастый’: — *Arvâ verkkò pēn kala ep pūtu* (Редкая сеть — мелкая рыба не попадет) (VKMS, 10), является единицей, которую не следует рассматривать на этой почве.

Приспособление в виде решетки, подставки для огня, прикрепляемое к носу лодки при ночном лове рыбы остройгой

Лов рыбы остройгой был распространен не повсеместно. Обычно с остройгой выезжали в темную осеннюю ночь, когда температура воды уже снизилась, а прозрачность ее улучшилась. Такой вид рыбной ловли был в ходу как у славян, так и у прибалтийско-финских народов (см. Зеленин, 1927 (1991), 101). Однако в настоящее время он находится под запретом, исходя из чего многие информанты отказывались говорить на эту тему.

Зафиксированный материал довольно однороден, доминирует для обозначения анализируемой реалии русск. **козá**, с большей частотностью представленное в восточной части изучаемого региона. Неисконная лексика выявлена только в Обонежье и Посвирье. Слово **кóбра**, отмеченное в Подпорожском и Прионежском районах, вероятно, связано с вепско-ливвиковским влиянием, ср. вепс. *kobr* ‘приспособление для огня при лучении рыбы’ (СВЯ, 212), ливв. *kobru* ‘устройство для костра на носу лодки, лапа’ (СКЯМ, 147). Сходная лексика, обозначающая такое же устройство, отмечается у северных карел — *tuolahaš-kobra* и людиков — *kobra* (Тароева, 1965, 37).

Слово **коку́шка**, зафиксированное в Пудожском районе, возможно, связано с кар. *kokka* ‘нос лодки’, ‘острие, кончик, угол’ (KKS, 2, 285), ср. также фин. *kokka* ‘рыболовный крючок’ (SKES, 208), кар. *kokka* ‘костер’ (KKS, 2, 285). Слова вепс. *kobr* и ливв. *kobru* на уровне своих языков представляют результат метафори-

ческого переноса, основное значение — ‘горсть, пригоршня’, в то время как лексема **кокушка** базируется на метонимическом переносе уже на русской почве.

Колотушка для глушения рыбы подо льдом

Приспособление для глушения рыбы подо льдом в виде небольшой дубинки или деревянного молота использовалось осенью в начале ледостава. Под первым прозрачным льдом можно было легко увидеть рыбу, которая в холодной воде обычно стояла неподвижно. После удара колотушкой по льду оглушенная рыба переворачивалась брюхом кверху, в этот момент следовало довольно быстро проделать отверстие во льду и вытащить рыбу. Нередко для проделывания отверстия использовался топор, который позднее стал являться единственным орудием для такого рода добычи рыбы, для глушения и проделывания отверстия. Колотушка в виде дубинки, кроме того, могла использоваться при колке дров, ею ударяли по обуху топора в том случае, когда полено плохо кололось. Колотушка в виде деревянного молота могла также применяться для разбивания глинистых комьев земли на пашне при устройстве глинобитной печи. Однако твердой закономерности в том или ином функциональном предпочтении в зависимости от вида колотушки зафиксировать не удалось. Исходя из этого, было решено отказаться от этнолингвистической интерпретации данного материала и, основываясь на интересующем нас функциональном применении для ловли рыбы, анализировать обобщенное понятие, а не разновидности реалии.

Среди материалов данной группы наиболее обширный ареал имеет лексема **күрик**, фиксируемая в Беломорье, Обонежье, Кенозерье, Посвирье, Поволховье. Первая фиксация этого слова относится к середине XIX века: **курйк** «древякольная палка, которою бьют по обуху топора, чтобы расколоть полено, колотушка» (Арх., Опыт). Калима вслед за Веске, Лесковым, Погодиным возводит эту лексему к карельским источникам, ср. ливв. ген. *kurikka-*, люд. *kurikk* ‘колотушка, дубинка’ (Kalima, 1915, 143; Веске, 1890, 90; Лесков, 1892, 100; Погодин, 1904, 37; Meskelein, 1913, 46). Этой же версии придерживается Фасмер (Фасмер, 2, 425). На прибалтийско-финской почве данное гнездо представлено широко, ср. вепс. *kurik* ‘колотушка для колки дров’ (СВЯ, 247), ливв. *kurikku*

‘дубина, колотушка, деревянный молот’ (СКЯМ, 166), кар. твер. *kurikka* ‘деревянная колотушка’ (СКЯП, 123), фин. *kurikka* ‘дубина’, водск. *kurikka* ‘дубинка’, эст. *kurik* ‘дубина’, саам. инар. *kūrah* ‘колотушка, дубинка’ (SKES, 244). Однако вряд ли может быть признана удовлетворительной версия о родстве анализируемых прибалтийско-финских данных с фин. *kuras* ‘нож’ (SSAP, 1, 447).

Лексему **кўрлика**, вероятно, следует возводить к диалекту тверских карел, она фиксируется в Хвойнинском районе, зоне карельского субстрата. Вставной [л], скорее всего, является результатом фонетической адаптации на русской почве, кар. твер., тихв. *kurikka* ‘дубинка, вытесанная из одного куска дерева’ (KKS, 2, 464).

Лексема **пўрик** фиксируется в Гдовском районе, на побережье Чудского озера, а также Псковского озера: – *Пуриком ходят ребятишки глушат* (Мда, ПЛГО). В источниках фиксируется другая функциональная направленность денотата: **пўрик** «деревянный молоток для забивания кольев при устройстве рыболовных заколов» (Пск., Чудск. оз., Кузнецов, 1912–1914, СРНГ, 33, 136). Исходя из семантического тождества лексем **кўрик** и **пўрик** можно предположить и их этимологическое родство, при том что начальное гдовское [п] соответствует начальному [к] с более широким ареалом. Гдовское слово может представлять собой результат влияния субстратного типа прибалтийско-финской природы. Вряд ли следует сопоставлять близкие по форме эстонско-водские данные, ср. водск. *pulik* ‘колышек, колок, палочка’ (VKMS, 249), эст. *pulik(as)* ‘то же’ (EstNED, 97), ввиду серьезных различий в семантике.

Также возможно трактовать как единицу прибалтийско-финского происхождения лексему **киўра**, отмечаемую в Беломорье, тогда как дериват **киўрка** фиксируется в Приильменье. Калима вслед за Сирелиусом сопоставляет материалы Подвысоцкого — **киўра** «тяжелый, оплетенный вичьем камень, которым вбивают в дно реки колья при устройстве забора» (Онеж., Кем., Подвысоцкий, 63), с фин. *kiura* ‘каменный топор’, эст. *kiuru* ‘камень, скала’, смущает его, однако, специализированное значение русского слова (Kalima, 1915. 120; Sirelius, 1906, 341). Фасмер следует за Калимой (Фасмер, 2, 243). Приводимое Калимой слово отсутствует в SKES и SSAP, что не позволяет подтвердить направление заимствования.

Лексемы **кий**, **киёк** не следует сводить в гнездо **киёра**, поскольку они рассматриваются отдельно на славяно-балтской почве, ср. русск. диал. **кий** «приспособление в виде большого деревянного молота, используемое для глушения рыбы при зимнем лове, а также при кладке печей, утрамбовывании земли и т. д.» (Южн. Сиб., Сиб., Краснояр., Tobол., Свердлов., Урал, Перм., Тюмен., Арх., Волог., Новг., СРНГ, 13, 204), белорусск. *кiй*, укр. *кий* 'палка, дубинка', болг. *кияк* 'гиря', чеш. *куј* 'кий, палка', польск. *kij* 'палка, посох', при литов. *kūjis* 'молоток', латыш. *kūj* 'палка, дубина' (Фасмер, 2, 231), восходящее на балтийской почве к литов. *káuti* 'бить, сечь, убивать, разрушать' (Fraenkel, 1, 232).

В псковских говорах фиксируется лексема **кўка**, восходящая напрямую к балтийским источникам, ср. литов. *kúokas*, латыш. *kūoks* «палка с утолщением на одном конце для игры или глушить рыбу» (Лаучюте, 1982, 144). Фасмер сопоставляет русск. **кўка** 'кулак' и литов. *kikà* 'дубинка' с болг. *кюка* 'крюк', сербохорв. *kijka* 'крюк' (Фасмер, 2, 403, 404). Ареал ее, по нашим источникам, не выходит за пределы псковщины, что свидетельствует в пользу предлагаемой версии.

Лексемы **барз**, **барс**, **бáрец**, **барáц** фиксируются sporadически на обширной территории: в гдовских, псковских, вологодских, архангельских говорах. Кроме того, сходная лексика отмечается вне региона обследования: **бáрша** 'деревянная колотушка для колки дров' (Брас. Брян., СРНГ, 2, 123), **бáрчик** 'молоток' (Морш. Тамб., СРНГ, 2, 123). Трудно сказать, относится ли сюда же лексема **барсь** 'санное полотно' (1589, Срезневский, 1, 43). Этимология лексемы **барс** (как основной, наиболее распространенной единицы) весьма трудна для анализа ввиду ее широкой ареальной дистрибуции. Неясен также ее ядерный ареал, ср. **барс** 'деревянная колотушка, используемая при колке дров', фиксируемая на р. Волге (Свияж. Казан., Зеленин, СРНГ, 2, 120). Для значения 'тяжелая деревянная колода, используемая для забивания клиньев при получении масла из льна, конопли' лексемы **барс** Зелениным указывается ее севернорусский ареал (Зеленин, 1991, 125). Видимо, следует сразу отказаться от некоторых возможных версий. Вряд ли имеет отношение к рассматриваемому материалу нем. *Barte* 'широкий топор, секира, боевой топор', при др.-верхненем. *barta* 'топор, нож' (около 1000 г.), др.-сканд. *barða* (EWD, 1, 129), при древнерусском соответствии — **брады**, **брадъвь** 'секира' (Срезневский, 164).

На наш взгляд, также не относятся сюда следующие прибалтийско-финские данные: фин. *varsi* ‘ручка, черенок’, люд. *varž* ‘рукоятка, ручка’, вепс. *vařž* ‘рукоятка’ (SKES, 1659, 1660) ввиду различий в форме и семантике. Не относятся сюда напрямую и тюркские данные, ср. тур. *balta*, др.-уйг. *baltu*, тув. *baldy*, якут. *balta* ‘топор’ (СГТЯЛ, 397).

Кроме того, является вторичной коми ижем. *барс* ‘большая деревянная колотушка, чекмарь’ (ССКЗД, 18); морд. эрз. *барца* ‘колотушка, деревянный молоток’ (ЭРВ, 74), хотя и соответствует русск. диал. **бáрчик** ‘молоток’, зафиксированному в территориально близких тамбовских говорах, вряд ли можно рассматривать как исходную единицу. Ср. также лексемы **барéц** ‘приспособление в виде короткого бревна с ручками для утрамбовки чего-л.’, **барц** ‘приспособление для битья кедровых шишек’, зафиксированные в русских говорах Якутии (Дружинина, СЯ, 1, 47).

Весьма близки по форме и семантике лексеме **барс** иранские данные, ср. пехлеви *wazr*, *warz* ‘колотушка, дубинка’; причем из иранских языков слово через посредство финских волжских вошло в прибалтийско-финские, ср. фин. *vasara* ‘молот, кувалда, деревянная дубинка’, кар. *vasara*, *bazara*, *vazar*, ливв. *vazaru* ‘молот, кувалда’, водск. *vasara*, *vasar*, эст. *vasar*, при саам. швед. *wetjer* ‘молот’, морд. эрз. *v’iziř* ‘топор’, мокш. *užēr* ‘топор’; латыш. *vesars* ‘кузнечная кувалда’ из эст. (SKES, 1665)⁵⁵. Однако прибалтийско-финские данные не оказали влияния на русские диалектные. Пути проникновения материалов из иранских языков в русский диалектный континуум требуют уточнения и дальнейшего анализа.

Лексемы **тухмáч**, **тукмáч**, **тухмáрь** возможно рассматривать на прибалтийско-финской почве, ср. вепс. *tuhm* ‘удар кулаком’, *tuhmata*, *tuhmda* ‘дубасить’ (СВЯ, 581). Трудно сказать, имеется ли связь между вепскими данными и мар. *tumak* ‘дубина’, которое Марков связывает с русск. **тумак** ‘удар кулаком’, на наш взгляд, необоснованно (Марков, РФВ, 73, 102; Фасмер, 4, 119). На марийской почве, вероятно, слово *tumak* ‘дубина’ связано с мар. *tumo* ‘дуб’ (РМС, 101), хотя не исключено, что вепские, марийские данные соотносятся также с другим гнездом русск. диал. **токмáрь**, **токмáч** «чекмарь, колотушка, кий, пест, деревянная

⁵⁵Финно-пермское **wašara* ‘топор, молоток’ рассматривается также как заимствование из праиндо-иранского **važra* (Реден, 1997, 154).

ручная баба, трамбовка для убою земли, глины, мостовой» (Даль, 4, 420), которое традиционно рассматривается как результат тюркского влияния, ср. тур., чаг., тар. *toktak* 'деревянный молоток, колотушка', казан. *тукмак, токмак* 'дубина, колотушка', тоб. *тукма* — 'бить, ударять' (Радлов, 3, 1156, 1429), татар. *тукмак* 'колотушка, деревянный молоток' (Тат.-рус. сл., 1950, 247). См. также: Фасмер, 4, 70, Шипова, 323. Таким образом, лексема **тукмáч** может являться вариантом основной формы **токмáч** с другим типом вокализма тюркского влияния; лексемы **тухмáрь** и **тухмáч** опосредованы вепским влиянием при следующей схеме: тюркск. → русск. → вепс. → русск.

Лексема **чекмáрь** и дериват **чекмарёк** имеют единичные нечастотные фиксации в говорах Новгородской, Вологодской, Ярославской, Архангельской областей. В Словаре Даля представлены следующие данные: **чекмáрь** «чекуша, долбня или деревянная колотушка, токмарь, токмач», «род кистеня, коим охотники бьют с лошади волка» (Даль, 4, 604); слово рассматривается как результат тюркского влияния, ср. татар. *чукмар, чокмар* 'дубина с утолщением на конце, булава' (Радлов, 3, 2169), тур. *çoktar* 'дубина, дубинка' (Шипова, 382), чагат. *çoktar* 'дубина, палица' (Фасмер, 4, 325). Лексемы **чухмáрь**, **чохмáрь**, зафиксированные в новгородских говорах, вероятно, возникли в ходе контаминации единиц **тухмáрь** и **чекмáрь**.

Лексема **кочмáрь**, отмеченная в Белозерье, также, скорее всего, представляет результат контаминации, ср. вепс. *kočkutada* 'постукивать' (СВЯ, 213), т. е. вепс. *koč-* + *-марь*, либо метатезу от **чекмáрь**.

Слово **чекúка**, зафиксированное в Парфинском районе, связано, вероятно, с **чекуша**, восходящим к тюркским источникам, ср. чагат. *čeküš* 'колотушка, дубина' (Фасмер, 4, 326).

Лексема **кубы́рь**, бытующая на Кольском полуострове, к настоящему времени не имеет достоверной этимологической версии, неясно, имеет ли отношение к данной единице слово **каúр** 'деревянный молоток с длинной рукояткой, применяемый для оглушения рыбы' (Урал, Обск., Сиб., СРНГ, 13, 138), трактуемое как заимствование из хант. *kayër* 'рыбацкая дубина' (Фасмер, 2, 211; Аникин, 1997, 285).

§ 17. Лексика охотничьего промысла

Охота имела меньшее значение, чем рыболовство, она была лишь вспомогательным источником питания у населения Северо-Запада, что и отразилось на лексической системе севернорусских говоров. Охотничья лексика представляет собой более изолированную терминологическую систему по сравнению с рыболовецкой. Калима приводит в своей работе только несколько лексем по теме «Охота»: **гангас**, **кодань**, **нодья**, **пистега** (Kalima, 1915, 256).

Первое слово отмечается у Подвысоцкого: **гангас** «употребительная у лопарей ловушка на диких оленей, мелких пушистых зверей и куропаток: прикрепляемая к сучьям и ветвям деревьев и кустарников веревочная петля, в которую если животное случайно просунет голову, то при движении вперед или при усилии освободиться, петля затягивается и удушает жертву» (Кольск., Подвысоцкий, 30); имеется примечание автора — слово лопарское. Однако Калима приводит в качестве этимона фин. *hangas* ‘ловушка на медведя из криво выросшего и изогнутого дерева’ (Kalima, 1915, 90, 91). Фасмер ссылается на слово **ангас**, зафиксированное у Подвысоцкого и у Калимы, но ни в словаре Подвысоцкого, ни в исследовании Калимы такого варианта обнаружить не удалось. Вероятно, в словаре Фасмера данная единица является опечаткой, и такого слова вообще не существует (Фасмер, 1, 77). Также, вероятно, и слово **гангос** (СРНГ, 6, 133) требует тщательной проверки.

Лексема **гангас** фиксируется на Кольском полуострове, в регионе, где сложились две историко-культурные зоны — Восточный Мурман (ареал расселения поморов и беломорских карел) и Западный Мурман (этническая территория финских, норвежских, саамских колонистов, русских переселенцев и карел из Карелии)⁵⁶. По мнению авторов SKES, саам. *pāṅkkas* ‘ограда для поимки оленей’, саам. кольск. *aḡḡes* ‘ограда для лова оленей’ могут быть связаны с русскими диалектными данными (SKES, 55). На наш взгляд, более близки по форме и семантике карельские источники, ср. кар. *hangas* «ловушка для оленей и лосей, устраиваемая следующим образом: из двух заостренных кольев, вбитых друг против друга, которые прикрепляются к согнутым деревьям; так образуется пространство для входа, по бокам которого находится это устройство; поперек пропущена веревка, которая приводит в действие ловушку» (KKS, 1, 164).

⁵⁶См. Юрченко, 2002, 185.

Слово **кодань** «ловушка для птиц, представляющая собою род навеса, устроенного под корнями вывороченного дерева, около камней и т. п.; в одном из двух проходов под навес ставится силок (петля); птиц привлекает самый навес, под которым можно укрыться от непогоды, или же взрытая земля около него, в которой птицы любят купаться» (Север, Слов. Акад. 1911) еще авторами академического словаря соотносилось с кар. *kodane* 'домик'. Калима, соглашаясь с такой версией, приводит также кар. *añžakoda* 'ловушка на птиц' (Kalima, 1915, 122). Следует отметить, что данная лексема не имеет других фиксаций.

Слово **но́дья** имеет значительное число вариантов со сходной семантикой; различия в толковании одной и той же реалии обусловлены качеством полевых записей и квалификацией лексикографического описания, ср.: **но́дья** 'охотничий костёр, устраиваемый на ночь, из двух бревен, уложенных друг на друга' Пудож. (СРГК, 4, 34); «огонь, разводимый охотниками зимою в лесу на ночь» Арх. (Опыт); «костер в лесу, устраиваемый лесниками зимою, для обогрева и приготовления пищи» Мезен. Арх. (Подвысоцкий, 103); «охотничий костер для ночевки в лесу зимой, раскладываемый из двух бревен так, что нижнее горит, а верхнее предохраняет огонь от осадков» Соликам. Перм. (Беляева, 368); «костер, огонь в лесу» Сольвыч. Волог. (Попов, 1912); **но́дья** 'костер, огонь в лесу' Каргоп. (Томилев, 1927); «большой костер, разводимый охотниками» Новосиб. (СРГНО, 335); **ну́дья** 'охотничий костёр, устраиваемый на ночь, из двух бревен, уложенных друг на друга' Кандалакш., Медвежьегор. (Тихвин Бор), Терск., Пудож., Кем. (СРГК, 4, 52); **нудья́** «долго горящий костер из нескольких чурбанов, положенных один на другой» Кандалакш., Меркурьев. Повен. Олон., Куликовский. Отмечаются еще варианты: **ну́тья**, **но́тья**, **нодьё**, **нотьё**, **но́йка** (см. СРНГ). Калима, имея в своем распоряжении большое число вариантов, предлагает карельско-вепсскую этимологию, ср. кар. *nuodivo*, вепс. *nod'ǵ*, при фин. *nuotio* 'костер на стоянке' (Kalima, 1915, 173). См. также: Погодин, 1904, 45; Meskelein, 1913, 53; Фасмер, 3, 80; Аникин, 2000, 409; Матвеев, 1959, 16. Ср. также: вепс. *nod'ǵ*, *nod'j* 'но́дья (охотничий костер)' (СВЯ, 362), кар. *nuotivo*, *nuodivo* 'долго горящий костер из двух бревен', люд. *nuod'iu* 'то же'. Данный материал не имеет широкого распространения на финно-угорской почве, ср.: мар. *ñödnǎ*, манс. *nūt̄ia* 'костер' (SKES, 402), коми *ноддя* 'костер, рассчитан-

ный на продолжительное горение' (КЭСКЯ, 193) заимствованы из русского языка. Причем прибалтийско-финское гнездо также неисконно, авторы SKES предположительно возводят его к германским источникам, ср. др.-англосакс. *nôd-fûr*, нем. *Notfeuer*, дат. *nødild*, швед. *nödeld*, *neding*, норв. *naueld* (SKES, 402), хотя в SSAP происхождение прибалтийско-финского гнезда уже кажется неясным (SSAP, 2, 241). Однако, ср. совр. норв. *nying* 'костёр', рассматриваемое на общегерманской почве (EONDS, 556–557).

Слово **пистега** «свисток из гусяного пера для приманки рябчиков» (Вытегор., Лодейноп. Олон., Куликовский) Калима возводит к вепс. *pist'äïne* 'свистулька', при кар. *piisku* 'свистулька для приманки рябчиков' (Kalima, 1915, 186). На вепсской почве фиксируются также *pist'keñe*, *pismäïne* 'свисток, манок на рябчика': – *Pismäizen tehtas mecoin suïaspäi* (Манок на рябчика делают из глухаринного пера); при мотивирующих глаголах: *pistta*, *pist't'a* 'свистеть' (СВЯ, 421); ср. также: ливв. *piiskuta*, *piiçkuo* 'свистеть в дудочку, приманивая ее звуками птиц или зверей', *piiçku* 'манок, свисток для приманивания птиц и зверей', *piiçkutus* 'свист дудочки, манка' (СКЯМ, 266), кар. *piisku* 'манок на рябчика' (Ухта, KKS, 4, 279), при водск. *piskua*, эст. диал. *piiskuda* 'визжать, пищать', саам. норв. *biš'kot* 'орать, говорить крикливым голосом', морд. эрз. *piškadoms*, мокш. *pejškêdêms* 'пронзительно вскрикнуть' (SKES, 553). Трудно судить об исконности финно-угорского гнезда, авторы SSAP, вслед за SKES, исходят из того, что в финно-угорских языках имеется глагольное гнездо со сходной формой и семантикой, ср. фин. *piiskua* 'свистеть' и приводимые выше данные саамского и мордовских языков. Однако фиксируемая в охотничьей терминологии лексема **пищик** 'деревянный или пластмассовый имитатор голосов самки или самца охотничьих птиц или зверей, издавая которые охотник подманивает дичь на выстрел' (Словарь охотника-природолюбца, 73) дает возможность предположить, что прибалтийско-финское гнездо — русского происхождения. Мордовские данные, вероятно, восходят к балтийским источникам, ср. латыш. *pištet* 'пищать', *pište* 'плакса, нытик', литов. *pyškėti* 'щелкать — о плети; трещать — о льде', *pyškinti* 'трещать, грохотать', 'гремять, звенеть' (Fraenkel, 1, 599; см. также Фасмер, 3. 271). На почве пермских языков, вероятно, сходные данные также неисконны, ср. коми *piskînî* 'пищать' (SSAP, 2, 359), скорее всего, русского происхождения, ср. др.-русс. **пискати** 'играть на

свирели, дудке и т. п.', 'пищать, щебетать — о птицах' (СлРЯ XI–XVII вв., 15, 54). Таким образом, слово **пистега** представляет собой уже обратное заимствование из прибалтийско-финского континуума.

Конечно, приведенные материалы не исчерпывают данных лексики охоты, а вновь вводимые в научный оборот лексикографические источники пополняют свод лексем финно-угорского происхождения, например: **лѣпка** 'спусковой механизм в огнестрельном оружии, курок, собачка' (Прионеж.. Кондоп., СРГК, 3, 126), **лѣпач** 'то же' (Прионеж., СРГК, 3, 125), при фин. *liipaisin* 'курок, собачка, гашетка' (ФРС, 328)⁵⁷.

§ 18. Материальная культура. Крестьянское жилище

Обращение к анализу данных (не только языковых), относящихся к реалиям крестьянского жилища с их лексической манифестацией на обширном пространстве Северо-Запада, затруднено разнообразием типов жилых построек, тогда как для нас важно, чтобы соотношение между рассматриваемой реалией и обозначающим ее словом не менялось. Так, например, на Северо-Востоке региона вход в подполье устраивался как ящик-лежанка, а на Юго-Западе он может существовать наряду с дверным входом с улицы, вытесняя исследуемую нами реалию.

В Программе ЛАРНГ раздел «Крестьянское жилище, хозяйственные постройки» представлен 681 вопросом. Естественно, для наших задач большинство вопросов уже априори имеющих исконную лексическую манифестацию, не могли подходить. Концептов, которые имели бы преимущественно заимствованное лексическое наполнение, в данной тематической группе крайне мало. Доминирование здесь русской культурной традиции вряд ли можно подвергнуть сомнению. Наоборот, можно привести значительное число слов русского происхождения, вошедших в финно-угорские языки: вепс. *fater* 'квартира' (СВЯ, 83), ливв. *fatieru* 'квартира, жилье, дом, изба' (СКЯМ, 51), саам. *dōm* 'дом, жилище' (КОЛТКС, 26).

Для исследования в полевых условиях первоначально были выбраны следующие вопросы:

⁵⁷ Имеются и другие наименования данной тематической группы, но все они характеризуются спорной этимологией.

1. Общее наименование жилого строения.
2. Рыбачья, охотничья и т. п. избушка в лесу.
3. Шалаш для охотников, рыбаков, косцов.
4. Огороженное перегородкой место в избе около печи; пространство между печью и стеной, небольшой чулан.
5. Ящик-лежанка вдоль боковой стенки печи, имеющий лаз в подполье с подъемной крышкой.
6. Жгуты из соломы для утепления дверей зимой.
7. Дранка, используемая для покрытия крыши.
8. Дверной, оконный косяк.
9. Сарай для хозяйственных нужд.

В настоящее время, по имеющимся в нашем распоряжении данным, полученным в ходе диалектологических экспедиций и извлеченным из различных диалектных источников, возможна лингво-географическая репрезентация материалов, собранных по трем вопросам (см. ниже).

Так, например, общие заимствованные наименования жилых построек не проявляются в современной речи диалектоносителей, хотя фиксируются по лексикографическим источникам: **перть** 'жилая изба' (Кем. Арх., Подвысоцкий), сопоставляемое с кар. *pirtti*, вепс. *pert* 'дом, изба' (СВЯ, 409; ККС, 4, 212, 213); **перт** 'изба, дом' (Ветл., Костром., Марков, СРНГ, 26, 294), соотносимое с мар. *nõpm* 'изба'. Финно-угорские данные также являются неисконными, представляя результат балтийского влияния, ср. фин. *pirtti* 'небольшое строение, избушка, баня', кар. сев. *pirtti*, ливв. *pertti* 'дом, изба, баня в лесу', люд. *pertti* 'дом, изба', эст. устар. *pirt*, саам. швед. *part*, *bart* 'баня', лул. *pārihta* 'дом, изба', саам. норв. *bârtâ* 'финская изба, чаще дом священника', при шведских данных, заимствованных из финского: среднешвед. *pörthe* (1528 г.), *pyrthe* (1468 г.), швед. *pörte* 'финская курная изба', 'самая большая комната в доме', 'баня, топящаяся по-черному', 'лачуга' (SKES, 576); ср. также кар. твер., тихв. *perti*, кар. валд. *pertti* 'изба' (ККС, 4, 212). В балтийских данных, этимологически первичных по отношению к финно-угорским, преобладает значение 'баня', ср. литов. *pirtis* 'баня; овин для сушки льна', латыш. *pirts* 'баня' при литов. *peĩti*, латыш. *pērt* 'париться в бане' (Буга, 11, 516; Лаучюте,

1982, 89; Веске. 1890, 215, 216; Fraenkel, 1, 578). Ср., однако, др.-русск. **пърть** «баня» (новг., Срезневский, 11, 1772), **перть** «баня или сосуд для омовения новорожденного» (1166 г., XV в., СлРЯ XI–XVII вв., 15, 15), **перетка** «избушка» (Пск., 1578, СлРЯ XI–XVII вв., 14, 298), наряду с мар. *nõrt* ‘изба’, вероятно, возможно сопоставить с балтийскими данными, при этом рассматривая чуваш. *núrta* ‘изба, дом’ как марийское заимствование (ЭСЧЯ, 172). Псковизм **перётка** (см. выше), скорее всего, следует отнести к балтийским источникам с изменением основы по типу второго полногласия, ср. ошибочную форму **перёдка** ‘летняя изба’ (Чарозеро Волог., СРНГ, 26, 85). За версию карельского происхождения русского слова с общей балтийской основой для прибалтийско-финского и русского гнезда выступал также и Калима, причем сюда же он относил и лексему **паперть** (Kalima, 1915, 183). Авторы SKES предлагают, напротив, для кар. *pertti* и мар. *nõrt* в качестве источника русск. **перть** (SKES, 576), против чего возражает Петерсон (Петерсон, 1977, 105–107). См. также: Фасмер, 3, 245; Черных, 1994, 2, 3.

Трудно сказать, является ли слово **припереток** ‘предбанник’, повсеместно известное в говорах Новгородской области, отражением древнерусск. **приперть** «преддверие, сени, притвор» (XII в., XVI в., СлРЯ XI–XVII вв., 19, 245), **припърть** «преддверие, сени, притвор», «церковный придел, церковь» (XV–XVI вв., СлРЯ XI–XVII вв., 19, 245), либо относится к балт., латыш. *pirts* ‘баня’ с более поздней деривацией. См. НОС, 9, 23.

Таким образом, наименования жилых построек неисконного происхождения имеют единичные фиксации, к приведенным выше **перть** и **перт** можно добавить слово **пывзан** ‘постройка для жилья в лесу’ (Сольвыч. Волог., КСРНГ; СРНГ, 33, 186), являющееся результатом влияния коми языка, ср. коми *пывсян* ‘баня’ (ССКЗД, 310). И хотя они отражают различные субстратные языковые типы, их лингвогеографическое описание не представляется возможным.

Приводимый ниже анализ является скорее попыткой исследования лексических манифестантов концепта, нежели их рассмотрением в связи с разновидностями реалии; в данном случае доминирует ареально-этимологический аспект исследования в противовес сугубо лингвогеографическому описанию неисконных данных.

Ящик-лежанка вдоль боковой стенки печи, имеющий лаз в подполье с подъемной крышкой

Выбранный для этимологического и лингвогеографического исследования материал не имеет большого лексического разнообразия, однако его ареальная дистрибуция весьма показательна при описании субстратного ландшафта. Из всех полученных данных только лексема **кóник** имеет исконное происхождение с прозрачной мотивацией. Лексемы **кáрзина** с вариантами и **кáржина** с вариантами восходят, вероятно, к прибалтийско-финским источникам. Наибольший интерес представляет дистрибуция слов с [з] и [ж], поскольку их локализация связывается с различными субстратными языковыми типами. Фиксация слов с корнем **карз-** при тщательном анализе предполагает неоднозначную трактовку их происхождения в зависимости от места бытования в говорах. Лексема **кáрзина**, отмеченная в Белозерье, явно восходит к вепсскому субстрату, ср. *karžin* ‘подвал, подполье’ (СВЯ, 182), однако большинство фиксаций вариантов с [з] относятся к новгородским говорам, а это исключает влияние тех прибалтийско-финских языков, где это гнездо сходно с вепскими данными. Материалы ижорского и водского языков не подходят из-за серьезных расхождений в семантике, ср. водск. *karsin* ‘ясли, решетка для корма, помещение для овец, свиней’ (VKMS, 90), ижор. *karsina* ‘огороженное место в хлеву для свиней, овец, телят’, ‘ясли, кормушка’ (IMS, 138). По-видимому, слова с [з] на этой территории относятся к докарельскому субстратному влиянию вепского типа. Гнездо с другим консонантизмом — **кáржина** с вариантами — фиксируется в псковских, тверских, новгородских говорах севернее оз. Ильмень, ярославских, говорах Подмосковья, причем фонетически оно соотносится с карельскими данными, ср. кар. твер. *karžina* ‘подполье, подвал’ (СКЯП, 89), кар. тихв., валд. *karžina* ‘подполье’, при кар. *karšina* ‘подполье’ (Кестеньга, Ухта), *karzina* (Сямозеро) ‘подполье’ (KKS, 2, 76). Однако расхождения в семантике между русскими и прибалтийско-финскими данными и фиксация в псковских говорах заставляют предположить влияние субстрата балтийского типа, учитывая еще и тот факт, что в прибалтийско-финских языках это гнездо неисконно и также является результатом балтийского воздействия, ср. литов. *gardinys* ‘загородка в хлеву, ограда для скота’ (SKES, 165). Но нельзя до конца исключать и сдвиг значения на русской почве.

Слово **ялгушка** имеет точечный ареал в тверских говорах, оно восходит к кар. твер. *jalginlawda* ‘коник, широкая доска, прилегающая к печке, для удобства спуска и подъема на нее’ (СКЯП, 72), причем источником послужила первая часть карельского композита — *jalga* ‘нога’, с присоединением уже на русской почве суффикса *-ушк(а)*.

Слово **го́лбец** — скандинавского происхождения, ср. др.-сканд. *golf* ‘пол, отделение’ (Фасмер, 1, 427); оно образует широкий ареал в архангельских, костромских, вологодских говорах, со спорадическими фиксациями в Посвирье и Поволховье, что, вероятно, является реликтом прежних древних ареалов (первые сведения относятся к XIV в. — СлРЯ XI–XVII вв., 4, 59, 60). См. также: Тынтуева, 1982. 161–167). Попов, сводя в одно гнездо **голбец** и **голубец** ‘вид надгробного памятника’, на наш взгляд, неоправданно отрицает скандинавскую этимологию первого слова (Попов, 1969, 121–122).

Слово **ко́бник** отмечается в говорах Приильменя, Пудожья, Каргополя, такой дистактный ареал, вероятно, показывает миграционные пути из Новгородской земли.

Тюркские по происхождению слова **рундук** и **казёнка** не имеют широкого распространения, и поэтому довольно трудно оценить время их проникновения в говоры и неслучайность их фиксации. По памятникам письменности лексема **рундук** фиксируется в разных значениях с доминантой ‘большой ящик, ларь, служащий также подставкой’ с XVI века: — *А какъ послы вошли въ сени и встретишь ихъ, вышедъ изъ избы на рундукъ, передъ дверми, околничей. 1553 г.* (СлРЯ XI–XVII вв., 22, 256).

Кроме того, следует отметить, что слову **го́лбец** соответствует русская ориентация печи — устьем к фасадным окнам, тогда как для гнезд **ка́рзина**, **ка́ржина** характерно расположение печи устьем к боковым окнам.

Лингвоэтногеографический анализ концепта ‘ящик-лежанка вдоль боковой стенки печи, имеющий лаз в подполье с подъемной крышкой’ уже частично был реализован М. В. Витовым в работе, выполненной в 1950–1960 гг., но оставшейся незавершенной из-за смерти автора (монография «Этнография Русского Севера» опубликована в 1997 г.). Карта № 30, представленная в данном исследовании, репрезентирует названия входа в подполье, но оперирует всего лишь двумя лексемами: **рундук** и **голбец**. Причем **рун-**

дук отмечается в западной части региона с границами по р. Онеге, оз. Лаче, оз. Воже, Белому оз., р. Мологе; восточнее фиксируется слово **голбец** (Витов, 1997, 126). Таким образом, обращение к лингвистическим данным дает более разнообразную картину манифестации концепта, нежели их преимущественно этнографическая интерпретация.

Косяк двери, окна

Предметом лингвогеографического анализа является реалия ‘брус оконной или дверной рамы’, вне зависимости от его горизонтального или вертикального положения. Поэтому не рассматривается материал, в основе которого совершенно отчетливо прослеживается номинация, связанная с дифференциацией боковой стойки и нижнего либо верхнего бруса оконной или дверной коробки. Так, например, в Сегежском районе (Дуброво) концепт имеет три дифференцированные номинации: **стояк**, **верхняя подушка**, **нижняя подушка**; причем лексема **подушка** в значении ‘нижний брус оконной коробки; подоконник’ является интердиалектной единицей (см. СРНГ, 28, 230, 231).

Лексическая манифестация анализируемой реалии не слишком разнообразна. Неисконные единицы не образуют коррелирующих ареалов, а имеют спорадические фиксации на западе региона и изолированные ареалы — на востоке.

В Тихвинском и Медвежьегорском районах отмечается лексема **пéлька**, имеющая соответствия в вепсском языке и карельских диалектах, ср. вепс. *pel'* ‘притолока, косяк (дверной, оконный)’ (СВЯ, 407), кар. сев. *pieli* ‘оконный, дверной косяк, рама’ (KKS, 4, 261), люд. *piel'* ‘то же’, ливв. *pieliiine* ‘косяк (дверной, оконный)’ (СКЯМ, 264), при фин. *pieli* ‘край, сторона, столб, косяк (дверей, окна, ворот), основной брус лестницы’, ‘кол стога’ (SKES, 537). Следует отметить, что в прибалтийско-финских языках значение ‘подушка (для спанья)’ представлено данными, в основе которых лежит эта же корневая морфема, ср.: кар. твер. *pieluš* ‘подушка’ (СКЯП, 206), ливв. *pielus* ‘подушка’, ‘основание, опора, колодка’ (СКЯМ, 264), вепс. *pöluž* ‘подушка’, ‘опора, подкладка’, ‘подоконник’ (СВЯ, 456), фин. *pielus* ‘подушка’ (ФРС, 459). Однако в данном случае вряд ли следует предполагать семантическое взаимодействие, и русск. **подушка**, и фин. *pielus* функционируют в рамках семантической доминанты этих единиц в своих языках.

Лексема **бель** образует ареал на востоке региона, в говорах, непосредственно контактирующих с коми языком, к удорскому диалекту которого она и восходит, ср. коми удор. *бель* ‘косяк’ (ССКЗД, 173). Причем в литературном коми языке функционирует в этом же значении лексема русского происхождения: коми *куруч* ‘косяк’, *ödzöc курич* ‘дверной косяк’ (КРК, 318), ср. русск. **курчина** ‘воронец’ (КЭСКОЯ, 147). Однако и слово **бель** в коми языке не исконно, а представляет собой древнее заимствование вепсского типа (КЭСКОЯ, 38).

Еще одно слово коми происхождения фиксируется в Холмогорском и Пинежском районах — **зы́нза**. Основной, более частотный вариант **зы́мза** имеет значение ‘полка в доме над окнами во всю длину стены’. У Подвысоцкого отмечаются варианты **зы́мзы**, **зы́нзы**, **зы́нза** в значениях «карниз» (повсеместно), «прибитая над рукомошкой полочка, на которую кладут мыло» (Пинеж.). Подвысоцкий выдвинул немецкую версию происхождения данного материала, ср. *Gesims* (Подвысоцкий, 57), к которой присоединился и Фасмер, приводя также польск. *gzyms* (Фасмер, 2, 109). Однако даже более близкое по форме нем. *Sims* ‘выступающий край, выступ на постройке’, связанное с латин. *sīta* ‘сточный желоб, верхняя часть колонны’ (EWD, 1634), вряд ли может служить источником для русского диалектного слова ввиду локальности и отдаленности его ареала. Кроме того, следует отвергнуть и возможность перстратного влияния (через культурное, книжное воздействие, через проникновение из плотницкой терминологической системы). Фиксация слова вне зоны возможных морских контактов исключает также и скандинавский материал как источник, ср. норв., швед. *gesims* ‘карниз’ (EONDS, 219). Таким образом, коми ижем. *сымзы* ‘шесты, устанавливаемые в чуме стоймя для подвешивания крюков над костром (к ним подвязываются поперечные шесты)’ (ССКЗД, 353) следует квалифицировать как вероятный источник для русского слова. На коми почве данная лексема также неисконна, ср. ненец. *сымзы* ‘вертикальный шест внутри чума, к которому прикрепляются концы поперечных шестов для подвешивания крюков над костром’ (КЭСКОЯ, 268).

Точечный ареал образует слово **камáй** (Посвирье), восходящее к ливвиковскому влиянию, ср. ливв. *katai* ‘перемычка, притолока, верхний дверной или оконный косяк’ (СКЯМ, 122), при кар. твер. *kataja* ‘притолока’ (СКЯП, 86), кар. сев. *katoa*, люд. *kata*,

katat ‘дверной, оконный косяк’ (KKS, 2, 43), при фин. *katana* ‘притолока’, саам. кольск. *katte* ‘то же’ (SKES, 153).

Наиболее обширный ареал представляет лексема **ли́па** с деривационными вариантами, с фиксациями в псковских, новгородских, волховских, обонежских, белозерских, заонежских говорах. Вероятно, ее следует трактовать как единицу исконного происхождения, несколько смущает ограниченность ареала северо-западной зоной. Очень далеки семантически балтийские данные, ср. литов. *lip̄ne*, *lip̄yne* ‘ступень лестницы’, *līptas* ‘мостик, перекладина’ (Fraenkel, 376), ср. также норв. *rip* ‘крайняя доска лодки’, саам. норв. *ripa* ‘доска лодки, верхняя крайняя доска с внутренней стороны’, фин. *riippa* ‘верхняя часть борта лодки’ — германского происхождения (SKES, 787).

Таким образом, в данном случае лексическая манифестация показывает незначительность финно-угорского по происхождению материала: вепсского, вепско-карельского, ливвиковского и коми типа.

§ 19. Лексика питания

Данный раздел в Программе ЛАРНГ довольно обширный (250 вопросов), однако, на наш взгляд, и такого количества вопросов недостаточно, чтобы полностью отразить эту сферу в понятиях и показать реалии с устойчивыми лексическими манифестациями. Лингвогеографическое исследование данной тематической группы затруднено тем, что очень сложно выделить ту или иную реалию, которая без изменений (существенных и мелких) не только бытовала бы на территории Северо-Запада, но и была бы представлена преимущественно неисконной лексической манифестацией. Поэтому определение такого круга вопросов заняло значительное время, а их корректировка проходила уже непосредственно в полевых условиях. Эмпирическим путем были отобраны для обследования следующие вопросы:

1. Жидкость, остающаяся при сбивании масла
2. Отходы, остающиеся при перетапливании масла
3. Значения слова шаньга
4. Оладья из гороховой муки, взбитой со снегом

5. Кушанье из вареной репы или брюквы
6. Овсяный блин
7. Рефлексы прибалтийско-финского *kukko*
8. Пирог из рыбы
9. Молодая заболонь сосны, используемая в пищу
10. Крахмал, приготавливаемый в домашних условиях
11. Некрупная сушеная рыба
12. Приспособление для процеживания пивного сусла
13. Уха

Жидкость, остающаяся при сбивании масла

Традиционное для населения Северо-Запада России сбивание масла в домашних условиях имеет распространение и в настоящее время. Однако способы получения масла различны. В Карелии, Вологодской, Ленинградской областях масло получают, помешивая сметану в глиняной крынке, горшке мутовкой. Южнее и восточнее преобладает получение масла путем сбивания в специальном сосуде с крышкой, ср. новг. **сбивалка** 'приспособление, аппарат для сбивания масла' (НОС, 10, 13). Остающаяся после сбивания масла жидкость использовалась в пищу и для приготовления различных блюд, и поэтому, как широко распространенная хозяйственная реалья, имеет значительное число лексических манифестаций.

Ряд лексем представляет общеприбалтийско-финский тип. Наиболее частотно среди них слово **пахта**, это обусловлено, видимо, тем, что слово вошло в русский литературный язык, ср. **пáхта** 'жидкость, остающаяся при сбивании сливочного масла (используется в пищевой, кондитерской, хлебопекарной промышленности и сельскохозяйственном производстве)' (БТС, 788). Дериваты **пáхтанье**, **подпáхтанье** не образуют отдельных ареалов. Особняком стоит слово **пáхтус**, которое явно сближается с глаголом **пáхтать**, несмотря на формант *-ус*, восходящий, вероятно, к прибалтийско-финскому *-us*; оно не представляет собой оригинальную этимологическую единицу, а является словообразовательным вариантом, получившим развитие в результате вторичного прибалтий-

ско-финского влияния. Также довольно частотна лексема **пёхта-нье** и близкие к ней варианты, фиксируемые преимущественно в говорах Беломорья и Каргополья. Лексемы **пахтанье**, **пёхта-нье**, вероятно, следует рассматривать как дериваты от глаголов **пахтать**, **пёхтать**, в основе которых лежат карельско-финские источники, ср. ливв. *püöhteä*, кар. сев. *püöhitä* ‘сбивать масло’ (SKES, 534).

Карельско-вепские источники для лексемы **шакша** образуют ареалы восточнее р. Волхова и в юго-восточном Прионежье, ср. кар. *šakšu* ‘осадок, отстой’ (KKS, 5, 265), вепс. *šakšud* ‘шкварки, вытопки’ (СВЯ, 542).

Вепское субстратно-адстратное влияние проявляется в Подпорожском и Бабаевском районах: **пахта** восходит к вепс. *rahtod* ‘вытопки от масла’ (СВЯ, 462); **акшинье** возможно сопоставить с вепс. *ahkud*, *aškud* ‘выжимки, остатки после масла, шкварки, вытопки’ (СВЯ, 21).

Лишь одна лексема **оттушка**, вероятно, может быть связана с саам. *tuššao* ‘бить, ударять’ и является отглагольным субстантивом на русской почве; хотя не исключено, что ее источник — саам. *tuššě* ‘бесполезный, напрасный, пустой’ (KOLTKS, 622).

В макроструктуре русских говоров выделяются три зоны: для обследованной территории характерно доминирование прибалтийско-финской по происхождению лексики; для новгородских, псковских, московских, рязанских, тамбовских говоров, русских говоров Прибалтики отмечается преобладание исконной лексической манифестации — **измятина** ‘жидкость, остающаяся при сбивании масла из сметаны или сливок’ (Пск., Новг., Моск., Ряз., Там., Латв. ССР, Эст. ССР, СРНГ, 12, 152); для юго-западной части южно-русских говоров наблюдается фиксация слова **юрáга** «сыворожка, остатки от сбитого масла» (Южн., Даль, 4, 669; Курск., КСРНГ). Последнее рассматривается Трубачевым как др.-чувашское заимствование, ср. др.-чуваш. **yрау* ‘сыворожка, пахтанье’, откуда и венг. *író* ‘сыворожка, пахтанье’ (Фасмер, 4, 532; Трубачев, 1960, 29; Шипова, 1976, 430; Gombocz, 1912, 88).

Таким образом, севернорусское по природе слово **пахта**, вошедшее в терминологическую систему русского языка, не фиксируется в говорах вне своей автохтонной зоны, что подтверждает правильность включения его в сферу ареально-лингвистического анализа.

Шаньга

Многообразие лексико-семантических вариантов слова **шаньга** обусловлено пестрой картиной проявления реалии. Определение типов семантических дифференциаций было затруднено не всегда четким выявлением реалии при ее описании, а также многообразием бытования различных выпечных изделий с данной номинацией. Так, например, Т. А. Воронина в статье «Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области» на материалах, собранных в 5-ти районах (Сокольском, Междуреченском, Тотемском, Нюксенском, Тарногском) представляет свыше 40 наименований различных пирогов (Воронина, 1992, 88–90).

В Словаре Даля выделяются значения слова **шаньга** с ареальной привязкой: «**шаньга, шанга, шанежка, шанечка**, сев. вост. сиб. род ватрушки, сочня или простой лепешки; казан. опресночек, сушняк, засушенная лепешка; новг. пресные оладьи, пыжки, блинки, пряженые на сковороде; волог. арх. перм. сиб. кокурка, хлебец, квашенный, ржаной, ячный (житный), пшеничный, облитый маслом, сметаной, ватрушка с кашей, с мятым картофелем или с творогом, посдобленная сверху сметаной и пр. Шанежки да пирожки (косарям), так под самые корешки! Доедай, кума, девяту-ту шанежку: мне однако от мужа битой быть!» (Даль, 4, 641).

Для Фасмера происхождение слова не ясно (Фасмер, 4, 405). Однако фиксация данной лексемы на Севере России, Урале и Сибири, при отсутствии в южнорусских говорах и соответствий в других славянских языках, сразу же предполагает неисконность ее происхождения. Можно выделить несколько этимологических версий.

Авторы SYRW трактуют коми материал, ср. коми *šaiŋga* ‘круглая выпечка из ржаной муки’, как заимствование из русского (SYRW, 256).

Иваницкий полагал, что **шаньги** перешли к русским от коми-зырян (Иваницкий, 1880, 24). См. также Воронина, 1992, 90. На финно-угорской почве слово фиксируется в коми верхневычегод., верхнесысол., вым., лузско-лет., печор., ижем., присыктывкар., среднесысол. *шаньга*, удор. *шаньги*; нижневычегод. *шаньди* ‘лепешка со слоем мятого картофеля, каши, творога, жидкого теста, размешанного на простокваше’ (ССКЗД, 424), марийск. *шаньга* ‘ватрушка с начинкой из конопляных семян’, удм. *шаньги* ‘ва-

трушка' (КЭСКЯ, 317). Авторы КЭСКЯ полагают, что слово сложилось в прибалтийско-финских языках, ср. фин. *sänki* 'жнивье, стерня', ливв. *sängi, šängi*, люд. *šäng*, вепс. *säng* 'жнивье, стерня', при марийск. луг. *šänge* 'сухая ветвь куста или небольшого дерева', чуваш. *šangâ: tipšangâ* 'хворостинник, кустарник' (SKES, 1168), а карельское слово распространялось из районов Вологодской и Костромской областей в места, населенные марийцами, удмуртами (КЭСКЯ, 317). Романов также рассматривает эту единицу как заимствование из коми-зырянского, причем с мотивацией от коми *шань* 'хороший' (Романов, 1928, КСРНГ). См. также Ольгович, 1963, 33.

Имеется и тюркская версия происхождения слова **шаньга**. Шипова включает его в свой словарь, однако, без аргументации (Шипова, 1976, 411). В татарских говорах, распространенных на территории Башкирии, ватрушка известна под названиями: *шэнге, шэн'ге*; в диалектах башкирского языка лексемы *шэн'ге, шэн'кэ, шэн'ке* имеют значение 'большой пирожок' (Хайрутдинова, 1993, 39). Однако отсутствие относительно сопоставимого материала в других тюркских языках меняет взгляд на направление заимствования. А приводимое Лутовиновой тюркск. *шан'гí, шан'гу* 'беспокойный, беспокоящий', вряд ли имеют какую-либо мотивировочную связь с анализируемым материалом (Радлов, 4, 301; Лутовинова, 1997, 164). И хотя в татарской традиции **шаньга** трактуется как старинное блюдо (Ахметзянов, 2000, 182), подчеркивается, что оно наиболее распространено у сибирских татар, а это вряд ли свидетельствует об исконности слова на татарской почве.

Также неисконны данные обско-угорских языков: манс. *санька, шан'кэ, сан'кэ, сан'хэ* 'коржик' (МРС, 99), хант. *šan'ka, šan'ga* 'вид выпечки, ягодник' (DEWOS, 286), скорее всего, являются заимствованиями из коми.

Ареальная дистрибуция слова **шаньга** показывает ее ядро в вологодских, архангельских говорах, причем западные границы основного ареала (исключая спорадические фиксации) не уходят далее каргопольско-пудожских говоров, а распространение деривата **шанежка** в новгородских и даже псковских говорах (КПОС, Лутовинова, 1997, 161) связано уже с влиянием диалектной макроструктуры русских говоров, когда какая-либо лексическая единица получает интердиалектное распространение (или в группе говоров, или становясь общерусским материалом). А это уже сле-

дует рассматривать в контексте процессов междиалектного внутриязыкового взаимодействия. Лексема **шаньга**, имея широкую дистрибуцию в русских говорах, вероятно, могла войти и в общерусскую систему стандартного языка, поскольку в языке художественной литературы уже была представлена, ср. Слов. Ушакова: **шаньга**, обл. 'лепешка со слоем масла или сметаны; ватрушка'; МАС: **шаньга**, обл. 'печеное изделие в виде ватрушки или лепешки'; БТС: **шаньга**, нар.-разг. 'то же', как это случилось со словом **пельмени**. Однако этого не произошло, поскольку данная реалья имела исконные номинации: ватрушка, лепешка, блин и т. п. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что широкое распространение слова **шаньга** в русских говорах связано с воздействием коми языка, поскольку его ареал находился в непосредственной близости от ядра формирующейся великорусской нации (и языка), и только в результате такого ядерного контактирования, при адстратном взаимодействии, часть лексики входила в стандартный (литературный) язык (Калина, 1927, 21–41; КЭСЯ, 288). Коми источник объясняет и значительные фиксации слова **шаньга** в русских говорах Сибири, поскольку в колонизации Урала⁵⁸, а затем Сибири приняли участие и группы коми. Так, отряд Ермака вели через Урал 40 проводников коми. Выходцы из Коми края были в числе основателей и жителей большинства возникших в Сибири городов. Об этом свидетельствуют данные антропологии в сибирских документах XVI–XVIII вв. (Жеребцов Л. Н., 1982; Жеребцов И. Л., 1996; Народы Поволжья и Приуралья, 2000, 25, 26).

Поэтому вряд ли кар. *šanki* 'выпечка' можно рассматривать как источник русского слова, в данном случае направление заимствования как раз обратное (Аникин, 1997, 719).

Полисемантическую связь слова **шаньга** весьма затруднительно связать с различными типами финно-угорского воздействия. Значение 'ватрушка' имеет обширные, но разбросанные фиксации от Чудского озера до р. Мезень; значение 'лепешка, оладья' отмечается в Поволховье, Белозерье, Пошехонье, в бассейнах рр. Сухона, Северная Двина; более упорядочена дистрибуция значения 'защипанный по краям корж с начинкой' — в Приладожье, Заонежье,

⁵⁸Близ Верхотурья в 1639–1640 гг. было известно несколько деревень коми (Морозов, Пархимович, 1997, 18.)

Беломорье. Лексема **шáньга** в значении ‘кушанье из гороховой муки, взбитой со снегом’ фигурирует в Пошехонье и в бассейне р. Сухоны.

Таким образом, полисемия слова **шáньга**, вероятно, имеет вторичный характер и связана с его функционированием в русских говорах.

§ 20. Водный транспорт

Для сбора данных по этому разделу нами использовались следующие вопросы:

1. Лодка из двух скрепленных долбленых бревен.
2. Парусная лодка.
3. Настил на дне лодки.
4. Употребляется ли и в каких значениях слово карбас?
5. Рукоять (кормового) весла.
6. Плот.

Лодка из двух скрепленных долбленых бревен

В Программе ЛАРНГ в разделе VI «Пути сообщения, транспортные средства» имеются следующие вопросы, посвященные лодкам-долбленкам: ЛСЛ 21039 лодка, выдолбленная из дерева; ЛСЛ 21040 небольшая долбленая лодка; ЛСЛ 21041 лодка из двух скрепленных долбленых бревен. Априори совершенно очевидно, что использование тех или иных водных транспортных средств связано с типом водоема (река, озеро, море) и степенью его включения в хозяйственную деятельность. И поэтому некоторые вопросы могут иметь ответы только на крупных водоемах, другие — на небольших.

Лодки, выдолбленные из дерева, а чаще всего — из осины, характерны для всей Северной Европы, причем они встречаются в археологических раскопах, датированных IX в. н. э. (Sirelius, 1913). Хотя это довольно примитивные плавательные средства, как замечал Д. К. Зеленин: «Лодки — очень разнообразны, однако названия еще более разнообразнее их типов» (Зеленин, 1991, 173). На

обследуемой территории встречаются лодки-долбленки двух типов: 1) лодка с бортовыми балансирами или балансиrom; 2) лодка в виде двух скрепленных долбленых бревен, с доминированием последнего типа. Однако довольно часто они не различаются в названии, и нередко весьма затруднительно классифицировать ту или иную лексему по ее принадлежности к определенной реалии, поскольку в настоящее время их уже не изготавливают, а используют уцелевшие старые образцы. Следует подчеркнуть, что рассматриваемый тип средств передвижения по воде распространен, в основном, на малых реках и озерах; в населенных пунктах, расположенных вблизи крупных водоемов, при отсутствии небольших, редко удавалось зафиксировать наименования лодок-долбленок.

Среди зафиксированных данных имеется немало исконных слов, по происхождению связанных с материалом, древесиной, из которой выдалбливались такого рода лодки. Лексема **оси́новка**, отмечаемая в архангельских, беломорских говорах (по СРНГ: Арх., Мурман., Беломор., Онеж., Новг., Волог., Перм., Свердлов., Тобол.), находит прямое семантическое соответствие в прибалтийско-финских диалектах, ср. кар. *hoara* 'осина' (KKS, 1, 291), кар. тихв. *huavasta luajitah venehtä i kartoï* — из осины делают лодки и корыта (KKS, 1, 291), ср. также фин. *haario* 'челн, выдолбленный из осины', эст. *haabjas* 'лодка, небольшая лодка, ялик', мотивированные на прибалтийско-финской почве материалом, из которого изготавливались лодки-долбленки, совпадающие семантически с русскими данными (SSAP, 1, 126). Причем ливвиковские материалы в отношении данного наименования имеют другое дерево в качестве мотивировочного признака, ср. ливв. *hongoi* 'челн, лодка, долбленая из цельного дерева', при ливв. *hongu* 'большая сосна' (СКЯМ, 72; см. также KKS, 1, 308).

В зафиксированных данных представлено довольно много деривационных вариантов с корневой морфемой **дуб-**, среди них отмечаются следующие: **дуби́на** (Тихвинский район, также псковские говоры; см. ПОС, 10, 30), **дуба́н:** — *К дубану пришиваешь две колоды, чтоб не переворачивались* (Плесецкий район), **дуба́ны:** — *Дубаны делали, два корыта по сажени сколотят рядышком* (Пудожский район). Особняком стоит слово **ду́бас**, бытующее в вологодских говорах. В рукописном словаре Дилакторского **дубас** представлено следующим образом: **ду́бас** «род длинного корыта, выдолбленного из осинового бревна, заменяющего на некоторых

речках лодку, причем веслами не работают, а отпихиваются колом». Ранее в XVIII в. слово **дубас** отмечается Симони в Великом Устюге (Симони, 1757; СРЯ XVIII в., 7, 22). В СВГ **дубас** «выдолбленная из осинового колоды лодка с наращенными для ее устойчивости бортами-крыльями из досок; в движение приводится посредством отталкивания шестом» (Кичменско-Городецкий, Великоустюгский, Никольский районы) (СВГ, 1985, 62). Однако, несмотря на то, что данный вариант характеризуется устойчивой локализацией и формантом *-ас*, вероятно, финно-угорского происхождения, полностью относить слово к неисконному влиянию не представляется возможным (см. также Фасмер, 1, 548). Отмечается бессуффиксальный вариант: **дуб** «лодка, выдолбленная из сосновой колоды» (у карелов в Кемском уезде в словаре Подвысоцкого), которое Фасмер анализирует на славянской почве, ср. серб. *дуб* (Фасмер, 1, 548).

Зафиксированная лексика неисконного происхождения имеет преимущественно четкие ареальные границы. Обратимся непосредственно к материалу. Слово **ругача**, **ругачи** соотносится с двумя типами лодок-долбленок: лодка с балансирами, два скрепленных долбленных бревна. Эти лексемы образуют однородный ареал, включающий говоры Обонежья, среднего Посвирья, юга Ленинградской, севера Новгородской областей. Первая фиксация слова представлена в Опыте: **ругача** «плот, составленный из двух выдолбленных бревен, для ловли мелкой рыбы на маленьких озерах» Вытегор. Олон. В словаре Куликовского описан уже другой тип долбленки **ругачи** : **ругача** «большое, грубо сделанное из осинового бревна корыто, заменяющее на лесных озерах лодку, для того, чтобы оно было устойчивее на воде, с боков к нему приколачивают еще по одному бревну» Пудож., Заонеж. (Куликовский). По заонежским данным Певина (КСРНГ) — **ругача** «корыто, выдолбленное из осины — заменяет лодку в ламбах и небольших озерах» (Великая губа, Толвуя). Здесь же, в Толвуйской волости, этнографические исследования отмечают, что **ругоча** представляет собой тип лодки-долбленки с двумя прибивными досками-балансирами по бокам (Логинов, 1993, 70). По материалам ПЛГО представлено слово **ругача** «долбленка из двух бревен» в Лодейнопольском р-не (Алеховщина, Тервеничи, Печеницы, Явшиницы, Вонозеро), в Подпорожском (Юксовичи), где также отмечается вариант **ругач** (Шеменичи). Кроме того, ранее лексема **ругачи** отмечалась в Бе-

лозерском уезде (Семеновская волость) (Тр. МДК, вып. 12); **ругача** фиксирует Герд в Чудовском и Киришском р-нах (Герд, 1975, 192). Калима возводит анализируемое слово к вепс. *rūh*, мн. *rūhed*, (Kalima, 1915, 206), ср. средневепс. *ruhats̄* ‘старая лодка’ (SKES, 888). В настоящее время имеется тенденция к сужению ареала слов **ругача**, **ругачи**. Авторы SKES предполагают, что прибалтийско-финское гнездо — германского происхождения, сравнивая с прагерм. **prūha*, др.-норв. *þró* ‘выдолбленное бревно, деревянный желоб для воды’ (SKES, 888), ср., однако, славянские и балканские данные: болг. *strugъ*, словен. *strug*, чеш. *struh*, польск. *strug*, румын. *strug*, алб. *strug* ‘рубанок’, рассматриваемые на индоевропейской почве: **stroug-* → ирланд. *trog*, *truag* (Scārlātoiu, 1980, 134), при русск. **струг** ‘легкая лодка’, латыш. *strūga* (Фасмер, 3, 782).

Лексема **кўтька**, по данным ПЛГО, в значении ‘лодка из двух скрепленных выдолбленных бревен’ фиксируется в говорах Новгородской области (Валдайский, Крестецкий, Демянский р-ны), возводится к источникам из смежных карельских тверских диалектов, ср. кар. твер. *kuwt't'i* ‘долбленка, челн’ (СКЯП, 124). Вариант **кўйта** представлен также в диалектных лексикографических источниках в следующих значениях: «небольшая лодка, выдолбленная из одного дерева» (Олон., Опыт); «долбушка, ботничок, однодеревка или душегубка» (Олон., Даль, 2, 217); «большая лодка» (Повен. Олон., Куликовский). Калима для варианта **кўйта** предлагает карельскую этимологию: кар. *kuit't'i*, ливв. *kwitti* ‘лодка’ (Kalima, 1915, 136). На прибалтийско-финской почве данное гнездо не является широко распространенным, ср. кар. *kuutti*, *kuut't'i* ‘челн, выдолбленный из одного дерева (осины, сосны или ели), по обеим сторонам которого прибиты доски’ (KKS, 2, 501), ливв. *kuwt't'i* ‘лодка-долбленка’ (СКЯМ, 169), фин. *kuutta* ‘лодка-долбленка’, эст. *kuut* ‘деревянное судно’; причем это гнездо является отражением скандинавского влияния, ср. швед. *skuta*, дат. *skude* (SKES, 253). Несмотря на близость формы вариантов **кўтька** и **кўйта**, исходя из дистантности ареалов, они разводятся в этимологическом плане (см. выше).

Лексема **чўпа** фиксируется только в Каргополье, хотя в сходных значениях и форме отмечается несколько шире в вологодских говорах. Слово **чўпа** приводится Куликовским для Каргопольского уезда: «два узких долбленных корыта, скрепленных вместе для езды по малым рекам и озерам» (Куликовский). Лексема с расши-

рительным формантом *-ac* — **чўпас** — обозначает несколько иной вид плавательного средства: «широкое корыто с двумя досками по бокам, приделанными в горизонтальном положении крыльев; чупас заменяет собой лодку на маленьких речках и озерах» (Волог., Дилакторский). Итконен, анализируя материалы Куликовского, предлагает саамскую этимологию, ср. саам. кильд. *suβes*, ген. *suβras* ‘киль’ (Itkonen, 1932, 61). Однако непонятно происхождение данных на саамской почве. На наш взгляд, приводимые Итконеном этимоны являются источником для русск. **чўпус** «выдолбленная для челнока осиновая колода, пока в нее не вставлены шпангоуты» (Каргоп. Олон., Куликовский), которые также можно связать с кар. *tšuppi* ‘угол’. А лексема **чўпа** имеет в основе другие саамские данные, ср. саам. кильд. *suβpE* ‘осина’ (по материалу, из которого изготавливается лодка), ср. также: фин. *haara* ‘осина’, при *haarjo* ‘челн, выдолбленный из осины’.

Лексема **рўйки** в основном значении фиксируется по ПЛГО в говорах Ленинградской и Новгородской области (Бокситогорский, Киришский, Любытинский, Мошенской, Окуловский р-ны), отмечается в лексикографических источниках: **рўйки** «две длинные долбленные лодки в виде корыт, соединенные вместе, используемые для ловли рыбы на малых озерах» (Борович., Любыт., Новг., Окулов., Пестов., Тихв., Хвойнин., НОС, 9, 149); «две маленькие лодочки в виде корыт, скрепленные вместе» (Бурнашев); «два сплоченных челна, иногда с настилкой, или на которых гребец сидит верхом, с одним гребком» (Твер., Даль, 4, 104). Вероятно, возможно в качестве источника рассматривать прибалтийско-финский материал, ср. вепс. *roikod* ‘две осинового лодки в виде корыта, соединенные вместе’ (СВЯ, 479), однако вепсские данные не имеют однозначного прочтения. Их можно трактовать как вепсский вариант фин. *ruuhi* ‘челн’ и как результат русского диалектного влияния, ср. **рўйка** ‘продольная выемка в бревне’ Каргоп., Пинеж. Арх. (КСРНГ).

Слова **ушкўй**, **ушкўйка** отмечаются в Обонежье и в Вельском р-не Архангельской области. «На небольших водоемах заонежане пользовались долбленными из осины лодками-однодревками с двумя прибивными досками балансирами по бокам. Борта однодревок наставлялись дощатым набоем. Хотя устройство данного типа лодок повсеместно было одинаково, названия для них были разные, челн (Шуньга), **ушкўйка** (Великая Губа) (Логонов,

1993, 70). Миккола обосновывает их древневепское происхождение, возводя к др.-вепс. **wiskoi* (Mikkola, 1913, 160–163).

Лексема **бўса** имеет только одну фиксацию на востоке Вологодской области, причем вне обследуемого региона она отмечается в вятских говорах — **бўса** «две выдолбленные колоды с сужеными полосами, которые скреплены между собою и служат для плавания по пруду, где не употребляются лодки» (Васнецов, 1907, 22), в ярославских — **бўса** «выдолбленная из одного куска дерева лодка» (ЯОС, 1982, 32), т. е., хотя и не с тождественной, но со сходной семантикой, данное слово представляет вологодско-ярославско-вятский ареал. Первая фиксация датируется началом XV века с северной локализацией: **буса** «род мореходного судна» (1419). *Того же лета, пришедъ мурмане войною, въ 500 человекъ, в бусахъ и въ шнекахъ, и повоеваша в Арзуги погостъ Корильский.* Новг. 1 лет. (СРЯ XI–XVII вв., 1, 358). В ПОС слово **буса** «большое весельно-парусное судно» фиксируется только в исторической части словаря под 1448 г. (ПОС, 2, 222). В XVII веке слово **буса** «род судна» фиксируется по сибирским источникам (Илим., 1683, Нерчин., 1682, СРНДР, 14). По источникам XVIII века слово **бўса** «дубовое долбленое двухмачтовое судно, похожее на ладью» фиксируется на Дальнем Востоке и на Каспийском море (СРЯ XVIII века, 2, 172). По СРНГ отмечается **бўса** «большой корабль» (Симб., Оренб., Урал), **бусá** «китайская лодка» (Амур), причем в более поздних данных на Амуре фиксируются варианты **бусá**, **бусы́** «китайская лодка, джонка» (СРГП, 32). По материалам ПЛГО и другим диалектным источникам европейской части России слово **буса** имеет значение «лодка из двух скрепленных выдолбленных бревен», тогда как по сибирским диалектным данным и историческим источникам лексеме **буса** дается толкование «большое вместительное плавательное средство». Так, например, в словаре Срезневского **буса** — род судна: *... взяли у нихъ бусу одну, на ней было полтораста человекъ да четыре пушки* (Срезневский, 1, 194); отмечается у Ричарда Джеймса: **бусы** — небольшие корабли, на которых в Каспийском море плавают персы (Богородский, 1983, 41). Срезневский и следом за ним Преображенский относят данный материал к древнескандинавскому влиянию — *bussa, búza*, «род судна» (Срезневский, 1, 194; Преображенский, 55); см. также Фасмер (Фасмер, 1, 251). Аникин также останавливается на традиционной этимологической версии, отме-

тая сравнение дальневосточного материала с кит. *бо* ‘судно’ (Аникин, 1997, 150). На наш взгляд, возможно развести **буса** ‘судно, корабль’, ‘китайская лодка, джонка’ и **буса** ‘лодка-долбленка’. В первом значении данная лексема, вне всякого сомнения, восходит к скандинавскому влиянию; что касается второго значения, фиксация его на востоке исследуемой территории, в сфере влияния коми языка позволяет наметить пути разграничения этих лексико-семантических вариантов как гетерогенных омонимов, ср. коми *бус* «длинное широкое корыто для кормления домашнего скота заварным кормом» (ССКЗД, 31), мар. *пуш* ‘лодка’ (РМС, 184). Хотя Б. А. Серебренников сопоставляет марийские данные с коми *пыж*, удм. *пыж* ‘лодка’ и далее удм. *пыжаны* ‘жарить’. Однако на финно-угорской почве не ясно взаимоотношение этих материалов с манс. *һар*, хант. *һор* ‘лодка’, венг. *hajó* ‘корабль’ (Серебренников, 1968, 302–303), ср. также ненец. *һапо* ‘лодка’. Лексема **юма**, отмеченная в Пошехонье и смежных ярославских говорах, в ином, но сходном значении фиксируется начиная с 1347 г. — др.-русск. **юма** ‘вид лодки’ (Срезневский, 3, 1626). В этом же ареале данное слово встречается в диалектных источниках XIX века: **юма** ‘плот из сплаваемых бревен’ (Пошех. Яросл., Архангельский, 1849), **юма** «то же, что кошма — сплоченные бревна, гонимые по воде, гонки, из коих выходит около 3-х сажень дров» (Черепов. Новг., Эрдман, 1852), **юма** ‘соединение нескольких плотов из бревен, сплаваемых по воде’ (Яросл. (Норское), Богородицкий, 1927–1928, 138). В Доп. Опыт на слово **юма** допущена ошибка в толковании из-за ложного понимания семантической трактовки Эрдмана — **юма** ‘кошма’; в этом словаре толкование «кошма» получил ещё неверный синоним — войлок; «юма... 2) То же что кошма, войлок. Новгород. Череп.» (Доп. Опыт.). Слово **юма** вошло в лесоводческую терминологию: **юма** ‘дровяной плот в 40–50 сажень аршинных дров на р. Шексне’ (Вереха, 1896). Фасмер в отношении происхождения лексемы отмечает его неясность (Фасмер, 4, 530). Довольно трудно сопоставить анализируемое слово с какими-либо славянскими соответствиями, при том что его ареал связан с территорией, где соприкасается прибалтийско-финское влияние (Череповецкий уезд) и субстратное мерянское. Однако сложно сказать, имеет ли отношение к нему фин. *uiva* ‘плавающий’ или манс. *uimat* ‘плавать’ (SKES, 1519); возможна так же субстратная реконструкция на иной языковой почве и семантической основе, ср. латыш. *jumis* ‘двойчатка (что-л. сросшееся)’ (ЛРС, 88).

Лексема **кóротни**, на первый взгляд, связана с гнездом **кo-рыт-** с прозрачной исконной мотивацией, однако ср. коми *кõр-тавны* ‘завязать, связать, привязать’ (КЭСКЯ, 142), при данных вятских говоров: **шй́тик** ‘два сшитых корыта, заменяющих лодку’ (Зеленин, 1901), что семантически довольно близко к данным коми языка.

Таким образом, в западной части региона, на территории псковских, новгородских говоров, доминирует славянский материал.

Прибалтийско-финские по происхождению данные представлены вепским типом: **ругача, ушкойка, ройки**; карельским — **кутька, кути**.

Ареалы слов **осиновка, коротни** допускают возможность взаимодействия в сфере семантики соответствующих финно-угорских и русских данных.

Слово **рогáль** (ярославские говоры), вероятно, также неисконного происхождения, однако связать его с определенным прибалтийско-финским типом весьма затруднительно, ср. **ру́гач**.

Лексема **обласóк** имеет корень, который восходит к прибалтийско-финским данным — **ласт** ‘материал для обивки лодки’, ср. фин., ливв. *lasta* ‘дранка, планка’ (Фасмер, 2, 463), **областй́ть** ‘обить по пазам дранкой’ (Даль), однако Фасмер выдвигает надуманную версию о связи со словом **облый** ‘круглый’ (Фасмер, 3, 102).

Глава 3. НЕИСКОННАЯ ЛЕКСИКА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА

Проблема диалектного членения, выделения границ отдельных диалектов весьма сложна, как в плане выдвижения теоретических принципов и научной базы для такого рода исследования, так и в плане их практического воплощения. Русская лингвистика XIX — начала XX века исходила из положения, что говор является цельным образованием с достаточно четко очерченными границами. И. И. Срезневский замечает в этой связи: «Во всяком крае есть свой язык, свое наречие, свой говор» (Срезневский, 1851, 4). И далее: «Границы языка обведены как границы государства, границы его наречий — границы областей, границы местных говоров каждого из наречий — как границы округов и волостей каждой области» (Срезневский, 1851, 6). Подобной же точки зрения придерживались А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский (Соболевский, 1902). Авторы «Опыта лексикологической карты русского языка в Европе» (Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков) предложили в своем труде членение русских говоров на основные их территориальные разновидности — наречия, разделенные на группы говоров (Тр. МДК, вып. 5, 1915). Подобные взгляды на говор и его границы могли базироваться не на комплексном анализе языковых явлений какого-либо диалектологического объединения, а только на рассмотрении какого-либо яруса системы (например, фонетики).

Изолированный подход к изучению диалектных явлений привел к противоположной точке зрения. Немецкие лингвисты Х. Шухардт (Schuchardt), Й. Шмидт (Schmidt, 1872) выдвинули положение, согласно которому о говоре нельзя говорить как о реально существующей единице, говоры не противостоят друг другу, а незаметно переходят один в другой. Г. Пауль еще в 1880 г. в «Принципах истории языка» сходным образом определил свое отношение к данной проблеме: «Каждое языковое изменение, а тем самым и происхождение каждой особенности диалекта имеет свою историю. Границы ее распространения не имеют значения для других границ. Если в связной языковой области провести границы для всех диалектных особенностей, то мы получим чрезвычайно сложную систему перекрещивающихся линий. Точное деление на группы и подгруппы невозможно» (Пауль, 237). Близкую позицию занимали и французские лингвисты Ж. Жильерон, Г. Парис, по-

следний утверждал: «На самом деле диалектов не существует. . . народные говоры переходят один в другой неуловимыми оттенками. Крестьянин, знающий только говор своей деревни, несомненно, понял бы говор соседней; уже с некоторым трудом — говор деревни, расположенной дальше соседней, и так вплоть до такого места, говор которого он мог бы понять лишь с трудом» (Paris, 1888, 161). Он считает правомерным изучение только ареального распределения отдельных диалектных явлений.

Подобное решение данная проблема получила и в трудах некоторых финских лингвистов. М. Рапола во «Введении в финские диалекты» пишет: «Несомненным кажется то, что границы, где распространено какое-либо отдельно взятое языковое явление, редко бывают одинаковыми в любом направлении вместе с каким-либо другим языковым явлением. Поэтому границы разных диалектов не поддаются точному научному определению; легко заметить, что диалекты существуют, но где один диалект заканчивается, а другой начинается, это всегда более или менее вопрос, решаемый произвольно. . . Это относится к картам, на которых обозначены диалектные группировки и границы диалектных ареалов. Лишь только отдельно взятые явления имеют сравнительно точные ареальные границы» (перевод мой — М. С.) (Rapola, 1961, 15–16). У концепции Г. Париса, несмотря на значительное число сторонников, появился ряд противников. Один из них, А. Хорнинг, в статье «О границах диалектов в романских языках» замечает, что под границей диалектов не обязательно подразумевать резкую линию, иногда — относительно узкую зону линий (Horning, 1893, 160–183). Значителен вклад в дело исследования теоретических проблем диалектного членения К. Хаага. В работе «Говоры в верховьях Неккара и Дуная» он выделил территориальное ядро сравнительно однородных говоров, которое было им названо ядром диалектного ландшафта. Такие ядра окружены более мелкими периферийными территориями — зонами вибраций (Haag, 1898). К. Хааг определяет границы диалектов по характеру изменения звуков и по локализации изоглосс тем, что они «окружают крупные цельные области; существуют, но только как исключения, отдельные, оторванные от них части, островки. . . Важные границы почти никогда не выступают в одиночку; они всегда соединены с другими в пучки. . . Языковые островки расположены обычно у крупных пучков границ: они образуют устойчивые пункты» (Хааг, 1955, 72–74).

Работы В. М. Жирмунского следуют в русле творчества немецких ученых Ф. Вреде, А. Баха, К. Хаага, принципиально важным является его положение о различной значимости изоглосс в образовании диалектных границ: «Диалектные признаки, одинаково отражающиеся на картах лингвистического атласа как изоглоссы, на самом деле, отличаются друг от друга и по своей древности и устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для фонетической или грамматической системы языка. Соответственно этому следует различать границы разных степеней и разного характера. При этом изоглоссы различных явлений далеко не всегда изолированы, нередко полностью или частично совпадают друг с другом, образуют «пучки», совпадающие с границами общения, с хозяйственно-политическими территориями эпохи феодализма. Несмотря на наличие на периферии диалекта переходных говоров (так называемой «зоны вибрации»), отчетливо выступает единство его основного ядра» (Жирмунский, 1954, 23).

Большое значение придавалось разным видам изоглосс для выделения группировок говоров в трудах советских лингвистов. К. В. Горшкова подчеркивает: «Диалектная дифференциация языка не может быть построена без проекции структурных различий на территории бытования языка. Диалектное членение многослойно: одни изоглоссы могут выделять незначительные противопоставленные территории, другие — большие ареалы. Общая проблема диалектного членения часто связана с различной значимостью изоглосс, по отношению к разным сторонам системы языка» (Горшкова, 1968, 174).

Р. И. Аванесов выделяет два типа изоглосс, причем неравноценных, с его точки зрения, для выделения диалектных группировок: «1. Изоглоссы фонетических или грамматических явлений или почти безотносительно, с единичными исключениями по отношению к словарному составу, т. е. реализующихся в любой соответствующей лексеме, представляющей данное фонетическое положение или грамматическую категорию. К этому же типу изоглосс примыкают и изоглоссы явлений фонетического и морфологического характера, связанные с отдельным словом или небольшим количеством определенных слов. . . 2. К другому типу изоглосс относятся изоглоссы различий собственно лексического характера (различные названия одних и тех же понятий) и изоглоссы различий семантического характера (различные значения одного и того же

слова). Изоглоссы двух основных типов совершенно очевидно будут иметь различное значение при решении ряда вопросов... Изоглоссы первого типа выделяют наиболее определенные и противопоставленные территории, занятые теми или иными разновидностями явлений» (Аванесов, 1962, 233—234).



Северо-Западный регион России. Территория обследуемых говоров: Карелия (1), Архангельская (2), Вологодская (4), Костромская (5), Ленинградская (3), Мурманская (10), Новгородская (8), Псковская (9), Тверская (7), Ярославская (6) области. Здесь и далее пунктирная линия указывает границу между областями.

Несомненно, что при выделении крупных диалектных группировок изоглоссы первого типа могут иметь решающее значение, но для микроареального изучения говоров (что является предметом нашей работы) важно детальное изучение лингвистического ландшафта обследуемой территории, т. е. рассмотрение всей совокупности изоглосс и характера их расположения. При этом изоглоссы

лексико-семантического типа для определения микроареалов в однотипном говоре или группе говоров играют самую важную роль. Следует отметить, что термин изоглосса, с ориентацией на периферию явления, его границу, а не на ее ядро, уже не отражает современных достижений общей диалектологии, лингвогеографии, ареальной лингвистики; предпочтительней, на наш взгляд, говорить об ареале какого-либо языкового явления, указывающем на его наибольшую концентрацию на какой-либо территории.

Для современной русской лингвистики при выделении диалектных границ характерен учет всей совокупности языковых явлений. Так, например, в книге «Вопросы теории лингвистической географии» под редакцией Р. И. Аванесова авторы предлагают рассматривать звуковые диалектные различия, различия в формах словоизменения, словообразования, синтаксические различия (Аванесов, 1962, 233 — 234). На этой же основе проделан анализ группировок русских говоров в ряде крупных работ: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» (ОСВРН), «Русская диалектология» (Русская диалектология, 1964), «Диалектное членение русского языка» (Захарова, Орлова, 1970). Авторы исходят из понимания говоров как территориальных единиц, проводят диалектное членение на основе анализа закономерностей лингвистического ландшафта русского языка, то есть выясняют все случаи совмещения ареалов языковых явлений; осуществляют основные типы членения территории языка на базе наиболее значительных сочетаний ареалов и по характеру расположения выделяющихся частей по отношению друг к другу (ОСВРН, 9).

В проанализированных выше работах группировки русских говоров имеют следующую градацию: наречия, группы говоров, говоры; специально выделялись межзональные говоры, для которых характерно «сочетание ареалов разных зон или групп» (Захарова, Орлова, 1970, 116), а также диалектные зоны «на основе таких сочетаний ареалов и пучков изоглосс, которые, находясь в основной своей части в пределах того или другого из наречий, пересекают, как правило, их границы» (Русская диалектология, 1964, 229).

Следует отметить, что принципы установления диалектного членения в последнее время варьируются и существуют мнения о возможности типологического, структурного, генетического, статистического, вероятностно-статистического, таксономического подходов (Ивић; Пиотровский, 1963; Пшеничнова, 1977, 1979, 1983, 1983, 1996).

К настоящему времени возрос интерес к чисто лексической области языка при анализе говоров и более точной установке границ. В работах, посвященных изучению этой стороны диалектов, можно выделить две тенденции: сравнительно-историческую и описательную. Первая разрабатывается уже довольно давно в трудах А. С. Герда (Герд, 1972, 108 — 117; Герд, 1975, 187 — 192; Герд, 1989, 146 — 171; Герд, 2001, 31–34), предполагается, «что изучение собственно лексических связей тех или иных говоров с другими диалектами целесообразно проводить не на уровне целостных диалектных группировок и тем более языков... , а дифференцированно, от одной конкретной диалектной микрозоны к другой конкретной зоне, от одного локального узла к другому. То есть проводить сравнения материалов, не сопоставляя, например, все архангельские диалекты в целом сразу со всеми другими русскими и славянскими диалектами... , а отбирая отдельные локальные центры, изученные лучше других. Такой же анализ поможет глубже выявить сам характер взаимосвязей между различными центрами и узлами» (Герд, 1975, 187–188). Этот метод заслуживает внимания, так как он реально подводит к истории образования говоров, к возможности проследить миграции и смешение говоров, что крайне важно для диалектологии.

§ 1. Ареал субстратного слова и проблема диалектного членения

Взятые за основу в данной работе лингвогеографические методы получения, репрезентации и анализа лексических данных позволяют (при исследовании конкретных материалов) иметь в своем распоряжении достаточно полную совокупность единиц, манифестирующих изучаемый концепт с детальными ареальными характеристиками, что существенно повышает корректность выдвигаемых этимологических версий и дает возможность серьезной верификации уже апробированных этимологий.

При анализе результатов лингвогеографических исследований довольно сложно дать конструктивную интерпретацию полученных сведений, поэтому нередко негативная позиция по выделению лексических и т. п. ареалов на базе таких материалов. Описательная лингвогеография, связанная с составлением атласов каких-либо говоров, часто остается без должной включенности в научный обиход, так как нередко лексические изоглоссы имеют совершен-

но независимую дистрибуцию, и «точно провести границу между отдельными диалектами невозможно, так как она растягивается иногда на десятки километров» (Комягина, 1969, 229). Однако составление атласов и их интерпретация являются двумя разными сферами лингвистики с разными целями и задачами. Тем более задача осмысления ареальной дистрибуции лексики осложняется, когда предпринимается попытка научно обосновать своеобразие лексической манифестации общерусских концептов, реалий; оно не всегда может быть удачным. Иное дело, если речь идет о лексике неисконного происхождения субстратного характера. В этом случае выявленные ареалы могут служить инструментом познания особенностей источников субстрата, а также использоваться для характеристики русского говора, на почве которого они репрезентируются.

Естественно, что лексические ареалы, проявившиеся в результате лингвогеографического и ареального исследования, имеют различную неисконную составляющую, в большинстве случаев зависящую от специфики концепта или реалии. По разным разделам Программы-вопросника, которая направлена на выявление неисконных данных, манифестирующие материалы, при наличии тенденции проявлять доминирующий субстратный тип, могут существенно различаться в зависимости от того, какой концепт или реалию они воспроизводят. Поэтому для такого рода данных кажется неправомерным построение синтетических карт, которые бы показывали совокупность различных типов субстрата как некую сумму ареалов, извлеченных из различных карт. Кроме того, наша работа, хотя и отчасти, показывает синхронный срез лексических данных русских говоров Северо-Запада, но ориентирована на ретроспективу. Субстратный лексический материал (как диахроническая совокупность неисконных единиц) уже при фиксации представляет собой разновременной конгломерат лексем неславянского происхождения с возможностями их детальной временной и ареальной привязки. Однако в ходе анализа было замечено, что отдельные лексические субстратные единицы не только представляют порождающий их тип, но и характеризуют специфику лексической системы того или иного русского говора (говоров); т. е. именно неисконные лексические данные способны служить индикатором границ ареалов, а значит, представлять собой важные сведения при разработке диалектного членения.

§ 2. Дифференциация субстратных ареалов.

Задача показа специфики заимствованных и субстратных данных в русских говорах Северо-Запада может быть осуществлена только на базе комплексного обследования этого региона как методами лингвогеографии, так и традиционной дескриптивной диалектологии. Весьма удачным опытом комплексного исследования контактной территории является коллективная монография «Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны» под общей редакцией А. С. Герда и Г. С. Лебедева (Герд, Лебедев, 2001). Сочетание в одном труде работ археологов, этнографов, музыковедов, лингвистов, которые имеют одну и ту же направленность — исследование древнейших зон славяно-финского взаимодействия, дало неплохие результаты и может служить образцом изучения и репрезентации данных по контактному региону.

В нашей работе предлагается описание специфики русских говоров Северо-Запада, которая, большей частью, связана с нерусским прошлым региона и может служить фактором их идентификации, в особенности, если иноязычные элементы (исторически) стабильно представлены в системе того или иного диалекта.

На территории Северо-Запада традиционно выделяются: гдовская, ладого-тихвинская, вологодская, костромская группы говоров, новгородские говоры, а также межзональные говоры: онежские (южная часть Обонежья), лачские, белозерско-бежецкие (Захарова, Орлова, 1970).

Естественно, что фундаментальное всеохватывающее исследование всех этих говоров — задача довольно сложная. Кроме того, приведенный перечень не является полным, поскольку он не охватывает территории позднего заселения. В нашей работе для анализа неисконного элемента в лексической структуре были выбраны следующие говоры:

- 1) говоры Новгородской области;
- 2) белозерские и бежецкие говоры;
- 3) говоры Обонежья;
- 4) говоры Беломорья;
- 5) говоры Каргополя;

- 6) онежские говоры;
- 7) гдовские говоры;
- 8) говоры Ярославско-Костромского Поволжья.

Как видно из приведенного перечня, описание касается локальных диалектных объединений. Анализ неисконной составляющей лексических систем говоров нередко различается в плане количества представляемых данных и качества их осмысления, но это связано с возможностями полевого лингвогеографического обследования, проведенного автором.

§ 3. Говоры Новгородской области

На «Диалектологической карте русского языка в Европе» (ДКРЯ) нынешняя территория так называемых новгородских говоров входит составной частью в западную группу северновеликорусского наречия со следующими границами: на севере — по южному побережью Ладожского озера, по реке Свирь до юго-западного побережья Онежского озера; на востоке — от юго-западной оконечности Онежского озера восточнее г. Тихвин, западнее г. Устюжна, на юг по течению р. Мологи, западнее г. Бежецк; на юге граница проходила южнее гг. Валдая, Старой Руссы с выходом к северной оконечности Псковского озера; на западе естественная граница проходила от устья р. Наровы по побережью Чудского озера. По административному делению эта группа говоров занимала территории нескольких губерний: Петербургской — Гдовский, Лужский, Новолодожский, Ямбургский уезды; Новгородской — Боровичский, Валдайский, Крестецкий, Тихвинский уезды полностью, западную часть Устюженского уезда; Олонецкой — Лодейнопольский уезд; Псковской — Порховский уезд.

На «Диалектологической карте русского языка» 1970 г. (Захарова, Орлова) авторы выделяют группу под названием новгородские говоры. Эта группа занимает территорию вокруг озера Ильмень, включая в себя (судя по карте) говоры Валдайского, Старорусского, Парфинского, Шимского, Солецкого районов Новгородской области и смежных районов Ленинградской и Псковской областей. Причем совершенно не ясно, по каким принципам проводились границы, например, говоры Боровичского района относятся

к новгородским среднерусским окающим говорам, селигеро-торжковским среднерусским акающим говорам и к ладого-тихвинской группе северного наречия. Хотя, по нашим данным (ПЛГО), даже в населенных пунктах смежных районов Тверской области фиксируются говоры с различием гласных в неударном слоге. Ср.: *Корёлы здесь жили, сын ихний лежит, прадедки наши не знают. Колобушки с муки пекли. Молодиво — первые три удоя, сыр из него. Работы много: навобница, посеvная, сенокос, уборочная.* Удомельский район (Сельцо Карельское). *В озород сено.* Бологовский район (Сеглино). Таким образом, диалектное членение говоров Новгородской области и смежных районов вряд ли можно признать удовлетворительным.

В наиболее полной работе по прибалтийско-финским заимствованиям в русском языке Я. Калимы (Kalima, 1915) представлено всего 13 слов с новгородской локализацией, причем следует учитывать, что имелась в виду Новгородская губерния, которая существовала в совершенно другой пространственной проекции. Восточные ее уезды: Белозерский, Кирилловский, Тихвинский, Череповецкий, Устюженский в настоящее время входят как районы в состав Вологодской и Ленинградской областей.

Четыре слова из указанных 13 — **арбуи**, **коломище**, **лоива** ‘большая лодка’, **ушкуи** ‘небольшая лодка’ — зафиксированы по памятникам письменности Водской пятины. Три лексемы были отмечены Далем с общей пометой Новг.: ср. **лу́зик** ‘ложка, хлебalka’ с пометой чухонское (Даль, 2, 276), **кубáч** ‘обмолоченный сноп, сноп соломы; соломенная вехоть для чистки рогатой скотины’ (Даль, 2, 213), **сестрянкa** ‘красная смородина’ (Даль, 4, 183). Ряд лексем приведен в Словаре Грота-Шахматова: **ка́лика** ‘брюква’ Крестецк., Новг., Борович., Гдов., Демян., Порх., Тихв., Лужск., Ямбург., Холм., Старорус., Опоч., Бельск. Смол. (Слов. Акад. 1906–1907, 226); **кокóрка** ‘ватрушка’ Валд., Старорус., Крестецк., Тихв. (Kalima, 1915, 123; Слов. Акад. 1911, 1403); **кокшá** ‘длинная двузубая, загнутая вилка для стаскивания навоза с телеги на пашню’ Крестецк., **кóкша** ‘крюк, поддерживающий сточный желоб на крыше’ Борович. (Kalima, 1915, 124; Слов. Акад. 1911, 1419); **кóрба** ‘сырое место, поросшее большими елями’ Тихв., **корбá** ‘топкое место’ Белозер. (Kalima, 1915, 128; Слов. Акад. 1913, 2046); **ка́рмус** ‘рыба елец’ Новг., Новолодож. (Kalima, 1915, 129; Слов. Акад. 1908, 508), при более распространенном **кóрбус**.

Однако, как видно из географических помет, не все они относятся к новгородским говорам. Приведенные материалы показывают, что больше всего данных было почерпнуто из Словаря Грота-Шахматова, а незначительное их количество связано с отсутствием до недавнего времени полных лексикографических источников по этому региону. Выход в свет Новгородского областного словаря (НОС) позволяет сделать анализ лексики финно-угорского происхождения с использованием новых данных в полном объеме. Авторы включили в его корпус лексику, собранную на территории Новгородской области (все районы), а также в Волховском и Тихвинском районах Ленинградской области (НОС, 1, 11). Кроме того, в Новгородской области в ходе ПЛГО с большей или меньшей полнотой были обследованы все районы, Батецкий: Борок, Воронино, Дорогобуж (3 н. п.); Боровичский: Опеченский Посад, Опеченский Рядок (2 н. п.); Валдайский: Борцово, Гагрино, Едрово, Еремина Гора, Овинчице, Поддубье, Полосы, Середя, Угрива (9 н. п.); Вологовский: Должино (1 н. п.); Демянский: Городилово, Дуброви, Полново (3 н. п.); Любытинский: Хирово, Шубино (2 н. п.); Маловишерский: Гарь, Замостье, Карпина Гора, Клёнино, Марконицы, Сосницы (6 н. п.); Крестецкий: Волма (1 н. п.); Маревский: Новая Деревня (1 н. п.); Мошенской: Матвеево, Устрека (2 н. п.); Окуловский: Висленёв Остров, Каёво, Малиновец, Сутоки, Топорок (5 н. п.); Парфинский: Юрьево (1 н. п.); Поддорский: Лобыни, Перегино, Селеево (3 н. п.); Пестовский: Ельнично, Малышево (2 н. п.); Солецкий: Жильско, Ситня (2 н. п.); Старорусский: Взвяд, Корпово, Чертицко (3 н. п.); Хвойнинский: Василёво, Минцы (2 н. п.); Холмский: Залесье, Наволок (2); Чудовский: Коломна, Оскуй, Селище, Серебряницы (4 н. п.); Шимский: Коростынь, Мстонь (2 н. п.) — всего 56 н. п.

В русских говорах на территории Новгородской области можно выделить несколько пластов лексики финно-угорского происхождения.

1. Древние лексические элементы субстратной прибалтийско-финской природы: **ка́бры** 'руки' (см. ниже), **ши́мы** 'взлохмаченные волосы' (см. раздел «Человек»).

2. Лексика общеприбалтийско-финского происхождения, она является новгородской частью севернорусской макроструктуры, а ареалы этих слов представляют западную маргинальную часть севернорусского диалектного континуума: **канáврик** 'багульник,

вереск', **лүда** 'мелководье на озере' (НОС, 5, 49), **ка́рзать** 'обрубать сучья'.

3. В русских говорах Новгородской области в части неисконных лексем финно-угорской природы можно наблюдать их спецификацию в сфере семантики: **ма́кса** 'рыбьи молоки', при значении 'печень рыбы' с широкой дистрибуцией; **го́рма** 'таволга', при более распространенном значении 'иван-чай'.

4. Выделяется автохтонная лексика, не фиксируемая в других ареалах (хотя возможно в редких случаях дополнение территории смежных говоров Псковской и Тверской областей)⁵⁹: **ко́ре́нда**, **ко́рянка** 'коромысло для переноски белья' Маловишер., Окул. (ПЛГО, НОС), при кар. твер. *korenda* 'водонос, жердь с прицепом для ношения ушата с водой' (СКЯП, 113); **ку́кка** 'пирог из гороховой муки' (ПЛГО, НОС), при кар. твер. *kukko* 'закрытый пирог' (СКЯП, 120); **хо́ка** 'нечистый дух' Мошен., Хвойнин. (НОС, 12, 20), при кар. *hökki* 'дурак, болван, простофиля' (KKS, 1, 403); **ке́гря**, **те́гря** 'черт, нечистая сила' Валд., Окулов., **ке́гря** 'старый мужчина, старик' Борович. (НОС, 4, 38), **те́гря** 'страшилище, которым пугают детей' Валд. (НОС, 11, 28), при кар. твер. *kegri* 'ряженный в древний осенний праздник, связанный с завершением аграрного цикла' (СКЯП, 93), 'страшилище, которым пугают детей' (SKES, 178), кар. *kekri* 'старый осенний праздник, «кекри», окончание полугодия в прошлом', 'человек, наряженный пугалом', 'изображение старика, помещенное в углу избы на празднование «кекри»' (KKS, 2, 119, 120); **мага́йло** 'березовый сок' Чудов. (НОС), при кар. твер. *mahla* 'березовый сок' (СКЯП, 154); **ога́вреть** «облепить деревья снегом, льдом» Валд., Демян. (НОС, 6, 124), при кар. *hauru* 'холодный туман' (KKS, 1, 189), ливв. *hauru*, *höwrü* 'водяной пар' (СКЯМ, 89), люд. *hauru* 'иней, туман в сильный мороз', кар. твер. *höwrü* 'водяной пар' (СКЯП, 66); **ло́дма** 'овраг, низина' Валд., Крестец. НОС, 5, 34), **ло́дмина** 'низина на месте высохшего болота' Поддор. (НОС, 5, 35)⁶⁰, при кар. твер.

⁵⁹Следует отметить, что такого рода утверждение основано на авторских данных по ПЛГО и изысканиях в различного рода источниках, однако диалектологический опыт не позволяет говорить об окончательных выводах. Возможно, в дальнейшем в отношении ряда материалов будут сделаны другие выводы.

⁶⁰Микротопонимия довольно часто имеет позднее валдайское карельское происхождения в субстратных ареалах, при наличии полукалек для наимено-

lod'ma ‘низина, ложбина’ (СКЯП, 141), люд. *lodm*, ливв. *lodmu* ‘то же’ (ПФГЛК, 55).

5. Часто лексика, фиксируемая в новгородских говорах с источником в смежных языках, на макроструктуре русских говоров представляет собой этимологические варианты также прибалтийско-финского происхождения, но другого языкового или диалектного типа. Например, в новгородских говорах отмечаются лексемы **кўти**, **кўтька** ‘долбленка из двух бревен’ Валдайский, Крестецкий, Демянский районы (ПЛГО), а в говорах Обонежья — **кўйта** ‘небольшая лодка, выдолбленная из одного дерева’ Олон. (Опыт), ‘большая лодка’ Повен. (Куликовский). Если для слова **куйта** предлагается карельская этимология: кар. *kuit't'i*, ливв. *kuitti* ‘лодка’, то вариант **кутька** связан с языковым влиянием валдайских карел, ср. кар. твер. *kuwt't'i* ‘долбленка, челн’ (СКЯП, 124). Такая дифференциация основана прежде всего на том, что ареалы этих вариантов являются дистантными.

6. В новгородских говорах выделяется обширный ареал, который проявляется не только по данным неисконной лексики, но и по другим материалам (в том числе исконной лексики, фонетики и грамматики). Он включает в себя северные районы Новгородской области и смежные с ними районы Ленинградской области. Так, например, слово **рўйки**, **роёк** ‘лодка из двух скрепленных долбленных бревен’ по данным ПЛГО имеет именно этот обширный ареал распространения: Любытинский, Окуловский, Мошенской, Бокситогорский, Киришский, Тихвинский районы. Даль фиксирует в Тверской губернии лексему **рўйки** в сходном значении — ‘два сплоченных челна, иногда с настилкой, или на которых гребец сидит верхом с одним гребком’ (Даль, 4, 104). Я. Калима рассматривает данный материал в связи со словом **ругача** (см. выше), однако сомневается в его прибалтийско-финском происхождении. М. Фасмер, напротив, сводит лексемы **ругача** и **роёк** к одному этимону — фин. *ruuhi*, эст. *ruuh* (Фасмер, 3, 496). Авторы SKES также не отвергают вероятность связи этих слов (SKES, 888). Отчетливо очерченный ареал слова **рўйки** — говоры Новгородской области, тихвинские и западные тверские говоры — является территорией, где, наряду с субстратным влиянием карельско-вепсского типа, существует и адстратное воздействие такого же типа, что ваний особенностей рельефа (см. также Васильев, 2001б).

позволяет интерпретировать эту лексему как вариант, восходящий к прибалтийско-финским источникам⁶¹.



Карта Новгородской области

7. Часть лексики, при спорадических фиксациях в новгородских говорах и отсутствии таковых в Обонежье, имеет бытование в восточных районах обследуемого региона — в костромских и вологодских говорах, не только не образуя сплошного ареала, но и не проявляя возможного ядра иррадиации. Это, вероятно, следует прокомментировать следующим образом: 1) некоторые слова представляют собой либо архаические рефлексы раннего прибал-

⁶¹Вряд ли отмеченные в словаре Подвысоцкого **роёк**, **ро́йки** 'продольное углубление внутри дерева, которое считается браком', **ро́йка** 'выемка, паз' (Подвысоцкий, 148), Терский р-н (КСРГК), связаны с глаголом **рыть** 'долбить дерево' (КСРНГ); здесь, вероятно, не нужны сопоставления с кар., ливв. *reikā, reiga, reigu* 'ямка, углубление, дыра' (SKES, 758). Присутствие в вепсском лексиконе слова южновепс. *roikod* 'две осинового лодки в виде корыта, соединенные вместе' (СВЯ, 479) ввиду узкого ареала не дает возможности определенно указать направление заимствования.

тийско-финского влияния, либо результат контактов вепсов (веси), как этноса, имевшего наиболее обширную этническую территорию на Северо-Западе в прошлом⁶², с русским (восточнославянским) населением, как и ранее с автохтонным населением; 2) часть лексем, возможно, представляет собой следствие разновременной карельской экспансии в Беломорье (не ранее XII века)⁶³ и исхода карел на русские земли в XVII веке, а материальное тождество или сходство заимствованных единиц восходит к различным карельским языковым типам — **лámка** ‘низина в лесу’ (Чудовский район, ПЛГО), **лáма** ‘заболоченное место, сенокосное угодье’ (Пинежский район, КСРНГ), ср. кар. твер. *lamtakka* ‘пологий, отлогий’ (СКЯП, 131), ливв. *lata* ‘плита, плоский, низменный’ (SKES, 273), вепс. *latak* ‘отлогий’ (СВЯ, 273)⁶⁴; 3) некоторые лексемы при сходстве формы и семантики могут восходить к различным источникам.

8. Доминирующий в лексике прибалтийско-финского происхождения в новгородских говорах поздний карельский языковой тип (ср. **шалáка** ‘уклейка’ — Чудовский район, ПЛГО, при кар. твер. *šalakko*) в ряде случаев не находит отражения (возможное влияние вепсского, водского, как основных смежных типов, принималось во внимание). Весьма серьезные затруднения вызывает трактовка варианта **кáбры**, вокализм которого — [a] — на месте прибалтийско-финского [o] уже рассматривался как результат воздействия финно-угорского субстрата неприбалтийско-финского типа, ср. коми *кабыр* ‘кулак’ (Мызников, 1999а, 38). Исходя из того, что в диахронии возможно чередование [a]/[o] на прибалтийско-финской почве, ср. фин. *palaа, polttaa*, эст. *põleta* ‘гореть’, фин. *sana*, эст. *sõna* ‘слово’ (Steinitz, 1944, 123), возможно трактовать вариант **кáбры** как единицу прибалтийско-финского субстратного типа.

9. Часть лексики, зафиксированной в говорах Новгородской области, представляет собой словообразовательные варианты, в основе которых лежат особенности освоения прибалтийско-финского материала русскими говорами: **турбéнь** ‘вид рыбы’ (Новг., НОС, 11, 72), при **турбáк** ‘голавль’ (Луж. Петерб., КСРНГ), ср. ижор. *turbakka* ‘вид язя’, эст. *turb* ‘то же’ (SKES, 1426).

⁶²См. Пименов, 1965.

⁶³См. Бубрих, 1947.

⁶⁴Ранее сюда же ошибочно относилось вепс. *lamad* ‘вырубка, делянка’ (см. Мызников, 1999а, 35).

Репрезентируемое в новейших исследованиях довольно дробное членение говоров Новгородской области на группировки: западно-новгородскую, восточно-новгородскую, северно-новгородскую, южно-новгородскую по данным словарей и с опорой на археологические зоны, на наш взгляд, вряд ли могут отражать действительную картину внутридиалектного членения. Так, например, выделяются слова с доминирующим распространением к западу от Поволховья, озера Ильмень, реки Ловать, которые, по нашим данным, имеют более обширный ареал, и трудно выяснить зону их генезиса в связи с широким распространением⁶⁵. Вероятно, такого рода заключение о локальных диалектных зонах возможно только на базе сплошного лингвогеографического обследования региона; вряд ли лексикографические источники, какой бы полнотой они не обладали, могут представить достаточно полный материал.

§ 4. Белозерские и бежецкие говоры

На «Диалектологической карте русского языка в Европе» 1914 года рассматриваемые говоры, хотя отдельно и не выделяются, представляют собой пограничную западную часть восточной группы северновеликорусского наречия с границами, проходящими на западе по р. Онеге, севернее Белого озера, далее на юго-запад к г. Устюжне; на юге по рр. Мологе, Волге до впадения в последнюю р. Унжи. По «Диалектному членению русского языка» (Захарова, Орлова, 1970, 120) в анализируемом регионе выделяются белозерско-бежецкие говоры и костромские говоры (их западная часть). При теоретическом обосновании диалектного членения декларируется, что «диалектное членение строится на основе систематического изучения всех случаев совмещения ареалов, при котором изоглоссы образуют пучки, обладающие известным сходством очертаний» (Русская диалектология, 1964, 228), причем утверждается, что «при установлении диалектного членения языка речь не идет о выделении диалектных объединений по наличию любого сочетания ареалов, выделяющих ту или иную территории, а о сочетании наблюдений над расположением ареалов и пучков изоглосс с изучением характера самих явлений, входящих в состав языкового комплекса того или иного диалектного объединения, проводимого с синхронной точки зрения» (Захарова, Орлова, 1970, 9). На деле,

⁶⁵См.: Герд, 1996; Герд, 2001а.

при практическом воплощении продекларированных методов, разграничение и структурирование диалектных группировок русского языка, в основном, строится на базе фонетических и грамматических дифференциаций. Несомненно, это имеет причины в том, что фонетико-грамматическая организация говора всегда устойчивее, нежели его лексическая система, поскольку слово более подвижно в пространстве и менее устойчиво во времени. Нередко, когда предпринимается попытка привести специфические лексемы, характеризующие те или иные говоры, представляют слова широкого распространения или интердиалектную лексику. Так, для белозерско-бежецких говоров предлагается 10 слов, по мнению авторов, характеризующих эти говоры: **кожанки**, **шубянки** 'рукавицы, сшитые из овчин', **назем** 'навоз', **пеун** 'петух', **порато** 'очень', **дерево** 'составная деревянная часть сохи', **ботать** 'бодать — о корове', **жнитвина** 'сжатое поле'⁶⁶, **мырчит**, **мыркает** 'мычит — о корове' (Захарова, Орлова, 1970, 116, 121). Однако все они имеют более широкое распространение, чем данная диалектная группировка, — общий северно-русский ареал и, кроме того, общерусскую мотивацию, на основании которой проявление лексем возможно на всем пространстве русского языкового континуума.

Новое диалектное членение говоров Тверской области представлено в коллективной монографии «Проблемы динамики среднерусских говоров» (ПРОБДТГ); авторами, в частности, выделяются следующие группировки: говоры северного наречия (Сандовский, Бежецкий, Весьегонский районы), среднерусские говоры Селигеро-Торжковской группы, включающие в себя значительную часть территории Тверской области (Бологовский, Удомельский, Максатинский, Вышневолоцкий, Спировский, Торжковский, Осташковский, Пеновский, Ржевский, Старицкий). Ареал последней группировки нам кажется довольно странным, поскольку окающие говоры Бологовского и Максатинского районов оказались в одной связке с акающими говорами юга Тверской области, граничащей со смоленскими говорами (ПРОБДТГ, 4)⁶⁷.

⁶⁶По данным ПЛГО, репрезентированным в «Атласе субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» (Мызников, АСЗЛ, 116), лексема **жнитвина** фиксируется в Сямженском, Верховажском, Тотемском р-нах Вологодской области, кроме того, **жнитва** широко представлена в говорах Новгородской и Вологодской областей.

⁶⁷Уточнение границы между ярославско-костромскими и калининскими говорами было рассмотрено в работе Н. Д. Русинова (Русинов, 1978, 3–16).



Карта Белозерья и северных районов Тверской области

Довольно часто лексическое своеобразие говора определяют не только элементы архаики или инновации лексической системы, поскольку слова славянского/общерусского фонда при тождестве первичной мотивации могут, как указывалось выше, фиксироваться в разных диалектах русского языка, ср. **вешка́рь** ‘гриб подосиновик’ (белозерские, брянские говоры), ‘гриб масленок луговой’ (белозерские, пошехонские говоры), **ку́льма** ‘средняя или задняя часть бредня’ (моложские, пошехонские, брянские говоры), но и влияние иноязычных лексических систем. Причем нередко субстратная лексика, в отличие от заимствованной, не выходит из ареала проникновения в русские говоры (это не касается старых заимствований-тюркизмов, которые не имеют ареальной привязки, и слов прибалтийско-финского происхождения не субстратного, а заимствованного типа, широкое распространение последних связано с миграцией русского населения либо с их вхождением в терминологические системы местного или национального масштаба). Однако авторы «Диалектного членения русского языка» не принимают во внимание того факта, что на территории Белозерского края проживали вепсы, оставившие значительное наследие в лексике и топонимии⁶⁸ (см.: Субботина, 1985; Субботина, 1987; Субботина, 1988; Субботина, 1993). А на землях Бежецкого уезда проживали тверские карелы, составлявшие к 1873 году 21 % жителей уезда. Во второй половине XIX века большинство карел жили в 9 волостях в бассейне р. Медведицы и по ее притокам, а также по берегам р. Мологи: Микшинской, Толмачевской, Заклинской, Замытской, Заручьевской, Алешинской, Трестенской, Поречской, Беяницкой; причем в ряде волостей они совсем обрусели, что, вероятно, сказалось и на русских говорах этого региона (Климин, 2002, 1, 20)⁶⁹. Согласно первой российской переписи 1897 года в Бежецком уезде проживало 46950 карел (Золотарев, 1921, 70–74)⁷⁰.

Полевое обследование белозерских и бежецких говоров также подтверждает их дифференциацию. По ПЛГО в ближнем Белозерье (в районах, прилегающих к Белому озеру) были обследованы следующие населенные пункты: Зорино, Маэкса, Мегра, Нижняя Мондома, Перкумзь, Пыжелохта, Старое Село, Чалекса (9 н. п.,

⁶⁸ Довепское население представляет субстрат саамского языкового типа.

⁶⁹ См. также Орлов, 1995.

⁷⁰ Следует иметь в виду, что территория Бежецкого уезда была значительно обширнее, чем современный Бежецкий район.

Белозерский район); Екимово, Новец, Пиксимова, Ухтома (4 н. п., Вашкинский район); Бородавы, Горицы, Пидьма (3 н. п., Кирилловский район). Кроме того, обследовались населенные пункты, соседние с Белозерьем, а также территория собственно бежецких говоров: Вошажниково, Карельская Мушня, Хантаново (3 н. п., Череповецкий район); Громошиха (1 н. п., Устюженский район); Алабузино, Ивановское, Морозово (3 н. п., Бежецкий район); Выползово, Мыза, Сеглино (3 н. п., Бологовский район); Никулино (1 н. п., Весьегонский район); Селищи (1 н. п., Максатинский район); Власово, Сараево (1 н. п., Сонковский район); Сельцо Карельское (1 н. п., Удомельский район).

Были выявлены следующие типы ареалов иноязычной (финно-угорской) лексики в регионе:

1. Ареал автохтонной лексики, локализованной в говорах вокруг Белого озера, например: **та́гас** 'большой зимний невод', ср. вепс. *tagas* 'большой частый невод для зимней ловли', **вашка́л**, **вашка́ла** 'рыба уклейка', **кунжа́** 'иней или снег на деревьях', — вепско-саамский.
2. Белозерье как часть единого ареала с говорами Обонежья, Беломорья, ладого-тихвинскими, вологодскими, например: **пінда** 'сердцевина сосны', **па́нкарэ́ги** 'дровни', **ко́на́рник** 'багульник' — общеприбалтийско-финского типа, с возможной дифференциацией вепско-карельского.
3. В говорах по течению р. Мологи неисконная лексика представлена остаточными прибалтийско-финскими реликтами: **карзи́на** 'подполье', ср. вепс. *karžin* 'подвал, подполье' (СВЯ, 182).
4. Говоры западных районов Ярославской области представляют собой маргинальный ареал, обусловленный влиянием говоров тверской области (тверских карел)⁷¹, либо реликтов ярославских карел: **ка́ржи́на**, **ка́ржевина**, **ка́ржинка** 'пристройка к печи с лазом в подполье', ср. кар. твер. *karžina* 'подполье, подвал' (СКЯП, 89). В отношении ареальной дистрибуции вариантов **карзина** / **каржина** нами зафиксирована следующая

⁷¹Т. В. Кириллова отмечает также варианты с [з]: **карзина**, **карзник**, **карзень** в русских говорах Тверского региона (Кириллова, 2001, 11). См.: Кириллова, 1997, 93–95.

картина: в белозерских говорах отмечается вариант **карзина**, так же как и в говорах запада Тверской области; в смежных говорах Череповецкого района бытуют оба варианта, при том что в бежецких говорах доминирует **каржина** (Бежецкий, Максатинский, Сонковский районы — данные 2003 года). Причем в Сонковском районе, граничащем с Ярославской областью, наряду с лексемой **каржина**, отмечается слово **голбец** с тем же значением, представляющее собой его западный маргинальный ареал.

5. В ряде случаев в говорах по р. Мологе, бассейна Шексны наблюдаются единичные фиксации субстратной лексики, основной массив которой расположен в говорах Костромской области: **карáс**, **карáсь** 'сруб в основании опоры моста', 'короткое бревно в деревянном срубе, врубленное в его угол', ср. **карáс**, **карáсь** 'треугольный сруб в основании плотины', 'бревенчатая стенка, укрепляющая берег у плотины' (с фиксациями в восьми районах Костромской области) (Востриков, 1981, 20); ср. удм. *корос* 'опалубка, сруб колодца, ямы' (КЭСНЯ, 142).
6. В бежецких говорах нередко фиксируются единицы прибалтийско-финской природы, представляющие собой автохтонные уникалии, связанные чаще всего с влиянием языка тверских карел: **ялгушка** 'пристройка к печи с лазом в подполье' (Максатинский район).

§ 5. Говоры Обонежья

Русские говоры Обонежья занимают в нашем исследовании особое место, они представляют собой базисный ареал исследования по ряду соображений:

1. Этот регион является зоной межъязыковых контактов в настоящее время, и именно поэтому только здесь можно зафиксировать проникновения и адстратные единицы.
2. В Обонежье имеются ареалы, где отмечается субстратное воздействие, указывающее на доминирующее прибалтийско-финское прошлое региона.

3. Только в Обонежье, где совмещается субстратное и адстратное прибалтийско-финское языковое влияние, можно, как на модели, изучать такого рода взаимодействие с тем, чтобы проецировать на другие ареалы Северо-Запада.

Основные лексические материалы были собраны во время диалектологических экспедиций автора, начиная с 1990 г. по настоящее время. Были обследованы следующие районы (по административному делению): Подпорожский: Заозерье, Корба, Курпово, Пидьма, Ульино, Усланка, Шеменичи, Шустручей, Юксовичи, Яндеба (10 н. п.) Ленинградской области; Вытегорский: Андома, Казаково, Мегра, Ошта, Палтога (5 н. п.) Вологодской области; в Карелии — Прионежский: Заозерье, Ладва, Машезеро, Педасельга, Суйсарь, Ялгуба (6 н. п.), Кондопожский: Гангозеро, Кулмукса, Лижма, Новинка, Тулгуба, Чоболакша (6 н. п.), Медвежьегорский: Великая Губа, Великая Нива, Вырозеро, Загубье, Кижы, Косозеро, Кузаранда, Ламбасручей, Лонгосы, Палтега, Петры, Сенная Губа, Таммичозеро, Толвуя, Челмужи, Шильтя, Шуньга (17 н. п.), Пудожский: Авдеево, Гакукса, Каршево, Куганаволок, Песчаное, Пяльма, Римское, Чуяла (8 н. п.), Сегежский: Валдай, Вожма Гора, Дуброво (3 н. п.). Всего было обследовано 55 н. п., опрошено около 150 информантов. Кроме основных данных, полученных в ходе диалектологических экспедиций, значительные по объему материалы были почерпнуты из картотеки «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей». Для анализа материала на общерусском фоне использовалась картотека «Словаря русских народных говоров» Института лингвистических исследований РАН. Основной задачей являлось выделение ареалообразующих автохтонных лексем прибалтийско-финского происхождения, а также уточнение номенклатуры анализируемой лексики, т. е. определение общего числа слов. Однако в ходе диалектологических экспедиций и просмотра картотечных материалов удалось зафиксировать ряд слов, ранее не представленных в лексикографических и исследовательских работах. Вот некоторые из них: **рúмбега** ‘иней над притолокой’ (Пудожский район) — ливв. *rompeh* ‘глыба льда’; **я́рмега** ‘иней’ (Пудожский район) — ливв. *härm* ‘иней’; **ря́ченга** ‘птица сойка’ (Подпорожский район) — вепс. *räč* ‘сойка’; **ха́рак** ‘ворона’ (Прионежский район) — вепс. *harag* ‘сорока’; **путика́шки** ‘головастики’ (Подпорожский район), **путика́ны** — ‘то же’ (Прионежский, Кондопожский районы) — вепс.

putikaine ‘головастик’; **рйжи** ‘вал из камней’ (Медвежьегорский район) — ливв. *rižu* ‘бурелом в лесу, грязь, хлам, мусор’; **рбнга** ‘место в лесу’ (Вытегорский район) — вепс. *roṅg* ‘костер при сжигании кострики’; **рўжега** ‘изгородь из деревьев, не очищенных от коры’ (Пудожский район); **рўжина** ‘поперечная балка, соединяющая под крышей стены и служащая для большего укрепления постройки’ (Вытегорский район) — ливв. *ružeikko* ‘кустарник, валежник’; **пінгач** ‘чибис’ (Подпорожский, Прионежский, Вытегорский районы) — вепс. *piṅgač* ‘чибис’.



Карта Обонежья

В отношении бытования лексики прибалтийско-финского происхождения в говорах Обонежья отмечаются следующие особенности:

1. Среди всех русских говоров Северо-Запада наибольший удельный вес неисконной лексики приходится на эти говоры.
2. Если какая-либо единица представляет собой слово прибалтийско-финского происхождения, то в большинстве случаев она фиксируется в говорах Обонежья.
3. Говоры Обонежья представляют самый западный ареал дистрибуции лексики прибалтийско-финского происхождения с возможностью его распространения на восток.
4. Если какая-либо лексема представляет собой единицу прибалтийско-финского происхождения на территории русских говоров Северо-Запада, но без фиксации ее в Обонежье, то чаще всего в этом случае речь идет о репрезентации единицы действительно субстратной природы.
5. Только для говоров Обонежья характерно также и выравнивающее адстратное влияние смежных прибалтийско-финских языков, и поэтому именно здесь русские единицы ближе всего к этимонам по форме и семантике.
6. В настоящее время часть слов находится на периферии языкового сознания и активно заменяется соответствующими русскими синонимами, но этот процесс происходит по-разному в зависимости от того или иного ареала в исследуемом регионе.

Например, **рянда** 'снег с дождем' частотно и устойчиво фиксируется в юго-западном Прионежье (Подпорожский, Прионежский, Кондопожский районы), а в Заонежье преобладает в том же значении употребление слов **шля́ча**, **шля́коть**, ср. литературное **слякоть**.

Часть слов имеет узкий ареал распространения (не связанный с избирательностью или узкой направленностью прибалтийско-финского влияния), нечастотные и спорадические фиксации с ограниченным числом информантов, которым они известны. Это

лексика, выходящая из употребления. Кроме того, следует отметить, что некоторые слова выходят или вышли из употребления в связи со сменой уклада жизни: **рѳвница** ‘груда, куча камней, собранных с пашни’ (Заонежье); **вѳранда** ‘куча сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания’ (повсеместно). Имеются также случаи, когда появление и уход слова из употребления связан с рядом экстралингвистических факторов. Например, рыба сом не водится в настоящее время в Онежском озере. Однако у Куликовского помещены в словарь лексемы **мѳймакала**, **мѳймакава** в значении ‘сом’, а Калима (Калима, 1915, 160) и Погодин (Погодин, 1904, 42) дают сходную этимологию — кар. *май.мэ-кала*. Каким же образом данная рыба и слово появились в Обонежье? По Кесслеру (Кесслер, 1869, 47), сом появился в южной половине Онежского озера примерно в 1845–1848 годах и притом совершенно случайно — разбилась животворная сойма, шедшая с Волги со стерлядью, сомами и другой рыбой. С той поры сомы и жили в озере несколько десятков лет, но тот же Кесслер сомневался, чтобы эта рыба удержалась в озере, так как вода, по его мнению, слишком холодна для сома. Однако Пушкарев (Пушкарев, 1902) полагает еще в начале XX века, что эта рыба в Онежском озере есть, а не ловится она от незнания рыбаками приемов лова сома. Тем не менее, лексему **мѳймакала** в ходе полевого обследования зафиксировать не удалось.

Другая часть слов характеризуется высокой частотностью и воспроизводимостью в речи информантов, бытуют они на значительной территории или постоянно проявляются в сфере действия того или иного субстратно-адстратного языкового влияния. Это лексика активного употребления. Подобные слова обычно имеют ядро ареала в Обонежье, а их устойчивость довольно часто связана с адстратным влиянием прибалтийско-финских языков. Напротив, слова, выходящие из употребления, представляют обычно маргинальные ареалы, например: **кулѳга** ‘часть сенокосного луга, вдающаяся в лес, кустарник’ (Вытегорский, Пудожский районы), **ѳйта** ‘низменный сенокосный луг’ (Вытегорский, Пудожский районы) имеют на означенной территории спорадические фиксации, тогда как они широко распространены в архангельских и вологодских говорах.

Хотя основной задачей при сборе материала было выявление неисконной лексики, собиралась также и исконная лексика, если

она являлась дублетом (синонимом к слову прибалтийско-финского происхождения). Кроме того, была предпринята попытка выяснения, на какой территории употребляется только прибалтийско-финская лексика (этимологически), а где используются исконные синонимы, с целью выявления ареалов с более или менее сильным прибалтийско-финским влиянием. Приведем некоторые примеры.

Концепт 'прошлогодняя некошенная трава' получил реализацию в различных лексемах. **Кўла** бытует в Пудожском районе, на смежной территории в вологодских и архангельских говорах; **кўлога**, **кўлага** — в Прионежском районе; **кўлоха**, **кўлаха** — в Подпорожском и в примыкающей к нему части Прионежского района; **кўлача** — в Вытегорском и смежной с ним части Пудожского района. В Заонежье же бытует исконная лексема — **вётошь**, **вёттошь**, которая, помимо заонежских говоров, фиксируется, по данным СРНГ (СРНГ, 4, 198), в вологодских, архангельских, псковских говорах.

Концепт 'шиповник' представлен в следующих вариантах: **кўкышкарандыш**, **кўкишкарандыш** — в Подпорожском районе; **кукарáндыш** — в Прионежском районе. На остальной территории Обонежья доминирует слово **щипи́чник**, как объясняют информанты: — *Потому что щиплет*. В смежных белозерских говорах отмечена форма **чипарйга**, в ладого-тихвинских — дериват к последней **чипарйжник**. Хотя ареалы приведенных лексем находятся преимущественно в сфере вепсского языкового влияния, в области лексики оно проявилось только в юго-западном Прионежье, ср. вепс. *kukoin'karang* 'шиповник', а белозерское слово **чипарйга** лишь начальным [ч] можно связать с вепским соседством в прошлом, ср. вепс. *čipoita* 'щипать — о болезненном жжении' из русского **щипать**.

Концепт 'незрелая ягода' реализуется в следующих лексемах: **лўлаки** — в Вытегорском, Подпорожском районах; **рохкалй** — в основном в Заонежье; **рохкачй** — в Прионежском, Кондопожском, Пудожском, Сегежском, части Вытегорского района; **рофкачй** — в Пудожском, Медвежьегорском, Кондопожском районах. Причем следует заметить, что повсеместно в качестве синонима употребляется словосочетание **рóхлые** ягоды. В данном случае мы имеем разные субстратные основы, ср. вепс. *лил* 'незрелая ягода', ливв. *ruohk* с тем же значением, своеобразие более позднего развития (слово **рофкачи**) неисконного корня и нивелирующее влияние севернорусской лексики **рóхлый**.

Концепт ‘замерзший слой земли’ выражен следующими лексемами: **кѳрза** — в Обонежье повсеместно, кроме южной части Вытегорского района; **рѳвда** — в Вытегорском, смежной с ним части Подпорожского района, Сегежском районе, на сопредельной территории — в белозерских говорах; **рѳвга** — в основном в беломорских, архангельских, частично в белозерских говорах. Лексема **кѳрза** фонетически ближе всего к люд. *kirz* ‘мерзлота’, хотя семантически также совпадает с ливвиковскими данными; вариант **рѳвда** можно связать с кар. *rouda*, вариант **рѳвга** с вепс. *roug* ‘мерзлота’, смущает только некоторое территориальное несоответствие. В примыкающих к Обонежью говорах анализируемая семема реализуется уже в исконных лексемах: **стѳржень** (ладого-тихвинские), **грѳда** (новгородские). Проблемы семантики рассматривались, в основном, в связи с соответствием значения слова в русских говорах и предполагаемого этимона. Не во всех случаях дифференциация значений (этимологически сходных, одного и того же слова) имела четкие ареальные границы. Выявлена следующая тенденция — в ареалах, расположенных в непосредственной близости от прибалтийско-финского языкового континуума, семантика русского слова, имеющего соответствия в языках-источниках, тождественна или сходна. При удалении от ядра распространения слова семантика может приобретать диффузный характер. Следует отметить, что полисемия в узких микроареалах встречается крайне редко, причем многозначные слова фиксируются чаще в зонах вибраций, переходных ареалах. Например, в н. п. Челмужи Медвежьегорского района, находящегося на стыке заонежских и пудожских говоров, лексема **канѳбра** отмечается в двух значениях: ‘багульник’ и ‘верхняя ветвистая часть ягодного кустарничка’; лексема **гѳрма** употребляется в значении ‘иван-чай’ несколько южнее и здесь уже не получает четкой семантической характеристики.

Метафорические и метонимические переносы обычно бытуют в сочетании с первичным значением, образуя единый ареал. Но иногда, в ряде микроареалов, первичная семантика, связанная с прибалтийско-финским влиянием, уходит, а слово имеет только переносное значение, например: **мяндѳ** ‘о полной, толстой женщине’ (Ошта Вытегорского района), ср. **мянда** ‘сосна с толстым слоем заболони’; **габѳк** ‘драчун, забияка’ (Гангозеро Кондопожского района), ср. **габѳк** ‘ястреб’; **шѳжлик** ‘о маленьком ребенке,

невысоком человеке' (Ошта Вытегорского района), ср. **ши́жлик** 'ящерица'.

Семантические ареалы удалось выявить в отношении некоторых слов. Лексема **канáбра** имеет значение 'багульник' в Заонежье, Прионежском, Сегежском районах, а также на смежной территории в говорах Ленинградской, запада Вологодской и севера Новгородской областей. Значение 'вереск' для данного слова отмечается в Подпорожском, Вытегорском, южной части Пудожского районов; значение 'верхняя ветвистая часть ягодного кустарничка' фиксируется преимущественно в восточном Заонежье. Анализируя семантику данного слова, следует отметить, что значение 'вереск', бытующее в юго-восточном Прионежье, вероятнее всего, является результатом вепсского субстратно-адстратного влияния; значение 'багульник', по-видимому, можно трактовать как карельское (людиковское) влияние, ср. вепс. *kanabr* 'вереск', люд. *kanabr* 'багульник'. Значение 'верхняя ветвистая часть ягодного кустарничка', вероятно, является семантической инновацией, получившей свое развитие уже на русской почве.

Слово **сáлма** в значении 'пролив между островами, пролив' отмечается во всем Обонежье, кроме его южной и юго-западной части (Подпорожский и примыкающая к нему часть Вытегорского района); **сáлма** в значении 'промоина на месте подводного течения' бытует, в основном, в прибрежных населенных пунктах Медвежьегорского района (Сенная Губа, Великая Губа, Шуньга, Ламбасручей, Кижы, Челмужи). Примечательно, что последнее значение имеет только недавние фиксации, а по своему происхождению оно тесно связано с первым ввиду того, что в Онежском озере между островами довольно часто бывает сильное течение, и вода в таких местах не замерзает, а если и покрывается льдом, то непрочным.

Лексема **мя́нда** в значении 'сосна с толстым слоем заболони' бытует в Обонежье повсеместно, кроме того, в этом значении спорадически фиксируются дериваты **мяндáк**, **мяндáч**, **мяндíна**, а также словосочетание **мяндóвое дерево**. Второе значение слова **мя́нда** — 'слой дерева под корой, заболонь' — отмечается в Вытегорском, Пудожском, Прионежском, Кондопожском районах, на сопредельной территории на юго-востоке Ленинградской области. В SKES людиковские материалы, люд. *mänd* 'mänty', *mändaç* 'petäjä, jossa on pintaа paljon, sydäntä vähän' (сосна с толстой заболонью

и тонкой сердцевиной) (SKES, 359), на наш взгляд, наиболее соответствует первому значению, а вепские параллели — *mänd* ‘рыхлая заболонь’ (СВЯ, 344) — связаны со вторым значением. Дистрибуция этих семантических ареалов также подтверждает вероятность людиковского и вепского воздействия.

Рассматривая лексему **пйнда**, следует отметить, что значение ‘слой дерева под корой, заболонь’ имеет более широкий ареал, чем слово **мйнда** в этом же значении, оно представлено практически во всем Обонежье. **Пйнда** с семантикой ‘сосна с плохой древесиной, с толстым слоем заболони’ имеет более узкий ареал, это южная часть Пудожского, Подпорожский, Кондопожский районы. Вероятно, это значение слова **пйнда** синонимично **мйнда** ‘сосна с толстым слоем заболони’. Кроме того, в Вытегорском районе лексема **пйнда** бытует в значении ‘расколота заготовка для дранки’. Соотнося представленную общерегиональную полисемию слова **пйнда** с прибалтийско-финским материалом, можно предположить, что значение ‘заболонь’ является карельско-вепским, ср. кар. *pinda*, люд. *pind*, вепс. *pind* с аналогичным значением, остальные два значения и по ареалу, и по семантике, по-видимому, — результат вепского влияния.

Слово **паскáч** ‘сойка’ фиксируется в Кондопожском и в примыкающей к нему части Прионежского района; в Подпорожском районе данная лексема отмечается в значении ‘воробей’, которое явно соотносится с вепс. *paskač* ‘воробей’. Значение ‘сойка’, вероятно, связано с карельским влиянием, ср. кар. *paskanärhi* ‘сойка’ (KKS, 4).

Таким образом, рассмотренные лексико-семантические ареалы являются, прежде всего, результатом различных субстратно-адстратных взаимодействий. Реже они проявляются как инновации, основанные на внутридиалектном развитии некогда исконной лексики. Кроме того, следует отметить, что целенаправленное выявление семантики анализируемой лексики в Обонежье с тщательной ее проверкой показывает более или менее однородные семантические типы в однородных ареалах. Тогда как материалы картотек, в отличие от полевых данных, дают больший разброс значений.

На основе рассмотрения материала можно предположить, что лексика прибалтийско-финского происхождения в говорах Обонежья является субстратом, т.е. проникновение и закрепление ее

в севернорусских говорах, в первую очередь, вызвано переходом прибалтийско-финского населения на русскую (в исторической перспективе — на восточнославянскую) речь. Кроме того, присутствие в Обонежье и в прилегающих к нему районах живых прибалтийско-финских языков подразумевает их адстратное языковое влияние, о чем свидетельствует то, что анализируемая лексика, адаптированная системой говоров, наиболее близка к соответствующим этимонам по форме и семантике. В говорах, которые не подвергаются современному адстратному влиянию, наиболее часты колебания в форме и семантике, значительнее число дериватов. Несмотря на живое влияние прибалтийско-финских языков, новая лексика практически не проникает в русские говоры Обонежья, что также подтверждает субстратный характер анализируемых слов. Классифицировать как недавние проникновения можно лишь несколько лексем.

Анализируя географическую дистрибуцию рассматриваемого материала, можно сделать ряд выводов.

1. Часть слов употребляется повсеместно в Обонежье.
2. Часть слов бытует также практически во всем регионе, кроме южного Прионежья (юго-запад Вытегорского и северо-восток Подпорожского районов).
3. Лексика, распространенная повсеместно, имеет общеприбалтийско-финский характер, хотя по фонетическим и семантическим характеристикам русским диалектным словам более соответствуют вепские; тогда как отсутствие части слов в южном Прионежье объясняется тем, что эта ареальная область является сферой, в основном, вепского влияния, а в вепском языке соответствующая лексика не зафиксирована или имеет другой фонетический облик, ср. фин. *koppelo* — вепс. *etatessoj*, фин. *salmi* — вепс. *soum*.
4. В южном Прионежье употребляется лексика, характерная только для этой части Обонежья. В основном, это слова вепского происхождения со значительным числом слов общеприбалтийско-финского происхождения.
5. Выделяется лексика, которая бытует в восточном Заонежье (Пудожский район). Слова этого ареала часто характеризуют-

ся единичностью фиксаций, неоднозначностью их этимологий: **румбега** 'иней над притолокой', ср. ливв. *rompeh* 'глыба льда'; **лубáнда, лúмба, лúмбега, лúбега** 'верхний, непрочный слой льда, часто со снегом и водой на прочном основном льду', ср. саам. *lobme, lubme* 'снег', **ýйта** 'место сенокоса', ср. люд. *uitto* 'узкий и длинный сенокосный луг между холмов и гор', манс. *ойта* 'заливной луг', коми *уйт* 'низменность, затопляемая в половодье' (КЭСКЯ). Для этого ареала возможно присутствие саамского субстрата и влияние коми языка через посредство вепсского (см. Лыткин, 1956).

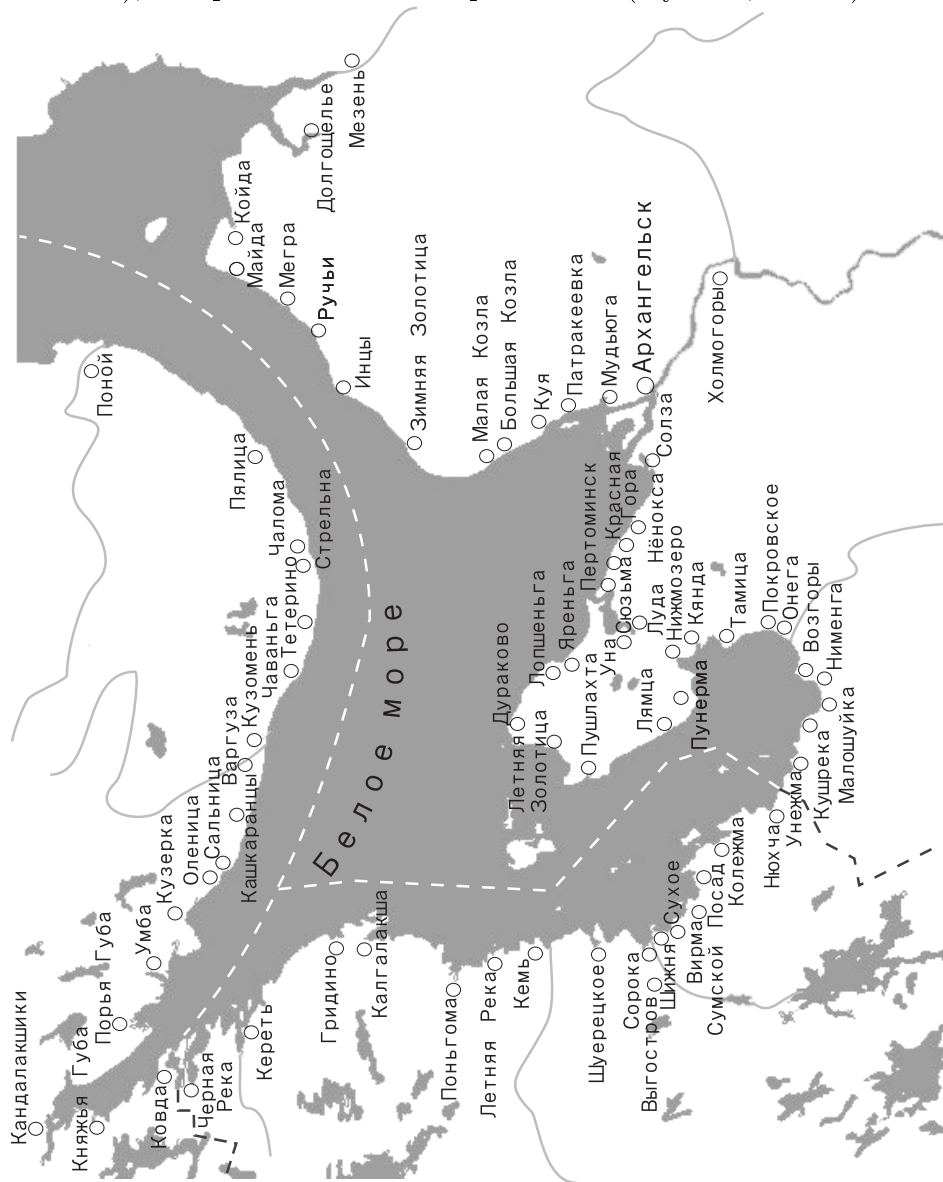
6. Лексические материалы, отмеченные в Заонежье (Медвежье-горский район и прилегающая к нему часть Кондопожского района), репрезентируют следующие особенности: наличие семантических инноваций (см. выше); фонетические особенности, по-видимому, не связанные с прибалтийско-финским влиянием — **ряньга** 'снег с дождем', повсеместно **рянда**; доминирование в некоторых случаях русского элемента в лексике (см. выше); влияние прибалтийско-финской акцентологической модели — ударение падает на первый слог и в русских словах; в лексике нашло отражение взаимодействие говоров Заонежья с ливвиковским, людиковским диалектами и вепсским языком — **пúтки, бúтки** 'стебли щавеля', ср. люд. *butk*, кар. *putki*. В прибрежных населенных пунктах Заонежья фиксируется лексика, характерная для ареалов с вепсским влиянием: **сестренíка** 'красная смородина', ср. вепс. *sestrikaine*, фин. *siestari*.

Следует подчеркнуть, что преобладание в Обонежье карельско-вепсского языкового влияния в лексической сфере можно рассматривать как несомненный факт, но довольно часто такое влияние носит смешанный прибалтийско-финский характер, и не всегда можно с большой долей уверенности выделить языковой тип этимона.

§ 6. Говоры Беломорья

Говоры Беломорья включают в себя территории, расположенные на побережье Белого моря. В ходе полевых обследований была проведена выборочная проверка в Онежском районе (Анциферовский Бор, Кянда, Тамица, Солозеро), в Холмогорском районе (Ло-

моносово), в Беломорском районе (Сумский Посад, Сальнаволок, Шижня), в окрестностях г. Северодвинска (Кудьма, Солза).



Карта Беломорья

Этот регион привлекал не раз внимание исследователей. Однако в отношении анализа неисконной лексики этой части русских говоров не имеется значительных трудов. Только в диссертационном исследовании И. В. Сало «Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии» (Сало, 1966; КСРНГ) рассматриваются лексические заимствования

из прибалтийско-финских языков, делаются выводы об их количественном составе; среди заимствований автор выделяет 27 слов рыболовства, 17 слов географической терминологии, 18 слов флоры и фауны, 28 звукоподражательных глаголов, 14 слов группы питание, одежда, обувь, 10 слов сельскохозяйственной терминологии, 2 охотничьих слова. Сало рассматривает сложную картину взаимоотношений вепсов, карел и русских в Беломорье. При анализе прибалтийско-финских заимствований в беломорских говорах автор обнаруживает, что здесь примерно равное число заимствований из собственно карельского языка (40 %), а из вепского, наряду с людиковским и ливвиковским диалектами, — примерно 39 %. Анализируя историю взаимоотношений между русскими — с одной стороны, вепсами и карелами — с другой стороны, Сало полагает, что первые более или менее тесные отношения вепсов со славянами происходили не позднее IX века, причем русские колонисты пришли на Север за древними вепсами, а с юго-востока сюда же направились коми. Следуя в русле гипотезы Д. В. Бубриха о происхождении карел-ливвиков и карел-людиков из вепсской основы⁷², автор полагает, что карельские племена с западного побережья Онежского озера пришли к Белому морю примерно в XI–XIII вв., а колонизация этого края русскими началась несколько позднее. До появления на территории Беломорья вепсов, карел и русских здесь жили саамы, с которыми вновь пришедшие народы вступили во взаимодействие, так же как и между собой. Автор полагает, что следует также учесть и то, что пришедшие сюда русские принесли с собой следы былой общности с вепсами и карелами у себя на родине, в Новгородской земле, так как весь и часть карел, берущая свое происхождение от нее, связаны с русским государством уже с XI века. Вряд ли следует соглашаться с заключением Сало о непрерывном процессе проникновения заимствований из прибалтийско-финских языков на протяжении всей русской колонизации, а для выявления времени проникновения и первоначального ареала вряд ли удастся изыскать какие-либо возможности ввиду отсутствия серьезного корпуса исторических материалов. Хотя, на наш взгляд, всегда имеется возможность классификации лексических единиц по разным критериям,

⁷²На наш взгляд, вепсская основа характерна только для людиковского диалекта.

которые должны быть заложены в основу вопросника по полевой работе.

В диссертации Л. А. Вороновой «Русская промысловая лексика рыбаков Беломорья» (Петрозаводск, 1968), хотя основной анализ посвящен рыболовецкой лексике как целостной системе, представлено около 70 единиц прибалтийско-финской природы. Серьезным лексикографическим источником по этой тематической группе говоров Беломорья является словарь И. М. Дурова «Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья» (Дуров, 1929).

А. С. Герд выделяет «типы лексических связей говоров Беломорья с другими диалектами на северо-западе» (Герд, 1987, 95), основываясь, вероятно, на данных картотеки СРГК⁷³, пытается проследить лексические связи беломорских говоров с другими смежными говорами. Однако, на наш взгляд, такого рода исследование нельзя проводить без сравнительно полного лингвогеографического обследования региона, которое должно сопровождаться анализом ареальной дистрибуции каждого рассматриваемого слова. В противном случае приводимые изоглоссы, основанные на случайных данных любой самой полной картотеки⁷⁴, вряд ли будут достоверными. Кроме того, анализироваться должны не случайно взятые лексемы. Должны исключаться из анализа слова с интердиалектной дистрибуцией, общерусский потенциально материал, тем более лексемы общенародного словарного фонда⁷⁵. Так, А. С. Герд (Герд, 1987, 95–96) связывает говоры Беломорья, Выгозера, Онежского озера, на восток до реки Онеги и Белозерья, приводя в качестве не очень убедительных примеров такие лексемы: **байна** ‘баня’ (фиксируется очень широко, в том числе и в псковских говорах, см. ПОС, 1, 94), **божница** ‘полочка для икон’ (ср.: **божница** ‘полка или киот с иконами’ — см. БАС, 1, 676), **дровяник** ‘сарай для дров’ (также см. БТС, 285), **мездра** ‘внутренняя сторона чего-н.’ (ср. **мездра** ‘слой подкожной клетчатки на невыделанной коже’, см. БТС, 530). Естественно, что говоры

⁷³Исходя из приводимых А. С. Гердом примеров.

⁷⁴Неполнота картотек областных словарей проявилась с началом работы над «Лексическим атласом русских народных говоров». Картотеки стали пополняться данными, которые ранее проходили мимо диалектолога при полевой работе.

⁷⁵Лексемы, входящие в словари русского литературного языка.

Беломорья образуют разнообразные единые ареалы со смежными говорами, а также в контексте макроструктуры севернорусских говоров.

Однако наиболее интересен пласт эндемической лексики Беломорья, который, на наш взгляд, характеризует его специфику. Довольно значительны данные рыболовецкой терминологии: **бáлка** ‘печень рыбы’ (Севмор., Кем., Беломор.), ср. саам. *væł'gâd* ‘белый’, саам. инар. *våłkkå*, ‘жир на лопатке у оленя, жир’ (SKES, 1621); **вальчáк** ‘сёмга после нереста’ (Терск., Кандалакш., Кем.), ср. саам. терск. *våłd'že'g*, кильд. *våłd'že'r* ‘пресноводный лосось’; **вóюкса** ‘печень рыбы — налима, трески’ (Терск., Кандалакш., Лоух., Кем.), имеет также множество фиксаций в лексикографических источниках, ср. саам. *vuivas* ‘печень’, *vuoija*, *vuij* ‘жир, растопленный или приготовленный’; **гáлея**, **галéй** ‘мелкая сельдь; соленая сельдь’ (Терск., Беломор., Кандалакш.), **галадьá** «род мелкой беломорской сельди» (Даль, 1. 350), ср. кар. сев. *halleti* ‘селедка’; **кíнда**, **тíнда** ‘мелкая пятнистая сёмга’ (Белое море), ср. саам. терск. *tindta* ‘то же’; **мырь** ‘косяк рыбы’ (Лоух.), ср. саам. *vierra* ‘клубок, узел’; **ёна** ‘длинный ряд сетей, связанных вместе’ (Терск.), ср. саам. кильд. *jepp^e*, терск. *jinne*, *jeanna* ‘мать, матка’ (KOLTKS, 61).

Кроме того, в отношении этнографической специфики Поморья отмечается его обособление от остального севернорусского населения, а внутри Поморья западные **поморы** противопоставлялись **двинянам**, хотя обе группы были русскими и развивали одну и ту же систему хозяйства (Бернштам, 1983, 229).

§ 7. Говоры Каргополя

Под каргопольскими говорами нами понимаются говоры, занимающие территорию Каргопольского района и примыкающих к нему Няндомского и Коношского районов, а также восточной части Пудожского района Карелии. По ДКРЯ говоры Каргополя отдельно не выделялись. Граница между олонекской и восточной группой говоров северновеликорусского наречия была проведена несколько восточнее озера Лаче и далее по реке Онеге. Таким образом, довольно сходные, на наш взгляд, говоры Пудожья (особенно его восточной части) с говорами Каргополя оказались в разных диалектных группировках. Авторы диалектного членения 1970 года

(Захарова, Орлова, 1970), выделяя особо лачские говоры как межзональную группу северного наречия, резонно проводят восточную границу по территории Пудожского района⁷⁶, а западную — также по реке Онеге.

По ПЛГО были обследованы следующие населенные пункты в Каргопольском районе: Архангело, Лекшмозеро, Лодыгино, Малая Шалга, Нокола, Семеновская, Сорочинская, Тихманьга, Троица; в Няндомском районе: Усть-Нименьга; в Коношском районе: Климовская; в Плесецком районе: Пекшлахта, Филипповская.

Ранее территория Каргополя, представлявшая обширный Каргопольский уезд, входила составной частью в Олонецкую губернию, и поэтому первые значительные фиксации лексики были приведены в словаре Куликовского. В предисловии указано, что в этом уезде были обследованы следующие населенные пункты и волости: Архангелы, Богдановская волость (Усть-Моша), Большая Шалга, Воезеро, Вохтома, Канакша, Кенозеро, Лекшма, Лепша, Лимское общество, Лодыгинская волость, Мишковская волость (Плесское общество), Моша, Ухотская волость, Андреевская волость (Нименское общество), Нифантовкая волость, Ряговская волость, Троицкая волость, Усачевская волость (Устьвелга), Фатьяновская волость (Шожма). В настоящее время эти населенные пункты находятся на территории Каргопольского, Плесецкого, Няндомского районов Архангельской области. Кроме того, в выпусках Словаря Грота-Шахматова репрезентированы все диалектные источники, существовавшие к тому времени. Серьезным современным источником является СРГК, а также АОС⁷⁷.

Данные финно-угорского происхождения в говорах Каргополя рассматривались в работе Гусевой «Заимствованные слова в географической терминологии Каргопольского края» (Гусева, 1971, 128–132). Автор выделила три пласта неисконной лексики: прибалтийско-финский, саамский и неизвестного происхождения. Действительно, по данным ПЛГО можно констатировать, что значительное количество слов прибалтийско-финского происхожде-

⁷⁶Вообще для «Диалектологической карты русского языка», представленной в работе «Диалектное членение русского языка» (Захарова, Орлова, 1970), свойственна схематичность презентации диалектных границ на карте, что затрудняет их идентификацию по административно-территориальному делению.

⁷⁷Имеется также небольшая работа С. П. Кораблева со «Словарем особенностей Каргопольского наречия» (Кораблев, 1851).

ния в говорах Каргополья является неразрывной частью общего прибалтийско-финского ландшафта: **жйжлик** ‘ящерица’, **канабренник** ‘багульник’, **ку́ла** ‘прошлогодня некошенная трава’, **нёгла**, **мёгла** ‘лиственница’, **пёндус** ‘небольшое болото’⁷⁸, **пйнда** ‘дерево с толстой сердцевиной’, **ра́йда** ‘ива’, **шульга́** ‘водоросли’, **са́рга** ‘дранка, лучина’, **ма́кса** ‘печень, печень рыбы’, **ро́вга** ‘мерзлый слой земли под оттаявшей сверху почвой’⁷⁹, **ла́хта** ‘низменное, залитое водой место’, **лу́да** ‘каменистая отмель’, **лы́ва** ‘заросшее озеро’, **ро́кша** ‘осадок после перетапливания сливочного масла’ (см. также СРНГ, 35, 170), **рю́жа** ‘мережа’. Об этом же свидетельствуют данные приведенных выше лексикографических источников: **ка́ва** ‘кол, вбитый в землю и служащий для причаливания плотов, лодок’ (Каргоп., Вытегор., Лодейноп., Петрозав., Куликовский), при фиксации на рр. Мста, Волхов, в псковских, костромских говорах (Слов. Акад. 1906–1907); **ка́буша** ‘конусообразный кусок сыра’ (Каргоп., Слов. Акад. 1906–1907), при ‘конусообразный или круглый комок творога, сыра’ (Лодейноп., Петрозав., Куликовский); **ко́ландать** ‘стучать, греметь, звонить,

⁷⁸У Куликовского в Каргопольском уезде представлен вариант **пенус**.

⁷⁹Гусева также отмечает слово **ро́вга** ‘слой промерзшей земли, верхняя часть которой весной оттаивает’ в каргопольских говорах. По ПЛГО **ро́вга** ‘слой мерзлого грунта с оттаявшей сверху землей’ отмечается в Медвежьегорском, в Онежском, Плесецком, Кирилловском районах. В словаре Меркурьева **ро́вга** дается в значении ‘лед на болоте под слоем мха’ в Терском районе. Подвысоцкий с вариантом **ро́вга**, отмечающимся в Онежском уезде, связывает иное значение — ‘лед, не оттаявший от берега, уже покрытого водою во время лесосплава’. Калинин в Онежском районе КАССР фиксирует **ро́вга** ‘мерзлая земля’. Дилакторский отмечает распространение слова **ро́вга** в Кадниковском уезде. По данным КСРГК зафиксированы также два варианта **ро́гда** и **ро́вга** ‘мерзлый слой почвы’ в Ундозеро, Бабино Вытегорского района.

В словаре Куликовского вариант **ро́вда** ‘мокрая земля, смерзшаяся комками, промерзлый верхний слой земли’ распространяется на Каргополье (р. Онега, Усть-Моша, Вохтома), отмечается также в Пудожском уезде (Корбозеро, Водлозеро, Янгозеро), в Вытегорском уезде (Десятины, Черная Слобода, Ковжозеро, Шимозеро), в Олонецком уезде (Ведлозеро), в Заонежье (Шуньга). Кроме того, Куликовский отмечает лексему **ро́вда** еще в значениях: ‘болотная ржавая вода’ в Каргопольском уезде (Кенозеро), в Вытегорском уезде (Тудозеро), ‘весенние испарения’ — в Каргопольском уезде (Мишковская волость). Несоответствие современных данных (см. выше материалы Гусевой и ПЛГО, где представлен вариант **ро́вга**) и приведенных в словаре Куликовского (**ро́вда**) вряд ли следует объяснять как изменение корреляции ареалов этих слов.

звенеть' (Каргоп., Вытегор., Петрозав., Повен., Пудож., Куликовский), при 'стучать зубами от холода' (р. Онега, Куликовский), ср. вепс. *koleita* 'стучать, громыхать'; **калужина** 'дерево, бревно, затонувшее в воде' (Каргоп., Куликовский), 'часть гнилого дерева' (Заонеж., Куликовский), ср. вепс. *kaluiñe* 'палочка, колышек'; **канабра** 'мох на камнях' (Петрозав., Повен., Каргоп., Куликовский).

Кроме того, в говорах Каргополья фиксируется глагольная лексика прибалтийско-финского происхождения, обычно свидетельствующая о значительной интенсивности субстрата: **мáлтать** 'понимать, уметь что-л. делать' (то же у Куликовского), **ка́рзать** 'обрубать сучья', ср. 'обрубать сучья на поваленных деревьях' (Каргоп., Куликовский), при 'снимать кору с деревьев', 'рубить деревья' (Белозер., Заонеж., Вытегор., Слов. Акад., 1906–1907), ср. вепс. *karst'a* 'обрубать сучья'; **кэ́хтать** 'желать, хотеть делать что-л.' (Каргоп., Куликовский; Вытегор., Белозер., Новг., Слов. Акад., 1906–1907).

Эндемическая лексика, которая определяла бы специфику субстрата каргопольских говоров, фиксируется нечасто. В основном она представлена в виде региональных фонетических вариантов, которые характерны для слов саамского либо позднекарельского происхождения: **форма́** 'Spirea ulmaria' (Каргоп., Куликовский), ср. саам. *foarbma* 'gumex domestikus', хотя, на наш взгляд, появление такого варианта возможно трактовать как развитие на русской почве. Еще одна лексема **шáлги** 'жабры' представляет собой региональный вариант, вероятно, являющийся результатом особенности освоения на русской почве; более широко распространен вариант **шáглы** с тем же значением, ср. вепс. *šahlad* 'жабры' (СВЯ, 542).

Для говоров Каргополья характерен смешанный субстрат, при наличии единиц с вепсской основой, ср. **рóвга**, при вепс. *roug* 'мерзлота, мерзлая почва' (СВЯ, 481), более значимый массив образуют лексемы, имеющие в основе карельские этимоны. По ПЛГО зафиксирована лексема **шóга** 'шалаш из сена в лесу' (Малая Шалга), которая сопоставляется с ливв. *šogelo* 'закоулок, угол, каморка', при фин. *sokkelo* 'угол, тесное, темное место, потайной ящик' (SKES, 1062), при вепс. *šoga*, *šuga* 'угол дома в избе' (СВЯ, 61). Исходя из формы русского слова, можно предположить, что соответствующий этимон, имея карельский консонантизм, структурно равен вепсской единице **šoga*. Еще один подобный пример —

ши́паки ‘неровно замерзшая дорога’ (Тихманьга), ср. **ши́пша** ‘снег на дороге, тающий на солнце’ (Кольск. Арх., Куликовский), при кар. ливв. *šipši* ‘мягкий, сырой, тающий снег’, ‘мокрая дорога’, ‘слой льда на насте’, люд. *šipš* ‘снег со льдом на воде’, фин. *supsu* ‘тающий снег на поверхности наста’ (SKES, 1036). В Каргополье отмечается на месте прибалтийско-финского [h] в начале слова русский [x], являющийся показателем карельского субстрата: **ха́йрус** ‘хариус’.

В ареальном плане говоры Каргополья можно охарактеризовать следующим образом:

1. Часть лексики представляет собой пласт, неразрывно связанный с другими севернорусскими говорами.
2. Имеются лексемы с каргопольско-белозерской территорией распространения: **чу́па**, **чу́пы**, **чу́пус** ‘лодка-долбленка’, **чу́па** ‘два узких долбленных корыта, скрепленные вместе для езды по малым рекам и озерам’, **чу́пус** ‘выдолбленная для челнока осиновая колода, пока в нее не вставлены шпангоуты’; нередко слова, имеющие такой ареал, восходят к саамским источникам, ср. в данном случае — саам. патс. *suves*, кильд. *subes*, ген. *subbas*.
3. В ряде случаев лексика Беломорья и Каргополья выступает как единый ареал, большей частью это относится к наименованиям рыболовецких орудий: **рю́жа** ‘мережа’.
4. Лексика вепсского происхождения в Каргополье образует единый ареал с говорами Заонежья и южного Прионежья: **верáнда** ‘куча сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания’, ‘куча хвороста’.

§ 8. Онежские говоры

Под онежскими нами понимаются говоры, расположенные по течению р. Онеги. По своему генезису и языковым характеристикам они отличаются как от говоров Каргополья, так и от говоров Беломорья, хотя территориально примыкают к тем и другим. Территория их находится в Онежском, Плесецком и Каргопольском районах Архангельской области (ранее Онежской уезд Архангельской и Каргопольский уезд Олонецкой губернии. Онежские гово-



Карта Каргополя и бассейна реки Онеги

ры характеризуются тем, что часть их носителей обрусела довольно поздно. Об этом свидетельствуют данные ойконимии. Так, например, по источникам начала XX века, в Онежском уезде Пияльского сельского общества проживала чудь в следующих деревнях: Пеела, Хачэла, Ковкула, Четьюга, Кялованда, Пачполда, Хасла, Каеки (Тр. МДК, 10, 4).

По диалектному членению Захаровой, Орловой включена только территория верховьев р. Онеги, причем именно по ней проводится граница между лачскими говорами и вологодскими; западное побережье озера Лача относится авторами к каргопольским говорам, а восточное — к вологодским. Однако вряд ли такое членение может быть основано на реальных языковых фактах (Захарова, Орлова, 1970, 119). Так, например, Дерягин, Комягина разграничивают диалекты бассейнов рек Онеги и Северной Двины на основе лексических данных на протяжении XVII–XX веков (Дерягин, Комягина, 1968, 117–119). Именно на территории, занимаемой ныне говорами Архангельской области, столкнулись языковые явления как последствия различных миграционных потоков — новгородской колонизации и ростово-суздальской. Причем бассейн реки Онеги отчетливо противопоставляется всей остальной территории нынешней Архангельской области (см. Дерягин, 1968, 168). На сводной карте в ЛААО также выделяется как особый онежский ареал с ярко выраженной спецификой по среднему течению р. Онеги (ЛААО, 226).

1. По нашим лексическим данным прослеживается след новгородской колонизации, ср., например: **ка́бры** 'бранно — о руках' (Анциферов Бор и новгородские говоры); **ку́бача** 'обмолоченный сноп ржи' (Анциферов Бор и новгородские говоры).
2. Имеются связи с говорами Обонежья: **ря́нда** 'снег с дождем' (Обонежье) — **ренда́** 'мелкий морозящий дождь' (Анциферов Бор).
3. Имеется пласт лексики общерегионального характера: **ко́пала** 'самка глухаря'.
4. Прослеживается также связь с говорами юга Архангельской области и вологодскими говорами: **кечи́га** 'орудие для обмолота хлеба' (Анциферов Бор) — **кичи́га** 'орудие для обмолота льна' (вологодские говоры).

5. В этих говорах пласт эндемической лексики уходит в настоящее время из употребления, ср., например, **сяньга**, **сэньга** 'стерня, жнивье', ср. кар. *sänki*, вепс. *säng, seŋg* 'то же', при более позднем карельском *šänki* 'то же' (SKES, 1168).

§ 9. Гдовские говоры

По диалектному членению русского языка Захаровой, Орловой (Захарова, Орлова, 1970, 146–147) гдовские говоры относятся к группе западных среднерусских окающих говоров. Они рассматриваются как переходные от западных среднерусских окающих говоров к западным среднерусским акающим. Гдовские говоры, наряду с новгородскими, входят в подгруппу западных среднерусских окающих говоров. Следует отметить, что по Диалектологической карте русского языка в Европе гдовские говоры были отнесены к западной группе северновеликорусского наречия с границами с севера по р. Свирь, далее от южной оконечности Онежского озера на юг к верховьям Волги; южная граница фиксировалась южнее гг. Вышний Волочок, Валдай, Старая Русса, Порхов — до северо-восточного побережья Псковского озера. Выделение гдовских говоров, как дифференцируемой диалектной группировки, по членению 1970 года произошло, в основном, по грамматическим и фонетическим параметрам. В качестве примеров лексем, характеризующих данные говоры, приводятся следующие: **печайник**, **печальник** 'сковородник', **рёлка** 'участок земли', **мо́ст** 'дно у лодки', **пе́ить**, **по́ять** 'петь песни' (Захарова, Орлова, 147). На наш взгляд, данные слова вряд ли отражают своеобразие лексической системы гдовских говоров. Например, **мо́ст** имеет значение 'настил на дне лодки' и фиксируется достаточно широко в говорах Северо-Запада (см. СРНГ, 18, 288). Точно также неправомерен выбор лексемы **рёлка**, поскольку ее дистрибуция в значении 'часть, полоса обрабатываемого участка земли, пашни, луга' распространяется на говоры Псковской, Новгородской, Ленинградской, Калининской, Ярославской областей (см. СРНГ, 35, 47–51). Лексема **печайник** представляет более псковские говоры, чем гдовские (см. СРНГ, 26, 343); а слово **пе́ить** более характерно для южнорусских говоров, оно фиксируется в тульских, воронежских, смоленских, курских говорах (СРНГ, 25, 315).



Карта Гдовского района Псковской области

Говоры северной части нынешней Псковской области описала Н. П. Гринкова (Гринкова, 1925), анализ говоров к югу от Гдова на полевых диалектных данных проделала З. В. Жуковская (Жуковская, 1962, 5–27). В последней работе представлен анализ материала из н. п. Боровик, Лудва, Теребище, Ветрово, Липня Псковско-

го района и Самолва, Островцы, Ямм, Гвоздно, Сиковицы, Горка, Спицыно Гдовского района (Жуковская, 1962, 5). Автор констатирует, что, исходя из анализа фонетической системы, можно наблюдать процесс утраты севернорусских элементов в говорах к югу от Пскова, но все же следует их относить к северновеликорусскому наречию (Жуковская, 1962, 21–27).

Таким образом, можно констатировать, что с точки зрения диалектного членения гдовская лексика еще требует исследования, с тем чтобы уяснить ее место в макроструктуре русских говоров.

Основой для изложения нашей точки зрения послужили материалы, собранные в ходе экспедиций ПЛГО в Гдовский район Псковской области, где были обследованы следующие населенные пункты, прилегающие к Чудскому озеру: Ветвеник, Горка, Духнова Гора, Кунесть, Мда, Островцы. Основной задачей был сбор данных для АСЗЛ, при этом проводилась запись всех материалов, попадающих в сферу нашего внимания. Поскольку материалы собирались по программе, то удалось зафиксировать данные, которые отсутствуют в ПОС: *диглб* ‘молоки рыбы’ (В ПОС — только *диглэц* ‘рыба-самец’ по данным Кузнецова; ПОС, 9, 67). Следует отметить, что гдовские диалектоносители дифференцируют себя от носителей окружающих их псковских говоров как по особенностям языка, так и по происхождению, обычно среди них формулировка: — *Мы поморы, а не скобари* (Мда, ПЛГО). Ранее, говоря о гдовских говорах, имели в виду территорию бывшего Гдовского уезда Петербургской губернии, которая была значительно больше и включала в себя территории нынешних районов: Лядского, Плюского, Стругокрасненского Псковской области, Сланцевского, Лужского районов Ленинградской области. Поэтому в работе Трусмана «Финские элементы в Гдовском уезде СПб. Губ.» (Трусман, 1884) автор оперирует данными с более обширной территории. Однако к настоящему времени эта работа устарела и не соответствует критериям научно-исследовательского анализа. По нашим данным, лексическая система в гдовских говорах с точки зрения ее дифференциации может характеризоваться по следующим параметрам: а) лексика широкого распространения с частотными фиксациями в диалектной зоне, выделенной по ДКРЯ; б) лексика, инкорпорированная влиянием собственно псковских говоров; в) автохтонная гдовская лексика. Это относится как к заимствованной, так и к исконной лексике, однако анализ последней не входит в наши задачи.

В отношении неисконных данных совершенно естественно то, что анализируемая территория представляет собой ареал субстратного прибалтийско-финского влияния. Имеются топонимы, которые свидетельствуют о дославянском населении этого района: **За-лахтовье**, **Кятицы**, **Мда**, **Чудская Рудница**, **Пересари** (название острова — н. п. Островцы). Естественно, что при полевом обследовании не строились планы на пополнение прибалтийско-финского словника новыми данными, однако удалось зафиксировать несколько слов, которые не фигурировали в источниках: **нор** ‘ряд связанных вместе сетей’, ср. эст. диал. *nõr* ‘веревка’ (SKES, 401), **кату́га** ‘попона на коня’, ср. эст. *kate* ‘занавес, занавеска’, ‘крышка’, эст. *katta* ‘прятать, крыть, покрывать’ (SKES, 171). Поскольку полевое обследование проводилось в прибрежных населенных пунктах, значительная часть лексических данных относилась к тематической группе рыболовства. Поэтому и неисконные единицы выделяются в рыболовецкой лексике: лексема **салáг** отмечается в Гдовском районе, имея в качестве основного варианта **салáк** с семантикой ‘небольшой сиг’, связанной, вероятно, с эст. *salakas*, ген. *salaka* ‘молодой язь’ (Веске, 1890, 21); ср. также: **салáк**, **салачóк** ‘мелкий сиг’, при эст. *siiakala* ‘сиг’ (РЭС, 650), слово **лáтик** имеет в качестве источника эстонский тип, ср. эст. *latikas* ‘лещ’ (ЭРС, 249), **максó** ‘печень рыбы’, **пáйгус** ‘горло мережи’, **супéц** ‘руль в лодке’, **равíна** ‘снасть для управления парусом’, **шíрка** ‘деревянный поплавок’. Некоторые материалы отмечаются только по лексикографическим источникам: **вй́гма**⁸⁰ ‘буря, волнение на реке, озере’ (Пск., Чудск. оз., СРНГ, 4, 273), ср. водск. *vihta*, эст. *viht* ‘дождь’, при вепс. *viht* ‘дождь’, фин. *vihta* ‘мелкий дождь, изморось’ (SKES, 1738).

В целом, однако, следует отметить, что доля лексики прибалтийско-финского происхождения в гдовских говорах в настоящее время представляет собой незначительную величину. Так, например, сельскохозяйственная лексика неисконного происхождения, часто служащая индикатором интенсивности иноязычного воздействия, имеет здесь единичные фиксации: **кíлос** ‘кладка из 15-ти снопов ржи’, ‘верхний сноп в такой кладке’; в д. Островцы отмечается вариант **кы́лос**, ср. в Слов. Акад.: **кíлоса** ‘десять снопов ржи или овса, сложенные вместе на поле для просушки’ Гдов.,

⁸⁰ Ранее данное слово не рассматривалось в этимологической литературе.

Луж. Петерб.; **кй́лос** ‘то же’ Новг.; **кй́лосы** ‘ржаные копны’ Новг.; **кй́ласы** ‘суслоны’ Ямб. Петерб. (Слов. Акад. 1909, 805), причем авторы дают помету финск., не приводя этимона. В СРНГ достоверно добавляется географическая помета Пск. (СРНГ, 13, 209). Калима, оперируя материалами Булича: **кй́лоса** ‘кладь хлеба из 10 снопов’ в Петергофском уезде, с сомнением из-за расхождений в фонетике приводит в качестве источника фин. *kyhläs* ‘скирда хлеба’ (Калима, 1915, 117). На наш взгляд, данные материалы вряд ли можно возводить напрямую к какому-либо прибалтийско-финскому источнику, ср. кар. *kuilaš*, водск. *kuhila*, эст. *kuhilas*, *kuhelas*, *kuhelik*, *kuhilik*, ливв. *kuhl’as*, *kühläs* ‘суслон, бабка’ (SKES, 231). Но вокализм первого слога русского диалектного слова — [и] — возможен только при прибалтийско-финском [y], а отсутствие субституции прибалтийско-финского [h], обычно [h] — [r] или [h] — [x] на русской почве, объясняется только наличием формы **kyilas*, т. е. субстратным источником прибалтийско-финского типа⁸¹.

Ряд слов, бытующих преимущественно в гдовских говорах, представляет собой довольно частотные автохтонные варианты, имеющие, однако, соответствия в смежных говорах. Одна из таких единиц — **порóга** ‘трещина во льду в непосредственной близости от берега озера’ (Ветвеник, Кунесть, Островцы): — *Порога — когда зимой едешь, трещина, когда озеро замерзло, вокруг всего озера трещина в мороз расходится, в тепло сходится, и кони вваливали; переезжали порогу метров 200 от берегу, полтора километра от берегу, иногда метра 2–3* (Мда, ПЛГО). Имеются фиксации и в диалектных источниках: **порóга** «трещина во льду (реки, озера), края которой то сходятся, то расходятся» (Пск., Чудск. оз., Кузнецов, 1912–1914; СРНГ, 30, 66); **Быльная порóга** «трещина во льду, появляющаяся в одном и том же месте» (Пск., Чудск. оз., Кузнецов, 1912–1914; СРНГ, 30, 66); **Глухая порóга** «трещина, в которой не видно воды (она затянута льдом)» (Пск., Чудск. оз., Кузнецов, 1912–1914; СРНГ, 30, 66); **Полая порóга** «трещина, в которой видна вода» (Пск., Чудск. оз., Кузнецов, 1912–1914; СРНГ, 30, 66). В говорах Приильменья слово **порóга** отмечается в иных значениях: ‘лед на озере, поднявшийся в виде бугра’ (Старорус, Новг., НОС, 8, 127); ‘незамерзшее место на

⁸¹ Прибалтийско-финские данные восходят к скандинавским источникам, ср. др.-швед. *skûl*, швед. *skyl* ‘бабка, суслон’ (SKES, 231).

озере Ильмень, промоина во льду, полынья' (Новг., НОС, 8,127). В говорах Обонежья фиксируются варианты **пóрега** 'полынья' (Вытегор., Пудож., Куликовский), 'полынья в устье реки ранней весной' Вытегор., Пудож., Поляков, 1871) и **порéга** 'полынья' Вытегор. Волог., СРНГ, 30, 54). Калима, имея в своем распоряжении данные Куликовского и Полякова, возводит их к кар. *pore* 'место во льду у берега, где в оттепель тает лед', при фин. *pore* 'промоина во льду' (Kalima, 1915, 187). Ср. также кар. *pore* 'талое место во льду, обычно на берегу' (KKS, 4, 399), ливв. *poreh* 'шуга, мелкий рыхлый лед в полынье весной' (СКЯМ, 279), *pore* 'талое место во льду недалеко от берега', люд. *pore*, *pori*, *poret* 'проталина, которая появляется во льду весной, где начинает таять лед', эст. *põri* 'трещина, щель, получившаяся в результате тряски' (SKES, 603). На наш взгляд, следует разводить варианты **пóрега** в Обонежье и **порóга**, отмечаемый в гдовских и приильменских говорах; если первый следует рассматривать на карельско-вепсской почве, то второй, вероятно, представляет собой результат субстратного влияния эстонско-водского типа.

Лексема **пúрик** 'колотушка для глушения рыбы' фиксируется в Гдовском районе, на побережье Чудского озера, а также Псковского озера: — *Пуриком ходят ребятишки глушат* (Мда, ПЛГО). Исходя из семантического тождества лексем **кúрик**⁸² и **пúрик** можно предположить и их этимологическое родство, при том, что начальное гдовское [п] соответствует начальному [к] с более широким ареалом, последняя лексема может представлять собой результат влияния прибалтийско-финского субстратного типа; ср., однако, эстонско-водские данные: водск. *pulik* 'колышек, колок, палочка' (VKMS, 249), эст. *pulik(as)* 'то же' (EstNED, 97).

Лексему **ка́лья** 'брюква', которая фиксируется в Гдовском и Лужском районах по данным ПЛГО, также можно рассматривать как эндемический вариант (см. выше версию о происхождении гнезда **каликка**, **калига** и т. п.). Единицу **шуйгá** 'снег со льдом на поверхности воды', отмечаемую также в Чудовском районе (Коломно) по ПЛГО, вероятно, следует рассматривать в ряду вариантов **шугá**, **шуйá**, **шуйгá**, при коми *шуга*, *шуйá* 'мелкий лед

⁸²Лексема **курик** в значении 'колотушка для колки дров, глушения рыбы и т. п.' имеет широкую дистрибуцию.

на реке перед ледоставом'⁸³, фин. *sohjo, sohju* 'ледяное крошево, слякоть'.

Кроме прибалтийско-финского пласта лексики, в гдовских говорах отмечаются единицы, восходящие к коми языку, ср., например: **ча́до** 'гриб чага', **ша́ньга** 'ватрушка', однако их распространение связано с влиянием либо стандартного русского языка, либо с воздействием общесеве́рнорусской диалектной макроструктуры. Поэтому, вероятно, вряд ли следует рассматривать как вполне достоверный факт фиксацию в Гдовском районе слова **ви́ска** 'небольшая река' (см. Лекарева, 1998), бытующего, по данным лексикографических источников, в Подвинье, Беломорье, на рр. Мезени, Печоре в значении 'ручей, протока, небольшая речка', также в русских говорах Сибири (СРНГ, 4, 295).

Данное слово имеет утвердившуюся коми этимологию, ср. коми *vis* 'речка, ручей, соединяющая два озера' (Kalima, 1927, 19; Фасмер, 1, 230; Аникин, 2000, 156). Л. А. Лекарева утверждает, что «в говорах существует слово виска», хотя имеется единственная запись без контекста (Лекарева, 2001, 171),⁸⁴ включение этой единицы как достоверной в систематический анализ без подтверждения ее фиксации на настоящем этапе вряд ли может иметь серьезную аргументацию, поскольку распространение прямого влияния коми языка до гдовских говоров не имеет фактологической базы. Ср., однако, в Программе ЛАРНГ вопрос «ЛСЛ 480 Проток, соединяющий два водоема» с возможными ответами: борозда, вис, виска, ерка и т. п.

Но если подтвердится фиксация лексемы **ви́ска** в гдовских говорах при автохтонном ее происхождении, то, вероятно, надо будет пересмотреть этимологию этого слова либо ареальные границы влияния коми языка.

§ 10. Говоры ярославско-костромского Поволжья

Данные говоры относятся к Костромской группе северного наречия, занимают территорию, находящуюся между Вологодской группой и восточными среднерусскими окающими говорами (Захарова, Орлова, 1970, 114). В качестве лексики, которая харак-

⁸³Скорее всего из русск.

⁸⁴В более ранней статье для слова **ви́ска**, отмеченного в Гдовском районе, дается контекст: — *Вон через дорогу течет виска* (Лекарева, 1998, 122).

терна для этой группы говоров, авторам «Диалектного членения русского языка» не удалось, на наш взгляд, привести удачные примеры: **теребить** (о льне), **курок** 'рукоятка косы', **сосунок** 'жеребенок в возрасте до одного года', **третьяк** 'жеребенок по третьему году' (Захарова, Орлова, 1970, 116).

По ПЛГО в Ярославской области были обследованы следующие районы: Брейтовский (Михалево, Соколы), Некоузский р-н (Давыдовское); в Костромской области были получены данные из следующих районов: Галичский р-н (Горюшкино, Дудино, Лихарево); Кологривский р-н (Ильинское); Мантуровский р-н (Давыдово, Медведево); Павинский р-н (Мундор Заболотный, Старая Дорога); Пыщугский р-н (Карманиха, Крутая); Солигаличский р-н (Гнездиново, Совега); Шарьинский р-н (Старошангское).

Для этого региона характерно наличие на одной и той же территории субстрата общеприбалтийско-финского типа и различных дифференцированных финно-угорских типов. Задача их различения и разграничения была поставлена еще в работе О. В. Вострикова, который анализирует обширные данные русских говоров Волго-Двинского междуречья с привлечением материалов волжско-финских, пермских, прибалтийско-финских и саамского языков (Востриков, 1981, 3–45). На данных ЯОС разработка субстратной лексики финно-угорского происхождения получила в работе А. Альквист (Ahlgvist, 1998, 5–39), в которой анализ лексики построен по продуктивному тематическому принципу.

Неисконная лексика представляет в данных говорах многослойный ареально аморфный конгломерат. Этимологизация и ареальная привязка такого материала возможна только в результате полного исследования всей иноязычной лексики региона. Оставим в стороне дискуссию о природе мерянского субстрата, которая, на наш взгляд, вызвана тем, что исследователи, уже имея сформировавшуюся у них идею, наполняли затем ее нужными им фактами. Причем нередко, приводя для «мерянских» соответствий данные марийского и мордовских языков, авторы, тем не менее, делают вывод о его прибалтийско-финском характере (Ткаченко, 1985; Vereszki, 1996). На наш взгляд, вряд ли следует оспаривать мысль А. К. Матвеева о том, что в качестве источника мерянского субстрата перспективнее изучение географических названий, поскольку их гораздо больше, чем апеллятивных единиц, и они легче распознаются как мерянские (Матвеев, 1997, 6). Однако в силу

дискуссионности принадлежности мерянского языка к определенной группе финно-угорских языков, достаточно сложно относить данные неясной субстратной природы финно-угорского характера к мерянскому типу⁸⁵. Возможно ли лексемы, имеющие фонетические особенности неясной финно-угорской природы, трактовать как единицы мерянского происхождения, ср., например: **жэстель** 'красная смородина', **сорьез** 'рыба хариус', или вероятно и другая их трактовка.

В Брейтовском и Ростовском районах Ярославской области и в Парфеньевском Костромской отмечается лексема **вяха** 'пустяк, что-либо незначительное' (ЯОС, 1984, 64), которая явно соотносится с прибалтийско-финскими данными, ср. вепс. *väha, vähä* 'мало, немного' (СВЯ, 644). Несмотря на это, О.Б. Ткаченко трактует эту диалектную единицу⁸⁶ в контексте русско-мерянских и мерянско-русских контактов (Ткаченко, 1985, 71) без серьезной аргументации. Тогда как в данных говорах фиксируется лексика особого прибалтийско-финского типа⁸⁷; сходные в этимологическом плане на прибалтийско-финской почве лексемы отмечаются в западной части Северо-Запада. Именно в этом регионе, расположенном не вблизи ареала живых прибалтийско-финских языков, имела лексикографические фиксации лексика, восходящая к сходному языковому типу, ср., например: **лэйма** 'корова' (Галич. Костром., 1820, СРНГ, 16, 341), при фин. *lehmä* 'то же'; **сика** 'свинья' (Галич. Костром., Опыт), при фин. *sika* 'то же'; **гардоболь** 'ягоды голубики' (Чухлом.. ЯОС, 1984, 69), при вепс. *garbol* (SKES, 164; SSAP, 1, 31–316; Ahlqvist, 1998, 11); **сага** 'небольшая пила с одной ручкой': — *Принеси мне сагу, я немного дров отпилю*. Антропов. (ЯОС, 1990, 6), при фин. *saha* 'пила'⁸⁸; **кёрбас** 'пила' (Ветл. Костром., СРНГ, 13, 183), при фин. *kirves* 'топор'⁸⁹. Такого же ро-

⁸⁵О.В. Востриков трактует такого рода материалы как заимствования из вымерших финно-угорских языков (Востриков, 1981, 20).

⁸⁶О.Б. Ткаченко исходит из данных картотеки Ярославского областного словаря.

⁸⁷Однако из этого не следует вывод о прибалтийско-финской природе мерянского языка.

⁸⁸Слово **сага** 'пила, ножовка' зафиксировано также в пинежских говорах по КСРНГ, но не помещено в СРНГ (СРНГ, 36, СПб., 2002) в силу того, что редакторы словаря посчитали его за единицу арго.

⁸⁹В данном случае, вероятно, произошел сдвиг значения на базе одной предметно-тематической группы; имеются также глагол **кёрбасить** 'пилить' и от-

да примеры можно привести в отношении некоторых глаголов: **му́стить** ‘понимать, соображать; разбираться в каком-либо деле’ (Любим., Первомайск., Углич., Брейтов., Некрасов., Пошех., ЯОС, 1987, 68), **мусти́ть** (Брейтов., Пошех. ЯОС, 1987, 68) соотносится с широко распространенным в Обонежье **му́штать** ‘знать, соображать, вспомнить, понимать’ Петрозав., Заонежье (Куликовский), сопоставляется с люд. *muštada*, вепс. *muštta* ‘помнить, понимать’ (Kalima, 1915, 168). Однако консонантизм и другой тип русского глагола не позволяет сводить лексемы **му́стить** и **му́штать** к одному источнику, вероятно, ярославской единице будут соответствовать карельские данные: кар. твер. *muistia* ‘помнить’ (СКЯП, 165)⁹⁰, ливв. *mustua* ‘помнить’ (СКЯМ, 215), кар. тихв. *muistua* ‘помнить’ (KKS, 3, 356). В Вытегорском р-не отмечается вариант **му́хтать** ‘соображать, понимать’ наряду с доминирующим **му́штать** (СРГК, 3, 275), скорее всего, вепсского происхождения. Кроме того, в говорах Архангельской области фиксируется единица с консонантизмом карельского типа: **му́стать** ‘вслушиваться’ (Устьян. Арх., СРНГ, 18, 336). Как видно из приведенных данных, это глагольное гнездо имеет значительный ареал, который, вероятно, следует дифференцировать на отдельные этимологические микроареалы.⁹¹

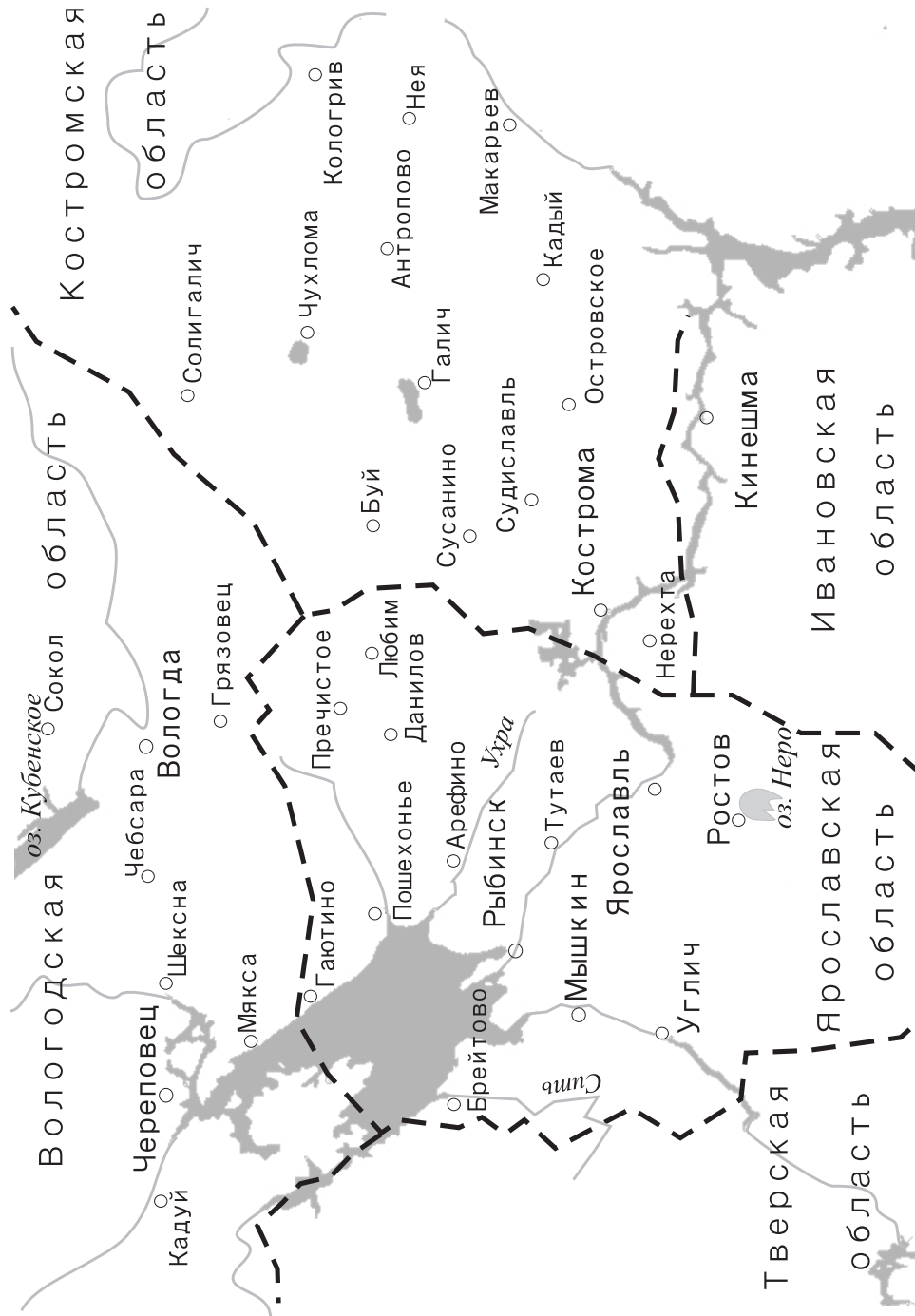
Кроме того, в данных говорах отмечается лексика, этимологию которой возможно рассматривать на почве коми языка: **ба́ля** ‘подзывные слова для овец’ (Масловский район Ярославской области, ЯОС, 1981, 32; Kalima, 1927, 15); **ко́ртома** ‘аренда’, **ко́ртоми́ть** ‘арендовать’ (с широким распространением в ярославских, костромских говорах (ЯОС, 1986, 72; Kalima, 1927, 25); **кулё́ма** ‘капкан для ловли пушного зверя’ (Костромской район, ЯОС, 1986, 105; Kalima, 1927, 27); **ши́ра** ‘мышь’ (Волог., Яроsl., Даль, 4, 659; Kalima, 1927, 49).

Таким образом, для данных говоров возможна следующая градация субстратных и заимствованных данных:

носительное прилагательное **ке́рбасовый** (СРНГ, 13, 183).

⁹⁰Вряд ли права А. Альквист, когда она включает в это гнездо глагол **мусти́ть** ‘смущать, сбивать с толку’, который, на наш взгляд, является гетерогенным омонимом и имеет более широкую территорию распространения — ярославские, тверские, псковские говоры (ЯОС, 2987, 68; СРНГ, 18, 366). См.: Ahlqvist, 1998, 17.

⁹¹А. Альквист предлагает считать слово **му́стить** ‘понимать, соображать’ субстратным (Ahlqvist, 1998, 18), на наш взгляд, несомненно его карельская природа.



Карта ярославско-костромского Поволжья

1. Лексика общеприбалтийско-финского типа, представляющая собой:
 - а) часть общеприбалтийско-финского севернорусского ареала;
 - б) элементы арго, проникшие в русские говоры (по форме и семантике близкие к общеприбалтийско-финскому типу).
2. Единичные лексемы, соотносящиеся с дифференцированными прибалтийско-финскими типами.
3. Лексика, имеющая соответствия в пермских языках.
4. Лексика, наиболее близкие этимоны которой находятся в марийском языке, ср. русск. диал. *дульяс* 'огонь' (Галич. Костром.), трактуемое Ткаченко как иллатив морд. *толс* 'в огонь' (Ткаченко, 1985, 77), при мар. *tul* 'огонь' (SKES, 1390).
5. Лексика неясного финно-угорского типа (трактуемая исследователями как мерянский субстрат).

Кроме того, следует отметить, что в этом регионе фиксируется также лексика тюркского и балтийского происхождения, образуя довольно устойчивые и обширные ареалы.

§ 11. Проблема соотношения субстратных апеллятивных и топонимических ареалов

Традиционно исследование неисконных апеллятивных и топонимических данных происходит на разных методических установках лингвистического анализа. При рассмотрении неисконного апеллятива основной задачей является приведение его к конкретному этимону, который отвечает заданным параметрам этимологизирования. Обычно проведение этимологического сопоставительного анализа опирается на данные языка-донора, которые имеют научное описание. При анализе субстратных апеллятивных материалов в языке-реципиенте в большинстве случаев реконструируемые типы лексем гипотетического, не существующего ныне языка-донора можно верифицировать данными родственных языков. Главное, на наш взгляд, отличие этимологизации неисконных апеллятивов от проведения исследования неисконных топонимов заключается

в том, что первое направление представляет собой лингвистическую дисциплину, в которой поиск источника слова является конечной задачей; а второе, при лингвистической доминанте, всегда требует добавления фактов истории и географии. Например, река **Сарга** в бассейне р. Оять (СГБРС, 45), имеющая источник на прибалтийско-финской почве, и р. **Сарга** (Морохин, 1997, 171) в Поволжье, анализируемая либо на мордовской, либо на тюркской почве. Хотя, конечно, и при этимологизации неисконных апеллятивов должны использоваться данные смежных гуманитарных дисциплин, предоставляющих нередко важные материалы.

Справедливо отношение топонимистов к диалектным апеллятивным заимствованиям как к источникам вспомогательного характера, хотя уровень достоверности этимологии апеллятивов значительно выше по сравнению с анализом топонимических данных (Матвеев, 1995, 29). В последнее время некоторые проблемы по поиску происхождения топонимов предлагается решать через сопоставительный анализ с апеллятивной лексикой⁹².

Некоторые проблемы, решаемые на уровне апеллятивной лексики, весьма трудно исследуются на материалах топонимии. Например, апеллятивы поддаются, хотя и не без трудностей, дифференциации на различные порождающие их языковые типы, например, вепсский, карельский и т. п., поскольку уже существуют методики их разграничения. А такого же рода топонимические штудии, в основном, могут строиться на сочетании и полном охвате топонимического и апеллятивного материала, основанном на детальной ареальной привязке (Матвеев, 1995, 31).

Имеются серьезные различия и в отношении хронологии бытования топонимического и апеллятивного субстрата.

1. Хронология:

- а) апеллятивы всегда более позднего происхождения;
- б) топонимические данные всегда многослойны.

2. Ареал:

- а) субстратные апеллятивы образуют устойчивые ареалы с ярко выраженными границами;

⁹²См. Шилов, 2003, 30–36.

- б) ареал топонимов ввиду диффузии их семантики нередко бывает затруднительно дифференцировать.

3. Материальная оболочка:

- а) лексема, имеющая даже множество вариантов, легко возводится к этимону, исходя из доминирующего варианта, семантики и ареала распространения;
- б) топоним в ряду его вариантов всегда требует изучения в диахронии, поскольку синхронный вариант может представлять результат его переосмысления, омонимического притяжения или отталкивания и т. п.

4. Семантика:

- а) семантика апеллятива обычно устойчива и связана с семантикой этимона;
- б) под семантикой топонимов обычно подразумевается их первичное этимологическое значение⁹³.

5. Интенсивность адаптации может быть различной для топонимов и апеллятивов и зависит от конкретных обстоятельств.

Изучение апеллятивных субстратных данных происходит более продуктивно при сочетании их с исследованием в этом же ареале субстратной микротопонимии. Следует отметить, что на территории Северо-Запада такого рода сопоставительный анализ дает различные результаты. При доминировании в целом прибалтийско-финской микротопонимии, выделяются зоны саамского влияния, коми-зырянского и т. п.⁹⁴, причем в зонах ранней славянской колонизации пласт субстратной микротопонимии минимален.

⁹³См.: Матвеев, 1986, 15.

⁹⁴См.: Гусельникова, 1991; Матвеев, 1989а; Матвеев, 1997б; Туркин, 1972.

Глава 4. СУБСТРАТНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ РУССКИХ ГОВОРОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА

§ 1. Дифференциация и идентификация типов субстрата

Выделение различных прибалтийско-финских типов субстрата А. К. Матвеев рассматривает как «достойный особого изучения, крайне трудный и пока практически не исследованный вопрос о различении карельских и вепсских заимствованных лексем на РС (Русском Севере) и их ареальной привязке». По его мнению, возможно членение этого материала по двум параметрам — на заимствования, которые имеют особенности, соответствующие фонетическим закономерностям ныне существующих прибалтийско-финских языков, и на заимствования, обладающие фонетической спецификой (Матвеев, 1995, 31).

На наш взгляд, возможно выделение различных прибалтийско-финских субстратных типов, основываясь не только на фонетических особенностях (при наличии таковых), но и еще на некоторых характеристиках, свойственных субстратной апеллятивной единице, как диалектному слову.

1. Поскольку субстратная единица имеет статичный и стабильный ареал, вполне возможно выделить ареальный критерий, как один из основных, для определения типа субстрата. Причем довольно часто ареальная стратификация субстратного слова, уже сама по себе являющаяся характеристикой вида субстрата, может определять и его тип.
2. Весь регион Северо-Запада вряд ли может дать материалы для дифференциации прибалтийско-финских субстратных типов. Чем дальше от ядерной территории контактов прибалтийских финнов и славян (русских) на восток, тем меньше возможностей выделения дробных прибалтийско-финских типов. Наиболее благодатным регионом для проявления различных типов субстрата обычно может быть территория, где ассимиляция нерусского населения происходила сравнительно поздно.
3. Образование прибалтийско-финского субстрата, имеющего дифференцирующие его фонетические особенности, обычно можно отнести к недавнему времени.

4. Для сохранности субстрата имеет большое значение не только время его образования, но и то, какой массив русских говоров послужил суперстратом при его образовании. Наиболее благоприятные условия для сохранности субстрата наблюдаются в маргинальных диалектных ареалах. Если субстратный ареал находится в окружении какого-либо крупного диалектного континуума, вымывание субстратных единиц происходит обычно довольно быстро. В третьем поколении носителей апеллятивная субстратная лексика, характерная для этого ареала, уже не фиксируется, сохраняется топонимия и некоторые фонетические особенности. Такая картина нами наблюдалась у ассимилированных валдайских карел. Их обрусение произошло сравнительно недавно, но уже в большинстве населенных пунктов отмечается лексика, характерная в целом для русских говоров Северо-Запада, не являющаяся специфическим субстратом.
5. При отсутствии фонетической дифференциации типы субстрата выделить крайне затруднительно, однако вполне вероятно, имея ареальную характеристику субстратной единицы, связать ее с определенным этноязыковым воздействием.

§ 2. Общеприбалтийско-финский тип

Под общеприбалтийско-финским типом нами понимается та часть субстратной лексики, которая имеет следующие параметры:

1. Значительный ареал распространения, территория которого всегда стремится к общей севернорусской дистрибуции.
2. Эта группа лексики, нередко оставаясь диалектной, поднимается до статуса единиц какой-либо терминологической системы.
3. В этимологическом плане для такого рода лексики невозможно привести тип языка-источника, который бы был единственно возможным⁹⁵.

⁹⁵И. В. Сало трактует такие данные как слова, имеющие явно прибалтийско-финское происхождение, при невозможности определения конкретного языка-источника (Сало, 1966а, 92).

§ 3. Вепсский тип

Следует отметить, что если вепсские по происхождению топонимические данные на территории Русского Севера имеют серьезную исследовательскую традицию, то вепсские апеллятивные материалы в севернорусских говорах практически не изучались изолированно, а только в контексте прибалтийско-финского языкового воздействия на русский язык⁹⁶. На наш взгляд, в настоящее время имеется возможность дифференцировать вепсские по происхождению данные из общеприбалтийско-финского типа.

Под вепсским типом нами понимается та часть лексики прибалтийско-финского происхождения, которая этимологически возводится к вепским источникам⁹⁷. Поскольку ареальная дистрибуция вепского континуума наиболее широкая — от Обонежья⁹⁸ до Заволочья, то и результаты его влияния на русские говоры наиболее значимы. Нами выделяется два вида вепского субстратного типа.

1. Вепсский современный тип. Под таким типом нами понимается русская субстратная лексика, восходящая к этимонам, реально существующим в современном вепском языке. Эту группу слов характеризуют следующие параметры:
 - (а) форма и семантика русских слов в большой степени соответствует форме и семантике вепских этимонов;
 - (б) ареал таких слов связан с территорией проживания вепсов в настоящем либо в недалеком прошлом;
 - (в) довольно часто русские слова являются результатом адстратно-субстратного взаимодействия, ср.: *га́бу́к* 'ястреб', при вепс. *habuk* 'ястреб'; *бо́нга* 'омут в реке', при вепс. *boŋg* 'омут' (СВЯ, 47); вариант с начальным [г] фрикативным, зафиксированный в Тихвинском районе — *у́йрус*, скорее всего, является результатом живого адстратного

⁹⁶См. ниже обзор работы Я. Калимы.

⁹⁷И. В. Сало относит к вепским заимствованиям «слова, фонетический облик которых наиболее близко соответствует вепскому оригиналу» (Сало, 1966а, 92).

⁹⁸Например, убедительно доказывается вепское прошлое Водлозерья по данным топонимии и этнографии (Муллонен, 1995; Логинов, 2001, 363).

влияния смежных вепсских диалектов, ср. вепс. шим. *haŋ-g'uz* 'рыба хариус' (СВЯ, 107);

- (d) для вепсского языка довольно часто характерно наличие прибалтийско-финской единицы и обратного русского заимствования этой же единицы. Причем в смежных русских говорах возможно нахождение обеих единиц, ср. *лúда* 'каменистая мель' (повсеместно на Севере), *лóда* 'то же' (Бабаевский р-н, ПЛГО), вепс. *luda* (Шелтозеро Прионежского р-на) и *lodo* 'мель на озере, реке' (широкое распространение в вепсских диалектах) (СВЯ, 295, 300).

2. Вепсский собственно субстратный тип выделяется на основании формы и семантики, возводимых по данным фонетических соответствий к вепсским реконструированным образцам⁹⁹. Так, например, исходя из ареала, формы и семантики русских диалектных слов, вероятно, можно возвести к вепсским реконструируемым единицам следующие лексемы: *нúдега* 'завязка на косу' к вепс. **nideh*, *нýрега* 'завязка на косу' к вепс. **näreh*, при ливв. *näreh* 'молодая сосна', вероятно, вепсского происхождения; *лúдега*, к вепс. **ludeh*, при люд. *luda*, *lude* 'завязка косы, полоска бересты'; *нúтья* 'подпоры стога (иногда с развилкой на конце)', *нúтяги* «жерди вокруг стога, перевязанные веревкой» (СРНГ, 21, 329) возможно соотносить с вепс. **nüteh*, при вепс. совр. *nüt* 'подпора к стогу' (СВЯ, 370), кар. *nyte* 'подпора в заборе' (KKS, 3, 564), фин. *nyde*, *nyte* 'подпора в заборе, в скирде, в стогу', ливв. *nüte* 'подпора в заборе'; прибалтийско-финский материал соотносится с саам. норв. *nittâ* 'подпора', морд. эрз. *peže* 'подпора' (SKES, 406).

В работе Калимы из 520 этимологических гнезд вепсская этимология дается для 73 русских диалектных слов. Они относятся к различным тематическим группам. Среди лексем вепсского происхождения выделяются материалы, относящиеся к наименованиям ландшафта: **бóнга** «небольшое лесное озеро, озеро без истоков» (Петрозав. Олон., Куликовский), «омут, глубокое место в реке» (Вытегор. Олон., Куликовский) сопоставляется с вепс. *boŋg* 'глубокое место в воде' (Kalima, 1915, 80); **гúмежи** «поле» (Петрозав.

⁹⁹Над реконструкцией вепсской лексики по топонимическим данным продуктивно работает М. И. Муллонен (Mullonen, 1992).

Олон., Куликовский), возводится к вепс. *hoйт'eh, h'ait'eh* 'поле в лесу, обычно сожженое' (Kalima, 1915, 94); **кал'ужина** 'дерево, сгнившее в воде' (Вытегор. Олон., Доп. Опыт); 'дерево, бревно, затонувшее в воде' (Каргоп. Олон., Куликовский); 'часть гнилого сухого дерева' (Заонежье); 'большой кусок, обломок дерева' (Вытегор., Заонеж., Каргоп., Куликовский). Сопоставляется с вепс. *kal'ine*, pl. *kal'ižed* 'дубинка' *kalu* 'сгоревшие деревья на поле' (Kalima, 1915, 101); **ка́ра** 'залив в реке или озере' (Вытегор., Повен., р. Свирь, Петрозав. Олон., Куликовский), «небольшая заводь, закрытая от волн выдавшимися и в озеро камнями» (Ладожское оз.) [*В озере Ежезере кары: Инкуч-кара, Шлёпша-кара*] (Вытегор., Филимонов); 'яма' (Тихв.), 'овраг' (Лодейноп., Петрозав. Олон., Куликовский), «зарубина на дереве, в полу избы, а также зарубина на острие топора» (Вытегор. Олон., Филимонов) сопоставляется с вепс. *kar* 'залив в озере или море', 'зарубка, надрез, дыра, отверстие' (Kalima, 1915, 104).

Несколько слов вепсского происхождения относятся к подсечному земледелию: **ча́бега, ра́заги, у́йга** со значением 'заброшенная подсека', ср. вепс. *čapatez* 'вырубка' (СВЯ, 55), вепс. *razagat* 'подсека, оставленная на второй год не спаленной и не очищенной', вепс. *uig* 'заболоченный луг, вдающийся в лес', *uig* 'закоулок пожни'. **Ка́ска** 'срубленный для поджоги лес, подсека' (Олон., Куликовский) сопоставляется Калимой с вепс. *kask* 'подсека' (Kalima, 1915, 109). **Кедови́на** «место, бывшее под пашней, заросшее после сорной травой» (Петрозав. Олон., Доп. Опыт), «оставленная, брошенная подсека, уже поросшая лесом» (Пудож. Олон., Куликовский), «нива, подсека, засеянная вторично» (Заонеж., Певин; Каргоп. Олон., Куликовский); **кядови́на** «заросли, чаща» (Петрозав. Олон., Куликовский); предполагается карельская или вепсская этимология, однако ввиду отсутствия данных приводится фин. *keto* 'луг' (Kalima, 1915, 111). Одна единица, относящаяся к сельскохозяйственной лексике, демонстрирует активное взаимовлияние вепсских диалектов и русских говоров: **колоко́лка** 'семенная коробочка конопли или льна' Заонеж., Вытегор., Каргоп. Петрозав. (Слов. Акад. 1911)¹⁰⁰, ср. вепс. *kaikol, koikol* 'головка льна или конопли с семенами' (СВЯ, 188).

Имеются наименования птиц: **гу́нгач** 'филин' (р. Свирь, Кули-

¹⁰⁰См. параграф «Сельское хозяйство».

ковский) сопоставляется с вепс. *h'üñgei, hüngei, hung* 'сова' (Калима, 1915, 95); **габу́к** 'ястреб' (Олон., Петрозав., Заонеж., Пудож., Вытегор. Олон., Куликовский) сопоставляется с люд., вепс. *habuk* 'ястреб' (Калима, 1915, 88). В современных русских говорах лексема **габу́к** устойчиво фиксируется на той же территории. Консонантизм русского слова [б] соотносится с вепским, ср. вепс. *habuk* 'ястреб' (СВЯ, 101), а для северного Обонежья нельзя исключать и людиковские источники, ср. люд. *habuk* 'ястреб'; **витлю́к** 'вальдшнеп' (Заонежье, Куликовский), по мнению Калимы, при наличии люд. *vikl'i*, вепс. *vitl'ik* 'кулик', вепсская форма должна была бы быть **vigl-* (Калима, 1915, 86).

Представлены наименования растений: **ва́ржа** «щавель, кислица» (Петрозав. Олон., Куликовский) сопоставляется с вепс. *vařžing* 'щавель' (Калима, 1915, 84); **вигня́к, вигня́жник** 'заросли ивы' (Черепов. Новг., Герасимов, 1910) реконструируется как **vidñak*, а оригинал предлагается искать в вепских или карельских диалектах (Калима, 1915, 85); **ку́киш, ку́киш-каранды, куккыш-карангыш** 'шиповник' (см. «Наименования растений»); **сестре́ника, сестре́ница, сестре́нцы, сестре́нь, сестря́нка** 'красная смородина', восходящие к вепс. *sestricaine, sestricad* 'красная смородина' (СВЯ, 506), зафиксированные в Прионежье, Поневжье, Поволховье, на западе Вологодской области.

Наибольшее число слов относится к рыболовецкой терминологии: **ка́лега** 'невод для ловли камбалы' (Арх., Даль); 'сеть для ловли камбалы на мелководе' (Кем., Онеж., Подвысоцкий); 'небольшая сеть' (Петрозав. Олон., Слов. Акад. 1906–1907); «сеть, ставящаяся в воду вертикально» (Петрозав., Пудож., Куликовский); «место в море, где ловят рыбу» (Онеж. Арх., Слов. Акад., 1906–1907); Калима возводит данные материалы к вепс. *kal'eg*, pl. *kal'eged* 'сеть, которой ловят рыбу поблизости от берега' (Калима, 1915, 100); **келес** «отверстие в рыболовной морде (верше), через которое рыба входит в ловушку» (Повен. Олон., Куликовский); предполагается ливвиковская или вепсская этимология, но приводится фин. *kieleles* 'стенка, разделяющая вход в вершу посередине' (Калима, 1915, 111); **ки́бры** 'свернутые из бересты поплавки на сеть' Повен., Пудож., **тибрушки** Заонежье (Куликовский), из вепс. *k'ibrik* 'поплавок из бересты' (Калима, 1915, 115); **липа́к, липа́га, липя́к** 'небольшой лещ', ср. вепс. *l'irak* 'подлещик' (СВЯ, 292).

Одна из лексем, отмечаемая с XIX века, имеет фиксации и в настоящее время: **керегóд** «род рыболовного невода, у которого одно крыло большое (70–100 саж.), а другое маленькое (2–4 саж.), мотня имеет форму усеченного конуса 4–5 саж дл. и 5–6 саж. в диаметре; наименьшая величина ячей $\frac{1}{2}$ вершка; для лова керегодом нужны три человека, которые забрасывают его полукругом и потом пугают рыбу шестом; употребляется керегод на озерах, когда последние свободны ото льда, для ловли сигов и красной рыбы» (Олон., Майнов, 82). «В Вознесенье <ныне Подпорожский р-н> говорят керегод, иногда керекод; названия же керевод, обыкновенного в других частях Онего, я не слыхивал. Здесь этим именем называют небольшие невода, имеющие два крыла, совершенно одинаковых размеров» (Пушкарев, 1900, 65). Вариант **кердега** Калима возводит к вепс. **kerdeg* (Kalima, 1915, 112).

Фиксируется глагольная лексика, источники которой традиционно рассматриваются как вепсские: **бúрандать**, **бурондять** «ворчать» (Петрозав. Олон., Куликовский), возводится к вепс. *buraita* ‘ворчать’ (Kalima, 1915, 81), ср. также ливв. *burista* ‘бормотать, брюзжать, ворчать’ (СКЯМ, 31), люд. *burista* ‘то же’, при фин. *purista* ‘бормотать’ (SKES, 651); **ка́ла́йдать** ‘стучать, стучаться, колотить’; (Кем. Арх., Слов. Акад. 1906–1907); **кола́йдать** ‘говорить скороговоркой’ (Кем. Арх., Подвысоцкий); **ка́лайдять** ‘побрякивать чем-л. звонким’ (Вытегор. Олон., Слов. Акад. 1906–1907); Калима уверенно называет в качестве соответствия вепс. *kalaïdab* (3 л. ед. ч.) ‘стучит’ (Kalima, 1915, 99); **ка́рзать** ‘обрубать сучья на срубленных деревьях, на подсеках’ (Бурнашев), ‘рубить сучья’ (Белоз. Новг., 1857), ‘обрубать сучья хвойных деревьев’ (Заонеж., Певин, Каргоп., Вытегор. Олон., Филимонов); ‘снимать кору с дерева’ (Вытегор., Заонеж., Петрозав., Куликовский), ‘рубить деревья’ (Заонеж., Певин), возводимое к вепс. *kaïsta* ‘обрезать, обрубать сучья’ (Kalima, 1915, 108); **ко́бандать** ‘копаться, мешкать, делать что-л. медленно’ (Заонеж. Олон., Куликовский) Калима правильно относит к вепсскому воздействию, но вепс. *kubaïdab* (3 л. ед. ч.) ‘медленно работать’ не является этимологом для русского слова по фонетическим соображениям; на наш взгляд, более корректно возводить к вепс. *kobaita*, *kobeita* ‘шевелиться, двигаться, копошиться’ (СВЯ, 212).

Отмечается лексика питания: **ка́буша** ‘конусообразный или круглый комок творога, сыра’ (Каргоп., Лодейноп., Петрозав.

Олон., Слов. Акад. 1906–1907), Калима приводит в качестве соответствий люд. *kabu* ‘комок творога’, вепс. *kabuiñe* ‘комок теста; толокно’ (Kalima, 1915, 97); **кю́рзии** ‘блины’ Лодейноп.; **тю́рзи** в сходном значении (Повен., Пудож., Каргоп., Вытегор., р. Онега, Куликовский) возводятся Калимой к вепс. *k'ürz, k'ürzad* (pl.) ‘блины из толокна’ (Kalima, 1915, 144); ввиду широкого ареала анализируемых данных нельзя исключать как возможный источник и другие прибалтийско-финские языки, ср. люд. *kürz*, ливв. *kürzü* ‘блин’ (SKES, 256).

Следует отметить, что большинство лексем, которые рассматриваются как единицы вепсского происхождения, выделяются по фонетическим критериям, хотя в ряде случаев вепсское воздействие можно подтвердить только на основе комплексного сопоставительного анализа русских и прибалтийско-финских данных, включающего в себя следующие параметры:

- анализ формы слова;
- сопоставление семантики;
- сопоставление ареальной дистрибуции русского диалектного слова и вепсского этнического ареала;
- выявление или верификация этимона;
- сопоставление фонетически сходных данных.

Однако приведенный алгоритм анализа может быть действенен и для выделения других типов субстрата.

§ 4. Общекарельский тип

Территория бытования карельского этноса наиболее обширна из всех прибалтийско-финских народов населяющих Северо-Запад России: в Олонецкой, Архангельской, Тверской, Новгородской губерниях. Кроме того, переселенческие группы карел проживали в Вологодской, Ярославской, Калужской, Тамбовской губерниях (областях). На обширных территориях карельский этнос вступал в различные этноязыковые контакты (преимущественно с русским населением), и изолированные локальные группы карельского населения подвергались довольно сильной ассимиляции. Однако лексический субстрат в русских говорах обычно сохраняет более раннюю стадию языкового единства карел. На этом основании общекарельский тип довольно часто смыкается с общеприбалтийско-финским и вепсским типом. Однако его выделение основано и

на том, что его территория распространения часто образует коррелирующий ареал по отношению к ареалам других прибалтийско-финских типов.

Под общекарельским субстратом обычно понимаются единицы, имеющие общекарельские специфические особенности (фонетические, семантические), либо лексемы карельского происхождения, параллели к которым не зафиксированы в других смежных прибалтийско-финских языках. Обычно лексические единицы такого типа имеют широкий севернорусский ареал с лакунами на территории с вепским влиянием. Так, например, лексема **кóппала** 'глухарка' фиксируется в карельских субстратных ареалах и отсутствует в вепских, ср. кар. *koppala* и вепс. *etamesoi* 'глухарка'. И наоборот, слово **гáбук** 'ястреб' отмечается на вепской территории и отсутствует на карельской, ср. вепс. *habuk* и кар. *havukka* 'ястреб'. Лексема **пáрийк** 'небольшой лещ', фиксируемая в Прионежском, Пудожском районах, также сопоставляется с карельскими данными, ср. ливв. *parikka* 'небольшой лещ', кар. *pa'ikka* 'вид рыбы, похожий на язя' (Суоярви), ливв. *parkoi* 'малек леща', *parikku* 'вид рыбы' (SKES, 497), также кар. *parikka* 'Blicca bjoerkna' (Суоярви, Сямозеро) (KKS, 4, 162).

В ряде случаев рассмотрение каких-либо данных как общекарельского субстрата возможно только исходя из ареала анализируемой единицы, поскольку на прибалтийско-финской почве карельский этимон имеет соответствия в других языках, сходные по форме и семантике. Так, например, лексема **пáрма** 'овод' фиксируется только в северной части Обонежья: в Прионежском, Кондопожском, Медвежьегорском, Пудожском районах, при отсутствии в южном Прионежье, где доминируют русские данные. Исходя из этого, вряд ли следует привлекать сюда вепские данные, хотя соответствующая лексема представлена в вепском языке, ср. вепс. *parm* 'овод', но вероятней карельская этимология, несмотря на то, что лексические соответствия имеют поздний вокализм: кар. *roarma*, ливв. *ruarmi* 'слепень', люд. *ru'rtad*, при фин. *parma*, *raarma* 'слепень, овод', водск. *rārtas*, эст. *parm* 'то же'. Фиксация фонемы [š] в начале слова при различных русских ее рефлексах [ш], [ш'] : **пéльга** 'возвышенность' (окрестности г. Северодвинска), **цúпа** 'мотня невода', (Лодейнопольский район), вероятно, свидетельствует о дифференцированном карельском воздействии (см. ниже).

§ 5. Дифференцированные карельские типы

Для выделения карельских субстратных типов необходимо первоначально отграничить их от других прибалтийско-финских типов, а затем проводить внутрикарельское разграничение. Дифференцированные карельские типы выделяются на основании следующих параметров, сопоставляемых с современными карельскими диалектами:

- 1) фонетических особенностей;
- 2) сопоставления ареальных характеристик;
- 3) сравнения различий в семантике.

В выделяемых карельских субстратных типах доминируют данные, которые представляют материал, недавно вошедший в русские говоры и репрезентирующий диалектно-языковые различия карельского континуума. Так, например, явно можно отнести к карельскому типу с дальнейшей его привязкой к тому или иному дифференцированному типу лексемы с консонантом [ж], ср.: **нижйна** ‘низина’ (Медвежьегор., КСРГК). При том что в данном случае фонетическая особенность, мена [z] — [ž], реализуется на материале русских говоров (см.: Turunen, 1946, 227–246; Virtaranta, 1972, 19). Исходя не только из формы, но и ареала бытования — Сегежский район — лексему **ужбега** можно возвести к кар. сев., *užva* ‘иней’, ‘очень легкий сухой снег’, ‘туман’, при наличии вариантов *usva*, *ušva* (SKES, 1555); ср. также: ливв. *udžu*, *udžve* ‘иней, изморозь’, ‘инистая мгла’ (СКЯМ, 402), кар. твер. *užva* ‘иней’ (СКЯП, 320), люд. *udžve* ‘иней’.

§ 6. Ливвиковский тип

Ливвиковский тип также в основном выделяется по критериям ареального анализа. Только в редких случаях, когда ливвиковский материал имеет специфику формы и семантики, отраженную в лексической системе русских говоров, можно его дифференцировать, в том числе, и по этим параметрам. Например, лексема **кйрза**, представленная в говорах Приладожья, Посвирья, Западного Прионежья и Заонежья, может являться результатом влияния ливвиковского типа, ср. ливв. *kirzi* ‘слой промерзлой поч-

вы под оттаявшей землей; мерзлота' (СКЯМ, 143)¹⁰¹. Кроме того, можно рассматривать в качестве результатов воздействия ливвиковского типа следующие лексемы: **рижи** 'вал из камней', ср. ливв. *riži* 'бурелом в лесу, грязь, хлам, мусор'; **рбвница** 'куча камней, собранных с пашни, поля', ср. ливв. *raunivo* 'куча камней'; **рўжега** 'изгородь из поваленных деревьев', ср. ливв. *ružeiikko* 'валежник', **рўмбега** 'иней', ср. ливв. *rompe* 'прибрежный лед'; **кйгачи** 'мошкара', ср. ливв. *kīhi* 'мошкара'.

§ 7. Карельский тверской тип

Карельский тверской субстратный тип также выделяется по ареальным параметрам, он, в основном, представлен в русских говорах Новгородской, Тверской, Ярославской областей. Хотя в ряде случаев на этот тип указывает эндемическая лексика этих русских говоров, ср.: **чигаляха** (Окуловский р-н), ср. кар. твер. *čidžlūska* 'ящерица' (СКЯП, 27); **кэгря**, **тэгря** 'черт, нечистая сила' (Валдайский, Окуловский р-ны), **кэгря** 'старый мужчина, старик' — в Боровичском районе (НОС, 4, 38), **тэгря** 'страшилище, которым пугают детей' (Валдайский р-н), восходит к влиянию диалекта валдайских (тверских) карел, ср. кар. твер. *kegri* 'ряженный в древний осенний праздник, связанный с завершением аграрного цикла' (СКЯП, 93).

§ 8. Людиковский тип

В настоящее время людиковский диалект рассматривается в качестве одного из диалектов карельского языка. Однако А. Генец относил его к вепсскому языку (Genetz, 1872). Бесспорным считается тот факт, что вепсский элемент принял серьезное участие в складывании людиковского диалекта (Бубрих, 1947). Поэтому дифференцирующие от других типов людиковские языковые особенности следуют совместно с вепскими. Исходя из этого довольно часто людиковский субстратный тип фиксируется не отдельно, а наряду с вепским, причем нередко бывает довольно сложно предположить тот или иной тип субстратного воздействия.

Так, например, в отношении наименований подсечно-огневого земледелия наблюдается именно такая картина: **верáнда** 'куча

¹⁰¹ Хотя имеются и сходные людиковские данные.

сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания' (Медвежье-гор., Пудож., Кондопож., Прионеж., Подпорож., Онеж., Плесец., Примор.), также другие сходные варианты, сопоставляются с люд. *verand* 'куча хвороста в поле', вепс. *verand* 'костер при сжигания подсеки', входящим в гнездо вепс. *viritada* 'зажигать, разжигать', *vir'itez* 'растопка'; **ра́ека, ра́ек, ра́яка, ра́йка**, 'мелкий смешанный, чаще лиственный лес', **ра́ега** 'заброшенная подсека' (Вытегор.), ср. люд. *rajakko* 'заброшенная подсека', при вепс. *rajak* 'плохой смешанный лес на подсеке'.

При сходстве формы и семантики людиковских и вепсских этимонов также наиболее действенным инструментом идентификации субстрата людиковского типа предстает лексический ареал.

§ 9. Водско-эстонский тип

Данный тип выделяется на западе региона, по нашим материалам, в Гдовском районе, параметры его выделения, в основном, носят ареальный характер, а предполагаемые этимоны сводятся к эстонско-водским материалам: **нор** 'ряд связанных вместе сетей', ср. эст. диал. *nõr* 'веревка' (SKES, 401), **кату́га** 'попона на коня', ср. эст. *kate* 'занавес, занавеска', 'крышка', эст. *katta* 'прятать, крыть, покрывать' (SKES, 171), **салáг, салáк** 'небольшой сиг', ср. эст. *salakas*, ген. *salaka* 'молодой язь' (Веске, 1890, 21); ср. также: **салáк, салачóк** 'мелкий сиг', при эст. *siiakala* 'сиг' (РЭС, 650), **лáтик**, ср. эст. *latikas* 'лещ' (ЭРС, 249), **максó** 'печень рыбы', **вй́гма** 'буря, волнение на реке, озере' (Пск., Чудск. оз., СРНГ, 4, 273), ср. водск. *vihma*, эст. *vihm* 'дождь' (SKES, 1738), **кй́лос** 'кладка из 15-ти снопов ржи', 'верхний сноп в такой кладке'; в д. Островцы отмечается вариант **кй́лос**, ср. водск. *kuhila*, эст. *kuhilas, kuhelas, kuhelik, kuhilik* 'суслон, бабка' (SKES, 231). В настоящее время данный тип субстрата не представляет собой значительную величину. Следует отметить, что водско-эстонский тип представляет в русских говорах рефлекс более раннего влияния, нежели современные материалы языков, по имени которых он назван.

§ 10. Саамские типы

Довольно сложно говорить о саамских типах как таковых, поскольку на большей части территории региона они представляют собой действительный субстрат, причем имеющий территориальные разновидности. Кроме того, саамский субстрат следует рассматривать как диахроническое явление. Древние его типы представлены в Белозерье, Пинежье, а современное адстратное саамское влияние — на Кольском полуострове. По археологическим данным обширная саамская общность занимала широкую территорию от Скандинавии до р. Волхов на юге и р. Мезень на востоке (Кирпичников, 1984, 137–143; Лукьянченко, 1971), хотя некоторые исследователи и не признают этого (Шумкин, 1991, 129–149; Шумкин, 2001). Скандинавские ученые, рассматривая территориальную дистрибуцию саамов со скандинавоцентрической точки зрения, предполагают, что самое восточное проживание саамов в древности относится к побережьям Ладожского и Онежского озер (Stalsberg, 1982, 283), и первые контакты между русскими и саамами при участии скандинавов (варягов), поддерживаемые археологическими находками, также относятся к бассейну Онежского озера (Jacobsson, 1998, 90–91).

Поскольку антропологически европейский облик саамов несомненен (Перевозчиков, 1991, 54), то при развитии саамско-русского билингвизма вполне возможен безболезненный переход на русский язык и ассимиляция среди русского населения. Это было связано с тем, что сильный миграционный поток русского населения на Терский берег в течение XVII–XVIII вв., тесные хозяйственные связи русских и саамов, в результате которых саамское население погостов, соседних с поморскими русскими селениями, почти поголовно знало русский язык, приводили к тому, что постоянное население саамского происхождения становилось русскоязычным (Бернштам, 1978, 64). Кроме языковой ассимиляции, проходила и этническая с изменением антропологического типа саамского населения. Так, например, Кельсиев, исследуя кольских саамов, сообщает в этом отношении интересные данные: «Трудно находить лопарей. Они живут в одиночку по берегам рек и ловят рыбу. Восточные так похожи наружностью и бытом на русских, что приходится по два раза переспрашивать, кто лопарь, а кто нет. . . Готов держать пари, что здешних лопарей вы не отличили бы от русских

бедных мужиков, ни даже с помощью самых точных инструментов» (Кельсиев, 1878, 1). Примерно схожие сведения у Харузина: «Неоднократно приходилось встречать лопарей и лопарок, из молодых; подчас, посмотрев на такого лопаря, убежден, что оно помор, и лишь при разговоре обнаруживается, что он лопарь» (Харузин, 1890, 68). Хотя, конечно, саамы имеют дифференцирующие их антропологические признаки (Золотарев, 1928, 154).

Таким образом, языковые данные саамского происхождения в русских говорах Кольского полуострова можно трактовать как субстратно-адстратные. В отношении апеллятивной лексики саамского происхождения наиболее полным является исследование Т. Итконена «Lappische Lehnwörter im Russischen» (Itkonen, 1932). Довольно часто к саамской этимологии той или иной единицы исследователи приходили через ряд промежуточных этапов. Так, например, варианты **вáльчаг**, **вáльчак** «название семги в одном из ее периодических видоизменений», зафиксированные в Поморье (Подвысоцкий, 14), первоначально имели прибалтийско-финскую этимологию, которая пошла от Веске, ср. фин. *valkea* 'белый' (Веске, 1890, 18). Затем Калима думает о карельском воздействии, хотя приводит фин. *valkkolohi* 'белый лосось' (Kalima, 1915, 82). А уже Итконен предлагает саамскую этимологию, ср. саам. терск. *vāld'že^og*, кильд. *vāld'že^or* 'пресноводный лосось' (Itkonen, 1932, 50). Однако и эта версия, на наш взгляд, не окончательна. Поскольку речь идет о наименовании осеннего лосося, который **сваливается** из рек обратно в море, и, на наш взгляд, вполне вероятно рассматривать лексему **вальчаг** как отглагольный дериват на русской почве. Исторические данные свидетельствуют, что «промысел семги... был распространен главным образом среди русских и карел» (Юрченко, 2002, 188), хотя в начале трескового промысла участвовали также и саамы (Бернштам, 1978, 91); ср. также фиксацию слова **вальчюг** 'лосось' под 1676 г. (СлРЯ XI–XVII, 2, 15). Однако совершенно отказываться от саамской версии, вероятно, не стоит; не исключен и тот факт, что в русских говорах лексема **вальчаг** представляет собой обратное саамское заимствование, ср. саам. *vāitse^ok* 'осенний лосось, темный, худой, после икрометания' (KOLTKS, 711), *vūājttšioik* 'осенний лосось, остающийся в реке' (KOLTKS, 774), *vailčer* 'озерный лосось; большой лосось 16–20 кг, поднимающийся в реку в мае' (KOLTKS, 714).

Саамское языковое наследие по хронологическим и ареальным параметрам подразделяется на два больших пласта:

- 1) поздние данные, локализованные, в основном, на территории Кольского полуострова и смежных районов, результат прямых контактов саамского и русского населения, представляющие в плане типологии адстрат;
- 2) материалы, вошедшие в русские говоры в результате ассимиляции локальных саамских групп.

Данные по апеллятивной лексике таких локальных групп, представляя в целом саамский субстрат, естественно должны отличаться от современных саамских диалектов (Норвегии, Швеции, Финляндии и России), однако судить об их сходном саамском типе возможно. Таким образом, выделяются следующие ареалы с саамским субстратом:

- 1) кольский;
- 2) беломорско-поморский;
- 3) обонежский, включающая в себя пудожско-водлозерский ареал¹⁰²;
- 4) белозерский;
- 5) пинежский.

1–2. В беломорско-поморской зоне нередко фиксируются данные, общие и для кольской зоны. Ряд лексем относится к рыболовецкой лексике: **бáлка** ‘печень рыбы’ (Кольск., Беломорье, Севмор.) сопоставляется с саам. питим. *væl'gâd*, саам. инар. *vâlkkâ*; **вбóюкса**, ср. саам. *vuivas* ‘печень’, *vuoija*, *vũj* ‘жир, растопленный или расплавленный’, саам. швед. *vuoija* ‘жир’, саам. норв. *vuoggjâ*; **мырь** ‘косяк, стая рыб’, отмеченная в Лоухском районе, вероятно, связана с саамским влиянием, ср. саам. *vierra* ‘клубок, узел’.

3. В обонежской зоне отмечается следующая лексика: **рúмбага** ‘иней’ (Пудожский р-н), ср. саам. кильд. *rumts*, ген. *rumtas* ‘туман, пар’; **лубáнда** ‘верхний непрочный слой льда, часто со снегом

¹⁰²Имеются также сведения о том, что часть погостов Повенецкого уезда назывались лопскими; Лопским назывался монастырь, расположенный на границе Повенецкого и Пудожского уездов (Елпидинский, 1902, 120). Хотя Д. В. Бубрих указывал на отношение этнонимов *Versä* и *Larri* к различным этническим группам (Бубрих, 1947, 39–40).

и водой' Медвежьегорский, Прионежский, Кондопожском р-ны); **лѹмба** 'второй, непрочный лед, часто покрытый водой; вода на льду' (Медвежьегорский р-н), **лѹмбега** 'снег в воде; снег на втором льду; снег с водой на льду' (Пудожский р-н), **лумба** 'вода, выступившая поверх льда', 'второй слой льда, образовавшийся на этой воде' (Заонежье, Куликовский), **лѹбега** 'оставшийся после вскрытия реки лед на берегу' (Онежский, Холмогорский, Пинежский уезды, Подвысоцкий), ср. саам. *lobme, lubme* 'снег' (SKES, 308); **пѣхта** 'иней' (Заонежье), ср. саам. *péotse* 'иней' (неясно, относится ли сюда же лексема **пѣхкѧ** 'подмытый волною и вследствие этого затвердевший снег на проложенной по берегу моря дороге' (Кольск.).

4. Саамские данные в белозерской зоне изучались наиболее интенсивно. А. К. Матвеев дифференцирующим признаком для белозерских саамов выдвигал наличие консонантной группы [кш] в соответствии [хч] в других вымерших саамских диалектах и [хѣ], [кѣ] в современных саамских диалектах (Матвеев, 1973, 25–28). В белозерской локальной зоне фиксируются следующие апеллятивы: **чѧмха**, **чѧмка** 'гриб чага' (Белозерье и смежные р-ны) фонетически и семантически восходят к саамским источникам, ср. саам. швед. *tjadna, tjana* 'гриб', лул. *tjanā* 'древесный гриб', саам. норв. *čadna* 'гриб на березе, трутовик', инар. *čaana*, кильд. *t'šāna*, терск. *t'šānna* 'кап, гриб-трутовик'; **кѹнджа**, **кѹнжа** 'водоросли' (Вытегор., Белозер.) можно сопоставить с саамскими данными, ср. саам. кильд. *kūdt's^a* 'гнилой, трухлявый', 'гнилушка', саам. кильд. *kuënd^a* 'растение плыун'; **кѹнжа** 'иней' (Белозерье), ср. саам. *kunna* 'пепел, зола', *kūnisišt* 'в пепле, в золе'; **рѧмига** и **рѧндяга** 'иней' (Вытегорском р-н), ср. саам. *rènne*, лат. *reppa* 'иней на окне'.

5. Пинежские саамские данные наиболее интенсивно изучаются в настоящее время, однако большей частью они касаются материалов топонимии (см. Саарикиви, 2000, 49–56; Саарикиви, 2002, 94–113). Наши данные, основанные на апеллятивной лексике, весьма незначительны, можно привести в качестве примера: **марьѹха** 'самка глухаря', ср. саам. лул. *mār'sē*, саам. норв. *moar'se*, саам. инар. *mŏwersse* 'невеста, зазноба, молодая жена'.

Кроме того, ряд лексем имеет общесевернорусский характер или широкий региональный характер: **чѹлма** 'мотня невода', бытующая в Вашкинском районе, на более широком ареале фикс-

сируется в других значениях: ‘пролив’, ‘залив’, ‘верша’, ‘задняя суживающаяся часть мережи’ (Плесецкий, Каргопольский, Вашингинский р-ны), ср. саам. патс. *tšoalme*, саам. кильд. *t'suēlme* ‘пролив’, саам. *čoalbme* ‘пролив’, при вепс. *saum*, *soum*, *sām*, ‘угол дома (внутренний и внешний)’, *soum*, *sal'm* ‘пролив, мелководная часть между двумя мысами’, вепс. *saum* ‘угол’, что при саамской передаче принимало бы форму **čalma*.

Некоторые лексемы саамского происхождения вошли в литературный лексикон: русск. **аку́ла** ‘крупная морская хищная рыба’ (БАС, 2), при более ранних вариантах, зафиксированных в XVIII веке — **áккула**, **акул** (СРЯ XVIII в., 1, 38), ср. саам. норв. *akkolaggēs*, при норв. диал. *haakal* (Itkonen, 1932, 49), **навага** ‘морская промысловая рыба сем. тресковых’ (БТС), ср. саам. терск. *pāvag*, саам. кильд. *pāuga* (Itkonen, 1932, 55), **то́ро́с** ‘ледяная глыба, образовавшаяся при сжатии льдов на северных морях и реках’ (БТС), ср. саам. кильд. *tōras* ‘ледяной бугор на берегу моря’ (Itkonen, 1932, 59; Фасмер, 4, 86), **па́лтус** ‘промысловая морская рыба сем. камбал’ (БАС, МАС, Ожегов, Нордстет), ср. саам. *pāldes* ‘вид камбалы’ (Itkonen, 1932, 64).

Вполне вероятно, что в ряде ареалов саамы первоначально подверглись ассимиляции прибалтийско-финского континуума, а затем это население было ассимилировано в процессе восточнославянского (русского) этноязыкового воздействия. Об этом, вероятно, говорит и тот факт, что карелы-ливвики называли жителей Повенецкого уезда — Лаппи (Елпидинский, 1902, 119).

§ 11. Коми тип

Проблема наследия коми языка в русском языковом континууме объемна и многогранна, поскольку, как представитель пермских языков, коми язык вступал в ходе своей истории в контакты с иранскими, тюркскими, прибалтийско-финскими языками (Uotila, 1936, 199–207; Лыткин, 1956, 173–189), саамским языком (Туркин, 1985, 54–67), а в последний период своей истории находится под влиянием русского континуума. На наш взгляд, роль коми языка в становлении общерусского койне и влияние его диалектов на русские говоры имеет большее значение, чем это представлено в существующих исследованиях. Так, например, предания о самопогребении чуди, рассматривавшиеся ранее на прибалтийско-

финской почве, в настоящее время предлагается трактовать на основании археологических и этнографических данных, как следы культуры, оставленные этносом коми типа (Смирнов, 2002, 58–64; Морозов, Пархимович, 1997, 21). Однако в работах, посвященных славяно-урало-балтийским контактам, нередко для сопоставления используется не материал коми, а финского языка, причем без учета его финно-угорских связей. Например, сопоставляется перс. *kad* ‘дом’ и фин. *katto* ‘крыша, навес’¹⁰³ (Зализняк, 1962, 35; Эдельман, 2002, 168), при игнорировании других финно-угорских материалов, ср.: фин. *kansi* ‘крышка’, при коми *куд* ‘крышка, наружная оболочка’, мар. *комдыш* ‘крышка, створка’, морд. эрз. *кундо* ‘крышка’ (КЭСКЯ, 143; SKES, 157), ульч., нан., ороч. *kumta* ‘крышка’ (Collinder, 1955).

Следует отметить, что хотя коми язык представлен как совокупность трех наречий: коми-зырянского, коми-пермяцкого и коми-язьвинского¹⁰⁴, а также переселенческих групп: ижемцев, кольских коми, алтайских коми, зауральских коми, при наличии этноконтактной межэтнической группы колвинцев (результата ассимиляции ижемцами оседлого ненецкого населения), не имеется возможности дифференцировать на обследуемой территории лексический коми пласт в русских говорах по более дробным диалектным типам. Хотя в отношении таких данных в русских старожильческих говорах Северного и Среднего Урала, исходя из формы, семантики и ареала, для ряда слов А. К. Матвееву удается определить коми-язьвинский и коми-пермяцкий тип этимонов (Матвеев, 1964, 310).

Лексика коми происхождения в русских говорах Северо-Запада распадается на три больших пласта исходя из хронологии вхождения и ареала бытования.

1. Часть лексики является неотъемлемой принадлежностью общерусской лексической системы и не имеет четко очерченных ареальных границ, фиксируясь спорадически на всей территории аре-

¹⁰³ Не совсем корректно дана форма фин. *katta* в значении ‘дом’.

¹⁰⁴ Традиционно коми-язьвинцев, наряду с иньвенскими, косинско-камскими коми-пермяками и зюздинцами относят к коми-пермяцкой группе (Цыпанов, 1992, 8; Народы Поволжья и Приуралья, 31). Диалекты коми-зырянского наречия насчитывают 10 объединений: лузско-летский, верхнесыольский, среднесыольский, присыктывкарский, верхневычегодский, нижневычегодский, вымский, удорский, ижемский, печорский (ССКЗД).

ала, при отсутствии синонимичных субстратных единиц другого типа. При их наличии, например, лексем прибалтийско-финского происхождения, единицы коми происхождения имеют меньший объем функционирования в говоре при более высоком (общенародном) их статусе. Так, например, слово **ча́га** 'грибной нарост на березе' известно на территории Северо-Запада, имея также варианты **ча́до** (Гдовский район), **ча́жега** (Вытегорский район)¹⁰⁵, при полном доминировании лексики **па́ккула** в ареале прибалтийско-финского влияния.

Этот пласт лексики является результатом более раннего воздействия коми языка, когда его ареал находился в непосредственной близости от ядра формирующейся великорусской нации (и языка), и только в результате такого ядерного контактирования, при адстратном взаимодействии, часть лексики входила в стандартный (литературный) язык, например, заимствования из коми: **ча́га** 'гриб на березе', при коми *тшаж* 'гриб нарост на дереве', **га́лька** 'мелкий камешек' при коми *gal'a* 'небольшой камень'; **пельме́ни**, при коми *pel'* 'ухо', *ня́н* 'хлеб'¹⁰⁶; **пы́жик** 'теленочек северного оленя в возрасте до одного месяца, а также мех его', при коми *pež* 'молодой безрогий олень'; **ту́ес** 'цилиндрический берестяной короб, коробок с плотно прилегающей крышкой', при коми *tujes* 'цилиндрический сосуд из бересты с деревянной крышкой различных размеров' (Kalima, 1927, 21–41; КЭСРЯ, 288).

2. Второй по времени вхождения пласт коми данных в русских говорах представляет собой полный субстрат и имеет ареальную дистрибуцию, которая не контактирует с нынешним коми языковым континуумом, а является более ранним ареалом контакта коми и русского населения, приведшего, вероятно, к полной ассимиляции финно-угорского населения либо к их миграции. Большая часть таких данных отмечается в ярославско-костромском Поволжье¹⁰⁷.

3. Значительная часть лексем позднего коми-зырянского происхождения фиксируется в восточной части региона, в зоне возможных непосредственных контактов коми языка с русскими гово-

¹⁰⁵См. раздел «Наименования растений».

¹⁰⁶Авторы КЭСРЯ, сокращая материалы словаря Преображенского: **пельме́нь** — из фин.: пермяц.-вогул. *пель* 'ухо', *нянь* 'хлеб', преобразуют его трактовку коми-мансийского заимствования в финское, приняв название языковой группы за наименование языка-источника (КЭСРЯ, 332).

¹⁰⁷См. соответствующий раздел.

рами: **ерá** ‘красная ива’ (Усть-Цилем. Коми АССР, Печор. Арх., СРНГ, 25, 299), **ёрник**, **ёрка** ‘мелкий, малорослый, уродливый лес, особенно по тундрам и по безлесью; заморенный кустовый лес’, **ера**, **ёрка** «общее название разных пород ивы в Запечорском крае» (Даль, Подвысоцкий) из коми *jêra* ‘карликовая береза’ (Калима, 1927, 23); лексема **ляпóк** ‘небольшой лец’ (Костромская область) по типу вокализма сближается с коми-зыр. *ляпа* ‘подлещик’ (ССКЗД, 213), которое авторы КЭСКЯ сопоставляют с удм. *ляпа* ‘сом’, далее общеперм. **l’apa* ‘вид какой-то рыбы’ (КЭСКЯ, 166), Шибештьен сравнивает с мар. *ловал*, *лавал* ‘лец’, эст. *labakas*, саам. норв. *laerpadak* (Sebestyen, НуК, XLIX, 54)¹⁰⁸; слово **кúхта**, отмеченное на востоке региона, сопоставляется с данными коми языка, ср. коми-зыр. *тукта*, лузсколет. *кукта*, верхневычегод. *купта*, верхнесысол. *пукта* ‘густой косматый иней, косматая изморозь, слежавшийся снег (на сучьях деревьев)’ (ССКЗД, 380); **зелíнка** ‘одна из параллельных планок для разделения ниток основы в ткацком станке’ (Ленский район, Перм., Урал, Ср. Урал, СРНГ, 11, 252), при коми *дзал*, *дзев* ‘парные деревянные пластинки для регулирования зева при тканье’ (ССКЗД, 102), ср. также коми *дзав* ‘дранка, дрань, планка, линейка, продаваемая между парными нитями основы’ (КЭСКЯ, 89); лексема **шорóмы** ‘жердь с сучьями для сушки сена, снопов’ (Павинский район, ПЛГО), при коми *šoret*, *šorot* ‘копна хлеба, скирда’.

Наиболее полно лексика коми происхождения рассмотрена в работе Я. Калимы (Калима, 1927, 1–57). Для современных исследователей характерно изучение лексики локальных групп русских говоров, имеющих контакты с пермскими языками. Работа А. К. Матвеева «Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала» (Матвеев, 1964, 285–315) представляет собой довольно полное описание контактного региона; в ней представлено свыше ста заимствований из коми языка, они относятся практически ко всем сторонам жизни человека, хотя, конечно, их объем в разных тематических группах неодинаков. В говорах Волго-Двинского междуречья О. В. Востриков описывает 7 этимологических гнезд пермского происхождения (Востриков, 1981, 19–20). В говорах Верхнего Прикамья А. С. Кривошекова-Гантман описывает свыше семидесяти гнезд коми-пермяцкого про-

¹⁰⁸Ср. также вепские данные.

исхождения (Кривошекова-Гантман, 1981, 46–62). Хотя, на наш взгляд, вряд ли возможен только коми-пермяцкий характер для слов широкого распространения.

§ 12. Другие смешанные или инкорпорированные ареалы. Лексика скандинавского происхождения

В отношении лексики скандинавского происхождения у нас выявилась следующая картина: несмотря на то, что собственно скандинавские данные в русском языке не столь многочисленны, все же имеется несколько разновременных пластов, сохранившихся в севернорусских говорах.

1. Наиболее древний пласт такой лексики имеет обычно широкое севернорусское распространение, ср. **голбец**.
2. Более поздний пласт, восходящий, вероятно, к эпохе шведских завоеваний, закончившейся в начале XVIII века.
3. Лексика, являющаяся результатом позднего влияния адстратного типа (речь рыбаков, контактирующих с норвежцами, и т. п.).

Нас интересует, прежде всего, круг лексем, которые существуют параллельно в скандинавском континууме, на прибалтийско-финской почве и в севернорусских говорах, т. е., скорее всего, в данном случае возможно говорить лишь о косвенном скандинавском воздействии через посредство прибалтийско-финских языков, хотя нельзя отрицать и прямое влияние скандинавских языков на севернорусские говоры¹⁰⁹, которое проникло даже в такой консервативный жанр фольклора, как былины, ср.: **брюдга** 'проводящая жениха' (Рыбников, 2, 24), при фиксации в говорах: **брюдгá** 'родственница со стороны жениха', **брюдьга** Кондоп., Медвежьегор., Пудож., **брыдга** 'то же' Кем., **брюнга** Подпорож., Тихв., **брюльга**, Пудож., Каргоп., **брюзгá** 'родственник жениха' Каргоп., **брудья** 'то же' Медвежьегор. (СРГК, 1, 124). В Словаре Подвысоцкого **брюдга** 'сваха, обыкновенно крестная мать или замужняя сестра невесты, сопровождающая ее к венцу' (Подвысоцкий, 125); у Ефименко — **брюдга** 'проводящая жениха' Шенк. Арх.

¹⁰⁹О лексике, заимствованной из скандинавских языков, см.: Thörnqvist Clara. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen.

(Ефименко, 256). У Куликовского фиксируется несколько вариантов: **брюдгá** ‘сестра или другая какая-либо родственница, провожающая жениха к венцу’, **брю́дга**, **брюзгá** ‘каждая из девушек, провожающих невесту к венцу’, **брю́дга** ‘сваха’ (Куликовский, 6). Отмечается **брю́ньга** ‘крестная мать жениха’ в Приладожье (Кедров, ЖС, 1898, 3/4, 400). Предполагается, что слово было заимствовано из др.-швед. *brûptugha* ‘сватья от невесты’ еще в древнерусский язык, однако в памятниках письменности отсутствуют фиксации формы, предложенной Фасмером — **брютъга* (Фасмер, 1, 223; Thörnqvist, 1948, 28–29). Лексемы **брюдга**, **голбец** представляют собой единицы достаточно широкого распространения в севернорусских говорах, которые вошли из скандинавского континуума напрямую, без посредства прибалтийско-финских языков.

Имеется некоторое количество слов, заимствованных в севернорусские говоры из прибалтийско-финских языков, источник которых находится в скандинавских языках. Приведем ряд примеров. Наиболее ярко тройственное взаимодействие скандинавских, прибалтийско-финских языков и севернорусских говоров проявляется в сфере рыболовства и охоты.

Нóта ‘невод’ фиксируется в Лодейнопольском районе (КСРГК), вариант **нот** отмечается в Онежском, Кемском, Кольском уездах, он подробно описывается Подвысоцким: «Горизонтально располагаемая сеть для лова сельдей и сайды, сажень до 17 длиною, с большим посадом на окаймляющих ее подборах и с грузилами, — так, что образует собой мешок. Сеть эту дубят два или три раза в лето для того, чтобы по своему темному цвету была менее заметна в воде» (Подвысоцкий, 126). См. также: СРНГ, Дуров, 1929. Подвысоцкий к слову **нот** делает помету — норвежское (Подвысоцкий, 126), однако, не отрицая первичность скандинавского материала, следует иметь в виду, что в прибалтийско-финских языках это гнездо широкого распространения, ср.: фин. *nuotta*, ливв. *nuottu*, люд. *nuot*, *nuotta*, вепс. *not*, водск. *nōtta*, эст. *noot*, при саам. норв. *nuotte*, саам. инар. *nyetti*, кильд. *nūiht*, саам. терск. *nīhte* ‘невод’ (SKES, 402). Это гнездо также широко распространено на германской почве: норв. *not* ‘большая сеть, невод’, швед. *not*, др.-норв. *nôt* связано с англ. *net*, голланд. *net*, швед. *nät*, норв. *net* ‘сеть’ (EONDS, 555, 549). На наш взгляд, варианты **нот** и **нóта**, отмечаемые в разных регионах, следует разграничивать в этимологическом плане: первый, вероятно, восходит к скандинавскому

влиянию, при возможном консервирующем воздействии прибалтийско-финских языков; второй по форме и ареалу (Лодейнопольский р-н) явно восходит к ливвиико-людиковским источникам, хотя нельзя исключить и того, что этот рыболовецкий термин может иметь случайную иррадиацию экстралингвистического характера. Подтверждает географию слова **нот** композит **кильнот** 'небольшой ставной невод для лова семги у берега' Арх., 1909; Белое море (СРНГ, 13, 210)¹¹⁰.

Еще одно слово, широко распространенное в севернорусских говорах, имеет соответствия в прибалтийско-финских и скандинавских языках: **но́дья**¹¹¹ 'охотничий костёр, устраиваемый на ночь, из двух бревен, уложенных друг на друга' Пудож. (СРГК, 4, 34), Арх. (Опыт), Мезен. Арх. (Подвысоцкий, 103), Соликам. Перм. (Беляева, 368), Сольвыч. Волог. (Попов, 1912); **но́дья** Каргоп. (Томилов, 1927), Новосиб. (СРГНО, 335); **ну́дья** Кандалакш., Медвежьегор., Терск., Пудож., Кем. (СРГК, 4, 52); **нудья** Кандалакш., (Меркурьев.), Повен. Олон. (Куликовский). Отмечаются еще варианты: **ну́тья**, **но́тья**, **но́дьё**, **но́тьё**, **но́йка** (см. СРНГ). Предлагается карельско-вепсская этимология, ср. кар. *nuodivo*, вепс. *nod'g'*, при фин. *nuotio* 'костер на стоянке' (Kalima, 1915, 173), вепс. *nod'g'*, *nod'j* 'но́дья (охотничий костер)' (СВЯ, 362), кар. *nuotivo*, *nuodivo* 'долго горящий костер из двух бревен', люд. *nuod'iu* 'то же'. Поскольку данный материал не имеет широкого распространения на финно-угорской почве, ср.: мар. *ńõdńä*, манс. *nūtīa* 'костер' (SKES, 402), коми *но́дья* 'костер, рассчитанный на продолжительное горение' (КЭСКЯ, 193), заимствованные из рус-

¹¹⁰В СРГК для слова **кильнот** с тождественным с СРНГ (вероятно, позаимствованным из СРНГ) толкованием дана неверная географическая помета — Кондоп., т. е. Кондопожский район (прибрежный район северной части Онежского озера) — правильно: Кандалакш., (Кандалакшский район на побережье Белого моря), ср. иллюстрацию: - *Завязка семужья — кильнотами что по-научному зовут* (СРГК, 2, 345). Об этом говорит ряд обстоятельств.

1. Слово **завязка**, отмеченное в иллюстрации, с семантикой 'морская сеть четырехугольной формы для ловли семги' фиксируется в Кандалакшском и Терском районах (СРГК, 2, 101).

2. Наименование **сёмга** для рыбы семейства лососевых, в основном, фиксируется в Беломорье.

3. В Онежском озере лосось *Salmo salar* L. ловится в то время, когда он идет на икрометание в реки, впадающие в озеро (Пушкарев, 1902, 160).

¹¹¹См. также параграф «Лексика охотничьего промысла».

ского языка, можно предположительно возвести его к германским источникам, ср. др.-англосакс. *nôd-fûr*, нем. *Notfeuer*, дат. *nødild*, швед. *nödeld*, *neding*, норв. *naueld* (SKES, 402), совр. норв. *nying* ‘костёр’, (EONDS, 556–557). Однако на русской почве этот материал следует рассматривать как данные прибалтийско-финского происхождения.

В Беломорье фиксируется лексика из других германских языков, вошедшая в говоры как единица терминологических систем морского промысла. Слово **мúшкель**, отмечаемое в Беломорье, ср. у Подвысоцкого **мúшкиль** «молоток, которым бьют по конопатке палубных судов» (Онеж., Кем., Подвысоцкий, 94) восходит к голл. *moskuil* (Фасмер, 3, 20).

§ 13. Балтизмы

Несмотря на то, что изучаемый регион традиционно не входит в зону изучения балто-русских контактов (исключая его западную часть), удалось зафиксировать или выявить из лексикографических источников материалы, которые восходят к балтийским этимонам. Основной ареал фиксаций таких лексических данных — это псковские говоры, спорадически говоры Новгородской области, а также территория Поволховья. Причем в ряде случаев материалы балтийского происхождения представляют собой единый ареал от Псковского озера до бассейна р. Оять. Например, лексемы **ведельё**, **вядерёна**, **вяденёна** ‘картофельная ботва’, рассматриваемые нами как варианты, образуют ареал на территории псковских говоров и на р. Ояти (Тихвинский р-н). Данное гнездо не исследовалось в этимологическом плане. На наш взгляд, вряд ли возможно его этимологизировать на исконной почве. Вполне вероятно балтийская версия происхождения, ср. литов. *vītis* ‘картофельная ботва’, ‘усы хмеля’, *vytinė* ‘хлыст, прут, розга’, ‘ус ползучего растения’. Лексема **брэдá** ‘ива’ с фиксацией в псковских, новгородских говорах восходит к литов. *briedis* ‘лось’, латыш. *briedis* ‘олень’, др.-прусс. *braydis* ‘лось’.

Отмечается лексема **грúда** (Волховский, Киришский, Тихвинский, Чудовский р-ны), сопоставляемая с литов. *grúodas* ‘мороз, мороз без снега’, ‘замерзшая грязь на дороге’, литов. жем. *grūts*, *grouts*, при литов. *grúodis* ‘декабрь’. Лексеме **мень** ‘нечистая сила’, вероятно, можно сопоставить с балтийскими данными, ср. литов.

menà ‘дух’ (Fraenkel, 435), однако фиксация только в двух районах (Волховском и Пестовском, НОС, 5, 82) требует уточнения данной этимологии.

Фиксируется лексика, относящаяся к различным терминологическим группам, например, прядения: **кárзáть, кáрзить, карзý-кать, кáржить** ‘чесать, пушить шерсть’ (псковские, новгородские говоры), ср. латыш. *kārst* ‘чесать шерсть’, литов. *karšti* ‘чесать шерсть, лен, чистить скребницей’; рыболовства: **кúка** ‘колотушка для глушения рыбы’ (псковские говоры), восходящая напрямую к балтийским источникам, ср. литов. *kúokas*, латыш. *kúoks* ‘палка с утолщением на одном конце для игры или глушения рыбы’; **вýтерь** ‘верша’ (псковские, новгородские говоры, реже — в вологодских и костромских говорах; **вéнтерь** ‘рыболовная снасть в виде суживающейся мешкообразной сети, натянутой на обручи; мережа’, ср. литов. *vėnteris, vėntaris* ‘сеть в форме мешка’; **нéрет, нерóта, нарóт** ‘верша’ (Приильменье, Валдай, спорадически в ярославский говорах и довольно устойчиво на востоке Костромской области), ср. латыш. вост. *norts* ‘вид сети’, литов. *nartas* ‘угол’, *nėrti* ‘вязать, плести’.

Наименования **ренжа, реньжа, ронжа, роньжа** ‘птица сойка’ также относятся к прямым балтийским заимствованиям, ср. латыш. *ruoze* из **ranžē* ‘дятел’, литов. *rašis* ‘ореховка’ из **ranziš* (Преображенский, 1914; Фасмер, 3, 500; Буга, 2, 535; Лаучюте, 90).

Имеются также семантические соответствия русских и балтийских данных: **порéчка** ‘красная смородина’ с фиксацией в западной части русских говоров (Смоленщина, Брянщина, Прибалтика, СРНГ, 30, 57, 58); ее название мотивировано наличием зарослей по берегам рек, ср. латыш. *upenes* ‘черная смородина’, при *upe* ‘река’ (ЛТРС, 205).

§ 14. Трансформированные балтизмы

Приводимые здесь лексические данные рассматриваются нами как лексемы прибалтийско-финского происхождения, однако весьма примечательно, что они не являются исконными на прибалтийско-финской почве, а представляют собой более ранние балтийские заимствования. Эти единицы в прибалтийско-финском языковом континууме являются его неотъемлемой частью, имеют нередко преобразованную форму и семантику по сравнению с балтийски-

ми этимонами. Проблема балтизмов в прибалтийско-финских языках довольно обстоятельно изучена. Общий надежный свод лексем балтийского происхождения представлен в работе Я. Калимы «Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat» (Kalima, 1936)¹¹², позднее предпринимались попытки либо расширить, либо сузить перечень таких единиц¹¹³. Последний по времени опыт расширения числа лексем балтийского происхождения представляет книга К. Лиукконен «Baltisches im finnischen» (Liukkonen, 1999). Несмотря на дискуссию, порожденную работами Й. Койвулехто, о времени и очередности балтийского и германского влияния на прибалтийско-финские языки, общепризнанным является мнение, что балтийское влияние испытал еще прибалтийско-финский язык-основа в последние столетия до н. э. (Хакулинен, 1953) либо с конца 2-го — начала 1-го тысячелетия до н. э. (Хелимский, 1995), т. е. настолько рано, что в языке-основе успели произойти фонетические изменения, которые коснулись не только исконных слов, но и лексем балтийского происхождения¹¹⁴. В первую очередь, это переход **ti* → *si*: фин. *silta*, кар. *šilda*, вепс. *süüd*, водск. *silta*, эст. *sild*, ливск. *silda*, саам. лул. *siltē* ‘мост’ — результат древнего балтийского влияния, ср. литов. *tiltas*, латыш. *tilts* ‘мост’ (SKES, 1029); также переход *š* → *h*: фин. *hihna*, вепс. *hihn*, водск. *ihna*, эст. *ihn* ‘ремень, пояс’ из общеприбалтийско-финского **šišna* ← литов. *šikšna*, латыш. *siksna*.

Естественно, что балтийское языковое влияние, как довольно раннее, нашло отражение, причем не слишком дифференцированное, на лексическом уровне всех прибалтийско-финских языков¹¹⁵. С. Сухонен, проанализировав общепризнанные балтийские заим-

¹¹²Нами не рассматривается проблема балто-мордовских контактов, как более поздних и не имеющих прямого отношения к анализируемым материалам (см.: Vasmer, 1932; Аристе, 1975), а также данные марийского языка, которые рассматриваются рядом исследователей в контексте балтийского воздействия (см.: Mägiste, 1959; Vaba, 1983; Кнабе, 1962; Гордеев, 1973).

¹¹³Например, наименования меры и цены в прибалтийско-финских языках представляют собой неисконные единицы: фин. *hinta* ‘цена’, ср. латыш. *simts*; фин. *tuhat* ‘тысяча’, ср. литов. *tūkstantis* (Uotila, 1990, 137).

¹¹⁴Вряд ли в этой связи следует говорить о том, что «древние лексические балтизмы прибалтийско-финских языков как бы законсервировали фонетические особенности севернобалтийского идиома в конце третьего тысячелетия до нашей эры» (Брейдак, 1990, 123).

¹¹⁵Причины балтийских заимствований по археологическим данным проанализированы в работе У. Сало «Прабалтийские заимствования прибалтийско-финских языков с точки зрения археологии» (Сало, 1997, 81–90).

ствования в прибалтийско-финских языках, провел также и статистические подсчеты. Так, общее число балтизмов насчитывает 144 единицы, по отдельным языкам приводится следующая картина: фин. — 132, эст. — 114, кар. — 107, ижор. — 101, водск. — 97, люд. — 84, ливск. — 83, вепс. — 82 заимствования (Suhonen, 1980). Л. Ваба, однако, говорит о 380 балтийских основах в прибалтийско-финских языках, причем сплошное распространение, по его сведениям, имеют 96 основ (Ваба, 1990, 141). Некоторые лексемы балтийского происхождения, являясь неотъемлемой частью прибалтийско-финского континуума, распространяются далее в севернорусские говоры. Вне всякого сомнения, при конечной балтийской основе таких единиц, в севернорусских говорах они представляют собой результат прибалтийско-финского влияния. Однако Ю. А. Лаучюте относит такого рода данные к балтийским заимствованиям в севернорусских говорах. На наш взгляд, вряд ли следует возводить севернорусскую лексику непосредственно к балтийским источникам или всерьез говорить о прибалтийско-финском посредстве. Если принять такую точку зрения, то придется говорить о русских заимствованиях, например, в вепсском языке таких слов как *torüük* 'тарелка' — из русск. **тарелка**, как о заимствованиях из немецкого языка, ср. нем. бавар. *taller* (Фасмер, 4, 24). Вероятно, о посредстве при заимствовании можно говорить в том случае, когда форма и семантика единицы языка-донора, языка-передатчика и языка-реципиента сходны, а хронологический разрыв в такой передаче лексической единицы не насчитывает многих сотен лет, как в отношении балто-прибалтийско-финских контактов и прибалтийско-финско-славянских. Так, вряд ли некоторые единицы терминологии оленеводства, вошедшие в севернорусские говоры из прибалтийско-финских языков, следует трактовать как балтийские заимствования, как это делает Лаучюте в отношении следующих слов: **гигна**, **игна**, **хигна** 'вожжа оленьей упряжки', **гирвас**, **ирвас** 'олень самец на втором году жизни', ср. кар. *hirvas*, фин. *hirvas* 'олень-самец' из балт., ср. **širvas*, др.-прусс. *sirwis* 'серна, косуля' (Лаучюте, 1982, 87).

Называя данный материал трансформированными балтизмами, мы имеем в виду их конечный источник, а в севернорусских говорах эта лексика, вне всякого сомнения, является пластом прибалтийско-финского происхождения. Среди трансформированных балтизмов значительную часть представляет метеорологическая

лексика. Лексемы **ярмега**, **хárма** (с вариантами), этимологически гомогенные на прибалтийско-финской почве, являются в этих языках результатом балтийского влияния, ср. латыш. *sarma*, литов. *sarma* ‘иней, замерзшая роса’ (SKES, 99); так же как и приводимые ниже данные: **гáлага** ‘иней’ ← вепс. *halла*, *halл* ‘заморозки’ (СВЯ, 103) ← латыш. *sal’na* ‘мороз, иней’, литов. *šalnà* ‘иней, слабый мороз’ (SKES, 51); **рянда**, **рянжа** ‘снег с дождем’ ← кар. *rändä* ← литов. *dreñgti* ‘моросить, идти, падать (о снеге с дождем, мокром снеге)’ (SSAP, 3, 126); **рбвда** ‘мерзлый слой земли под оттаявшей сверху почвой’ ← вепс. *roйд* ← литов. *grúodas* ‘смерзшаяся грязь’; **кйрза** ‘то же, что **ровдá**’ ← ливв. *kirzi* ‘слой промерзлой почвы под оттаявшей землей; мерзлота’ ← литов. *skirsti* ‘покрываться снегом’, *apskirsti* ‘замерзать, покрываться льдом’ (SSAP, 1, 372).

Такое же происхождение имеют следующие данные: **шбóльгá** ‘водоросли’ (Обонежье, Каргополье, Белозерье, оз. Воже, Костромская область), **шбóльник** (Череповецкий р-н), **шбóленик** (Вашкинский р-н), **шбóльдига** (Подпорожский р-н) ← вепс. *šol’l’od* ‘pl. водоросли’, при *šol’l’paik* ‘место, где растут водоросли’. Остается неясным происхождение вепсской лексемы, при явно вторичном начальном [š]. Вероятно, сюда же относится лексема **шульгá** ‘водоросли’, отмеченная в Каргопольском и Вожегодском районах, смущает, однако, другой тип вокализма и ударение на последнем слоге, ср. мар. *вјдшудо* ‘водоросль’ (РМС, 34). Нельзя, однако, пройти мимо других славянских данных со сходной формой и семантикой, ср. белорус. *шалыгі* ‘трава, которая растет на поверхности стоячей воды’, сопоставляемое с литов. *žálesos*, *žaliaũkės* ‘то же’ (Орешенкова, 1972, 125); Лаучюте предлагает другой этимон: литов. *žlūgė* (Лаучюте, 1982, 135). Трудно сказать, какое отношение к белорусским данным имеют укр. *ошілега*, *ше́лега*, *шéлюга*, *шілега* ‘ракетник, ивняк’ (Лысенко, 1974). Возможно, что белорусские и украинские данные, имеющие балтийскую природу, не соотносятся напрямую с русскими диалектными материалами, которые представляют прибалтийско-финское заимствование балтийского происхождения.

Фиксируются наименования птиц: **рйченга** ‘сойка’ ← фин. *räs-täs* ‘дрозд’, кар. твер. *ratsakka* ‘сорока’, вепс. *räč*, люд. *rä* (*tšni*) ← литов. *strāzdas*, латыш. *strads*. Имеются данные лексики сельского хозяйства: **кúла**, **кúлага**, **кúлача**, **кúлоха**, **кúлога** ‘прошлогод-

няя некошенная трава' ← кар. *kulo*, ливв. *kulo* 'прошлогодня трава на корню', вепс. *kulo* 'прошлогодня трава', кар. твер. *kulu* 'сухая прошлогодня трава', ижор. *kulo* 'старое сено', кар. сев. *kulo* 'о сожженной солнцем, оставшейся нескошенной или слишком поздно скошенной траве' ← латыш. *kūla* 'засохшая прошлогодня трава', 'старая шерсть животного', 'старая шкура змеи', литов. *kūlé* 'пожар, горение зерновых', *kūléti* 'пахнуть горелым', 'чадить'; **кубáч** 'связка, вязанка соломы, сена, льна' с многочисленными фиксациями в западной части исследуемого региона ← кар. сев. *kupo* 'пучок, связка', 'пучок, связка соломы', кар. твер., тихв. *kubo* 'то же', кар. твер. *kubošči* 'связка обмолоченной соломы', ливв. *kubo* 'сноп, связка (льна, соломы и т. п.)', ижор. *kupo* 'вязка соломы, вязанка прутьев, лучины', водск. *kupo* 'связка соломы, сена', 'пук сучьев, цветов', эст. *kubu* 'вязанка' ← литов. *gubà* 'стог сена', 'укладка из снопов', латыш. *guba* 'куча, ворох', литов. *gaũbti* 'покрывать, укутывать, закутывать, выводить свод', латыш. *gubât* 'сгребать сено в копны, зерно в гурты'.

Отмечаются наименования частей жилища: **кáрзина, кáржина** 'ящик-лежанка вдоль боковой стенки печи, имеющий лаз в подполье с подъемной крышкой' ← кар. твер. *karžina* 'подполье, подвал', кар. тихв., валд. *karžina* 'подполье', вепс. *karžin* 'подполье' ← литов. *gardinys* 'загородка в хлеву, ограда для скота'.

Следует, однако, подчеркнуть, что приводимые данные балтийского происхождения настолько разорваны хронологически с точки зрения их вхождения в прибалтийско-финские языки, а из последних затем, спустя тысячелетие, — в севернорусские говоры, что их конечный балтийский характер имеет значение только для западной части региона (псковские, новгородские говоры), где фиксируется прямое балтийское влияние. Но реестр трансформированных балтизмов на этой территории значительно уже и не совпадает с данными, отмечаемыми восточнее. В редких случаях, когда форма балтизма и гетерогенного омонима прибалтийско-финского происхождения совпадает, например: **карзáть** 'обрубать сучья' (Жильско Солецкого района Новгородской области), ср. водск. *karsia* и **кáрзать** 'чесать шерсть' (Ситня Солецкого района), ср. латыш. *kārst* 'чесать шерсть', они сосуществуют, если не фиксируются в одном населенном пункте. В противном случае происходит омонимическое отталкивание: **карзáть** 'обрубать сучья' и **тарзáть** 'чесать шерсть' (Жильско Солецкого района).

§ 15. Инкорпорированные тюркизмы.

Разграничение тюркских и финно-угорских данных

Финно-угорский и тюркский лексические пласты составляют в русских диалектах основной массив слов неисконного происхождения. В большинстве случаев они фиксируются изолированно друг от друга, расходясь тематически и ареально. Кроме того, различен и статус этих двух иноязычных пластов в общерусской макроструктуре. Лексика финно-угорского происхождения вошла только в маргинальные севернорусские говоры со вторичным распространением в русских говорах Сибири. В стандартном языке утвердилось незначительное число слов из этой группы языков, в основном, из коми языка: **чага**, **пельмени**, **туес** (см. Kalima, 1927). В русских говорах эта лексика на материнской территории Северо-Запада России довольно статична в пространстве, дифференцируясь ареально по различным производящим языковым (диалектным) типам, представляет большей частью лексический массив субстратного происхождения.

Тюркские лексемы в общенародном языке образуют огромный пласт обычно общетюркского типа, хронологически довольно ранний (Шипова, 1976; Сетаров, 1971). И только в русских говорах можно выделить лексические единицы, в основе которых лежит живое адстратное влияние смежных тюркских языков, всегда имеющее ареальную привязку и возводимое к конкретным тюркским языкам. Исходя из региона можно говорить о заимствованиях в русских говорах из азербайджанского языка (Асланов, 1967; Микритуни, 1958), алтайского (Богданов, 1964; Романова, 1966), татарского (Субаева, 1971), чувашского (Сергеев, 1972; Мышкин, 1977), казахского (Скибина, 1971; Моисеев, 1962), киргизского (Скирдов, 1956; Коротенко, 1963), хакасского (Андреева, 1973), башкирского языков (Аюпова, 1975, Здобнова, 1970, 1972), ср., например, данные новейших лексикографических источников: русск. **аптра́ш**, **аптыра́к**, **аптарага́н** 'выражение озадаченности, недоумения, растерянности' (Башкирия, СРГБ, 5), при татар., башк. *аптыраш* 'растерянность, замешательство, затруднение'. И если этот ряд слов чаще всего ареально ограничен, то большинство тюркизмов фиксируются по всей макроструктуре русских говоров. Такая свободная ареальная дистрибуция предполагает их квалификацию как заимствований. Работа над этимологией русских

диалектных слов финно-угорского происхождения (традиционно трактуемых таковыми) в ряде случаев показала, что при поиске конечного источника тюркские и финно-угорские данные иногда близки по форме и семантике, при том что они не являются результатом взаимовлияния или древних взаимосвязей. В отношении некоторых таких русских данных уже рассматривалась их этимологическая двойственность (см. Добродомов, 1985), так, например, Штейниц анализировал лексемы **каслаться** 'кочевать', **тамар** 'стрела'¹¹⁶, **алак**, **алык** 'оленья и собачья лямка' (Штейниц, 1970). Поскольку мы полагаем, что русские диалекты, несмотря на всю свою архаику, представляют собой явление достаточно позднее, вряд ли уместно их включение в данном контексте в ностратическую гипотезу¹¹⁷, разработанную Иллич-Свитычем (Иллич-Свитыч, 1968), которая предполагает наличие древних изоглосс, объединяющих восточные ностратические языки: алтайские (тюркские, монгольские, тунгусо-манчжурские, корейский, японский), уральский, дравидский и западно-ностратические (индо-европейский, картвельский, афразийский) (Иллич-Свитыч, 1971–1976; Иванов, 1985, 147–150)¹¹⁸. Также вряд ли можно, говоря о сходстве финно-угорских и тюркских этимонов русских неисконных диалектных слов, оперировать принципами теории бореального праязыка с его тремя ветвями (раннеевропейской, раннеуральской и раннеалтайской) (Андреев, 1986). Смущают сравнительно произвольные методы установления семантических типов, отсутствие надежных этимологических разработок по данным сопоставляемых языков. Нередко при разработке бореальных корней слов не учитываются древние заимствования из одной языковой семьи в другую. Так, например, предполагается, что древнейшей семьей бореального D-Ху- 'защитная хвойная загородка', 'палаточное жильё', 'связывать загородку', 'сочленять палатку', являются оригинальные исконные данные, при этом сопоставляется греч. *DÓ-mos* 'жилище, дом' и прибалтийско-финские материалы, эст. *TE-lk*, фин. *TE-ltta* 'палатка' (Андреев, 1986, 97). Однако прибалтийско-финское гнездо является заимствованием из скан-

¹¹⁶Ср. вепс. *tomar* 'стрела лука (для стрельбы)', *tomarom* 'быстро, сломя голову (бежать)' (СВЯ, 574).

¹¹⁷Термин был предложен Х. Педерсеном (Pedersen, 1903) от латин. 'noster'.

¹¹⁸Детальный анализ ностратических исследований проделан Е. А. Хелимским (Хелимский, 1986).

динавских языков, ср. др.-норв. *tjald* 'стенной ковер', 'палатка', др.-швед. *tjald* 'занавеска', 'домик', 'палатка' (SKES, 1266). Причем германское гнездо сопоставляется с греч. δέλτος 'дощечка для письма' (EONDS, 895).

В наши задачи не входит анализ аргументов противников и сторонников урало-юкагирского, урало-алтайского, урало-индоевропейского языкового родства. Идею урало-алтайского моногенеза поддерживали Д. Фокош-Фукс, Д. Шинор, М. Рясянен, Б. Коллиндер, Н. А. Баскаков (Fokos-Fuchs, 1962; Sinor, 1982; Рясянен, 1968; Collinder, 1965; Баскаков, 1981), однако нам кажется весьма актуальным предложение Л. Хонти, полагающего, что на настоящем этапе развития лингвистики вряд ли можно добавить что-либо новое о гипотезе урало-алтайского родства, главное сейчас — наращивать наши знания по истории языков от уральской эпохи до финно-угорской (Хонти, 1985, 171).

Имеются, однако, случаи, когда напрашивается сопоставление финно-угорских и тюркских данных, при том что финно-угорский характер происхождения русского диалектного слова не вызывает сомнений, ср. **сўрпа** 'верша', рассматриваемое как единица субстратного финно-угорского происхождения, соотносится с фин. *suria* 'рыболовная снасть наподобие мешка', которое принадлежит к лексическим единицам, восходящим к финно-угорскому языку-основе (Хакулинен, 2, 30), а далее, при более широких сопоставлениях, вероятно, возможно сравнить прибалтийско-финские данные с тюркскими, ср. чуваш. *сёр* 'ловить рыбу бреднем', др.-тюрк. *сўр*, татар. *сёр* 'ловить рыбу бреднем, неводом' (ЭСЧЯ, 189).

При анализе параметров дифференциации диалектных русских слов тюркского и финно-угорского происхождения учитывались также факты контактов финно-угорских и тюркских языков между собой в различные периоды своего развития. И если прибалтийско-финские языки вряд ли могли иметь прямое взаимодействие с тюркскими, только, вероятно, через посредство других языков, то обско-угорские, пермские, волжские языки в ходе своей истории в такие контакты вступали, что и отразилось на составе их лексических систем. Предшествующие исследования накопили довольно богатый опыт анализа материалов такого рода: имеются работы по общему влиянию тюркских языков на уральские (Rona-Tas, 1988), по тюркским заимствованиям в удмуртском (Максютова, 1967; Тараканов, 1985), коми языке (Wichman, 1903), хантыйском

(Paasonen, 1902) и мансийском (Kannisto, 1925) языках¹¹⁹, венгерском (Gombocz, 1912), марийском (Räsänen, 1920, 1923); например, в восточномарийских диалектах зафиксировано около трех тысяч татарско-чувашских лексических заимствований (Исанбаев, 1978, 172). Отмечается взаимовлияние тюркских и финно-угорских языков в сфере грамматики (Серебрянников, 1983, 112–114).

Однако в ряде случаев в дальнейшем лексика тюркского происхождения уже из финно-угорских языков входила в русские говоры. Например, в вологодско-вятских говорах слова **бáля**, **бáлька** ‘овца’, имеющие многочисленные фиксации — Перм., Волог. (Даль, 1, 45), Киров. (ОСВГ, 1, 48), рассматриваются как заимствования из коми языка, ср. коми *bal'a* ‘овца, ягненок’ (Kalima, 1927, 15; см. также: Meskelein, 1913, 30; Фасмер, 1, 119). Имеется также версия обратного заимствования русских данных в коми язык (SYRW, 9; Матвеев, 1959, 21, 22). Однако авторы КЭСЯ, аргументируя распространенностью слова *балля* ‘ягненок, овца’ во всех коми диалектах и удмурдском языке, ср. удм. *pil'i* ‘ягненок’, а также воздействием на мансийский язык, ср. манс. *palä* ‘баран, овца’, не исключают его общепермский характер (КЭСЯ, 36, 37). См. также Аникин, 1997, 117. Рассматриваемые данные анализировались исследователями только на почве финно-угорско-русских взаимосвязей; тюркский материал не попадал в сферу внимания этимологов, при том что тюрк. *bala* в древнем значении ‘детеныш животного, птенец’ отмечается во многих тюркских языках, при татар. диал. *bälä* (СИГТЯЛ, 306). Таким образом, широкое распространение слова в тюркских языках и маргинальное в финно-угорских предполагает первичность тюркских данных. В финно-угорских языках имеются наименования овцы общепермского пласта, ср. фин. *uuhi* ‘овцематка’, кар. *uuko* ‘овца’, вепс. *uhi*, *uhu* ‘не ягнившаяся овца по первому году’, водск. *ut'i* ‘ягненок’, эст. *uhe* ‘овцематка’, морд. мокш. *utša* ‘овца’ (SKES, 1560), коми *ыж* ‘овца’, удм. *ыж* ‘то же’, хант. *оӧ*, *os*, манс. *оӧ* ‘овца’, мар. *ужга* ‘шуба из овчины’ (КЭСЧ, 329), при наличии в марийском языке заимствования из татарского, ср. мар. *шорык* ‘овца’ (РМС, 232), при татар. *сарык* ‘овца’ (Халиков, 1995, 126). Но в прибалтийско-финских языках в этой лексико-семантической группе доминируют за-

¹¹⁹Отмечается влияние западно-сибирских татар в обско-угорских языках (см. Куанышев, 1993, 101–106).

имствования, ср. фин. *lamma*, вепс. *lambaz*, кар. *lammaš* ‘овца’ из германских источников, ср. герм. **lambaz*, готск. *lamb* (SKES, 273); из балтийских языков: фин. *vuona* ‘ягненок’, кар. *vuonna*, *vuorna*, *buonna*, люд. *vuon*, вепс. *vodnaz*, эст. *voon* (SKES, 1820), фин. *oinas* ‘холощенный баран’, ливв. *oinaz* ‘овцематка’, вепс. *oinaz* ‘холощенный баран’, ‘молодая овца, ярка’, при литов. *āvinas*, латыш. *avins*, др.-прус. *awins* ‘баран, овца, ягненок’ (SKES, 422); фин. *jäärä*, эст. *jäär* ‘некастрированный баран’, при др.-прус. *jeristian*, латыш. *jērs* из русск., ср. **ярка** (SKES, 133).

Русское же слово **бáля**, вероятно, следует рассматривать как заимствование из коми языка.

Иногда бывает довольно затруднительно определить конечный источник русского диалектного слова, которое имеет интердиалектный ареал, при наличии сходных данных в смежных финно-угорских и тюркских языках. Например, **зеп** ‘карман’ Перм., Волог., Самар., Дон., Енис., Краснояр., Сиб. (СРНГ, 11, 264), **зепь** ‘то же’ Влад., Вят., Казан., Нижегород., Симб., Самар., Курск., Дон., Оренб., Перм., Свердлов. (СРНГ, 11, 264, 265) имеют соответствия в пермских языках — коми *зеп*, *дзеп* ‘карман’ (ССКЗД, 130), удм. *z'er* ‘карман’ (КЭСКЯ, 105), обско-угорских, ср. венг. *zeb* ‘карман’, и тюркских, ср. тур., азерб. *džeb* ‘карман’, при наличии славянских данных: болг. *джеб*, сербохорв. *дзеп*, словен. *žèp* (Фасмер, 2, 95). Имеется несколько точек зрения в отношении русских диалектных данных. Фасмер предполагал, что это тюркское заимствование (Фасмер, 2, 95), солидарна с ним Шипова (Шипова, 138). Аникин допускает, что распространение слова **зеп** может быть связано с влиянием коми языка (Аникин, 2000, 212, 213). Однако независимость коми слова от русских данных подвергается сомнению (Лыткин, 1967, 138; Rédei, 1970). Причем авторы КЭСКЯ предполагают его древнечувашскую основу ввиду сходства формы в удмурдском языке (КЭСКЯ, 105). На русской почве также не исключалась его чувашская природа (Wichmann, 1903, 54). Ср. также араб. *zurr* ‘карман’, перс. *jib* ‘пазуха, карман’ (Абаев, 1958, 406). Таким образом, при широкой дистрибуции русского диалектного слова весьма сложно остановиться на какой-либо одной этимологической версии, поскольку отсутствуют ареальные параметры ее верификации.

Однако если ареал такого русского диалектного слова локализован на территории севернорусских говоров, то схожесть тюрк-

ских и финно-угорских материалов чаще всего не оказывает влияния на выработку этимологической версии, поскольку ограниченная дистрибуция в диалектно однотипном регионе может быть использована в качестве ее верификации.

Так, например, слово **арбу́й** ‘колдун, языческий жрец’, отмечаемое в псковских говорах и имеющее древнерусские фиксации (см. подробный разбор в разделе 2), этимологизируемое на прибалтийско-финской почве, вряд ли может быть связано со сходными тюркскими, ср. тюрк. *arba* ‘колдовать, предсказывать, заговаривать, давать советы, советовать; бранить, выразить неудовольствие на кого-л., порицать’, *arbau* ‘хитрый ответ, колдовство’ (Радлов, 1983, 1, 335–336), *orba* ‘звуки колдовского барабана’, уйгур. *arvış* ‘волшебство’ (SKES, 25). Следует отметить, что венгерские и удмуртские данные, вероятно, тюркского происхождения, а мар. *arbuĵ* ‘жрец, колдун’ заимствовано из древнерусского языка.

В ряде случаев слова, первично этимологизируемые как данные финно-угорского происхождения, имеют широкую дистрибуцию не только на автохтонной территории русского Севера, но и в русских говорах Урала, Сибири и других регионах вторичного заселения. Однако нередко зафиксированная там лексика, при сохранении или сходстве семантики, значительно отличается по форме от севернорусских данных. И поэтому при определении конечного источника для такого рода материала встает закономерный вопрос, имеем ли мы дело с вариативностью формы этимологически одной и той же единицы финно-угорской природы или возможна иная ее трактовка? Так, например, в Кондопожском районе Карелии фиксируется лексема **са́йпа** ‘мыло’ (КСРГК), по СРНГ отмечается **са́йпа** ‘мыло черного цвета из ворвани с золою’ в Кемском, Кольском уездах Архангельской губернии; на Урале мы находим следующие данные: **сабы́н** ‘мыло’ (Челябинская область, СРНГ, 36, 13), **саба́н** ‘мыло’ (Башкирия, СРНГ, 36, 11). Севернорусские материалы справедливо возводятся к прибалтийско-финским источникам, ср. фин. *saippua*, *saiřua* ‘мыло’ (Фасмер, 3, 546), однако, на наш взгляд, нельзя исключать возможность влияния саамских источников, ср. саам. швед. *saiřo*, саам. лул. *saiřō* ‘мыло’ (SKES, 947). Причем прибалтийско-финский и саамский материал неисконен, ср. англ. *soap*, швед. *såpa*, ср.-ниж.-нем. *seře*, откуда сходный вокализм эст. *seep*, ген. *seebi*, ливск. *zēř* ‘мыло’ (SKES, 947). Германский источник восходит к латин. *sebum* ‘нутряное са-

ло', ср. нем. совр. *Seife* 'мыло' (EONDS, 879), другая латинская форма *sapo*, описываемая Плинием как смесь из сала, золы и сока деревьев для окраски галлами волос перед битвой, послужила источником для данных романского типа, ср. франц. *savon* 'мыло', итал. *sapone* (DELF, 653), молд. *сэпун* 'мыло', ст.-слав. *сапоунъ*, болг. *сапун*, серб. *сàпун* (ДЕЛМ, 415–416). Уральские данные не связаны с приведенными выше романо-германскими источниками, их следует трактовать как материалы тюркского типа, ср. татар. *сабын*, тур., азерб. *сабун* 'мыло', при чуваш. *супань*, *супан* и мар. *шовын* 'мыло', при том что тюркское гнездо рассматривается как заимствование из арабского или персидского языков (ЭСЧЯ, 196).

Таким образом, в данном случае проблема разграничения данных финно-угорского и тюркского происхождения опирается на различие формы и дистантность ареалов анализируемых лексем, причем ярким дифференцирующим показателем выступает акцентный тип рассматриваемых слов.¹²⁰

В ряде случаев русская диалектная лексика, представленная в виде нескольких фонетических и деривационных вариантов со сходной, но не тождественной семантикой, не имеет убедительной этимологической трактовки. Ареал ее достаточно широк: от севернорусских говоров — до русских говоров Сибири, донских говоров, а имеющиеся версии ее происхождения связывают ее как с финно-угорскими, так и с тюркскими данными. Например, наименование шпангоута в лодке, барке представлено в виде следующих вариантов: **тугун** Плесецк. (КСРГК), Пудож. (Куликовский); **тыгун** Пудож. (Корбозеро) (КСРГК); **тагун** 'шпангоут в лодке, барке, баркасе' Арх. (Кузмищев, 1847), Яросл. (Норское) (Богородский, 1927, 133), Волж. (Неустроев), Дон. (Миртов), Дельта Дуная (Гриценко, 1964), Азовск. море (КСРНГ) «барочная кроква, кокора, копань» Арх. (Даль, 4, 395), «прибиваемое деревянными гвоздями ко дну барки дерево с частью корня (кокорой)» Шенк. Арх. (Подвысоцкий, 171); **тугунь** «ребра коломенок» Волж., Урал (Доп. Опыт), Яросл. (КСРНГ), 'обручи, на которых лежат продольные доски телеги' Костром., Мамадыш. Казан. (КСРНГ); **тагунь** 'распорки разной длины, которые вставляются между бортами долбленной лодки' Новосиб. (СРГНО, 531); **туг** 'шпангоут в лодке' Кар-

¹²⁰Для слов тюркского происхождения характерно ударение на последнем слоге.

гоп. (Куликовский). Фасмер не дает этимологической версии к материалам Даля и Подвысоцкого (Фасмер, 4, 9). Матвеев предлагает учитывать финно-угорские и тунгусо-манчжурские параллели: мар. *тыгын* 'изогнутая часть носа лодки', эвенк. *текон* 'корневище' (Матвеев, 1964, 305). Аникин, приводя следующие факты: удм. *тугым* 'распорка в лодке', коми *туган* 'верхушка стоячего дерева, молодой побег хвойного дерева', также считает данный материал неясным (Аникин, 2000, 522). Вероятно, первичный вокализм русского диалектного слова представлен в варианте **тугун**, что позволяет сопоставить его с прибалтийско-финскими данными, ср. вепс. *t'ügi, tugi* 'подпорка', мотивированными глаголами вепс. *t'ügeta, tugeta* 'подпирать' (СВЯ, 587), ливв. *tukki* 'сплавное бревно, жердь', 'мельничная ось', 'ружейный приклад', 'круглая деревянная часть в ткацком станке, на которую наматывается полотно', фин. *tukki* 'подпора, подпорка, стойка, упор, опора' (ФРС, 655), фин. диал. *tukki* 'ствол дерева, обломанный и со срубленными сучьями', 'обрубок бревна; жердь', 'круглая цилиндрическая деталь или часть машины, механизма'. В прибалтийско-финских языках это гнездо скандинавского происхождения, ср. швед. *stock*, швед. диал. *stukk* 'подпора, подпорка, жердь', 'чурка, используемая при рубке леса', при саам. швед. *stuokke*, инар. *stoke*, кольск. *sto^okk^a* 'ствол дерева', 'сплавное бревно', 'высохший гнилой ствол березы' — из шведского (SKES, 1387). Материалы Даля, не имеющие географической пометы, — **тугун** «распорка в воротах меж стоек в плотине» (Даль, 4, 451) — также можно отнести к приведенным выше русским диалектным данным, и вряд ли обоснована тюркская этимология этой лексемы, представленная Шиповой: ср. казах. *тыгын* 'затоп на реке для ловли рыбы', киргиз. *тогон, тогоон* 'плотина', тур. *tikanik* 'заткнутый, закупоренный, загороженный; засоренный', казах. *тоган* 'пруд, запруда' (Радлов, № 1305; Шипова, 329)¹²¹. Доминирующим в лексеме **тугун** (по Далю) с точки зрения предметно-тематической соотнесенности является значение 'распорка', находящее соответствие в прибалтийско-финских языках, в то время как этимологическая основа тюркских данных базируется на семантике 'запруда, плотина', которая вряд ли связана с русским диалектным материалом. Кроме того, под-

¹²¹ Конечное ударение в данных лексемах связано с акцентным типом суффикса.

тверждает прибалтийско-финскую версию и ареальная дистрибуция рассматриваемых данных с материнским севернорусским ареалом и вторичным распространением на восток и юг по водным путям (в проанализированном случае). Койвулехто, рассматривая уральское **tukta* с рефлексами в саамском *totko* ‘лодочные корабельные шпангоуты’, коми *tik* ‘перекладина’ в сравнении с балтийскими данными, делает вывод о балтийской природе финно-угорских материалов (Койвулехто, 1997, 158, 159), хотя приводимые сопоставления не кажутся убедительными.

В качестве примера распространения севернорусской лексики в южном направлении вплоть до Причерноморья и соприкосновения с ареалом, где тюркоязычное влияние основано на территориальной смежности, можно привести лексемы **турбáк** ‘рыба голавль’ Луж. Петерб. (КСРНГ), **турбéнь** ‘вид рыбы’ Новг. (НОС, 11, 72), рассматриваемые нами как деривационные варианты, ср. фин. ‘*turpa, turppa, turvas, turpas, turvakka* ‘голавль’, эст. *turb* ‘голавль’ (SKES, 1426). Вариант **турбáк** фиксируется также в русских говорах Дельты Дуная, куда, вероятно, пришел с Северо-Запада через посредство донских говоров (Гриценко, 1964). Причем этот материал следует разграничивать с лексемой **турíк** ‘рыба тунец’, бытующей в говоре казаков-некрасовцев и возводимой к тур. *torik* (Сердюкова, 1969).

Имеется также довольно много случаев фиксации тюркских данных, инкорпорированных в севернорусские, ср. лексема **кíза** ‘мотня невода’, отмеченная в НОС также в значении ‘мешок со шнурком для ношения на шее’ (Крестецкий р-н, НОС, 4, 40), явно связана с **кисá** ‘сумка, мешок, котомка’ тюркского происхождения, ср. татар. *kisä*, тур. *käsä* ‘кошелек’ (Радлов, 2, 1159), причем тюркские данные возводятся к араб. *kis* ‘кошелек’ (Фасмер, 2, 239).

Образуют коррелирующий ареал с гнездом **гарва / харва** ‘рыболовная сеть с крупной ячейей’ лексемы **охáн**, **ахáн**, которые по памятникам письменности известны с XVII века: **аханъ** (**оханъ**) ‘двойная сеть с крупными ячейями для ловли красной рыбы’ (Астрах., 1614, СлРЯ XI–XVII вв., 1, 58); фиксируется она в источниках XVIII века: **ахáн** — «для ловли белых рыб Камские рыболовцы употребляют особливые снасти, называемые Аханы, которые ни что иное, как редкие сети из конопляной жилки сплетенныя» (СРЯ XVIII в., 1, 119). По диалектным источникам сходные данные отмечаются довольно широко, ср. **охáн** «рыболовное

орудие в виде сетчатого мешка на длинной рукоятке» (Вожегод., Сокол., Усть-Кубен., СВГ, 1993, 105), **ахán** «ловушка на рыбу» (Верхнетоем., Холмогор., СГРС, 1, 25). Кроме того, слово **охán** 'большая сплавная сеть; рыболовная сеть для крупной рыбы' бытует в говорах Сибири и Дальнего Востока (см. СРНГ, 25, 25). Фасмер не дает определенной этимологической версии, предполагая славянское или тюркское происхождение слова (Фасмер, 3, 175). Аникин, не приводя этимонов, говорит о греческом или иранском источнике (Аникин, 2000, 433). На наш взгляд, более вероятна тюркская версия, ср. тюрк. *ау 'сеть для ловли птиц, рыб', где *-ан* — суффикс на русской почве (СГТЯЛ, 418, 419).

Нередко исследование русского диалектного слова в макроструктуре русских говоров на базе выделения семантических ареалов с целью подтверждения его полисемии, либо установления гетерогенной омонимии (для лексем предположительно финно-угорского происхождения), не всегда разводит гетерогенные единицы по разным территориям, особенно в тех случаях, когда одна из них тюркского происхождения. Например, слово **түрйк**, **тюрйк** 'приспособление для перематывания ниток, пряжи в виде полого цилиндра, насаженного на ось' фиксируется повсеместно на Севере России, Урале, Сибири (КСРНГ) и вполне сопоставляется с прибалтийско-финскими данными, ср. вепс. *torvik* 'вьюшка, на которую наматывается пряжа с воробов' (СВЯ, 578)¹²², в то же время единица тюркского происхождения **тюрйк** 'кулек, пакет' фиксируется также на севернорусской территории в говорах Кировской, Вологодской, Ярославской, Архангельской областей, Коми АССР (КСРНГ), ср. тур. *türük* 'сверток, свиток' (Фасмер, 4, 137).

Весьма сложен анализ материала, когда речь идет об ономактопоэтической лексике, в этом случае выделение этимологической доминанты в ряду сходных данных затрудняется самой природой рассматриваемых слов, в основе которых лежит звукоподражание. Так, например, лексема **чиркун** 'кузнечик', 'сверчок' широко представлена в говорах Новгородской, Тверской, Ярославской, Московской, Пензенской, Саратовской областей; ее можно рассматривать как звукоподражательное образование на русской почве (смущает только отсутствие в русских говорах производящей глагольной основы сходной ономактопоэтической природы),

¹²²См.: «Прядение. Ткачество».

а также как неисконную единицу. Предполагаемые этимологически первичные данные фиксируются как на финно-угорской, так и на тюркской почве, ср. ливв. *čirku* ‘кузнечик, сверчок’, кар. твер. *čirka* ‘кузнечик’, фин. *sirkka* ‘кузнечик, сверчок’, эст. *sirk* ‘кузнечик’, вепс. *čirk* ‘кузнечик’, коми *чирк* ‘кузнечик’, трактуемые как звукоподражательные (SKES, 1039; КЭСКЯ, 307), и татар. *čikirtka*, турец. *čekirge* ‘кузнечик, сверчок’, при татар. диал. *sikärtkä*, представляющем, кроме того, контаминацию с глагольной основой *sek-* ‘прыгать’ (СИГТЯЛ, 187). Таким образом, в данном случае имеется три возможности этимологической трактовки: исконная, финно-угорская и тюркская. При анализе русских диалектных данных в узко ареальном аспекте несомненным было бы предпочтение одной из них: прибалтийско-финской — для новгородских говоров, коми — для ярославских, тюркской — для южнорусских говоров. Однако рассмотрение материала в русской диалектной макроструктуре делает проблему выработки этимологической версии весьма сложной задачей, поскольку довольно часто предпочтение той или иной версии связано со сферой внимания исследователя, а в данном случае имеется возможность говорить о полицентричности иноязычного влияния, не исключая вероятность исконного происхождения русского диалектного слова. Поднятые в работе вопросы определения финно-угорских и тюркских источников русских диалектных слов только намечают (весьма условно) принципы этимологизирования русских неисконных лексем, когда поиски источников в какой-либо одной группе языков не должны мешать дифференцированно подходить к материалу, имеющему интердиалектную фиксацию. В ряде случаев внимание к такого рода возможностям дифференцированного анализа гомогенного, на первый взгляд, материала может быть использовано в практической словарной работе, поскольку в русских лексикографических источниках при разработке толкований в иерархии значений на базе лексико-семантических вариантов иногда бывает довольно затруднительно рассмотреть в кажущейся логичной полисемантической иерархии значений гетерогенные омонимы. Хотя ареальный анализ семантики и в этом случае может служить надежным инструментом верификации омонимии-полисемии, особенно в тех случаях, когда лексикографический конструкт представляет в иерархии значений интердиалектную единицу.

Так, например, в СРНГ слово **калужка** дано как полисемантическое: 1-е знач. — ‘палка, полено’ Кадн. Волог., 2-е знач. — ‘деревянное самодельное долбленое блюдо’ Лебед. Тамб. (СРНГ, 12, 368). При отсутствии внимания к этимологической стороне данного материала и дифференцированной ареальной дистрибуции этих значений, на уровне первичных ассоциаций вполне возможно предположение об их тождественном происхождении. Однако значение ‘палка, полено’ связано с вепсским влиянием, ср. вепс. *кали* ‘палка’ (СВЯ, 175), *калйžed* ‘палки, палочки’ (М. С.). Калима и Фасмер рассматривают как вепсское заимствование имеющийся в их распоряжении дериват **калужина** ‘большой кусок дерева, бревно, затонувшее в воде’, отмеченный в словаре Куликовского (Куликовский). Второе же значение ‘деревянное самодельное долбленое блюдо’ либо представляет фонетико-деривационный вариант, либо является результатом некачественной записи материала с наложением гипер правильности написания, поскольку базисная для анализа лексема **калгужка** ‘деревянная чашка, миска, выдолбленная вручную из дерева или древесного корня’ имеет частотную дистрибуцию и широко представлена в южнорусских говорах (Курск., Тамб., Ряз., Дон., СРНГ, 12, 343, 344). Кроме того, дериват **калгужка** в ряду других вариантов: **калыган**, **калан**, **калга** рассматривается как тюркское заимствование (Шипова, 1976, 154, 155).

Глава 5. ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СУБСТИТУЦИИ И АДАПТАЦИИ АПЕЛЛЯТИВНОЙ ЛЕКСИКИ¹²³

Под термином фонетическая субституция нами понимается характеристика процесса замены звуков одной фонетической системы звуками другой с точки зрения синхронного анализа. Но поскольку наш материал представляет собой явление диахроническое — большая часть данных финно-угорского происхождения трактуется нами как тот или иной вид субстрата¹²⁴, то совершенно естественно говорить в исторической ретроспективе об адаптации фонетически исконных моделей после перехода на славянскую речь.

Однако выделение той или иной субституции на материале устных лексических диалектных проникновений часто затрудняется тем, что как в русских говорах, так и в прибалтийско-финских диалектах имеется значительное число вариантов, и иногда довольно затруднителен выбор этимона, на основании которого могла бы идти речь о соответствиях и замещении фонем одного языка фонемами другого, а также предпочтение того или иного языка. Мы предлагаем говорить о субституции только при анализе ранних контактов и заимствований, когда прибалтийско-финская лексика входила в русский язык и осваивалась его носителями¹²⁵. На втором этапе взаимодействия, когда носители прибалтийско-финских языков и диалектов массово переходили на русскую речь, вряд ли следует говорить о субституции как явлении, характерном для прибалтийско-финского по происхождению языкового материала в русской речи прибалтийских финнов. Здесь уместней говорить об адаптации исконной (прибалтийско-финской) фонетической системы к системе звуков заимствованного (русского) языка. Причем следует отметить, что в ряде случаев такая адап-

¹²³В данной главе анализ производится преимущественно на сопоставлении данных прибалтийско-финских языков и севернорусских говоров.

¹²⁴Это не исключает, однако, различную трактовку неисконных данных: заимствование, проникновение и т. п.

¹²⁵Нам кажется не совсем удачной попытка осуществления анализа фонетической конвергенции балто-славянских и финно-угорских языков на материале историко-фонетических конструкторов; в этом случае весьма сложно выделить данные типологических схождений и взаимовлияния (см. Беднарчук, 1997, 91).

тация не происходит полностью, это касается топонимических единиц. Нами зафиксировано произношение некоторых топонимов у тщательно проверенных русских информантов, фонетические особенности которых явно указывают на вепсский язык: **Хебойгуба** (начальное х [χ'] — фрикативное звонкое мягкое) в н. п. Суйсарь Прионежского р-на, **Вепсяручей** (фиксируется фонема [ʼa], а не [a] в Пудожском районе).

Касаясь современного этапа русского и прибалтийско-финского (в ряде случаев — более широкого финно-угорского) языкового взаимодействия в сфере фонетики, следует отметить взаимопроницаемость фонетических систем как результат длительных и постоянных контактов вплоть до настоящего времени, выражающихся в том, что одни и те же процессы происходят в русских говорах и вепсских диалектах (см. Суханова, Муллонен, 1986, 38–45; Муллонен, 1974). Можно также наблюдать типологически сходные процессы в языках, не контактирующих ныне с севернорусскими говорами. Так, например, переход фонемы [ʼa] → [e] реализуется в одних и тех же условиях для русских говоров и мордовских диалектов: между мягкими согласными (РД, 1972, 97–98; Деваев, 1963, 276).

Фонетическая дифференциация на прибалтийско-финской почве часто может отражаться в русских фонетических адаптационных типах. Мы оперируем понятием прибалтийско-финская (финно-угорская) фонема, имея в виду более ранний характер прибалтийско-финской (финно-угорской) фонетической системы как виртуального целого, исходя из того, что некоторые моменты прибалтийско-финского (финно-угорского) и восточнославянского (русского) взаимодействия в сфере фонетики еще нуждаются в тщательном рассмотрении. Так, например, наличие звонких согласных связано с интенсивными контактами с русским языковым континуумом или является результатом независимого развития? Поэтому при анализе адаптационных моделей предлагается рассмотрение возможностей фонетической системы русских говоров при освоении неисконного материала и дифференциация исходных прибалтийско-финских типов. Главное, на наш взгляд, в выделении адаптационных фонетических моделей — определение порождающих эти модели этимонов. Так, например, Калима выводит для лексемы **бонга** 'омут' этимон *voŋga* ливвиковского происхождения (Kalima, 1915, 48), однако ср. фиксацию **бонга** в Прионеж-

ском районе (Ладва, Педасельга), на большей части Подпорожского р-на (Заозерье, Пидьма, Шустручей, Юксовичи, Гоморовичи), в Вытегорском районе (Мегра, Бабино, Ошта, Ундозеро) по ПЛГО, а также данные СГРС, в котором эта единица отмечается в Вашкинском, Вытегорском районах (СГРС, 2, 147–148). Все приведенные материалы говорят о том, что на первое место при рассмотрении этимологии этого слова следует ставить вепские данные: ср. вепс. *boŋg* ‘омут’ (СВЯ, 46)¹²⁶, что влечет за собой и изменение в адаптационной модели, не [v] → [б], а [b] → [б].

§ 1. Рефлексы прибалтийско-финского консонантизма и их фонетическое освоение русскими говорами Северо-Запада¹²⁷

Глухие взрывные¹³⁴

Прибалтийско-финская [p]

1. → [п]: **па́рма** ‘овод’ (кар. *poarma*), **пу́тки** ‘стебли щавеля’ (кар. *putki*);
2. → [б]: **ба́рма** ‘овод’, **бу́тки** ‘стебли щавеля’ (люд. *butki*);
3. → [в]: **са́йва** ‘нефтяная или масляная пленка на воде’ (Приморский район)¹³⁵.

1. Адаптационная передача прибалтийско-финского [p] через русск. [п] совершенно естественна и традиционна, она фиксируется в большинстве случаев, ср., например, кар. *poarma*, кар. твер.

¹²⁶См.: «Звонкие взрывные».

¹²⁷Материал, рассматривавшийся ранее, в данной главе дается без географической пометы.

¹³⁴В отношении терминов фонетики и фонологии мы не придерживались какой-то определенной школы; для классификации русских и финно-угорских материалов нами использовались работы Л. Л. Буланина (Буланин, 1970), Л. Л. Касаткина (Касаткин, 1995), М. И. Матусевич (Матусевич, 1976), М. В. Панова (Панов, 1979), А. П. Баранцева (Баранцев, 1967; Баранцев, 1975), В. Д. Рягоева (Рягоев, 1977), Р. Palmeos (Palmeos, 1962), R. L. Trask (Trask, 1996). Чтобы не возникло путаницы в отношении транскрипции, прибалтийско-финские данные даются в латинице, русские — в кириллице.

¹³⁵Данное слово отмечается в диалектном словаре М. С. Устиновой (Березович, 2003, 275).

puarma, кар. валд. *paarma*, *poarma* (KKS, 4, 358–359), ливв. *puartu* ‘слепень’ (СКЯМ, 284), вепс. *part* ‘слепень, овод’ (СВЯ, 401).

2. На русской диалектной почве фиксация [б] на месте прибалтийско-финского [p] может рассматриваться как независимая инновация при отсутствии варианта с [b]. Однако в ряде случаев, на прибалтийско-финской почве в вепско-карельских диалектах фиксируется фонема [b], находящая отражение и в русских говорах; адаптационная модель в таких словах будет [b] → [б]. Кроме того, в коми языке на месте прибалтийско-финского [p] отмечается фонема [b]: фин. *raju* — коми *бадь* ‘ива’, а также в некоторых коми заимствованиях из русского и прибалтийско-финских языков на месте русск. [п] и прибалт.-фин. [p] фиксируется коми [b], что, вероятно, является субституционной особенностью коми языка: вепс. *pel'* — коми *бель* ‘косяк’ (см. также ниже).

3. Приводимое сопоставление саам. [p] с русск. диал. [в], ср. саам. швед. *saipo*, саам. лул. *saipō* ‘мыло’ (SKES, 947) ← англ. *soap*, швед. *såpa*, носит весьма предварительный характер ввиду того, что данный материал не имеет утвердившейся этимологии. Такого рода чередование ступеней согласных отмечается в финском языке: *tara* — *tavan* ‘обычай’, *korpi* — *korven* ‘глухой лес’.

Прибалтийско-финская [t]

1. → [т]: **тигачи** ‘мошкара’ (кар., ливв. *t'ih'i*, вепс. *tih'i*);
2. → [к']: **кигачи** ‘мошкара’;
3. → [ч]: **чигала** ‘мошкара’;
4. → [ц]: **цигала** ‘мошкара’.

1–4. Данные варианты представляют взаимосвязанные единицы, причем локализируются они в одном ареале на востоке Обонежья: **кигачи** ‘мошкара’ отмечается в Медвежьегорском районе (Кузаранда, Челмужи, Палтега, Великая Нива), в Пудожском районе (Авдеево, Пяльма, Алексеево, Бураково, Римское).

Вариант **тигачи** ‘мошкара’ распространен в Пудожском районе (Пяльма, Римское), в Сегежском (Валдай, Вожма Гора), в Вытегорском (Андома) районах. Вариант **чигачи** ‘мошкара’ отмечается в Лоухском районе (Кереть), Терском (Поньгома, Оленица), Кемском (Гридино). Вариант **чигалá** записан в Пудожском

районе (Каршево, Гакукса, Колгостров, Гладкино, Куганаволок, Дубово, Ножово, Пога). В материалах КСРГК, относящихся к 50-м гг., имеются варианты с цоканьем: **цыгáла** в Пудожском р-на (Корбозеро), в Каргопольском районе (Орлов); **цигалá** в н. п. Пелусозеро того же р-на, **цигачí** ‘комары’ — в Лоухском районе (Кереть), Терском районе. Ср. сходное явление в дракинском диалекте эрзя-мордовского языка — замещение аффрикаты [ц'] мягким взрывным согласным [т']: драк. *омбит'э* — эрз. *омбоц'э* — мокш. *омбыц'э* ‘другой’ (Якушкин, 1961, 222).

Прибалтийско-финская [к]

1. → [к]: **корба** ‘темный лес’ (вепс. *kor'b'*);
2. → [к']: **кярега** ‘завязка косы на рукоятке’ (вепс. *käreg*), **кибрик** ‘поплавок’ (вепс. *k'ibrik*), **кюрзии** ‘блины’ (вепс. *k'ürz*, ливв. *kürzü*), **кírза** ‘мерзлый слой земли’;
3. → [т']: **тярега** ‘то же, что кярега’ (вепс. *käreg*), **тибрушки** ‘поплавки’, **тюрзи** ‘блины’, **тírза** ‘мерзлый слой земли’;
4. → [п]: **пукша** ‘рыбы внутренности’ (фин. *kupsu*);
5. → [г]: **гáгач** ‘ветки на стогу’ (вепс. *kaħač*).

1. Адаптация [к] → [к] традиционна и регулярна на русской почве перед гласными непереднего ряда.

2–3. Палатализованные [к'] и [т'] имеют возможности для нерегулярной, но легко воспроизводимой способности к замене друг друга, при том что на прибалтийско-финской почве этимологически в данном случае фиксируется [к]. Примеры лексем с замещенной [к'] на [т'] не локализуются в зависимости от типа субстрата, что свидетельствует о фонетическом характере чередования. Хотя на почве коми языка отмечается историческое чередование [к] → [т'] перед гласными [э] и [и]. Особенно это характерно для нижневычегодского диалекта: *т'ерка* (лит. *керка* ‘изба’), *т'ер* (лит. *кер* ‘бревно’), *т'епысь* (лит. *кепысь* ‘рукавицы’), *т'и* (лит. *ки* ‘рука’). В присыктивкарском говоре распространено параллельное употребление обеих форм: *кеммыны* — *т'эммыны* ‘умолять, упрашивать’, *кэн'* — *т'эн'* ‘пенка’, *кэслыны* — *т'эслыны* ‘точить’. Однако В. И. Лыткин связывает это явление с изменением артикуляции

гласных под влиянием русского языка в последние столетия (Лыткин, 1957, 122).

4. Слово **кўкша** ‘рыбьи внутренности’ фиксируется в Пудожском и Вытегорском районах, а также в словарях Даля: **кўкша** ‘рыбьи потроха’ (Олон.), Куликовского: **кўкша** ‘зоб налима’ (Пудож.), наряду с **пўкша** в том же значении. Калима полагает, что это заимствование из фин. *kipsu* ‘рыбий пузырь’ (Kalima, 1915, 140). Кроме финского языка, это слово имеет соответствия в эст. *kops*, водск. *kopsed*, в мансийском языке; ср. также саам. *kuopsA* (KOLTKS, 180). По мнению Калимы, сюда же относится вариант **пўтка** с тем же значением. **Пўтка** ‘рыбий желудок’ отмечено в Терском районе, в словаре Подвысоцкого: **путка, путки** ‘кушанье из вареных рыбьих внутренностей’ (у лопарей), кольское. Отмечено это слово также у Дурова — **пўтки** ‘внутренности сига, семги и всякой другой рыбы; горловина и желудок рыбы’. Вероятно, вариантность [к] — [ц] возникла в результате метатезы на русской почве и не связана с фонетической адаптацией.

5. Фиксация в русских лексемах [г] на месте прибалтийско-финского [к], вероятно, является собственно русской диалектной инновацией.

З в о н к и е в з р ы в н ы е

В финно-угорских языках начальные звонкие взрывные как принадлежность исконной системы рассматриваются для венгерского и пермских языков. Штейниц предположил, что фонемы [b], [d], [g] возникли сначала в середине слова как в венгерском, так и в пермских языках путем деназализации звукосочетаний [mp], [nt], [mt], [ŋk], а впоследствии распространились и в начальном положении под влиянием соседних языков и поддерживались заимствованными из этих языков словами, содержащими начальные звонкие смычные (Steinitz, 1952). На этой же позиции стоял В. И. Лыткин (Лыткин, 1957, 87–92), объясняя озвончение в коми и удмуртском языках:

Финно-угор.	<i>mp</i>	<i>nt</i>	<i>nč</i>	<i>nk</i>
Перм.	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>z</i>	<i>g</i>

Однако позднее, под влиянием работы Д. Лако, предположившего, что озвончение в начале слова в венгерском языке опирается на более поздние языковые факты (Лако, 1964, 72), В. И. Лыткин звонкие согласные в начале слова в марийском, мордовских, вепском, водском, ливском языках и в ливвиковском и людиковском диалектах карельского языка рассматривает как позднее образование в период их самостоятельного существования (Лыткин, 1968, 19).

В мокша-мордовском языке озвончение [k], [t], [p] в анлауте объясняется фонетическими причинами — оно происходит после гласных, сонорных звонких согласных (Ahlquist, 1861, 8).

В эрзя-мордовском языке в приалатырском диалекте в начале слова фонемы [b], [d], [g], как правило, не встречаются. В исконных словах в середине слова фонема [b] появляется только после [m] или [n] (Марков, 1961, 20–21). Такая же картина примерно наблюдается в старо-турдаковском диалекте в анлауте, хотя в середине слова фонема [g] встречается довольно часто: *морго* ‘сук’, *паргу* ‘лукошко’, *каргу* ‘журавль’, *пил’ги* ‘нога’, *олго* ‘солома’, *с’ил’ги* ‘бородавка’, так же как и [d] (Объедин, 1961, 122–123). Не является исключением и положение фонем [b], [d], [g] в шугуровском диалекте (Цыганкин, 1961, 323–325).

Вихман предлагает следующие сопоставления для венгерского и пермских языков: венг. [b] — перм. [b]; перм. [b] — венг. [f], при доминировании начального [p] в удмуртских соответствиях (Wichmann, 1911, 224–228).

Приведенные материалы позволяют трактовать наличие фонемы [b] в финно-угорских языках как маргинальное явление, вне зависимости от её происхождения.

Карельско-вепская [b]

1. → [б]: **бонга** ‘омут’ (вепс. *bong*), **кóбра** ‘рука’ (вепс. *kobr*).

1. В прибалтийско-финских языках фонема [b] традиционно рассматривается как единица, получившая развитие под влиянием русского языка (Palmeos, 1962, 15), предполагается, что в финском языке-основе фонем [b], [d], [g] не существовало, поскольку в балтийских и в древних германских заимствованиях при переносе на

финскую почву они заменялись смычными [p], [t], [k] (Хакулинен, 1, 44). В ряде карельских говоров фонема [b] даже не является ступенью чередования с [v] (Virtaranta, 1972, 16). У беломорских карел авторы KKS отмечают полувзрывные [B], [G], [D] (KKS, 1, LXXXVII). В СВЯ из 289 слов, которые начинаются с [b], большая их часть является единицами русского происхождения; лексем, рассматриваемых вне русского контекста не так много: *babarm* ‘малина’, *bahalojk* ‘волнушка’, при фин. *vahalaukku* (SKES, 1590); *baŋgutez* ‘звон, перезвон’ (СВЯ, 40); *baŋshaine* ‘оса’, при литов. *vapsa* (SKES, 1580); *barb* ‘ветка’ (СВЯ, 41) и еще несколько слов в пределах одного десятка. В индексе SKES приводится только 78 единиц вепсского происхождения с начальным [b] (SKES, 1986). Тункело, анализируя вепсский материал, предполагает, что фонема [v] переходит в [b], если второй слог начинается с билабиального консонанта [p], [β], [b]. Причем, так же как в приалатырском диалекте эрзя-мордовского языка, такой переход происходит и после [ŋ]: *en voi* → *emboi*. Тункело полагает, что преобразование [v] → [b] распространяется вплоть до людиковских диалектов, но все же не носит общевепсского характера (Tunkelo, 1946, 491–493).

Карельско-вепсская [d]

1. → [d]: **луда** (вепс. *lodo*), **мяндач** (кар. *mändü*).

1. В прибалтийско-финских языках эта фонема в начале слова встречается, в основном, в заимствованных словах. В людиковском диалекте карельского и прионежском вепсского языка палатализованная [dʲ] появилась в результате перехода из [j] перед гласным, однако такого рода данные не оказали влияния на смежные русские говоры. Для финского языка фонема [d] также не является естественной, а более свойственна литературному языку (Бубрих, 1948, 140).

Карельско-вепсская [g]

1. → [g]: **шалгун** ‘мешок’ (ливв. *šalgu*), **хонга** ‘сухостойное дерево’ (кар. *hongga*).

1. В русских говорах фонема [г] является в большинстве случаев рефлексом прибалтийско-финского [h]: **кагач** (вепс. *kaħač*). В начале слова факты адаптации русск. [г] ← [g] ввиду позднего развития вепско-карельской фонемы маловероятны, однако в середине слова такая модель отмечается. В лексеме **хб́нга** реализуется модель, характерная для карельского субстратного типа влияния, хотя ср. кар. сев. *ħonka*, при доминировании в карельских диалектах *ħonga*, *ħongu* (KKS, 1, 307). В шимозерском диалекте вепского языка фонема [g] выступает на месте [j], однако данное явление, вероятно, будучи достаточно поздним, не нашло широкого отражения в заимствованиях, хотя в ряде случаев можно привести примеры такой фонетической адаптации.

В коми языке [g] перед гласными переднего ряда перешла в [d'] (Лыткин, 1957, 122).

Ф р и к а т и в н ы е

Прибалтийско-финская [h]¹³⁶

Прибалтийско-финская фонема [h] на территории Северо-Запада имеет на почве русских говоров восемь возможностей своей реализации:

1. → [г]: **орма** 'иван-чай' (вепс. *ħormħiĭn*), **гайрус** 'хариус' (вепс.), **галога** 'иней' (вепс. *ħall*), **гарва**, **гарба** 'сеть' (вепс. *ħarv*), **гемяря** 'сумерки', **гигна** 'упряжь', **гирвас** 'олень-самец', **гудега** 'иней', **гунгач** 'филин';
2. → [х]: **хайрус** 'хариус', **харма** 'иней' (кар. *ħärmä*), **харва** 'сеть' (кар. *ħarva*), **хигна** 'упряжь';
3. → [j]: **ярмега** (вепс. *ħärm*), **йорма** 'иван-чай', **ямьяря** 'сумерки', **юдега** 'иней', **юнгач** 'филин';
4. → [∅]: **арба** 'сеть', **игна** 'упряжь', **ирвас** 'олень-самец';

¹³⁶Речь идет о прибалтийско-финской фонеме [h], реализующейся в современных прибалтийско-финских языках в различных аллофонах. Фонетико-историческая сторона гетерогенности ее происхождения не рассматривается. В данном случае речь идет преимущественно о позиции анлаута.

5. → [ф]: **форма** 'иван-чай', **фонга** 'то же, что конга', **рбфкач** 'незрелая ягода';
6. → [к]: **конга** 'высохшая на корню сосна' (кар., фин. *honka*);
7. → [х]: **уайрус** 'хариус', **уорма** 'иван-чай';
8. → [ш]: **рошкачи** 'незрелые ягоды' (Прионежский р-н — Ладва) (кар. *rohkea*), **ашвен** 'окунь' (вепс. *ahven*).

1, 2. Исследователи анализировали только первые две возможности, они по-разному оценивали такие колебания на русской почве. А. К. Матвеев, рассматривая данные топонимии, говорит о доминировании [х] в начальной позиции в слове (Матвеев, 2001, 143). Однако, на наш взгляд, при том что в прибалтийско-финских языках фонетическая характеристика фонемы [h] довольно различна, как, впрочем, и в отдельных диалектах, в первых двух случаях поиски причин различной адаптации лежат не на русской почве. На наш взгляд, колебания при адаптации [h] связаны, в первую очередь, с типом субстрата, а единицы с [г] или [х] на русской почве сопоставляются с теми или иными прибалтийско-финскими источниками. Причем колебания [г] — [х] в лексике финно-угорского происхождения фиксируются по памятниками письменности, и то, что русские диалектные и исторические данные фиксируются с начальными [г] и [х], объясняется различным произношением фонемы [h] на прибалтийско-финской почве и, следовательно, нетождественной адаптацией ее в русских говорах; вариант **гáрва** — более частотный, **гáрба** — более близок к вепским образцам, **хáрва** — к карельским. Подтверждением тому, что в вепском ареале доминирует [г] на месте прибалтийско-финского [h], служит тот факт, что русские гидронимы с начальным [г] вепского происхождения подавляюще преобладают в бассейне реки Свири — около 150 единиц, тогда как с начальным [х] их фиксируется только около двух десятков (СГБРС, 114–117, 160–161). Причем при передаче прибалтийско-финских топонимов по источникам XVI века отмечается преимущественно русск. [г] на месте начального [h]: *Hiienjärvi* — **Гиервоозеро**, *Hiienkumppi* — **Гиемькумба** (Ronimus, 1906; Ojansuu, 1911, 142). О таком произношении вепского звука, который послужил основой для русского диалектного [г], свидетельствовал еще П. Успенский, указывавший, что звук, обозначенный им [г'], «произносится средне между

[г] и [x]» (Успенский, 1913, 4). Тункело различает в вепсском языке звонкий [h] и глухой [H] (Tunkelo, 1946, 282), первый, вероятно, и соотносится с русск. [г]; второй, отмечаемый в абсолютном конце, вряд ли мог отражаться как значимая адаптационная фонема. Еще одним аргументом в пользу сопоставимости [h] и [г] является тот факт, что в ряде случаев в русских заимствованиях фонема [г] в вепсском языке и карельских диалектах на прибалтийско-финской почве переходит в [h]: вепс. *bohat* (СВЯ, 39), ливв. *bohatu* (СКЯМ, 26), кар. *bohattu*, *pohatta* (KKS, 4, 364), *bohat't'eri* (SALMS, 20) ← русск. *богатый*; вепс. *čihan* (ПЛГО) ← русск. *цыган*; ливв. *añheli* ‘ангел’ (СКЯМ, 21). Хотя в поздних финских заимствованиях из русского языка происходит субституция по модели русск. [x] → фин. [h]: *хотеть* — *hotsia* (Ojanen, 1988, 20). Однако в настоящее время слова с начальным звуком [x] в русских говорах восходят часто к влиянию карельского типа. Нередки случаи, когда артикуляционные характеристики вепсского и карельского [h] достаточно близки, особенно если речь идет о ливвиковском и людиковском диалектах. Хотя обычно карельский [h] описывается как щелевой согласный с артикуляцией менее напряженной, чем у русского [x] (см. Рягоев, 1977, 30). Калима, на наш взгляд, совершенно справедливо говорит о том, что прибалтийско-финское [h] в словах русского происхождения является рефлексом русского фрикативного [χ] на диалектной почве и соответствует [г] литературного языка (Kalima, 1952, 65), т. е. [χ] → [h] позднее изменилось в соотношение [x] — [h] в заимствованиях из карельского в русский, но сохранилось в более старых заимствованиях из русского в карельских и вепсских диалектах, а также в лексике вепсского происхождения в севернорусских говорах. О замене [χ] на [г] также говорит Шахматов (Шахматов, 1941, 66). Следует отметить, что южнорусское [χ], как фрикативный заднеязычный звук, отличается от украинского [h] — фарингального (Брок, 1910, 56–57; Чекмонас, 1998, 41), причем на современном уровне различие на слух [χ] — фрикативного заднеязычного согласного и [h] — фарингального согласного — весьма затруднительно.

Хотя в позиции перед [т] на русской почве адаптация прибалтийско-финской [h] не носит дифференциально-идентифицирующего характера: ср. **мáхтать** ‘уметь’, **кéхтать** ‘желать, хотеть’ с фиксациями на всей территории Северо-Запада.

3. Переход прибалтийско-финского [h] в [j] на русской почве связан с особенностями гласного, который следует за адаптированным консонантом. Начальный [j] объясняется следующим образом: на территории с вепским воздействием начальное прибалтийско-финское [h] субституируется русским [г], но в случае, если вепская реконструкция будет репрезентирована диалектной формой *уярмега, то возможна утрата начального [y] с заменой на [j]. Р. И. Аванесов, исходя из собственных наблюдений, сделанных им на материалах рязанских говоров, отмечает фонетический характер мены [y] и [j] в южнорусских говорах (Аванесов, 1974, 182–188). Л. Л. Касаткин на основании этих фактов предположил, что чередование [y] — [j] представляет собой пару с корреляцией по твердости — мягкости (Касаткин, 1968). Есть еще одна возможность объяснения [j] на месте [h] и на финно-угорской почве, так, например, прибалтийско-финскому [h] соответствует саам. [j]: фин. *herätä* ‘просыпаться’ — саам. швед. *jeretet* ‘то же’ (SKES, 71), саам. норв. *æрто* ‘туман с легким снегом’ (SKES, 99), фин. *härkä* ‘бык’ и саам. кильд. *ierk*, саам. терск. *jierke* ‘взрослый олень-самец шести лет и старше’ (SKES, 99), фин. *hieroa* и саам. кильд. *jiërrad*, саам. терск. *jïrrad* ‘тереть’ (SKES, 72). Вероятно, в данном случае невозможно говорить только об одной версии этого фонетического явления.

4. Отсутствие какого-либо звука [∅] в начале слова на месте прибалтийско-финского [h], хотя и имеет соответствия на прибалтийско-финской почве, нами рассматривается как особенность освоения русскими говорами неисконных данных. Хотя в водском языке на месте прибалтийско-финской [h] наблюдается наличие [∅]: фин. *hiili* и водск. *ili* ‘уголь’ (SKES, 73), фин. *herne* и водск. *erne* ‘горох’ (SKES, 70), но это представляется явлением, не оказавшим влияние на форму русских диалектных слов.

5. Фонема [f] до недавнего времени отсутствовала как в русских говорах, так и в прибалтийско-финских языках, например, в финском языке в заимствованиях из шведского она передавалась либо через [p], либо [v]: швед. *faara* — фин. *vaara* ‘опасность’ (Хакулинен, 1, 46), др.-швед. *fasta* — фин. *paasto* ‘пост’ (SKES, 451); а в конце слога даже во многих позднейших заимствованиях — через [h]: швед. *offer* — фин. *uhri* ‘жертва’, швед. *loft* — фин. *luhti* ‘чердак’, русск. *кафтан* — фин. *kauhtana* (см. Хакулинен, 1, 54). В ряде случаев фонема [f] фиксируется даже на месте этимологической [p],

ср. кар. твер. *furku* ‘метель, вьюга’ (KKS, 1, 144), при кар. *purku*, фин. *pyry*; ливв. *furišta* ‘жужжать’ (СКЯМ, 52), при фин. *purista* ‘журчать — о воде, бормотать’ (SKES, 651). В других прибалтийско-финских языках ситуация в отношении фонемы [f] довольно схожая. В вепсском языке, большей частью в русских заимствованиях, она фиксируется на месте сочетаний [xv] — вепс. *fastun* ‘хвастун’, *fastaida* ‘хвастать’, ливв. *fataija* ‘хватать’ (СКЯМ, 51), [кв] — вепс. *fat'er* ‘квартира’, ливв. *fatieru* ‘то же’ (СКЯМ, 51), *fat't'a* ‘схватить’ (СВЯ, 83–84). Причем иногда в вепсском языке можно обнаружить [f] на месте этимологического [hv]: *raffaz* ← *rahvaz* ‘народ’ (СВЯ, 460), а в одном случае — на месте [h]: *fuzahhada* ‘ухнуть — в полыню, болото’, при *huzahhada* ‘то же’ (СВЯ, 185). Кроме того, в ливвиковском [f] отмечается на месте [св] — *f'okla* ‘свекла’ (СКЯМ, 51). В KKS, который включает в себя данные всех карельских диалектов, немногим более 100 лексем с начальной [f], большей частью представляющих собой русские или шведские заимствования (KKS, 1, 140–144). Причем в ряде случаев выявляется общий карельско-вепсский ряд лексем с начальным [f], большей частью это ономотопозитивные или экспрессивные глаголы: кар. твер. *furn'ie* ‘забросить, швырнуть’ (СКЯП, 41), ливв. *furnie auja* ‘быстро ехать’ (СКЯМ, 52), кар. *furn'ie* ‘быстро съехать с горы’ (SALMS, 30), вепс. *furn'ida* ‘быстро съехать, съездить’ (СВЯ, 84). В саамских диалектах в ряде случаев также можно отметить фонему [f] на месте [h]: саам. норв. *fuorra* ‘шлюха’, саам. швед. *fuora* ‘то же’, при фин. *huora* ‘то же’ (SKES, 89); саам. швед. *fuomatset*, саам. норв. *fuobmašit* ‘помнить’, при фин. *huomata* ‘замечать’ (SKES, 88); саам. норв. *fiŋgal* ‘место для коровы в хлеву; стойло’, при фин. *hinkalo* ‘то же’. Причем в саамских диалектах часто наблюдаются такие соответствия прибалтийско-финскому [h]¹³⁷ в начале слова: саам. инар. — [h], саам. норв., саам. швед. — [f], саам. кильд. — [v]. Хотя в кильдинском диалекте саамского языка отмечается согласный [f] — губно-зубной, щелевой, глухой, довольно слабый в интервокальном положении и внутри слова перед согласным, а в начале слова — только в заимствованных словах (Керт, 1971, 49).

¹³⁷Речь идет не о полном соответствии, а лишь о некоторых современных тенденциях, поскольку в исторической ретроспективе фонема [h] может быть различного происхождения и в отношении прибалтийско-финских и саамских данных имеются следующие пары: фин. [h] — саам. [s], фин. [h] — саам. [h], фин. [h] — саам. [∅].

В йоканьгском диалекте саамского языка также представлена фонема [f] (Терешкин, 2002, 7). Но поскольку фиксация материалов с начальным [ф] на месте прибалтийско-финского [h] не связывается напрямую с саамским ареалом, они отмечаются в говорах Каргополья, в Лешуконском и Красноборском районах Архангельской области, вполне возможно рассматривать эту фонему как развитие на русской почве. Следует отметить, что мена [ф] ↔ [x] фиксировалась в русских говорах Обонежья и смежных районах Шахматовым, Мансиккой, Соболевским; также отмечается нами в некоторых лексемах: **рофкач** / **рохкач** ‘незрелая ягода’ (Медвежьегорский р-н)¹³⁸. Кроме того, мена [x] → [ф] представлена в некоторых топонимах: ранние фиксации ойконима **Хоймогуба** (**Хоймова губа**) сменяются на **Фоймогуба**, при реконструкции **Hoimelahti* (Витов, 1962, 140, 147; Агапитов, 2001, 186).

6. Вариант, когда на месте прибалтийско-финского [h] в русских говорах фиксируется [к], на наш взгляд, не следует трактовать как рефлекс или результат прибалтийско-финского воздействия; в данном случае, исходя из анализа сопоставляемых материалов, можно предложить следующее: прибалтийско-финское [h] → русск. [x] → коми [к] → русск. [к]. В современном коми языке русск. [к] замещается коми [к], однако, для ряда русских заимствований характерна субституция [x] → [к], ср. коми *канжи* ‘хмельная брага’ (КРОЧК, 258), русск. **хандж́а** ‘крепкое пиво’ (Пинеж., Сими́на), ‘водка’ (Тихв., КСРГК), **ханж́а** ‘брага из ячменя’ (Чудов., Онеж., КСРГК), **ханж́уха** ‘самодельное вино, брага’ (Борович., Мошен., НОС, 12, 7), **ганж́а** (в произношении [γ]) ‘отстатки от самогона’ (Дон., СРДГ, 1, 95), укр. *ганджа*, *ганжа*, *ханжа* ‘денатурированный спирт’ (ЕСУМ, 1, 467)¹³⁹; коми *клопайтны* ‘хлопать’, *клопочитны* ‘хлопотать о ком-, чем-л.’ (КРОЧК, 277). Причем в ряде случаев русские данные через коми язык с такой особенностью консонантизма заимствуются в хантыйский язык, ср. русск. **халат** → коми *kalat*, хант. *kàlat* (Toivonen, 1956, 25).

Вряд ли следует видеть в материале коми языка соответствия других финно-угорских языков, хотя в ряде случаев коми [к] соот-

¹³⁸Исторический переход финно-угорского [p] → [f] на венгерской почве не имеет отношения к нашему материалу (Лако, 1964, 70).

¹³⁹Аникин рассматривает сибирские сходные данные как китайские заимствования, не имея, однако, данных по русским говорам европейской части России (Аникин, 1997, 634).

ветствует обско-угорскому [h]: коми *кыр* ‘самец’, манс. *xār* ‘самец’, венг. *here* ‘трутень’ (КЭСКЯ, 153).

7. Вариант с фрикативным г — [ɣ] — характеризуется узкой локализацией и всегда связан с соответствующим смежным вепским ареалом и влиянием адстратного типа. Речь идет о том, что произносительные особенности вепского [h] практически не подвергаются адаптации, а просто переносятся на русскую почву. М. И. Зайцева характеризует звук [h] как щелевой звонкий, ларингальный твердый в составе фонем вепского языка (Зайцева, 1981, 24). В настоящее время под влиянием русского языка (в севернорусской фонетической форме) звонкий фрикативный характер вепской фонемы [h] постепенно утрачивается. Таким образом, вариант с начальным [ɣ] — г фрикативным, зафиксированный в Тихвинском районе, — **у́йрус** — является результатом живого адстратного влияния смежных вепских диалектов.

8. Варианты с [ш] на месте прибалтийско-финского [h] фиксируются в Обонежье. Исходя из отсутствия вариативности [h] ↔ [š] на прибалтийско-финской почве, варианты с [ш] предлагается трактовать как инновации на русской почве.

Прибалтийско-финская [s], карельско-вепская [š]

1. → [c]: **сáлма** ‘пролив’, **сóйма** ‘лодка’, **кáска** ‘подсека’;
2. → [c’]: **сéльга** ‘возвышенность’, **съя́нга** ‘жнивье’;
3. → [ш]: **му́штать** ‘помнить’ (вепс. *muštta*), **шóбайдать** ‘шуршать’ (вепс. *šobeita*), **шй́нгать** ‘чесать шерсть’ (вепс. *šingotada*).

1, 2. В уральских языках и финно-угорском языке-основе три сибиланта [s], [ś] и [š] дали следующие рефлексы в финском языке [s], [ś] → [s], [š] → [h], а в саамском — [s], [š] → [s], [ś] → [č].¹⁴⁰ Фонема *[s] прибалтийско-финского языка-основы по-разному реализуется в языках этой группы. В вепском, людиковском и ливвиковском диалектах карельского языка [s] переходит в [š] после [i]; в собственно карельском диалекта переход [s] → [š] происходит в любой позиции (Posti, 1950, 385). Особенности начального [s] в вепском и ливвиковском диалекте карельского языка рассмотрел

¹⁴⁰См. Wickman, 1996, 123.

Я. Калима (Kalima, 1930, 194–201). Переход [š] → [h] проанализировал Матвеев на топонимических данных (Матвеев, 1970). На материалах апеллятивов прибалтийско-финская [s] репрезентирует сравнительно поздние фонетические особенности языков-доноров и передается русскими [с'] либо [с]. Только в одном заимствовании — др.-русс. **ушкѹй, ушкой** ‘вид лодки’ (XIV век) — отражается вепс. **uškoï*, при фин. *wisko* (XVI век). Этот факт говорит о том, что переход [s] → [š] после [i] в вепском языке произошел уже к XIV веку, тогда как в собственно карельском диалекте [š] — сравнительно позднего происхождения (см. Posti, 1950, 387).

3. Довольно редко поздняя карельская [š] является представленной в лексеме-источнике, которая затем подвергается адаптации в русских говорах. Например: **сэльга** ‘кряж’, при ливв. *sel'gü*, кар. *šelkä, selgä* (SKES, 995), **салага** ‘рыба уклейка’, при ливв. *salat't'i* ‘уклейка’ (СКЯМ, 324), *salakka*, кар. *šalakko* (SKES, 953). Однако в случае довольно поздней языковой ассимиляции в русских говорах фиксируется адаптация этой карельской фонемы: **шалака** ‘рыба’ (Чудовский район), **шэльга** ‘кряж’ (окрестности г. Северодвинска). Довольно часто на русской почве фонема [ш] репрезентирует адаптацию вепских данных.

Прибалтийско-финские [z], [ž]

1. → [з]: **карзина** ‘вход в подполье’ (вепс. *karzin*), **карзать** ‘обрубать сучья’ (ливв. *kuarzie*, вепс. *karst'ä* ‘обрубать сучья’);
2. → [ж] **каржина** ‘вход в подполье’.

1, 2. Довольно часто вариативное бытование [з], [ж] на почве русских говоров отражает результаты различного субстратного влияния: карельского — [ž] или вепского — [z] типа¹⁴¹. Так, для слова **варжа** ‘молодой, невзрачный жеребенок’ следует рассматривать в качестве этимона собственно карельские данные, ср. например, кар. твер. *varža* ‘жеребенок’ (СКЯП, 327), при ливв. *varzu* ‘жеребенок’ (СКЯМ, 418), вепс. *varz* ‘жеребенок’ (SKES, 1658)¹⁴².

¹⁴¹ Вариативность [z] — [ž] наблюдается также и на почве карельских диалектов.

¹⁴² В SKES приводится также ливв. *varša, varža* ‘жеребенок’ (SKES, 1658).

Хотя в ряде случаев вепсской [ž] соответствует карельская [š], однако, не проявляясь на почве русских говоров, ср. **кързать**, вепс. *karst'ä*, кар. сев. *karšie*, кар. тихв. *karžie* ‘обрубить сучья’ (KKS, 2, 76); **кърза** ‘морда животного’, вепс. *kärz*, кар. сев. *käršä*, кар. твер. *kärža*, ливв. *kärzy* ‘морда животного’ (KKS, 2, 562).

Прибалтийско-финская [v]

1. → [в]: **вергой** ‘черт’, **ку́ва** ‘тень’ (кар. *kuva*);
2. → [б]: **ку́ба** ‘тень’;
3. → [∅]: **гаук** ‘ястреб’;
4. → [ў]: **коўд** ‘смутные очертания чего-л.’;
5. → [ф]: **рофќач** ‘смерзшийся ком земли’.

Прибалтийско-финская [v] в языках этой группы имеет различную реализацию, поэтому варианты, фиксируемые в русских говорах могут быть связаны с различными порождающими прибалтийско-финскими типами, а также быть результатом русской диалектной адаптации. Так, например, фонема [b] в вепсском языке и карельских диалектах по-разному представлена в начале и в середине слова: ср. вепс. *hab*, ливв. *huabu* (СКЯМ, 73), при фин. *haara* ‘осина’; вепс. *kořb*, ливв. *korbi* (СКЯМ, 153), при фин. *korpi* ‘глухой лес’, где [p] финское соответствует карельско-вепсскому [b] (Tunkelo, 1946, 70); и вепс. *barb*, ливв. *barbu* (СКЯМ, 24), фин. *varpa* ‘ветвь’ (SKES, 1656), где финскому [v] соответствует карельско-вепсское [b]. Тункело справедливо полагает, что в вепсском языке [v] в начале слова переходит в [b] в том случае, если последующий слог начинается с билабиальных консонантов [p], [b], [β]¹⁴³. Хотя изменение начального [v] в [b] также распространяется и на людиковские диалекты, не всегда его можно рассматривать как общее вепсско-людиковское явление. (Tunkelo, 1946,

¹⁴³Хотя можно также добавить, что переход также возможен (но не обязателен), когда последующий слог начинается со звонкого либо с сонорного консонанта — вепс. *vembel'* — *bembel'* ‘дуга’; в случае интервокальной позиции вепс. [v] обычно из [p] — вепс. *labid* — фин. *lario* ‘лопата’.

491–493). Лыткин в статье «К вопросу о звонких согласных в начале слова в финно-угорских языках» (Лыткин, 1968), опираясь в основном на данные пермских языков, а также древних карельско-вепских заимствований в этих языках, отмечает, что «переход начальных глухих в звонкие был не фронтальным, а спорадическим явлением: некоторые слова пережили этот звуковой процесс, других он не коснулся» (Лыткин, 1968, 20). Используя словарь Б. Коллиндера (Collinder, 1955), он констатирует, что только в шестой части слов произошло озвончение, пять шестых слов сохранили глухость. Причем глухой согласный вепского языка в слове, заимствованном в коми язык, превращался нередко в звонкий: вепс. *pel'* 'дверной, оконный косяк' → коми *bel'* (Лыткин, 1968, 20–21). Поэтому, на наш взгляд, и наличие преобразования [v] → [b] в карельско-вепских диалектах в каждом конкретном случае требует отдельного анализа по поводу его исконности или заимствования.

1. Адаптация [v] → русск. [в] в середине слова достаточно традиционна и характерна для большинства случаев в лексике прибалтийско-финского происхождения. Однако в анлауте такая адаптация доминирует в лексике карельского происхождения.
2. В случае, когда прибалтийско-финскому [v] соответствует русск. [б], чаще всего речь идет об инновации на русской почве.
3. Слово **гау́к** зафиксировано в Устьянском районе. Вряд ли его следует сопоставлять с кар. *haukka*, данная форма связывает говоры бассейна р. Устье с говорами Белозерья, где зафиксировано выпадение [в] в интервокальной позиции. Такая форма могла возникнуть в случае заимствования русскими говорами этого ареала более ранних общеприбалтийско-финского или вепского типа — до перехода [v] в [b].
4. В севернорусских говорах переход перед согласными [в] → [ў] — довольно распространенное явление, и в данном случае **коўд** является вторичным вариантом при доминировании **кова**, **кува**, **куба** 'тень'.
5. Звук [ф] представляет вторичную трансформацию русского [в] на почве говоров.

Прибалтийско-финская [j]

Прибалтийско-финская фонема [j] в языках этой группы реализуется по-разному, что, однако, не находит отражения на почве севернорусских говоров. Например, в вепсских диалектах на современном уровне в начале слова она может быть реализована как [j], [g'], [d'] : *juŕ*, *g'üŕ*, *d'üŕ* 'корень' (СВЯ, 91), при преобладании в людиковском [d']. Но в диалектных апеллятивах на месте прибалтийско-финской [j] репрезентируется русская диалектная [j] с последующим гласным.

1. → [j]: **я́нга** 'болотистое место', **ю́рик** 'корень вырванного бурей дерева' (кар. *juurikka*).

А ф ф р и к а т ы

Карельско-вепсские [č], [c]¹⁴⁴

Аффрикаты [č], [c], представлены во всех карельских диалектах и вепсском языке. Не все они реализуются во всех позициях, например, в тихвинском диалекте [ž] или [d'ž], трактуемый как звонкий вариант [č], встречается только в середине слова (Рягоев, 1977, 27). См также: Palmeos, 1962, 14; Баранцев, 1975, 40. Происхождение этих фонем на карельско-вепсской почве различно, например, вепсской [č], ср. вепс. *čota* 'красивый, милостивый', соответствуют следующие данные: фин. *sota*, кар. *šota*, причем в ливвиковском диалекте, где присутствует вепсский субстрат, отмечаются как [š], так и [č], ср. ливв. *šamani*, *t'šamani* (SKES, 1068), и только [č] — в людиковском диалекте, где доминирует вепсская основа, ср. люд. *t'šota* 'красивый'. И. И. Муллонен на основе анализа топонимов Сегозерья отмечает переход саам. [č] → кар. [j], ср. Juolarvi (Елозеро) ← саам. *čolla*, *čualla* 'загон для оленей, изгородь, перегородивающая мыс' (Муллонен, 2001а, 33).

¹⁴⁴ Анализ взаимоотношения «цоканья» и «чоканья» не входит в задачи работы в силу сложности и объемности проблемы. Обзор работ, посвященных этой проблеме см. Попов. 1997, 34–42.

1. [č] → [ч]: **чúра** 'песок'; **чíмер** 'угар', **чíмбица** 'часть саней', **чапови́ца** 'часть саней';
2. [c] → [ц]: **цiгмар** 'угар, чад' (вепс. *čihmer* 'туман').

1, 2. Адаптация [č] → [ч] на Северо-Западе нередко сопровождается процессом перехода [ч] → [ц], чаще всего уже на русской почве.

С о н о р н ы е

Прибалтийско-финская [l]

1. → [л]: **ла́мба** 'лесное озеро';
2. [л] → [љ] перед твердыми согласными.

1. Адаптация [l] → [л] в анлауте довольно традиционна, однако перед твердыми согласными, как на почве русских говоров, так и вепсских диалектов, наблюдается вокализация [л] → [љ].

Прибалтийско-финская [r]

О.Б.Ткаченко утверждает, что сонорный [r] был нетипичен для мерянского анлаута (Ткаченко, 1989, 84), однако наличие в восточной части Костромской области топонимов с этим начальным согласным, на что указывает А.К.Матвеев (Матвеев, 1997, 39), противоречит этому утверждению. Хотя в апеллятивной лексике фиксируется мена [p] — [л], но вероятно, это можно рассматривать в качестве процесса, происходящего на почве русских говоров.

1. → [p]: **рага** 'деньги' (вепс. *raha*), **рипáк** 'тряпка' (кар. *ripakko*);
2. → [л]: **листега** 'тонкий ледок' (кар. сев. *riitto*), **ольга** 'болото' (вепс. *org*), **липáк** 'тряпка'.

1, 2. Субституция и адаптация прибалтийско-финского [r] русским диалектным [p] довольно регулярна, однако имеются случаи мены [r] → [л]. Причем можно предположить, что мена происходит либо при адаптации, либо позднее уже на русской почве.

Геминаты

Прибалтийско-финская [k:]

1. → [кк]: **каликка** 'брюква', **кукка** 'пирог', **пáккула** 'чага' (кар. *paikkula*);
2. → [тк]: **калитка** 'брюква', **пáткула** 'чага', **лу́зитка** 'ложка' (кар. *luzikka*);
3. → [к]: **тíкач** 'дятел' (вепс. *t'ikk*), **рипáк** 'тряпка' (ливв. *ripakko*).

1, 2. Приведенные случаи адаптации геминаты [k:] относятся, в основном, к единицам, вошедшим в русские говоры из карельских диалектов. Причем, вероятно, их следует трактовать как явления, имеющие соответствия на прибалтийско-финской почве, ср., например, сочетание [tk], переходящее в карельских диалектах в геминату [kk]: *tuakkoa* — фин. *matkaa*; *harjakkoa* — фин. *harjatkoa*; *hävekkoo* — фин. *hävetkää* (Kettunen, 1960, 9); на вепсской почве Тункело, объясняя некоторые формы, также видит в исторической ретроспективе переход [tk] → [kk] → [k] (Tunkelo, 1946, 83). Лексемы **ка́литка**, **лузитка** фиксируются в новгородских говорах как результат влияния валдайских карел; лексема **паткула** отмечается в говорах Беломорья.

3. Довольно часто гемината [k:] на русской почве передается фонемой [к], причем нередко [кк] в русских говорах могут соседствовать с [к]: **паккула**, **пакула** 'гриб чага'.

Прибалтийско-финская [p:]

1. → [пп]: **копала** 'глухарка' (кар. *koppala*, *koppelo* 'глухарка' (KKS, 2, 317, 318);
2. → [п]: **копала** 'глухарка'.

1, 2. Адаптация геминаты [p:] аналогична случаям, представленным с геминатой [к:].

§ 2. Рефлексы прибалтийско-финского вокализма и их фонетическое освоение русскими говорами Северо-Запада

Прибалтийско-финская [ü]

1. → [ʏ]: с^юзьма 'отдаленный лес'
2. → [y]: с^узьма 'отдаленный лес'
3. → [i]: кинжа 'клин в топоре' (кар. *künži*, вепс. *k'üñž*), сизьма 'отдаленный лес' (кар. *süsmä*).

1–3. В предшествующих исследованиях также показывалась возможность субституции прибалтийско-финского [ü] тремя вариантами: [ʏ], [y], и [i]. В отношении апеллятивов такого рода работа проделана Калимой (Калима, 1915, 54). На данных топонимии фиксируется такая же закономерность (Матвеев, 1972, 5; Мулло-нен, 2002, 57–59). Совершенно справедливо Муллонен замечает, что «соответствующие способы передачи могли быть спровоцированы вепсской фонетикой, в которой обнаруживается четкая тенденция к сужению [ü] в [i]... и йотирование начального [ü]» (Мулло-нен, 2002, 58). См. также Tunkelo, 1946, 566–573. Наши данные ПЛГО подтверждают факт того, что в некоторых вепсских субдиалектах фиксируется [i] на месте [ü], ср. диалог из полевой записи в Подпорожском районе 1994 г.:

K'en že laps'id' s'öt'i? Keik kol'iba ka. (Кто же детей кормил? Все умерли дак?). *Ka iče, jo radoiba, n'äg'id', S'en'kas ol'i jo pr'ih'ein'e, da gor'ank'e sötlih'ezoiš vuū. Kolchozas g'i ol'iba deī.* (Да сами, уже работали, видишь, у Сеньки был уже мальчик, да с горем кормились еще. И в колхозе были). *Kuv'ertz' s'ineī last ol'i?* (Сколько у тебя детей было). *M'ineī kaks', kaks' t'ütart ol'.* (У меня двое, две дочки было). *Vunukad oma?* (Внуки есть?). *Vunukoīd'?* (Внуков?). *Ka.* (Да). *Kuz' vunukad da kaks'tošt'k'ime praīnukad.* (Шесть внуков и двенадцать правнуков). *Bohat r'ist'id s'ina.* (Богатый ты человек). *Ka, kaks'tošt'k'ime praīnukad. Dei' üks' t'ütarkol'.* (Да, двенадцать правнуков. Да и одна дочь умерла). *A m'išpei?* (А отчего?). *A ên t'eda, jo vot äjak s'in'i,*

kah'esatošt'k'ime om jo kuĩnu, vos'm'enaccat' godof už.
 (А не знаю, уже лет сколько, восемнадцать лет как умерла).

В выделенных словах отмечаются фонемы [ü] и [i], причем в числительных на месте этимологического [ü] фиксируется [i], вероятно, этот процесс имеет не фонологический, а фонетический характер, хотя еще в ряде слов на месте [ü] нами было замечено употребление аллофона промежуточного между этими фонемами.

Вариант адаптации [ü] → [y] можно сопоставлять с фактом чередования [ü] — [u] в некоторых вепсских диалектах, хотя, вероятно, это позднее явление, вызванное русским влиянием.

В отношении рассматриваемой фонемы следует отметить, что доминирующим и совершенно очевидным является процесс замещения [ü] → [ʹy], в орфографии — **ю: рю́жа** 'рыболовная снасть' (кар. *rüža*).

Прибалтийско-финская [a]

1. → [a]: **лахта** 'залив' (кар. *lahta*), **макса** 'печень рыбы' (вепс. *maks*)
2. → [o]: **лохта** ('залив'), **мокса** 'печень рыбы'
3. → [и]: **чильма** 'залив', **гйгра** 'овес' (Твер., Опыт), при кар. твер. *kagra* 'овес' (СКЯП, 81).

1, 2. Прибалтийско-финская [a] традиционно представлена соответствующим типом и в русских говорах, однако в ряде случаев реализуется на русской почве как [o], хотя подобный тип вокализма отсутствует на прибалтийско-финской почве. Вероятно, в таких случаях имеют место особенности фонетической адаптации на исконной почве.

3. Имеются сходные переходы гласных и дифтонгов на саамской почве, ср. саам. терск., затрагивающие первый слог: *[ɛ] → [éa] → [ie], *[e] → [ie] → [i], *[o] → [oa] → [iə], *[ɛ] → [ea] → [i], *[o] → [iə] → [i] (Itkonen, 1973, 81). Лексема **чильма**, имея единственную фиксацию, серьезно обсуждалась в литературе с различными выводами о ее происхождении. Слово **чильма** 'моховое болото,

топкий торфяник', отмеченное в Шенкурском уезде Подвысоцким (Подвысоцкий, 189), представлено также и в словаре Даля, являясь, на наш взгляд, первоисточником и для Подвысоцкого: ср. **чильма** 'топкое моховое болото' (Даль, 4, 622). А Даль, вероятно, включил его из материалов Опыта: **чильма** 'чистое моховое болото, топкое торфяное пространство, без всяких лесных насаждений' (Шенк. Арх.). Калима, рассматривая его в связи с **чолма** 'залив', говорит все-таки о фонетической неясности данной единицы (Калима, 1912, 93). Фасмер, ссылаясь на Калиму, приводит в качестве сопоставимого материала гидроним **Цыльма** (Фасмер, 4, 362). Трудно сказать, относится ли к этому гидрониму атрибутив Цилинский: **Цилинский ез** — рыболовный закол на реке Шексне, известный с XVI века (Виноградов, 1925, 28–29; Кузнецов, 1999, 73). Подтверждают данные XIX века материалы ЛК ТЭ, фиксирующие лексему **чильма** в Шенкурском (Антипинская, Верхняя Медлеша) и Верхнетоемском (Первая Гридинская, Захарьинская) районах Архангельской области в значении 'топь, трясины, окно на болоте' (Овечкина, 1988, 98–99). Сопоставимый на прибалтийско-финской почве материал — начальное [sa-] — имеет в саамских диалектах, в том числе, следующие соответствия: фин. *sammakko* — саам. швед. *tsuobbo*, саам. терск. *tsiembai* 'лягушка' (SKES, 961); фин. *sarvi* — саам. терск. *t'serrve* 'рог' (SKES, 997); фин. *sala* 'тайна' — саам. терск. *s̄ila* 'вор' (SKES, 953); фин. *salmi* 'залив' — саам. терск. *tšielme* (SKES, 956). Исходя из приводимых данных, где прибалтийско-финскому [a] соответствует саам. [ie], вряд ли следует лексему **чильма** возводить к другому семантическому типу, как это делает А. К. Матвеев, рассматривая как источник прибалтийско-финское *silmä* 'глаз', при саам. *čalbme*, *čalme*, а трудности в фонетике объясняя существованием особого финно-угорского языка с саамским консонантизмом, но финским вокализмом (Матвеев, 1978, 54–61). В русле этой гипотезы следует Афанасьев (Афанасьев, 1996, 153–154).

В дальнейшем, оставаясь примерно на тех же позициях, он не рассматривает слово **чильма** в качестве реликта прибалтийско-финско-саамского праязыка, а как единицу «языка, промежуточного между прибалтийско-финскими и саамским» (Матвеев, 1995, 36). Сogлашаются с этой позицией Мамонтова, Муллонен (ПФГЛК, 85, 88), Шилов (Шилов, 1999а, 72), Мурзаев (Мурзаев, 1984, 615).

Кроме того, такое же соответствие [a] — [и] дает лексема **ги-гра**, трудно сказать, ввиду единичности ее фиксации, не является ли она результатом неправильно прочитанной рукописной [a]; см. также ниже **кибры**.

Прибалтийско-финская [ä]

1. → [ʼa]: **рянда** 'дождь со снегом' (вепс. *ränd*), **сяньга** 'жнивье', **мянда** 'сосна';
2. → [a]: **харма** 'иней' (кар. *härmä*);
3. → [ʼe]: **кёрба** 'свора собак', **сёнга** 'жнивье', **менд́ач** 'сосняк'.

1, 2. Адаптация прибалтийско-финской [ä] традиционно происходит по первому принципу; после [h] возможны случаи изменения ряда и подъема последующей гласной.

3. Этот переход осуществляется уже на русской почве.

Прибалтийско-финская [o]

1. → [o]: **кобры** 'руки' (вепс. *kobrad*)
2. → [a]: **кабры** 'руки'
3. → [и]: **виньга** 'удочка' (вепс. *ong*), **кибры** 'кисти рук' (Петрозав., Куликовский).

1, 2. Весьма серьезные затруднения вызывает трактовка варианта **ка́бры**, вокализм которого — [a] — на месте прибалтийско-финского [o] не столь типичен, сравнение с коми *кабыр* 'кулак' допустимо только на финно-угорской почве вне связи с русскими диалектными данными. Исходя из того, что в диахронии возможно чередование [a] — [o] на прибалтийско-финской почве, возможно трактовать вариант **ка́бры** как единицу прибалтийско-финского субстратного типа.

3. Вероятно, изменение вокализма связано с влиянием саамского типа, ср. фин. *kopsu*, саам. терск. *kīps* 'рыбы молока' (KOLTKS,

180); фин. *sotра* ‘кольцо лыжной палки’, саам. терск. *siembre* ‘лыжная палка’ (SKES, 1070).

При заимствовании русских данных с [o] в ряде случаев в прибалтийско-финских языках на месте [o] фиксируется [i]: русск. окно → фин. *ikkuna*, ливв. *ikkun*, кар. *ikkuna* (Kalima, 1952, 82).

Прибалтийско-финская [ö]

1. → [’o]: **рѣча** ‘мокрый снег’ (кар. *röča*).

1. Примеров слов, где присутствовала бы такого рода адаптация, совсем не много.

§ 3. Соответствие гласных конца слова

Проблема освоения иноязычного материала и его включения в русскую морфологическую структуру также связана, прежде всего, с поисками этимона. Так, например, вряд ли стоит рассматривать как передачу прибалтийско-финского [i] через русск. [a] конечный согласный таких лексем, как **корба** ‘дремучий лес’ ← кар. *korbi*, при вепс. *kor’b* ; **лахта** ‘залив’ ← фин. *lahti*, при люд., вепс. *laht*-с версией авторов SKES, которые предполагают людиковско-вепсскую этимологию (SKES, 269). А в этом случае мы имеем соответствие [a] ← [ø]. И слово **лох** ‘лосось’ не будет исключением, при котором традиционное освоение [i] → [a], заменяется [i] → [ø], поскольку, если предположить, что данная единица вошла в русский язык еще в древнерусский период, то фин. *lohi* → др.-русс. **лохъ** → русск. совр. **лох** (см. иначе Матвеев, 2001, 154).

На базе многочисленных параметров происходит построение адаптационной фонетической модели, по которой можно судить о специфике преобразования прибалтийско-финской (одной или многих) фонетической системы на русской почве в диахронии. Поскольку данные субстрата не следует рассматривать только на синхронном срезе, не являются для нас предметом изучения факты фонетики, анализируемые как результаты языковой интерференции.

Рассмотренные выше результаты фонетической субституции, адаптации и освоения русскими говорами Северо-Запада лексики

прибалтийско-финского происхождения представляют лишь фрагмент довольно сложной картины взаимодействия в фонетической сфере. Не по всем примерам, репрезентирующим эти процессы, можно привести соответствующие материалы. Однако построение адаптационных моделей, при удовлетворительной этимологической базе, в дальнейшем может служить верификационным элементом при поисках этимона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Оптимизация этимологических исследований. Этимологический анализ неисконной лексики, основанный на ареальной верификации версии происхождения слова и лингвогеографическом обследовании региона, на наш взгляд, является наиболее продуктивным методом этимологических штудий. Однако не стоит преувеличивать эту сторону этимологических исследований, хотя, конечно, имея сведения о доминировании того или иного субстратного типа в обследуемом регионе, гораздо легче делать выводы о сущности анализируемой единицы. Зная ареал рассматриваемого слова или варианта, его семантический объём, спроецированный на ту или иную территорию бытования, можно проводить более точные этимологические построения, направленные на выявление источника исследуемой единицы.

2. Иноязычная (субстратная) лексика может служить средством, дифференцирующим тот или иной говор.

3. Наиболее объемную картину лексической системы русских говоров в исторической ретроспективе предоставляют данные лингвогеографического обследования с ориентацией на неисконные материалы.

4. В русских говорах Северо-Запада прибалтийско-финские пласты лексики составляют основной массив слов неисконного происхождения, которые образуют ареалы различных типов: на западе региона в псковских и в примыкающих к ним говорах Новгородской области доминируют данные эстонско-водского типа; наиболее сложная субстратная картина в Обонежье, где преобладает карельско-вепское языковое влияние, однако довольно часто отмечается воздействие, которое можно трактовать как прибалтийско-финское смешанного характера; в новгородских говорах выделяются древние лексические элементы субстратной прибалтийско-финской природы, наблюдается спецификация общерегиональных данных в сфере семантики, выделяется автохтонная лексика, не фиксируемая в других ареалах; в Белозерье представлен ареал автохтонной лексики, локализованной в говорах вокруг Белого озера, вепско-саамского характера, а также беломорско-обонежские данные общерегионального характера для западной части Северо-Запада; в говорах Беломорья субстратные материалы образуют разнообразные единые ареалы со смежными говорами, а также в

контексте макроструктуры севернорусских говоров, хотя выявляется и пласт эндемической лексики Беломорья, характеризующий его специфику; в говорах Каргополья фиксируется лексика прибалтийско-финского происхождения, свидетельствующая о значительной интенсивности субстрата, а также эндемические единицы, определяющие специфику субстрата каргопольских говоров в виде региональных фонетических вариантов слов, характерна также фиксация единиц с вепсской основой при более значимом массиве лексем поздней карельской основы.

5. Материалы финно-угорского происхождения не прибалтийско-финской природы в русских говорах Северо-Запада менее значимы, за исключением данных, являющихся результатом воздействия коми языка, которые доминируют в восточной части региона.

6. Данные балтийской природы представляют собой в русских говорах материалы прямого воздействия (лексика, вошедшая в говоры из прибалтийско-финских языков, но являющаяся там балтийским субстратом, не рассматривается нами как результат балтийского влияния). Нередко балтийские и прибалтийско-финские лексические ареалы являются смежными территориально, но явно дистантными хронологически; распространение в русских говорах лексики из прибалтийско-финских языков с конечным балтийским источником не связано напрямую с балтийскими языками, поскольку контакты первых являются значительно более ранними. Ареалы слов балтийского происхождения имеют дистрибуцию, сориентированную с запада на восток (псковские, новгородские, вологодские говоры) и с юга на север (московские, тверские, ярославские говоры);

7. Тюркские данные, фиксируемые на территории всего русского языкового континуума, представляют устойчивые ареалы в костромских говорах, хотя в ряде случаев следует разводить единицы финно-угорской и тюркской природы.

8. В работе разграничиваются термины фонетическая субституция и адаптация. Первая имеет место только при анализе ранних контактов и заимствований, когда прибалтийско-финская лексика входила в русский язык и осваивалась его носителями. На более позднем этапе взаимодействия уместней говорить об адаптации исконной (прибалтийско-финской) фонетической системы к системе звуков заимствованного (русского) языка.

9. Выделение различных прибалтийско-финских субстратных типов основывается не только на фонетических характеристиках, но и еще на некоторые особенностях, свойственных субстратной апеллятивной единице как диалектному слову: а) субстратная единица имеет статичный и стабильный ареал, поэтому этот критерий является одним из основных для определения типа субстрата; б) часто ареальная стратификация субстратного слова, уже сама по себе являющаяся характеристикой вида субстрата, может определять и его тип; в) весь северо-западный регион не может дать материалы для дифференциации прибалтийско-финских субстратных типов — чем дальше от ядерной территории контактов прибалтийских финнов и славян (русских) на восток, тем меньше возможностей выделения дробных прибалтийско-финских типов; г) для сохранности субстрата имеет большое значение не только время его образования, но и то, какой массив русских говоров послужил суперстратом при его образовании — лучшие условия сохранности субстрата в маргинальных диалектных ареалах; д) при отсутствии фонетической дифференциации типы субстрата выделить крайне затруднительно, однако вполне вероятно, имея ареальную характеристику субстратной единицы, связать ее с определенным этноязыковым воздействием. Определение типов субстрата может базироваться только на комплексном сопоставительном анализе русских и прибалтийско-финских данных, включающем в себя следующие параметры: анализ формы слова; сопоставление семантики; сопоставление ареальной дистрибуции; выявление или верификация этимона. На территории Северо-Запада по русским диалектным данным выделяются следующие типы субстрата: финно-угорский (общий тип не выделяется), включающий в себя общеприбалтийско-финский, карельский (с возможностью для локализации), ливвиковский, людиковский, вепсский, водско-эстонский, коми, саамский (с возможностью более дробного членения) типы, а также балтийский и скандинавский.

10. В работе констатируется, что лексический субстрат не однороден и является комплексом с разными характеристиками в диахронии. Нами выделяются следующие виды субстрата: а) действительный или полный субстрат; проявляющийся в различных частях территории Северо-Запада, он может соотноситься с тем или иным языковым типом, но никогда не возводится напрямую к определенным лексическим данным; б) неполный субстрат пред-

ставляет собой более позднее явление, его ареал не находится в зоне живых межъязыковых взаимодействий, но представляет таковую в прошлом — это доминирующий тип в русских говорах Северо-Запада; в) адстратный субстрат фиксируется в контактных зонах и представляет собой результат недавней ассимиляции, он также обладает высокой интенсивностью и узкой локализацией.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев, 1956 — Абаев В. И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания. М., 1956. № 9. С. 56–69.
- Абаев — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958–1989. Т. 1–4.
- Аванесов, 1949а — Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. 335 с.
- Аванесов, 1949 — Аванесов Р. И. Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 242–260.
- Аванесов, 1962 — Вопросы лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
- Аванесов, 1974 — Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. 287 с.
- Агапитов, 1994 — Агапитов В. А. Прибалтийско-финская земледельческая колония в южном Заонежье (Опыт топонимической реконструкции) // Кижский вестник. Заонежье; Петрозаводск, 1994. № 4. С. 24–30.
- Агапитов, 2000 — Агапитов В. А. Путешествие в древние Кижы. Петрозаводск, 2000. 70 с.
- Агапитов, 2001 — Агапитов В. А. О происхождении названий заонежских деревень Вороний Остров, Фоймогуба, Мягрозеро. Сайшелда и Мунозеро // Кижский вестник. № 6. С. 184–188.
- Агапитов, Логинов, 1993 — Агапитов В. А., Логинов К. К. Из исторического прошлого Заонежья // Кижский вестник. № 2. Заонежье; Петрозаводск, 1993. С. 110–123.
- Агеева, 1974 — Агеева Р. А. Субстратная топонимия западной части Калининской области // Вопросы географии. Сб. 94. М., 1974.
- Агеева, 1985 — Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер. М., 1985.
- Агеева, 1989 — Агеева Р. А. Гидронимия Русского Севера как источник культурно-исторической информации. М., 1989. 254 с.

- Агеева, 1990 — Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. 255 с.
- Азарх, 1973 — Азарх Ю. С. О глаголах типа *улайдать* — *уландать* в севернорусских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 203–209.
- Алекина, 1975 — Алекина Л. Н. Из материалов для регионального атласа русских говоров Карелии // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 59–65.
- Амбразас, 1985 — Амбразас В. Некоторые следы балто-финских контактов в синтаксисе балтийских языков // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985.
- Андреев, 1986 — Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский праязык. Л., 1986.
- Андреева, 1984 — Андреева Е. П. Взаимодействие славянской и финно-угорской лексики в системе рыболовецкой терминологии Белозерья (На материале местных письменных памятников XVI–XVII вв. и современных говоров) // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 84–94.
- Андреева, 1991 — Андреева Е. П. Из истории названий рыболовецких орудий (на материале белозерских говоров) // История русского слова: проблемы номинации и семантики. Вологда, 1991. С. 112–119.
- Андреева, 1973 — Андреева Ф. Т. Тюркские заимствования в русском говоре Таштыпского района Хакасии // Уч. Зап. Хакасск. НИИ языка, литературы, истории. Сер. филолог. наук. 1973. № 2, вып. 18. С. 43–51.
- Андреева-Васина, 1985 — Андреева-Васина Н. И. К вопросу о начальном ко- в диалектных глаголах // Диалектная лексика. 1982. Л., 1985. С. 165–173.
- Аникин, 1990 — Аникин А. Е. Несколько коми-русских лексических сопоставлений // *Linguistica uralica*. Tallinn, 1990. С. 89–92.
- Аникин, 1995 — Аникин А. Е. К изучению балто-славянских лексических связей // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. С. 54–90.

- Аникин, 1997 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. 774 с.
- Аникин, 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000. 768 с.
- Аникин, 2003 — Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири / 2-е изд. Новосибирск, 2003. 788 с.
- Аникин, 2003а — Аникин А. Е. Из работы над Этимологическим словарем русских заимствований в языках Сибири // *Studia etymologica Brunensia* 2. Brno, 2003. С. 101–108.
- Анненков — Анненков Н. Ботанический словарь. СПб., 1878.
- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–2001. Вып. 1–11.
- Ардентов, 1955 — Ардентов Б. П. К изучению заонежского диалекта // Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та. 1955. Т. 15. С. 73–90.
- Аристэ, 1956 — Аристэ П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 5–27.
- Аристе, 1975 — Аристе П. Вопрос балтийских заимствований // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 6. С. 14–18.
- Архангельская Карелия — Архангельская Карелия. Архангельск, 1908.
- Асланов, 1967 — Асланов Г. Н. Заимствования из азербайджанского языка в русском островном говоре. АКД. Баку, 1967.
- АСЗЛ — Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003. 360 с.
- АРНГЦВ — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957. 1101 с. + 271 карта.
- Афанасьев — Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1873. Т. 1–4.

- Афанасьев, 1996 — Афанасьев А. П. Топонимия Республики Коми. Сыктывкар, 1996. 205 с.
- Ахметзянов, 2000 — Ахметзянов Ю. А. Татарские народные блюда. Казань, 2000. 408 с.
- Аюпова, 1975 — Тюркские лексические заимствования в русских говорах Башкирии (опыт социолингвистического обследования). АКД. М., 1975.
- Балашов, 2003 — Балашов Е. А. Метаморфозы топонимии Карельского перешейка. Краткое исследование по этимологии географических названий. СПб., 2003. 121 с.
- Баранникова, 2000 — Баранникова Л. И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 2000. 103 с.
- Баранцев, 1967 — Баранцев А. П. Фонематика людиковского диалекта карельского языка // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С. 3–19.
- Баранцев, 1971 — Баранцев А. П. Случаи мены языка в речи карел-людиков // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с иносистемными языками. Л., 1971. С. 38–41.
- Баранцев, 1975 — Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи: Дескриптивное описание. Л., 1975. 280 с.
- Барсов, 1872 — Барсов И. В. Причитания Северного края. М., 1872.
- Барсов — Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым / Издание подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб., 1997.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- БАС 2 — Словарь современного русского литературного языка / 2-е изд., перераб. и доп. М., 1991–1994. Тт. 1–6.
- Баскаков, 1960 — Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960. 247 с.
- Баскаков, 1981 — Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.

- Баталова, 1975 — Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.
- Белецкий, 1996 — Белецкий С. В. Начало Пскова. СПб., 1996.
- Беляков, 1958 — Беляков А. А. Языковые явления, определяющие границы диалектов и говоров карельского языка в Карельской АССР // Тр. Карельского филиала АН СССР. Сер. Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958. Вып. 12. С. 49–62.
- Белякова, 1973 — Белякова О. П. Словарь Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973. 706 с.
- Беднарчук, 1997 — Беднарчук Л. Конвергенции балто-славянских и финно-угорских языков в структурном и ареальном аспекте // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997. С. 91–108.
- Березович, 2000 — Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. 528 с.
- Березович, 2003 — Березович Е. Л. Диалектный словарь М. С. Устиновой (лексика диалекта глазами диалектоносителя) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2003. Вып. 2. С. 267–277.
- Бернштам, 1973 — Бернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX–XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973.
- Бернштам, 1978 — Бернштам Т. А. Поморы. Л., 1978. 175 с.
- Бернштам, 1983 — Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX века. Этнографические очерки. Л., 1983. 232 с.
- Бирнбаум, 1990 — Birnbaum H. Еще раз о завоевании северо-восточной Европы славянами и о вопросе финно-угорского субстрата в русском языке // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. М., 1990. Ч. 1. С. 4–11.
- Богданов, 1964 — Богданов В. Н. Алтайские элементы в лексике русского говора. (По материалу говора сел Талицкого сельсовета Усть-Канского района Горно-Алтайск. Автономного

- округа) // Зап. Горно-Алтайск. НИИ истории, языка и литературы. 1964. Вып. 6. С. 113–124.
- Богданов, 1952 — Богданов Н. И. История развития лексики вепского языка. АКД. Л., 1952. 22 с.
- Богданов, 1958 — Богданов Н. И. Народность вепсы и их язык // Тр. Карельского филиала АН СССР. Сер. Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958. Вып. 12. С. 63–75.
- Богораз, 1901 — Богораз В. Г. Областной словарь колымского наречия // Сб. ОРЯС. 1901. Т. 68, № 4. (Словарь: С. 19–163).
- Богородский, 1962 — Богородский Б. Л. О термине *сопéц, сапéц* — руль // Псковские говоры. Труды первой псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1962. С. 79–192.
- Богородский, 1968 — Богородский Б. Л. О полузабытом судовом термине 'комяга' // Брянские говоры. Уч. зап. ЛГПИ. Л., 1968. Т. 325. С. 89–103.
- Богородский, 1983 — Богородский Б. Л. Лексика водников Северной Двины в русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джеймса (1618–1619) // Русская историческая лексикология и лексикография. Ленинград, 1983. С. 40–47.
- Богословская, 1985 — Богословская О. И. Язык фольклора и диалект. Пермь, 1985.
- Богословская — Богословская О. И. Диалектные элементы в языке сказителей Рябинининых // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. Т. 16, вып. 1. С. 55–65.
- Борисов, 1847 — Борисов Н. Нечто о рыбных промыслах крестьян Шенкурского уезда // Арх. губ. вед., 1847. № 20. Ч. неоф. С. 302–307.
- Борисов, 1923 — Борисов П. Г. Рыболовство в нижнем течении реки Печоры // Институт рыбного Хозяйства. М., 1923. Кн. 4.
- Борисов, 1926 — Борисов П. Г. Названия и выражения, принятые в рыбном промысле // Уч. зап. Переяслав. политех. ин-та, 1926. Т. 9. С. 120–132.
- Бородин, 1966 — Бородин М. А. Проблемы лингвистической географии. М.; Л., 1966. 219 с.

- Бородина, 1984 — Бородина М. А. Комплексность лингвистической ареалогии (в свете комплексности современной науки) // Лингвистические исследования 1984. Историко-типологическое изучение разносистемных языков. М., 1984. С. 49–56.
- Браславец, 1977 — Словарь русского камчатского наречия / Сост. К. М. Браславец, Л. В. Шатунова. Хабаровск, 1977. 194 с.
- Брейдак, 1990 — Брейдак А. Б. Древнейшие балто-финно-угорские языковые связи и их значение для истории балтийского вокализма // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. М., 1990. Ч. 1. С. 122–126.
- Брок, 1910 — Брок О. Очерк физиологии славянской речи // Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1910. Вып. 5.2.
- Бромлей, Булатова, 1972 — Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерк морфологии русских говоров. М., 1972.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
- Бубрих, 1947 — Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. 50 с.
- Бубрих, 1948 — Бубрих Д. В. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948. 231 с.
- Бубрих, 1948а — Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск, 1948. 112 с.
- Буланин, 1970 — Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М., 1970. 206 с.
- Булатова, 1975 — Булатова Л. Н. Перфектные формы в одном русском говоре Карельской АССР (к вопросу о грамматических значениях причастий в функции сказуемого в русских говорах) // Русские говоры. М., 1975. С. 189–201.
- Бурнашев — Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1843–1844. Тт. 1–2.
- Бутков, 1842 — Бутков П. О. О финских словах в русском языке и о словах русских и финских, имеющих одинаковое знаме-

- нование // Тр. Императорской Российской Академии. СПб., 1842. Т. 5. С. 115–177.
- Бьернфлатен, 1997 — Бьернфлатен Я. И. Опыт лингвогеографии Псковской области // Псковские говоры. История и диалектология русского языка. Осло, 1997. С. 8–30.
- БЭС — Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.; СПб., 1998.
- Ваба, 1990 — Ваба Л. Сепаратные балтизмы в прибалтийско-финских языках // *Uralo-Indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. М., 1990. Ч. 1. С. 141–142.
- Ваба, 1994 — Ваба Л. Некоторые аспекты изучения балтизмов в прибалтийско-финских языках // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. Памяти Д. В. Бубриха. СПб., 1994. С. 36–43.
- Ванагас, 1971 — Ванагас А. П. К вопросу о финно-угорском субстрате в литовской гидронимии // Питання гидронимики. Киев, 1971.
- Ванрайх, 1979 — Ванрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлуктенко. Киев, 1979.
- Варбот, 1984 — Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.
- Васильев, 2001 — Васильев В. Л. Новгородская географическая терминология. Ареально-семасиологические очерки. Великий Новгород, 2001. 255 с.
- Васильев, 2001a — Васильев В. Л. История изучения диалектной лексики на территории Новгородской области // Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах. Великий Новгород, 2001. С. 19–28.
- Васильев, 2001b — Васильев В. Л. Метонимическое калькирование архаических гидронимов в Приильменьи // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Материалы Международной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли». Великий Новгород, 2001. С. 6–13.

- Васильев, 1979 — Васильев Ю. С. Аграрные отношения в Поморье в XVI–XVII вв. Сыктывкар, 1979.
- Васнецов, 1907 — Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. 357 с.
- Вахрос, 1959 — Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до петровской эпохи. Хельсинки, 1959. 271 с.
- Вахрос, 1964 — Вахрос И. С. Несколько названий обуви, встречающихся в северновеликорусских говорах // *Studia Orientalia edidit societas orientalis fennica*. Helsinki, 1964. Vol. 28. S. 3–12.
- Вейсманн, 1731 — Вейсманн. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.
- Вендина, 1996 — Вендина Т. И. Инструкция к составлению карт лексического атласа русских народных говоров // *Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования*, 1994. СПб., 1996. С. 19–25.
- Вендина, 1998 — Вендина Т. И. Лексико-семантические различия и их реперезентация на карте (СМ 187 'Бирюк') // *Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования*, 1996. СПб., 1998. С. 14–21.
- Вендина, 2000 — Вендина Т. И. Инструкция к составлению комментария к картам ЛАРНГ // *Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования*, 1997. СПб., 2000. С. 9–10.
- Вереха, 1898 — Вереха П. Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб., 1898.
- Веске, 1890 — Веске М. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // *Изв. общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете*. Казань, 1890. Т. 8, вып. 1. 303 с.
- Виноградов, 1925 — Виноградов Г. К. История череповецкого края // *Труды Череповецкого Об-ва изучения местного края*. Белозерск, 1925. 52 с.
- Витов, 1962 — Витов М. В. Исторические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962. 289 с.

- Витов, 1997 — Витов М. В. Этнография Русского Севера. М., 1997. 194 с.
- Витов, Власова, 1974 — Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVII веках. М., 1974. 191 с.
- Войтенко, 1991 — Войтенко А. Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991.
- Войтенко, 2000 — Войтенко А. Ф. Московская диалектная лексика в ареальном аспекте. М., 2000. 318 с.
- Волков, 1893 — Волков Н. Особенности олонецких былин // Живая старина, 1893. Т. 1. С. 129–133.
- Воронина, 1992 — Воронина Т. А. Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 78–101.
- Воронова, 1968 — Воронова Л. А. О прибалтийско-финских заимствованиях в промысловой лексике беломорских рыбаков // Уч. зап. Карел. пед. ин-та. Сер. ВЯ. 1968. Т. 22. С. 142–156.
- ВОС — Канунова Р. С. Владимирский областной словарь. Названия грибов в говорах Владимирской области. Владимир: ВГПУ, 1999. Вып. 1. 61 с.
- Востриков, 1978 — Востриков О. В. Несколько субстратных включений в русских говорах Костромской области (*сорьез, тохта, шохра*) // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978. Вып. 1. С. 45–53.
- Востриков, 1980 — Востриков О. В. Субстратная географическая терминология в русских говорах и топонимии Волго-Двинского междуречья // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. С. 71–79. (Собственные имена в системе языка. Вып. 14).
- Востриков, 1981 — Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 3–45.
- Востриков, 1990 — Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990. 96 с.

- Востриков, 1991 — Востриков О. В. Диалектный идеографический словарь и этимологический анализ // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1991. С. 4–11.
- Второе Доп. — Покровский Ф. И., Яценко Е. Н. Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». 1905–1921. (Рукопись СРНГ).
- Вяяри, 1967 — Вяяри Э. Ассимиляция ливского языка в Ливляндии и Курляндии // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 76–79.
- Галинова, 1998 — Галинова Н. В. Из северных диалектных этимологий // Ономастика и диалектная лексика II. Екатеринбург, 1998. С. 61–75.
- Галинова, 2001 — Галинова Н. В. К изучению явления контаминации в лексике говоров Русского Севера // Этимологические исследования. Екатеринбург, 2001. Вып. 7. С. 25–48.
- Георгиевский, 1902 — Георгиевский А. Народная демонология // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1902. Вып. 4. С. 53–61.
- Георгиевский, 1908 — Георгиевский М. Д. Русско-карельский словарь. СПб., 1908.
- Герасимов, 1910 — Герасимов М. К. Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. ОРЯС. 1910. Т. 87, № 3. С. 1–111.
- Герберштейн, 1866 — Герберштейн С. Записки о московитских делах // Россия глазами иностранцев. Л., 1968. С. 31–150. (1-е изд. 1866).
- Герд, 1969 — Герд А. С. Из истории некоторых прибалтийско-финских заимствований в современной русской ихтиологической терминологии (*ринус, ряпушка, лудога*) // Вопросы теории и истории языка. Л., 1969. С. 164–170.
- Герд, 1970 — Герд А. С. Из истории прибалтийско-финских названий рыб (*sinnti, tintti, tint*) // СФУ. 1970. VI, 2. С. 87–91.
- Герд, 1972 — Герд А. С. Из истории печорских названий рыб // Севернорусские говоры. Л., 1972. Вып. 1. С. 108–117.

- Герд, 1975 — Герд А. С. Русские говоры в бассейне реки Оять // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 188–194.
- Герд, 1975а — Герд А. С. По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 187–192.
- Герд, 1979 — Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 206–213.
- Герд, 1984 — Герд А. С. К истории образования говоров Посвирья // Севернорусские говоры. Л., 1984. Вып. 4. С. 174–181.
- Герд, 1984а — Герд А. С. О севернорусской лексике в псковских говорах // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 3–8.
- Герд, 1988 — Герд А. С. Прибалтийско-финские названия рыб в свете вопросов этнолингвистики // Прибалтийско-финское языковедение. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 4–22.
- Герд, 1989 — Герд А. С. К истории образования говоров Поволховья и южного Приладожья // Севернорусские говоры. Л., 1989. Вып. 5. С. 146–171.
- Герд, 1991 — Герд А. С. К истории диалектных границ вокруг Онежского озера // История русского слова: проблемы номинации и семантики. Вологда, 1991. С. 54–61.
- Герд, 1992 — Герд А. С. Лингвогеографическое членение Псковской области по данным лексики // Проблемы русской лингвистической географии. СПб., 1992. С. 71–78.
- Герд, 1994 — Герд А. С. К исторической географии Приладожья // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. Памяти Д. В. Бубриха. СПб., 1994. С. 32–35.
- Герд, 1995 — Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. СПб., 1995. Вып. 6. С. 85–107.
- Герд, 1997 — Герд А. С. Историческая диалектология и историческая география (на материале псковских и новгородских го-

- воров) // Псковские говоры. История и диалектология русского языка. Осло, 1997. С. 42–47.
- Герд, 1999 — Герд А. С. Историческая диалектология и история лингвистического ландшафта // *Ars philological. Festschrift Baldur Panzer zum 65 Geburtstag*. Sonderdruck. 1999. S. 37–41.
- Герд, 2001 — Герд А. С. Лингвогеографическое членение Ленинградской области (по материалам лексики) // *Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования*, 1998. СПб., 2001. С. 31–34.
- Герд, 2001а — Герд А. С. К реконструкции древнерусских диалектных зон: западноновгородская диалектная зона // *Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах*. Великий Новгород, 2001. С. 28–30.
- Герд, 2001б — Герд А. С. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // *Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 409–416.
- Герд, 2001в — Герд А. С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. СПб.: изд-во СПбГУ, 2001. 487 с.
- Герд, 2002 — Герд А. С. Диалектное членение и междиалектные связи говоров Обонежья // *Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова*. М., 2002. С. 88–94.
- Герд, Лебедев, 1999 — Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. изд-во СПбГУ, 1999. 390 с.
- Герд, Лебедев, 2001 — Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / Под общ. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб.: изд-во СПбГУ, 2001. 512 с.
- Герд, Муллонен, Мамонтова — Герд А. С., Муллонен И. И., Мамонтова Н. Н. К проблеме этнической истории прибалтийско-финских народов // *Севернорусские говоры*. СПб., 1995. Вып. 6. С. 3–13.
- Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1949–1951. Тт. 1–3. (1-е изд. СПб., 1873).

- Гильфердинг, 1884 — Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее рапсоды // Сборник ОРЯС, СПб., 1884. Т. 59.
- Глебова, 2001 — Глебова О. В. Дублетные вопросы в разделе «Метеорологические явления» в Программе ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования, 1998. СПб., 2001. С. 178–185.
- Глускина, 1962 — Глускина С. М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. Труды первой псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1962. С. 28–57.
- Голубева, 1979 — Голубева Л. А. Весь, скандинавы и славяне в X–XI вв. // Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г. Л., 1979. С. 131–137.
- Гордеев, 1973 — Гордеев Ф. И. Из истории балтийской лексики мариинского языка // Latvijas PSR ZA Vēstis, 1973. 4 (309). С. 98–106.
- Горшкова, 1968 — Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М.: изд-во МГУ, 1968.
- Горюнова, 1961 — Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961.
- Гридина, Коновалова, 2001 — Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Модели фитонимической номинации в мотивационном аспекте // Лексикология. Лексикография. Диалектная лингвогеография. Екатеринбург, 2001. С. 34–49.
- Гринкова, 1925 — Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. К диалектологии Ленинградской губернии // Изв. ОРЯС. Л., 1925. Т. 30.
- Гринкова, 1947 — Гринкова Н. П. К изучению олонецких диалектов // Сборник А. А. Шахматова. М.; Л., 1947.
- Гриценко, 1964 — Гриценко И. Д. Промысловая лексика русских рыбаков дельты Дуная. Дис. на соиск. ст. канд. филол. наук. Кишинев, 1964. (КСРНГ).
- Грот, 1854 — Грот Я. К. Областные великорусские слова финского происхождения // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1854.

- Грот, 1876 — Грот Я. К. Слова областного словаря, сходные с финскими // Я. Грот. Филологические изыскания. СПб., 1876. С. 470–474.
- Грузов, 1964 — Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1964.
- Грузов, 1969 — Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969. 211 с.
- Гусева, 1971 — Гусева Л. Г. Заимствованные слова в географической терминологии Каргопольского края // Уч. зап. Уральского гос. ун-та. Вопросы топониматики. Свердловск, 1971. № 5. С. 128–132.
- Гусева, 1983 — Гусева Л. Г. Географическая терминология Белозерья и ее отражение в топонимии // Методы топонимических исследований. Свердловск, 1983. С. 81–89.
- Гусева, 1996 — Гусева Л. Г. Что обозначает фольклорное *велеи*? // Русская диалектная этимология. Тезисы докладов Второго научного совещания. Екатеринбург, 1996. С. 11–12.
- Гусельникова, 1991 — Гусельникова М. Л. Еще раз о топонимах на *-луг / -луж* в Ленском районе Архангельской области // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1991. С. 41–51.
- Гусельникова, 1994 — Гусельникова М. Л. Полукальки в топонимии Русского Севера. АКД. Екатеринбург, 1994.
- Даль, 1852 — Даль В. И. О наречиях русского языка. По поводу «Опыта областного великорусского словаря», изданного Вторым отделением имп. Академии наук // Вестник имп. Русского географического общества. 1852. Ч. 6, кн. 1, отд. 4.
- Даль, 1-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863–1866. Тт. 1–4. (1-е изд.).
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Тт. 1–4. (2-е изд.).
- Даль, 3-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. СПб., 1903–1909. Тт. 1–4. (3-е изд.).

- ДАРЯ, вып. 3 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 3. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. М., 1996. 375 с.
- Деваев, 1963 — Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. Т. 2. С. 261–432.
- Демидова, 2001 — Демидова К. И. О возможностях изучения языковой картины мира по Лексическому атласу русских говоров Среднего Урала // Диалектология. Лексикография. Диалектная лингвогеография. Екатеринбург, 2001. С. 49–58.
- Дерягин, 1966 — Дерягин В. Я. О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов. АКД. М., 1966.
- Дерягин, 1968 — Дерягин В. Я. Из истории лексических изоглосс в говорах Архангельской области // Этимология 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М., 1968. С. 167–188.
- Дерягин, Комягина, 1968 — Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории диалектных границ в Северной России // ВЯ. 1968. № 6. С. 109–119.
- Дерягин, Комягина, 1972 — Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика 1971. Л., 1972. С. 32–49.
- Десницкая, 1956 — Десницкая А. В. К вопросу о взаимодействии языков // Институт языкознания. Доклады и сообщения, IX. М., 1956. С. 70–77.
- Дилакторский — Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. (Рукопись СРНГ).
- Дини, 2002 — Дини П. У. Балтийские языки / Пер. с итальянского А. В. Топоровой. М., 2002. 543 с.
- ДКРЯ — Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. Составлена членами Московской диалектологической комиссии, состоящей при Отделении русского языка и словесности Имп. Академии Наук: Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым

- и Д. Н. Ушаковым. Исполнена членом ИРГО И. П. Поддубным. Издание Императорского Русского географического общества. Пг., 1914.
- ДКЭСЛЯ — Дополнение к Краткому этимологическому словарю коми языка. В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев // Коми филология. Труды ин-та языка, литературы и истории. Сыктывкар, 1975. № 18. С. 3–37.
- Добродомов, 1985 — Добродомов И. Г. Interaction of the Vocabulary of Fenno-ugric, Slav, and Turkic languages // Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы. Сыктывкар, 1985. (Т. 2. Языкознание).
- Добровольский, 1914 — Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. 1022 с.
- Доля, 1958 — Доля Т. Г. О некоторых особенностях беспредложного и предложного управления в говорах Заонежского района Карельской АССР // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 1958. Т. 7, вып. 1.
- Доля, 1962 — Доля Т. Г. О некоторых синтаксических особенностях в заонежском говоре // Лингвистический сборник Петрозаводского ун-та. 1962. Вып. 1,
- Доля, 1962а — Доля Т. Г. Употребление сочинительных союзов в заонежском говоре // Уч. зап. Карельского пед. ин-та, 1962. Т. 12.
- Доля, 1962б — Доля Т. Г. Употребление частиц в говорах Заонежья // Уч. зап. Петрозаводского ун-та. 1962. Т. 10, вып. 3.
- Доля, 1963 — Доля Т. Г. Безличные предложения в говорах Заонежья Карельской АССР // Уч. зап. Петрозаводского ун-та. 1963. Т. 11, вып. 7. С. 44–55.
- Доля, Суханова, 1965 — Доля Т. Г., Суханова В. С. Прибалтийско-финские заимствования в русских говорах Карелии // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып. 3. С. 187–193.
- Доп. Опыт. — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.

- Дружинина, СЯ — Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Якутск, 1997–2002. Тт. 1–2.
- ДСЯС — Диалектологический словарь языка саха. / Отв. ред. Е. И. Коркина, М. С. Воронкин. Новосибирск, 1995. 296 с. (Дополнительный том).
- ДСЯЯ — Диалектологический словарь якутского языка. М., 1976.
- Дубровина, Герд, 1974 — Дубровина З. М., Герд А. С. Об одном типе глаголов, заимствованных из вепского и карельского языков в русские говоры Карелии // Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению, посвящ. 259-летию АН СССР. Петрозаводск, 1974. С. 75–76.
- Дуров, 1929 — Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929. 180 с.
- Дыбо, 1996 — Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Семантические термины (плечевой пояс). М., 1996. 390 с.
- Евгеньева, 1963 — Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л., 1963.
- Егоров, 1998 — Егоров С. Б. К этнонимике вепсов // Царкосельские чтения. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1998. С. 216–219.
- Едемский, 1913 — Едемский М. Б. О крестьянских постройках на севере России // Живая старина. СПб., 1913. Вып. 1–2. С. 25–116.
- Едемский, 1923 — Едемский М. Б. Этнологические наблюдения в Пинежском крае Архангельской губернии в 1921 г. // Север. 1923. № 3–4.
- Елпидинский, 1902 — Елпидинский Я. Корелы Олонецкой епархии // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1902. Вып. 4. С. 115–120.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–1989. Тт. 1–3.

- Ефименко, 1877 — Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком. М., 1877.
- Ефименко, 1878 — Ефименко П. С. Словарь местных наречий // Изв. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1878. Т. 30, вып. 2. С. 254–276.
- Женатов — Женатов П. Д. Слова вологодского диалекта из Вожегодского района. 1972. (Рукопись КСРНГ).
- Жербин, 1956 — Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. 79 с.
- Жеребцов И., 1996 — Жеребцов И. Л. Население Коми края во второй половине XVI — начале XVIII в. Екатеринбург, 1996.
- Жеребцов Л., 1982 — Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
- Жилина, 1985 — Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.
- Жирмунский, 1954 — Жирмунский В. М. Некоторые проблемы лингвистической географии // ВЯ. 1954. № 4.
- Житников, 1962 — Житников В. Ф. Древнерусская лексика подсечно-огневого земледелия в топонимике Архангельской и Вологодской областей // Вопросы топонимики. Доклады кружка сравнительно-исторического языкознания. Свердловск, 1962. Вып. 1.
- Жмурко, 2001 — Жмурко О. И. Лексика природы. Опыт тематического словаря говоров Ивановской области. Иваново, 2001. 115 с.
- Жуковская, 1961 — Жуковская З. В. О типе говоров Южного Приладожья и Прионежья // Уч. зап. Псковского пед. ин-та. 1961. Вып. 7. С. 55–71.
- Жуковская, 1962 — Жуковская З. В. О типе говоров к югу от Гдова // Псковские говоры. Труды первой псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1962. С. 5–27.
- Загоскин, 1999 — Загоскин А. А. История Сямженского района. Сямжа, 1999. 143 с.

- Загоскин, 2000 — Загоскин А. А. Родословная Сямженских деревень. Сямжа, 2000. 37 с.
- Зайков, 1987 — Зайков П. М. Бабинский диалект саамского языка. Петрозаводск, 1987. 202 с.
- Зайков, 1991 — Зайков П. М. Морфонологические чередования гласных в системе словоизменения карельского языка (на материале северно-карельских говоров) // Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей. Петрозаводск, 1991. С. 3–11.
- Зайков, 1999 — Зайков П. М. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск, 1999. 120 с.
- Зайков, 2001 — Зайков П. М. Языковые особенности паданского диалекта карельского языка // Деревня Юккогуба и ее округа. <Петрозаводск>, 2001. С. 416–424.
- Зайцева, 1981 — Зайцева М. И. Грамматика вепсского языка. Л., 1981.
- Зайцева, 1988 — Зайцева Н. Г. О вепско-саамских лексических параллелях // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1988. С. 22–32.
- Зайцева, 1992 — Зайцева Н. Г. О соотношении карельского и вепсского элементов в лексике говора с. Михайловское // Вопросы финской филологии. Петрозаводск, 1992. С. 15–21.
- Зайцева, 2002 — Зайцева Н. Г. Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск, 2002. 286 с.
- Зализняк, 1962 — Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. М., 1962. Вып. 6.
- Захарова, Орлова, 1970 — Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Здобнова, 1970 — Здобнова З. П. О заимствовании русскими диалектами Башкирии слов тюркского происхождения // Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР. Уфа, 1970. Вып. 2. С. 296–303.
- Здобнова, 1972 — Здобнова З. П. Судьба тюркизмов в русских говорах Башкирии // Уч. зап. Башкирского ун-та. Сер. фило-

- лог. 1972. Вып. 50. С. 225–235. (Языковые контакты в Башкирии).
- Зеленин, 1913 — Зеленин Д. К. Великорусские говоры. СПб., 1913.
- Зеленин, 1941 — Зеленин Д. К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // СЭ. 1941. Т. 5. С. 110–125.
- Зеленин, 1954 — Зеленин Д. К. О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщений ин-та языкознания АН СССР. 1954. № 6. С. 49–95.
- Зеленин, 1991 — Зеленин Д. К. Восточно-славянская этнография. М., 1991. 507 с.
- Зимин, 1920 — Зимин М. М. Ковернинский край (наблюдения и зап.) // Труды Костромского науч. общества по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. 17. С. 89.
- Зимин, 1957 — Зимин П. В. Диалектные слова Вельского района Архангельской области. 1957. (Рукопись СРНГ).
- Злобина, 1965 — Злобина В. Е. К проблеме лексической интерференции в карельском языке // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып. 3. С. 187–193.
- Золотарев, 1921 — Золотарев Д. А. Этнографический состав населения Бежецкого уезда // Бежецкий край. Первый выпуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. Бежецк, 1921. С. 70–74.
- Золотарев, 1928 — Золотарев Д. А. Кольские лопари. Труды Лопарской экспедиции Русского Географического Общества по антропологии лопарей и великоруссов Кольского полуострова // Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Л., 1928. Вып. 9. 207 с.
- Иваницкий, 1883 — Иваницкий Н. А. Материалы для Словаря вологодского народного говора (1883–1889). 480 с. (КСРНГ).
- Иванов, 1985 — Иванов В. В. О предполагаемых соотношениях между восточно-ностратическими и западно-ностратическими языками // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык / Отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск, 1985. С. 147–150.

- Иванов, Тужаров — Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1970.
- Иванова, 1969 — Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969. 597 с.
- Ивашко, 1958 — Ивашко Л. А. Заимствованные слова в печорских говорах // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филолог. наук. 1958. Вып. 42. № 343. С. 84–103.
- Ивић, 1960 — Ивић П. Основни аспекти структуре дијалекатске диференцијације // Македонски јазик. Скопје. 1960–1961. Год XI–XII, кн. 1–2.
- Игушев, 1972 — Игушев Е. А. Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка. АКД. Сыктывкар, 1972.
- Иллич-Свитыч, 1967 — Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским языкам. М., 1967.
- Иллич-Свитыч, 1968 — Иллич-Свитыч В. М. Соответствия смычных в ностратических языках // Этимология 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М., 1968. С. 304–355.
- Иллич-Свитыч, 1971–1976 — Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский). М., 1971. Т. 1. М., 1976. Т. 2.
- Исанбаев, 1964 — Исанбаев Н. И. Говор елабужских мари // Вопросы диалектологии и истории марийского языка. Йошкар-Ола, 1964. С. 61–105.
- Исанбаев, 1978 — Исанбаев Н. И. Влияние татарского языка на падежную систему восточномарийских говоров // СФУ. 1978. XIV, 3. С. 172–177.
- Исанбаев, 1989 — Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Йошкар-Ола, 1989. Ч. 1. (Татарские и башкирские заимствования).
- История Карелии — История Карелии в документах и материалах (с древнейших времен до начала XX века). Петрозаводск, 2000. 317 с.

- Кабинина, Матвеев, Теуш, 1999 — Кабинина Н. В., Матвеев А. К., Теуш О. А. Материалы для «Словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера» (Г-И) // Ономастика и диалектная лексика III. Екатеринбург, 1999. С. 247–259.
- Калима, б. д. — Калима Я. Непервоначальное *z* в некоторых северновеликорусских диалектах. Отд. отт. Без даты.
- Калинова, 2000 — Калинова Я. В. Русско-прибалтийско-финские языковые контакты и их отражение в области диалектного синтаксиса. АКД. СПб., 2000. 22 с.
- Капица, 1930 — Капица Л. Л. Материалы для этнографической характеристики Кондоковского и Вокнаволоцкого районов северо-западной Карелии // Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л., 1930. № 16. С. 22–35. (Западнофинский сборник.)
- Каралюнас, 1997 — Каралюнас С. Из наблюдений над балто-славянской лексикой (балт. **kurti*, слав. **kuriti*) // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997. С. 259–275.
- Карамышева, 1989 — Карамышева Л. П. Рыболовецкая лексика онежских говоров // Севернорусские говоры. Л., 1989. Вып. 5. С. 69–78.
- Каринский, 1898 — Каринский Н. М. О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа. Варшава, 1898.
- Карский, 1928 — Карский Е. Ф. Русская диалектология. М.; Л., 1928.
- Касаткин, 1968 — Касаткин Л. Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных в южнорусских говорах. М., 1968.
- Касаткин, 1995 — Касаткин Л. Л. О некоторых понятиях и терминах Московской фонологической школы // Проблемы фонетики II. М., 1995.
- Касаткин, 1999 — Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999. 526 с.

- Кельсиев, 1878 — Кельсиев А. И. Поездка к лопарям. Из протоколов заседаний Комитета по устройству Антропологической выставки. Отд. отт. М., 1878.
- Керт, 1971 — Керт Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис. Л., 1971. 355 с.
- Керт, 1981 — Субстратная топонимика Терского берега Кольского полуострова // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и лексикографии. Л., 1981. Вып. 6. С. 64–68.
- Керт, 2000 — Керт Г. М. Очерки по карельскому языку. Петрозаводск: Изд-во «Карелия», 2000. 110 с.
- Кесслер, 1869 — Кесслер К. Ф. Материалы для познания Онежского озера и Обонежского края преимущественно в зоологическом отношении. Приложение к Трудам 1-го съезда русских естествоиспытателей. СПб., 1869.
- Кириллова, 1997 — Кириллова Т. В. К изучению русско-карельских отношений в Тверском регионе // История и культура тверских карел: перспективы развития. Материалы международной конференции. Тверь, 1997. С. 93–95.
- Кириллова, 2001 — Кириллова Т. В. Роль Тверской картотеки как источника изучения среднерусских говоров // Проблемы динамики среднерусских говоров. Коллективная монография. Тверь, 2001. С. 6–13.
- Кирпичников, 1984 — Кирпичников А. Н. Приладожская лопь // Новое в археологии в СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 137–143.
- Киш, 1969 — Киш Л. О некоторых принципах этимологизирования заимствованных слов // Этимология 1967. Материалы международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». М., 1969. С. 68–70.
- Клементьев, 1991 — Клементьев Е. И. Карелы. Этнографический очерк. Петрозаводск, 1991. 78 с.
- Клепикова, 1986 — Клепикова Г. П. К проблеме использования данных лингвистической географии в историко-этимологических исследованиях // Этимология 1984. М., 1986. С. 79–84.

- Климин, 2002 — Климин И. И. Очерки по истории Бежецкого уезда Тверской губернии. СПб., 2002. Чч. 1–2.
- Кнабе, 1962 — Кнабе Г. С. Словарные заимствования и этногенез (К вопросу о балтийских заимствованиях в восточных финно-угорских языках) // ВЯ. 1962. № 1. С. 65–76.
- Кожеватова, 1996 — Кожеватова О. А. Пути образования общего регионального лексического фонда на европейском Севере России // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996. С. 3–13.
- Кожеватова, 1997 — Кожеватова О. А. Заимствования в лексике говоров Русского Севера и проблема общего регионального лексического фонда. АКД. Екатеринбург, 1997.
- Козлова, 1974 — Козлова Р. Б. Заимствованная лексика в языке русского фольклора. АКД. Казань, 1974.
- Койвулехто, 1997 — Койвулехто Й. Ранние индоевропейско-уральские языковые контакты // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997. С. 157–163.
- Колесов, 1975 — Колесов В. В. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. М., 1975. С. 53–58.
- Колосов, 1874 — Колосов М. А. Материалы для характеристики севернорусского наречия // Варшавские университетские известия. 1874. № 2, 3.
- Колосов, 1877 — Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области севернорусского наречия // Сборник ОРЯС. СПб., 1877. Т. 17, № 3. С. 1–343.
- Колосов, 1878 — Колосов М. А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878.
- Комарова, 1991 — Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск, 1991.
- Комягина, 1969 — Комягина Л. П. О границах Архангельских диалектов // Юбилейная научно-методическая конференция Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. Л., 1969.

- Комягина, 1984 — Комягина Л. П. Соотношение лингвистических и этнографических ареалов на территории Архангельской области // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 8–19.
- Коновалова, 1993 — Коновалова Н. И. Фитонимика говоров Среднего Урала. АКД. М., 1993.
- Коновалова, 2000 — Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. 233 с.
- Кораблев, 1851 — Кораблев С. П. Этнографический и географический очерк г. Каргополя Олонецкой губернии со словарем и особенностями тамошнего наречия, составленный и изданный С. П. Кораблевым. Архангельск, 1993. 47 с. (1-ое изд.: М., 1851).
- Королева, 2000 — Королева Е. Е. Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области). Daugavpils: Saule, 2000. Чч. 1–2.
- Коротенко, 1963 — Коротенко Г. И. Киргизские слова в говоре русских старожилов Северного Прииссыккуля // Уч. зап. Киргизск. жен. пед. ин-та. Сер. филолог. 1963. Вып. 7а. С. 15–23.
- Кочкуркина, 1986 — Кочкуркина С. И. Корела и Русь. Л., 1986. 143 с.
- Кочкуркина, 1990 — Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джексон Т. Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. 140 с.
- КПОС — Картотека Псковского областного словаря. (Хранится в СПбГУ).
- Кривощекова-Гантман, 1981 — Кривощекова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 46–62.
- КРОЧК — Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000. 814 с.
- Крюкова, 2002 — Крюкова И. В. К вопросу о субстратных явлениях в английском языке Ирландии // *Colloquia classica et*

- indogermanica. III. Классическая филология и индоевропейское языкознание / Под ред. Н. Н. Казанского. СПб., 2002. С. 331–346.
- Куанышев, 1993 — Куанышев Б. М. Тюркские элементы в обско-угорской антропонимии // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993. 101–106.
- Кузнецов, 1995 — Кузнецов А. Названия вологодских озер. Словарь лимнонимов финно-угорского происхождения. Вологда, 1995. 92 с.
- Кузнецов, 1999 — Кузнецов А. Шексна — река Велеса (топонимический путеводитель по реке, которой нет). Вологда, 1999. 105 с.
- Кузнецов, 1915 — Кузнецов И. Д. Рыболовственный словарь Псковского водоема. По материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912–1913 года. Пг., 1915. 159 с.
- Кузнецов, 1949 — Кузнецов П. С. Очерк морфологической системы пильмасозерского говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 72–127.
- Кузнецова, 1975 — Кузнецова О. Д. Слова с протетическим *j* в городах русского языка // ВЯ. 1975. № 5.
- Кузнецова, 1985 — Кузнецова О. Д. Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений). Л., 1985. 179 с.
- Куликовский, 1887 — Куликовский Г. И. Олонецкие провинциализмы // Олон. губ. вед. 1887.
- Куликовский, 1896 — Куликовский Г. И. Из общинно-артельной жизни Олонецкого края // Олон. губ. вед. 1896.
- Куликовский, 1898 — Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Куликовский, 1899 — Куликовский Г. И. Дополнение к Словарю Олонецкого областного наречия // ЭО. 1899. № 1, 2.
- Куркина, 1996 — Куркина Л. В. Термины подсечно-огневого земледелия в составе праславянского словаря // Конференция

- в Кракове на тему «Prasłowiańszczyzna a jej rozpad». Декабрь, 1996. Краков, 1996.
- Куркина, 1998 — Куркина Л. В. К реконструкции древних форм земледелия у славян (На материале лексики подсечно-огневого земледелия) // XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 381–397.
- КЭСЛЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- КЭСРЯ — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. 542 с.
- Лаанест, 1966 — Лаанест А. Ижорские диалекты. Таллин, 1966. 182 с.
- Лаанест, 1966а — Лаанест А. Ижорские диалектные тексты. Таллин, 1966. 71 с.
- Лаанест, 1966б — Лаанест А. О взрывных в фонологической системе хеваского диалекта ижорского языка // СФУ. 1966. II. С. 19–21.
- ЛААО — Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994. 235 с.
- Лако, 1964 — Лако Д. Существовали ли в финно-угорском языке-основе звонкие смычные согласные в начале слова? // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio philologica*. 1964. Т. 5. С. 57–73.
- Лаллукка, 1997 — Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997. 391 с.
- ЛАМО — Войтенко А. Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991. 59 с. + 160 карт.
- Лаучюте — Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в русском языке. Л., 1982.
- Лебедева, 1956 — Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX века // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.
- Левитская, 1976 — Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.

- Лекарева, 1998 — Лекарева Л. А. К ареальной характеристике лексики водного ландшафта в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1995. СПб., 1998. С. 121–127.
- Лекарева, 2001 — Лекарева Л. А. Топонимы и ландшафтная лексика (на основе названий населенных пунктов Псковской области) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1998. СПб., 2001. С. 169–174.
- Ленсуу, 1930 — Ленсуу Я. Я. Материалы по говорам води // Западнoфинский сборник. 1930. № 16. С. 201–305.
- Лесков, 1892 — Лесков Н. Ф. О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина. 1892. № 4. С. 97–103.
- Лизанец, 1975 — Лизанец П. Н. Лингвогеографический аспект в исследованиях лексических заимствований в украинских говорах Карпатского ареала // Труды по финно-угроведению. Тарту, 1975. С. 76–94.
- Лизанец, 1975 — Лизанец П. Н. Принципы построения лингвистического атласа венгерских заимствований в украинских говорах Закарпатья // *Congressus Tertius internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Acta linguistica. Tallinn, 1975.* С. 637–641.
- Лизанец, 1981 — Лизанец П. Н. Лингвогеографический аспект в исследовании венгерских говоров // *Annales Universitatis scientiarum Budapestiensis. Sectio linguistica. Budapest, 1981.* Т. 12. С. 143–149.
- Лизанец, 1992 — Лизанец П. Н. Атлас венгерских говоров Закарпатья. Будапешт, 1992. Т. 1. 883 с. 407 карт.
- Линевский, 1962 — Линевский А. Беломорье. Мурманск, 1962.
- ЛК ТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского ун-та.
- Логинов, 1993 — Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. 150 с.
- Логинов, 1999 — Логинов К. К. Еще раз о «вепском» прошлом Водлозерья // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С. 104–111.

- Логинов, 2001 — Логинов К. К. Этнографическая история восточного Обонежья и «этнографического» Заонежья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб.: изд-во СПбГУ, 2001. С. 360–369.
- Лотте, 1982 — Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоположений. М., 1982. 147 с.
- ЛТРС — Латышско-русский словарь / Сост. Я. В. Лоя. М., 1946. 250 с.
- Лукьянченко, 1971 — Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов Кольского полуострова XIX–XX вв. М., 1971.
- Луппова, 1958 — Луппова Е. П. Некоторые особенности изменения фонетической системы говоров северного Приволжья // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1958. Т. 17.
- Лутовинова, 1997 — Лутовинова И. С. Слово о пище русских. СПб.: изд-во СПбГУ, 1997. 304 с.
- Лушникова, 1990 — Лушникова А. В. Стратификация ирано-уральских языковых контактов. АКД. М., 1990.
- Лысенко — Лисенко П. С. Словник поліських говорів. Киев, 1974.
- Лысова, 2001 — Лысова Е. В. К этимологии диалектных названий глухарки // Этимологические исследования. Екатеринбург, 2001. Вып. 7. С. 78–88.
- Лыткин, 1949 — Лыткин В. И. Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 128–201.
- Лыткин, 1951 — Лыткин В. И. О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках // Изв. АН СССР. 1951. № 1. С. 385–392.
- Лыткин, 1952 — Лыткин В. И. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. М., 1952. 174 с.
- Лыткин, 1952а — Лыткин В. И. Отражение перехода древнерусского *e* в *o* в русских заимствованиях в коми языке. Древнерусский *ять* в заимствованиях // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. 1952. № 2. С. 72–82.

- Лыткин, 1955 — Лыткин В. И. Современный коми язык. Часть первая. Фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар, 1955. 312 с.
- Лыткин, 1955а — Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С обзором диалектов и диалектологическим словарем. М., 1955.
- Лыткин, 1956 — Лыткин В. И. Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Сб. Академику В. В. Виноградову. М. 1956. С. 173–189.
- Лыткин, 1957 — Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Часть первая. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957. 135 с.
- Лыткин, 1961 — Лыткин В. И. Коми-язвинский диалект. М., 1961.
- Лыткин, 1963 — Лыткин В. И. К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах // Прибалтийско-финское языкознание. Труды Карельского филиала АН СССР. М.; Л., 1963. Вып. 39. С. 3–11.
- Лыткин, 1964 — Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.
- Лыткин, 1967 — Лыткин В. И. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 131–142.
- Лыткин, 1968 — Лыткин В. И. К вопросу о звонких согласных в начале слова в финно-угорских языках // СФУ. 1968. IV, № 1. С. 19–23.
- Лыткин, Попов — Лыткин В. И., Попов С. А. Язьвинские коми // СЭ. 1950. № 4. С. 194–199.
- Мазинг, 1960 — Мазинг В. В. Немецко-английско-шведско-финско-эстонско-русский терминологический словарь по болотоведению. Тарту, 1960.
- Майков, 1885 — Майков Л. Н. Еще былины и песни из Заонежья // Русский филологический вестник. Варшава, 1885. Т. 13. С. 44–60.
- Майнов — Майнов В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877.

- Макаров, 1965 — Макаров Г. Н. К проблеме прибалтийско-финских и коми-зырянских языковых контактов // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1965. С. 76–77.
- Макаров, 1967 — Макаров Г. Н. К вопросу о прибалтийско-финских и коми-зырянских языковых контактах. СФУ. 1967. 3, № 2, С. 85–89.
- Макаров, 1997 — Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997. 368 с.
- Максимов, 1858 — Максимов С. Белое море и его побережье // Морской сборник, 1858. Тт. 25–27.
- Максимов, 1871 — Максимов С. Год на Севере. М., 1871.
- Максютова, 1967 — Максютова Н. Х. Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 149–153.
- МАНРС — Мансийско-русский словарь / Сост. А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева. Л., 1958. 226 с.
- Мансикка, 1915 — Мансикка В. О говоре северо-западной части Пудожского уезда // Изв. ОРЯС. 1915. Т. 19, кн. 4.
- Марецкая, 1953 — Марецкая А. Ф. Говоры Старорусского района Новгородской области. АКД. Л., 1953.
- Марков, 1961 — Марков Ф. П. Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1961. Т. 1. С. 7–99.
- Маркова, 1997 — Маркова Н. В. К изучению синтаксических особенностей говоров северного побережья Онежского Озера // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения 95». Петрозаводск, 1997. С. 217–220.
- Мартынов, 1981 — Мартынов В. В. Балто-славяно-иранские языковые отношения и глоттогенез славян // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.
- МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.

- Маслова, 1936 — Маслова Г. С. Материалы по этнографии карел Калининской области // СЭ. 1936. № 2.
- Матвеев, 1959 — Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Уч. зап. Урал. гос. унта. Свердловск, 1959. Вып. 32. 123 с.
- Матвеев, 1962 — Матвеев А. К. Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири // Вопросы финно-угорского языкознания: К 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубриха. М.; Л., 1962. С. 127–142.
- Матвеев, 1964 — Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. Budapest, 1964. Т. 14, f. 3–4. С. 285–315.
- Матвеев, 1965 — Матвеев А. К. Есть древнепермская топонимика в Заволочье? // СФУ. 1965. 1, 3. С. 207–211.
- Матвеев, 1968 — Матвеев А. К. Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // СФУ. 1968. Т. 4, № 1. С. 27–38.
- Матвеев, 1968а — Матвеев А. К. Об отражении одного финно-русского фонетического соответствия в субстратной топонимике Русского Севера // СФУ. 1968. Т. 4, № 2. С. 121–126.
- Матвеев, 1969 — Матвеев А. К. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология 1967. Материалы международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». М., 1969. С. 192–200.
- Матвеев, 1970 — Матвеев А. К. Термины земледелия и животноводства в субстратных прибалтийско-финских топонимах на территории Севера Европейской части СССР // Вопросы топониматики. Свердловск, 1970. Вып. 4. С. 89–92.
- Матвеев, 1970а — Матвеев А. К. Отражение перехода $\check{s} > h$ в субстратной топонимике Русского Севера // Congressus Tertius internationalis fenno-ugristarum. Tallinn, 17–23. VIII. 1970. Teesid. Tallinn, 1970. Pars 1. P. 58.

- Матвеев, 1972 — Матвеев А.К. Некоторые вопросы адаптации ударных гласных в финно-угорских субстратных топонимах Русского Севера // СФУ. VIII. 1972. 1. С. 1–6.
- Матвеев, 1973 — Матвеев А.К. Топонимические этимологии. IV (Коррелятивные топонимы с интервокальными консонантными группами *xч* и *кш* в субстратной топонимии Русского Севера) // СФУ. 1973. № 1. С. 25–28.
- Матвеев, 1978 — Матвеев А.К. Русск. диал. *чильма* // Этимология русских диалектных слов. Этимологические исследования. Свердловск, 1978. Вып. 1. С. 54–61.
- Матвеев, 1979 — Матвеев А.К. Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 5–14.
- Матвеев, 1980 — Матвеев А.К. Об одной фонетической особенности древних саамских диалектов Заволочья // *Etudé Finno-Ougrienne*. Budapest, 1980. Т. 14. Р. 41–43.
- Матвеев, 1986 — Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986. 101 с.
- Матвеев, 1989 — Матвеев А.К. Финно-угро-саамодийская топонимия на территории СССР как объект лингвистического исследования // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 5–18.
- Матвеев, 1989а — Матвеев А.К. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // ВЯ. 1989. № 1. С. 77–85.
- Матвеев, 1995 — Матвеев А.К. Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // ВЯ. 1995. № 2. С. 29–42.
- Матвеев, 1996 — Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1. С. 3–23.
- Матвеев, 1997 — Матвеев А.К. К проблеме расселения летописной мери // Изв. Уральского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 1997. Вып. 1. № 7. С. 5–17.
- Матвеев, 1997а — Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997. 186 с.

- Матвеев, 1997б — Матвеев А. К. К лингвоэтнической идентификации финно-угорской субстратной топонимии // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997. С. 30–39.
- Матвеев, 1998 — Матвеев А. К. К проблеме лингвистического изучения юго-восточной части Русского Севера // Ономастика и диалектная лексика II. Екатеринбург, 1998. С. 3–33.
- Матвеев, 1998а — Матвеев А. К. Мерянская топонимия на Русском Севере. Фантом или феномен? // ВЯ. 1998. № 5. С. 90–105.
- Матвеев, 2000 — Матвеев А. К. Топонимистические поиски I // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000. Вып. 1. С. 3–20.
- Матвеев, 2001 — Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2001. Ч. 1. 345 с.
- Матвеев, 2003 — Матвеев А. К. Основа *чёлм-* и ее корреляты в субстратной топонимии Русского Севера // Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керта. С. 38–45.
- Матвеев, Стрельников, 1988 — Матвеев А. К., Стрельников С. М. Лексические параллели между диалектами белозерских и кильдинских саамов (по данным топонимии) // Этимологические исследования. Сб. научных трудов. Свердловск, 1988. С. 23–27.
- Матусевич, 1976 — Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. 288 с.
- Мельницкий, 1893 — Мельницкий А. Говор жителей северо-восточной части Вытегорского уезда Олонецкой губернии // Живая старина. 1893. Вып. 3.
- Меркулов, 2001 — Меркулов Н. Ю. Наблюдения над лексикой рыбаков озера Селигер // Проблемы динамики среднерусских говоров. Коллективная монография. Тверь, 2001. С. 176–185.
- Меркулова, 1967 — Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967. 258 с.
- Меркурьев, 1979 — Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 184 с.

- Мещерский, 1963 — Мещерский Н. А. К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР // Уч. зап. Карельского пед. ин-та. Петрозаводск, 1963. Т. 13. С. 11–130.
- Микиртуни, 1958 — Микиртуни А. Я. Азербайджанские элементы в лексике русских говоров на территории Азербайджанской ССР // Уч. зап. Владимирского пед. ин-та. 1958. Вып. 4. С. 123–134.
- Миртов, 1929 — Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929. 415 с.
- Митрофанова, 1994 — Митрофанова М. Е. Финно-угорская лексика в мордовском и марийском языках (этимологический анализ). АКД. Саранск, 1994.
- Михайлова, 1984 — Михайлова Л. П. Земледельческая лексика в русских говорах Карелии // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 73–83.
- Михайлова, 1986 — Михайлова Л. П. Географическая лексика в русских говорах Карелии (названия болот) // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986. С. 76–88. (Пермский ун-т).
- Михайлова, 1994 — Михайлова Л. П. Отбор лексики с мертвыми префиксами *ко-*, *ша-*, *ща-*, *че-*, для Лексического атласа русских народных говоров и полевая проверка // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 1992. СПб., 1994. С. 130–135.
- Михайлова, 1995 — Михайлова Л. П. Ландшафтная топонимия Карельского Поморья // Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия различных ономастических систем. Петрозаводск, 1995. С. 28–37.
- Михайлова, 1999 — Михайлова Л. П. Внутрирегиональные лексические различия русских говоров Карелии // Севернорусские говоры. СПб., 1999. Вып. 7. С. 11–22.
- Михайлова, Рутт — Михайлова Л. П., Рутт Т. Е. Некоторые вопросы диалектной лексикографии (слова с начальными элементами *ша-*, *ше-*, *шо-*) // В. И. Даль и региональная лексикология и лексикография. Ярославль, 2001. С. 84–86.

- Мищенко, 1999 — Мищенко О. В. Названия внешних новообразований на деревьях в говорах Русского Севера: *кап* // Ономастика и диалектная лексика III. Екатеринбург, 1999. С. 171–179.
- Мищенко, 2000 — Мищенко О. В. Названия внешних новообразований на деревьях в говорах Русского Севера // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000. С. 120–134.
- Мищенко, 2003 — Мищенко О. В. Лексика, обозначающая лесные массивы в говорах Русского Севера: «свое» и «чужое» // Ономастика и диалектная лексика IV. Екатеринбург, 2003. С. 33–46.
- Мищенко, Теуш, 2000 — Мищенко О. В., Теуш О. А. Экспедиция по сбору субстрата в Пошехонье // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000. Вып. I. С. 174–175.
- Младенов, 1941 — Младенов С. Етимологически и правописен речник на българският книжовен език. София, 1941.
- Моисеев, 1962 — Моисеев Б. А. Казахские термины животноводства в оренбургских говорах // Уч. зап. Оренбургского пед. ин-та. 1962. Вып. 15. С. 133–142.
- Морозов, Пархимович, 1997 — Морозов В. М., Пархимович С. Г. Миграция древних коми в нижнее Приобье // Изв. Уральского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 1997. Вып. 1, № 7. С. 17–34.
- Морохин, 1997 — Морохин Н. В. Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород, 1997. 215 с.
- МРС — Мокшанско-русский словарь / Под ред. Д. В. Бубриха. М., 1949. 359 с.
- МС — Хромов И. П., Мамонова Л. П. Метеорологический словарь. Л., 1955.
- Муллонен, 1988 — Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988. С. 161.
- Муллонен, 1994 — Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимики. СПб., 1994. 154 с.

- Муллонен, 1995 — Муллонен И.И. Заметки о топонимии Водлозерья // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1995.
- Муллонен, 2001 — Муллонен И.И. Название Онежского озера в контексте субстратной топонимии Обонежья // Изв. Уральского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 122–128.
- Муллонен, 2001a — Муллонен И.И. История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 12–35.
- Муллонен, 2002 — Муллонен И.И. Топонимия Посвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 353 с.
- Муллонен, Ляля, 2003 — Муллонен И.И., Ляля Е.В. История формирования топонимных ареалов Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. 322–327.
- Муллонен, Мамонтова, 1997 — Муллонен И. И., Мамонтова Н.Н. Топонимия Заонежья: итоги и перспективы // Рябининские чтения 95. Петрозаводск, 1997. С. 231–237.
- Муллонен, 1974 — Муллонен М.И. Развитие фонетической системы вепсского языка в условиях русского окружения // Вопросы советского финно-угроведения. 1. Языкознание. Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению, посвященной 250-летию АН СССР. Петрозаводск, 1974. С. 78–99.
- Мурзаев, 1984 — Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. 653 с.
- Муст, 1954 — Муст М. Отражение русско-эстонских контактов в лексике южноэстонских диалектов. АКД. Таллинн, С. 39–43.
- Мызников, 1994 — Мызников С.А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья. АКД. СПб., 1994.
- Мызников, 1995 — Мызников С.А. Ареальная дистрибуция лексики сенокосения в русских народных говорах Обонежья и

- Приладожъя // Псковские говоры и их носители (лингвогеографический аспект). Псков, 1995. С. 22–28.
- Мызников, 1997 — Мызников С. А. Лексический ареал и проблема диалектного членения (Белозерско-Бежецкие говоры) // Русские народные говоры: проблемы изучения. Ярославль, 1997. С. 28–30.
- Мызников, 1998 — Мызников С. А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах (лингвогеографический аспект) // XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 430.
- Мызников, 1999 — Мызников С. А. Говоры Шекснинско-верхневолжского бассейна и их диалектное членение по лексическим данным // Русская народная культура и ее этнические истоки. М., 1999. С. 38–42.
- Мызников, 1999а — Мызников С. А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в Обонежье и новгородских говорах // Севернорусские говоры. СПб., 1999. Вып. 7. С. 30–40.
- Мызников, 2001 — Мызников С. А. Финно-угризмы или тюркизмы (этимологизация русских диалектных слов и определение конечного источника) // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Секция уралистики. СПб., 2001. Вып. 27. С. 14–16.
- Мызников, 2002 — Мызников С. А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в древнерусском языке (по материалам И. И. Срезневского) и ее судьба в русских народных говорах // И. И. Срезневский и современная славистика: наука и образование. Рязань, 2002. С. 102–104.
- Мызников, 2003 — Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003. 360 с.
- Мызников, 2003а — Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологический анализ лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003. 540 с.
- Мышкин, 1977 — Мышкин З. Ф. Лексические заимствования из чувашского языка в русском языке // Русский язык в Среднем Поволжье. Сб. статей. Чебоксары, 1977. Вып. 2. С. 11–23.

- Мюркхейн, 1973 — Мюркхейн В. Эстонские лексические заимствования в одном из русских говоров Эстонской ССР // СФУ. 1973. IX, № 1. С. 1–9.
- На Белом озере — Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. 495 с.
- Налетова, 2002 — Налетова Н. И. Названия растений в псковских говорах. АКД. Тверь, 2002. 18 с.
- Напольских, 1990 — Напольских В. В. Палеоевропейский субстрат в составе западных финно-угров // *Uralo-Indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. М., 1990. Ч. 1. С. 128–134.
- Народы Поволжья и Приуралья — Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне, Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. 579 с.
- Насекомые — Яковлев Е. Б., Лобкова М. П. Животный мир Карелии. Насекомые. Петрозаводск, 1989. 231 с.
- Насибуллин, 1992 — Насибуллин Р. Ш. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // *Вордскем крыл*. Ижевск, 1992. № 2. С. 81–95.
- Невская, 1977 — Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология. М., 1977.
- Непокупный, 1976 — Непокупный А. П. Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.
- Непокупный, 1989 — Непокупный А. П. Общая лексика германских и балто-славянских языков. Киев, 1989. 357 с.
- Неуструев, 1914 — Неуструев С. П. Словарь волжских судовых терминов. Нижний Новгород, 1914. 320 с.
- Нефедов, 1939 — Нефедов Г. Ф. Севернорусские говоры как материал для истории // *Уч. зап. Ленинградского ун-та. Сер. филологических наук*. 1939. Вып. 2, № 33. С. 250.
- Николаева, 1998 — Николаева Е. С. Прибалтийско-финские заимствования в русских говорах по реке Устье // *Ономастика и диалектная лексика II*. Екатеринбург, 1998. С. 120–128.
- Новикова, 1979 — Новикова Е. И. Словообразование имен прилагательных с суффиксом *-еват* в русских говорах Карелии и

- сопредельных областей // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 148–154.
- Новикова, 1984 — Новикова Е. И. Безаффиксное словообразование имен прилагательных в русских говорах Карелии и сопредельных областей // Севернорусские говоры. Л., 1984. Вып. 4. С. 58–63.
- Новикова, 1989 — Новикова Е. И. Словообразовательный тип имен прилагательных с суффиксом -л в современных русских говорах Карелии // Севернорусские говоры. Л., 1989. Вып. 5. С. 57–63.
- Нордстет — Российский с немецким и французским переводами словарь, соч. Иваном Нордстетом. СПб., 1780–1782. Чч. 1–2.
- НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
- Носович, 1870 — Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Объедкин, 1961 — Объедкин В. Д. Старо-турдаковский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1961. Т. 1. С. 100–196.
- Овечкина, 1988 — Овечкина М. А. Семантическое освоение заимствованных тельмографических терминов // Этимологические исследования, Сборник научных трудов. Свердловск, 1988. С. 88–104.
- Ожегов, 1990 — Ожегов С. И. Словарь русского языка / 22-е изд. М., 1990. 922 с.
- Озерецковский, 1989 — Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. 208 с. (1-е изд. 1792 г.).
- Озерецковский, 1817 — Озерецковский Н. Я. Путешествие на озеро Селигер. СПб, 1817.
- ОКАР — Образцы карельской речи. I. Говоры республики Карелии тихвинских и тверских карел. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1994. 457 с.
- ОКДА — Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981. 125 с.

- ОЛА, 1988 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. М., 1988. 188 с. (Вып. 1. Животный мир).
- ОЛГБСЯ — Общая лексика германских и балто-славянских языков / Отв. ред. А. П. Непокупный. Киев: Наук. думка, 1989. 350 с.
- Ольгович, 1963 — Ольгович С. И. Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби. Томск, 1963. (На карточках, КСРНГ).
- Ончуков, 1908 — Ончуков Н. Е. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). СПб., 1908.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.
- Орешенкова, 1972 — Арашонкава Г. У., Грынавецкене А. І., Мацкевіч Ю. Ф., Рамановіч Я. М., Сцяшквіч Т. Ф., Чабярук А. І., Шаталава Л. Ф. Да характарыстыкі лексікі паўднёва-заходніх беларускіх гаворак // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. 1972. № 1. С. 78–86.
- Орлов, 1995 — Орлов М. Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
- Орлова, 1959 — Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров. Киров, 1996–1998. Вып. 1, 2.
- ОСВРН — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии / Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970.
- ОСГКО — Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972. 312 с.
- Осовецкий, 1975 — Осовецкий И. О. О языке русского традиционного фольклора // ВЯ. 1975. № 5.
- Осьминский, 1947 — Осьминский Т. П. Белозерский край в 13–16 вв. Череповец, 1947.

- Откупщиков, 1969 — Откупщиков Ю.В. Словообразовательные модели и этимология // Этимология 1967. Материалы международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». М., 1969. С. 80–87.
- Откупщиков, 1986 — Откупщиков Ю.В. Диалектный материал и этимология // Этимология 1984. М., 1986. С. 191–197.
- Откупщиков, 2001 — Откупщиков Ю.В. Очерки по этимологии. СПб.: изд-во СПбГУ, 2001. 479 с.
- Пальмеос, 1982 — Пальмеос П. Суффикс *-nik* в прибалтийско-финских языках // СФУ. 1982. XVIII. 1. С. 1–7.
- Паникаровская, 1984 — Паникаровская Т.Г. Название реалий крестьянского быта в вологодских говорах (Русская печь и ее части) // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 20–25.
- Панов, 1979 — Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
- Пантелеева, Янчевская, 1966 — Пантелеева А.А., Янчевская Н.В. Ареалы этнонимов *карел*, *самоед* и *чудь* в Архангельской области // Вопросы географии. Сб. 70. М., 1966. С. 159–161.
- Пауль — Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1930.
- Певин, 1896 — Певин П. Словарик Заонежья. Петрозаводск, 1896.
- Перевозчиков, 1991 — Перевозчиков И.В. Обобщенный фотопортрет саамов // Происхождение саамов. М., 1991. С. 53–58.
- Петерсон, 1975 — Петерсон А. О некоторых чертах эстонско-вепсской традиционной культуры на основе сельскохозяйственных материалов // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 6. С. 399–404.
- Петерсон, 1977 — Петерсон Ю.А. Латышское *pirts* и вепс. *pert* в аспекте древних этнических связей // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1977. С. 105–107.
- Петлева, 1986 — Петлева И.П. О важности учета в этимологии лингвистических явлений формального характера // Этимология 1984. М., 1986. С. 198–201.
- Петров, 1968 — Петров В.П. Подсечное земледелие. Киев, 1974.

- ПЕЧДК — Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.
- Пименов, 1965 — Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. 262 с.
- Пиотровский, 1963 — Пиотровский Р. Г. Структурные модели территориальных и жанровых разновидностей языка // Вопросы романского языкознания. Кишнев, 1963.
- Плотникова, 1922 — Плотникова З. К. К вопросу об окончании родительного падежа ед. числа мужского и среднего рода местоимений и сложных прилагательных // Изв. ОРЯС. 1919. Петроград, 1922. Т. 24, кн. 1. С. 287–304.
- Погодин, 1904 — Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. 4. С. 1–72.
- Подвысоцкий — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Поляков, 1873 — Поляков И. С. Список названий трав, животных, а также некоторых других особенных слов, употребленных в Вытегорском и Пудожском уезде // Зап. РГО по Отд. Этнограф., 1873. Т. 3. С. 508–511.
- Пономарев, 1898 — Пономарев. Кижское наречие Великогубской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии // Олон. губ. вед. 1898. № 54.
- Попов, ЗНП — Попов А. И. Заметки на полях SKES.
- Попов, 1955 — Попов А. И. Из истории славяно-финноугорских лексических отношений // Acta linguistica. Budapest, 1955. Т. 5, f. 1/2. С. 1–19.
- Попов, 1964 — Попов А. И. Основные принципы топонимического исследования // Принципы топонимики. М., 1964. С. 44.
- Попов, 1965 — Попов А. И. Географические названия. Введение в топонимику. М.; Л., 1965. 181 с.
- Попов, 1966 — Попов А. И. Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров // Лексика русских народных говоров (Опыт исследования). М.; Л., 1966. С. 5–19.

- Попов, 1969 — Попов А. И. О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования // Этимология 1967. Материалы международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». М., 1969. С. 119–128.
- Попов, 1971 — Попов А. И. Диалектные материалы в этимологических словарях русского языка // Диалектная лексика 1969. Л., 1971. С. 210–218.
- Попов, 1972 — Попов А. И. Русские говоры и влияние иноязычных соседей // Вопросы изучения русских народных говоров. Л., 1972. С. 5–13.
- Попов, СФУ, 1972 — Попов А. И. К вопросу о древнейших лексических связях между прибалтийскими финнами и славянами // СФУ. 1972. VIII, 2. С. 85–90.
- Попов, 1974 — Попов А. И. Топонимика других мерянских и муромских областей. Л., 1974.
- Попов, 1997 — Попов М. Б. К вопросу о происхождении цоканья // Вестник СПбГУ. 1997. Сер. 2, вып. 3, № 16. С. 34–42.
- Порохова, 1966 — Порохова О. Г. Слова ляда, лядина и нива в русских народных говорах // Лексика русских народных говоров (Опыт исследования). М.; Л., 1966. С. 175–191.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб., 1967–1996. Вып. 1–12.
- Поспелов, 1998 — Поспелов Е. М. Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 1998. 503 с.
- Поспелов, 2000 — Поспелов Е. М. Топонимический словарь Московской области. М., 2000. 316 с.
- Пости, 1974 — Пости Л. Русско-финские языковые контакты и значение их исследования // Симпозиум по финно-угорскому языкознанию. Петрозаводск, 1974.
- Преображенский, 1910 — Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.
- ПРОБДТВ — Проблемы динамики среднерусских говоров. Коллективная монография. Тверь, 2001. 188 с.

- Программа ДАРЯ — Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947. 219 с.
- Программа ЛАРНГ — Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров / Отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994. Чч. 1–2.
- Протопопов, 1847 — Протопопов А. Областные слова Яренского уезда Вологодской губернии. 1847. (КСРНГ).
- Прокошева, 2002 — Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. 431 с.
- Пунжина, 2001 — Пунжина А. В. Слушаю карельский говор. Образцы речи дёржанских и валдайских карел / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 2001. 207 с.
- Пушкарев, 1900 — Пушкарев Н. Н. Рыболовство на Онежском озере. СПб., 1900.
- Пушкарев, 1902 — Пушкарев Н. Н. Физико-географические данные об Онежском озере, сведения об его ихтиофауне и ее происхождении // Олонецкий сборник. 1902. С. 31–177.
- ПФГЛК — Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. 158 с.
- Пшеничнова, 1977 — Пшеничнова Н. Н. Применение таксономического анализа классификации говоров // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- Пшеничнова, 1979 — Пшеничнова Н. Н. Мера специфичности и некоторые вопросы классификации частных диалектных систем // ОЛА. Материалы и исследования. 1977. М., 1979.
- Пшеничнова, 1983 — Пшеничнова Н. Н. О значении статистических приемов в диалектологических исследованиях // Проблемы изучения говоров вторичного образования. Кемерово, 1983.
- Пшеничнова, РНГ, 1983 — Пшеничнова Н. Н. Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в русских говорах // Русские народные говоры. М., 1983.

- Пшеничнова, 1987 — Пшеничнова Н.Н. Классификации частных диалектных систем вероятностно-статистическим методом // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987.
- Пшеничнова, 1996 — Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров. М., 1996. 208 с.
- Радлов, 1899 — Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899–1911. Т. 1–4.
- Ракин, 1984 — Ракин А.Н. Основные пласты заимствованной ботанической лексики коми языка // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар, 1984. С. 18–27.
- РД, 1972 — Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972. 302 с.
- РДС — Русский демонологический словарь / Автор-сост. Т. А. Новичкова. СПб.: Петербургский писатель, 1995. 639 с.
- Редей, 1997 — Редей К. Древнейшие индоевропейские заимствования в уральских языках // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997. С. 141–155.
- Реформатский, 1956 — Реформатский А.А. Выступление на дискуссии по теории субстрата // Институт языкознания. Доклады и сообщения, IX. М., 1956. С. 110–117.
- Рихтер, 1968 — Рихтер Е.В. Заметки о терминах сельскохозяйственных орудий и жилища у русских западного Причудья // Труды Прибалтийской диалектологической конференции. Тарту, 1968. Тарту, 1970. С. 172–180.
- РКПС — Кузнецов П. С., Спорова А.М. Русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар, 1946.
- РМС — Учаев З.В., Захарова В.С. Русско-марийский словарь. Йошкар-Ола, 1999.
- РНС — Русско-ненецкий словарь. Сост. А. П. Пырерка, Н. М. Терещенко. М., 1948. 405 с.
- Романов — Романов М. Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянско-Дмитриевской волости Северо-Двинской губернии. 1928. 306 с. (Рукопись СРНГ).

- Романова, 1966 — Романова Н. П. Алтайские заимствования в русском говоре Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области (к проблеме лексического заимствования в условиях билингвизма). АКД. Новосибирск, 1966.
- Росс. Целлариус — Российский Целлариус или этимологический российский лексикон. Изд. Ф. Гелтергофом. М., 1771.
- Рот, 1973 — Рот А. М. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Budapest, 1973.
- Русинов, 1978 — Русинов Н. Д. Граница между ярославско-костромскими и калининскими говорами теперь и в прошлом // Эволюция и предыстория языкового строя. Горький, 1978. С. 3–16.
- Русская диалектология, 1964 — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.
- Русские — Русские. Историко-этнографический атлас: Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (Середина XIX — начало XX века). М., 1967. 359 с.
- Русский Север, 2001 — Русский Север. Этническая история и народная культура XVII–XX века / Отв. ред. И. В. Власова. М., 2001. 848 с.
- Рут, 1981 — Рут М. Э. К этимологии севернорусских *тярега*, *кярега*, *нидега*, *инега*, *корега* // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 66–68.
- Рут, 1984 — Рут М. Э. К проблеме разграничения субстратной и заимствованной лексики финно-угорского происхождения на территории Русского Севера // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 31–41.
- РФС — Русско-финский словарь / Под ред. М. Э. Куусинена и В. М. Оллыкайнен. Москва, 1963. СПб., 1997. 1000 с.
- РЧС — Русско-чувашский словарь / Под ред. Н. К. Дмитриева. М., 1951. 896 с.
- Рыбников, 1864 — П. Н. Рыбников. Сборник слов, употребляемых в Олонецкой губернии. // Этнографический сборник. СПб., 1864. Вып. 6. С. 1–24.

- Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Ч. 1. М., 1862. Ч. 2. Петрозаводск, 1864. Ч. 3. СПб., 1867. Ч. 4.
- РЭС — Русско-эстонский словарь / Сост. В. Мухель. Таллин, 1982. 832 с.
- Рябинин, 1997 — Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997. 259 с.
- Рягоев, 1977 — Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. 287 с.
- Рясянен, 1968 — Рясянен М. Об урало-алтайском языковом родстве // ВЯ. 1968. № 1. С. 43–49.
- Саарикиви, 2000 — Саарикиви Я. Финно-угорский субстрат в говорах Пинежья. Перспективы историко-лингвистического изучения // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000. Вып. 1. С. 49–56.
- Саарикиви, 2002 — Саарикиви Я. Саамская субстратная топонимия Русского Севера с точки зрения сравнительной финно-угристики // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2002. С. 94–113.
- Сало, 1966 — Сало И. В. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. Диссертация на соискание уч. ст. канд. филолог. наук. М., 1966. (КСРНГ).
- Сало, 1966а — Сало И. В. Некоторые выводы о прибалтийско-финских и саамских заимствованиях и их освоении в севернорусских говорах карельского Беломорья // СФУ. 1966. 2. С. 91–98.
- Сало, 1971 — Сало И. В. Из истории взаимоотношений вепсов, карел и русских карельского Беломорья // Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с иносистемными языками. Л., 1971. С. 57–62.
- Сало, 1997 — Сало У. Прибалтийские заимствования прибалтийско-финских языков с точки зрения археологии // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997. С. 81–90.
- Саматова, 2000 — Саматова Е. К. «Борзыми ногами спеть по звелю». Словарь кинологической лексики. Екатеринбург, 2000.

- Сахарова, Сельков, 1976 — Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–1999. Вып. 1–8.
- СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- СГБРС — Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь. СПб., 1997. 192 с.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–2002. Тт. 1–2.
- СГТЯЛ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1997.
- СДЕ — Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть / Ред. Н. Раевский, М. Габинский. Кишинэу, 1978. 678 с.
- Седов, 1970 — Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. 200 с.
- Сенкевич-Гудкова, 1965 — Сенкевич-Гудкова В. В. Прибалтийско-финские заимствования синонимы в русских говорах Карелии (На материале говоров Заонежья и Пудожья) // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Материалы конференции Северного зонального объединения кафедр русского языка пединститутов 1962 года. Л., 1965. Т. 257. С. 153–161.
- Сергеев, 1972 — Сергеев И. Т. Чувашизмы в русских говорах Поволжья // Диалекты и топонимия Поволжья. (Материалы и сообщения). Чебоксары, 1972. Вып. 1. С. 63–69.
- Сергеев, 1968 — Сергеев Л. П. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968.
- Сергеенко, 1984 — Сергеенко Э. С. Фонетическое и лексико-семантическое освоение коми слов в островном русском говоре Коми АССР // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар, 1984. С. 96–107.
- Серебренников, 1956 — Серебренников Б. А. Проблема субстрата // Институт языкознания. Доклады и сообщения, IX. М., 1956. С. 33–56.

- Серебренников, 1963 — Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Серебренников, 1968 — Серебренников Б. А. К этимологии некоторых названий лодки в уральских языках // Этимология 1966. М., 1968. С. 302–303.
- Серебренников, 1983 — Серебренников Б. А. О некоторых результатах контактирования финно-угорских и тюркских языков // СФУ. 1983. XIX, 2. С. 112–114.
- Серебренников, 1985 — Серебренников Б. А. Существовала ли финно-волжская общность // ВЯ. 1985. № 2. С. 10–21.
- Сетаров, 1971 — Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях животного мира. АКД. Алма-Ата, 1971.
- Сими́на, 1980 — Сими́на Г. Я. Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимии Пинежья). Л., 1980. 110 с.
- Симони, 1757 — Симони П. К. Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом (по записи 1757 г.) // Живая старина. 1898. Вып. 3–4. С. 443–448.
- СИС — Словарь иностранных слов. М., 1989. 621 с.
- Скибина, 1971 — Скибина М. П. Заимствования из казахского языка в русских говорах Казахстанского Прииртышья. АКД. Алма-Ата, 1971.
- Скирдов, 1956 — Скирдов В. Д. Среднеазиатская лексика в речи русского населения северных областей Киргизии // Тр. Пржевальского пед. ин-та, 1956. Вып. 4, С. 347–359.
- Скляров — Скляров Э. Л. Съедобные и лекарственные растения Русского Севера. Архангельск, [без года изд.]. 271 с.
- Скуратова, 1962 — Скуратова Н. И. Некоторые особенности глагольной системы говоров Заонежья Карельской АССР // Уч. зап. Петрозаводского ун-та, 1962. Т. X, вып. 3.
- Скуратова, 1962а — Скуратова Н. И. Местоимения в говорах Заонежья // Лингвистический сб. Петрозаводского ун-та. Вып. 2, 1962.

- Скуратова, 1979 — Скуратова Н. И. Склонение имен прилагательных в говорах Заонежья Карельской АССР // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 16–20.
- СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. 495 с.
- СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.
- Слов. Акад. 1789–1794 — Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Чч. 1–6.
- Слов. Акад. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1847. Тт. 1–4.
- Слов. Акад. 1891–1920 — Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Тт. 1–41 и в выпусках, изд. 1891–1920.
- Слов. Пск. посл. — Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб., 2001. 175 с.
- Слов. Ушакова — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940. Т. 1–4.
- Словарь охотника-природолюбца — Словарь охотника-природолюбца. Термины, идиомы, фразеологические обороты / Сост. И. Касаткин. М., 1995.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2000. Вып. 1–25.
- Смирнов, 2002 — Смирнов Ю. И. Самопогребение чуди // Народные культуры Русского Севера: Материалы российско-финского симпозиума (3–4 июня 2001 года). Архангельск, 2002. С. 58–64.
- Смолицкая, 1976 — Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- СМЯ — Словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1990–1998. Т. 1–4.
- Соболевский, 1902 — Соболевский А. И. О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности // Изв. АН. 1902. Т. 7, кн. 3.

- Соболевский, 1903 — Соболевский А. И. Разбор Словаря Олонцкого наречия Г. Куликовского. СПб., 1903. (Отд. отт. Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1901 г.).
- Соколов, 1908 — Соколов М. Е. О языке сказок, песен и областных словарях (по поводу фонетической записи сказки об Илье Муромце) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1908. Вып. 24. С. 128.
- Соколова, 1969 — Соколова О. И. Инфинитив в пудожских говорах Карелии // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1969. Вып. 2.
- Соколова, 1969а — Соколова О. И. Возвратные формы глагола в Пудожских говорах Карелии // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1969. Вып. 2.
- Соколова, 1969б — Соколова О. И. К Изучению русских говоров Карельской АССР // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1969. Вып. 2.
- Соколовы, 1915 — Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. СПб., 1915.
- Сорокин, 1992 — Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб., 1992. 268 с.
- Сороколетов, 1974 — Сороколетов Ф. П. Произведения фольклора и диалектная лексика // Диалектная лексика 1973. Л., 1974. С. 193–204.
- Спиридонов, 1989 — Спиридонов А. М. К истории Посвирья: Опыт комплексного привлечения данных // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 146–159.
- Справочник личных имен народов РСФСР — Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1987.
- СРГАЛТ — Словарь русских говоров Алтая. Барнаул, 1993–1998. Тт. 1–4.
- СРГБ — Словарь русских говоров Башкирии. Уфа, 1993. Вып. 1.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2002. Тт. 1–5.
- СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

- СРГО — Словарь русских говоров Одесщины. Одесса, 2000–2001. Т. 1–2.
- СРГП — Словарь русских говоров Приамурья / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983. 340 с.
- СРГС — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964–1967. Т. 1–3.
- СРГСР, 1996 — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под. ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996. 580 с.
- Срезневский, 1851 — Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вести Русского географического общества. СПб., 1851. Ч. 1, кн. 1.
- Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912. Тт. 1–3.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М., Л., СПб., 1965–2002. Тт. 1–36.
- СРНДР — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991. 179 с.
- СРФ — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб., 1984–2001. Вып. 1–12.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 489 с.
- ССМЯ — Мустаев Е. Н. Словарь синонимов марийского языка. Йошкар-Ола, 2000. 544 с.
- ССО — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение. Томск, 1975. Ч. 1–2.
- ССПР — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Томск, 1992–1993. Т. 1–3.
- Станков, 1957 — Станков В. И. и др. Определитель высших растений Европейской части СССР. М., 1957. 740 с.

- Страхов, 1999 — Страхов А. Б. Новгородские и псковские «переходы» *мл' > н', tl > кл, dl > гл*: альтернативные решения // *Paleoslavica*. 1999. VII. P. 275–296.
- Строгальщикова, 1986 — Строгальщикова З. И. Традиционное жилище Межозерья. Л., 1986.
- Строгова, 1966 — Строгова В. П. О слове химы в новгородских говорах // Вопросы диалектологии и истории русского языка. Мурманск, 1966. С. 33–43. (Уч. зап. Новгородск. пед. ин-та. Т. 11).
- Строгова, 1975 — Строгова В. П. Об особенностях некоторых древних заимствований в новгородских говорах // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 195–199.
- Субаева, 1971 — Субаева Р. Х. Тюрко-татарские элементы в «Атласе русских народных говоров Волго-Камья» // Вопросы русской диалектологии Волго-Камья. Казань, 1971. С. 111–119.
- Субботина, 1978 — Субботина Л. А. Заимствованная лексика в русских говорах Прикемья // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978. С. 66–78.
- Субботина, 1985 — Субботина Л. А. Заимствования в географической терминологии Белозерья. АКД. Свердловск, 1985.
- Субботина, 1987 — Субботина Л. А. Субстратные географические термины в топонимии Белозерья // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. С. 95–109.
- Субботина, 1988 — Субботина Л. А. Вепские заимствования в географической лексике Белозерья // Историческое развитие языков и методы его изучения. Свердловск, 1988.
- Субботина, 1988а — Субботина Л. А. Саамские элементы в географической терминологии Белозерского края // Этимологические исследования. Сборник научных трудов. Свердловск, 1988. С. 18–22.
- Субботина, 1993 — Субботина Л. А. Этнические и языковые контакты в Белозерье // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993. С. 107–113.

- Судаков, 1984 — Судаков Г. В. Названия предметов домашней утвари в русском языке XVI–XVII вв // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 50–73.
- Суйсарь — Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997. 295 с.
- Сурхаско, 1985 — Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Л., 1985. 170 с.
- Суспицина, 1993 — Суспицина И. Н. Метеорологическая лексика прибалтийско-финского происхождения в бассейне реки Вытегры // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993. С. 157–164.
- Суханова, Муллонен, 1986 — Суханова В. С., Муллонен М. И. О 'г' протетическом в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Пермский университет. Сыктывкар, 1986. С. 38–45.
- Сухачев, 2002 — Сухачев Н. Л. Теория стратов, языковое смешение и «объясняющая лингвистика» // *Colloquia classica et indogermanica*. III. Классическая филология и индоевропейское языкознание / Под ред. Н. Н. Казанского. СПб., 2002. С. 317–330.
- СЮКК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1988.
- Сюръялайнен, 1981 — Сюръялайнен Ю. С. Варианты названий растений в финских говорах Ленинградской области // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и лексикографии. Л., 1981. С. 32–39.
- Тараканов, 1985 — Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые контакты. АДД. Устинов, 1985.
- Тароева, 1965 — Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. Этнографический очерк. М.; Л., 1965. 223 с.
- Тверское Припиросье — Караваев А. П., Ласточкин Н. А. Тверское Припиросье в конце XV века и теперь. М., 1994. 48 с.
- ТВСЯ — Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974.

- Тепляшина, 1978 — Тепляшина Т. И. Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских языках // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. М., 1978. С. 266–326.
- Тер-Аванесова, 1991 — Тер-Аванесова А. В. Ударение тематических глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные в говорах Заонежья // Современные русские говоры. М., 1991. С. 67–83.
- Терешкин, 2002 — Терешкин С. Н. Йоканьгский диалект саамского языка. АКД. СПб., 2002. 20 с.
- Террачини, 1971 — Террачини Б. Субстрат / Пер. Г. Д. Муравьевой // Современное итальянское языкознание. М., 1971. С. 17–55.
- Теуш, 2001 — Теуш О. А. Земледельческие термины, мотивированные признаками 'новый' и 'старый' // В. И. Даль и региональная лексикология и лексикография. Ярославль, 2001. С. 87–89.
- Теуш, 2002 — Теуш О. А. Межъязыковое лексическое взаимодействие в сфере географической терминологии на Европейском Севере // Изв. Уральского ун-та. Гуманитарные науки. 2002. Вып. 5, № 24. С. 189–206.
- Теуш, 2003а — Теуш О. А. Этимологизация финно-угорских заимствований в русском языке и семантический анализ // ВЯ. 2003. 1. С. 99–108.
- Теуш, 2003б — Теуш О. А. Взаимодействие языков Европейского Севера России в сфере географической лексики // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 342–345.
- Теуш, 2003в — Теуш О. А. К этимологии рус. диал. *сузём* // Ономастика и диалектная лексика IV. Екатеринбург, 2003. С. 9–14.
- Тихомирова, 1995 — Тихомирова Н. П. Географическая лексика в белозерских говорах // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Вологда, 1995. С. 158–164.

- Ткаченко, 1978 — Ткаченко О. Б. К исследованию финно-угорского субстрата в русском языке // СФУ. 1978. XIV, 3. С. 204–210.
- Ткаченко, 1983 — Ткаченко О. Б. Merjanica. Фрагменты мерянской глагольной системы: спрягаемые формы // СФУ. 1983. XIX, 2. С. 105–111.
- Ткаченко, 1985 — Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев, 1985. 207 с.
- Ткаченко, 1989 — Ткаченко О. Б. Очерки теории языкового субстрата. Киев, 1989. 207 с.
- Толстой, 1969 — Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. М., 1969.
- Топоров ПЯ — Топоров В. Н. Прусский язык: Словарь. М., 1975–1990. Тт. 1–5.
- Топоров, 1990 — Топоров В. Н. О характере древнейших балто-финноугорских контактов по материалам гидронимии // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. М., 1990. Ч. 1. С. 101–107.
- Топоров, 1995 — Топоров В. Н. О балто-славянской диалектологии (несколько соображений) // Dialectologia slavica. Сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна. М., 1995. С. 40–53.
- Топоров, 1997 — Топоров В. Н. К вопросу о древнейших балто-финноугорских контактах по материалам гидронимии // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997. С. 325–331.
- Тр. МДК, вып. 5, 1915 — Труды Московской диалектологической комиссии. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915. Вып. 5.
- Третьяков, 1966 — Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. 308 с.
- Трусман, 1884 — Трусман Ю. С. Финские элементы в Гдовском уезде СПб. Губ. СПб., 1884.

- Туркин, 1970 — Туркин А. И. К вепско-карельским заимствованиям в коми-зырянских диалектах // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. 5. С. 156–159.
- Туркин, 1972 — Туркин А. И. Топонимия Нижней Вычегды. АКД. М., 1972.
- Туркин, 1973 — Туркин А. И. Вепско-карельская топонимия в бассейне Вычегды // СФУ. 1973. IX, № 1. С. 11–13.
- Туркин, 1974 — Туркин А. И. О прибалтийско-финских и коми-зырянских языковых контактах // СФУ. 1974. № 1. С. 7–9.
- Туркин, 1985 — Туркин А. И. Прибалтийско-финский и саамский компоненты в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Труды Института языка, литературы и истории. Сыктывкар, 1985. Т. 36. С. 54–67.
- Туркин, 1986 — Туркин А. И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986. 141 с.
- Тынтуева, 1982 — Тынтуева Е. И. Из истории слов омшаник и голбец в диалектном языке (На материале бытовой лексики говора семейских старообрядцев Забайкалья) // Диалектная лексика 1979. Л., 1982. С. 161–169.
- УРС — Удмуртско-русский словарь / Сост. В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Лодкина, А. И. Малых и др. М., 1948. 446 с.
- Успенский, 1913 — Успенский П. Русско-чудский словарь с некоторыми грамматическими указаниями. СПб., 1913. 32 с.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940. Тт. 1–4.
- Фадеев, 1979. — Фадеев Г. А. О структурно-семантической интерпретации синонимии (на материале глагольной лексики говоров Заонежья) // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 41–51.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Тт. 1–4.
- Федотов, 1965 — Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965.

- Филимонов, 1891 — Филимонов К. Ф. Слова и выражения, употребляемые в Коштугской волости в разговорной речи // Олон. губ. вед. 1891. № 61–67.
- Филин, 1981 — Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
- ФИНБС — Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- ФРС — Финско-русский словарь / Под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. Таллин, 1996. 815 с.
- Хааг, 1955 — Хааг К. О границах диалектов // Немецкая диалектография. М., 1955. С. 74–84.
- Хайрутдинова, 1993 — Хайрутдинова Т. Х. Названия пищи в татарском языке. Казань, 1993. 140 с.
- Хакулинен, 1953 — Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. М., 1953–1955. Ч. 1, 2.
- Халиков, 1995 — Халиков Н. А. Хозяйство татар Поволжья и Урала. Казань, 1995. 196 с.
- Харузин, 1890 — Харузин Н. Н. Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М., 1890.
- Хелимский, 1986 — Хелимский Е. А. Труды В. М. Иллич-Свитыча и развитие ностратических исследований за рубежом // За-рубежная историография славяноведения и балканистики. М., 1986. С. 229–282.
- Хелимский, 1995 — Хелимский Е. А. Сверхдревние германизмы в прибалтийско-финских и других финно-угорских языках. История проблемы в краткой аннотированной и комментированной библиографии // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. С. 3–37.
- Хелимский, 1997 — Хелимский Е. А. Два шиша: *Turkic šiš(ik)* and *Fennik h̄isi* in Russian // Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 358–362.
- Хелимский, 1997 — Хелимский Е. А. Uralo-indogermanica: балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997. С. 224–249.

- Хонти, 1985 — Хонти Л. О связях уральских и алтайских языков // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык / Отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск, 1985. С. 159–172.
- Хофстра, 1997 — Хофстра Т. Германские заимствованные слова в прибалтийско-финском и дальнейшие отношения заимствования между германским и прибалтийско-финским // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997. С. 128–140.
- Хроленко, 1991 — Хроленко А. Т. Наддиалектен ли язык русского фольклора? // Фольклор в современном мире. М., 1991. С. 55–67.
- Хроленко, Бобунова — Хроленко А. Т., Бобунова М. А. Фрагмент словаря языка русского фольклора: лексика русского эпоса (на материале «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга) // Фольклорная лексикография. Курск, 1997. Вып. 7. С. 3–58.
- Цыганенко, 1970 — Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970. 599 с.
- Цыганкин, 1961 — Цыганкин Д. Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1961. Т. 1. С. 294–395.
- Цыпанов, 1992 — Цыпанов Е. А. Коми кыв. Самоучитель коми языка. Сыктывкар, 1992. 288 с.
- Чагишева, 1949 — Чагишева В. И. Говоры восточного побережья озера Ильмень. АКД. Л., 1949.
- Чагишева, 1958 — Чагишева В. И. Говоры Вологодской области // Уч. зап. ЛПИ им. А. И. Герцена. Л., 1958. Т. 173.
- Чайкина, 1975 — Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3–187.
- Чайкина, 1993 — Чайкина Ю. И. Словарь географических названий Вологодской области. Вологда, 1993. 175 с.
- Чарнолуский, 1930 — Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л., 1930. 176 с.
- Чекмонас, 1998 — Чекмонас В. Судьбы фонетических открытий О. Брока в контексте истории славянской диалектологии, фо-

- нетики и фонологии XX в. // *A Centenary of Slavic Studies in Norway. The Olaf Broch Symposium. Papers.* Oslo, 1988. P. 36–61.
- Черепанова, 1983 — Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. 170 с.
- Черепанова, 1983а — Черепанова О. А. Наблюдения над лексикой Стоглава (Лексика, связанная с понятиями духовной и культурной жизни) // *Русская историческая лексикология и лексикография.* Л., 1983. С. 17–25.
- Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Тт. 1–2.
- Чикачев, 1990 — Чикачев А. Г. Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990.
- Чумакова, 1959 — Чумакова Ю. П. Лексика обработки конопли и шерсти, прядения и ткачества в районе «Богословщины» // *Уч. зап. Ряз. пед. ин-та.* 1959. 25. С. 341–385.
- Шахматов, 1915 — Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Шахматов, 1941 — Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. 288 с.
- Шайжин, 1903 — Шайжин Н. С. Особенности Пудожского говора // *Олон. губ. вед.*, 1903. № 126–128. С. 130–136.
- Шайжин, 1922 — Шайжин Н. С. Говоры Прионежья // *Северный край.* Вологда, 1922. Кн. 2.
- Шегрен, 1854 — Шегрен А. М. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных // *Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики.* СПб., 1854. С. 145–165.
- Шейн, 1873 — Шейн П. В. Дополнение и заметки к «Толковому словарю Даля» // *Сб. ОРЯС*, 1873. Т. X, № 8. С. 1–52.
- Шелепова, 1977 — Шелепова Л. И. Диалекты как источник этимологии. Томск, 1977. 83 с.
- Шелепова, 1994 — Шелепова Л. И. Диалекты и этимология (источниковедческий аспект). Барнаул, 1994.

- Шилов, 1997 — Шилов А. Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология заволочской чуди // ВЯ. 1997. № 6. С. 3–21.
- Шилов, 1999а — Шилов А. Л. Заметки по исторической топонимии Русского Севера. М., 1999. 100 с.
- Шилов, 1999 — Шилов А. Л. К стратификации дорусской топонимии Карелии // ВЯ. 1999. № 6. С. 102–114.
- Шилов, 2001 — Шилов А. Л. Семантика термина «голова» в номинации географических объектов Русского Севера в контексте межэтнических контактов // Когнитивные исследования грамматической и лексической семантики. 2001. С. 87–88.
- Шилов, 2003 — Шилов А. Л. Топонимические модели и этимологизация субстратных топонимов Русского Севера // ВЯ. 2003. № 4. С. 29–42.
- Шипова, 1976 — Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.
- Шмелев, 1961 — Шмелев Д. Н. Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности // Вопросы славянского языкознания. 1961. № 5. С. 191–199 (Также опубл. в: Избранные труды по русскому языку. М., 2002. С. 501–516).
- Штейниц, 1970 — Штейниц В. Финно-угорско-тюркские этимологии // Язык и человек. Сб. статей памяти проф. П. С. Кузнецова. М., 1970. С. 279–283.
- Шумкин, 1991 — Шумкин В. Я. Этногенез саамов (археологический аспект) // Происхождение саамов. М., 1991. С. 129–149.
- Шумкин, 2001 — Древнейшее население Фенноскандии // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб.: изд-во СПбГУ, 2001. С. 17–22.
- Щербак, 1970 — Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
- Щербак, 1997 — Щербак А. М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи. СПб., 1997.
- Эдельман, 2002 — Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М., 2002. 230 с.

- Элиасов — Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- ЭРС — Эрзянско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. Москва: Русский язык, 1993. 804 с.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–1985. Тт. 1–3.
- ЭСМЯ — Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1979–1983. Т. 1–2.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–2001. Вып. 1–28.
- ЭСТЯ, 1974 — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- ЭСТЯ, 1978 — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву *Б*. М., 1978.
- ЭСТЯ, 1980 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы *В* и *Г, Д*. М., 1980.
- ЭСТЯ, 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы *Ж', Ж, Й*. М., 1989.
- ЭСТЯ, 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы *К', К*. М., 1997.
- ЭСТЯ, 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву *К* / Отв. ред. Г. Ф. Благова. М., 2000. 259 с.
- ЭСЧА — Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашиздат, 1964. 355 с.
- Юккогуба — Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. 428 с. (коллективная монография).
- Юрченко, 2002 — Юрченко А. Ю. Колонизация побережья Баренцева моря в XIX — начале XX века: два подхода к освоению

- региона // Скандинавские чтения 2000 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 184–190.
- Яковлев, 1920 — Яковлев И. В. Сравнительный словарь удмуртских диалектов. Казань, 1920.
- Якушкин, 1961 — Якушкин А. В. Дракинский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1961. Т. 1. С. 197–293.
- Яновский — Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. М., 1799–1802. Чч. 1–3.
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.
- Ярцева, 1956 — Ярцева В. Н. Теория субстрата в истории языкознания // Институт языкознания: доклады и сообщения, IX. М., 1956. С. 2–32.
- Ahlquist, 1861 — Ahlquist A. Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichnis. St-Petersburg, 1861. 214 S.
- Ahlqvist, 1996 — Ahlqvist A. The ethnonim muroma // Finnisch-ugrische Sprachen in Kontakt. Maastricht, 1996. S. 47–54.
- Ahlqvist, 1998 — Ahlqvist A. Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // *Studia slavica Finlandensia*. Helsinki, 1998. Т. 15. С. 5–39.
- Ahlqvist, 1998, Mer — Ahlqvist A. Merjalaiset — suurten järvien kansaa // *Virittäjä*, 1998. 1. S. 24–55.
- Ascoli, 1881 — Ascoli G. Una lettera glottologica. Torino, 1881.
- Bartoli — Bartoli M. D. Introduzione alla neolinguistica. Ginevra, 1925.
- Basilier, 1890 — Basilier H. J. Vepsäläiset Isaijevan voolestissa // *Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja*. 1890. VIII. S. 43–84.
- Beke, 1911 — Beke Ö. Cseremisiz nyelvtan. Budapest, 1911.
- Bereczki, 1996 — Bereczki G. Le méria, une langue balto-finnoise // *Contacts de langue et cultures dans l'aire baltique*. Mélanges

- offerts à Fanny de Sivers // Uppsala Multiethnic Papers 39. Uppsala, 1996. P. 69–76.
- Björnflaten, 1997 — Björnflaten J. I. Finno-Ugrians, Varangians and Slavs in Upper Russia: New chronologies and interpretations // Meddelelser. 1997. № 79. S. 69–83.
- Brückner, 1877 — Brückner A. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877.
- Brückner, 1927 — Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
- Būga — Būga K. Rinkiniai raštai. Vilnius, 1958–1961. T. 1–3.
- Castrén, 1844 — Castrén M. A. Anteckningar om Sawolotschesskaja Tschud. Suomi, 1844.
- Collinder, 1952 — Collinder B. Hat das Uralische Verwandte? Uppsala, 1965.
- Collinder, 1955 — Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Uppsala, 1955.
- Collinder, 1957 — Collinder B. Survey of the Uralic Language. Grammatical Sketches and Commented Texts with English translations. Stockholm, 1957. 536 S.
- Collinder, 1960 — Collinder B. Comparative Grammar of Uralic Languages. Stockholm, 1960.
- Dauzat, 1922 — Dauzat A. La géographie linguistique. Paris, 1922.
- DELFL — Dictionnaire étymologique de la langue française / Dauzat A. Paris, 1938. 824 P.
- DEWOS — Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966–1968. Вып. 1–3.
- EONDS — Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog. Oslo, 1999. 1089 s.
- EstNED — Söderman T. Lexical characteristics of the Estonian North Eastern coastal dialect // AUU, Studia Uralica Upsaliensis, 24. Uppsala, 1966.
- EWD — Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Berlin, 1989. B. 1–3.

- Filppula, 1991 — Filppula M. New models and typologies of language contact // *Language contacts East and West*. Joensuu, 1991. S. 5–31.
- Fokos-Fuchs, 1962 — Fokos-Fuchs D. R. Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft. Wiesbaden, 1962.
- Fraenkel — Fraehkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1962–1965. T. 1–2.
- Genetz, 1872 — Genetz A. Vepsän pohjoiset etujoukot // *Kieletär*. 1872. Vih. 4. S. 3–32; 1873. Vih. 5. S. 3–26.
- Gombocz, 1912 — Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der Ungarischen Sprache // *SUST*. 1912. 30.
- Haag, 1898 — Haag K. Die Mundarten des oberen Neekar- und Donautandes. Reutlingen, 1898.
- Hadrovics, 1985 — Hadrovics L. Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest, 1985.
- Hakulinen, Ojanen, 1976 — Hakulinen A., Ojanen J. Kielitieteen ja fonetiikan termistöä. SKRST, 324. Forssa, 1976.
- Hausenberg, 1998 — Hausenberg A. R. Language affinity and language contacts in the history of settlement of Northeast Europe // *Language Contact, Variation and Change*. Joensuu, 1998. P. 111–124.
- Horning, 1893 — Horning A. Über Dialektgrenzen im Romanischen // *Zeitschrift für romanische Philologie*. 1893. T. 17. S. 160–187.
- IMS — Inkeröismurteiden sanakirja / Toimit. R. E. Nirvi. Helsinki, 1971.
- Itkonen, 1932 — Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen // *STT*. Helsinki. 1932. B. 27. S. 45–65.
- Itkonen, 1973 — Itkonen T. I. Liisiä eräaseen lapin vokaaliston ongelman // *Commentationes Fenno-ugricae in honorem Erkki Itkonen*. *SUST*, 150. Helsinki, 1973. S. 75–124.
- Jacobsson, 1998 — Jacobsson G. Scandinavian, Lappish, Slavic // *A Centenary of Slavik Studies in Norway. The Olaf Broch Symposium*. Papers. Oslo, 1988. P. 85–93.

- Joki, 1952 — Joki A. J. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. Helsinki, 1952.
- Kalima, 1910 — Kalima J. Alte Berührungen zwischen den Finnisch-ungarischen und Slavischen Sprachen // Wörter und Sachen, 2. Heidelberg, 1910. S. 182–186.
- Kalima, 1912 — Kalima J. Kritisches zur Frage über die Finnisch-ugrischen Element im Russischen. I / Рец. на: А. Л. Погодин. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Rocznik slawistyczny. Kraków, 1912. T. 5. S. 79–95.
- Kalima, 1913 — Kalima J. Kritisches zur Frage über die Finnisch-ugrischen Element im Russischen. II (Zelenin, Vasmer, Pogodin) // Rocznik slawistyczny. Kraków, 1913. T. 6. S. 74–94.
- Kalima, 1915 — Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- Kalima, 1919 — Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu. Helsinki, 1919. XLIV.
- Kalima, 1927 — Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen // FUF. Helsinki, 1927. XVIII. S. 1–56.
- Kalima, 1930 — Kalima J. Karjala-aunuksen ja vepsän *s*-alkuisista sanoista // Suomi. 1930. 5, 10. S. 194–201.
- Kalima, 1932 — Kalima J. Suomalaisista, karjalaisista ja vepsäläisistä lainoista venäjän kielessä // Karjalan kirja. Porvoo, 1932. S. 358–364.
- Kalima, 1936 — Kalima J. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat // SKST, Helsinki, 1936. Bd. 202.
- Kalima, 1938 — Kalima J. Anz. J. J. Mikkola. Die ältesten Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch // FUF, 26. Helsinki, 1938.
- Kalima, 1952 — Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme // SKST, 243. Helsinki, 1952. 234 S.
- Kálmán, 1961 — Kálmán B. Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1961.
- Kannisto, 1925 — Kannisto A. Die tatarischen Lehnwörter im Wogulischen // FUF. 1925. Helsingfors. 17. S. 1–264.

- Kettunen, 1922 — Kettunen L. Lõune-vepsa häälik-ajalugu // Acta et Commentationes. Tartu, 1922. Ser. B, t. 3, № 4.
- Kettunen, 1929 — Kettunen L. Eestin kielen äännehistoria. Helsinki, 1929.
- Kettunen, 1930 — Kettunen L. Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930.
- Kettunen, 1960 — Kettunen L. Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet // SUST, 119. Helsinki, 1960. 252 S.
- Kettunen, 1962 — Kettunen L. Eestin kielen äännehistoria. Helsinki, 1962.
- Kiparsky, 1948 — Kiparsky V. Chronologie des relations slavobaltique et slavofinnoises // Revue des études Slaves, 24. 1948. P. 29–47.
- Kiparsky, 1958 — Kiparsky V. Ims. n äänteen vastineet venäjässä // Virittäjä, 1958. S. 165–174.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5 // LSFU. Helsinki, 1968–1997. 16, 1–5.
- Kluge — Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache / Bearb. Von Elmar Seebold. Berlin; New York, 1999. 921 S.
- Koivulehto, 1991 — Koivulehto J. Uralische Evidenz für die Laringaltheorie. Wien, 1991.
- KOLTKS — Itkonen T. I. Koltan ja kuolalapin sanakirja. O. 1–2 // LSFU, XV. Helsinki, 1958.
- Koponen, 1996 — Koponen E. Lappische Lehnwörter im Finnischen und Karelisten // AUU. Studia Uralica Upsaliensia, 26. Uppsala, 1996. S. 83–98.
- Korenchy, 1972 — Korenchy É. Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen. Budapest, 1972.
- Korhonen, 1979 — Korhonen O. Lappische Lehnwörter im ältesten Einödsgebiet Finnlands // FUF. 1979. B. 43, H. 1–3. S. 173–207.
- Korhonen, 1981 — Korhonen M. Johdatus lapin kielen historian. Helsinki, 1981.
- Krawczykiewicz, 1972 — Krawczykiewicz A. Zapożyczenia rosyjskie w języku wepskim // Acta philologica. 1972. № 5. S. 39–129.

- Künnap, 1998 — Künnap A. Breakthrough in present-day uralistics. Tartu, 1998. 122 S.
- Laanest, 1975 — Laanest A. Itämeren suomalaisten kielten soinnillisten klusslien fonologian kysymyksiä // Congressus Tertius internationalis Fenno-Ugrarum. Tallinnae Habitus 17–23. VIII, 1970. Pars I Acta linguistica. Tallinn, 1975. S. 250–253.
- Laanest, 1986 — Laanest A. Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia. Tallinn, 1986.
- Lakó, 1935 — Lakó G. Syrjänisch-wepsische Lehnbeziehungen // Ungarische Jahrbüher. 1935. Bd. 15, Hf. 2–3. S. 318–320.
- Lappalainen, 1979 — Lappalainen P. Karjalan Maa. Jyväskylä, 1979.
- Lauttamus, 1991 — Lauttamus T. Borrowing, codeswitching, and shift in language contact: evidence from finnish-english bilingualism // Language contacts East and West. Joensuu, 1991. S. 32–53.
- LBŽ — Lietuviškas botanikis žodynas / Red. Dagys J. Kaunas, 1938. 598 P.
- Lehiste, 1988 — Lehiste I. Lectures on Language Contact. Cambridge, 1988.
- Lidén, 1911 — Lidén E. Germanische Lehnwörter im Finnischen und Lappischen // FUF. 1911. B. 11, H. 1–2. S. 123–138.
- Liukkonen, 1999 — Liukkonen K. Baltisches im Finnischen // SUST, 235. Helsinki, 1999. 178 S.
- LVW — Kettunen L. Livisches Wörterbuch // LSFU, 1938. B. 5.
- Lytkin, 1967 — Lytkin V. I. Vepsäläiset ja komi-syrjäanit // Virittäjä. 1967, 71. S. 23–30.
- Lytkin, 1970 — Lytkin V. I. Läänemeresoome laensõnad permikeeles // Keel ja Kirjandus. 1970. 13. L. 46–79.
- Machek, 1968 — Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- Meckelein, 1913 — Meckelein R. Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. 1. Die finnisch-ugrischen Elemente im Russischen. Berlin, 1913.

- Mikkola, 1894 — Mikkola J. J. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. 1. Slavische Lehnwörter in der westfinnischen Sprachen // MSFOu. 1894. 8.
- Mikkola, 1938 — Mikkola J. J. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938.
- Mikkola, 1913 — Mikkola J. J. Altfi. Wiskoi 'fahrboot' // FUF, 1913. S. 163–166.
- Mikone, 2002 — Mikone E. Deskriptiviset sanat // SKS, 879. Helsinki, 2002.
- Minissi, 1970 — Minissi N. Come utilizzare la documentazione finno-ugristica nella linguistica indoeuropea. Napoli, 1970.
- MNTESZ — A magyar nyelv történeti-etymológiai szótára. Budapest, 1967–1976. Köt. 1–3.
- Mullonen, 1992 — Mullonen I. Zur rekonstruktion der wepsischen Lexik nach toponimischen Belegen // Linguistica Uralica. 1992. 28, № 1. S. 1–12.
- Mägiste, 1953 — Mägiste J. Zum fi. «harakka» 'Elster' und seinen Sippe // Ural-Altäische Jahrbücher. Bd. 25. Hf. 3–4.
- Mägiste, 1959 — Mägiste J. Gibt es im Tscheremissischen baltische Lehnwörter? // Ural-Altäische Jahrbücher. Wiesbaden, 1959. 31. S. 169–176.
- Mägiste, 1982 — Mägiste J. Estnisches etymologisches Wörterbuch. Helsinki, 1982.
- Nasibullin, 1996 — Nasibullin R. Sh. Linguistic geography as valuable source for historical science // Congressus Primus Historiae Fenno-Ugricae. Historia Fenno-Ugrica I, 1–2. Oulu, 1996. S. 119–125.
- Oinas, 1958 — Oinas F. J. Russian and eastern Balto-finnic linguistic contacts // American contributions to the Fourth international Congress of slavists. Moscow, September 1958. Mouton & Co. S-Gravenhage, 1958. 12 p.
- Ojanen, 1985 — Ojanen M. Adjektiivikategoria venäläis-lyydiläisissä kontakteissa // SUST, 118. Helsinki, 1985.
- Ojanen, 1988 — Ojanen M. Suomalais-karjalais-venäläisistä kontakteista // Kielikontakteja I. Tutkimuksia venäjän ja itämerensuomalaisten kielten alalta. Joensuu, 1988. S. 11–32.

- Ojansuu, 1911 — Ojansuu H. Beiträge zur Konsonantenlehre der finnischen Sprache // FUF, Helsinki, 1911. Bd. 11. Hf. 1–2. S. 141–157.
- Ojansuu, 1918 — Ojansuu H. Karjala-aunuksen äännehistoria. Helsinki, 1918.
- Paasonen, 1902 — Paasonen H. Über die türkischen Lehnwörter im ostjakischen // FUF, 1902. B. 2, H. 2. S. 81–137.
- Palmeos, 1962 — Palmeos P. Karjala Valdai murrak // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Emakeele Seltsi Toimetised, 5. Tallinn, 1962.
- Pedersen, 1903 — Pedersen H. Türkische Lautgesetze // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 57, 1903.
- Plöger, 1973 — Plöger A. Die russischen Lehnwörter in der Finnischen Schriftsprache. Wiesbaden, 1973. 377 S.
- Polák, 1964 — Polák V. Les éléments finno-ougriennes en Slave // Orbis. 1964. 13. P. 568–588.
- Paris, 1888 — Paris G. Les parlés des France // Revue de parlois gallo-romans, 2. 1888.
- Poppe, 1971 — Poppe N. Turkic Loan Words in Russian // Asiatische Forschungen, 34. Wiesbaden, 1971.
- Posti, 1942 — Posti. L. Grundzüge der livischen Lautgeschichte // MSFOu, LXXXV. Helsinki, 1942. S. 190–195.
- Posti, 1950 — Posti L. Remarks on the Treatment of Proto-Finnic *s* in Karelian and Veps // Commentationes Fenno-ugricae in honorem Y. H. Toivonen. SUST. XCVIII. Helsinki, 1950. S. 385–391.
- Rapola, 1961 — Rapola M. Johdatus suomen murteisiin. Helsinki, 1961.
- Ravila, 1968 — Ravila P. Mordvalaisten asutushistoriaa // Suomalainen Tiedeakatemia. Helsinki, 1968.
- Rédei, 1970 — Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Bloomington, 1970.
- Rédei, 1988 — Rédei K. Die ältesten indogermanischen Lehnwörter der uralischen Sprachen // The Uralic languages. Description,

- history and foreign influences / Ed. P. Sinor. Leiden-Köln, 1988. S. 638–664.
- Rikkonen, 1935 — Rikkonen V. Suomen sanakunnat *sop-*, *supp-*, *sopp-* ‘nurkka, ahdas paikka’ // Virittäjä. 1935. 35, 241. S. 241–249.
- Rona-Tas, 1988 — Rona-Tas A. Turkic Influence on the Uralic language // The Uralic Language. Description, History and Foreign Influence. Leiden, 1988. P. 742–780.
- Ronimus, 1906 — Ronimus. Novgorodin vatjalausen viidenneksen verokirja v. 1500 ja Karjalan asutus. Joensuu, 1906.
- Rudnyćkyj — Rudnyćkyj. An etymological dictionary of the Ukrainian. Winnipeg, 1962–1964. T. 1–3.
- Rudzite, 1964 — Rudzite M. Latviešu dialektoloģia. Riga, 1964.
- Räsänen, 1920 — Räsänen M. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // MSFou, XLVIII, 1920.
- Räsänen, 1923 — Räsänen M. Die tatarischen Lenhwörter im Tscheremissischen // MSFou. L. 1923.
- Räsänen, 1969 — Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- SALMS — Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. 426 S.
- Sarhimaa, 1991 — Sarhimaa A. Investigating Russian / karelian language contacts: explication of a linguistic-historical framework // Language contacts East and West. Joensuu, 1991. S. 54–79.
- Scărlătoiu, 1980 — Scărlătoiu E. Relații lingvistice ale aromânilor cu slavii de sud. Cuvinte e jrigine slavă. București, 1980.
- Schmidt, 1872 — Schmidt Y. Die Heimatverhältnisse der Indogermanen. Weimar, 1872.
- Schuchardt — Schuchardt H. Der Vokalismus des Vulgärlateins. Leipzig, 1866.
- Sebeok, 1950 — Sebeok T. A. The impotance of areal Linguistics in Uralic Studies // Commentationes Fenno-ugricae in honorem Y. H. Toivonen. SUST, XCVIII, Helsinki, 1950. S. 99–106.

- Sebestyén, 1943 — Sebestyén Irén. Fák és fás helyek régi nevel az uráli nyelverekben // Finnugor értekezések, 7. Budapest, 1943.
- SEJP — Słowski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1953–1979. T. 1–5.
- Setälä, 1891 — Setälä E. N. Yhteissuomalainen äännehistoria. Helsinki, 1891. Vihk. 1–2. S. 446.
- Setälä, 1902 — Setälä E. N. Zur finnisch-ugrischen lautlehre. 1. Über finnisch-ugrische *č*-laute. 2. Über die finnisch-ugrischen *s*-laute // FUF, 1902. B. 2, H. 3. S. 219–276.
- Setälä, 1929 — Setälä E. N. Itämerensuomalaisten kielten kosketukset slaavilaisten kanssa // SUSA, XLIII. Helsinki, 1929. S. 30–39.
- Sinor, 1982 — Sinor D. Tanulmányok. Nyelvtudományi Értekezések. Budapest, 1982.
- Sirelius, 1913 — Sirelius U. Primitive konstruktionsteile an prähistorischen schiffen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1913. B. 13, H. 1, 2. S. 1–6.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1981. O. 1–7.
- SSAP — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Helsinki, 1992–2000. O. 1–3.
- Stalsberg, 1982 — Stalsberg A. Scandinavian Relations with North-western Russia during the Viking Ages: The Archeological Evidence // Journal of Baltic studies. London, 1982. Vol. 13, № 3. P. 267–295.
- Steinitz, 1944 — Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus // Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis. Series B. Linguistica: 2. Stockholm, 1944.
- Steinitz, 1952 — Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus. Uppsala, 1952.
- Stipa, 1990 — Stipa G. J. Finnisch-ugrische Sprachforschung. Von der Renaissance bis zum Neopositivismus // MSFOu. 206. Helsinki, 1990.
- Suhonen, 1980 — Suhonen S. Baltilaisten lainasanojen levikistä ja merkityspiirteistä itämerensuomalaisissa kielissä // Virittäjä, 1980. S. 189–211.

- SYRW — Wichman Y., Uotila T. E. Syrjänischer Wortschatz // LSFU. VII. Helsinki, 1942.
- Thomason, Kaufman, 1988 — Thomason S. G., Kaufman T. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkeley; Los Angeles; London, 1988.
- Thomsen, 1890 — Thomsen. Beröringer mellem de finsk og de baltiske (Litauisk-Lettiske) sprog. Kopenhagen, 1890.
- Thörnqvist, 1948 — Thörnqvist Clara. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen // Труды по славянской филологии. Uppsala, Stockholm, 1948. Т. 2. 284 S. (Изд. Русским институтом при Стокгольмском университете).
- Toivonen, 1956 — Toivonen Y. H. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakishchen // FUF. 1956. B. 32, H. 1–2. S. 1–169.
- Trask, 1996 — Trask R. L. A Dictionary of Phonetics and Phonology. L.; N. Y., 1996. 424 P.
- Tunkelo, 1946 — Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria // SKST, 228. Helsinki, 1946.
- Turunen, 1946 — Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. 1. Konsonantit // MSFOu, LXXXIX. Helsinki, 1946.
- Turunen, 1947 — Turunen A. Lyydin asema vepsän ja karjala-aunuksen välimurteistona // Virittäjä. 1947. № 1. S. 1–12.
- Turunen, 1950 — Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. 2. Vokaalit // SUST, XCIX. Helsinki, 1950.
- UEW — Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1988. B. 1–2.
- Uotila, 1933 — Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in permischen Sprachen. Helsinki, 1933.
- Uotila, 1936 — Uotila T. E. Huomautuksia syrjäänin itämerensuomalaisista lainasanoista // Virittäjä. 1936. 40. S. 199–207.
- Uotila, 1990 — Uotila E. More Baltic loans from ancient everyday contexts: F. *suhta* and *hintä* // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. М., 1990. Ч. 1. С. 134–140.

- Vaba, EKES — Vaba L. Eesti keele etymologiline sõnaraamat. [Б. м., б. г.].
- Vaba, 1983 — Vaba L. Baltische Lehnwörter der Wolga-Sprachen im Lichte neuerer Forschungsergebnisse // СФУ. 1983. XIX, 2. С. 138–145.
- Vasmer, 1932 — Vasmer M. Beiträge zur historischen Volkenkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme. Berlin, 1932.
- Veenker, 1967 — Veenker W. Die Frage des finnougriischen Substrate in der russischen Sprache. Bloomington, 1967. 329 S.
- Veenker, 1992 — Veenker W. Finnougriisch-slavische Wechselbeziehungen // Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slavischen Sprachraum. Amsterdam; Atlanta, 1992. S. 175–196.
- Virtaranta, 1961 — Virtaranta P. Tverin karjalaisten ehtista elämää. Porvoo, 1961.
- Virtaranta, 1972 — Virtaranta P. Die Dialekte des Karelischen // СФУ. 1972. VIII, № 1. S. 7–27.
- VKMS — Tsvetkov D. Vatjan kielen Joenperän sanasto. Helsinki, 1995.
- Vries, 1971 — Vries J. Nederlands etymologisch woordenboek. Leiden, 1971. 977 S.
- VVV — Vepsa-venähine vajehnik. M.; L., 1936. 75 S.
- Vääri, 1959 — Vääri E. Liivikeele uurimise ajaloost // Emakeele Seltsi Aastaraamat, V. Tallinn, 1959. L. 192–197.
- Wartburg, 1936 — Wartburg von W. Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume // Zeitschrift für roman. Philologie. 1936. Bd. 56. S. 1–48.
- Weinreich, 1953 — Weinreich U. Languages in contacts // Findings and problems. N. Y., 1953.
- Wickman, 1996 — Wickman B. Über den Ursprung des lappischen š // AUU Lapponica et Uralica 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universitäre Uppsala. Studia Uralica Upsalensia 26. Uppsala, 1996. S. 123–126.

- Wichmann, 1902 — Wichmann Y. Samojedisches Lehngut in Syrjänschen // FUF. 1902. B. 2. H. 3. S. 165–183.
- Wichmann, 1903 — Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. MSFOu, 21. Helsingfors, 1903.
- Wichmann, 1911 — Wichmann Y. Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden affrikaten nebst einem exkurs über die finnisch-ugrischen anlautenden klusile // FUF, Helsinki, 1911. Bd. 11. H. 13. S. 173–290.
- Wichmann, 1920 — Wichmann Y. Syrjäanit ja karjalaiset // Valvoja. 1920. 40. S. 4–9.
- Wijk — Wijk van N. Franck's etymologisch woordenboek der nederlandse taal. Tw. Druk. 1912–1949.
- WWLM — Schlachter W. Wörterbuch des Waldlappendialekts von Mala. Helsinki, 1958. 294 S.
- Zaitseva, 1994 — Vepsän kieli ja sen kehitysnäkymiä // Vepsäläiset tutuiksi. Kirjoituksia vepsäläisten kulttuurista. Joensuu, 1994. S. 51–61.

А. ОБСЛЕДОВАННЫЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

- | | |
|-----------------------|------------------------------|
| Архангельская область | Холмогорский район |
| Вельский район | 20. Ломоносово |
| 1. Березник | Окрестности г. Северодвинска |
| 2. Хитово | 21. Кудьма |
| 3. Шунема | 22. Солза |
| Каргопольский район | Вологодская область |
| 4. Архангело | Бабаевский район |
| 5. Лекшмозеро | 23. Борисово |
| 6. Лодыгино | 24. Заболотье |
| 7. Малая Шалга | 25. Карасово |
| 8. Нокола | 26. Нижняя Ножема |
| 9. Семеновская | 27. Янишево |
| 10. Сорочинская | Вашкинский район |
| 11. Тихманьга | 28. Екимово |
| 12. Троица | 29. Новец |
| Няндомский район | 30. Пиксимова |
| 13. Усть-Нименьга | 31. Ухтома |
| Коношский район | Верховажский район |
| 14. Климовская | 32. Боровина |
| Онежский район | 33. Борок |
| 15. Анциферовский Бор | 34. Климушино |
| 16. Кянда | Вожегодский район |
| 17. Солозеро | 35. Мишутино |
| Плесецкий район | 36. Назаровская |
| 18. Пекшлахта | 37. Тюриково |
| 19. Филипповская | 38. Углы |

-
- | | |
|--------------------|------------------------|
| Вологодский район | Междуреченский район |
| 39. Коробово | 60. Степановская |
| | 61. Шейбухта |
| Вытегорский район | Никольский район |
| 40. Андома | 62. Байдарово |
| 41. Казаково | 63. Большой Двор |
| 42. Мегра | 64. Солотново |
| 43. Ошта | |
| 44. Палтога | Нюксенский район |
| | 65. Березовая Слободка |
| Белозерский район | 66. Мальчевская |
| 45. Зорино | 67. Мартыновская |
| 46. Маэкса | |
| 47. Мегра | Сокольский район |
| 48. Нижняя Мондома | 68. Архангельское |
| 49. Перкумзь | |
| 50. Пыжелохта | Сямженский район |
| 51. Старое Село | 69. Жихово |
| 52. Чалекса | |
| | Тарногский район |
| Грязовецкий район | 70. Гусиха |
| 53. Вараксино | 71. Мичуровская |
| 54. Иевлево | |
| | Тотемский район |
| Кадуйский район | 72. Горелая |
| 55. Андроново | 73. Холмищево |
| | |
| Кирилловский район | Харовский район |
| 56. Бородавы | 74. Азла |
| 57. Горицы | |
| 58. Пидьма | Чагодощенский район |
| 59. Ферапонтово | 75. Мегрино |

-
- | | |
|-----------------------|-------------------|
| Череповецкий район | 96. Космозеро |
| 76. Вощажниково | 97. Кузаранда |
| 77. Карельская Мушняя | 98. Ламбасручей |
| 78. Хантаново | 99. Лонгосы |
| | 100. Палтега |
| Устюженский район | 101. Петры |
| 79. Громошиха | 102. Сенная Губа |
| | 103. Таммичозеро |
| Шекснинский район | 104. Толвуя |
| 80. Сизьма | 105. Челмужи |
| | 106. Шильтя |
| Усть-Кубенский район | 107. Шуньга |
| 81. Канское | |
| | Прионежский район |
| Республика Карелия | 108. Заозерье |
| Беломорский район | 109. Ладва |
| 82. Сальнаволоок | 110. Машезеро |
| 83. Сумский Посад | 111. Педасельга |
| 84. Шижня | 112. Суйсарь |
| | 113. Ялгуба |
| Кондопожский район | Пудожский район |
| 85. Гангозеро | 114. Авдеево |
| 86. Кулмукса | 115. Гакукса |
| 87. Лижма | 116. Каршево |
| 88. Новинка | 117. Куганаволок |
| 89. Тулгуба | 118. Песчаное |
| 90. Чеболакша | 119. Пяльма |
| | 120. Римское |
| Медвежьегорский район | 121. Чуяла |
| 91. Великая Губа | |
| 92. Великая Нива | Сегежский район |
| 93. Вырозеро | 122. Валдай |
| 94. Загубье | 123. Вожма Гора |
| 95. Кижы | 124. Дуброво |

Костромская область	Волховский район
Галичский район	140. Блитово
125. Горюшкино	141. Верховина
126. Дудино	142. Вороново
127. Лихарево	143. Загубье
128. Ильинское	144. Прусуня Горка
	145. Рыбежно
	146. Сторожно
Мантуровский район	147. Шахново
129. Давыдово	
130. Медведево	Киришский район
	148. Дубняги
Павинский район	149. Клинково
131. Мундор Заболотный	150. Мотохово
132. Старая Дорога	Лодейнопольский район
	151. Акулова Гора
Пыщугский район	152. Алеховщина
133. Карманиха	153. Имоченицы
134. Крутая	154. Коковичи
	155. Кяргино
Солигаличский район	156. Пирозеро
135. Гнездниково	157. Тененичи
136. Совега (М. Токарево).	158. Шамокша
	Лужский район
Шарьинский район	159. Владычно
137. Старошангское	160. Югостицы
	Подпорожский район
Ленинградская область	161. Заозерье
Бокситогорский район	162. Корба
138. Бочево	163. Курпово
139. Мозолево	164. Пидьма

-
- | | |
|-----------------------------|----------------------------|
| 165. Ульино | 186. Еремина Гора |
| 166. Усланка | 187. Овинчище |
| 167. Шеменичи | 188. Поддубье |
| 168. Шустручей (Кипрушино) | 189. Полосы |
| 169. Юксовичи | 190. Середя |
| 170. Яндеба | 191. Угрива |
| Сланцевский район | |
| 171. Велетово | Волотовский район |
| | 192. Должино |
| Тихвинский район | |
| 172. Виногора (Шитиково) | Демянский район |
| 173. Куневичи | 193. Городилово |
| 174. Новинка | 194. Дуброви |
| 175. Пильдеж Гора | 195. Полново |
| 176. Пяхта | Любытинский район |
| Тосненский район | |
| 177. Рублево | 196. Хирово |
| | 197. Шубино |
| Новгородская область | |
| Батецкий район | |
| 178. Борок | Маловишерский район |
| 179. Воронино | 198. Гарь |
| 180. Дорогобуж | 199. Замостье |
| | 200. Карпина Гора |
| Боровичский район | |
| 181. Опеченский Посад | 201. Кленино |
| 182. Опеченский Рядок | 202. Марконицы |
| | 203. Сосницы |
| Валдайский район | |
| 183. Борцово | Крестецкий район |
| 184. Гагрино | 204. Волма |
| 185. Едрово | Маревский район |
| | 205. Новая Деревня |
| | Мошенской район |
| | 206. Матвеево |
| | 207. Устрека |

-
- | | |
|----------------------|----------------------|
| Окуловский район | Чудовский район |
| 208. Висленев Остров | 228. Коломна |
| 209. Каево | 229. Оскуй |
| 210. Малиновец | 230. Селище |
| 211. Сутоки | 231. Серебряницы |
| 212. Топорок | |
| Парфинский район | Шимский район |
| 213. Юрьево | 232. Коростынь |
| | 233. Мстонь |
| Поддорский район | Псковская область |
| 214. Лобыни | Гдовский район |
| 215. Перегино | 234. Горка (Заречье) |
| 216. Селеево | 235. Кунесть |
| Пестовский район | 236. Мда |
| 217. Ельнично | 237. Островцы |
| 218. Малышево | |
| Солецкий район | Тверская область |
| 219. Жильско | Бежецкий район |
| 220. Ситня | 238. Алабузино |
| Старорусский район | 239. Ивановское |
| 221. Взвад | 240. Морозово |
| 222. Корпово | Бологовский район |
| 223. Чертицко | 241. Выползово |
| Хвойнинский район | 242. Мыза |
| 224. Василево | 243. Сеглино |
| 225. Минцы | Весьегонский район |
| Холмский район | 244. Никулино |
| 226. Залесье | Кимрский район |
| 227. Наволок | 245. Бронницы |

Максатинский район	Ярославская область
246. Селищи	Брейтовский район
Сонковский район	250. Михалево
247. Власово	251. Соколы
248. Сараево	
Удомельский район	Некоузский район
249. Сельцо Карельское	252. Давыдовское

Б. СПИСОК ОБСЛЕДОВАННЫХ РАЙОНОВ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ

Антроповский — *Костромская область*

Бабаевский — *Вологодская*

Бабушкинский — *Вологодская*

Батецкий — *Новгородская*

Бежецкий — *Тверская*

Белозерский — *Вологодская*

Беломорский — *Карелия*

Бокситогорский — *Ленинградская*

Бологовский — *Тверская*

Боровичский — *Тверская*

Брейтовский — *Ярославская*

Буйский — *Костромская*

Валдайский — *Новгородская*

Вашкинский — *Вологодская*

Великоустюгский — *Вологодская*

Вельский — *Архангельская*

Верхнетоемский — *Архангельская*

Верховажский — *Вологодская*

Весьегонский — *Тверская*

Вилегодский — *Архангельская*

Виноградовский — *Архангельская*
Вожегодский — *Вологодская*
Вологодский — *Вологодская*
Волосовский — *Ленинградская*
Волотовский — *Новгородская*
Волховский — *Ленинградская*
Вытегорский — *Вологодская*
Галичский — *Костромская*
Гдовский — *Псковская*
Грязовецкий — *Вологодская*
Даниловский — *Ярославская*
Дедовичский — *Псковская*
Демянский — *Новгородская*
Дновский — *Псковская*
Кадуйский — *Вологодская*
Каргопольский — *Архангельская*
Кемский — *Карелия*
Кимрский — *Тверская*
Кингисеппский — *Ленинградская*
Кирилловский — *Вологодская*
Киришский — *Ленинградская*
Кичменско-Городецкий — *Вологодская*
Кологривский — *Костромская*
Кондопожский — *Карелия*
Коношский — *Архангельская*
Котласский — *Архангельская*
Красноборский — *Архангельская*
Краснохолмский — *Тверская*
Крестецкий — *Новгородская*
Ленский — *Архангельская*
Лесной — *Тверская*

Лешуконский — *Архангельская*
Лодейнопольский — *Ленинградская*
Лоухский — *Карелия*
Лужский — *Ленинградская*
Любимский — *Ярославская*
Любытинский — *Новгородская*
Максатихинский — *Тверская*
Маловишерский — *Новгородская*
Мантуровский — *Костромская*
Маревский — *Новгородская*
Медвежьегорский — *Карелия*
Междуреченский — *Вологодская*
Межевский — *Костромская*
Мезенский — *Архангельская*
Молоковский — *Тверская*
Мошенской — *Новгородская*
Мышкинский — *Ярославская*
Нейский — *Костромская*
Некоузский — *Ярославская*
Никольский — *Вологодская*
Новгородский — *Новгородская*
Нюксенский — *Вологодская*
Няндомский — *Архангельская*
Окуловский — *Новгородская*
Онежский — *Архангельская*
Островский — *Костромская*
Павинский — *Костромская*
Палкинский — *Псковская*
Парфеньевский — *Костромская*
Парфинский — *Новгородская*
Первомайский — *Ярославская*

Пестовский — *Новгородская*
Печорский — *Псковская*
Пинежский — *Архангельская*
Плесецкий — *Архангельская*
Плюсский — *Псковская*
Поддорский — *Новгородская*
Подпорожский — *Ленинградская*
Порховский — *Псковская*
Пошехонский — *Ярославская*
Приморский — *Архангельская*
Прионежский — *Карелия*
Псковский — *Псковская*
Пудожский — *Карелия*
Пыталовский — *Псковская*
Пыщугский — *Костромская*
Рыбинский — *Ярославская*
Сандовский — *Тверская*
Сегежский — *Карелия*
Сланцевский — *Ленинградская*
Сокольский — *Вологодская*
Солецкий — *Новгородская*
Солигаличский — *Костромская*
Сонковский — *Тверская*
Старорусский — *Новгородская*
Струго-Красненский — *Псковская*
Судиславский — *Костромская*
Сусанинский — *Костромская*
Сямженский — *Вологодская*
Тарногский — *Вологодская*
Терский — *Мурманская*
Тихвинский — *Ленинградская*

Тосненский — *Ленинградская*
Тотемский — *Вологодская*
Тутаевский — *Ярославская*
Удомельский — *Тверская*
Усть-Кубенский — *Вологодская*
Устьянский — *Архангельская*
Устюженский — *Вологодская*
Харовский — *Вологодская*
Хвойнинский — *Новгородская*
Холмогорский — *Архангельская*
Холмский — *Новгородская*
Чагодощенский — *Вологодская*
Череповецкий — *Вологодская*
Чудовский — *Новгородская*
Чухломский — *Костромская*
Шарьинский — *Костромская*
Шекснинский — *Вологодская*
Шенкурский — *Архангельская*
Шимский — *Новгородская*

В. СОКРАЩЕНИЯ

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

азерб. — азербайджанский
алб. — албанский
алт. — алтайский
англ. — английский
англосакс. — англосаксонский
араб. — арабский
башк. — башкирский
белорусск. — белорусский
болг. — болгарский

- венг. — венгерский
вепс. — вепсский
водск. — водский
гагауз. — гагаузский
герм. — германские языки
греч. — греческий
дат. — датский
диал. — диалектное
др. — древне-
ижор. — ижорский
ирланд. — ирландский
исп. — испанский
итал. — итальянский
казах. — казахский
кар. — карельский
кар. валд. — валдайский диалект карельского языка
кар. сев. — севернокарельский
кар. твер. — тверской диалект карельского языка
кар. тихв. — тихвинский диалект карельского языка
киргиз. — киргизский
коми-зырян. — коми-зырянский
коми-перм. — коми-пермяцкий
курд. — курдский
кыпч. — кыпчатские языки
латин. — латинский
латыш. — латышский
ливв. — ливвиковский диалект карельского языка
литов. — литовский
люд. — людиковский диалект карельского языка
манс. — мансийский
мар. — марийский
мерян. — мерянский
мокш. — мокшанский
морд. — мордовский

- нан. — нанайский
нем. — немецкий
норв. — норвежский
ног. — ногайский
ороч. — ороцкий
осет. — осетинский
перм. — пермские языки
польск. — польский
праслав. — праславянский
прафин. — прафинский
прус. — прусский
румын. — румынский
русск. — русский
саам. — саамский
саам. йокан. — йоканьгский диалект саамского языка
саам. кильд. — кильдинский диалект саамского языка
саам. кольск. — кольский диалект саамского языка
саам. лул. — лувльский диалект саамского языка
саам. норв. — саамский язык в Норвегии
саам. швед. — саамский язык в Швеции
саам. фин. — саамский язык в Финляндии
сербохорв. — сербохорватский
словен. — словенский
словац. — словацкий
татар. — татарский
тел. — телеутский
тувин. — тувинский
тур. — турецкий
тюрк. — тюркские языки
удм. — удмуртский
укр. — украинский
ульч. — ульчский
фин. — финский
франц. — французский

хак. — хакасский
хант. — хантыйский
чагат. — чагатайский
чеш. — чешский
чуваш. — чувашский
швед. — шведский
эрз. — эрзянский
эст. — эстонский
юкаг. — юкагирский
якут. — якутский

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

ВЯ — Вопросы языкознания
СФУ — Советское финно-угроведение
СЭ — Советская этнография
ЭО — Этнографическое обозрение
AUU — Acta Universitatis Upsaliensis
FUF — Finnisch-ugrische Forschungen
LSFU — Lexica Societatis Fenno-Ugricae
MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne
SKRST — Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia
SKST — Suomen Kielen Seuran Toimituksia
STT — Suomen Tiedeakatemian Toimituksia
SUSA — Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikauskirja
SUST — Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

АКД — автореферат кандидатской диссертации.

АДД — автореферат докторской диссертации.

ген. — генетив

диал. — диалектный

КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей. Хранится в СПбГУ.

КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Хранится в ИЛИ РАН.

ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров. Тема разрабатывается в ИЛИ РАН.

лат. — латив

н. п. — населенный пункт

оз. — озеро

ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование русских говоров, вепсских и карельских диалектов, проведенное автором.

р. — река

Сими́на — Словарная картотека пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ (ныне картотека СРНГ, хранящаяся в ИЛИ РАН).

Тр. МДК — Труды Московской Диалектологической Комиссии.

Сокращения названий районов (уездов) и областей (губерний) соответствуют сокращениям, принятым в Словаре русских народных говоров.

Алфавитный индекс материалов

- абло́й, 125
а́гма, 164
а́ккула, 320
акул, 320
аку́ла, 320
а́кшинье, 237
алак, 334
алык, 334
амато́кас, 29
ангас, 225
аптарага́н, 333
аптра́ш, 333
аптыра́к, 333
а́рба, 219
арба, 353
арбовати, 51
арбуи, 51
арбуй, 51, 258
арбу́й, 51, 338
аха́н, 341, 342
аханъ, 341
ашвен, 354
- ба́га, 86
байна, 282
ба́ка, 91
ба́клина, 91
ба́лка, 107, 283, 318
балкон, 59
ба́лька, 336
ба́ля, 299, 336, 337
- ба́нка, 188, 190
банка, 190, 191
ба́нька, 188, 190
банька, 190
бара́бка, 184
бара́бки, 184
бара́бы, 184
бара́ц, 222
барашек, 38
ба́рец, 222
барэц, 223
барз, 222
ба́рм, 115
ба́рма, 115, 347
барма́к, 115
барс, 222, 223
барсь, 222
барц, 223
ба́рчик, 222, 223
ба́рша, 222
ба́янка, 188
бель, 234
боговый, 38
божница, 282
бо́нга, 306, 307
бонга, 346, 351
бора́нда, 172
ботать, 265
брадъвь, 222
брады, 222
брeд, 82

- бред-, 82, 83
брeдá, 82, 327
брeдiна, 82
брeдина, 82
брeднiяк, 82
брeду, 82
брeсти, 82
брúдья, 324
брýдга, 324
брюдгá, 324
брюдга, 324, 325
брюдга, 324, 325
брюдгá, 325
брюдьга, 324
брюзгá, 324, 325
брюква, 159
брюльга, 324
брюнга, 324
брюньга, 325
бúква, 158
бúрандaть, 310
бурондaть, 310
бúса, 246
бусá, 246
буса, 246, 247
бусы, 246
бусы, 246
бúтки, 279, 347
бúхва, 159, 161
бúшва, 161
бúшма, 158, 159, 161
- вагом, 32
вáда, 205, 207
вáйда, 205, 207
вальчаг, 40–42, 317
вáльчаг, 41, 317
вальчáг, 42
вальчáк, 283
- вáльчак, 41, 317
вальчáковина, 41
вальчúг, 41
вальчюг, 42, 317
ванд-, 206
вáнда, 205–207
ванделый, 206
вáндыш, 206
вандыш, 60, 206
вандышник, 206
вáнна, 207
варáйдать, 75
варáш, 100
вáржа, 309, 360
вáта, 205
вашкáл, 268
вашкáла, 268
ведельё, 163, 327
вéйга, 200
вейч, 30
вéйчи, 30
велéи, 59
велеи, 59
велии, 59
вéнтерь, 211, 328
Вепсяручей, 346
верáнда, 171–173, 287, 315
Веранда, 172
вéрáнда, 273
Верандозеро, 172
Верандручей, 172
вéрга, 145
вергами, 171
верги, 165
Вéргой, 145
вéргой, 145, 147
вергой, 361
вéргою, 145
Веронда, 172

- верста колóменная, 141
ветлик, 67, 68, 75
ветлюк, 67
вётошь, 171, 188, 274
вётчон, 33, 134
вешка́рь, 267
вётошь, 188, 274
ви́гма, 293, 315
вигня́жник, 80, 81, 83, 309
вигня́к, 80, 81, 83, 309
Ви́илиси́ньга, 149
виклю́к, 68
виклюк, 75
Вили, 149
вильва́, 162
Вильсеньга, 149
виньга, 369
виня́к, 81
вирáнда, 171, 172
Вирандозеро, 172
вирáть, 18
вирáха, 172
вираш, 172
ви́рка, 18
ви́ска, 296
виска, 296
висл-, 180
витлю́к, 68, 309
витлюк, 75
вить, 189
во́лоть, 163
ворáнда, 172
ворáш, 100
во́юкса, 107, 283, 318
вб́ластить, 193
выра́нда, 171
вытлюк, 67
вядени́на, 163, 327
вядери́на, 163, 327
вятеръ, 211
вятерь, 211
вя́терь, 211, 328
вя́ха, 298
габу́к, 275, 309
га́бук, 312
габу́к, 99, 100, 306, 309
га́гач, 349
га́гачи, 180
га́йрус, 109
гайрус, 353
га́лага, 128, 132, 331
галадья́, 283
галанка, 159
галéй, 283
га́лея, 283
галога, 33, 353
га́лька, 322
га́нгас, 225
ганга́с, 225
гангас, 225
гангос́, 225
га́ндрас, 29
ганжа́, 358
га́рба, 217–219, 354
гарба, 353
га́рва, 200, 217–219, 354
Гарва, 217
гарва, 217, 341, 353
гарвами, 217
гарвах, 217
Гарвы, 217
гардоболь, 298
гаровная, 217
гаровные, 217
гаровъ, 54, 217
гарьва, 54, 217, 218
га́рьюс, 109

- гарьюс, 60, 62
гаўк, 100, 362
гаук, 361
гемяря, 353
генерал, 59
гёрпы, 183
гїгна, 30
гигна, 330, 353
гїгра, 367
гигра, 369
Гиёмькумба, 354
Гиервоозеро, 354
гиж-, 147
Гижезеро, 147
гимга́, 208
гїмга, 209
гирвас, 330, 353
гобега, 88
гобец, 45
гол, 129, 132
голанка, 159
голбец, 232, 233, 269, 324, 325
го́лбец, 45, 232
голов-, 155
гололёд, 129
голубец, 232
гонобо́ль, 37
горма, 353
го́рма, 87, 88, 260, 275
горма́га, 87
го́рмоветь, 66
город, 70
гоўбец, 45
градъ, 70
гру́да, 119–121, 275, 327
гуде́ва, 129
гудева́, 133
гудега, 129
гудега, 353
гумежи, 164, 307
гунгач, 308
гунгач, 353
гурьба, 108
гымга, 208
уайрус, 109, 354
уайрус, 110, 306, 359
уорма, 354
двинянам, 283
деньга, 34
дерево, 89, 265, 276
дигле́ц, 292
дигло́, 292
дні́ще, 121
до́нник, 121
дровяник, 282
дуб-, 242
дуб, 243
дуба́н, 242
дуба́ны, 242
ду́бас, 242, 243
дубас, 63, 242
дуби́на, 242
ду́льяс, 301
еловои, 53
ема́лтать, 31
ема́ндать, 31
эмега, 200
ера, 80, 323
ера́, 80, 82, 83, 323
ермега́, 126
э́рпа, 183
ерпя́к, 183
э́рши, 185

- ёлдыга, 61
ёна, 283
ёна́дна, 31
ёнди́на, 31
ёра, 83
ёрка, 80, 82, 323
ёрма, 87
ёрник, 80, 323
ёрпа, 183
ёрча, 185
ёрш, 185
ёрши, 185
- жега́льница, 113
жежелю́ха, 113
желинки, 195
же́стель, 84, 298
жиг-, 114
жи́галка, 113
жигáлка, 113
жигалю́ха, 113
жигать, 114
жиглу́ха, 113
жижел-, 114
жи́желик, 113
жижелю́ха, 113
жижл-, 114
жижле́ц, 113
жи́жлик, 113, 114, 285
жи́жлика, 114
жижлу́ха, 113
жи́жлуха, 114
жнитва, 265
жнитвина, 265
журавль, 38
- завёртка, 38
завязка, 326
за́колина, 181
- за́колье, 181
за́колья, 181
заку́кры, 49
заласти́ть, 193
Залахтовье, 293
залащивать, 193
захараве́ть, 133, 134
захе́рмихать, 133
защипывать, 214
зе́бель, 132
зели́нка, 195, 323
зели́нки, 196
зело́к, 195
зельи́, 195
зе́лье, 195
землянуха, 159
земь, 74
зень, 74
зенька, 73
зе́нька, 74
зеп, 337
зепь, 337
зи́нза, 234
зы́мза, 234
зы́мзы, 234
зы́нза, 234
зы́нзы, 234
зы́блина, 121
- йвень, 132
ивня́жник, 81
йгенет, 33, 135
йгна, 30
игна, 330, 353
идол, 59
измя́тина, 237
и́ндей, 132
и́нега, 189
ирвас, 330, 353

- йорма, 87, 353
- кабры, 135, 136, 259, 263, 289, 369
- кабры, 369
- кабуша, 285, 310
- кава, 285
- кага́ч, 178
- кага́ч, 179, 180
- кагач, 353
- кага́ча, 179
- кага́чи, 178, 180
- кага́чи, 179
- кага́чи́на, 180
- кагочи, 180
- ка́диска, 211
- казёнка, 232
- калабра, 85, 86
- ка́лайда́ть, 310
- ка́лайдать, 310
- кала́н, 344
- калга́, 344
- калгу́шка, 344
- калгу́шка, 344
- ка́левка, 159
- ка́лега, 126, 159, 200, 309
- калега́, 159
- ка́лека, 159
- ка́ли, 158
- ка́лива, 159, 160
- ка́ливка, 159
- ка́ливо, 160
- ка́лига, 158, 159
- ка́лига, 159
- калига, 295
- ка́лигва, 159
- ка́лижка, 159
- ка́лика, 158, 159, 161, 258
- ка́ли́кка, 159–161
- ка́ли́кка, 295, 365
- ка́литка, 159, 161, 365
- ка́литка, 161, 365
- ка́ли́ть, 160
- ка́ли́ца, 159
- ка́личина, 159
- ка́лия, 159
- каломище, 141
- калу́га, 173
- калу́жа, 173
- калу́жина, 173, 286, 308, 344
- калу́жка, 344
- калу́жье, 173
- калыга́н, 344
- ка́лья, 295
- ка́ля, 159, 160
- ка́ляга, 159
- каля́га, 159
- кама́й, 234
- ка́мбала, 55
- ка́мбы, 136, 137
- ка́мзы, 136
- камица́, 148
- кан, 45, 46
- кана́борник, 85
- канабра́, 85, 286
- канабра, 85, 86, 275, 276
- кана́бреник, 85
- кана́бреник, 85, 86, 285
- кана́брик, 85
- кана́ва, 86
- кана́вленник, 86
- кана́вник, 86
- кана́вра, 85
- кана́врик, 85, 259
- канарвник, 86
- канарник, 85
- кана́рник, 86
- Ка́нзанива, 165

- канибра, 85, 86
канка, 46
канобра, 85
каниок, 100
каниок, 46
каниа, 100
капуста, 159
кара, 308
карандыш, 88
карас, 269
карась, 269
карбас, 57
карбасина, 177
карбола, 30
кард-, 199
кардать, 199
кардать, 199
карды, 199
каренга, 78
каржать, 199
каржевина, 268
каржина, 231, 232, 332, 360
каржина, 268
каржина, 268, 269
каржинка, 268
каржины, 199
каржить, 199, 328
карз-, 231
карзалки, 199
карзать, 199
карзать, 199, 260, 286, 310, 332,
360, 361
карзать, 199, 328
карзать, 332
карзень, 268
карзикать, 199, 328
карзина, 231, 232, 332, 360
карзина, 268
карзина, 268, 269
карзить, 199, 328
карзник, 268
карзы, 199
кармус, 258
карниз, 59
карт-, 199
картать, 199
картить, 199
карья, 30
каска, 169, 308, 359
каслаться, 334
катач, 176
катиска, 211
катуга, 293, 315
катынь, 138
катышка, 211
каур, 224
качага, 98
кашка, 169
кебали, 136
кебяли, 136
кегач, 180
кегря, 145, 147, 260, 314
кедovina, 170
кедовина, 308
келес, 309
керба, 369
кербас, 298
кербасить, 298
кербасовый, 299
керда, 30
кердега, 310
керевод, 54
керегод, 310
керпач, 148
керста, 52, 142
керста, 52, 142, 143
керстица, 52, 142
кехтать, 286, 355

- кечіга, 289
кёрста, 142
кібас, 200
кібрик, 200
кибрик, 349
кібры, 309
кибры, 369
кибьяли, 136
кігачи, 314, 348
кигачи, 348
кид-, 125
кидять, 124
кідега, 124
кидь, 124
киёк, 222
кіжа, 124, 125
кіза, 341
кий, 222
киласы, 294
кілос, 293, 294, 315
кілоса, 293, 294
кілосы, 294
кілька, 55
кильнот, 326
кильця, 62
кінда, 283
кинжа, 366
кіньга, 208, 209
кірза, 119, 121, 275, 314, 331,
349
кирза, 120
кирьяк, 41
киса, 341
кисліка, 84
кіслица, 37
кисліца, 84
кисобый, 59
кит-, 125
кіта, 124
кітча, 124
китча, 125
кить, 124, 125
кіча, 124, 125
кичіга, 289
кичига, 63
кічка, 216
кіша, 124, 125
киюра, 221, 222
киюрка, 221
княж-, 84
княжанка, 84
княженіка, 84
княженіца, 84
княжіка, 84
княжіца, 84
княжішник, 84
князь, 84
кобандать, 310
кобарки, 135
кобец, 100
кобра, 219, 351
кобры, 135
кобры, 369
кобчик, 100
кова, 362
когачі, 180
когл-, 153, 155
когла, 151, 153, 156
когли, 153
коглина, 156
когло, 153
коглы, 153
когочи, 180
кодань, 225, 226
кожанки, 265
коза, 219
козья ива, 82
коївуд, 33

- кокóрка, 258
кóкошь, 151, 152
коку́шка, 219, 220
кóкша, 151, 258
кокша, 152
кокша́, 258
кóкши, 152
кол, 174
кола́йдать, 310
кóландать, 285
колокол-, 152
колоколéц, 153
колокóлина, 152, 153
колокóлка, 152, 153, 156, 308
колóмище, 140, 141
коломище, 52, 140, 141, 258
колóмки, 141
команíка, 37
кóмбушки, 30, 134
конáрник, 268
конга, 354
кóндий, 31
конёк, 100
кóник, 231, 232
коних, 100
кóпала, 101, 289
копала, 365
копалúха, 101
кóппала, 67, 100, 101, 312
коппала, 75, 365
кóшпель, 101
корба́, 258
корба, 53, 68, 75, 349, 370
кóрба, 53, 69, 258
кóрбас, 177
корба́ч, 177, 184
кóрбус, 258
корбушки, 69, 75
корва, 177
кóрва, 38, 177
корва́ч, 177, 184
Корга, 52
кóргá, 62
кóргáча, 185
корéнда, 260
коржа́ва, 127
коржавíна, 127
коржу́ха, 130, 132
користица, 52, 142
коромысло, 38
кóротни, 248
коротни, 248
корста, 52, 142
корстица, 52, 142
корт-, 199
кóртить, 199
кóртома, 299
кортóма, 31
кóртомíть, 299
коръста, 52, 142
коръстица, 52, 142
корыт-, 248
кóрюшка, 55
коря́нка, 260
котéц, 211
котколúкса, 200
коўд, 361, 362
кочма́рь, 224
кóшка, 57
кошма, 247
кошька, 52, 57
красноёрник, 80
кръста, 52, 142
кръстьица, 52, 142
кúба, 361
куба, 362
куба́к, 158
кúбас, 200

- кубáч, 157, 158, 258, 332
кúбáч, 72, 156
кубача, 157
кúбача, 289
кубáча, 72
кубачь, 157
кубоча, 72, 75
кубýрь, 224
кúва, 361
кува, 362
кúгач, 44, 45
кúгача, 44, 45
кугл-, 153, 155
кúглина, 151, 153–155
кúглина, 154
куглина, 154
куглина, 156
кúглины, 154
кúглитать, 155
кúгличать, 155
кугмак, 53
кугмакъ, 53
кугмáч, 53
кугра, 172
кугровина, 172
кúгровина, 172, 173
кудрявый, 210
кужа, 210
кúжа, 210, 211
кужель, 210
кужлевíна, 132
куйта, 261
кúйта, 8, 244, 261
кука, 49
кúка, 88, 222, 328
кúкакарáндыш, 88
кукарáндыш, 88, 274
кúкарач, 48
кúкиш, 89, 309
кúкиш-каранды, 309
кукиш-карáнды, 89
кúкишкарандыш, 274
кúкишкарáндыш, 88
кúкиш-карандыш, 89
кúкка, 260
кукка, 365
кúккора, 34, 35
куккыш-карангыш, 89, 309
кукл-, 155
кúклина, 155
куклина, 155
куколечек, 155
куколина, 155
куколка, 155
кúколь, 155
куколь, 155
кúкорач, 48
кúкорки, 48
кукош-, 88
кúкоши, 88
кúкошкарáндыш, 88
кúкры, 48, 49
кукры, 48, 49
кúкша, 98, 152, 350
кукшáк, 98
кúкшеньга, 98
кúкышкарандыш, 274
кúкышкарáндыш, 88
кúла, 186, 187, 274, 285, 331
кúлага, 186, 187, 274, 331
кúлаха, 186, 187, 274
кúлача, 186, 188, 274, 331
кúлгач, 44, 45
кúлгача, 44, 45
кúлгачи, 44
кúлёма, 299
кулига, 187
кули́га, 42, 273

- кúлога, 186, 274, 331
кúлоха, 186, 274, 331
кúлушка, 151
куль, 216
кульма́, 210, 216
кúльма, 267
кума́ника, 37
куманика, 37
кúмки, 151
куму́ши, 151, 156
кúмушка, 151
кúнджа, 97, 319
кúнжа, 97, 130, 132, 134, 268,
319
курга́, 131, 132
курж-, 126, 131
кúржа, 126, 127, 130–132
куржа́к, 126, 131, 134
кúржева, 126
кúржеве́нь, 126
кúржевень, 130, 131
куржеве́тина, 126
кúржеви́на, 126
кúржевина, 131
курже́вина, 134
кúржевица, 126
куржема́, 126
куржо́вина, 126
кури́к, 220
кúри́к, 220, 221, 295
курик, 295
кури́ти, 160
кúрлика, 221
кúрма, 209, 210
кúрмыш, 209
кúрна, 210
кúрник, 160
курок, 297
курчина, 234
куръ, 38
кúрья, 42
курья, 78
кут, 217
кути, 248
кúти, 261
куть, 217
кутька, 248, 261
кúтька, 8, 244, 261
куфт-, 133
кúхта, 130, 132, 134, 323
кучко, 63
кúша, 210
кърста, 52, 142
кърстица, 52, 142
къръстьца, 52, 142
кы́зы, 139
кы́лос, 293, 315
кю́рзии, 311, 349
кядови́на, 308
кя́рба, 184
кярбуз, 177
кя́рбус, 184
кя́рега, 14, 38, 189
кярега, 15, 349
кя́рза, 134, 361
Кятицы, 293
кя́ча, 98
ла́йба, 57
ла́йда, 57
ла́йды, 57
ла́ма, 263
ла́мба, 53, 364
ламба, 53, 92
ла́мбины, 166
ла́мбуга, 92
ламбушка, 92
ла́мка, 263

- лампуга, 92
лампуха, 92
ласт, 193, 248
ла́ста, 192
ласта, 193
ластега, 193
ла́стега, 67, 192
ла́стеги, 192, 194
ластежка, 193
ла́стежки, 192
ла́стенъ, 192
ластильная, 193
ластильный, 193
ластíльными, 193
ластинья, 67, 75
ластítь, 193
ластить, 193
ластítься, 193
ла́сты, 192, 194, 195
ла́тик, 113, 293, 315
ла́хта, 129, 285
лахта, 78, 135, 367, 370
лач, 73, 75
ла́ча, 73
лаци, 73
лащénья, 193
ле́гушка, 134
лед, 83
ледвенец, 83
леденец, 83
ледунéц, 83
ледунíка, 83
ледунíца, 83
ле́йма, 298
ле́мба, 144, 145
ле́мбой, 144, 145, 147
ле́мбос, 144, 145
ле́мбуй, 144
лепа́к, 112
лепу́н, 180
ли́бет, 31
Лиды, 165
ли́ндашка, 143
линдашка, 144
ли́па, 235
липа́га, 112, 309
липа́к, 112, 309, 364
липа́ч, 228
ли́пка, 228
липя́к, 112, 309
листега, 364
лию́ндра, 29
ло́вда, 200
ло́да, 307
лода, 62
ло́дма, 260
лодми́на, 260
ло́дог, 61
лодо́жина, 61
лодуга, 60
лоива, 258
ломóтник, 38
ло́парь, 113
ло́пырь, 113
лос, 193
лост, 193
лостíна, 192, 195
ло́стина, 194
ло́стить, 193
лостить, 193
ло́сты, 194, 195
лость, 193
лось, 193
лосью, 193
ло́х, 41
лох, 41, 55, 370
ло́хкы, 32, 38
ло́хта, 129, 183

- лохта, 135, 367
лохъ, 370
лошійльными, 193
лощить, 193
лубáнда, 279, 318
лúбега, 279, 319
лúгач, 61
луда, 61, 62, 71, 75, 78, 201, 352
лúда, 71, 198, 260, 285, 307
лúдега, 61, 189, 307
лúдера, 61
лúдога, 60
лудога, 61, 62
лудожная пальья, 62
лудожский сиг, 61, 62
лудыга, 61
лудья, 71
лúзик, 258
лузитка, 161, 365
лúзитка, 365
лúлаки, 274
лúмба, 279, 319
лумба, 319
лúмбега, 279, 319
лупірка, 113
лúпысы, 139
лучінки, 194
лы́ва, 285
лыги, 162
лыч, 162, 163
лычи, 162
ляпóк, 112, 323
- мага́йло, 260
ма́йда, 32
майдóха, 32
ма́йка, 106, 107
ма́ймакава, 273
ма́ймакала, 273
- ма́ймикаш, 33
ма́йтать, 31
макóска, 104
макс-, 106
ма́кса, 104–107, 260, 285
макса́, 106
макса, 201, 367
ма́ксица, 104
максó, 104, 105, 293, 315
ма́лкать, 31
малтала, 66
ма́лтать, 31, 66, 286
малтать, 75
ма́лтовать, 31
марандáха, 103
ма́рда, 205
ма́режа, 103
ма́режь, 103
марью́ха, 101, 102, 319
марью́шка, 101
марья́ж, 103
марья́жка, 103
ма́хтать, 355
ма́хты, 32
Мда, 293
меженный сиг, 62
мездра, 282
ме́нда, 205
менда́ч, 369
ме́ндры, 205
мень, 327
ме́рда, 202, 203, 212
мерда, 202–204
мердяно́й, 205
мерзля́к, 121
место, 38
мет-, 181
метать, 181
ме́щерка, 115

- мёгла, 285
мёрда, 203, 204
мёт-, 181
мидега, 189
могилёвский город, 144
мо́йва, 55
мокса, 367
мо́рда, 38, 56, 204, 212
морда, 62, 204
морда́ха, 103
морж, 56
моржъ, 56
мост, 290
мот, 17
мотать, 17
мотуга, 17
мотуха, 17
Мста, 40
мугач, 61
му́рондать, 32
му́стать, 299
му́стить, 299
мусти́ть, 299
му́хтать, 299
му́шкель, 327
му́шкиль, 327
му́штать, 299, 359
мы́за, 57, 74
мыза, 75
мыркает, 265
мырчит, 265
мырь, 108, 109, 283, 318
мянда, 275
мянда, 40, 54
мянда, 54, 94, 95, 205, 275–277,
369
мянда́к, 276
мянда́ч, 276
мяндач, 352
мянда́ч, 94
мянда́на, 276
мянда́вое, 276
мянду, 54
навага, 320
надья, 72
назем, 265
наро́т, 212, 328
на́тина, 162, 163
не́кось, 188
не́мка, 158
не́на, 33
не́ргач, 98
не́рет, 212, 328
нерета, 212
не́ро́та, 212, 328
нерпа, 56
не́гла, 285
не́рпа, 56
ни́ва, 165, 167
нива, 169
ни́вище, 167
ни́дега, 189, 307
нижи́на, 313
новина́, 167, 169
новна́я, 167
новь, 167
нодьё, 226, 326
но́дья, 72, 226, 326
нодья́, 72, 226, 326
но́дья, 75, 225
но́йка, 226, 326
нор, 293, 315
норот, 212
нот, 325, 326
но́та, 325
нотьё, 226, 326
но́тъя, 226, 326

- нудья, 177
нудья, 226
нудья́, 226, 326
нудья́, 326
нутья, 176, 226, 307, 326
нутья, 177
нютяги, 176, 307
нява, 97
нялега, 97
нярега, 97, 189, 307
нятина, 162
- обилие, 149
обласо́к, 248
областíть, 248
обло́й, 125, 132
обло́хвиться, 41
облоховле́нье, 41
облоша́нье, 41
облоша́ть, 41
облый, 248
обужб́ить, 133, 134
обуж́ить, 131
объя́лмовать, 133
объя́рметь, 133, 134
объя́рмовать, 133, 134
овечник, 82
огавре́ть, 132, 260
огаври́ться, 133
огу́деветь, 133
окунё́вая, 37
оку́нжеветь, 133, 134
оку́ржа́веть, 133
оку́ржать, 133
оку́ржеветь, 133
оку́фтиться, 133
оку́фтиться, 134
о́льга, 69, 70
ольга, 69, 70, 75, 364
- омёт, 181
о́миш, 32
о́рга, 71
орга, 71, 75
оси́новка, 242
осиновка, 248
оскуи, 54
остро́в, 182
островина, 100
остро́ви́на, 182
остро́вка, 182
остро́вь, 182
островь, 186
островье, 182
остроина, 100
остро́йна, 182
о́тега, 18, 19
отека́ть, 19
оте́чь, 19
отечь, 19
отгу́шка, 237
оття́га, 19
оття́гивать, 19
отя́га, 19
оха́н, 341, 342
охань, 341
оха́рмоветь, 133, 134
о́чичь, 125
Ошняк, 165
- па́жа, 139
па́жега, 139
па́йба, 32
па́йгус, 293
па́йка, 190
пайня́к, 80
пайняк, 83
па́кколка, 90
паккула, 365

- паккúла, 90
пáккула, 90, 91, 322, 365
пáккулина, 90
пакл-, 90
пáкла, 90, 91
пáклина, 90, 91
пáкля, 90, 91
пáколка, 90
пакула, 78, 365
пáкула, 90
пáкулина, 90
пáкулка, 90
пал, 167, 168, 170, 174
пáлеги, 174
паленíна, 168
палíть, 168
палíще, 168
пáлия, 55
пáлма, 170
пáлтега, 168
палтос, 62
пáлтус, 320
палтус, 62
пáлы, 156
паль, 167
пáлья, 55
палья лудная, 61
палья лудожная, 61
пáля, 167
пáнкарэги, 268
панкράч, 99
паперть, 230
пáпка, 91
пáпкула, 91
пáрага, 112
пáрак, 112
пáрака, 112
парачóк, 113
пáрба, 107, 109
пáрва, 107, 109
парва, 108
парвочка, 108
пáрýк, 112, 312
парить, 113
пáрма, 115, 312, 347
пармáк, 115, 116
пáрман, 115, 116
пáрсельга, 165
Пáрсканье, 165
пáрýга, 112
парýн, 113
парýшка, 113
паскарáга, 98, 99
паскáч, 277
пáскач, 98, 99
пáскрач, 99
паткула, 161, 365
пáткула, 91, 365
паўт, 116
пáхкула, 91
пахта, 236, 237
пáхта, 57, 236
пáхтанье, 236, 237
пáхтатъ, 236, 237
пáхтус, 236
пáча, 80
педáй, 30
пéить, 290
пéлька, 233
пельмени, 240, 333
пельмéни, 322
пельмéнь, 322
пéндус, 285
пенус, 285
перéдка, 230
Пересари, 293
перéтка, 230
перетка, 230

- перза́к, 215
пе́рзя, 215
перля́к, 104
перт, 229, 230
перть, 229, 230
перш, 215
пету́нник, 37, 89
петуння́к, 37, 89
пету́нье, 89
пету́нье дерево, 37, 84
пету́ньи, 89
пету́ньи ягоды, 37
петуши́на, 37, 89
петуши́нник, 37, 89
петушки́, 37, 84, 89
пету́шник, 37, 89
петушнѝя́к, 37, 89
пету́шьи ягоды, 37, 89
пеун, 265
печа́йник, 290
печа́льник, 290
пе́хтанье, 237
пе́хтать, 237
пи́занка, 191
пи́нгач, 271
пи́нда, 94, 268, 277, 285
пи́ндра, 94
пискати, 227
пистега, 225, 228
пи́стега, 227
пи́тник, 176
пихка́, 130, 319
пи́хта, 130, 132, 319
пи́щик, 227
пиявка, 36
погост, 141
подо́шва, 121
подпа́хтанье, 236
поду́шка, 233
подушка, 233
по́дчек, 168
по́дчека, 168
пожа́рник, 36
полу́шка, 104
поморы, 283
порато, 265
по́рега, 295
порѝега, 295
порѝчка, 83, 328
по́рнас, 215
порнасами, 215
поро́га, 294, 295
порозмалтались, 66
порозмалтаться, 66
порочка, 198
поты́лить, 165
по́ччека, 168
по́ять, 290
прѝ, 50
призагормоветь, 66, 75
приомалтался, 66
приомалтаться, 66
при́переток, 230
приперть, 230
припѝртъ, 230
пукша, 349
пу́кша, 350
пу́нда, 200
пурга́, 57
пу́рик, 221, 295
путика́ны, 270
путика́шки, 270
пу́тка, 350
путка, 350
пу́тки, 279, 347, 350
путки, 350
пърѝ, 50
пывзан, 230

- пы́жик, 322
пы́рть, 230
пьяни́га, 36
пья́ника, 36
пья́ника, 36
- ра́вас, 33
ра́вга, 139
равина́, 293
ра́га, 34
рага, 364
ра́гно, 150
Ра́гнозеро, 150
ра́гушка, 34
рада́нка, 48
ра́дыли, 48
ра́ега, 170, 315
ра́ек, 170, 315
ра́ека, 170, 315
ра́заги, 170, 308
ра́йда, 81–83, 285
райдина́, 81
райдóвник, 81
ра́йка, 170, 315
расши́мóтить, 138
расшингивать, 199
ра́тка, 46, 47
ратка, 48
ра́хта, 237
ра́йка, 170, 315
регеля́, 175
ределя́, 175
релка, 290
ремóк, 63
рендá, 289
ренжа, 328
реньжа, 328
репуга, 55
рёча, 123, 370
- ржа, 127
ри́га, 57
ригачь, 57
ригеля́, 175
риделя́, 176
ри́жи, 166, 271
рижи, 314
ри́нда, 200
рипа́к, 364, 365
рипсоватый, 66
ри́пус, 56
ровга, 117
ро́вга, 117, 118, 275, 285, 286
ровда, 117
ро́вда, 117–119, 121, 275, 285,
331
ровда́, 331
ро́вка, 117
ровка, 117
ро́вница, 166, 273, 314
рога́ль, 248
рога́тина, 181
рога́тка, 181
рога́то, 34
рога́ч, 181
ро́гда, 117, 119, 121, 285
рогóз, 185
рогóза, 185
роёк, 261, 262
ро́йда, 117, 119, 121
ро́йка, 245, 262
ро́йки, 245, 261, 262
ро́йки, 248
ро́кша, 285
ро́мжа, 87
роможня́к, 87
ро́нга, 271
ро́нда, 117, 119, 121
ронжа, 328

- роньжа, 328
ропотча́, 53
ропочаг, 40
ропочагъ, 53
ропоча́жник, 53
ро́почь, 53
роўга, 118
роўда, 119
роўда, 118
ро́фкач, 354
рофкач, 358
рофка́ч, 361
рофкачи́, 274
рофкачи, 274
рохкалі́, 274
рохкач, 358
рохкачи́, 274
ро́хлые, 274
ро́хлый, 274
рошкачи, 354
ру́гач, 243, 248
ругача, 243
ругача, 244, 248, 261
ру́гачи, 243
ругачи, 243, 244
ругоча, 243
ру́жега, 166, 271, 314
ру́жина, 271
ру́мбега, 129, 270, 314, 318
румбега, 279
рунду́к, 232
рундук, 232, 233
ру́па, 62
рупачи, 62
ру́ндяга, 129, 132, 319
рыть, 39, 262
ру́ожа, 285, 287, 367
рядки, 47
ря́мига, 129, 132, 319
рямки́, 63
рямки, 63
рямо́к, 63
ря́нда, 121–123, 272, 279, 289, 331
рянда, 369
ряндега, 121, 122
ря́нжа, 121, 123, 331
ря́ньга, 121–123, 279
ря́пушка, 56
ря́ченга, 99, 270, 331
саба́н, 338
сабы́н, 338
са́га, 298
сага, 298
Сай-, 143
са́йва, 347
са́йда, 56
са́йка, 74
сайка, 74, 75
саймига, 143
Са́ймига, 143
са́йпа, 338
Сайпелда, 143
сак, 206
сакови́к, 206
сала́г, 113, 293, 315
сала́га, 104
са́лага, 360
сала́к, 104, 113, 293, 315
сала́ка, 56
салачо́к, 104, 293, 315
са́лма, 28, 53, 70, 276, 359
салма, 70
сара, 183
са́рга, 190, 285
Сарга, 302
сбивалка, 236

- сваливается, 42, 317
сва́ра, 17
свара, 18
сва́ривать, 18
сверя́живать, 18
све́рывать, 18
свина́рник, 86
свину́шник, 86
селга, 53
се́льга, 53, 143, 359, 360
селю́ги, 143
се́ньга, 149, 290, 369
сестре́ника, 83, 279, 309
сестре́ница, 83, 309
сестре́нцы, 83, 309
сестре́нь, 83, 309
сестря́нка, 258
сестря́нка, 83, 309
се́мга, 326
сиг, 56, 60, 61
сиг верхосвирка, 62
сиг зобатый, 62
сиг-килец, 62
сиг-лудога, 62
сиг низовой, 62
сиговина, 56
сиголовый, 62
сиг паровой, 62
сиг песочный, 62
сиг песчаный, 62
сиг проходной, 62
сиг свирский, 62
сиг шальский, 62
сизьма, 366
си́ка, 298
сикляки, 38
си́ма, 200
сима, 63
-синьга, 149
скач, 99
ски́рда, 121
скра, 34
скуи, 54
слаща, 159
сля́ка, 126
слякоть, 272
согра, 55
согръ, 55
со́йма, 58, 359
солóменный, 53
соломя, 28, 52, 70
солóмя, 53
сора, 183
со́риус, 110
со́рка, 183
сорога, 60, 73
со́рье́з, 110, 111
сорье́з, 298
сосунок, 297
со́хи, 177
сошва́ривать, 18
стар-, 188
старая ку́ла, 186
старі́ца, 188
ста́рица, 36
старня́к, 36, 188
старьё, 188
сте́ржень, 121, 275
стожно́е, 38
стоя́к, 233
струг, 244
су́зьма, 366
супе́ц, 293
су́рпа, 207
су́рпа, 207, 208, 335
су́рпа, 207
сурьпа, 207
сырп, 207

- сюзьма, 366
Сюрнива, 165
сяньга, 102, 149, 290, 359, 369
сярга, 73
- тавляя, 59
тагас, 268
тагас, 40
тагун, 339
тагуны, 339
тайбина, 161
таймень, 161
таймина, 161, 163
таймина, 162
тали́на, 82
тальник, 82
тамар, 334
тарелка, 330
тарзать, 199, 332
тасма, 31
тебе́ка, 158
те́гря, 145, 260, 314
терebить, 297
терпя́к, 183
тетива, 163
тетива́, 163
те́рда, 120, 121
тибрушки, 309, 349
тигачи, 348
ти́кач, 365
ти́нда, 283
ти́рза, 120, 349
токма́рь, 223
токма́ч, 223, 224
то́ро́с, 320
трава, 37
третьяк, 297
тру́бица, 199
тру́бка, 199
- туг, 339
тугу́н, 339, 340
тугун, 340
тугуны́, 339
ту́ес, 322
туес, 333
ту́кач, 156, 157
тукма́ч, 223, 224
тумак, 223
ту́ндра, 57
тур-, 198
ту́ра, 96
ту́ра, 96
ту́ра, 96, 104
турачек, 196
тура́чка, 196
турачка, 198
турашка, 198
ту́рба, 38
турба́к, 103, 263, 341
турбе́нь, 103, 263, 341
турбу́к, 104
тури́к, 104, 197, 341
турик, 196, 198
ту́ри́к, 196, 342
тухма́рь, 223, 224
тухма́ч, 223, 224
тыгу́н, 339
Тылай, 165
тю́дега, 170, 174
тюк, 156
тю́ка, 131
тюкачо́к, 157
тю́ктя, 83
тюр-, 198
тю́рба, 38
тю́рбень, 38
тюрбень, 38
тю́рзи, 311, 349

- тјорик, 196
тјорік, 196, 197, 342
тјурік, 197, 198, 342
тјурик, 63, 196, 198
тјуричок, 197
тјурюк, 197
тјуряк, 196
тјурячѣк, 196
тјюстяк, 139
тјютежі, 174
тјютижи, 174
тјютяк, 93
тјюхтя, 83
тјючитка, 156
тјючіща, 156
тјючок, 156, 157
тјага, 92
тјагега, 14, 189
тјагега, 15, 349
- ўжбега, 131–134, 313
ўйга, 170, 308
ўйта, 273, 279
ускуи, 54
ўши, 38
ўшкай, 54
ушкал, 54
ушкой, 360
ўшкой, 54
ушкóй, 54, 245
ушкойка, 245, 248
ушкóйка, 54, 245
ушкол, 54
ушкуи, 54, 258
ушкúй, 54, 360
ушкуйка, 54
ушкуль, 54
ўшница, 38
Фоймогуба, 358
- фонга, 87, 354
форма, 286
форма, 354
фóрма, 87
- хайрус, 109, 353
ха́йрус, 287
хала, 33
халат, 358
халепа, 125
халиба, 125
халибень, 125
халипа, 125
хальба, 125
хальпа, 125
ханджа, 358
ханжа, 358
ханжúха, 358
хапану, 33
харавей, 126
харавей, 130, 132, 134
харавесь, 126
хараветь, 126
харак, 270
харбовина, 126
харва, 218, 219, 354
харва, 54, 341, 353
харез, 109
харес, 109
хариус, 109
харм-, 126
харм, 126
харма, 126–128, 130, 132–134,
331
харма, 133, 353, 369
хармовина, 126
хармовина, 126
хармоха, 126
харовей, 126

- харовъ, 54
харус, 109
харъ, 54, 218
харьюс, 109
хáрюз, 109
Хебойгуба, 346
херма, 133
хермеха, 133
хермиха, 133
хíгна, 30
хигна, 330, 353
хиж-, 147
Хижезеро, 147
хíжи, 170
хим, 137
хíма, 137
хíмка, 137
хíмы, 137, 138
хóбры, 135
Хоймова губа, 358
Хоймогуба, 358
хóка, 146, 147, 260
хóнга, 352, 353
хонга, 87
хоровей, 126
- цен, 194
ценá, 194
цénка, 194
цénки, 194, 196
ценовá, 194
ценовки, 194
цéны, 194
цёмор, 146
цигала, 348
цигалá, 349
цигачí, 349
цiгмар, 364
Цилинский ез, 368
- цЫгáла, 349
Цыльма, 368
цынЫ, 194
цЮнда, 146
- чаба, 92
чáбега, 170, 308
чава, 92
чага, 333
чáга, 91, 322
чагла, 92
чагна, 92
чада, 92
чáдо, 92, 296, 322
чáжега, 92, 322
чáка, 92
чáмка, 92, 319
чáмха, 92, 319
чапови́ца, 364
чáча, 92
чеврой, 75
чéга, 92
чекмарёк, 224
чекмáрь, 224
чеку́ка, 224
чекуша, 224
челмужский сиг, 62
чепать, 89
чепу́рник, 89
чесалки, 199
чесать, 199
чéчка, 147
чёлм-, 215
чiггалá, 348
чигала, 348
чигалýха, 114, 314
чигачи, 348
чи(е)пать, 89
чи́лики, 166

- чильма, 367, 368
чільма, 368
чїмбица, 364
чїмер, 364
чипарїга, 89, 274
чипарїжник, 274
чипарїс, 89
чипарыжник, 89
чипать, 89
чипорас, 89
чипорыга, 89
чїрандаты, 99
чирандўшка, 99
чиркўн, 342
чолма, 214, 215, 319
чолма, 368
чомор, 146
чохмарь, 224
Чудская Рудница, 293
чўньга, 177
чуп, 212, 213
чўпа, 200, 244, 245, 287
чўпá, 212, 213
чўпас, 245
чўпник, 213
чўппа, 200, 212, 214
чўпус, 245, 287
чўпы, 287
чўра, 364
чустяк, 139
чухмарь, 224
чухч, 102
- шага, 92
шаглы, 286
шайма, 97
шакша, 124
шакша, 124
шакша, 237
- шалáка, 263
шалака, 360
шáлги, 286
шалгўн, 352
шáлепа, 125
шáлипа, 125
шáнга, 238
шáнежка, 238
шанежка, 239
шáнечка, 238
шáньга, 238, 240, 241, 296
шаньга, 63, 238–240
шаньги, 238
шарáга, 182, 183
шаром, 186
Шáрьханива, 165
шаряк, 182, 183
шáхи, 177
шахи, 177
Шáхтиполе, 165
шейма, 75
шэльга, 96, 312, 360
шерсть, 111
шид-, 146
Шидбой, 146
Шиднема, 146
Шидозеро, 146
шижлик, 113, 114, 275, 276
шїма, 138
Шїма, 138
шимáк, 138
шимáх, 138
шїмы, 138, 259
шїна, 190
шїнгатъ, 199, 359
шинговать, 199
шїнка, 188, 190
шинковать, 199
шїньгатъ, 199

- ши́паки, 287
ши́пша, 287
ши́ра, 31, 299
ши́рка, 293
ши́тик, 248
шиш, 146, 147
ши́шко, 147
шля́коть, 272
шля́ча, 126, 272
шобайда́ть, 359
шо́га, 286
шо́леник, 96, 331
шо́льга, 96
шольга, 96
шо́льга́, 96, 331
шо́льдига, 96, 331
шо́льник, 96, 331
шоро́мы, 185, 186, 323
шо́рпа, 182
шорпа́к, 182
шорпаки́, 182
шорпаки, 182
шо́рпы, 182
шря́нда, 121, 123
шубянки, 265
шуга́, 295
шуйга́, 295
шульга́, 97, 285, 295, 331
шурпаки́, 182
шурпачи́, 182
шуя́, 295
- ще́льга, 72
щельга, 75
ще́лье, 72
щети, 199
щетки, 199
ще́льга, 72
щипа́ть, 214, 274
- щипи́чник, 89, 274
щу́па, 214, 312
- ю́дега, 129, 132
юдега, 353
ю́ма, 247
юма, 247
юнга́ч, 353
ю́нда, 200
юнда, 40, 54
ю́р, 108
юра́га, 237
юрба́, 108
ю́рик, 363
ю́ркий, 108
ю́ро, 108
юро́, 108
юро́вая яма, 108
ю́рок, 108
юро́к, 108
юру́, 108
юры́, 109
- я́года, 37
ягоды, 89
я́лгушка, 232, 269
ямный сиг, 62
ямя́ря, 353
я́нга, 363
яра, 80
я́рка, 337
я́рм-, 133
я́рмега, 126, 128, 129, 132–134,
270, 331
я́рмега, 353
я́рпяк, 183
я́юкла, 30